Антология педагогической мысли России XVIII в.

Антология педагогической мысли России XVIII в.

Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв.

Антология педагогической мысли России XVIII в.

Антология педагогической мысли народов СССР

Академия педагогических наук СССР

Антология педагогической мысли России XVIII в.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ ТОМА:

Г. Н. Волков,
С. Ф. Егоров,
А. Н. Копылов

Москва
«Педагогика»
1985

Автор статьи «К читателям»
первый заместитель министра просвещения СССР *Ф. Г. Паначин*

Вступительная статья, биографические очерки,
составление и примечания *И. А. Соловкова*

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *А. Ф. Захаркин*,
доктор исторических наук *Л. Н. Пушкарев*

Антология педагогической мысли России XVIII в.
А 72 /Сост. И. А. Соловков.— М.: Педагогика, 1985.— 480 с., ил.
Пер. 2 р. 70 к.

В книге впервые представлено педагогическое наследие России XVIII в. В хронологическом порядке прослеживается развитие русской прогрессивной педагогической мысли, публикуются подлинные тексты просветителей: ученых, писателей, педагогов — по вопросам воспитания и образования.
Для специалистов в области педагогики, работников народного образования.

4302000000—54
А————————2—85
005(01)—85

ББК 74.03(2)

К читателям

Нет, ты не будешь забвенно,
столетье безумно и мудро.

А. Н. Радищев

Наше время можно назвать временем расцвета школы и педагогической науки, о чем убедительно свидетельствуют «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». «Все ценное, добытое трудом нескольких поколений педагогов, советской школой и педагогической наукой, все выдержавшее проверку временем,— указывается в главном документе о реформе советской школы,— должно быть бережно сохранено и активно использовано»[1]. Поэтому заслуживает одобрения и поддержки решение АПН СССР и издательства «Педагогика» о выпуске многотомной «Антологии педагогической мысли народов СССР». Ведь, пожалуй, никогда в прошлом интерес к истории народов СССР, их культуре, науке и образованию не был столь активным, как в настоящее время, в эпоху строительства в СССР развитого социализма.

«Антология педагогической мысли России XVIII в.» освещает развитие школы и педагогической науки в этот период. В томе представлены ценные, наиболее типичные документы и материалы, воссоздающие картину становления, развития, совершенствования учебных заведений всех ступеней образования, самобытность русской педагогической мысли. Каждая публикация в настоящем томе несет в себе ту или иную смысловую педагогическую нагрузку, причем многие фрагменты из нормативных документов, педагогической публицистики выдающихся общественных и государственных деятелей, ученых, писателей, педагогов, просветителей сохранили практическую ценность до настоящего времени.

В истории отечественной школы и педагогической мысли мы черпаем опыт, на основе которого образуется живая часть нашего практического ума, нашей повседневной действительности. Добрые страницы истории школы порой важнее некоторых современных посредственных сочинений. Знание истории необходимо каждому образованному человеку, а педагогу в особенности. Один из первых русских историков, крупный государственный деятель XVIII в.

[1] О реформе общеобразовательной и профессиональной школы: Сб. документов и материалов. М., 1984, с. 63.

В. Н. Татищев считал, что человек, не знающий истории, «совершен мудр и полезен быть не может».

XVIII век — век позднего феодализма, когда происходили существенные сдвиги в социальных отношениях, экономике и культуре страны. Создание абсолютной монархии и мощного государственного аппарата, рост промышленности и торговли, строительство регулярной армии и флота выдвинули настоятельную потребность в подготовке кадров, в проведении просветительских реформ.

XVIII век — век немалых свершений в сфере образования, эпоха создания сети государственных общеобразовательных и профессиональных школ разных типов, Академии наук, Российской академии для изучения русского языка, Петербургской учительской семинарии, на базе которой в начале XIX в. возник первый педагогический институт, светских учебных заведений для женщин, Комиссии об учреждении училищ, преемником которой стало впоследствии Министерство народного образования. Уже в начале XVIII в. в лексикон русского языка вошли такие слова, как «академия», «университет», «гимназия», «школа», «учебник», «учитель». Вместе с тем XVIII век — век «просвещенного абсолютизма» — был веком массовой неграмотности простого народа — крепостного крестьянства и городской бедноты.

Следует, однако, подчеркнуть, что многие крупные ученые-педагоги XVIII в., представленные в «Антологии», вышли из простого народа. Это сын неграмотного рыбака-помора М. В. Ломоносов, сын бедного сержанта X. А. Чеботарев, сын унтер-офицера Н. Г. Курганов, сыновья крестьян М. Е. Головин и П. А. Сохацкий и другие.

В «Антологии» убедительно показан большой вклад ученых Академии наук, Московского университета, являющегося в ту пору подлинным центром педагогической науки, ряда видных представителей государственных органов в развитие русской педагогической мысли, в дидактику и методику. В произведениях выдающихся просветителей XVIII в., особенно в работах великого ученого и педагога М. В. Ломоносова, содержатся общедидактические принципы образования детей и молодежи, которые не только не устарели, но «живут и работают» и в наши, совсем иные дни. В проекте «Регламента московских гимназий» М. В. Ломоносов писал: «Во-первых, при обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство» (с. 95 наст. изд.). А какое огромное значение имела «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, вышедшая в середине XVIII в., его исключительно верная и образная оценка русского языка, воплотившего в себе великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и краткость греческого и латинского языков!

В оригинальных педагогических сочинениях, педагогических трактатах и речах профессоров Московского университета изложены прогрессивные искания в области воспитания и обучения российского юношества.

В конце XVIII в. жили и боролись за светлые идеалы в области просвещения такие выдающиеся просветители-демократы, как Н. И. Новиков, А. Н. Радищев и их последователи, стоявшие у истоков революционно-демократической педагогики XIX столетия. Феномен «просвещение народа» в произведениях и практической деятельности А. Н. Радищева составлял неразрывную часть его революционной борьбы против царизма и феодально-крепостнического строя. В «Беседе о том, что есть сын отечества», вышедшей в свет в знаменательном 1789 г., когда началась буржуазно-демократическая революция во Франции, он писал: «Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится к прекрасному, величественному, высокому» (с. 378 наст. изд.). Екатерина II в книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» увидела «набат революции».

Ряд документов и материалов о школе XVIII в. был опубликован в сводах и собраниях законов, уставах, постановлениях, предписаниях и других актах государственных органов, а также в различных хрестоматиях, изданных до Великой Октябрьской социалистической революции и в годы Советской власти. Однако в настоящее время за давностью лет большинство книг по этой тематике можно найти только в крупных государственных или личных библиотеках. Поэтому выход «Антологии педагогической мысли России XVIII в.» является весьма своевременным.

Историко-педагогическая литература XVIII в. всесторонне еще далеко не изучена, многие педагогические сочинения прогрессивных мыслителей, педагогов, представляющие значительный интерес в развитии русской педагогической мысли, малоизвестны или неизвестны совсем. В «Антологии» опубликованы ранее не издававшиеся в советской историко-педагогической литературе документы и педагогические произведения, характеризующие попытку создания в России в XVIII в. государственной системы народного просвещения; в книгу включены фрагменты государственных указов об открытии различного типа школ и учебных заведений, основных документов школьных реформ.

Впервые советский читатель познакомится со многими учебными пособиями, созданными прогрессивно настроенными учеными Академии наук и профессорами Московского университета, в которых авторы не только отразили уровень научных достижений в области познания живой и неживой природы, науки о родном, русском языке, но и достижения отечественной художественной литературы, культуры, успехи тогда еще только формирующейся педагогической и методической науки. Однако основное внимание в «Антологии» уделено сочинениям, в которых авторы затрагивают вопросы обучения и воспитания периода становления, формирования самобытной отечественной педагогики. В одних работах раскрыты проблемы, касающиеся просвещения в России вообще, в других — проблемы умственного,

нравственного, трудового, эстетического воспитания. Ставились вопросы о взаимосвязи общего и профессионального образования, общественного и домашнего, светского и религиозного воспитания, учета уровня развития науки о воспитании при создании учебных пособий для детей; уделялось внимание борьбе с суевериями при воспитании подрастающего поколения.

«Антология педагогической мысли России XVIII в.» условно разделена на три относительно самостоятельных периода развития школы и педагогической мысли. Такое деление не нарушает исторического подхода к показу оригинальных историко-педагогических документов. Каждый период содержит пояснительный материал — биографические очерки о видных деятелях науки и просвещения и комментарии. Иллюстративный материал дополнит представление читателя о развитии педагогики в XVIII в. В томе помещены титульные листы лучших учебных книг, различные «Азбуки», рисунки учебных заведений того времени, даны портреты общественных и государственных деятелей, ученых, педагогов, работы которых опубликованы в «Антологии». К сожалению, удалось разыскать не все портреты профессоров Московского университета первых десятилетий его существования, внесших огромный вклад в создание учебных книг для народных училищ, в развитие прогрессивной педагогической мысли второй половины XVIII в.

Естественно, что настоящая книга не охватывает всего богатства документов и других источников, но она позволяет читателю представить особенности развития школы и педагогической мысли России XVIII в.

Слово «антология» буквально означает «собрание цветов». То есть в «Антологии» должны концентрироваться наиболее существенные, яркие сведения и материалы по той теме, которой она посвящена. Думается, настоящий том отвечает этим требованиям. Изданием будут пользоваться ученые, педагоги, студенческая молодежь, широкие круги читателей — словом, все, кто проявляет интерес к истории советского народа, к замечательным памятникам культуры прошлого.

Первый заместитель
министра просвещения СССР

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА И ЗАРОЖДЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Развитие педагогической мысли и просвещения в России в XVIII в. происходило в условиях социальных преобразований в экономической, политической и культурной жизни, осуществляемых Петром I (1672—1725). Реформы Петра I были исторически закономерным явлением, обусловленным предшествующим внутренним развитием России, резким обострением классовых противоречий в конце XVII в., а также положением страны на международной арене. Как писал Ф. Энгельс, Петр I «...первый в полной мере оценил исключительно благоприятное для России положение в Европе. Он ясно... разглядел, наметил и начал осуществлять основные принципы русской политики»[1].

Деятельность Петра I отвечала прежде всего интересам господствующих классов, подъем экономики страны был достигнут за счет усиления эксплуатации народных масс. Преобразования не только не ломали сложившегося социально-экономического строя, а, напротив, еще более упрочивали господство дворян, укрепляли положение купечества. Социальная политика была направлена на усиление крепостной неволи крестьян, расширения права помещиков над имуществом и личностью крепостных. Петр I заменил подворное обложение крестьян подушной податью, издал указ, по которому владельцам мануфактур разрешалось покупать крестьян для работы на промышленных предприятиях. Сопротивление народных масс растущему угнетению вылилось в крупные народные восстания (Астраханское восстание 1705—1706 гг., Булавинское восстание 1707—1709 гг.,), жестоко подавленные царским правительством.

Изменения в экономике и государственном управлении, создание регулярной армии и флота, расширение связей с другими странами требовали подготовки значительного количества квалифицированных специалистов в различных областях знания. В начале своего правления Петр I с целью обучения русских людей приглашал иностранных специалистов. Постепенно были созданы национальные кадры в различных областях экономики, администрации, культуры, в значительной степени заменившие иностранцев.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 20.

Большое значение для последующего развития русской культуры имели реформы Петра I в области просвещения, хотя они и носили ярко выраженный сословный характер. «Просвещение явилось... девизом царизма в Европе в восемнадцатом веке»[1],—писал К. Маркс. Были открыты государственные светские школы, сыгравшие важную роль в развитии промышленности, науки, культуры, просвещения, укреплении государственного аппарата. Реформы Петра I ликвидировали монополию духовенства в области образования, хотя церковь по-прежнему играла большую роль в идеологической жизни страны. При всей классовой ограниченности школьные реформы петровского времени оказали большое влияние на развитие просвещения в России.

Организация и содержание школьного обучения первой трети XVIII в. отражали прогрессивные явления культурной жизни России. Учебно-воспитательные учреждения создавались с учетом реальных нужд государства. Так, одна из первых школ, открытых Петром I 14 января 1701 г. в Москве, носила название «Школа математических и навигацких наук, т. е. мореходных хитростно наук учению». Она была первой в Европе, где в государственном масштабе осуществлялась профессиональная подготовка на основе широкого общего образования. Школа математических и навигацких наук просуществовала до 1752 г. и только за первые 14 лет подготовила 1200 специалистов морского дела. Позднее на базе этого учебного заведения в 1715 г. в Петербурге была открыта Морская академия. В школу, как значилось в императорском указе, следует «избирать добровольно хотящих, иных же паче и сопринуждением», иначе говоря, дворянских детей, которых нередко заставляли учиться насильно. В школу привлекались дети не только дворян, но и дьяков, подьячих, посадских людей, солдат.

В качестве преподавателей кроме иностранных профессоров были приглашены видные ученые Киевской академии, в частности Л. Ф. Магницкий, автор книги «О поэтическом искусстве», знаменитого учебника «Арифметика сиречь наука числительная». Контингент учащихся школы определялся в 200 человек, позднее — в 500, возраст учащихся — от 12 до 17—20 лет. Занятия начинались с изучения российской грамоты и счета в подготовительных классах, называемых русской школой. После русской школы — в цифирной школе воспитанники овладевали арифметикой, геометрией, тригонометрией; в старших классах занимались навигацией, морской астрономией, географией, геодезией, фехтованием.

Теоретические знания, получаемые учащимися, органически увязывались с их будущей практической деятельностью. Школа сыграла видную роль в подготовке специалистов различных отраслей хозяйства, управления, культуры, науки, морского флота. Нередко ее воспитанники становились преподавателями открываемых училищ. С созданием Морской академии московская Школа математических и навигацких наук становится подготовительной ступенью

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 24.

для продолжения образования в петербургской Морской академии. Успешно развивались горнозаводские школы в Олонецкой губернии при Петровских заводах, школы на Урале; на тульских заводах обучали оружейному делу, готовили кузнецов, слесарей, столяров, Следовательно, уже в начале XVIII в. в России создавалась система профессионального образования на базе углубленной общеобразовательной подготовки.

Быстро развивающаяся промышленность, новая система монархического управления требовали квалифицированных специалистов. В первой трети XVIII в. открываются инженерно-артиллерийская школа для обучения «пушкарских и иных посторонних чинов людей их словесной письменной грамоте, цифири и иным инженерным наукам» (1701); инженерная школа для дворянских детей в Москве (1712); инженерная и артиллерийская школы (1719) в Петербурге; медицинская школа при военном госпитале (1707); в Москве (1701) и в Петербурге (1704) организуется подготовка переводчиков с немецкого и других языков (разноязычные школы). Школы были оснащены учебными книгами и пособиями, оборудованы по тем временам хорошими лабораториями. При Московской медицинской школе был создан Анатомический театр и Аптекарский огород.

Чтобы удовлетворить запросы развивающегося городского сословия, укрепить армию и флот грамотными не только офицерами, но и солдатами, создаются государственные начальные (цифирные). школы (1714), гарнизонные (1698), адмиралтейские школы (1719). Все эти школы были светскими. В Указе Петра I от 28 февраля 1714 г. сказано о необходимости открытия во всех губерниях при архиерейских домах, больших монастырях цифирных школ. Этим Указом как бы вводилось обязательное обучение «дворянских и приходного чина, дьячих и подьяческих детей от 10 до 15 лет». К 1718 г. было открыто 42 цифирных училища. В соответствии с Указом от 28 ноября 1717 г. и «Адмиралтейским регламентом» от 1722 г. в России вводилось обучение «плотничьих, матросских, кузнечных и прочих мастеров всех записных учить русской грамоте и цифири». Школьная реформа Петра I коснулась и церкви. С принятием 25 января 1721 г. «Духовного регламента» была организована широкая сеть школ для подготовки духовенства: архиерейские школы, духовные семинарии.

Школьная реформа имела определенную систему, отвечала потребностям социально-экономического развития России. При ее осуществлении учитывался накопленный веками опыт народного воспитания, эмпирические знания, занимавшие ведущее место в умственном воспитании подрастающего поколения, развивающаяся сеть школ и педагогическое творчество русских учителей, педагогический опыт славянских и других соседних народов. Образование было светским, хотя в школах и имело место религиозное воспитание.

Обучение в школах велось на русском языке. Для создания учебных книг и пособий привлекались не только отечественные ученые, но и ученые из других стран. В учебниках отражались передовые педагогические идеи того времени, методика была направлена на созна-

тельное усвоение содержания учебного материала. Особое внимание было уделено совершенствованию русской азбуки с целью облегчения усвоения родного русского языка. Вместо Часослова, Псалтыря внедрялись в практику обучения «Букварь» Федора Поликарпова (1701), азбука, помещенная в книге «Юности честное зерцало» (1717), пособие Феофана Прокоповича «Первое учение отроком».

В «Букварь» Федора Поликарпова, предназначенный для подготовки переводчиков, впервые вводились шрифты латинский и греческий. В сопоставительном плане на славянском, греческом, латинском языках давался словарь имен существительных, которые группировались по темам гражданского быта, различным наукам. В предисловии к «Букварю» давались советы нравственного характера под названием «Благочестивому читателю о правильном обучении чинного чтения и писания».

В пособии Феофана Прокоповича «Первое учение отроком» помещались кроме традиционных текстов религиозного характера тексты, отражающие события окружающей действительности. В предисловии автор давал советы родителям, воспитателям о правильном обучении и воспитании детей. «Каков кто отрок есть, таков и муж будет»,— считал Феофан Прокопович, подчеркивая тем самым важность воспитания с раннего возраста.

В книге «Юности честное зерцало» содержались буквы новой, реформированной азбуки. В букварях того периода господствовал буквослагательный метод обучения грамоте, но уже присутствовали и элементы звукового метода. Авторы букварей стремились связать обучение с реальной жизнью ребят, найти пути воспитывающего обучения в духе светского понимания назначения человека в жизни. Среди учебных книг того времени особое место занимал учебник Л. Ф. Магницкого «Арифметика сиречь наука числительная». Написанный в традиционной форме вопросов и ответов, он включал много нового, до этого не известного в русской математике: о десятичных дробях, о прогрессиях, об извлечении корня. Математика освещалась применительно к астрономии, навигации, т. е. к будущей специальности учащихся. Научные математические понятия автор раскрывал на примерах, взятых из жизни, что способствовало осмысленному усвоению материала. Развитию интереса к математическим занятиям помогали включенные в книгу практические занимательные задачи, математические упражнения. «Арифметика» Л. Ф. Магницкого явилась прообразом отечественного учебника по математике. В 80-е гг. XVIII в., когда создавалось большое количество учебных пособий для народных училищ, в том числе и по математике, на первых страницах учебных книг нередко помещалось стихотворение Л. Ф. Магницкого, которое было написано им для своего учебника.

Кроме учебных пособий в этот период создавались педагогические трактаты, свод правил о поведении учащихся в школе и вне школы. Среди них важное место занимала книга «Юности честное зерцало» — выдающийся памятник Петровской эпохи, в котором изложены нормы поведения юноши-дворянина.

Просветители того времени, в целом положительно оценивая деятельность Петра I, в области образования подчеркивали необходимость просвещения не только дворянских, но и купеческих детей, а также детей ремесленников, крестьян. Будучи защитниками самодержавного правления, они тем не менее требовали ограничения эксплуатации крестьянства. «Крестьянам помещики не вековые владельцы»,— писал И. Т. Посошков, представитель нового, развивающегося сословия «купецких людей». В «Книге о скудости и богатстве» он развил идею о необходимости создавать в России школы для каждого сословия, в том числе и для простого народа, крестьян. «Не худо бы так учинить, чтобы не было в малой деревне без грамотного человека»,— писал он. И. Т. Посошков стремится разработать основы сознательного обучения, ввести в обучение строгий, продуманный порядок, организовать учет знаний каждого ученика, который должен фиксироваться в специальной книге. Свои педагогические принципы И. Т. Посошков изложил в трактате «Завещание отеческое».

Вопросы просвещения в России волновали известного дипломата и просветителя Ф. С. Салтыкова. Он считал, что в академии надо учить разным языкам, грамматике, риторике, поэтике, философии, истории, математическим наукам, географии. В «Пропозициях», адресованных Петру I, Ф. С. Салтыков, разрабатывая план обновления России, осветил и проблему школьной реформы с учетом национальных особенностей. В «Пропозициях» провозглашается идея светского образования дворян, купцов и «всяких разночинов», причем не только юношей, но и девушек. В женских школах, считал он, нужно учить читать, писать, считать, учить французскому и немецкому языкам, музыке, танцам и т. д. «Во всех губерниях сделать по два женских училища... по 500 девиц». В таких школах «они будут все вместе», будут «умнее и обходительнее, нежели как они у отцов своих живут в доме до замужества». В «Пропозициях» Ф. С. Салтыков отразил веяние нового времени, хотя и не затронул вопросов просвещения простого народа.

О проблемах просвещения писал известный церковный и общественный деятель Феофан Прокопович. В «Духовном регламенте», разрабатывая основы высшей духовной школы, он выступил против схоластического обучения. Свои педагогические взгляды Феофан Прокопович не только воплотил в разработке «Духовного регламента», а попытался применить на практике при обучении в архиерейских школах, духовных семинариях, а также в Доме для сирот и бедных детей «всякого звания», открытом им в 1721 г. Для детей-сирот он написал знаменитую учебную книгу «Первое учение отроком».

Взгляды Феофана Прокоповича на просвещение, его учение оказали большое влияние на В. Н. Татищева, историка, просветителя, организатора профессионального образования на Урале. В. Н. Татищев разработал важнейший педагогический документ — инструкцию «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах», в которой изложил основы не только профессиональной,

но и общеобразовательной подготовки юношества, требования к учителю, его обязанности, вопросы чему и как учить, правила поведения учащихся в школе и дома. Инструкция ориентировала учителя, руководителей школ на то, чтобы ремесленное обучение сочеталось с обучением счету, письму, чтению, т. е. с получением общего образования; рекомендовала учебные книги, для того времени весьма прогрессивные.

Кроме обучения В. Н. Татищев обращал внимание на нравственное воспитание детей. Инструкция сочетала гуманистические идеи эпохи Возрождения, традиции народной педагогики с элементами светского реального образования.

В работе «Разговор о пользе наук и училищ» (1733) В. Н. Татищев не только подверг критике схоластическое обучение, но и доказал пользу просвещения для общества. В третьей части трактата он изложил план преобразования российских учебных заведений с учетом развивающейся промышленности. Являясь защитником сословного дворянского просвещения, он в то же время отстаивал идею создания промышленных училищ на базе общего начального образования (цифирных школ), для которых он составил специальную инструкцию.

В «Разговоре о пользе наук и училищ», написанном в форме 119 вопросов и ответов, автор стремился показать, что научные знания необходимы для будущей деятельности человека; что обучение должно осуществляться с учетом возраста детей; что в школе должны работать хорошо подготовленные учителя. Разрабатывая свою систему школьного образования, В. Н. Татишев считал, что нужно не только приглашать высококвалифицированных преподавателей-иностранцев, но и готовить своих учителей. В педагогическом трактате «Духовная моему сыну» говорится о нравственном воспитании дворянских и купеческих детей.

В январе 1724 г. Указом Петра I в Петербурге была основана Академия наук (начала работать в декабре 1725 г.). В Указе «Об учреждении академии» и Инструкции (проекте) о ее работе отразились многие прогрессивные идеи видных деятелей России в области просвещения. Перед академией была поставлена задача развивать отечественную науку и готовить для нее национальные кадры. С этой целью при академии были открыты академическая гимназия и академический университет, где были обязаны преподавать ученые академии.

Отмечая прогрессивный характер реформ Петра I в области образования, следует еще раз подчеркнуть, что они носили сословный характер, сопровождались усилением крепостного гнета, введением новых повинностей для крестьян, детей которых не принимали даже в начальные, цифирные школы.

Внутренняя и внешняя политика Петра I, его преобразования по-разному оценивались как современниками, так и потомками. Представители реакционных классов и групп, как правило, отрицательно отзывались о Петре I и его реформах, а передовые, прогрессивные

деятели высоко оценивали результаты его деятельности. М. В. Ломоносов, А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов отмечали заслуги Петра I в области просвещения и в развитии отечественной науки.

История России второй трети XVIII в. характеризовалась острой борьбой дворянских группировок за власть, приводившей к многократным дворцовым переворотам. Новая, петровская знать стремилась укрепить свои позиции; старая знать требовала возвращения привилегий, которые она имела в допетровское время. Десятилетнее правление Анны Иоановны (1730—1740) отличалось засильем иностранцев во главе с Э. И. Бироном во всех областях экономической и культурной жизни страны. С приходом на престол младшей дочери Петра I Елизаветы Петровны (1741—1761) расширяются привилегии русского дворянства. Социальная политика России второй трети XVIII в. была направлена на укрепление практически неограниченной власти над крепостными крестьянами, вплоть до того, что с 1760 г. дворяне получили право ссылать крепостных в Сибирь. Усиление крепостнического гнета вызывало волнения крестьян и работных людей: десятки восстаний вспыхивали на всей территории страны.

Перемены в социально-экономической и политической жизни России отразились и на развитии просвещения. После смерти Петра I дворянское сословие, укрепляя свои позиции и требуя еще больших привилегий, стало создавать для обучения своих детей узкосословные учебные заведения. Различные виды школ, созданные в первой трети XVIII в., заменяются новыми, ограничивается доступ в школы детям «третьих чинов». Для усиления идеологического влияния церкви на народные массы укрепляется сеть духовных учебных заведений.

Чтобы ликвидировать «солдатскую школу», которую при Петре I обязаны были проходить и дворянские дети для получения офицерских чинов, в начале 30-х гг. создается Шляхетный сухопутный кадетский корпус. В Указе императрицы Анны «О записи дворян в Кадетский корпус» (1731) и «Уставе Кадетского корпуса» (от 30 ноября 1731 г.) говорилось о том, что дворянская молодежь должна овладевать науками, чтобы потом верой и правдой служить Отечеству, узаконивалась узкосословная сеть учебно-воспитательных закрытых учебных заведений для дворян.

Школа математических и навигацких наук, Морская академия, созданные при Петре I, приходят в упадок. Вместо них для детей дворян создается Морской кадетский корпус. Такая же участь постигла артиллерийские и инженерные школы. В 1758 г. артиллерийская и инженерная школы в Петербурге были объединены в сословно-дворянское учебное заведение. В 1744 г. Указом Елизаветы Петровны были объединены в губерниях и провинциях арифметические и гарнизонные школы.

В 30-е гг. дворянам было разрешено определять своих детей в школы по собственному выбору или обучать детей дома. Чтобы укрепить позиции дворянского сословия, в 1743 г. издается импе-

раторский Указ «О вменении родителям в обязанность обучать детей своих катехизису».

Социально-экономические условия в России во второй трети XVIII в. диктовали принятие мер для дальнейшего развития отечественной науки и культуры. Развивающаяся промышленность, созданные Петром I регулярная армия, флот, правительственные учреждения испытывали острую нужду в образованных людях. Без них нельзя было осваивать огромные территории страны и ее природные богатства. Нужны были врачи, учителя, юристы, историки, архитекторы, а их готовить было практически негде. Университет и гимназии при Академии наук в Петербурге не могли обеспечить достаточным количеством квалифицированных кадров огромную страну. В Академии наук работали преимущественно иностранцы, многие из них ревниво охраняли свое монопольное положение в науке и термозили подготовку русских ученых.

Прогрессивная общественность во главе с М. В. Ломоносовым активно боролась за демократизацию просвещения, развитие отечественной науки, создание научных национальных кадров. Став во главе академической гимназии и академического университета, М. В. Ломоносов составляет проекты преобразования академии, академического университета и академической гимназии, разрабатывает учебные планы факультетов, определяет сроки обучения. К чтению лекций были привлечены наиболее подготовленные ученые, как иностранные, так и из числа русских людей, воспитанников академии. В 1760—1763 гг. лекции читали С. К. Котельников (высшая математика), А. П. Протасов (анатомия), Н. Н. Попов (астрономия). По настоянию М. В. Ломоносова в университете впервые читались лекции на русском языке, что имело огромное значение в подготовке и воспитании отечественных ученых.

Опыт работы академических учебных заведений в Петербурге М. В. Ломоносов использовал при разработке проекта об открытии Московского университета и гимназий при нем. Еще до принятия официального проекта он послал письмо царскому сановнику И. И. Шувалову (впоследствии первому куратору Московского университета), в котором с демократических позиций обосновал необходимость создания университета в Москве как центра русского просвещения. Подчеркивая опыт западноевропейских высших учебных заведений и особенности развития национальной культуры, М. В. Ломоносов обосновывает необходимость создания трех факультетов: юридического, медицинского, философского. Он считает, что образование должно носить исключительно светский характер. В письме к И. И. Шувалову и впоследствии в «Проекте регламента московских гимназий» он изложил свои взгляды на организацию и содержание учебного процесса, формы и методы обучения и воспитания гимназистов, учета знаний, поощрений и наказаний в гимназиях. Письмо и Регламент московских гимназий — документы о развитии демократической отечественной педагогической мысли второй трети XVIII в. В них отразилась борьба прогрессивных сил за бессослов-

ное образование, воспитание личности средствами народной национальной педагогики, развитие светской системы обучения и воспитания, создание отечественной науки и культуры.

М. В. Ломоносов и его последователи являлись сторонниками новой нарождающейся демократической отечественной народной культуры и просвещения. Исследуя материалы об открытии Московского университета и официальные документы о его работе, можно проследить, как были восприняты идеи Ломоносова. Так, например, М. В. Ломоносов настаивал на создании одной гимназии для детей всех сословий, в официальном же документе Сената подчеркивалась мысль о необходимости создания двух гимназий: одной — для дворян, другой — для молодежи недворянского происхождения. М. В. Ломоносов считал, что управление университетом должно строиться на выборных демократических началах, на практике руководство университетом осуществлялось царскими чиновниками.

Господствующие классы стремились к тому, чтобы Московский университет стал оплотом самодержавия. Однако остановить развитие демократических идей было невозможно. Московский университет становится центром развития передовой русской науки и культуры, прогрессивного просветительского и свободолюбивого движения. Его ученые, последователи М. В. Ломоносова, несли воспитанникам демократические идеи, прививали любовь к национальной русской культуре. Императорские указы об ограничении образования, усилении сословного обучения не могли остановить развитие демократических идей во второй трети XVIII в.

Большой вклад ученые и профессора Московского университета и Академии наук внесли в разработку самобытной национальной педагогики и создание отечественных учебников, учебной литературы. Если в конце XVII — начале XVIII в. в России была в основном переводная учебная литература, то во второй трети XVIII в. создается своя оригинальная учебная литература, учебники по родному языку, математике, географии, естествознанию и т. д. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова сыграла выдающуюся роль в развитии дидактической, методической мысли по разработке научных основ создания отечественных учебников. Это была первая грамматика русского языка, написанная на русском языке с научных позиций, в доступной форме объясняющая свод сложившихся к тому времени правил русского языка. Вслед за грамматикой М. В. Ломоносова в России учеными Московского университета были подготовлены азбуки, буквари, учебные книги по русскому языку, предназначенные для различного типа школ, училищ, гимназий.

Следует признать, что в советской историко-педагогической науке деятельность ученых Академии наук, а также профессоров Московского университета в области создания учебно-педагогической литературы мало изучена. Недостаточно проанализированы и педагогические взгляды просветителей второй трети XVIII в. Между тем учебные пособия, руководства к ним, написанные отечественными педагогами этого периода А. А. Барсовым, Н. Н. Поповским,

Е. Б. Сырейщиковым, Х. А. Чеботаревым и другими, представляют интерес для исследователей и содержат для того времени много прогрессивного. При их разработке ученые следовали принципам научности, системности и последовательности в изложении учебного материала, учитывали возрастные возможности учеников. В российских грамматиках того времени правила закреплялись на текстах художественных произведений русских писателей.

Учебный материал по арифметике, геометрии объяснялся на примерах, взятых из реальной жизни. Нередко авторы учебных пособий использовали при изложении материала индуктивный и дедуктивный методы, что способствовало развитию у учащихся познавательных интересов. Упражнения были подобраны с учетом формирования у обучающихся практических умений и навыков, чтобы при выполнении упражнений учащиеся могли применить теоретические знания. Материал в учебных пособиях располагался с учетом правил «от конкретного к абстрактному», «от простого к сложному», в конце помещались рекомендации, как самостоятельно изготовить тот или иной дидактический материал, который бы облегчил усвоение правил. В предисловиях давались дидактические и методические рекомендации учителям и родителям, как целесообразнее использовать данное пособие при обучении и воспитании учащихся. Так, например, А. А. Барсов поместил в букваре более простое название букв, близкое к современному, разделил звуки на гласные и согласные. В «Теоретической и практической арифметике...» Д. С. Аничков указывает на то, что в учебнике надо иметь подробное «...понятие о математических истинах... и... часто упражняться в решении разных задач».

М. В. Ломоносова, его последователей, учеников, профессоров Московского университета волновали вопросы развития просвещения в России, устранения причин невежества, темноты, забитости русского народа. И хотя они, подобно западноевропейским просветителям, верили в могучую силу образования, с помощью которого якобы можно перестроить общество, и возлагали надежду на силу просвещенного монарха, их педагогические взгляды были прогрессивны и оказали заметное влияние на последующее развитие демократической педагогики в России в последней трети XVIII столетия.

В работах профессоров Московского университета, ученых Академии наук, таких, как «О пользе наук...» Н. Н. Поповского, «Слово о ...понятиях человеческих» Д. С. Аничкова, затрагивались многие актуальные проблемы воспитания и обучения не только дворянской, но и молодежи других сословий. Выдвигались вопросы о целях обучения и воспитания подрастающего поколения, о роли нравственного воспитания в формировании личности человека, говорилось о том, какова воспитательная ценность народных пословиц, поговорок, что можно позаимствовать из педагогической литературы Западной Европы, чтобы эффективнее осуществлять умственное и нравственное воспитание, физическое развитие. В предисловии к переводу книги Д. Локка «О воспитании детей» Н. Н. Поповский

подчеркивает, что систему воспитания, изложенную в книге Д. Локка, можно использовать не только в привилегированных семьях, но и в семьях недворянского происхождения.

Как бы итогом прогрессивной педагогической мысли этого периода явился коллективный труд профессоров Московского университета «Способ учения», методические рекомендации которого несколько лет апробировались в гимназии при Московском университете. Он вышел в свет в 1771 г. на русском, немецком, французском, латинском языках. Если в работе И. Ф. Богдановича «Таблица для детей...» в художественной форме изложены проблемы нравственного воспитания, направленные на формирование таких черт характера, как человеколюбие, трудолюбие, скромность, «благоверие», «воздержанность», честное служение Родине, Отечеству, то в «Способе учения» даются научные основы дидактики и методики обучения в гимназиях и других учебных заведениях России. Этот дидактический трактат как бы примыкает к «Регламенту московских гимназий», разработанному М. В. Ломоносовым. В «Способе учения» обосновывается идея о необходимости в процессе обучения детей руководствоваться принципами активности и сознательности: при изучении математики «чтобы все предлагаемые доказательства разуметь могли»; при изучении истории учителя должны стремиться показать учащимся причины различных исторических событий. «Способ учения» — фундаментальный педагогический труд по отечественной дидактике, в котором и теоретически и практически вскрываются закономерности сознательного обучения в средних учебных заведениях второй трети XVIII в.

В последней трети XVIII в. феодально-крепостническая система в России стала все сильнее подтачиваться ростом капиталистических отношений. Традиционные приемы организации хозяйства и эксплуатации труда требовали изменений. Отдельные помещики стремились улучшить ведение сельского хозяйства, заняться торгово-промышленной деятельностью. В этот период в России особенно бурно развивалось крупное промышленное производство. К концу XVIII в. удвоилось количество промышленных предприятий, выросло число наемных рабочих, расширился внутренний и внешний рынок. Однако промышленная техника России оставалась еще крайне отсталой. Пришедшая к власти Екатерина II (1762) превратила крепостное право в России в неограниченное рабство. Протест народных масс вылился в крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева (1773—1775), охватившую обширные районы страны. Несмотря на то, что крестьянская война закончилась поражением, она потрясла устои дворянского государства, ускорила крушение крепостничества. Подавление восстания определило переход Екатерины II к политике открытой реакции.

Однако она понимала, какой популярностью в России и в Западной Европе пользовалась концепция просвещенного абсолютизма. Поэтому многими демонстративными действиями, и прежде всего широковещательными заявлениями о своем желании дать России но-

вые законы, она настойчиво создавала легенду о себе как о просвещенной монархине. Екатерина II вела обширную переписку с французскими просветителями. Ей удалось ввести в заблуждение весьма проницательные умы, в том числе и Вольтера. Именно в екатерининской России усмотрел он тот идеал философского государства «просвещенной монархии», который мог бы одновременно и обуздать «анархизм» масс, и обеспечить благо всех подданных.

В 1773 г. Екатерина II пригласила Д. Дидро принять участие в разработке и осуществлении проекта организации народного образования. Пробыв около года в Петербурге, он составил «План университета для России». План Дидро о системе народного образования имел радикальный характер. Он был положен «под сукно», ибо, по выражению В. И. Ленина, «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых»[1]. Подозревал ли Дидро, что Екатерина II достаточно иронически относилась к его планам социального переустройства? Отстаивая «просвещенную монархию», Дидро вкладывал в это понятие совсем другое содержание, нежели Вольтер, сближая ее с демократической республикой, отстаивал мысль, что нехорош даже самый справедливый монарх, если власть его ничем не ограничена.

Развитие экономики страны, усложнение административного аппарата, усиление армии и флота заставляло правительство Екатерины II задумываться о расширении сети учебных заведений. Однако в 60—70-е гг. основная цель преобразований заключалась в том, чтобы подчинить воспитание и обучение подрастающего поколения самодержавно-крепостническому строю, уберечь дворянскую молодежь от влияния нарождающихся новых, капиталистических отношений, расшатывающих незыблемость монархического правления. Поэтому Проект об открытии во всех крупных русских городах гимназий, а в некоторых из них и университетов, разработанный профессорами Московского университета в 1761 г. по указанию Сената, Екатерина II не приняла, считая, что он составлен «не ко времени».

Решение вопроса о школьной реформе было передано в Комиссию по составлению нового уложения (1767). На 16 заседаниях представители многих городов и селений обсуждали «Наказы» различных сословий о том, какими должны быть школы в России, надо ли учить детей крестьян. Каждое сословие защищало свои интересы. Так, например, мещанин В. В. Крестинин из Архангельска представил в Сенат «План всеобщего обучения всякого чина детей обоего пола». «План...» предусматривал учреждение государственных школ, которые должны находиться на попечении местных органов самоуправления. И хотя Архангельский магистрат еще в 1764 г. одобрил этот «План...», он был похоронен в придворной канцелярии Екатерины II и не попал в Комиссию по уложению. «План...» архангельского мещанина, очевидно, не устраивал само-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

державие по причине его чрезмерного демократизма. В процессе дискуссий в Комиссии по уложению о крестьянских школах заявление представителя южных пахотных крестьян — депутата Жеребцова о том, что крестьянских детей государство должно обучать так же, как и детей других сословий, вызвало бурю негодования со стороны дворянских депутатов. «Если крестьяне учиться станут,— говорил депутат Строганов,— то кто же станет работать в помещичьих имениях? Для крестьян надо сделать только одно — предписать помещикам заставлять их ходить в церковь». Мнение этого депутата совпадало с заявлением самой Екатерины II, которая в письме Салтыкову говорила, что «черни не должно давать образование; поскольку будут знать столько же, сколько вы да Я, то не станут нам повиноваться в такой мере, как повинуются теперь». Члены Комиссии по уложению так и не смогли договориться о школьной системе в России.

Не удовлетворили императрицу и проекты, которые разработали ученые Академии наук («Начальные рассуждения для учреждения публичных училищ» статс-секретаря Академии наук Г. Н. Теплова; «Генеральный план гимназий или государственных училищ», составленный комиссией в составе Г. Н. Теплова, Г. Миллера, Д. Дюмареско, Ф. Дильтея и вице-президента Коллегии лифляндских, эстландских и финляндских дел Т. Клингштета).

Наиболее приемлемыми со всех точек зрения для Екатерины II оказались проекты И. И. Бецкого, сторонника монархического самодержавного правления. Основываясь на идеях французских просветителей, он разработал проекты о воспитании юношества в закрытых интернатного типа учебных заведениях, чтобы создать «новую породу людей», в том числе и недворянского происхождения, с целью сгладить классовые противоречия в интересах абсолютизма, хотя на первый взгляд И. И. Бецкой хотел удовлетворить требования всех сословий, исключая крестьян. Идея воспитания «новой породы людей», угодной самодержавному правлению, импонировала Екатерине II, и проекты И. И. Бецкого быстро и энергично воплощались в жизнь. В соответствии с «Генеральным планом императорского Воспитательного дома» в апреле 1764 г. был открыт прием детей в Московский воспитательный дом, 2 октября 1770 г.— в филиал Московского воспитательного дома в Петербурге.

В 1764 г. в соответствии с «Уставом воспитания двухсот благородных девиц» в Петербурге открывается Смольный институт благородных девиц — сословно-дворянское закрытое учебное заведение. В нем воспитываются девочки от 6 до 18 лет. В 1766 г. утверждается «Устав Шляхетного сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества». По типу этих закрытых привилегированных учебно-воспитательных учреждений для дворянских детей создаются учебные заведения и в других городах. Целесообразность этой системы воспитания И. И. Бецкой обосновал в сочинении «Генеральное учреждение

о воспитании обоего пола юношества». В педагогических работах, написанных лично И. И. Бецким (например, «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества»), и в педагогических сочинениях, написанных совместно с профессорами Московского университета (например, с А. А. Барсовым «Генеральный план императорского Воспитательного дома»), изложены просветительские идеи И. И. Бецкого, его взгляды на воспитание и обучение.

И. И. Бецкой призывал осуществлять взаимосвязь между умственным, физическим и нравственным воспитанием, считаться с индивидуальными особенностями ребенка, его возрастом, не допускать телесных наказаний. При Смольном институте благородных девиц им создано отделение для воспитания девочек недворянского происхождения. И все же его педагогические идеи не были созвучны не только педагогическим идеям отечественных просветителей, группировавшихся в этот период вокруг журналов, издаваемых Н. И. Новиковым, но и либеральным идеям части профессоров Московского университета и гимназии при нем, Академии наук, учительской семинарии при Московском университете, позднее Главного народного училища Петербурга. Прогрессивная педагогическая мысль 60—70-х гг. XVIII в. в России шла в другом направлении — дать народу образование, освободить крестьян от крепостной зависимости, создать условия для развития демократической отечественной науки, культуры. Изобретения И. И. Ползунова (1728—1766), И. П. Кулибина (1735—1818), вклад в архитектуру выходца из крестьян скульптора Ф. И. Шубина (1740—1805), сына дьячка В. И. Баженова (1737 или 1738—1799), сына подьячего М. Ф. Казакова (1738—1812), в изобразительное искусство отца и сына Аргуновых — выходцев из крепостных — давали яркий пример тому, что русский народ полон талантов, творческих возможностей. Этого не видел или не хотел видеть И. И. Бецкой, который отстаивал сословное воспитание детей.

Только в 1786 г. под давлением прогрессивной общественности Екатериной II был наконец утвержден «Устав народным училищам в Российской империи». Основные положения «Устава...», отражавшего интересы господствующего дворянского сословия, были заимствованы из австрийского школьного Устава 1774 г., проведение в жизнь которого осуществлял в Австрии известный педагог Ф. И. Янкович де Мириево.

С 1782 г. по приглашению Екатерины II Ф. И. Янкович де Мириево работал в Комиссии об учреждении народных училищ. Австрийская система под влиянием русских ученых и общественно-педагогических деятелей претерпела значительные изменения. «Устав народным училищам...» имел свои национальные особенности как по организации самих школ, так и по содержанию и методам обучения в народных училищах I и II классов. По «Уставу...» в городах разрешалось открывать малые (с двухлетним курсом) и главные (с пятилетним курсом обучения в составе четырех классов, последний класс

был двухгодичным) народные училища. Курс обучения в главных училищах был весьма обширный: чтение, письмо, счет, рисование, краткий катехизис, священная история, чистописание, арифметика, история (всеобщая русская), география, геометрия, физика, естественная история, архитектура.

В малых училищах преподавались предметы первых классов главных училищ. К концу XVIII в. в России открылось 315 малых и главных училищ с общим числом учащихся около 20 тыс. человек; работало в них 790 учителей. Для такой огромной страны, как Россия, этого количества школ было явно недостаточно. Но все же это был шаг вперед на пути создания государственной системы народного просвещения. Этим, несомненно, объясняется активное участие русских ученых в создании совместно с Ф. И. Янковичем «Руководства учителям первого и второго классов», учебных книг и учебников для народных училищ. И в «Руководстве учителям...», и в учебных книгах русские ученые, педагоги стремились отразить светский характер обучения, наполнить содержание обучения научными данными, достижениями отечественной науки, литературы, родного русского языка, естественной истории. Русские ученые-педагоги пропагандировали классноурочную систему обучения, в предисловиях учебных книг давали методические советы, как лучше организовать работу с детьми, чтобы они сознательно усваивали учебный материал. Теоретические знания по математике сопровождались в учебных книгах практическими работами, рекомендовались наглядные пособия и т. д. Большое внимание уделялось созданию букварей для изучения родного русского языка. С целью гуманного воспитания подрастающего поколения разрабатывались наставления о нравственном, физическом воспитании. Многие из них не совпадали с официальными документами о воспитании российского юношества.

Оценивая создание народных училищ 1786 г., реальный характер их образования, надо сказать, что цель их создания — обеспечить привитие учащимся самодержавно-крепостнической идеологии. «Вместе с тем Устав 1786 года вводил в учебные заведения России дидактические принципы и правила, явившиеся отражением прогрессивного дидактического учения Я. А. Коменского и передовых достижений славянской педагогики и русской дидактики»[1].

Педагогические и философские произведения многих просветителей последней трети XVIII в. вошли в золотой фонд отечественной педагогической науки. Однако и этот период развития педагогической мысли в советской историко-педагогической науке все еще недостаточно изучен. Многие педагогические трактаты, статьи, речи профессоров Московского университета о воспитании и обучении подрастающего поколения, просвещении русского народа, еще не найдены, не изучены, а те, что опубликованы, всесторонне не проанализированы.

[1] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР; XVIII в.— первая половина XIX в. М., 1973, с. 153.

Педагогические сочинения XVIII в. можно условно охарактеризовать следующим образом. В сочинениях русских просветителей, которые по своему мировоззрению, педагогическим взглядам являются сторонниками «просвещенного абсолютизма», показаны пути улучшения обучения и воспитания дворянского, иногда купеческого сословия. В них авторы отстаивают пути развития национальной системы обучения, воспитания, высмеивают родителей-дворян, слепо преклоняющихся перед всем иностранным, стремящихся приглашать в качестве домашних учителей иностранцев. Они защищают идею общественного воспитания, во многом разделяют идеи французских просветителей, но с одной весьма существенной оговоркой — сохранить незыблемость дворянско-крепостнических устоев русской жизни, просвещения.

В работах этих просветителей основная цель воспитания — это всестороннее развитие личности. К их числу относятся сочинения Е. Р. Дашковой «О смысле слова «воспитание», А. А. Прокоповича-Антонского «О воспитании», «Слово о воспитании», В. В. Крестинина «Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей». К этой группе можно отнести и работы московских профессоров, например Е. Б. Сырейщикова «О пользе нравоучения при воспитании юношества», Х. А. Чеботарева «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению», М. М. Снегирева «Слово о пользе нравственного просвещения».

В педагогических сочинениях профессоров Московского университета, в их речах о воспитании и просвещении, особенно в их учебных пособиях для народных школ имеются материалистические взгляды на человека, природу, воспитание, учебный процесс. В своих исследованиях о воспитании и обучении молодежи они большое внимание уделяли таким вопросам, как роль наследственности, среды и воспитания в общественной жизни. Русские просветители этого направления подвергали сомнению тезис Ж.-Ж. Руссо, что воспитывать ребенка надо на лоне природы, изолировав его от «порочного общества». Они выступали против утверждения К. А. Гельвеция, что воспитание может из человека сделать гения, ибо, по его мнению, по наследству ничего не передается, хотя и они возлагали большие надежды на воспитание.

Многие профессора Московского университета стремились развить демократические идеи М. В. Ломоносова о народном просвещении в России. Так, А. А. Прокопович-Антонский, разделяя многие просветительские идеи Н. И. Новикова, в то же время являлся сторонником защиты самодержавного правления, считая незыблемым самодержавно-крепостнический строй. В этом можно отметить ограниченность мировоззрения просветителей этого направления, противоречивость в решении задач, связанных с демократизацией просвещения, развития народно-демократической педагогики.

Ряд педагогических сочинений этого периода созвучен с идеями Н. И. Новикова, который на страницах издаваемых сатирических журналов не только высмеивал невежество дворян, их систему воспи-

тания, но и подвергал критике крепостнические устои, за что и был заточен Екатериной II в Петропавловскую крепость. Н. И. Новикову, первому среди русских ученых, принадлежит определение педагогики как науки о воспитании детей. Он определил пути и приемы умственного, физического, эстетического воспитания; показал формы и методы, ведущие к «возбуждению любопытства в юношестве» при обучении; доказал необходимость раннего начала учения детей, преимущество общественного воспитания перед частным, домашним. Его педагогические работы «О воспитании и наставлении детей», «Рассуждение о некоторых способах к возбуждению любопытства в юношестве», «О раннем начале учения детей», «О сократическом способе учения», «Об эстетическом воспитании» вошли в золотой фонд русской педагогической мысли последней трети XVIII в.

Особенность педагогических идей А. Н. Радищева и его последователей в том, что науку о воспитании и обучении они рассматривали в органической связи с социально-экономическими условиями общества. А. Н. Радищев явился основоположником русской революционной педагогики, этики и эстетики, поставив целью воспитания формирование патриота, борца за народное счастье. Он первым в России вопросы народного просвещения связал с революционной идеологией. Его высказывания по вопросам воспитания являются выдающимся достижением педагогической мысли XVIII в. и во многом перекликаются с революционно-демократической педагогикой XIX в.

В педагогическом трактате «О воспитании» последователя А. Н. Радищева — А. Ф. Бестужева, отца декабристов, рассматриваются многие общие вопросы воспитания: соотношение частного и общественного воспитания, сущность нравственного воспитания, роль примера при воспитании, значение книги в обучении и формировании личности, поощрение и наказания, пути умственного воспитания и т. д. Как указывал сын А. Ф. Бестужева — декабрист М. А. Бестужев, система воспитания в их семье соответствовала теоретическим положениям, изложенным отцом в трактате «О воспитании».

В советской историко-педагогической литературе, к сожалению, еще недостаточно исследованы педагогические взгляды просветителей, которые при жизни А. Н. Радищева стремились развить его идеи, касающиеся вопросов народного просвещения, разрабатывали свои планы по перестройке народного образования. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева и его последователей глубоко изучены и проанализированы крупнейшими советскими учеными, а анализу их педагогических взглядов не уделено достаточного внимания.

Просветители последней трети XVIII в. заложили основы революционно-демократической русской педагогической мысли, которую глубоко и всесторонне развили в 30—40-е гг. XIX в. революционные демократы В. Г. Белинский и А. И. Герцен, в 60-е гг. Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский.

И. А. Соловков

Развитие педагогической мысли в России в первой трети XVIII в.

ИЗ УКАЗОВ ПЕТРА I ОБ УЧИЛИЩАХ И ОБУЧЕНИИ

Из Указа об основании Школы математических и навигацких наук. 14 января 1701 г.[1]

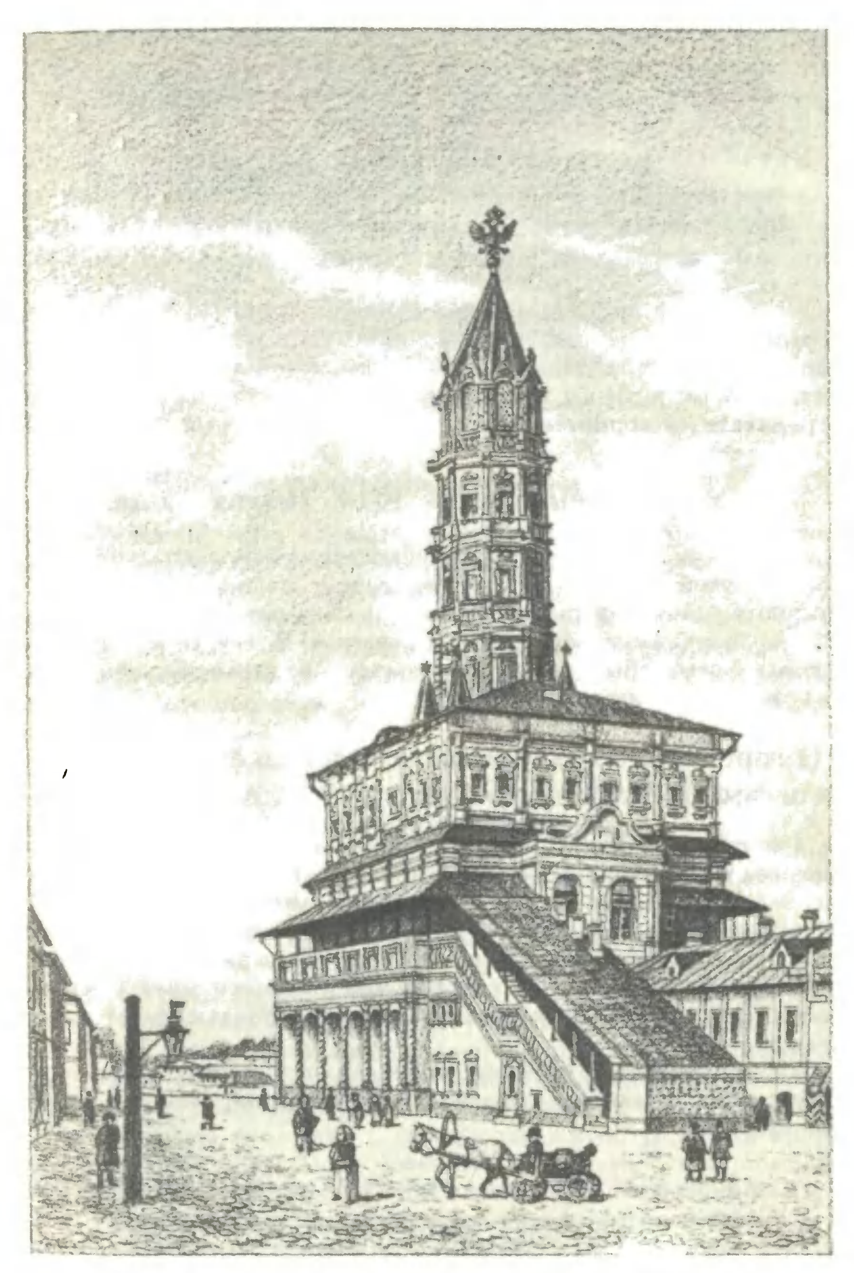
...Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич... указал... быть математических и навигацких, то есть мореходных, хитростно наук учению. Во учителех же тех наук быть... математической — Андрею Данилову[2] сыну Фарварсону[3], навигацкой — Степану Гвыну да Ричарду Грейсу[4], и ведать те науки всяким в снабдении управлением во Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину[5] с товарищи, и тех наук ко учению усмотря избирать добровольно хотящих, иных же паче и сопринуждением; и учинить неимущим во прокормление поденный корм усмотря арифметике или геометрии; ежели кто сыщется отчасти искусным, по пяти алтын[6] в день, а иным же по гривне и меньше, рассмотрев коегождо искусства учения; а для тех наук определить двор в Кадашеве мастерские палаты, называемой большой полотяной, и об очистке того двора послать в мастерскую палату постельничему Гавриле Ивановичу Головину[7] свой Великого государя указ, и, взяв тот двор и усмотрев всякие нужные в нем потребы, строить из доходов от Оружейной палаты...

Из Указа 1711, июня 26 дня[8]

...Об отпуске в приказе книг печатного дела трех тысяч рублей из суммы Московской губернии на жалование учителям разных языков, ученикам и служителям...

Из Указа (Именного) 1712, января 16 дня[9].

...Школу инженерскую умножить, а именно, сыскать мастера из русских, который бы учил цифири, или на башню для сего учения посылать, и когда арифметику окончат, учить геометрию столько,

Сухарева башня. В этом здании находилась Школа математических и навигацких наук.

сколько до инженерств надлежит; а потом отдавать инженеру учить фортификацию[10] и держать всегда полное число 100 человек, или 150, из которых, чтобы две трети или по нужде были из дворянских детей...

Из Указа (Сенатского) 1713, ноября 11 дня «О высылке на тульские оружейные заводы для обучения оружейному делу мастеровых людей, кузнецов, слесарей, столяров и о даче им кормовых денег, провианта и мундира»[11]

...На тульские оружейные заводы для обучения оружейному делу, которых из губерний не выслано, для того обучения мастеровые люди выслать... указанное число из кузнецов, из столяров молодых робят, которые кузнецы и столярному делу заобычны, немедленно... велеть давать им кормовых денег... мундир сермяжный[12], да по шубе...

Из Указа (Сенатского) 1714, января 20 дня[13]

...Послать во все губернии по нескольку человек из школ математических, чтобы учить дворянских детей, кроме однодворцев 1[14], приказного чина цифири, геометрии, и положить штраф такой, что невольно будет жениться, пока сего учится. И для того о том к архиереям[15] о сем, дабы памятей венчальных [16] не давали без соизволения тех, которым школы приказаны.

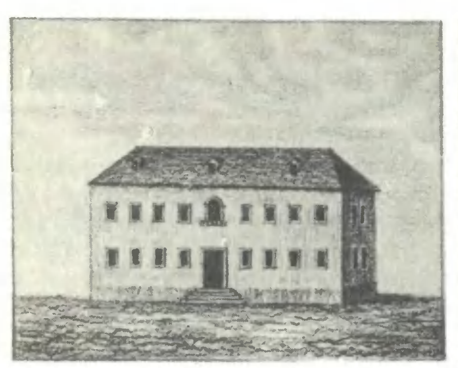
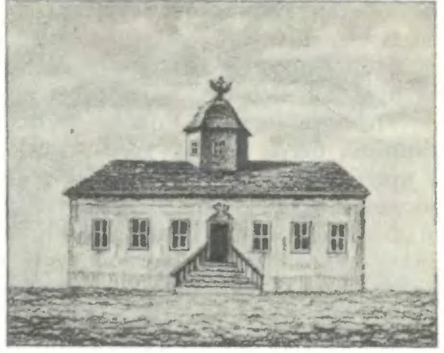
О горнозаводских училищах Олонецкой губернии[17] (из письма В. И. Геннина[18] графу Ф. М. Апраксину[19], 1716)

...А те школьники, которых ваше сиятельство изволили мне вручить 20 человек из бедных дворянских детей в С.-Петербурге, я отвез на заводы, и ныне им школа у меня тамо заведена изрядная, и учатся арифметике и геометрии, рисованию, артиллерии и инженерному делу, и приставлен к ним ... поручик[20], которого взял я с Вологды по письму вашего сиятельства, который без бытности моей учит их, и надеюсь, что вашему сиятельству в оных робятах будет порадование...

...вышеупомянутому поручику определил я малое число жалованья, а дворянским детям даю солдатский трактамент[21], чем бы им было прокормиться...

Из Указа (Именного) 1717, ноября 28 дня, «О учении детей матросских артиллерии, а матросов грамоте и арифметике»[22]

...Боцманскому, артиллерийскому, навигации и солдатскому, плотничьих, матросских, кузнечных и прочих мастеров всех записных учить русской грамоте и цифири...

Кикины палаты. В этих зданиях размещалась Морская академия.

О Морской академии. 11 января 1719 г.[23]

...В академии учить наукам: арифметике, геометрии, навигации, артиллерии, фортификации, географии, рисовать, живописного и воинским обучениям: мушкетами[24] и на рапирах[25] и некоторых астрономии. И для того учения учителей, которых наук ныне в Академии не обретается, прибрать способных, а для раздачи денежные казны комиссара, а для смотрения над учителями и над школьниками товарища да для перевода книг, принадлежащих к наукам, переводчика...

Из Указа (Именного) 1724, января 28 дня, «Об учреждении академии...»[26]

...Учинить академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили б книги...

К расположению художеств и наук употребляются обычно два образа здания: первый образ называется университет; второй академия или социетет художества и наук.

§ 1. Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, как филология и юриспруденция (прав искусств), медицины и философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают; академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сие науки в своем роде в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и через новые инвенты[27] оные совершить и умножить тщатся, а об учении прочих никакого попечения не имеют.

§ 2. Хотя академия из тех же наук и тако из тех же членов состоит, из которых и университет; однако ж до обои сие здания в иных государствах для множества ученых людей, из которых разные собрания сочинить можно, никакого сообщения между собой не имеют, дабы академия, которая токмо о приведении художеств и наук в лучшее состояние старается, учением в спекуляциях[28] и ро-

зысканиях своих, от чего как профессора в университетах, так и студенты пользу умеют, помешательство не имела, а университет некоторыми остроумными розысканиями и спекуляциями от обучения не отведен был и тако младые люди оставлены были.

Понеже ныне в России здание к возрощению художеств и наук учинено быть иметь, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в прочих государствах принятому образу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства, как в рассуждении обучающих, так и обучающихся, и такое здание учинить, через которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространялась, но и через обучение и расположение оных польза в народ вперед была...

§ 4. При заведении простой Академии наук обои намерения не исполнятся, ибо хотя через иную художества и науки в своем состоянии производятся и распространяются, однако ж де оных не скоро в народе расплодятся, а при заведении университета, меньше того, ибо когда рассудить, что еще прямых школ, гимназиев и семинариев нет, в которых бы младые люди началам обучиться и потом выше градусы наук восприять могли, то невозможно, дабы при таком состоянии университет некоторую пользу учинить мог.

§ 5. И тако потребнее всего, чтобы здесь таковое собрание заведено было, ежели бы из самолучших ученых людей состояло, которые довольны суть.

1. Науки производить и совершить, однако ж де тако, чтоб они тем наукам...

2. Младых людей (ежели из оных угодны будут) публично обучали...

3. Некоторых людей при себе обучали, которые бы младых людей первым фундаментам всех наук паки обучать могли...

§ 7. И понеже сие учреждение такой академии, которая в Париже обретается подобно есть (кроме сего различия и авантажа, что сия академия и то чинить, что университету или Коллегии чинить надлежит): того для я надеюсь, что сие здание удобнейше академией названо быть иметь.

Науки, которые в сей академии могут учинены быть, свободно бы в 3 класса разделить можно: в 1-м классе содержались бы все науки математические и которые от них зависят, во 2-м все части физики; в 3-м гуманиора, история и право.

§ 8. К первому классу четырех персон надобно: первой надлежало бы упражняться... арифметикой, алгеброй и геометрией и прочими частями теоретическими.

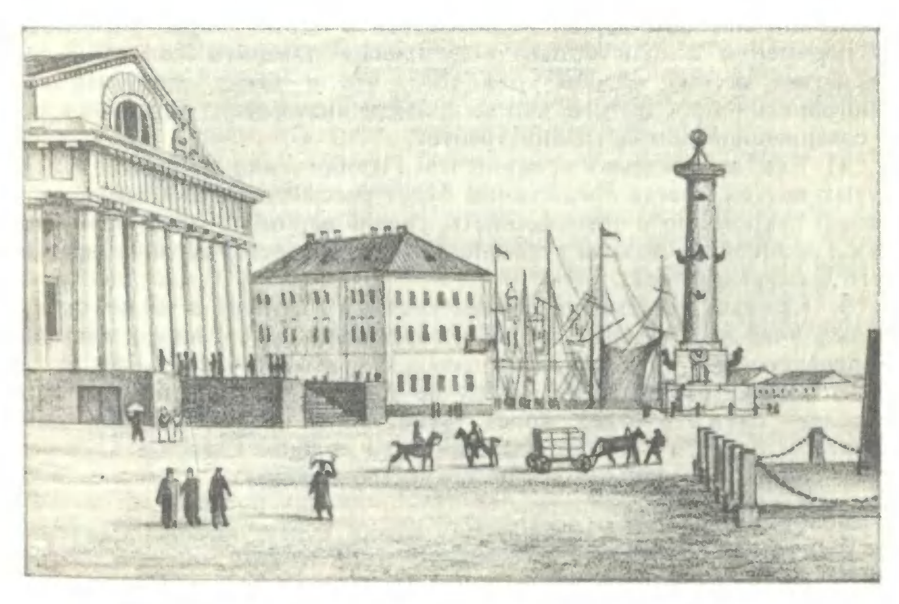
Второй бы тщение иметь к астрономии, географии, навигации. Третьей и четвертой о механике.

§ 9. Второй класс разделяется в четыре части, а именно:

1. Физику теоретическую и экспериментальную. 2. Анатомию. 3. Химию. 4. Ботанику, и такожде четырех персон к тому иметь надлежало бы...

...Третий класс состоял бы из тех членов, которые в гуманиорах

Здание Академии наук.

Здание (второе слева), где помещались академические университет и гимназия.

и прочем упражняются, и сие свободно бы трем персонам отправлять можно. Первая элоквенцию и студиум антиквитатис обучала, 2-я — историю древнюю и нынешнюю, а 3-я право натуры и публичное купно с политикой и этикой (нравоучением).

А ще же при том экономия учена будет, то похвально и весьма полезно, ибо в общем жительстве учением ея великая прибыль и польза чинится.

§ 10. Кроме сих членов, особливый секретарь потребен, который все, что в Академии предлагается, в протокол вносит, в порядок приводит и тое, что достойно есть, ежегодно или через каждые два года публикует, и купно с библиотекарем корреспонденцию с учеными людьми держит.

§ 11. Должность академиков: 1) все, что в науках уже учинено, разыскивать, что к исправлению или приращению оных потребно есть, производить, что каждый в таком случае изобрел сносить, и тое секретарю вручить, который тогда понужден будет оное, когда надлежит, описывать...

2) Каждый академик обязан в своей науке добрых авторов, которые в иных государствах издаются, читать, тако ему легко будет экстракты из оных сочинить; сие экстракты с прочими изобретениями и рассуждениями имеют от академии в назначенные времена в печать отданы быть.

3) Понеже академия не что иное есть, токмо социетет (собрание) персон, которые для произведения наук друг друга помогать имеют; того ради весьма надобно, чтоб они еженедельно несколько часов в собрании были и тогда каждый мнение свое предлагать, советом и мнением других пользоваться и партикулярно учиненные эксперименты в присутствии всех членов поверять может; и сие последнее весьма надобно для того, что в таких экспериментах многократно один другого, яко на примере анатомикус механика и пр. к совершенной демонстрации требует.

4) Еще же академия повинна: все... изобретения, которые в помянутых науках иногда предложены будут рассматривать, и свою апробацию откровенно о том сообщать, сиречь верны ли оные изобретения.., великой ли пользы суть или малой.., известны ли оные прежде сего бывали или нет...

б) Каждый академикус обязан систему или курс в науке своей пользу учащихся младых людей изготовить; а потом оные имеют на императорском[29] иждивении на латинском языке печатаны быть.

И понеже российскому народу не токмо в великою пользу, но и во славу служить будет, когда такие книги на российском языке печатаны будут, того ради надлежит при каждом классе академическом одного переводчика и при секретаре одного ж, и тако во всех четырех классах определить...

7) ...И чужестранным великая забава будет, понеже ежегодно 3 публичные ассамблеи установлены и от одного члена академии разговор из своей науки чинен будет и в одной похвалы протектора[30] введены будут.

8) А чтоб академики к потребных способах недостатку не имели, то надлежит, дабы библиотека и натуральных вещей камора академии открыта была; а над оного надлежит библиотекарю партикулярную дирекцию иметь и власть те книги и инструменты, которые академии надобны, выписать или здесь делать...

...Может от переводчиков библиотеки и натуральных вещей каморы употреблять...

9) Без живописца и градировального мастера обойтися невозможно будет, понеже издания, которые в науках чиниться будут (ежели оные сохранять и публиковать), имеют рисованы и градированы быть.

§ 12. Сие есть собственный образец Академии художеств и наук, о пользе и намерении ее выше уже упомянуто; 1) дабы науки размножены и в лучшее состояние приведены были; 2) все издания сысканы и опробованы; 3) от оной системы учащимся младым людям изготовлены были; но сие служить токмо к произведению в лучшее состояние наук.

§ 13. А понеже в том намерении университета смотрится, которые науки всему народу объявляет, такожде и гимназия, в котором младые люди нужным наукам обучаются; того рода я объявляю, каким образом одним зданием обои намерения исполнять можно и не надобно особливые собрания сочинять.

§ 14. В университете, как уже упомянуто, четыре факультета имеются, а именно: 1) теология; 2) юриспруденция; 3) медицина и 4) философия. Факультет теологии здесь оставляется и попечение о том токмо Синоду предается; и тако прочие три факультета обретаются, а именно:

§ 15. 1) Юридический факультет, при оном академик 3 класса, который науки практики, яко политику, этику и право натуры учить быть может, а ще те еще похочется славного, правом искусного человека при том определить, оное толь наилучше б было.

2) Медицинский факультет совершенно из 2 класса, сиречь анатомика, химика и ботаника сочинен быть может.

3) Факультет философии не может в совершенстве больше сего быть, ибо академик Матезис Сублимиорис может профессором логики и метафизики и математики генеральной быть, и при том же физику генеральную и экспериментальную учить, а прочие собственной части математики можно прочим академикам 1 класса, яко астроному и механику разделить.

Гуманиора... историю обучать могут к тому определенные члены 3 класса.

§ 16. Помянутые и в некоторые классы разделенные академики обязаны будут в своей науке ежедневно один час публичные лекции иметь, как и в прочих университетах.

§ 18. А чтоб пользу от сих обучением иметь, к тому требуются угодные люди , которые гуманиоры отчасти знают и некоторое малое искусство философии и математики имеют; того ради весьма нужно, дабы каждому академику один или два человека из младых студентов

даны были и довольным жалованьем снабжены, которые со всем прилежанием обучаться, и академикам воспомогать имеют; и понеже помянутые младые люди под дирекцию академиков без своих убытков наукам обучаться и притом (ежели себя хорошо ведут, и некоторые пробы искусства своего объявят) надежду имеют произойти и учителям своим наследовать: и тако подобает, чтоб они за такую добродетель благодарствовали; того ради имеют оные тех, которые учиться начинают первым фундаментам наук обучать, дабы и те со временем учением академическим пользоваться могли, и таким образом можно без великих убытков намерение нижней школы исполнить.

§ 19. Ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычно мало думают на собственное свое содержание, того ради потребно есть, чтобы академии кураторы непременно определены были, которые бы на оную смотрели, о благосостоятельстве их и надобном приуготовлении, старались нужду их императору при всех оказиях предлагали и доходы в своем ведении имели.

К § 18 есть приписка: Со временем сему собранию такую привилегию пожаловать..., чтобы тем, которые в науках произошли, градусы (чины) давать могли, сие бы вельми к возращению ея ступило...

Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов

(г. рожд. неизв.— ум. в 1731)

Русский писатель, переводчик, издатель, педагог. Родился в конце 60-х гг. или начале 70-х гг. XVII в. в Москве. Закончил типографскую школу, где обучали чтению и письму на славянском и греческом языках. Учился в московской Славяно-греко-латинской академии[31], затем в 1694 г. преподавал там же на греческом языке грамматику, риторику, пиитику. С 1698 г.— справщик (корректор), с 1701 г.— директор Московского Печатного двора. В его обязанности входило тщательно проверять книги, переводить некоторые издания, следить за работой в типографии, контролировать финансы. Выполнял и обязанности надзирателя[32] за московскими школами — разноязычной и греческой.

Автор многих книг, изданных в первой четверти XVIII в. Среди них — «Историческое известие о Московской Академии» (1726), «Лексикон» (1704), учебные пособия по грамматике, обучению грамоте. По указанию Петра I составлял русскую историю (1701), принимал участие в редактировании первой русской печатной газеты «Ведомости». В 1708 г. перевел с латинского «Риторику», а в 1718 г.— «Всеобщую географию» нидерландского географа XVII в. Б. Варениуса. Наиболее заметный след в истории создания отечественных учебных пособий оставил его «Букварь» (1701) — выдающееся явление в отечественной букваристике, который предназначался для первоначального обучения в «приумноженных» латинских школах, готовящих переводчиков.

Букварь Федора Поликарпова отличался от ранее выходивших пособий и по содержанию, и по оформлению. В нем впервые введены шрифты греческий и латинский. Открывался букварь оглавлением, чего до Поликарпова никто не делал. Далее следовало предисловие, в котором рассказывалось «благочестивому читателю о правильном обучение чинного чтения и писании», говорилось, что «учащемуся, и чтущему и пишущему, должно свойство произношения, ударения, препинаний и правописания в книгах знати». К традиционному религиозно-нравоучительному содержанию букварей были добавлены некоторые тексты из букваря Кариона Истомина 1696 г.

Букварь, созданный Федором Поликарповым, был новым типом пособия и по содержанию, и по оформлению.

Писмена латінская болшая и меншая со изъявленіемъ славенскихъ писменъ.

A	A a a,	a.	а.	А
B	B b b.	be.	бѣ.	В
C	C c c,	ce,	цѣ.	Ц
D	D d d,	de,	дѣ.	Д
E	E e e.	e,	э.	Э
F	F f f,	ef,	эф.	Ф
G	G g g.	ge,	гѣ.	Г
H	H h h,	ha,	га.	
I	I i i,	i,	ї.	І

Заставка «Букваря» Федора Поликарпова[33].

Гравюра «Букваря» Федора Поликарпова.

Юности честное зерцало[34]

(Отрывки)

1. В-первых, наипаче всего должны дети отца и матерь в великой чести содержать. И когда от родителей что им приказано бывает, всегда шляпу в руках держать, а пред ними не вздевать, и возле их не садитися, и прежде оных не заседать, при них во окно всем телом не выглядывать, но все потаенным образом с великим почтением, не с ними вряд, но немного уступя позади оных в стороне стоять, подобно як паж некоторый или слуга. В доме ничего своим именем не повелевать, но именем отца или матери; от челядинцев[35] просительным образом требовать, разве что у кого особливые слуги, которые самому ему подвержены бывают, для того, что обычайно служители и челядинцы не двум господам и госпожам, но токмо одному господину охотно служат...

2. Дети не имеют без именного приказу родительского никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вежливо и учтиво.

3. У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить, и других их сверстников в речи не впадать, но ожидать, пока они выговорят. Часто одного дела не повторять; на стол, на скамью или на что иное не опираться и не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется, но стоять должны прямо...

6. Когда родители или кто другие их спросят (позовут), то должны они к ним отозваться и отвечать тотчас, как голос послышат. И потом сказать: «Что изволите, государь батюшка?», или «государыня матушка», или «Что мне прикажете, государь?», а не так: «Что, чего, што, как ты говоришь, чего хочешь?» И не дерзостно отвечать: «Да, так» — и ниже вдруг наотказ молвить: «Нет»; но сказать: «Так, мой государь, слышу, государь, учиню так, как вы, государь, приказали». А не смехом делать, якобы их презирая и не слушая их повеления и слов; но исправно примечать все, что им говорено бывает, а многажды назад не бегать и прежнего паки вдругорядь не спрашивать...

12. Всегда время пробавляй в делах благочестных, а празднен и без дела отнюдь не бывай, ибо от того случается, что некоторые живут лениво, не бодро, а разум их заимится и иступится, потом из того добра никакого ожидать можно, кроме дряхлого тела и червоточины, которое с лености тучно бывает.

13. Младый отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и беспокоен, подобно как в часах маятник, для того что бодрый господин одобряет и слуга, подобно як бодрый и резвый конь учиняет седока прилежна и осторожна: потому можно отчасти, смотря на прилежность и бодрость или радение слуги, признать, како правление которого господина состоит и содержится, ибо не напрасно пословица говорится: каков игумен, такова и братия[36].

14. Когда прилучится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу:

В-первых, обрежь себе ногти, да не явится, якобы оныя бархатом

ЮНОСТИ
ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО
или
показаніе къ житейскому
обхожденію.
Собранное отъ разныхъ Авторовъ.
Напечатася повелѣніемъ
Царскаго Величества,
въ Санктъпитербурхѣ.
Лѣта Господня 1717,
іулія 30 дня.

Титульный лист книги «Юности честное зерцало...»

Изображеніе древнихъ и новыхъ писменъ славенскихъ печатныхъ и рукописныхъ.

А А а а а а — Азъ
Б Б б б б б — Буки
В В в в в в — Веди
Г Г г г г г — Глаголь
Д д д д д — Добро

Фрагмент азбуки из книги «Юности честное зерцало...»

обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сяди прямо и не хватай первый в блюдо, не жри как свинья и не дуй в ушное[37], чтобы везде брызгало, не сопи егда яси. Первый не пей, будь воздержан и бегай пьянства; пей и яждь, сколько тебе потребно, в блюде будь последний. Когда что тебе предложат, то возьми часть из того, прочее отдай другому и возблагодари его. Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, когда тебе пить, не утирай (рта) губ рукою, но полотенцем и не пей, пока еще пищи не проглотил. Не облизывай перстов[38] и не грызи костей, но обрежь ножом. Зубов ножом не чисти, но зубочисткою, и одной рукою прикрой рот, когда зубы чистишь; хлеба приложа к грудям не режь, ешь, что пред тобою лежит, а инде не хватай. Ежели перед кого положить хочешь, не примай перстами, как некоторые народы ныне обыкли, над котвою не чавкай, как свинья, а головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже. Когда яси яйцо, отрежь напредь хлеба и смотри, чтоб притом не вытекло, и яждь скоро. Яичной скорлупы не разбивай, и пока яси яйцо, не пей, между тем не замарай скатерти, и не облизывай перстов, около своей тарелки не делай забора из костей, корок, хлеба и прочего. Когда престанешь ясти, возблагодари бога, умой руки и лицо и выполощи рот...

15. Имеет отрок наипаче всех человек прилежать, как бы себя мог учинить благочестна и добродетельна, ибо не славная его фамилия, и не высокой род приводит его в шляхетство[39], но благочестные и достохвальные его поступки. Понеже благочестие есть похвала юности, и счастие благополучное, и красота в старости...

18. Младый шляхтич, или дворянин, ежели в экзерциции[40] своей совершен, а наипаче в языках, в конной езде, танцевании, в шпажной битве и может добрый разговор учинить, и тому ж красноглаголив и в книгах научен, оный может с такими досугами, прямым придворным человеком быть...

22. Отрок должен быть весьма учтив и вежлив как в словах, так и в делах: на руку не дерзок и не драчлив, также имеет оной стретившего на три шага не дошед, и шляпу приятным образом вняв, а не мимо прошедши, назад оглядываясь, поздравлять. Ибо вежливу быть на словах, а шляпу держать в руках неубыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда про кого говорят: он есть вежлив, смиренный кавалер и молодец, нежели когда скажут про которого: он есть спесивый болван...

23. Отрок имеет быть трезв и воздержан, и в чужие дела не мешаться и не вступать, и ничего, что ему не касается, не всчинать, и поводу к тому не давать, но с учтивостью уступать. Разве что когда чести его кто коснется или порекать учнет, то в таком случае уступки не бывает, но по нужде применение закону дается...

27. Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навыкнуть могли: а особливо когда им что тайное говорить случится...

29. Младые отроки не должны носом храпеть, и глазами моргать, и ниже шею и плеча, яко бы из повадки трясти, и руками не шалить, не хватать, или подобное неистовство не чинить, дабы от издевки не учинилось вправду повадки и обычай, ибо такие принятые повадки младого отрока весьма безобразят и остыжают так, что потом в домах, их пересмехая, тем дражнят...

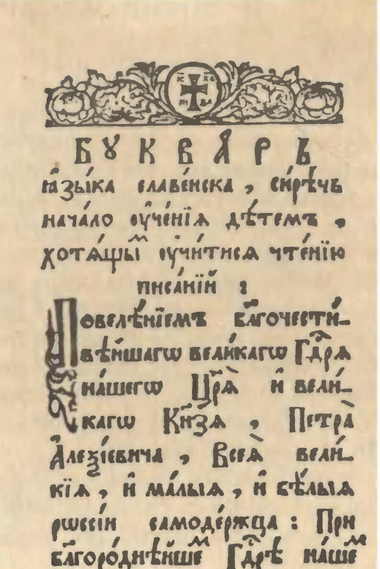
34. Немалая отроку есть краса, когда он смирен, а не сам на великую честь позывается, но ожидает, пока его танцевать или к столу идти с другими пригласят; ибо говорится: смирение молодцу ожерелие...

43. Все, которые что кому обещают, имеют прилежно трудиться, чтоб как возможно без отлагательства оное исполнить, хотя в том и убыток себе понесть, или прежде обещания должно наперед довольно размыслить. Ибо такого человека немного почитают, который слово свое применяет, понеже пословица гласит: не молвя слова, крепись, а дав слово, держись...

63. Млады шляхтич или отрок всегда должен быть охоч к научению всякого добра, и что ему прилично быть может, и не имеет дожидаться, пока кто его о том попросит, или потребует, или чтоб за ним для того в дом прибегали. А наипаче платить возмездие служащим, ибо в том есть великий грех и порок, когда кто у кого кровию заслуженную и трудом выработанную мзду наемничу удержит.

«Букварь языка славенска, сиречь начало учения детем хотящим учитися чтению писаний» (1708).

В основу букваря, напечатанного в 1708 г., положено популярное пособие Симеона Полоцкого 1679 г. Однако в отличие от букваря Симеона Полоцкого в этом новом букваре опущены сведения о стихосложении, учение о просодии и общие сведения из синтаксиса. Кроме того, новый букварь завершается послесловием «Увещание к родителям о воспитании детей», проводящим мысль об ответственности родителей за воспитание детей, дающим рекомендации педагогического характера. Автор пишет: «Родители любичи чада естественного есть Закона. Любити чада по закону плоти, не велика похвала, ибо и скоты тожда творят, любяще от себя рождаемые... Но любити чада по закону духа».

БУКВАРЬ
языка славенска, сиречь
начало учения детем
хотящы учитися чтению
писаний:
Повелением благочести-
вейшаго великаго гдря
нашего цря и вели-
каго кнзя, Петра
Алексиевича, всея вели-
кия, и малыя, и белыя
россии самодержца: При
благороднейшем гдре нашем

Титульный лист «Букваря...»

Листы «Букваря...»

Цревиче, и великом
кнзе, Алексии Петровиче.
Благословением же всего
освященнаго собора, между
патриаршество. Напечатася
в црствующем велико-
имените граде Москве,
в лето от сотворения мира
зсѕі. От рждства же по
плоти Бга слова, аѱи,
индикта, а. Мца
маия.

Предисловие к юношам
учитися хотящы.
Отроче юный от детства учися
письмена знати и разум, потщися.
Не возленися трудов положити
имать бо тебе польза многа быти.
Аще ся видит досадно трождати
но сладко плоды трудов собирати.
Иже в юности труды полагает,
во дни старости в покои бывает.
Наипаче, иже книгам научится,
от трудех чтных превозвеселится.
Дар писание великий от Бга,
тайна письмены являтся многа.
Что срце мыслит, и ум рассуждает,
то писание удобь извещает.

Леонтий Филиппович Магницкий
(1669—1739)

Русский математик и педагог. О родителях и месте рождения ничего не известно. По некоторым сведениям, учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве. Был высокообразованным человеком не только в области математики. Его предисловие к учебной книге «Арифметика сиречь наука числительная» говорит о том, что Л. Ф. Магницкий был хорошо знаком с риторикой, стихосложением, владел греческим, латинским, итальянским, немецким языками. Огромная эрудиция, тонкое владение педагогическим мастерством позволили Л. Ф. Магницкому создать учебную книгу по математике, на которой воспитывалось не одно поколение.

Книга создана на основе многих разноязычных книг, однако Л. Ф. Магницкий внес много своего, оригинального, русского. Он стремился приблизить знания «разноязычных книг» к русским математическим рукописям. Он наполнил учебник национальным содержанием, связал теорию с практикой, ввел арабские цифры. Являясь с 1701 г. преподавателем математики в Школе математических и навигацких наук, он лишь в 1703 г. опубликовал свою знаменитую книгу. Это говорит о том, что книга создавалась на основе его собственной педагогической практики. М. В. Ломоносов называл ее «вратами учености». В ней содержались необходимые сведения для практического приложения к алгебре, геометрии, астрономии, геодезии, навигации. Пособие, скорее, напоминало энциклопедию математических знаний. Чтобы ученики лучше усваивали математику, Магницкий разработал методику преподавания.

В Школе математических и навигацких наук Л. Ф. Магницкий преподавал до конца жизни. «Сущий христианин, добросовестный человек и в нем же лести не было»,— сказал о нем В. К. Тредиаковский[41].

Из «Арифметики Магницкого»[42]

Что есть арифметика? — Арифметика, или числительница, есть художество честное, независтное и всем удобопонятное, многополезнейшее...

Что есть арифметика политики[43]? — Есть числение, сочиненное в толиком удобном образе: яко кийждо может исчислити всякое исчисление, великое и малое, в продажах и куплях, в мерах же и в весах и во всякой цене и во всяких деньгах во вся царства всего мира.

На колико разделяется арифметика политики? — Разделяется на пять частей. 1. О числах целых. 2. О числах ломаных с долями. 3. О правилах подобных, в трех, в пяти и в седьми перечнях. 4. О пра-

Выпускъ 1-й.

АРИѲМЕТИКА МАГНИЦКАГО.

ТОЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНІЕ ПОДЛИННИКА.

Съ приложеніемъ статьи П. Баранова
(біографическія свѣдѣнія о Магницкомъ и историческое значеніе его Ариѳметики.)

Цѣна 80 коп.

ИЗДАНІЕ П. БАРАНОВА.
Москва—1914.

Титульный лист книги «Арифметика Магницкого».

вилах фальшивых, еже есть гадательных. 5. О правилах радиксов квадратных и кубических, к геометрии принадлежащих.

Что есть нумерацио? — Нумерацио есть счисление, еже совершенно вся числа речию именовати, яже в десяти знаменованиях или изображениях содержатся и изображаются сице: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0,— из них же девять незнаменательны суть, последнее же 0 (еже цифрою или ничем именуется), егда убо оно едино стоит, тогда само о себе ничто же значит; егда же коему оных знаменований приложено будет, тогда умножает вдесятеро, яко же предложено есть ниже сего...

Что есть аддицио? — Аддицио, или сложение, есть дву или многих чисел во едино собрание, или во един перечень совокупление.

Что есть субстракцио? — Субстракцио, или вычитание есть, им же малое число из большого вычитаем и излишнее объявляем.

Что есть мультипликацио? Мультипликацио, или умножение есть, им же что в числах умножаем или коликим вещем по множеству иных веще раздаем и количество их числом показуем.

Что есть дивизио? — Дивизио, или деление есть, им же большее число или перечень на равные части разделяем, от них же едину, число же показуем.

Феофан Прокопович

(1681—1736)

Видный церковный и общественный деятель, оратор, поэт, драматург, теоретик литературы, реформатор в области церковной политики, духовного и светского воспитания. Родился в семье мелкого торговца. Светское имя Элеазар.

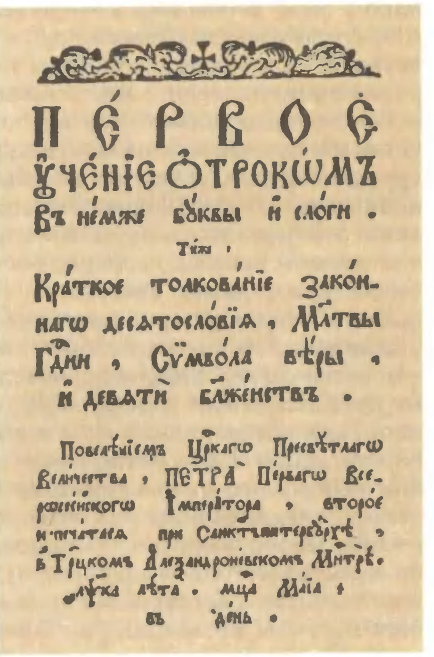
После смерти отца воспитывался у дяди, который был наместником Киевского братского монастыря и ректором Киево-Могилянской академии,— Феофана Прокоповича. При пострижении в православное монашество взял имя дяди. Получил по тем временам блестящее образование, пройдя курс наук в польской униатской школе, затем для продолжения образования отправился в Рим, где увлекался изучением философии, римской и греческой классики, знакомился с памятниками архитектуры, живописи.

Несмотря на то что Феофан Прокопович прошел большую школу католического богословия, в России стремился подчинить религиозные догмы светским государственным интересам. Являясь с 1710 г. игуменом Киевского братского монастыря и ректором академии, он много сделал для отечества в области развития науки. По инициативе Феофана Прокоповича вводятся в академию новые курсы — физики, арифметики, геометрии, что позволило придать известное естественнонаучное направление курсу философии, которую он сам читал студентам. Сторонник политики Петра I, он пропагандировал внедрение ее в область образования. С 1715 г. по вызову Петра I жил в Петербурге, являясь деятельным сотрудником и помощником Петра по управлению церковью (уничтожение патриаршества и учреждение Синода, вице-президентом которого Феофан Прокопович был назначен в 1721 г.).

В 1721 г. он пишет для Синода «Духовный регламент», в котором обосновал новую систему управления церковью во главе с Синодом вместо патриарха. В «Регламенте» ставился вопрос об открытии духовных школ, школ для простого народа; подчеркивалась мысль о роли светских наук в системе обучения. Проповеди Феофана Прокоповича — яркий образец публицистического жанра. Прежде церковного долга он призывал исполнять долг гражданский, служить государству, а не церкви. В своих многочисленных литературных, философских, исторических произведениях он развивал идеи обновления России в духе просвещенного абсолютизма. Принимал деятельное участие в открытии Академии наук. В своем доме открыл школу для детей-сирот «всякого звания», которых определял потом в академическую гимназию.

После смерти Петра I возглавлял так называемую ученую дружину прогрессивных писателей-просветителей (входили А. Д. Кантемир, В. Н. Татищев и др.), отстаивающих петровские реформы.

Букварь Феофана Прокоповича «Первое учение отроком» за 5 лет выдержал 12 изданий (впервые опубликован в 1720 г.). В первой половине XVIII в. по этому букварю учились почти во всех светских и духовных школах. В букваре были отражены прогрессивные взгляды на обучение и воспитание детей, содержался материал, требовавший от учеников осмысленного и углубленного изучения. Текст букваря изложен простым, понятным языком.

ПЕРВОЕ
ѹченіе отрокѡмъ
въ немже буквы и слоги.
Тѣже:
Краткое толкованіе законнагѡ десятословія, Млтвы Гдни, Сумвола вѣры, и девяти блаженствъ.
Повелѣніемъ Црскагѡ Пресвѣтлагѡ Величества, ПЕТРА Первагѡ Всероссійскагѡ Императора, второе напечатася при Санктъпетербурхѣ, в Троицкомъ Александроневскомъ Монтрѣ. ҂аѱкв лѣта. мца Маіа. въ день.

Лист букваря Феофана Прокоповича «Первое учение отроком».

На протяжении всей жизни Феофан Прокопович учился сам и призывал других к постоянному учению, ибо «прямым учением просвещенный человек никогда сытости не имеет в познании своем, но не перестает никогда учиться».

Из книги «О поэтическом искусстве»[44]

Предисловие

Много было и в древности да немало и в новое время выдающихся писателей, как греческих, так и латинских, которые с таким усердием и старанием разработали поэтические наставления и издали превосходные толкования, что, кажется, нельзя уже ничего ни пожелать, ни прибавить. И это искусство, бесспорно одно из самых прекрасных и привлекательных, имело уже столько наставников, сколько требовало его значение. Поэтому не без основания кто-нибудь, пожалуй, удивится, что и мы также пытаемся прибавить нечто от наших скудных способностей к столь многочисленным трудам богатых дарований. Ведь это почти то же самое, что прибавить свет солнцу или брызнуть в море каплю воды с пальца. Хотя эти и тому подобные обстоятельства чрезвычайно отпугивали меня от намерения взяться за этот труд, однако у меня появились кое-какие соображения, которые не только не отвратили от задуманного труда — каков бы он ни был — как бесполезного, но даже убедили меня в его необходимости. Среди этих соображений не последнее место занимала мысль о том, что в наше время почти во всех училищах у преподавателей той и другой словесности установился обычай излагать курс своим ученикам не по изданным другими трудам, а черпая как бы из собственных запасов. Если я не ошибаюсь, это необходимо по двум причинам: отчасти для того, чтобы день ото дня возрастало мастерство посредством соревнования на одинаковом поприще соперничающих дарований, отчасти же для того, чтобы даже давно известное, изменив свою внешность, благодаря имени и стилю авторов приобрело вид новизны и сильнее привлекало учащихся. Как бы то ни было, и мне, конечно, надо было следовать обычаю и наряду с другими учителями внести свой вклад в науку. К этому присоединяется и следующее соображение: хотя уже многие авторы написали превосходные сочинения по поэтике, к которым нечего добавить, однако их трудно осилить или по причине их изощренности, или потому что они, из-за подробного и пространного способа изложения, слишком обширны и их нельзя усвоить людям с более слабыми способностями; да, по-видимому, они и требуют срока обучения большего, чем годичный. Поэтому, я полагаю, стоит, опустив все темное и малодоступное, свести воедино в небольшом сравнительно объеме все более легкое, несложное, но более необходимое и, как бы собрав его в тугой узел, изложить насколько возможно кратко; заботясь при этом больше об удобстве и пользе учащихся, чем о том, чтобы

раздуть свою славу множеством исписанных листов. На все это указывает Гораций, весьма здраво советуя:

Если ты учишь, старайся быть кратким, чтобы разум послушный
Тотчас понял слова и хранил бы их в памяти верно!
Все, что излишне, хранить понятие наше не может.

Далее, что это наше сочинение мы решили разделить на три книги. Действительно, кое-что следует предпослать сочинению о поэтике в качестве вступления, которое одинаково наставляет поэта в героическом, лирическом, трагическом или иного рода жанре...

Сами же поэтические произведения отличаются между собой не только жанрами, но и объемом, и значительностью содержания. Бывают поэтические произведения более возвышенные, более важные; они сопряжены с большим трудом, нуждаются в мощном вдохновении и требуют больших усилий, да не меньше и решимости и выдержки; слабые плечи отказываются нести на себе их громаду. Такова, например, поэзия героическая, трагическая и другие в таком роде. Их изучению мы посвятим отдельно вторую книгу.

Другие же поэтические произведения уступают вышеупомянутым почти во всех отношениях. Таковы, например, оды, гимны, дифирамбы и вся лирическая поэзия с сопутствующими видами: эпиграммы, эпитафии, элегии, буколические эклоги[45] и прочие такого же рода. Объем этих поэтических произведений гораздо меньше, поэтому к ним смелее обращаются, легче разрабатывают и быстрее завершают их даже посредственные дарования...

Естественный порядок практических указаний требовал начинать изложение с этих последних малых жанров и затем уже переходить к вышеупомянутым возвышенным произведениям, так как всякое умение движется от более легкого к более трудному. Однако из уважения к значению эпических и трагических произведений мы поместим их в нашем изложении на более видном месте. К этому же самому нас побуждает и то, что усердие учащихся по большей части к концу года ослабевает, так как они, в ожидании заманчивых вакаций, меньше всего заботятся и помышляют об учении. Поэтому, думается, безопаснее можно возложить тяжкое бремя на более слабые плечи, чем на более утомленные.

Вы же, над развитием способностей которых мы трудимся с великой охотой, обратите к этой науке ваши помыслы, заботы и тревоги, достойные вашего призвания, достойные и моих ожиданий. Этим вы покажете, что и я не напрасно надеялся на ваши дарования, а эту вашу цель — благородную хотя бы в силу одного вашего дерзания — вы сделаете еще благороднее вашими постоянными усилиями. К этому вас призывает значение, польза и достоинство этой прекрасной науки. Так велика ее приятность и услада, когда мы применяем ее или упражняемся в ней (это составляет ее божественную особенность), что не только плоды, приносимые ею, но даже и самые труды, как бы велики они ни были, представляются чрезвычайно сладостными. И я не колеблясь объявляю того, кто, трудясь для муз, тяготится трудом, не рожденным для поэзии и не достойным называться поэтом.

Чтобы ваши труды — чего я вам желаю — были успешны, я хочу, чтобы вы уже на пороге избранного вами рода занятий вполне прониклись мудрым правилом философа — оно служит как бы опорой всех наук,— а именно: знать, что *особая обязанность учащихся — верить учителю*. Тогда и я с большей охотой стану излагать то, чем я, надеюсь, овладел, и вы, если только не хотите быть сами врагами своих успехов, бодрее приметесь за эти занятия.

Духовный регламент[46]

(отрывки)

ДОМА УЧИЛИЩНЫЕ И В НИХ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Известно есть всему миру, каковая скудость и немощь была воинства российского, когда оное не имело правильного себе учения, и как несравненно умножилась сила его и надчаяние велика и страшна стала, когда... Петр Первый, обучил оное изрядными регулами[47]. То ж разуметь и о архитектуре, и о врачестве, и о политическом правительстве, и о всех прочих делах.

И наипаче то ж разуметь о управлении церкви, когда нет света учения, нельзя не быть нестроению, и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересям.

Дурно многие говорят, что учение виновное есть ересей, ибо кроме древних от гордого глупства, а не от учения бесновавшихся еретиков... наши же русские раскольщики не от грубости ли и невежества толь жестоко возбесновалися. А хотя и от ученых человек бывают ересиархи, но ересь в оных родилась не от учения, но от скудного священных писаний разумения, а возросла и укрепилася от злобы и гордости, которая не попустила им переменить дурное их мнение, уже и по познании истины, против совести своей. И если посмотрим чрез истории, аки чрез зрительные трубки, на мимошедшие веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых, учением временах. Не спесивились так епископы до четыресотного лета, как после возгордилися наипаче константинопольский и римский: ибо тогда было учение, а после оскудело. И аще бы учение церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшие христианские особы и запрещали бы иным учитися: а то видя, что и учились все древние наши учителя, не токмо Священного писания, но и внешней философии, и кроме многих иных славнейшие столпы церковные поборствуют и о внешнем учении. Но много бы говорить, еще бы о едином сем нарочное слово было.

Ибо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание. Но сие накрепко наблюдать подобает, чтоб было учение доброе и основательное.

Ибо есть учение, которое к имени того недостойно есть, а обаче от людей хотя и умных, но того несведущих судится быть за прямое учение.

Обычно вопрошают многие: в которых школах был онсица (тот-то.-*И. С.*); и когда услышат, что был он в риторике, в философии и в богословии, за единые тыя имена высоко ставят человека, в чем часто погрешают. Ибо и от добрых учителей не все добре учатся: ово за тупость ума, ово за леность свою, кольми паче когда и учитель будет в деле своем мало или и ниже мало искусен.

Ведати же подобает, что от пятисотного до четыренадесятьсотного году, сиесть чрез девятьсот лет, во всей Европе, вся почитай учения в великой скудости и неискусстве были, так что у самых лучших авторов, во оныя времена писавших, остроумие видим великое, а света великого не видим. По четыресотном над тысячу годе почали проявлятися любопытнейшие и потому искуснейшие учителя, и помалу многие академии гораздо великую, и почитай от древних оных августовых лет, большую силу возымели: многие обаче училища в прежней тине остались, так что у оных риторики и философии и прочих учений, имена точию суть, а дело не тое. Причины того различные суть, которые зде за краткость не воспоминаются.

Таковаго же, тако рещи привиденного и мечтательного учения вкусивши, человецы глупейшии бывают от неученых. Ибо весьма темни суще, мнят себя быти совершенных и помышляя, что все, что-либо знать мощно, познали, не хотят, но ниже думают честь книги и больше учитися. Когда вопреки прямым учением просвещенный человек, никогда сытости не имеет в познании своем, но не престанет никогда же учитися, хотя бы он и Мафусалов век[48] пережил.

Се же вельми бедно, что именованные неосновательные мудрецы не токмо неполезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству, и церкви, пред властьми надмеру (чрезмерно.— *И. С.*) смиряются, но лукаво, чтоб так украсть милость их и пролезть на степень честный. Равного чина людей ненавидят, и если кто во учении похваляем есть, того всячески тщатся пред народом и у властей обнести и охулити, к бунтам склонны, восприемля надежды высокие. Когда богословствуют, нельзя им не еретичествовать, за невежеством бо своим удобь проговорятся, а мнения своего изреченного переменить отнюдь не хотят, чтоб не показать себе, что не все знают. А мудрии мужие сие между собою утвердили пословие: мудрого человека свойство есть отменять мнение.

Сие предложить судилось за благо; что, если царское величество похощет основать Академию, рассуждало бы духовное коллегиум, каковых исперва учителей определить и каковый учения образ указать оным, дабы на вотще (не впустую.— *И. С.*) пошло государское иждивение, и вместо чаянной пользы не была бы тщета, смеха достойная.

А как бы в сем опасно и искусно справитися, угодные суть последующие регулы.

1. Ненадобе исперва многих учителей, но первый год довольно единого или двоих, которые бы учили грамматике, си есть язык правильно знать латинский, или греческий, или оба языка.

2. На другой год, и третий, и прочии, поступая к большим учениям,

да и первого не отлагая для новых учеников, большее число и учителей придастся.

3. Искушать всячески, каков в деле своем есть, кто хощет быть учитель школы; например: желая ведать, искусен ли в языке латинском, велеть ему сложение русское перевесть на латинское, también латинское слово некоего славного в языке том автора, перевесть на русское, и велеть искусным осмотреть и освидетельствовать переводы его, и тотчас покажется, совершен ли есть или средний, или и того нижае, или весьма ничего. Суть же и иных учений свойственные искушения, которые мощно будет особенно списать.

4. А хотя и неискусен в требуемом учении покажется, обаче мощно знать, что остроумен есть, то знатно он за леностию или за плохим своим учителем не достигнул того, и таковому повелеть полгода или год самому учитися от авторов, в деле том искусных, аще учитель хочет быть. Только ж сие делать за скудость людей; а лучше бы на таковых не надеятися.

5. Определенным и добрым учителем приказать, чтобы они исперва сказывали ученикам своим вкратце, но ясно, кая сила есть настоящего учения: грамматики, например, риторики, логики и пр. И чего хочем достигнути чрез сие или оное учение, чтоб ученики видели берег, к которому плывут, и лучшую бы охоту возымели, и познавали бы повседневную прибыль свою, також и недостатки.

6. Избрать изряднейших во всяком учении авторов, которые свидетельствованы суть в славных академиях, именно же в Париже повелением короля Людовика XIV[49], так кратко, а совершенно заключена латинская грамматика, что мощно надеятися остроумного ученика за един год совершенно научить языка оного, когда у нас за пять и за шесть лет мало кто постигает, что можно знать потому, что студент, из философии или богословии изшедший, не может перевесть и среднего стиля латинского. Избрав убо, яко же речеся, лучших в грамматики, риторики и в прочих учениях авторов подать в Академию и приказать, чтоб оных руководством, а не иных учено в школах.

7. В богословии собственно приказать, чтоб учено главные догматы веры нашей и закон божий. Чел бы учитель богословский Священное писание и учился бы правил, как прямую истую знать силу и толк писаний; и все бы догматы укреплял свидетельством писаний. А в помочь того дела чел бы прилежно святых отец книги, да таковых отец, которые прилежно писали о догматах, за нужду распрь в церкве случившихся с подвигом на противные ереси... А хотя и может богословский учитель и от новейших иноверных учителей помощи искать, но должен не учитися от них и полагатися на их сказки, но только руководство их принимать, каких они от писания и от древних учителей доводов употребляют. Наипаче в догматах, в которых с нами иноверцы согласны суть, а однако доводом их нелегко верить, но посмотреть, если ли таковое в писании или в книгах отеческих слово и тую ли имеет силу, в яковой они приемлют; многажды бо лгут господа оные и чего не бывало приводят. Многажды же слово истинное развращают... Должен убо учитель богословский не по чужим сказкам, но по своему

ведению учить, и иногда, избрав собственное время, показать в книгах и ученикам своим, чтоб и они известны сами были, а несумнились бы, правду ли говорит или лжет учитель их.

8. По случаю зде, с причины мимошедшего совета, воспоминается, что при школах надлежит быть библиотеке довольной. Ибо без библиотеки, как без души, академия. А довольную библиотеку мощно купить за две тысячи рублей.

Библиотека учителем по вся дни и часы ко употреблению невозбранна, только бы книг по келлиям не разбирали, но чли бы оные в самой библиотечной канторе. А ученикам и прочиим охотникам отворять библиотеку в уреченные дни и часы.

И ходили бы в библиотеку которые язык умеют в особенные часы и дни по долженству, а в иные за охоту и в урочное время. Спрашивал бы всякого свой учитель, которого он автора чтет, и что прочел, и что списал; а если чего не разумел, то б ему объяснил учитель. Сие вельми полезно и скоро человека аки претворяет в иного, хотя бы прежде грубых был обычаев.

9. Обращаяся к школьным учениям, сие видится быть вельми благоуспешно, что могут некая учения двое или трое вдруг одного часа и одним делом подаватися. Например, учя грамматики, может учитель с нею учить купно и географию и историю, понеже по регулам грамматическим нужно есть делать экзерциции, си есть обучатися в переводах с моего языка за язык тот, которого учуся, и вопреки, с языка того на мой язык. То можно велеть ученикам переводить по части географию, или историю одну внешнюю, либо церковную, или на перемену оба те учения.

Обаче понеже историю часть без ведения географского есть как бы завязанными глазами по улицам ходить, того ради здравый совет есть: год, грамматике определенный, разделить на две части. И полгода первое учить грамматику с географиею, особенный в неделе день определяя, в который на карте будет учитель показывать циркулы, планисфериа и универсальную ситуацию мира. А еще лучше бы делать сие на глобусе и так обучать студентов, чтоб могли перстом показать, когда кто спросит их: где Африка, где Европа и к которым сторонам под нами лежит Америка; также и особь о государствах: где Египет, где Китай, где Португалия и прочая. А другое полгода давать в экзерциции переводить историю универсальную да краткую; только бы был автор чистого языка латинского, яковый есть Юстин[50] историк, и мощно будет после других усмотреть.

И се вельми полезно, ибо ученицы великое ко учению возымеют доброхотство, когда невеселое языка учение толь веселым мира и мимошедших в мире дел познанием растворено им будет; и скоро от них грубость отпадет, и еще при береге почитай училищном немало драгих товаров обрящут.

10. Чин учения таковый добрый кажется:

1) Грамматика купно с географиею и историею.

2) Арифметика и геометрия.

3) Логика или диалектика, и едино то двоеименное учение.

4) Риторика купно или раздельно с стихотворным учением.

5) Физика, присовокупя краткую метафизику.

6) Политика краткая Пуфендорфова[51], аще она потребна судится быть; и может она присовокупитися к диалектике...

11. Ректора и префекта усмотреть прилежных человек, и которых учение и труды уже известны. И укажет им Духовное коллегиум тщательным быть в деле своем, с таковым угрожанием, что ежели нечинно пойдут учения и неблагопоспешно, то они сами суду подпадут в Духовное коллегиум. И того ради смотреть должны, ходят ли всегда в школу учителя, и так ли учат, как подобает; и должны ректор с префектом посетить в неделю две школы, а в другую неделю другие две, и так и прочие кругом. А когда в школу приидут, учитель при них учить будет, а они слышати, хотя чрез полчаса. Також и вопросами отведовать учеников, знают ли, что уже должно бы им знать.

12. Если кто от учителей противен покажется академицким уставом и непреклонен наставлению ректорскому, такового ректор объявит в Духовное коллегиум; и по следовании (по расследовании, по проверке.— *И. С.*) отставлен или наказан будет по рассуждению...

14. О учениках сие рассуждение: должны все протопопы, и богатшии, и инии священницы детей своих посылать во академию. Мощно тоеж указать и градским лучшим приказным людям; а о дворянах, как собственная воля будет царского величества.

15. Приходящие же тыя ученики были бы при академии до конца всех учений и не отпускать от школ ректору без ведома Духовного коллегиум. А если бы ректор или иной кто отпустил ученика отай (тайно.— *И. С.*), за мзду поданную, и на такового преступника определить жестокое наказание.

16. Всем повсюду известно буди, что где будет человек ученый во академии и от академии свидетельствованный, того на степень духовной или гражданской чести не может упредить неученый, с великим штрафом на власти оные, которые бы инако сделали.

17. Новопришедшего ученика отведать память и остроумие и, если покажется весьма туп, не принимать во академию. Ибо лета потеряет, а ничего не научится.

А обаче возымеет о себе мнение, что он мудрый, и от таковых несть горших бездельников. А чтоб который не притворял себе тупости, желая отпуску в дом, как то другие притворяют телесную немощь от солдатства, искушению ума его целый год положить. И может умный учитель примыслить способы искушения таковые, яковых он познать и ухитрить не дознается.

18. Буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорив и буде чрез годовое время ни увещании, ни жестокими наказании одолеть ему невозможно, хотя б и остроумен был, выслать из академии, чтоб бешеному меча не дать.

19. Место академии не в городе, но в стороне на веселом месте угодное, где несть народного шума, ниже частые оказни, которые обычно мешают учению, и находит на очи, что похищает мысли молодых человек и прилежать учением не попускает.

20. Ненадобе хвалитися академии, но ниже смотреть на тое, что много учеников имеет; сие бы весьма суетно есть. Но смотреть, как много есть остроумных и добре учащихся, с великою пользы надеждою и как бы оных додержать постоянных до конца.

21. И сие есть отнюдь не потребно, паче же и тщетно, чтоб студентов, какие ни приидут, принимать на поденные деньги государевы. Приходят бо многие не для учения, но еще иные и неспособные по природе, для жалованья только; нищетною нуждою влекомы. Иные же и способные, да сколько похотят при академии живут, а когда и куда хотят, отходят. Что ж с того добра: только суетный убыток.

Принимать бы студентов с рассмотрением остроумия, и они бы запись давали на себе, что до конца учений пребудут во академии, под великим штрафом, если бы обета своего не исполнили без крайней нужды. И так можно будет оных по совершении школьном презентовать царскому величеству и по его величества указу определять оных на разные дела.

22. Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно: быть при академии или в начале и без академии семинариум для учения и воспитания детей, какие вымышлено немало во иноземных странах. А того некий зде образ представляется:

1) Построить дом образом монастыря, которого пространство и жилье и всякие к препитию и одеянию и прочим нуждам припасы были бы против числа детей (каковое определено будет по воле царского величества) пятьдесят, или семьдесят, или больше; також и потребных управителей и служителей.

2) В дому том имеют жить дети, и уже и большого возраста юноши, по осьми или по девяти человек в единой избе... с таким расположением: большие во единой, средние в другой, малые в третьей избе.

3) Всякому место определить при стене... где его стоит кроватка складная (чтоб в день логовища знать не было), також шкафа на книжки и иные вещицы и стулик для сидения.

4) Во всякой избе (сколько оных будет) имать быть префект[52], или надсмотрщик, человек хотя неученый, обаче честного жития; только б не вельми свирепый и не мелянхолик, летами от 30 до 50 году. А дело оного сие: насматривать, чтоб междо семинаристы (так воспитываемые в дому том нарицаются) не было ссор, драки, сквернословия и всякого иного бесчиния и чтоб во уреченные часы всяк делал, что должно. А всяк бы семинарист из избы своей без его благословения не исходил, и то со объявлением причины, куды и для чего исходит.

5) В том же дому подобает быть хотя б трем ученым человеком, монахом или мирским, из которых един будет ректор, дому всего управитель, а два — экзаменаторы, сиесть розыщики учения, как кто учится, лениво или прилежно.

6) Во всякой избе префект имеет власть наказывать себе подчиненных за преступление; но малых розгою, а средних и больших словом угрозительным. А потом на неиспрявляющихся доносить ректору.

7) Також экзаменаторы за леность во учении с малыми, средними и большими поступать будут и ректору доносить.

8) Ректор, верховная власть всех, всяким по рассуждению наказанием наказывать может. А кто непреклонен ко исправлению явится, того ректору не отпускать из семинариум без ведома Духовного коллегиум.

9) Определить времена ко всякому делу и покою семинаристом: когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, идти за трапезу, гулять и прочая. И все бы оные часы колокольцем означать, и все бы семинаристы, как солдаты на барабанной бой, так на колокольцев голос принимались за дело, какое на час уреченный назначено.

10) Не отпускать из семинариум в городы или куды ни есть, к своим в гости, пока семинарист не обыкнет, пребывая в семинариум, и не ощутит знатной пользы такового воспитания. А именно: до трех лет по приходе всякого в семинариум не испускать никуды; а и по третьем году не больше дважды в год позволить выйти в гости к родителям или сродникам, и то не далече отстоящим, так чтоб не больше седьми дней прошло из изшествия до возвращения в самый дом семинарийский.

11) А когда и так испущен будет в гости семинарист, то обаче придавать оному честного человека, яко инспектора или наблюдателя, который был бы при нем везде и всегда и при всяких случаях. И по возвращении давал бы рапорт ректору, что деялось. А если бы тот приданный инспектор, понаровя ему, утаил нечто худое, и такового плута бить гораздо. А можно будет тое познать и по сему, что возвратившийся семинарист не может не показати на себе некоей прежних нравов и охоты измены.

12) А когда какие сродники приидут в семинариум посетить своего тамо сродника, и тех гостей с ведомом ректорским ввесть в трапезу, или иную общую избу, или в сад, и тамо оным с сродником своим разговаривать, и мерно кушанием и питием потрактовать их можно, самому присутствующю ректору или одному экзаменатору, по рассуждению лиц.

13) Таковое младых человек житие кажется быти стужительное и заключению пленническому подобное. Но кто обыкнет так жить, хотя через един год, тому весьма сладко будет.

Обаче ко врачеванию скуки, последствующие регулы угодные суть.

14) Принимать до семинариум только малых детей от десятого до пятинадесятого году возраста, а выше того — разве за прошением честных лиц, свидетельствующих, что отрок и в доме родительском жил в страхе и добром насмотрении.

15) На всяк день два часа определить на гулянье семинаристом, а именно по обеде и по вечери, и тогда б невольно никому учитися и ниже книжки в руках иметь. А гулянье было бы с играми честными и телодвижными: летом в саде, а зимою в своей же избе. Ибо сие и здравию полезно есть, и скуку отгоняет. А еще лучше таковыя избирать, которые с потехою подают полезное некое наставление: такое, например, есть водное на регулярных судах плавание, геометрические размеры, строение регулярных крепостей и прочая.

16) Можно единожды или дважды на месяц, наипаче летом, проездиться на островы, на поля и места веселые, к дворам загородным государевым и, хотя единожды в год, в Санкт-Петербург.

17) В трапезе чтение будет ово историй воинских, ово церковных. А в начале всякого месяца, чрез два или три дни, чтомы да будут повести о мужах во учении просиявших, о церковных великих учителях, також и о древних и нынешних философах, астрономах, риторах, историках и прочая. Ибо таковых повестей слышание и сладко есть, и к подражанию мудрых оных людей поощряет.

18) Можно же еще дважды в год или больше делать некия акции, диспуты, комедии, риторские экзерциции. И то бо зело полезно к наставлению и к резолюции, си есть честной смелости, каковые требует проповедь слова божия и дело посольское, но и веселую перемешку делают таковые акции.

19) Могут установлены быть и некие почести добре и тщательно учащимся.

20) Добре, в великие праздники, быть при столе оных семинаристов гласом музикийских инструментов; и сие нетрудно, ибо первого токмо нанять мастера, а от него наученные охотные семинаристы должны будут и других научить на свое место туне; и сия седмь воспомянутые регулы служат ко увелению учащихся.

21) Подобает быть в семинариум церкви, аптеке и доктору, а школы в близкой академии, куда семинаристы ходить учитися будут. А если в семинариум и школы и учителя будут, то академия и семинариум вместе будут. А для учеников прочих, которые не похотят жить в семинариум, можно построить несколько жилья вне семинариум и пустить в наем студентам.

22) Регулы учителей, учения и учеников, выше во академии описанные, и зде хранитися должны.

23) Семинаристы едины будут люди убогии, и тыя, по милости царского величества, пропитание и одеяние и прочая нужная возымеют. А другие богатых людей дети, которые должны будут платить за корм и одеяние, а цене быть единой, навсегда определенной.

24) Как придет семинарист в совершенный разум и к большим учением достигнет, то должен учинить в церкви семинарийской при прочей братии своей присягу на том, что хочет он быть верен царскому величеству и его наследнику и готов к службе, до которой угоден есть и позван будет указом государевым...

Федор Степанович Салтыков
(г. рожд. неизв.— 1715)

Видный государственный деятель, сторонник социально-политических, экономических, культурных преобразований в России. Родом из старинных бояр. Руководил при Петре I строительством военных кораблей. В 1711 г. был отправлен Петром I в Англию и Голландию для закупки судов для русского флота. Из Англии Ф. С. Салтыков прислал Петру I две записки под названиями: «Пропозиции» и «Изъявления, прибыточные государству». В этих записках-проектах, не затрагивая феодально-крепостнических основ, монархии, сословных дворянских привилегий, Ф. С. Салтыков советовал императору развивать в России промышленность и активно осуществлять торговлю с другими странами. С этой целью он разработал план открытого пути в Индию, Китай. Ратовал за строительство фабрик, заводов. Много внимания уделял вопросам просвещения в России. В «Пропозициях» Ф. С. Салтыков изложил план распространения образования в России главным образом для детей дворян, купцов и «всяких разночинов», поставил вопрос о женском образовании. Предлагал создать в каждой губернии библиотеки.

Хотя его проекты носили узкоклассовый, сословный характер, не учитывали реальных возможностей их осуществления, тем не менее они были прогрессивны для своего времени. Они показывали стремление передового дворянства просветить Россию, несмотря на сопротивление бояр — сторонников допетровского времени. Ф. С. Салтыков был одним из образованнейших людей своего времени. Он «не мог не возбуждать ненависти к себе за свою слишком неосторожно высказанную правду»— так было сказано в предисловии к книге «Пропозиции», изданной в 1891 г. Вынужден был эмигрировать в Англию, таким образом обезопасив себя от ареста по указанию Петра I за непослушание, где и скончался в 1715 г.

Пропозиции[53]

(в сокращении)

ГЛАВА V

О МАСТЕРОВЫХ ВСЯКИХ ЛЮДЯХ И ПРОМЫШЛЕННИКАХ

Предложение 1

Велеть во всех городах прежде записаться всяким мастеровым людям и промышленникам о всяких рукоделий и промыслах, и велеть им записываться в ратушах, и о записи о всякого рукоделия и мастерства брать по все годы в казну деньги по усмотрению их мастерства и промыслу.

Предложение 2

Ежели кто похочет в ученики какого ни есть мастерства или промысла, и ему записываться в ратушах в книги, с которого числа и какого мастерства или промыслу начал учиться, и от записки брать с учеников смотря по мастерству и промыслу, и от того будет прибыль, и быть им в том мастерстве или промысле в учениках по семи лет, как в уставах есть в Англии кроме всех государств.

Предложение 3

И когда которому ученику выдет семь лет, и того ученика свидетельствовать в ратушах мастерам с его мастером вместе пред бурмистрами, и освидетельствовав его, учинить его мастером и дать ему на то мастерство грамоту за бурмистерским и того мастерства мастеров руками и велеть его записать в книге и от записи брать смотря по мастерству и промыслу.

Предложение 4

А незаписанным мастерам и незасвидетельстванным чтоб не быть, понеже всякие мастерства в том тратятся от несовершенства.

Предложение 5

Когда такие ученики будут по 7-ми лет у мастеров и у промышленников, тогда из них острые могут перенять все то, что мастер их умел своего мастерства и промысла, и потом в тех мастерствах и промыслах лучше промышлять, и время от времени ученики от учеников и один от другого перениманием могут вычистить свои ремесла и промыслы в крайность, так как ныне в Англии в самую изящность пришли, можно так сказать дерзко, что на свете таких мастерств не обретается и промыслов...

ГЛАВА VII. О ШКОЛАХ И МОНАСТЫРЯХ

Предложение 1

Велеть во всех губерниях учинить по одной академии или по две, а на те академии отдать несколько монастырей, и из тех монастырей вывесть ченцов, только оставить при церквах для служб священников и причетников церковных.

Предложение 2

И те в академии собирать мастеров из иных государств, а велеть тех мастеров призывать и их содержать теми монастырскими доходами.

Предложение 3

В те же монастыри велеть набрать учеников дворянских и купецких детей и всяких иных разных чинов, и учинить штрафы на отцов, чтобы они приводили детей своих от шести лет, и быть бы им до двадцати трех лет, и велеть их там записывать с которого году кто зачнет учиться.

Предложение 4

А по прошествии тех урочных лет употреблять их в службы воинские и градские, и больше тех лет отнюдь не держать по штрафам на мастерах, чтобы они их не укрывали от службы. Ежели кто в семнадцать лет не выучится, то уже он не будет ключим больше.

Предложение 5

Когда та молодых детё собрание с юности своей купно всегда между собою будет, тогда они будут натуры свои обощрять беспрестанным своим обхождением лучше, нежели как не дворянские дети свое воспитание имеют в деревнях, подобно тому как лес нечищенный растет.

Предложение 6

А по окончании тех уреченных лет брать их в служивые чины, и они будут ключимее, а которые и не очень выучены будут, лучше будут тех, нежели которые из деревни возьмутся, скорее станут понимать всякие отправления и службы.

Предложение 7

Содержать тех учеников, давать им платье и питание и жилище в монастырях из монастырских доходов, чтоб Вашей (царской — *И. С.*) казны в то истраты не было.

Предложение 8

А в тех академиях учинить дракарни, для того ежели кто мастер или из учеников кто издаст о чем какую книгу и та свидетельствуется, что не в противность закона и государства и нам всякую пользу, и те там велеть печатать.

Предложение 9

В тех же академиях велеть из разных языков и из разных наук сделать библиотеки как в Англии — в Оксфорде и Кембридже.

Предложение 10

А в тех академиях велеть учить:

Языков для обхождения в разговоре с разными народами	латинского греческого немецкого английского французского

Тех языков учат во всех академиях империи, во Франции и в Англии.

Свободных наук

Для правого и левого писания и глаголания	грамматика риторика
Для стихотворения	поэтика
Для рассуждения натуры	философия
Для познания истинного бога и законов	богословие
Для всяких образов и правлений и известия о всех государствах	истории универсальных и партикулярных
Математических наук	арифметика геометрия тригонометрия навигация фортификация артиллерия механика статика
Для гражданских и воинских правлений математики	гидростатика перспектива архитектура оптика гномика[54] музыка пиктура[55] скульптура миниатура

Для знаемости и положения мест	география
Для обороны собственной и для изящества учиться	на лошадях ездить на шпагах биться танцевать

Предложение 11

Ежели во всех губерниях сделаются по две академии, а во всякой академии было по 2000 студентов, итого будет 18 тысяч студентов в семи губерниях, и по прошествии семи лет из всякой академии будет выходить человек по 100, окончав некоторые свободные науки и впредь по последству по все годы. И так мы по сему образу сравняемся во всех свободных науках со всеми европейскими государствами, а без свободных наук и добрых рукоделий не может государство стяжать себе умного имени, а также будет всегда требовать во всех делах из других ученых государств людей на послуги свои и вспоможение.

Суплемент[56] 1

Надобно сделать историю Российского государства и о всех в нем заключающихся городах, и велеть ее перевести на немецкий и на французский языки, и велеть ее напечатать и отослать в немецкие государства и в прочие европейские для известия, чтобы они знали об этом поровну, и на оборону что старые и иностранные соседственные историки писали оное с поносимом о нем.

Суплемент 2

Велеть сперва перевести истории универсальные и партикулярные и велеть их напечатать и приказать, чтоб все вместо часовников и псалтырей учились словесному по них: сие будет воспоможение на известие о всех государствах и их правлениях.

Предложение 12

...Надобно во всех губерниях учинити женские школы, и на то обратить женские монастыри, и с тех монастырей вывести стариц, а буде в которых губерниях нет богатых монастырей, на то очистить мужские монастыри, на содержание тех и на их питание и на жилище и на содержание мастеров.

Предложение 13

И велеть под штрафом на отцов, чтоб водили в те школы дочерей с ... шести лет и быть им тамо до пятнадцати лет, и велеть их учить женским наукам:

Для домоводства	читать писать цифири
Для изящества в языках	французского немецкого
Для забавы	миктуры и миниатуры и перспектив
Для забавы же своей и в компаниях веселого обхождения	музыке инструментальной и вокальной, сиречь на всяких инструментах и вспевать танцевать

Чтобы и женский наш народ уровнялся с европейскими государствами рано.

Предложение 14

А в те монастыри отнюдь мужского полу не пускать, ни свойственников, кроме матерей, и учинить в тех училищах надзирательниц, а если которая ученица похочет ехать к отцу или к свойственникам на время для свидания, и их отпускать свободно.

Предложение 15

И как они будут всегда вместе, гораздо будут умнее и обходительнее, нежели как они у отцов своих живут в доме до замужества, не знав обхождения людского и разговоров.

Предложение 16

Во всех губерниях сделать по два женских училища, а в тех училищах быть по 500 в училище девиц, того будет во всех семи губерниях с 9000 учениц...

Иван Тихонович Посошков
(1652—1726)

Видный экономист и публицист. Родился в семье ремесленника-ювелира из подмосковного села Покровское, занимался различными ремеслами, затем стал купцом, предпринимателем, владел землей. Его «Книга о скудости и богатстве» являлась выдающимся произведением экономической мысли и публицистики первой трети XVIII в. И хотя она распространялась в рукописи (впервые была напечатана только в 1842 г.), среди передовой интеллигенции имела большой успех. В ней И. Т. Посошков выступил как идеолог нарождающейся буржуазии, предлагая меры для поощрения торговли и промышленности. Причем, по его мнению, занятие торговлей — это привилегия купечества. Дворянам и крестьянам торговать должно быть запрещено. Защищал идею ограничения крепостного права, установления законом размеров крестьянских повинностей. Вопросы образования рассматривал как составную часть своих общественно-экономических проектов.

Постоянно занимался самообразованием. Его произведения «Письмо о денежном деле», «О ратном поведении», «Зерцало очевидное», «Завещание отеческое», «Книга о скудости и богатстве» проникнуты чувством глубокого патриотизма, желанием сделать Россию сильной, промышленно развитой. Особые надежды он возлагал на «купецких людей». В «Книге о скудости и богатстве», сочинении «Завещание отеческое» (1705) И. Т. Посошков изложил прогрессивные идеи о необходимости обучать народ грамоте, создавать школы, печатать книги на русском языке, упростить церковнославянский алфавит. По его мнению, надо издать закон, обязывающий помещиков учить крестьян, потому что грамотные крестьяне принесут больше пользы и помещику и государству.

В «Завещании» И. Т. Посошков подробно останавливается на вопросах обучения и воспитания. Большое место в работе отведено нравственному, патриотическому, трудовому воспитанию. Он считал, что воспитывать человека надо с малых лет, ибо если «в юности научится злу, то в старости добрым человеком не будет». Родители должны следить, чтобы сын «никогда празднен не был». «Украшать себя надо не золотом и серебром, а храбростью... правдивым и твердым словом, а также книжным учением».

Хотя проекты Посошкова не были направлены ни против абсолютизма, ни против основ крепостничества, они носили прогрессивный характер, поэтому были истолкованы как опасные для государства, и после смерти Петра I Посошков был заключен в Петропавловскую тюрьму-крепость, где и умер.

Из «Книги о скудости и богатстве»[57]

О ДУХОВНОСТИ

...И во всех епархиях построить бы школы пространные и в те школы собрать всех поповых и дьяконовых и дьячковых и пономарских детей, от градских церквей и от уездных, от десятилетних. И буде которые отцы добром их в школы отпустить не похотят, то брать бы их и неволею и учить грамматике и всякого книжного разума.

И положить о сем недвижимый предел: буде кой человек школьного учения не принял и грамматического разумения не научился, таковых бы отнюдь во пресвитеры[58] и в дьяконы не посвящати. Такие причетники церковные пожелают пресвитерства, то будут и тридцатилетные, в школы и без понуждения приходя учитися и учением своим будут поспешати, и таковые люди года и в два-три научиться могут, понеже себя ради будут поспешати и с охотою учится имут.

И которой из них учение грамматическое твердо приимет, а летами своими юне, то таковых надлежит и риторики поучить или и философии. И тии не токмо во пресвитерской сан, но во архиерейство будут годны и учителями могут застати.

И таковым способом вся Россия может умудритися не весьма многими леты. И сие преславное дело трудно токмо начати да основати, а тамо будет оно уже и само правитися понеже и учение грамматическое и прочих наук умным и острым людям вельми охотно и любезно бывает.

А аще сие утвердитися, еже во пресвитерство неучившихся в школах не посвящати, то не можно будет того миновати, еже бы желающему пресвитерства не поучитися в школе, то я чаю, что друг друга будут учением своим и предваряти.

А егда грамотники и всякого благоразумия научатся и книг божественного писания начтутся, то не то что раскольнику, но и лютору и римляну могут отпор дать и уста их заградить, понеже все они от истинного христианства совратились, и бродят все, яко козлята, по непроходимым дебрям и по неудобным восшествия стремнинам. И тако в далекие пути зашли, что и возвратитися к прежнему благочестию не могут...

А ныне истинно таковых пресвитеров много, что не то, чтобы кого от неверия в веру привести, но и того не знают, что то есть речение вера, и не до сего ста, но есть и таковые, что и церковные службы, како прямо отправити, не знают. Да и знать не по чему: печатного двора справщики[59] от многого питья и от роскошного житья утыли и не хотят ясного изъявления о всяком церковном служении напечатать, чтобы всякой мог разумети, как что отправляти. Но токмо той пресвитер мало-мало и может прямо отправляти, кой довольное время побудет в городе при соборе или при разумном пресвитере и подначальстве, то тот то лише может по надлежащему службу

церковную отправити. А буде кой под началом не много побыл, тот ничего по книгам отправить не может.

А по прямому делу надлежало было о всяком служении напечатать в тех же служебных книгах ясно, дабы и простолюдин мог разумети, как что отправити, а ныне многие наугад отправляют, как тому промыслится. И сие стало не весьма добро, что так деется, и того ради и во градах в церквах многое несогласие бывает, а о сельных и дивить нечего.

И ради совершенного в церковных служениях исправления о всякой службе надлежит в тех же служебных книгах напечатать мелкою печатью тонкостное расположение, как моя служба или действо какое начать и как отправить и совершить. И аще обо всем будет ясно напечатано, то во всех церквах не токмо во градских одних, но и в засельских всякое служение отправлятися имать согласно.

И ради всесовершенного исправления не можно пробыть, еже б не напечатать тонкостного расположения о всяком священнодействии, а в совершенные школы послать учителей иноческого чина и мирского, кои грамматического учения искусны, и других учителей к ним, кои книжного разумения искусны и церковного круга навычны и кои в божественном писании силу знающии, еже непоемые речения могли рассуждати.

И грамматические учителя бы учили своего учения грамматического до обеда, или рещи, до полудни... бы те другие учителя, иже божественного писания искусны, учили б их страху божию и книжному чтению и церковному обхождению.

...И все школьники читали бы книги неспешно, но с самым вниманием, дабы чтомое мог разумети и памятствовати. И кой ученик невнятно будет читати, то той читатель, кой ко чтению и вразумлению книжному приставлен, непрестанно их понуждал и вразумлял, как их вразумительно читать и чего не дознают, толковал бы им. И кои книги кто читает, от тех бы книг спрашивал их по одинкам и внимал бы, каково кто памятно сказывает, и той учитель в памятную б книгу записывал, кто каков есть.

И буде кой ничего сказать не помнит, и тому чинил бы наказание и велено бы ему в другой ряд прочести. И буде и в другой ряд прочтет, а что читал, не помнит, то яве есть, еже тот во пресвитерство не будет годен.

...А чаю не худо бы и летописных книг дать им почитать, чтобы обо всем знали, что досюль бывало...

...А в день недельный велели бы им чинить между собою доспытания от священных писаний. А учителя оба бы слушали и внимали, кто каков в разуме и в разумении Святого писания, и каково что разсуждает, все бы то впредь для памяти записывали, а и того смотрели бы, кто к какому делу склонен, к духовному ли или к светскому...

...И егда куды потребуют пресвитера, то из тыих бы учеников отсылать на пресвитерство не по Отечеству, не по богатству, ниже по прошению прихожан, но по разуму и по истинному священства

достоинству. И достоинство бы того школьника подписывали оба тыи учителя, еже он годе во пресвитерской сан...

...И аще коея церкви попов сын возжелает отцу своему наследником быть, а по свидетельству учителей своих явится к тому чину негоден, то, аще и заручная о нем челобитная будет, отказать ему...

...А кой из них будет понарочитее, тово можно в дьяконство вчинить. А в пресвитерство отсылать самых достаточных и в писании рассудительных и во нраве кротких, чтобы он был свет миру, а не тьм...

И аще священный чин от таковых неключимств исправится, то яко новый свет в России воссияет. И тако их надлежит изучити, чтобы во время исповедания детей своих духовных паче всего научали о благочестии и о благоверии, како в нем твердо стояли, дабы блазни люторские и римлянские не склонялися и с раскольниками бы никакого разглагольства не знаючи, не разговаривали.

...И о сем всех бы своих детей духовных увещевали, чтобы они детей своих юных, не токмо градские, но и поселянские, учили бы грамоте и всякому благонравию научили их, а по улицам играть и без дела шататися не попускали с великим и твердым запрещением...

О КРЕСТЬЯНСТВЕ

...Паки немалая пакость крестьянам чинится и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в коей деревне дворов двадцать или тридцать, а грамотного человека ни единого у них нет, и какой человек к ним не приедет с каким указом или и без указу да скажет, что указ у него есть, то тому и верят и оттого приемлют себе излишние убытки, потому что все они яко слепые ничего не видят, не разумеют. И того ради многие, и без указу приехав, пакости им чинят великие, а они оспорить не могут, а и в поборах много с них излишних денег емлют, и оттого даровой приемлют себе убыток.

...И ради охранения от таковых напрасных убытков, видится не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои десяти лет и ниже, отдавали дьячкам в научные грамоты и, научa грамоте, научили бы их и писать. И чаю, не худо бы так научить, чтобы не было и в малой деревне без грамотного человека. И положить им крепкое определение, чтобы безотложно детей своих отдавали учить грамоте, и положить им срок года на три или на четыре. А буде в четыре года детей своих не научат, также, кои ребята и впредь подрастут, а учить их не будут, то какое ни есть положить на них и страхование.

А егда грамоте и писать научатся, то они удобнее будут не токмо помещикам своим дела править, но и к государственным делам угодны будут. Наипаче же в сотские и в пятидесятские вельми будут пригодны и никто уже их не изобидит и ничего с них напрасно не возьмет.

А чаю, не чудо указ послать и в низовые городы, чтобы у мордвы детей брать и грамоте учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда

научатся, то и самим им слюбится потому, что к ним паче русских деревень, приезжие солдаты и приставы и подьячие, овогда с указом, овогда ж и без указу, и чинят, что хотят, потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всяк их изобижает и чего никогда в указе не бывало, того на них спрашивают и правежем правят.

А егда дети их научатца грамоте, то грамотные будут у них владетелями и по-прежнему в обиду их уже не дадут, и будут свою братию от всяких напрасных нападок оберегать.

А иные выучат грамоте, познают святую христианскую веру, возжелают и креститися, то те грамотники мало-помалу иных свою братию к христианской вере приводить будут.

Завещание отеческое[60]

(отрывки)

ОТЕЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СЫНУ ОБ ОТРОЧЕСКОМ ЖИТИИ

Глава 1

1. В начале отрочества своего, сыне мой, паче всех наук прилежи книжному научению, не токмо славянскому одному, но и греческому, или латинскому, или хотя польскому, понеже и на польском языке много таковых книг есть, кои у нас на славянском языке не обретаются; а и к науке польский язык иных языков поемнее. И аще латинскому поучитися, обаче не все их книги приемли: кои обрящеши на разврат благочестивой нашей веры или к каковому греху приводящие, тыи весьма от себя отревай. И во все храни себя опасно, дабы тебе в чесом не поползнутися, и благочестия не погубити, и еритиком бы не быти...

7. Ты, сыне мой, не токмо единого блудного греха бойся, но и от всякого зла удаляйся. Так жить навыкай, еже бы тебе никого, старого или малого, или богатого или убогого человека, ничем же бы оскорбити. Но ко всем буди любителен и всякому человеку отвечай и глаголи кротостно; а сурово никаковому человеку, кроме причины, не глаголи, понеже сурово слово воздвигает гнев...

8. И аще ты, сыне мой, поедеши на коне, блюдись того, дабы ты какого человека, богатого или убогого, конем своим не потеснити и с дороги бы пешеходные не стиснути в грязь; и аще и не по пешеходной дороге поедеши и въедеши в грязь, то ты коня своего удерживай, дабы конь твой тихо ступал, дабы ты никакого человека не обрызгати грязью. И не токмо человека люби, но и скот милуй. Аще и курицу на пути наедеши, в песке роющуюся, не потесни ее: аще можно, объедь ю; и аще сие дело и не велико есть, обаче ты храни, понеже и она тварь есть божия. И аще какую скотину, или и пса на пути наедеши спяща или и не спяща, да распростершися по земли лежаща, не досаждай и ей, но такоже объеди ю, дабы и псу досажде-

ния какого не учинити ти. Тебе от того трудности великой не будет, еже ее поберечь и объехать или обойти, а она, аще бессловесна есть, обаче ей любо будет...

10. Такожде и по пашне насеянной на коне отнюдь не езди, понеже тою своею ездою; насеявшему ниву великую обиду учиниши: егда конь на кое место ступит, то не токмо колос повредит, но из корени изторгнет. И егда обрящеши где насеянный горох, или репу, или и иное что съедомое, не моги обиды учинити насеевшему, но токмо самую малую часть возьми, дабы той господин богу на тя жалобы не принес.

Так, сыне мой, опасно живи, дабы ты не токмо человекам, но и скотом мил бы ты был. И всякое дело первее к себе приложи и помысли о нем, угодно ль оно будет тебе, аще кто тако сотворит, яко ты кому хочеши сотворити. И аще тебе оно угодно, то и инем твори без сумнения; а аще же оно тебе самому не угодно явится, то ты такового дела людем отнюдь творити не замышляй...

13. Сыне мой, аще в совершенный возраст еще и не приспеши, а начнет в тебе возжигатися пламень похотения блудного, то ты немедленно оженись законным браком, дабы тебе в беззаконие не впасти и чистоты бы своей телесной осквернением блуда не погубити...

14. О избирании невесты. Еще же тебе, сыне мой, сказую и завещеваю: егда невесту будеши себе избирати, то и красоты преизлишней не ищи, да не введеши женнею красотою иных человеков в соблазн, и да не будеши чужим грехам виновен. А аще же искать будеши красоты духовной, а не телесной, то есть смирения и страха божия, и по той духовной красоте аще получиши и телесную красоту...

Глава 3

9. ...Аще бо со младенчества детей своих научите себя бранить и бить, то в возрасте бойтеся, чтобы вам от них до смерти убиенным не быть. Вельми бо, вельми зло, еже младым детям чинить потачка: всякое бо зло и безумство родится от родителевые потачки...

11. Егда же коего сына отдати во училище, книжного ради научения, то и тогда ни малой воли ему не давай, но в великой грозе держи его. И приставь к нему приставника верного, старика или старуху, чтоб ему не попускали с ребятами играть, а наипаче не попускали бы с ними вместе спать или и сидеть на одине; так тем приставникам твердо накажи, дабы из очей своих ни на мал час не выпускали. А егда повозмужают и за двенадцать лет которой сын переступит, то блюди твердо, дабы с девицами и со женами ни малого кощунания не чинил; и спать с ними, аще и в свойстве кая будет, не попускай; ниже со строки на особности попускай ему спати, дабы он в самой младости и прежде возмужания в блуд не впал. И того ради все бы твои дети спали во очесех наших; и в ночи надзирайте их, дабы кто из них не изшол во иную храмину ночевать. А наипаче не попускайте на чужие дворы, аще и к свойственникам, ходить ночевать, но всегда бы ночевали во очесех ваших.

12. Егда же книжного учения славенского крепко навыкнуть, и грамматику славенскую изучить кой, также и писать добре научится, и, выкладке цифирной научив до деления, поучи его и латинской грамоте и языку, или греческому, или хотя польской грамоте и языку, а потом поучи его и художеству, к каковому он свойствен будет. И каковому художеству, тягостному или к легкостному, научиши, то как твое хотение будет. А сего учения не моги отложити, еже бы тебе его не научить рисовать и в размере силу знать, чтобы он всякое дело прежде начинания делати, мог его нарисовати по размеру. И аще в размере будет силу знати, то ко всякому мастерству будет ему способно; и аще и командиром у какова дела будет, то он может всякое дело насквозь видети: ко всякому бо художеству рисовальное дело присутственно и зело потребно. К сему же понуждай его потребное и непотребное рисовати, чтоб он навыкал тому рисованию доскональе... дабы никогда празден не был и дней бы своих не терял даром.

13. И при том порядке обучай его и нужду всякую терпети. Одеждами драгоценными не украшай его, и не токмо драгоценными, но и в мягкие одеяния не облачай его, кроме праздничных дней; но даждь ему платье носить самое расхожее или и грубое, дабы он навыкал терпению. И аще придет на него скудость или бедство какое, то не он гнушатися и земледельного одеяния. То бо наше неразумие, еже детей своих преизлишне украшати и во всем их нежити; но надлежит детей своих украшати украшением духовным, а ризное украшение никакого добра не принесет, кроме пакости: от украшения бо навыкают дети гордости и вящее присвоение к блуду. Егда бо девицы или и замужние жены узрят младого отрока во убранстве добром, то зря на них паче уязвляются. А аще кой отрок и млад, да в суровом одеянии будет, к тому же аще во уборстве, к тому же аще не попустите с ними ни шутить и никаких разговоров перебивочных говорить, то на такового не восхотят и воззрить. И буде узрите или уведомитеся от кого, еже сын ваш с девицами или с молодицами будет шутить, то ты и ребра ему сокруши, без всякого милосердия накажи его, дабы впредь ни мало к ним не приближался, дабы он в блуд не впал и тела своего и с душою не осквернил. И такового ради охранения надлежит до самой женитьбы водить детей во одеждах не уборных и не красных.

Егда же оженится, то тогда можно уже и получше одежду учинить ему. Обаче и тогда выше меры свое отнюдь не давай им носити, но со уятием, дабы в том излишние траты пожиткам твоим не было, а наипаче царственному богатству излишней траты не было...

14. Нам не золотом, не серебром, но паче подобает нам себя украшати в воинском деле храбростию, в судейском деле — правосудием, в купечестве — праведным и неподвижным словом и товаром нелестным, мастеровым же людям — в тщательном художестве... к тому же украшатися книжным учением, грамматическим и риторским, и философским разумом. И аще в нас будут, то на весь свет будем мы славны, а и на оном свете не без похвалы будем.

...И ты, сыне мой, всячески тщися детям своим одежды чинить

не от высоких цен: елико себя ради, паче же — ради царственного пополнения, дабы наше Российское царство, от излишнего наряду, не отончевало. И тоя ради царственной прибыли, детям своим обшивных пуговиц, ни шелковых, ни шерстяных, ни самых золотных не покупай, понеже обшивные пуговицы — перевод деньгам...

16. ...И аще обыкнут твои дети одежды носить грубые, и яди ясти суровые, и пьянственна питья, а паче заморскаго, пить не будут, а к тому аще обучиши их в ежедневных трудах пребывати, то вельми будут здравы и долголетны, и в разуме и во всяких своих делах будут тверды.

И тако детей своих крепко держи, еже бы никакого дела своим изловом, без вашего ведения, не делали, но все бы житие свое и дела их были по вашей воле: понеже самоволие и в совершенном мужестве человеков враждает, колми же паче в юности. Аще бо здраво посмотрит, то всякие пакости содеваются в народе, тако и гражданские и житейские, от самоволия. К сему же ты, сыне мой, детей своих всему тому обучай, чесому аз повелех тебе обучатися и навыкати. И к каковому чину будет он склонен, то ты те статьи и предлагай пред него.

...И обедая в людях, избирай себе куски из блюда худшие или кои тебе ближние; а от дальнего края не взимай, да не будеши мерзок посадившему тя за стол; и за столом сидя, не ускори прежде господина или честньшего тя гостя ясти. И сие творя, всем любезен будеши.

...И сего ради ты, чадо мое, не моги и близ себя допустити самоумничества, но во всяком деле, не токмо в духовном или во гражданском, но и в правлении, употребляй совета, ово ж и от посторонних людей.

23. А без совета, наипаче без женнего, отнюдь ничего не твори...

О ГРАЖДАНСКОМ ЖИТИИ

Глава 5

1. Живи ты, чадо мое, никого не обижай и ничего чужого не желай, но буде доволен своим си имением. Аще и весьма беден будеши, в том и тщися пребывати, и богатства временного не весьма ищи но паче ищи вечного, чем тебе в бесконечные веки жить. Богатство бо временное ничто же есть, и аще кто его и получит, не всякому оно на пользу, но вящши бывает на погибель. Ибо от богатства приходит гордость, тщеславие, чревообъедение, сластолюбие, вещелюбие, всякая роскошность непотребная. От излишнего изобилия и в блуд паче впадают, и блудницы их паче любят, нежели убогих. Богатии же паче и обижают убогих и маломощных; и не токмо они сами, но и люди их многих обидят. И сего ради ты, сыне мой, не весьма ищи богатства. Добро богатство бывает тому, кой человек может им владеть Авраамски; а аще кто тако держати его не может, то лучше жить в посредности или и в самом убожестве. Богатство бо, и кроме вышеупомянутых страстей, и прежде получения, пакости наводит на

человека: ибо кои человецы желательно его ищут и хотят вскоре обогатитися, то впадают в великие напасти и погибают...

О прочитании книг и о почитании их. Егда будеши, сыне мой, книги читати, то читай их неборзостно и с прилежным вниманием. И держи при себе бумагу и чернила, и кая те речь понравится, записывай именно, в коей книге и в коей части... пользу бо великую себе и людям получиши от тоя записки. И никогда празден, сыне мой, не сиди: либо какое художественное дело делай, либо книги читай...

11. *О земледельстве.* А аще, сыне мой, и весьма оскудееши, и, от той великой скудоты, чем пропитатися не возможеши, то и тогда, сыне мой, во отчаяние, ни во уныние не вдавайся, и ни к каковому воровству и неправедному делу не касайся, и к воровским людям и к разбойникам не прилепляйся, и с мошенниками, ни со обманщиками, и ни с каковыми людьми неключимыми не снимайся, но... иди в земледельную работу. И аще цену, велику или малу, возьмеши, работай всею правдою, без лености и без лукавства: не дань к вечеру гони, но дело к концу приводи. И какую работу работать ни будеши, работай не так, каков обычай имут поденщики, но работай так, как ты можеши про себя работать...

ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ ТАТИЩЕВ
(1686—1750)

Русский историк, государственный деятель, руководитель горнозаводских школ на Урале. Был одним из тех, кто не только приветствовал петровские реформы, но и активно их осуществлял. Занимал различные должности в государственном аппарате Петра I: в армии (участвовал в битве под Нарвой, Полтавой, в войне со шведами, сражался с турками во время войны с Турцией), на гражданской службе (являлся советником берг-коллегии и Монетной конторы, главным правителем сибирских и уральских заводов, начальником Оренбургской экспедиции и Башкирского края, астраханским губернатором; был в заграничных командировках по заданию Петра I, изучал горное дело в Швеции).

Родился в дворянской семье, в Псковском уезде. Окончил Инженерную и артиллерийскую школу в Москве, учился в Пруссии. Как ученый В. Н. Татищев достиг огромных успехов в истории, географии, этнографии, горном деле, в воспитании и образовании юного поколения.

В разнообразной государственной деятельности (был основателем г. Екатеринбурга, ныне Свердловска), деятельности ученого (в течение 20 лет писал «Историю Российскую»), общественно-просветительской деятельности (составил первый русский энциклопедический словарь «Лексикон российский») В. Н. Татищев много сил и энергии отдавал просвещению не только дворянских детей, но и детей рабочего люда. В 1721 г. по инициативе В. Н. Татищева создаются школы для рабочих при Уктусском заводе на Урале, в 1737 г.— горнозаводские школы в Екатеринбурге, Соликамске, Каменске. Планировал создать школы для крестьян.

Свои педагогические взгляды В. Н. Татищев изложил главным образом в сочинениях: «Разговор о пользе наук и училищ» (1733), «Записка об учащихся и расходах на просвещение в России», «Духовная моему сыну» (1733), «Учреждения, коим порядкам русских школ имати поступать» (1736).

Наиболее значительная работа — «Разговор о пользе наук и училищ» написана в форме вопросов и ответов. «Духовная моему сыну» и примыкающее к нему «Увещание умирающего отца к сыну» написаны в русской традиции, как, например, «Поучение Владимира Мономаха», «Завещание отеческое» Посошкова. Они как бы подытоживают нравственное развитие общества в первой трети XVIII в.

Разговор о пользе наук и училищ[61]

(в сокращении)

1. Вопрос. Мой государь! Я, видя ваши поступки с вашим сыном, которого вы хотя одного имеете, но не пожалели в так молодых летах от себя отлучить и в чужестранные училища послать, прихожу в недоумение, какую бы вы из того пользу иметь чаяли: ибо, по моему мнению, в детях нам наибольшая есть польза, когда их в очах имеем, по нашей воле содержим, наставляем и ими веселимся; противно же тому отлуча оного и не всегда ведая о состоянии его, а паче о благополучии сумневаяся, в страхе и печали пребывать и оного ищемого увеселения добровольно лишиться нужно.

Ответ. Любезный мой друже! Вы мне положили вопрос, видится, противо вашего благоразумия, и что вы о увеселении от детей полагаете, оное такмо видимое, а не истинное; истинное бо увеселение в детях есть разум и способность к приобретению добра, к отвращению зла: разум же без научения и способность без привычки или искусства приобретена быть не может; и так, чтоб разумен был, надобно ему прежде учиться; если же того со младенчества не

приобретет, то он, в природной злости и невежестве остався, буйством и непорядками всегдашнюю печаль и страх вечной погибели, противно же тому, во младенчестве малым отлучением опечаля, разумом науки вечное увеселение приносить будет.

2. Вопрос. Ваше, государь мой, рассуждение изрядно, токмо мне сумнительно, чтоб подлинно благополучие человека в науке состояло: ибо приклады видим довольные, что неученые в великом благополучии, богатстве и славе, а ученые в несчастии, убожестве и презрении находятся.

Ответ. Вы, по-видимому, истину сказали, и нам так всегда со стороны кажется, что кто в богатстве и славе живет, тот в совершенном благополучии живет, токмо в том весьма ошибаемся: ибо ежели б на их внутреннее состояние посмотрели, то, конечно, иначе рассуждали и суще нашли бы, что оные от недостатка разума всегда тем, что они есть и что имеют, недовольны, но всегда большего, чести, или увеселения, или богатства, желая, а довольно никогда получить могуще, непрестанно совестию мучася в беспокойстве пребывают; противно же тому разумный человек, не взирая на других об нем мнения, сам всем доволен и совестию спокоен, а когда оное приобрел, то ему ровно как бы он всей земли владетель был.

3. Вопрос. Сие хотя правда, что благоразумный человек и в убожестве довольнее, нежели глупый в богатстве и чести, но я вас прошу прежде мне сказать: что есть наука?

Ответ. Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать.

4. Вопрос. Сия отповедь приводит меня в недоумение, ибо не мню, чтоб человек, как бы оный глуп ни был, да себя не знал.

Ответ. Правду вы сказали, что он может имя свое знать и чувствами внешнее, а не внутреннее познать,— да сие недовольно.

5. Вопрос. Что есть внутреннее знание?

Ответ. Я не хочу вас отягощать знанием свойства и состояния человека, что он состоит из вечного и временного, то есть души и тела, и в чем сих оных разность находится; но кратко скажу: еже знати, что добро и зло, то есть что ему полезно и нужно и что вредно и непотребно...

16. Вопрос. Вы сказали, что душа силы имеет, которые называете ум и воля, но разум, что мните, то же ли самое или иное свойство значит?

Ответ. Сей вопрос мне весьма приятен, что я вам принужден разницу оных кратко сказать и чрез оное показать, что нам наука нужна. Ум мы именуем силу души, в котором просто смысл разумеется, и сие частию прочим животным свойственно быть разумеем в людях же и глупейших по природе ум есть, но разум именуем ум, чрез употребление его качеств исправленный, которое от науки приписует-

ся, и тако может всякая душа человека умною, но неразумною назваться.

17. Вопрос. Что разумеете качества ума?

Ответ. Некоторые разумеют четыре силы, или действа, ума, яко поятность, память, догадка, или смысл, и суждение; но понеже поятность внутренних и внешних чувств воображается и яко страдательное, а не действительное, почитаться может, от многих ко оным последующим не прилагается и за страдательное, а не действие причитается.

18. Вопрос. Какая между сими свойствами души разница и с чего познавается?

Ответ. Поятность гречески фантазия, видение, вид, латински имагинацио именуется, а в философии собственно поятность действа и мнений разумеется, мы можем чрез помощь поятности трoякие воображения делать: 1) мысленные, когда мы чрез мысли представленные и памяти сообщенные свойства вещей чрез вспомнение смыслу или уму представим, которые властно яко присутственные являются, и такими образы, наипаче когда суждение успокояется, так нас обманывают, что мы подлинно за присутственные почитаем, как то сновидения нам уверяют; 2) поятность смысла или догадки бывает, когда смысл некоторые чаяния или вымыслы уму яко присутственные представляет, то тем довольствуется или отягчается, как то часто при читании сказок и сочинении некоторых машин в уме изобразуем и ощущаем; 3) поятность суждения, когда яко правдивое мыслями приемля, таковыми же уму представляя за правые верим, например, когда возмню, и суждение определяет, что конечно то последует, и тако яко истинное или присутственное представляет...

22. Вопрос. Какое состояние воли человеческой?

Ответ. Ум и воля хотя суть главнейшие свойства человека, как выше сказал, но между ними весьма различное состояние: ум бо яко царь властвует, а воля влечет на всякое хотение, из которого человеку различные благополучия и беды приключаются; того ради нужно человеку прилежать, чтоб ум над волею властвовал, и сию яко лошадь служащую нашей пользе, а оный яко узду правящую употреблять. А зане древние философы волю и страсти телесными...

28. Вопрос. Что вы о научении прочих животных скажуете, то мне мнится, что оное мы, равно как куклы, делаем и ими себя хотим увеселять, оные же не токмо не требуют, но и приобретши научение никоей пользы не имеют, и если оные, по нашему мнению, подлейшие, без всякого научения благополучны и по их естественному состоянию совершенны быть могут, то коль паче человек, о котором так разумеем, что имеет превосходное изящество пред всеми животными, без научения естественным порядком благополучен быть может?

Ответ. Ай, мой господин! Ваше мнение истины отдаляется, и я мню,

что вы сие токмо по остроумию вашему ощутили, а не истинное мнение объявили, ибо когда взираю на начало бытия человеческого, т. е. от рождения его, то ничто более как бедность его видима, и из того единого непостижимые нам премудрости творца довольно удивиться не могу, какое то всемогущей его воли намерение, что человеку, яко преизящнейшей между всеми животными твари, такое бедное начало жизни определить изволил, что ни едино из всех прочих такой бедной горести и недостатку неподвержено; например, возьму беднейшую скотину овцу и посмотрю на ее начало жизни, то вижу, что, как скоро ягненок родится, не показывает ему мать титьки, не кладет оной в рот, не прыщет молока, чтоб научился сосать, природа бо его научила; не пеленать его, чтоб не свихнулся, природа укрепила; не шьет и не надевает одежды, природа ему дала; не бережет его от огня, воды и ямы, природа его бережет; не сказывает ему, чтоб волка боялся, ниже он в том искусился, но природа ему злодея открывает; не удерживает его от объедения или непристойного и вредного любодейства, природа ко всем меру и время ему определила. Бедный же человек во всем сем оскудевает, что ежели б не помощь других людей жизнь его содержала, то б, конечно, смерть купно с началом живота являлась.

29. Вопрос. Како разделяется возраст человека?

Ответ. Состояние человека по возрасту разделяли многие разным счислением лет, яко 7, 9 и 10 лет; но большая часть разделяет так: 1) стан младенчества от рождения до 12 лет; 2) юношества от 12 до 25 лет; 3) мужества от 25 до 50 лет; 4) старости от 50 и далее. И сие весьма с природою согласует, зане страсти его то изъявляют.

30. Вопрос. Что примечаем в младенчестве человека?

Ответ. В младенчестве, когда человек родится, то чрез немалое время ничто более в нем видим, как есть и пить, а потому, когда мало что увидя света, получит силу поятия и возможность члены свои, яко язык, руки и ноги, употреблять, но оскудевающей памяти и лишением рассуждения к различным бедам подвержен, в котором призрение от других необходимо нужно; ибо если б его никто не научил, то б, имея способнейший к речению язык, ничего сказать и свое желание другим объявить или других познать не могут и хотя воля к благополучию в нем некоторые возбуждения делает; но за недостатком разума и искусства в смешанных и непотребных делах оное у него состоит и яко действа его ничто суть, тако и желания ни к чему иному, как спать, пить, есть и играть склонны, для которого он все лучшие и полезнейшие дела презирает и оные сим предпочитает; упрям; не хочет никому повиноваться, разве за страх наказанна, свиреп, зане может за малейшую досаду тягчайший вред лучшему его благодетелю учинить; непостоянен, зане как дружба, так и злоба недолго в нем пребывает, и чего прилежно ищет, получа, бросает и всегда нового хочет; суеверен, зане «от недостатка рассуждения», все, что ему скажут, тому верит; любопытен, ибо о всем спрашивает

и знать хочет, и для того к научению легких наук, о котором думать надобно, он лучшее время имеет; того ради детей особливо в языках с самого младенчества обучать нужно и способно, зане ум властно как мягкой воск, к которому все легко прилепится, но когда застареет, не скоро искорениться уже может; потом, когда прибавляющеюся кровию от кратчайших брашен тяжкие мокроты станут разводиться, кровь жидет и быстрейшее течение получит, тогда настанет состояние юношества.

31. Вопрос. Что примечаем в стане юношества?

Ответ. Когда оно настанет, то явится в нем острейшая память и свободный смысл токоже по искусству вреда начнет познавать, что оные младенческие поступки есть самая глупость, и хотя, по его мнению, о лучшем и позднейшем прилежать будет, однако ж в немалой опасности беды состоит; зане тогда наиболее в нем страсть роскошности или плоти угодия властвует, для которого он музыку, танцеванье, гулянье, беседы, любовь женскую, любодейство за наивысшее благополучие почитает, а покой, славу и богатство презирает, он хотя учтив, но и презирателен, хотя ласков, да скоро и досадителен, нережный, самовольный, скорый на гнев нетайный и в дружбе ненадежный, обаче поятный, стыдливый и легко наставление приемлет, для которого «науки большого рассуждения принимать в лучшем состоянии находятся, и тако» и сим помощь других людей и наставление мало меньше нежели младенцем потребно. Но когда умножающимся жаром мокроты иссушатся и быстрость течения жидкой и черной крови умножится, тогда настанет возраст мужества.

34. Вопрос. Пословица сия: век жить, век учиться — мне давно известна, по которой я рассуждая, что век человека не равен и не известен, того ради и наука никогда совершенной быть не может; о несовершенном же и ненадежном так много прилежать видится непотребно?!

Ответ. Сие ваше речение ни сами вы правильность иметь можете, рассудя, что человек от самого рождения престарения помощи и наставления требует «и без того никогда пробыть не может», как я вам по разностям возраста сказал; но паче помысли о себе, когда ты каждодневно с людьми обходишься и разговоры имеешь, то мню, что каждый день услышишь, чего не слыхал, да не в том обстоятельстве и рассуждении, а особливо между людьми учеными; если же пойдешь к разным ремесленникам, то всегда у них увидишь новые обстоятельства; и тако все оное есть невидимое учение и с пользою продолжается даже до смерти.

35. Вопрос. Почто в древние времена меньше учились, но более, нежели ныне, со многими науками благополучия видели?

Ответ. Сим вашим предлогом, не погневайтесь, показываете вы, что мало о знании древностей прилежали, да и не дивлюся, что вы так думаете, которое от природы во всех нас вкорененное, что мы

мимошедшее хвалим, наставшему дивимся, будущего чаем, токмо оное должно быть с рассуждением обстоятельств; без рассуждения же таким мнением часто не токмо других неправо судим, но и о себе самих погрешаем; например, древние философы, а более стихотворцы сказывали о древнем златом времени, которое всяких человеку недостатков, досад и оскорблений яко же и во власти над ними страстей лишенно быть, а довольствы и спокойностию одаренно представляли; но сие может тако разумей, что младенец, под призрением и попечением родителей не имея никаких от страстей происходящих себе попечений и тягостей, видя, что ему никто не завидует, ни грабит, ни в чести оскорбляет, ни иной коей обиды делает, есть от всего того спокоен, и ему есть суще златое время, и как тогдашние философы обычай имели из малого чего больше делать, прикладами доводить и силлогизмами утверждать. Так они разумея мир весь подобен быть человеку, для которого микрокосмос, или малый мир, человека «именовали, то легко из бытия и состояния человека» состояние мира заключали, да не весьма благорассудно; ибо если кто во младости, ни о чем полезном прилежа, отеческим имением в роскошности, т. е. играх, еде, любви женской и тому подобное наилучшее свое время препроводить, пришед в возраст мужества, сил и имения лишенный, а способности к приобретению своего благополучия не имея и от людей уничтожаем, хвалить прежния свои лета; видя же других равных или подлейших себя, но прилежностию и благорассудными поступками любовь и честь у людей приобретших, а себя уничтожаема, дивится настоящему; а понеже человек желанием благополучия чрез всю жизнь водим, то хотя и неприличные к приобретению оного способы вымышляет, однако ж на них надеется, да все неблагорассудно и беспорядочно оканчивая, чрез всю жизнь тем себя обманывает. Противно же тому благия наши и предков наших дела, от которых собственная самим и ближнему польза произошла, можем благоразумно похвалить и тому других наставлять, настоящим переменам мира сего дивиться, да не просто, но внимая по обстоятельствам причин, от чего оное происходит, и приняв приклады от памяти, что прежде из подобных тому дел произошло, и рассуждая, что ныне из того родиться может, благонадежно уповай, что в том не погрешишь, каковыми образы многие благоразумные люди о предбудущих следствиях дознаваясь угадывают. Но что касается до наук и разума прежних народов, то мы, взирая на известные нам древние действия, равно можем о них сказать как о единственном человеке, что со младенчества ничего в юности же мало что полезное показали; но приходя в стан мужеский, едва что полезное показывать стали.

46. Вопрос. ...слышу, что светские люди в гражданстве искусные толкуют, якобы в государстве чем народ простее, тем покорнее и к правлению способнее, а от бунтов и смятений безопаснее, и для того науки распространять за полезно не почитают.

Ответ. Я верю, что вы слыхали, да не верю, чтобы от благоразумного политика или верного отечеству сына, но паче мню от нерас-

судного или махиавелическими[62] плевели насеянного сердца произнесенного; благорассудный же политик всегда сущею истиною утвердить может, что науки государству более пользы, нежели буйство и невежество принести могут. Я вам прежде говорил, колико науки полезны, а незнание или глупость как самому себе, так малому и великому обществу вредительно и бедно. Ты рассуди сам, что по природе всякий человек, каков бы ни был, желает: 1) умняе других быть и чтобы от других почтение и любовь иметь; 2) как всякому необходимо помощь других нужна, так от тех помощников яко жену, друзей и советников ищет умных и к принесению пользы ему способных; 3) зане сии не в состоянии всем нам потребные услуги приносить, того ради прилежит человек, если можно умных, верных и способных служителей иметь, понеже на умного друга более может надеяться, что он ему в недознании добрый совет и помощь подаст, а служитель умный все повеленное и желаемое с лучшим рассуждением и успехом, нежели глупый, произведет, а в случае и совет или помощь подать способен; но в оном наипервее собственный разум должен преимуществовать, дабы как о друге и помощнике, так и о рабе мог по состоянию каждого рассудить, какая от кого польза может быть, и потому оного употреблять, яко иной способен на рассуждение, другой ко обороне, ин же к трудам и работам. И тако благоразумный от каждого по способности пользу иметь и другим полезен быть может, противно же тому несмысленый и неискусный сам себе вред и беды неразумием начинает и производит, советам разумных верить не способен и, сомневаяся, полезное оставляет или, начав, произвести не способен, а глупым и вредительным советам последует, да обрести умного друга не в состоянии, он умному служителю полезное повелеть и определить не знает; коль же паче трудность и вред происходит, когда глупых советников и служителей имеет, что все его намерения и дела без порядку начинаются и со вредом кончаются, и от такого никакой пользы ни ему, ни отечеству уповать не можно, еще же можем о разности науки и неведения рассуждать.

Разумный человек чрез науки и искусство от вкоренившихся в его ум примеров удобнейшую поятность, твердейшую память, острый смысл и беспогрешное суждение приобретает, а чрез то всякое благополучие приобрести, а вредительное отвратить способнее есть; он советы и представления испытует и по обстоятельству вещей поемлет, прежние же деяния и случаи от памяти взяв с настоящим уподобляет и, все благорассудя, определяет, неправильным и впредь вредительным не прельщается, бесстрашних обстоятельств не боится и на отвращение страха мужественно поступая отревает и побеждает, в радости и счастии не превозносится и оному не верит, а в несчастьи не ослабевает, беды же и горести великодушием преодолевает и, своим довольствуяся, чужого не ищет; противно же тому неведение всяким неправильным советам и предлогом прельщаяся верит, но вскоре узнавает, что обман есть; он сущего страха не боится; а где несть страха трепещет, в печали и радости не умерен, в счастии и несчастии непостоянен и во всем вместо пользы наносит себе вред,—

и сия есть разница между ученым и неученым. И хотя сие о единственном человеке говорено, но посему можешь и о целых народах или государствах рассуждать, особливо если хочешь обстоятельно знать, прочитай историю древних времен, увидишь многих народов и государств примеры, что от недостатка благоразумного рассуждения разорились и погибли, которых память токмо на бумаге осталась...

49. Вопрос. Я хотя вас сначала спрашивал, что наука есть, на которое вы сказали, что знать добро и зло; но, по многом разговоре, от того отдалились; того ради прошу, чтоб мне обстоятельно сказали, чего человеку учиться нужно?

Ответ. Я вам прежде сказал, что нужно человеку о том прилежать, чтоб в совершенство прийти и оное сохранить, пребывание елико по естеству возможно продолжить, удовольствие, а потом и спокойность приобрести, по которым и науки суть разных свойств и качеств, и хотя все их подробну толковать весьма пространно и в великую книгу уместить не можно, однако ж я вам кратко скажу: «в начале науки разделяются у философов по объявленным свойствам сугубо»: душевное богословия и телесное философия. По первому к совершенству, а наипаче нужно прилежно стараться, чтоб память, смысл и суждение в добрый порядок привести и сохранить. Другое внешнее, как вам прежде сказал, еже душа с телом связаны, что от повреждения телесных членов повреждаются и силы ума, того ради нужно и о внешних прилежать, дабы ни один член из надлежащего природного состояния не выступил или не повредился...

Другое же разделение есть моральное, которое различествует в качестве, яко 1) нужные, 2) полезные, 3) щегольские или увеселяющие, 4) любопытные или тщетные, 5) вредительные; но притом некоторые и по стану или состоянию человека могут быть нужны или полезны.

50. Вопрос. Которые науки нужные?

Ответ. Как человек из двух разных свойств, то есть души и тела, состоит, так его и науки по свойствам оных разделяются, но понеже телесные наипервое начинаются, того ради о сих прежде скажу, а оными заключу.

Телесные науки, по вышеобъявленному, нужны к совершенству:

1) речение, которым мы пред животными преимуществовать не пщуем; в недостатке бо речения ни совершен, ни доволен, следственно спокоен быть человек не может.

2) К пребыванию нужно учиться, чем бы плоть свою и свой род содержать и сохранить, для которого по природе нам нужно, как прежде сказал, о имении и пище, одежде и жилище спокойном прилежать, оные добрыми и правильными способами приобретать, а приобретенное с добрым порядком употреблять и хранить, дабы в случае нечаянного недостатка нужды не терпеть, и сие именуется домоводство, грече: экономиа.

3) Прежде вам изъяснил, что пища и питие непотребная или и

лучшее, да надмеренно употребляемо наносит нам болезни, а из того происходит прекращение пребывания или смерть, и хотя не знающие силы часто больного прилежать пищею укрепить, но тем многократно убивают. И для того нам нужно прилежать о знании качеств и употреблении количеств брашен[63], дабы мы могли здравие, следовательно пребывание или жизнь, продолжить, а по утрачении здравие возвратить, которая наука именуется врачевство или медицина.

4) К спокойности телесной и душевной нужно человеку со младости обучиться, чтоб мог себя от враждующих и нападствующих сохранить и обидеть себя не допустить, но понеже человек по естеству на зло склонен и часто своими непристойными поступками и обидами других на отмщение себе возбуждает, следственно, сам себе беды и пакости наносит. Того ради нужно самому перво научиться себя так содержать, чтоб никому досады, не токмо обиды не учинить, и в том крайне прилежать, о чем «в правилах закона естественного» довольно показано, и сие называется нравоучение: «оборона же и мщение правильное по закону нам не возбраняется»; но зане мы живем под законом и собственная оборона или отмщение для общего спокойства запрещены и обидетелям наказания, а обиженным награждения предписаны; того ради должно нам не токмо законы божественные, яко естественны, библически, церковный и гражданский своего отечества знать, но и силу законодавца внятно разуметь и по оным поступать. Сия наука именуется законоучение, а к тому еще, наипаче же шляхетству, нужно обучаться оружием себя, пистолетом и пр., оборонять, зане сей стан особливо для обороны отечества и отвращения общего вреда устроен.

5) Что от души принадлежит, то хотя так бы надлежало думать, что оная, яко дух ни коего обучения не требует, как прежде говорено; однако ж надобно о том трудиться, чтобы члены, чрез которые она силы свои изъявляет и движения производит, «чрез частое к порядочному движению и привычке в действо приводит», чтоб от вне представленные правильно поять, твердо в памяти содержать, подобности и следствия смыслом изображать и правильно судить, на что особливая наука логика с пользою устроена.

6) И последнее нужно человеку о спокойности души паче всего прилежать, дабы в жизни непотребными и вредительными от необузданной воли попечениями не отягощать...

Сии науки яко душевно, тако и телесно весьма нам нужны, ибо от неискусства или незнания, в них заключающегося, пользы и вреда благополучными быть и спокойности приобрести не можем.

51. Вопрос. Которые науки полезные?

Ответ. Полезные те, которые до способности ко общей и собственной пользе принадлежат и суть многочисленные: между всеми полезными науками письмо есть первое, чрез которое мы прошедшее знаем и в памяти храним, с далеко отстоящими так как присутственно говорим и еще иногда лучше, нежели языком, мнение наше изобразить можем; и хотя в мире можно сказать, что едва знающих в большем

благополучии, а грамоте умеющие в погибели находятся, для которого и пословица лежит: грамот горазд, не умеет ли пропасть; но сие не от грамоты, но от злодеяния приключается. Письмо же всякого стана и возраста людям есть полезно, когда токмо правильность порядком и с добрым намерением употребляемо; но при том надобно и о том прилежать: порядочно и внятно говорить и писать, для того полезно учить и своего языка грамматику. 2) Еще же человеку, обретающемуся в гражданской услуге, а наипаче в чинах высоких, якоже и в церковнослужении быть надежду имеющему, полезно, а иногда и нужно знать красноречие, которое в том состоит, чтоб по обстоятельству случая речь свою учредить, яко иногда кратко и внятно, иногда пространно, иногда темно, и на разные мнения применять удобное, иногда прикладами украсить, что особливо статским, придворным и в иностранных делах, а церковным в поучениях и в сочинении книг полезно и нужно бывает. И сия именуется русски: витийство, грече: риторика. 3) Инородные языки, дабы мы других не токмо с нами подданством внутрь России, но и пограничных или имеющих с нами торги и войны народов разуметь и им наше мнение объявить могли: но сие полезно токмо, когда правильно употребляемо; безрассудное же употребление, т. е. примешивание иноязычных слов в свой язык, вредительно, как то видим многих наибольшею частию неразумных и неученых от хвастовства и нерассудности не токмо в разговорах, но в письмах весьма странные слова употребляют, да к тому не в той силе или разуме или неправильно, а для чего, того сами сказать не умеют, кроме хвастанья, что умеет чужое слово выговорить; а что из того вреда происходит, того они рассудить не могут. 4) Полезно человеку учиться счислению, и хотя процесс счисления младенцы купно с языком приемлют и от употребления с одного до миллиона счислять могут; но сие всякому не довольно, а надлежит знать исчисление разных вещей по их качествам, мерою и весом, которое гречески обще математика именуется. А понеже в ней весьма много разных обстоятельств заключено, того ради каждая часть особливо звание, но более гречески от древности сохраняют и хотя все подобну сказать и каждой свойство описать времени недостает; но скажу вам токмо о главных тех частях, яко арифметика или счисление, геометрия или землемерие, механика — хитродвижность, архитектура — строительство. И сие всякого звания людям полезные; следующие же тое части, яко перспектива, оптика или видение, акустика (слышание), астрономия — звездочисление, некоторым людям учить полезно. 5) Весьма полезно в знатных услугах быть чающему учить не токмо отечества своего, но и других государств... 6) Хотя все врачи сказуют, что человек, пожив 40 лет, искусяся о болезнях и довольное рассуждение имея, может сам для себя врач быть, но к тому полезно знать ботанику или знание силы растений, також анатомию или расчленение, чрез чтоб совершенно познать внутренних тела своего частей положение и движение, причины; но сии науки, хотя всякому полезны, однакож более принадлежат тем, которые особливо себя во врачевство управляют.

7) Весьма же полезно знать свойство вещей по естеству, что из чего состоит, по которому рассуждать можно, что из того происходит и приключается, а чрез то многие будущие обстоятельства рассудить «и себя предостерегать» удобно, сия наука грече зовется: физика, русски: естествоиспытание, а к тому химия или разделение внутренне вещей принадлежит.

52. Вопрос. Какие науки щегольские разумеются?

Ответ. Оных наук есть число не малое, но я вам токмо некоторые упомяну, яко: 1) стихотворство или поэзия, 2) музыка, русское скоморошество, 3) танцевание или плясание, 4) вольтежирование или на лошадь садиться, 5) знаменование и живопись, которые по случаю могут полезны и нужны быть, яко танцевание не токмо плясанию, но более пристойности как стоять, идти, поклониться, поворотиться учить и наставляет; знаменование же во всех ремеслах есть нужно.

55. Вопрос. Как вы науки разумеете быть по стану или состоянию нужны или полезны?

Ответ. По разности станов и состоянию в людях, всех наук точно описать неможно, ибо склонности, охоты людей, а к тому и случаи бывают разные, однако ж кратко об некоторых скажу. ...историкам и политикам география, философам математика необходимо нужны; но духовным до оных дела нет. И паки врачам анатомия, химия и ботаника суть нужные; но богословам, политикам и историкам ни мало не нужно. Однако ж, кто что из полезных наук ни знает, все невидимо пользу приносит тем, что память, смысл и суждение исправляются.

114. Вопрос. Я вас последнее спрошу: какие училища, где вы за полезнейше учредить разумеете?

Ответ. Сие вам выше показано и особливо указы Петра Великого изъявляют, что по всем губерниям, провинциям и городам учредить надлежит, на которое он все монастырские излишние сверх необходимо нужных на церкви определил, и оных весьма достаточно; еще же и богу приятно, что такие туне гиблющие доходы не на иное что, как в честь богу и пользу всего государства употреблять. Но притом нужно смотреть, чтоб: 1) оные особливо что шляхетству нужно особно подлости отделено было; 2) чтоб учители к показанию и наставлению нужного и полезного способны и достаточны, а паче от подаяния соблазна безопасны были; 3) чтоб все шляхетству нужное всюду без недостатка к научению могло быть показано, и для того книг и инструментов надобно иметь с довольством; 4) чего казенное или определенное от государей не вынесть, то нужно шляхетству на то доходы сложить и учредить, чтоб могло и других пользовать; а затем: 5) последнее что над всеми надзирание таким поручено было, которые довольное искусство в науках, а наипаче

ревностное радение в пользе отечества разъяснить в состоянии. И тако все желаемое хотя не скоро, но благонадежно устроиться может...

116. Вопрос. Какое обстоятельство в учителях требуется?

Ответ. Частью о науке, частью о состоянии их смотреть нужно.

...Как для обучения по губерниям, так и для партикулярных училищ нужно таких учителей с великим убытком в каждую науку человека по два, в помощь иностранным определить, и тако чаятельно своих учителей со временем довольно способных получить.

117. Вопрос. Книги, мню, нетрудно у нас для научения достать: понеже прежде хотя и не столько печатали, а довольствовались; ныне же видим, непрестанно новые выходят. А к тому для учащихся других языков всегда можно из немецкой земли довольство достать?

Ответ. Удивляются, что вы сказываете, якобы у нас для научения книг довольно. Но каких? Разве азбук и часовников, то правда, что иногда их нетрудно достать; да часто случается, что и тех достать не можно. Что же новых книг принадлежит, то весьма таких мало, каковые к научению юности потребно. Мы до днесь не токмо курсов математических, историей, географии российской, которая весьма всем нужна, не говорю о высоких философских науках; но лексикона и грамматики достаточной не имеем. А что ныне печатаны, то, кроме примечаний при авизах седьмичных, все почитай для забавы людям некоторыми охотники переведены, а не для наук сочиненные. Но разве о тех думаешь, что вечнодостойные памяти Петра Великого как сам до артиллерии, фортификации, архитектуры и пр., охоту и нужду имея, неколико лучших перевести, и напечатаны. Но и тех уже купить трудно, а более почитай не видим. И сей недостаток никогда наполнится, доколе вольные друкари с безопасным учреждением устроятся.

118. Вопрос. Как мнишь шляхетству собственно училища иметь, ибо ваше прежнее о непотребности домовых школ сказание приводит в сумнительство?

Ответ. Сие я разумею посредственные между домовыми и государственными, что избежания во оных избыточеств и недостатков сами то исполнить должны, чего желать можно. Учреждению же и содержанию их можно с пользою, пример взяв от английских и французских учреждений, по способности состояния нашего государства устроить. Например, малого училища для самых младенцев, где токмо до 50 персон, языков немецкого и французского, також арифметики и геометрии первых частей, а по-русски читать и писать, яко в семинариях обучать...

119. Вопрос. Что в правлении нужное разумение?

Ответ. Сие есть главнейшее и нужнейшее в государстве, чтоб правление всех в государстве такое было, которое б в состоянии находилось

все вреды и препятствия ко умножению наук предупредить, а вкравшиеся отринуть, о сохранении общей пользы прилежать и оную, колико удобно, умножать. А понеже науки, училища разных качеств и много о всем рассуждении всегда требует, то весьма нужно, чтоб для оного особливое собрание или коллегия учреждена была, которая б всегда на все училища, какого б оные звания ни были, внятное надзирание на их порядки и поступки, а ко исправлению и лучшему учреждению власть имела. И для того весьма потребно из главнейших российских как духовных, так мирских, хотя по одной персоне; а к тому для помощи неколико посредственных определить, а наипаче таких, которые как в науках неколико знания и охоты имеют, то б в ревности и прилежности не оскудевали. Чрез что в краткое время, более нежели до днесь, пользы государству во всех обстоятельствах приобрестися может, чего от сердца желаю и сей разговор оставляю.

Духовная моему сыну[64]

(в сокращении)

II

...Весьма нужно тебе поучатися и в светских науках, в которых нужнейшее — право и складно писать; затем арифметика, геометрия, артиллерия и фортификация и прочие части математики, токожде немецкий язык, чтоб тебе необходимо нужно для известия о состоянии государства нашего; история русская, которую ты хотя не в совершенном порядке, однако ж довольную в моих письмах найдешь, и ко оной примечания и дополнения, из чужестранных книг выписанные на разных бумагах, если охота будет, можешь в порядок собрать и как себе, так и всему Отечеству в пользу употребить; география русская, которую всему шляхетству знать нужно: сие никто не сочинил, и я хотя много о том трудился, но окончить не надеюсь, ибо того без помощи государя никак сделать не можно, ты из учиненного мною распорядка можешь довольно ее пользу знать.

Необходимо нужно есть знать законы гражданские и воинские своего Отечества, конечно, во владости надобно тебе уложенье и артикулы воинские, сухопутные и морские, не однова, а некогда указы прочитать, дабы как скоро к какому делу определишься, мог силу надлежащихся к тому законов разуметь; наипаче же об оном, по причине собственных своих и посторонних дел, с искусными людьми разговаривать, и порядком, яко же и толкованию законов, не меньше же и коварства ябеднически познавать, а не делать, но учиться должно, что тебе к немалому счастию послужить...

IV

По окончании наук, как токмо в возраст осьмнадцати лет приидешь, хотя в тебе тогда наипаче любовь к женам и явится, однако ж для

будущего благополучия, яко для приобретения чести и способности, должно тогда тебе в определенную государственную услугу вступить... а по прошествии тридцати лет должно о браке думать и следующее в памяти иметь: всевышний бог сотворил человека; видя яко не добро ему единому быти, сотворил ему помощницу, сиречь жену, и в тот час положил им первейший завет: раститеся и множитеся и наполните землю, который мы все должны исполнить, если немощь телесная или иные обстоятельства и неудобности не удержат. Но при вступлении в брак с довольным рассуждением поступать: 1) Хотя многие родители мнят, для увеселения своего или для удержания детей своих от продерзостей, весьма младых сочетать; но из того счастию немалый вред ощущают тем, что младые люди как в дружбе, так и в любви нетверды; и для того сначала хотя довольно любовь изъявлять, но редко в том постоянны пребывают; а особливо, что мы не по нашей воле в службу определяемся, и по нескольку лет за отлучением, жены и дому не видим, чрез что любовь супружеская весьма часто разрушается. Они же тем ранним браком много по приобретению науки, и чрез службу в неискании себе благополучия, препятствуют; а наипаче многократно здравие себе разрушают, и вместо ищемого родителям и себе увеселения, немалое оскорбление и с сожалением о учиненном наносят. И для того лучшие лета брака от 30 лет почитают. 2) О персоне супруги: хотя о супружестве или о любви никто более рассуждать не может, как сочетающиеся, и для того на власть родителей и воспитателей законом узда наложена, чтоб силою и противу воли к сочетанию не принуждали: однако в толь великом деле, на котором немало благополучия нашего зависит, самому себе, наипаче же человеку неискусившемуся, верить не можно, ибо любовь часто так помрачает ум наш, что мы иногда наше благополучие, здравие и погибель презираем. И для того в таком деле, как бы тебе все обстоятельства приятны ни казались, нужно употребить в совет людей искусных, а паче родственников и свойственников; ненадежных же весьма в таком совете должно остерегаться, дабы по недовольному тебе обстоятельству вреда не принесли, как то мне в мою жизнь довольно таких коварств ведать и видеть случилось... 3) Что до персоны супруги касается, то главные обстоятельства — лепота[65] лица, возраст и веселость в компании, которую женам большую похвалу приносят, и тем много молодые прельщаются. Но как известно, что в краснейшем яблоке наиболее черви, а при лепоте женщин продерзости находятся, для того оное бывает не безопасно... 4) Обстоятельство богатства, которое многих прельщает, и правда, что чрез оное многое иногда благополучие приобретается; но... не ищи богатства, его же любит время, время и погубит; и для того, конечно, должно в супружестве не искать богатства, а особливо тебе: оставлю моего имения, чем честно жить и неоскудно есть; ищи главного, то есть жены, с кем бы можно в веселии век свой препроводить. 5) Свойство доброе, а особливо нам из оного не малая польза: ибо добрые свойственники лучше, нежели великое приданое бывает, зане по обязательству свойства они в совете благонадежнее, нежели сторонние... 6) Главнейшее в жене — доброе

состояние, разум и здравие, еже все оно превосходит; яко Сирах скажет: еже честная благоразумная жена паче злата, а паки именует ее венцем и веселием мужа, якоже и подлинно есть. 7) По сочетании главное в твоей должности есть еже к жене любовь и верность ненарушиму сохранять...

IV

Разность услуг шляхетских есть троякая, яко: гражданская и придворная...

Вступя в службу, хотя храбрость есть наилучшая воину похвала, но нерассудная запальчивость есть сама глупость, и не меньше робости как себе, так и Отечеству вреда приносит; и для того нужно весьма в том остерегаться, чтоб как свой живот, так и пользу Отечеству сохранить; никогда нагло не врываться, а паче хранить, чтоб подвластных твоею опрометчивостию не погубить. Противно же тому робость есть тяжчайший солдату порок и поношение. И для того, елико возможно, надлежит посредство хранить, чтоб вперед не вырываться и назади не оставаться: за тем прилежат, от начальников почтением и послушанием, а от подвластных ласкою, рассудительностию и благоразумием почтение и любовь приобрести, что тебе главным благополучием быть может...

VII

Другая служба шляхетская есть гражданство...

И для того, хотя ты в военную службу определишься, всегда должно в памяти иметь, чтоб тебе когда в гражданство определиться. Для познания, как о чем рассуждать, паче всего старых, честных и разумных людей рассуждения прилежно слушай, что тебе довольно в память вкорениться может.

По вступлении в дело, наипаче всего храни правосудие во всех делах твоих, не льститеся ни на какую собственную пользу, помня то, что хотящие богатитися впадают в беды и напасти и что неправедное создание прах есть. И подлинно оным хотя на малое время возвеселишися, но совестию будешь мучиться, и оное богатство весьма непрочно. Наипаче в делах государственных ущерб казне, каким бы то образом ведением ни учинил...

Сие тебе довольно показывает, чтобы ты прилежал наипаче всего о правосудии. Не предай немощного в руки сильному; никогда себе не воображай, что ты за то пострадаешь...

А при том еще хранися гордости, что у некоторых судей больших челобитчикам в честь показывается, не токмо ему бедного человека выслушать терпеливо и дать ему добрый совет или наставление и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постели лежал, двери не затворялись, чему ты сам свидетелем был, и ни о ком холопы не докладывали, но всяк сам себе докладчик был: и хотя многократно за безделицами и в неудобные времена прихаживали, но я не оскорблялся, ибо часто то случалось, что многим в кратности нужно было помощь подать и великой вред отвратить.

Инструкция «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах»[66]

УЧРЕЖДЕНИЕ, КОИМ ПОРЯДКОМ УЧИТЕЛЯ РУССКИХ ШКОЛ ИМЕЮТ ПОСТУПАТЬ.

1. Учитель есть человек, который детей читать и писать или иным каким наукам и познанию полезных правил и жизни человеческой обучает. И для того он, яко един отец им общий вместо многих родителей. Он должен по совести не токмо в их предпринятом учении, но во всех делах, обхождениях, и поступках твердое и прилежное надзирание и попечение иметь, как отец о сущих детях. И им без лености и продолжения все ясно и внятно добрым порядком и наставлением показывать. Но как известно, что младенцы образы жития старших над собою от видения приемлют и по тому прилежно следуют, того ради должен учитель быть благоразумен, кроток, трезв, не пианица, не зершик, не блудник, не крадлив, не лжив, от всякого зла и неприличных, паче же младенцем соблазненных поступков отдален, чтоб своим добрым и честным житием был им образец, ибо в противном случае как пред божиим, так... судом ответствовать за всякое преступление и соблазн должен.

2. Учителя должны каждодневно в школу приходить прежде прихода учеников; и если где учитель не один, то наипаче молочшей повинен то чинить, дабы столы и скамьи, осмотря, в порядок поставить, школа чтоб чиста, а зимою тепла, чада и смрада чтоб никакого не было, и ежели что не исправно, то исправить, книги учебные, которые в шкапах хранятся, по местам разложить и все к приходу их изготовить. Если же который учитель то презрит, то за едино умедление жалованья за неделю лишен будет.

3. Ученикам собираться в школы летом, апреля с 1-го, сентября по 1-му, поутру точно 6, после обеда 2, выходить до полудни 10, в вечеру 6 часов; зимою, т. е. октября с 1-го, марта по 1-е число, приходить по утру 8, после обеда 12, выходить по утру 11, в вечеру 3; весною и в осень, т. е. в сентябре и марте, до обеда 4, после обеда 3 часа учиться.

Но сие разумеется о младенцах не меньше семи лет, которые же меньше семи лет, тем убавить как пред полуднем, так и по полудни полчаса и более, смотря по состоянию каждого.

Самые же малые, лет пяти и до шести, не имеют долее сидеть, как 2 часа сподряд, дабы вдруг сидением не отяготить и науки им не омерзить, некогда же и междо учением может учитель на полчаса младенцем допустить погулять...

5. В учении младенцем должен учитель начинающим азбуку каждому сам начинать, и когда ему несколько раз буквы покажет, тогда посадить его подле такого, который уже основательно знает, и приказать, чтоб оной за ним надсматривал и как к показанию, так изречению букв поправлял, а за тем учителю почасту самому надзирать и поправлять, однако ж без всякой злобы и свирепости, но ласкою

и с любовию показуя себя как словами, так и поступками любительно и весело. И когда будет чисто слова выговаривать и их познавать, тогда его похвалят и скорым науки окончанием обнадежат. И потом же, как многие буквы познает и складывать начнет, тогда учитель может одному из учеников приказать, чтоб начинал, дабы ему к надзиранию других и прослушиванию уроков времени не оскудевало.

6. Чтоб ученики охотнее и скорее обучались и меньше принуждения и надзирания требовали, давать им мерные уроки, и как скоро который урок свой выучит, так скоро его с похвалою из школы выпустить, чрез что и ленивым подается лучшая охота. Для которого сперва давать уроки малые, и когда способность в котором усмотрит, то помалу может учитель прибавливать, а ленивых наказывать, однако ж не столько битьем, как другими обстоятельствами, а наипаче чтоб более стыдом, нежели скорбию, яко стоя у дверей, привязану к скамье, и на земле сидя кому учиться, или несколько часов излишнее пред другими в школе удержать. И если такие наказания жестокосердому недостаточны, тогда биением по рукам или легкою плетью по спине, токмо того весьма храниться, чтоб часто не бить, ибо тем более побои в уничтожение и ученики в бесстрашие приводятся. В голову же и по щеке учеников отнюдь не бить.

7. Хотя до сего времени неискусством учителей в обычай введено младенцев обучать азбуке, потом Часовник, Псалтырь, некоторые же Апостол и все оное наизусть, а потом писать, которым многих лет до пяти удерживали. И хотя оные книги наизусть читать могли, но силы слов не разумели, писать правильно и порядочно ничего не умели.

И для того ныне оной порядок оставить, а учинить тако:

Как скоро младенец азбуку выучит, то ученику начать для читания и показания склада учить книжицу, сочиненную преосвященным архиереем новогородским Феофаном Прокоповичем, именуемую «Первое учение отроком», и «Зерцало человеческого жития», сочиненную его превосходительством графом Бросом; которыми при читании купно знанию закона божия и честного жития обучаться будет. Но и притом, когда младенец каков-либо стих выучит, должен его учитель спрашивать, преж читая ему, знает ли он силу того, что учил, чтоб простым наречием и хотя непредписанным порядком пересказал. Но притом учителям смотреть, чтобы ученики читая не кричали, но каждый тихо про себя, чтоб другому в разумении, а учителю в прослушивании не мешали.

8. Как скоро объявленные книжицы ученик складывать станет, тогда немедленно начать ему и писать буквы по черной деревянной доске... мелом, который во всех школах иметь казенный. Оные буквы писать крупно, чисто и хотя разными, но употребляемыми почерки. И для того письма уделять им после обеда час из вышеобъявленного времени.

А когда внятно читать и все буквы хорошо писать будет, тогда начать ему склады писать и суще из тех же, или для того нарочно

сочиненных, книжек, тогда все время после обеда оставить к писанию, токмо следующее накрепко хранить: 1) чтоб в письме странных букв и много наверху строки, а особливо целого слогу не писали; 2) чтоб одну букву с другою не мешали. И для того учителем грамматику и при сем приобщенные правила прилежно читать, разуметь и хранить; 3) в начале всякого писания класть большую букву, потом також во всяком стихе начальную нечто побольше рядовых, а прочие все равны; 4) привыкать речь разделять точками, где дух переводить, запятыми, чтоб читающему вразумительно было; 5) строки вести прямо и между строк оставливать равно, в котором не малая письму краса есть, паки от младенчества правильно и порядочно писать и писанное читать привыкнуть. И для оных же слогов давать каждому ученику бумаги казенной по 6 листов и смотреть, чтоб оное как для себя, так для других впредь хранили, а сверх того могут, от Канцелярии черные бумаги брав, обучаться, токмо им бездельных сказок и врак писать отнюдь не допускать. Сверх же того, могут от Канцелярии данные указы или дела набело переписывать.

9. Когда ученик довольно в писании основание положит, тогда начать ему писать и цифирь, а по выписании оной час пред полуднем и час по полудни ходить в арифметическую школу, токмо чтоб не много вдруг во оную входило, разделить их по часам, дабы одни других переменяли. По научении же тройных правил начинать геометрии.

Для которого каждому ученику в школе давать инструменты казенные и бумаги 12 листов, на которой должен все ученое в арифметике и геометрии записывать и хранить, чоб при свидетельстве управителю мог оную бумагу не изодрану и не марану показать, в чем мастера тех наук должны ответствовать, и те тетради по окончании года управителем, подписав, отдавать ученикам, чтоб другой раз объявлять не могли.

А понеже арифметики и геометрии учителя за недостатком еще не на все заводы определены, того ради оное положить на надзирателей работ тех заводов.

10. Понеже при заводах обучающимся для собственной своей пользы, чтоб в чины правления происходить и для пользы заводов, чтоб искусством надлежащую услугу показывать и вновь пользы изобретая приносить могли, нужно разным необходимым к тому искусствам и ремеслам обучаться яко: 1) и главнейшее есть, руды по их внешнему виду познавать и внутреннее содержание испытывать или пробовать и уведывать; 2) подобное сему механика, то есть хитродвижность, чрез которую научиться силу машин вычитать, оные вновь сочинять и с пользою в действо приводить; 3) архитектура или учение строений, чрез что искусство приобретет, как всякое строение покойно и способно к намеренному употреблению заложить, крепко строить и с пристойною вида красотою отделать; 4) наука знаменования и живописи, к той же архитектуре и прочим наукам и ремеслам в помощь весьма полезна, понеже оная всех природных вещей сущую по-

добномерность в членах разуметь и паче свет и тень различать поучает.

И сии все от нижнего ремесленника и до высшего начальника каждому полезны и нужны.

Прочие же особливо ремесленникам нужны, яко: 5) каменья резать и грани, ибо, добывая руды, достают различные каменья, которые иногда многократно дороже стоят, нежели руды 1000 пуд, но за незнанием бросают; 6) токарное ремесло, как собственно каждому, так наипаче при заводах нужно и полезно; 7) столярное, 8) паяльное; механикам и другим многим мастерам нужны, и если бы кто сам работать не хотел, чрез оное удобнее о деле или сочинении рассказать и ремесленника научить может.

И для того при всех заводах, где искусные учителя или такие ремесленники есть, всем, разделя время, по одному часу хотя и всякий день с переменами обучать, так, чтоб некоторые приходили в ту или другую науку до полудни, а другие после полудни, дабы учителя в наставлении могли исправляться и ученики за множеством напрасно не гуляли; да чтоб всякий учитель знал, в который день и час кто у него обучаться имеет, должен главной той школы начальник раздать всем оным росписи...

И тако ученики всех оных помалу обучиться могут. А когда кто к чему большую охоту и способность явит, тогда ему к той науке более времени допустить, а в другом убавить или весьма отставить. И для того инструменты и потребные материалы неоскудно заготовлять и в готовности иметь казенное. Однако ж того смотреть, чтобы оные что-нибудь к заводам или на продажу годное делали, чтоб употребленные припасы напрасно не пропали.

12. Управительские, подьяческие и церковничьи дети, как скоро по-русски научатся чисто писать и читать, тогда об них присылать ведомости и их самих к главному межевщику для определения в немецкую, а церковничьих в латинскую школы. И оных более восьми лет возраста их нигде не держать, но понеже церковничьим детям не столько нужно вышеобъявленные ремесла, того ради их некоторым, яко столярному, токарному, пробирному, паяльному, весьма не учить, разве сам кто к чему охоту возымеет, но вместо того учить пению по нотам, дабы в церкви искусными певцы быть могли.

13. Хотя выше сего о приходе и выходе ученикам часы каждодневные показаны, но из оного выключаются все праздники и торжества... Сверх же того, всякую субботу и среду, когда в седьмице в учебные дни праздника не прилучится, после обеда не учить; ежели же в понедельник или другой учебный день праздник случится, то в среду и субботу по полудни учить, однако ж в субботу по полудни час прежде обыкновенного отпускать. На дом ни для каких домовых праздников, яко именин и прочее не увольнять, но отправлять им во дни недельные. И ежели который ученик в урочное время не придет и прогуляет час или более, такого наказывать, кроме битья, по вышепоказанному в 6-м пункте; если же который прогуляет без надлежащей причины целый день, то оного наказать на теле; а буде который более

одного дня прогуляет, то у получающих жалованье вычесть втрое, почему на учебный день приходит, и сверх того, донести управителю, который помогающего родителя или содержателя равномерно накажет; а которые школьники не получают, то с тех родителей доправить против равных ему получающих учеников, и сии деньги, записывая особо, употреблять на школьный расход с определенными на оную, и для того о всех прогулах в месячных ведомостях учителем писать имянно.

14. К научению грамоты и ко благонравию предпочтение подает немалую пользу. Того ради весьма нужно различать, чтоб высший в науке высшее и место имел и всегда у нижайшего правую руку брал, несмотря его рода, ни возраста. Еще преимущество: каждый в своей школе, в которой он другого превосходить имеет, яко ежели Симен пред Маркою в русской школе — он и первенствует, а когда Марко в другой науке, яко геометрии или знаменовании и пр., превосходит, то в оной школе паки Марко преимущество имеет...

16. Принуждать учителям учеников своих к чистоте, дабы никто не умывшися и не чесавшися или с необрезанными ногтями в школу не явился.

18. Учителям смотреть, чтоб родители, сродники и те, у которых они стоят, их домашних работ работать не заставляли, например дрова рубить и пр. тому подобное, понеже тем не токмо они в науке напрасно время потеряют, но от оной тяжелой работы руки портят и чисто писать делаются не способны, паче же от того в науке немалое продолжение чинится, что сии данные им уроки от сего помешательства не могут вытвердить, а учитель должен будет отвечать, что они долго в школе учатся.

19. Должен он все непристойные игры ученические пресечь и отрешить, наипаче же которые и не вредны, яко играть сукою, городки, мясом, бабки — от того будет рука трястися, а особливо в кулачки, от того может потерять глаз, яко карты и прочие игры, но чрез частое увещание свое во учтивость их приводить.

20. Учеников надлежит обучать честно говорить, кланяться, старейших почитать словом и местом не токмо в училище, но и в домах. Також ученикам перед прочими детьми, которые не учатся, почтение должно отдано быть, не взирая на чин отца его и лета. Но когда кто во училища придет человек знатный для дела или присмотру их науки, тогда ученикам надлежит встать от своих мест, обратя лицо на приходящую персону, и по достоинству человека отдать поклон; ежели же он о чем спросит, дать отповедь кратко с почтением, а в лишний разговор и спор не вступать.

21. В содержании учеников учителя должны со младенцами не слабо и не жестоко поступать, прилежно и внятно не токмо наукам, ремеслам принадлежащим, но и страху божию и благочестному житию поучать, с ними ласково поступать и более любовию, нежели страхом, обходиться, и для того не токмо в школах, но и в гулянии за ними надзирали.

А понеже ложь во младенцах и кража суть такие злодеяния, чрез

которые, ежели во младости воздержаны не будут, то в возрасте от обычая вкоренившияся всякое благонравное наставление изгоняют и благополучия лишают, того ради, оного накрепко за учениками смотреть и по обличении, не упуская ни малейшего, наказывать; если же к тому злодеянию от родителей повод или причина дастся, то немедленно доносить командиру, который родителей и содержателей накажет; если же учитель презрит, то сам, яко потакающий, пострраждет.

22. Сквернословие и всякие непристойные слова не токмо в училище, но и вне весьма накрепко запрещаются, и дабы во училище, кроме учения, лишних посторонних разговоров, а наипаче брани не допускать, за которое по пристойности вины и возраста наказывать.

23. Иметь ему об оных учениках, которые получают... жалованье, каждого месяца именной реестр и против каждого имени в линейках отмечать — (не) явятся зачем, болен или за отлучением куда. И при подании списков к даче жалованья писать именно о том, у кого сколько в учении дней прогульных и больных, и уволенных.

А ежели кто из учеников разнеможется, то немедленно при письмах отсылать к лекарю и записывать имянно, с которого и по которое число был в лечении у лекаря, також и от него принимать при письмах же.

24. Иметь ему каждодневальную записку всем о наличии, також о отлучающихся и больных. И оную подавать по третям года, а к даче жалованья помесячно командующим, однакож, чтоб от лености болезней не притворяли или напрасно без надлежащего надзирания и лечения скорби не умножали, должен учитель немедленно о заболевшем доктору или лекарю объявить и требовать, чтоб осмотрел и о содержании определил.

25. ...указы и прочие письменные дела, которые они получали и впредь получать будут от начальств, оным сочинить числемой журнал с номерами и внесть с такою подпискою — которого числа получены и под которым №. И содержать оные всегда в чистоте под добрым охранением в удобном месте.

26. Иметь особливую книгу, в которую вносить отходящее доношение и прочие письма с номерами, каковы и с кем будут посланы подписывать, под которою подпискою должен он, с кем пошлется, в приеме того ко отданию расписаться.

27. Всем полученным казенным в школы книгам и инструментам иметь приходную книгу и всегда порядочно записывать. А которые отдаются ученикам для обучения, те записывать в расходную книгу имянно — кому какая отдана будет,— на его имя с распискою, а которые писать еще сами не умеют, вместо себя кому они верят, и без записки в расход и без расписки приемщиков отнюдь никому не отдавать; и сказывать им, чтоб они приятые книги и инструменты всяк свое в чистоте и целости хранили и держали под страхом наказания и денежного платежа.

Развитие педагогической мысли в России во второй трети XVIII в.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765)

Великий русский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель-материалист, один из основоположников современного естествознания, поэт, заложивший основы русского литературного языка, художник, историк, поборник отечественного просвещения, сторонник бессословной системы образования.

М. В. Ломоносов родился в деревне Мишанинской, около села Холмогоры Архангельской губернии, в семье государственного крестьянина-помора. Стремясь получить образование, в девятнадцать лет Ломоносов добирается до Москвы и, выдав себя за сына дворянина, поступает в Славяно-греко-латинскую академию. В 1735 г. в числе лучших учеников М. В. Ломоносов был направлен в Петербург в университет при Академии наук; в следующем году был послан в Германию в Марбургский университет, в 1741 г. вернулся в Россию. Вскоре (январь 1742 г.) был назначен адъюнктом[1] Академии наук по физическому классу, а 1745 г. стал первым русским ученым, избранным на должность профессора (академика) химии. В 1748 г. для Ломоносова была построена первая в России химическая научно-исследовательская лаборатория. В 1757 г. Ломоносов был назначен советником канцелярии Академии наук. Стремясь улучшить работу академии

как учебно-научного учреждения, он разработал план реорганизации управления Академии наук и подробный проект ее устава.

Много внимания уделяя улучшению работы академического университета и гимназии при академии, Ломоносов всеми силами способствовал развитию отечественной науки. Преодолевая рутину и откровенную вражду академического начальства, состоявшего в основном из немцев, Ломоносов развивает поистине титаническую научную деятельность. Его открытия обогатили многие отрасли знания, его идеи далеко опередили науку того времени. Ученый сформулировал один из основных законов естествознания — закон сохранения материи и движения, заложил основы физической химии, исследовал атмосферное электричество и силу тяжести, описал строение Земли, объяснил происхождение многих полезных ископаемых и минералов.

Среди многочисленных научных трудов по различным отраслям знания у М. В. Ломоносова имеются работы по вопросам просвещения, обучения и воспитания юношества. И хотя весь архив ученого, конфискованный после смерти М. В. Ломоносова графом Орловым по указанию Екатерины II, бесследно исчез, по опубликованным работам можно судить о его огромном вкладе в развитие просвещения и прогрессивной педагогической мысли. Заботясь о распространении просвещения в России, Ломоносов настаивал на создании университета европейского типа, доступного всем слоям населения. Он составил проект организации университета, а также гимназии при нем, разработав «Регламент московских гимназий», где изложил свои прогрессивные взгляды на обучение и воспитание гимназистов. В 1755 г. по его инициативе был открыт университет в Москве, носящий ныне имя великого ученого.

Чтобы повысить качество обучения, развить любовь к родному языку, М. В. Ломоносов создает знаменитые учебные книги по риторике, «Российскую грамматику»— первую грамматику, написанную на русском языке, общедоступный свод грамматических правил, сложившихся к тому времени. Это научный труд, отражавший материалистическое мировоззрение Ломоносова.

Работа «О размножении и сохранении российского народа» не закончена. В этом произведении автор показывает роль нравственного воспитания, значение обычаев, традиций в развитии русской науки, полезность взаимосвязи физического и нравственного воспитания, нравственного воспитания и умственного развития. Ломоносов считал, что положение народа можно улучшить посредством распространения культуры, просвещения. Последовательный сторонник естественнонаучного материализма, Ломоносов вел резкую полемику с духовенством, четко отграничивая науку от религии.

Советский народ высоко оценил вклад великого русского ученого в отечественную науку.

Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову[2] об основании Московского университета[3] (до 19 июля 1754 г.)

Полученным от Вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату, к великой моей радости, я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе Отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное Ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет Вашему превосходительству не бесполезен будет, которые, сверх того, университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, Вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую Вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще.

1) Главное мое основание, сообщенное Вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план университета служил во все будущие роды. Того ради, несмотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно приняться теми, сколько найдутся. Со временем комплект наберется. Остальную с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки, нежели сделав ныне скудный и узкий план по скудости ученых, после как размножаться оный снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2) Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может, в трех факультетах.

В Юридическом три.

I. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи.

II. Профессор юриспруденции российской, который кроме выше писанных должен знать и преподавать внутренние государственные права.

III. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время.

В Медицинском 3 же.

I. Доктор и профессор химии.

II. Доктор и профессор натуральной истории.

Первое здание Московского университета у Воскресенских ворот. Рисунок XVIII в.

III. Доктор и профессор анатомии.

В Философском шесть.

I. Профессор философии.
II. || физики[4].
III. || оратории.
IV. || поэзии[5].
V. || истории[6].
VI. || древностей и критики[7].

3) При университете необходимо должна быть гимназия, без которой университет как пашня без семян. О ее учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить, но времени краткость возбраняет.

Не в указ Вашему превосходительству советую не торопиться, чтобы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу. Непременно с глубоким высокопочитанием пребывая

Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из «Проекта Регламента московских гимназий»[8]

ГЛАВА I. О ПРИЕМЕ ШКОЛЬНИКОВ В ГИМНАЗИЮ

§ 1

Науки благороднейшими человеческими упражнениями справедливо почитаются и не терпят порабощения. Того ради в первую гимназию принимать только детей дворянских или которых отцы дворянского рангу дослужились. В другую гимназию принимать разночинцев, кроме тех, которые, состоя в синодальном ведомстве, имеют нарочно для них учрежденные училища. Не принимать никаких крепостных помещичьих людей, кроме того, когда помещик, усмотрев в ком из них особливую остроту, пожелает его обучать в Московской гимназии и в университете свободным наукам; должен его прежде объявить вольным и, отказавшись от своего права и власти, которую он над ним имел прежде, дать ему увольнительное письмо за своею рукою и за приписанием свидетелей. Данное отпускное письмо хранить в университетском архиве при директории, а оного школьника производить с прочими разночинцами по его учению и пользоваться ему теми ж с ними привилегиями; когда ж явится негоден, отдать его помещику обратно по-прежнему.

§ 2

Сие все разумеется о приеме на определенное жалованье в комплект. А на своем коште позволяется всякого чина людям отдавать детей своих для обучения в оные гимназии, выключая крепостных помещичьих людей без отпускного письма, как выше показано.

§ 3

В обоих гимназиях на жалованье в комплекте не должно быть иностранных больше пятой доли, но и тем, которых отцы обязались быть вечными российскими подданными. Без жалованья вольных иностранных принимать кто лишь только похочет.

§ 4

Всяк, кто желает детей своих или поверенных себе под опеку отдать для обучения в Московскую гимназию из дворян или из разночинцев, должен оных представить в университетской директории при доношении, в котором объявить представляемого ученика лета и чему он обучился или нет, на казенном ли жалованье или на своем коште содержать его намерен. В первом случае имеет быть принят в комплект и введен по свидетельству ректорскому в пристойную школу, ежели будет порожнее место; когда ж того не будет, ожидать по порядку времени, как кто подал доношение, между тем обу-

чаться может на своем коште. Во втором случае принимать и обучать по свидетельству в пристойных школах тому, чего кто пожелает.

§ 5

Для сего инспектору гимназии иметь четыре списка для представления в директорию во всякую треть: первый о дворянских детях на жалованье, второй для таковых же без жалованья учащихся, третий учащихся на жалованье разночинцев, четвертый таковых же, которые учатся на своем коште, с показанием в котором году, месяце и числе приняты в гимназию.

§ 6

Ежели родители не похотят детей своих обучать латинскому языку, но токмо французскому или немецкому, либо арифметике, геометрии и географии, о том при доношении объявлять в директории, дабы по тому учению их расположить можно было. Сие разумеется о тех, которые обучаются на своем коште.

§ 7

Когда принят будет школьник в комплект на жалованье, обучаться ему четыре месяца, не получая жалованья и не вступая с прочими жалованными в сообщество, дабы усмотреть можно было, уповательны ли от него в учении успехи, чего учителям смотреть накрепко и рапортовать повсемесячно инспектору гимназии, а оный имеет представлять в директории. За записку безжалованных школьников в реестре брать в казну по рублю с каждого и давать им вид письменный за малою университетскою печатью...

ГЛАВА III. О НАСТАВЛЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ

§ 17

Во-первых, при обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство. Итак, ежели принятый школьник еще российской грамоте не знает, должен только в российском первом классе потоле обучаться, пока читать и писать искусен будет.

§ 18

Ежели который школьник грамоте российской довольно искусен в гимназию вступил, того, обучив первым основаниям российской грамматики в нижнем классе, обучать в латинской школе в нижнем классе, что показано четыре дня в неделю; а прочие два дня в школе первых оснований наук показывать арифметику.

§ 19

Потом по произведении обучать в российской школе во втором классе два дня в неделю; во втором же классе латинском — три дня, да геометрии и географии — один день.

§ 20

В верхнем классе в латинской школе три дня, в российской — один день, в философии — два дня...

§ 22

Арифметику, геометрию и географию показывать на российском языке, философии первые основания — на латинском.

§ 23

Сие разумеется о жалованных и о нежалованных учениках вообще, которые хотят происходить порядочно в науках. По окончании сих необходимо нужных школ учиться немецкому, французскому, английскому и итальянскому языкам, смотря по остроте, по летам и по охоте.

§ 24

Сим языкам обучать не так, как обыкновенно по домам принятые информаторы одною практикою, но показывать и грамматические правила. Притом излишним оных множеством не отягощать, особливо сначала практику употреблять прилежно, слова и разговоры твердить, упражняться в переводах и сочинениях.

ГЛАВА IV. О ЭКЗЕРЦИЦИЯХ ГИМНАЗИЧЕСКИХ

§ 25

Экзерциции суть двояки, школьные и домашние. Школьные бывают в гимназии приватно при одном учителе или при собрании других школ, а иногда и публично в ректорском классе. Домашние экзерциции на дом от учителя задаются.

§ 26

Первая школьная экзерциция есть чтение изусть заданного урока в первый час по входе в школу, прежде приходу учительского, который урок слушать должен старший школьник того же классу, и, знает ли кто урок свой или нет, записывать в таблице и класть на стол перед учителя, что учитель сам освидетельствовать может.

§ 27

Вторая школьная экзерциция: короткие задачи переводить какие сентенции или переменять фразисы стихами и прозою, не пишучи. Материи выбирать по тому, в какой то будет классе. Сие служить будет к немалому в учении поощрению, однако чинить тогда, ежели учителю по окончании своей лекции времени до выходу останется.

§ 28

При собрании школ обоих гимназий быть экзерцициям на каждый месяц при окончании: один день поутру и пополудни, где учителя общее имеют всем задавать материи для переводу или переложения фразисов прозою и стихами, чтобы то делали школьники, не смотря в книги и не пишучи.

§ 29

Публичным экзерцициям быть по каждую полгода только в верхнем классе, где некоторые школьники имеют говорить речь своего сочинения под ректорским присмотром на российском и латинском языках, прозою и стихами.

§ 30

Домашние экзерциции, которые между школьными лекциями кроме уроку что выучить должно, от учителей на дом задаются, должны быть короткие переводы с российского на латинский, с латинского на российский или предложения с прозы на стихи, смотря по классам. Оные задавать трижды в неделю на ночь, а в обеднее время для краткости времени того не делать. Позволить школьникам упражнения по своей охоте для показания каждому своего особливого рачения и понятия. Сии могут быть подобны вышеписанным задачам, или кто хочет, имеет выучить сверх уроку несколько стихов или краткую речь в прозе из классических авторов.

§ 31

Сие все будет служить не токмо к скорому обучению, но и к обстоятельному познанию остроты и прилежания каждого школьника, что все дабы ясно и подробно видеть можно было, должно иметь помесячные таблицы, в которых показывать каждого школьника повседневное поутру и ввечеру поведение в школах и исправление домашних экзерциций.

§ 32

Что кто исполнил или пропустил и прочее назначить в клетках против каждого дня и имени первыми буквами слов знаменующих:

В. И.— все исполнил.

Н. У.— не знал уроку.

Н. Ч. У.— не знал части уроку.

§ 33

Для помесячных экзерциций должно быть общей табели у ректора, в которой записывать каждого прилежание, остроумие, разделяя на три статьи — на лучших, посредственных и последних.

§34

Для тех, которые в ректорском классе полгодичные экзерциции публично имели, иметь особливые записки со мнением о их искусстве гимназии инспектора и ректора.

§ 35

Все школьные табели помесячно, а записки в каждую полгода взносить в директорию на рассмотрение, где по обстоятельствам директор с инспектором гимназии распределять будут, а особливо того смотреть, чтобы остроумные и прилежные отличены были от тупых и нерадивых.

ГЛАВА V. О ЭКЗАМЕНАХ, ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ВЫПУСКАХ ШКОЛЬНИКОВ

§ 36

На каждый год быть двум произведениям из нижних классов в высшие, а из верхнего в студенты; первому произведению быть после недели святой пасхи, второму — в первые числа месяца сентября.

§ 37

Для сего чинить прежде каждого произведения во обоих гимназиях и во всех школах и классах строгие экзамены, первый — на шестой неделе великого поста, второй — в последних числах месяца августа, перед рекреацией[9], в месяце августе позволенной.

§ 38

В нижнем и в среднем классах экзамен должен происходить в присутствии директора, инспектора гимназии и ректора и при учителях. В верхнем классе экзаменовать в присутствии кураторском, директорском, всех профессоров и ректора.

§ 39

Прежде экзамена сочинить для каждой школы и класса общие на целую полгода табели, чтобы вдруг можно было видеть экзаменаторам понятие, прилежание и поступки каждого школьника как следует.

§ 40

Потом спрашивать каждого школьника особливо изо всех тех книг, по которым он чему изусть учился или которые от учителя толкованы. Задавать к решению переводы краткие или сочинения по рассуждению школы и класса. Кто каково ответствовал, записывать в особливые экзаменаторские табели.

§ 41

После экзамена сличить помесячные табели с теми, в которых при экзамене записаны успехи каждого школьника. Производить их по достоинству из нижних классов в высшие, из верхнего класса в студенты для слушания в оном профессорских лекций, причем наблюдать следующее.

§ 42

Не переводить из одного класса в другой, ежели кто не выучил всего того твердо, что в оном классе, в котором учился, положено для изучения.

§ 43

Не разделять учения одного школьника по разным классам. Так, кто нижний класс русской и латинской школы знает твердо, а не выучил как надлежит в нижнем классе арифметики, того не производить в средний класс ни русской, ни латинской, пока арифметику довольно знать будет. Таким образом, ежели кто арифметику выучил, однако нетверд в первых основаниях латинского языка, того не переводить во второй класс латинской школы. Сие наблюдать и в прочих классах, дабы один с другим не мешались.

§ 44

При выпуске из гимназии студентов смотреть, сверх сего лет, чтобы кто ради малолетства, вышед из строгого гимназического содержания, не испортил своих нравов, но приобрел бы вместо того и успехи в других языках. Итак, ежели кто к пятнадцати летам своего возраста пройдет все классы школы российской, латинской и первых оснований нужнейших наук, того перевести в немецкую, французскую и других языков школы по рассуждению его понятия.

§ 45

Напротив того, когда кто в помянутых классах трех школ оканчает учение в летах, например около двадцати лет, также и способность к учению нынешних европейских языков посредственную имеет, такового производить в студенты, дабы, не теряя напрасно времени, мог достигнуть в университете такой науки, которою, помянутых языков не зная, Отечеству полезен быть может.

§ 46

Ежели который школьник за какими-нибудь извинительными причинами, как то за долговременными болезнями или за недовольною способностию, в гимназии долго пробыл и уже в немалых летах, однако всегда учился по силе своей прилежно и вел себя порядочно, такого должно из гимназии выпустить в другую команду по пристойности с рекомендациею или определить в учителя нижних классов.

§ 47

Которые учатся на своем содержании, тех выпускать по тем условиям, на которых они в гимназию приняты. Но ежели в ком усмотрена будет особливая острота и склонность к наукам, для тех употреблять всякие пристойные способы, чтобы склонить родителей к совершению таких детей их в науках...

ГЛАВА VII. О НАГРАЖДЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ

§ 57

Награждения и наказания должны быть приватные и публичные: приватные награждения — за излишние в школе изучения и преимущества перед другими; публичные — за оказанные при собрании школ чрезвычайные преимущества в экзерцициях; приватные наказания — за неисправление школьной должности или за непристойные в доме и в школе поступки; публичные — за великие пренебрежения школьных должностей, за чрезвычайную резвость или за важные преступления законов.

§ 58

Приватные награждения к поощрению молодых людей могут быть довольны: 1) похвальные слова, 2) повышение места перед другими, 3) чтоб им те кланялись в школе, которые то должны делать вместо штрафа, 4) давать грыдорованные картинки[10], тетрадки, книжки.

§ 59

Публичные награждения могут состоять: 1) в книгах чисто переплетенных, 2) в математических инструментах, 3) в медалях серебряных, которые должен отдавать директор при всем собрании, похвалив показанные успехи.

Из «Краткого руководства к красноречию»[11]

Вступление

§ 1

Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2

К приобретению оного требуются пять следующих следствий: первое — природные дарования, второе — наука, третье — подражание, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук.

§ 3

Природные дарования разделяются на душевные и телесные. Душевные дарования, а особливо остроумие и память, к получению сего искусства толь необходимо нужны, как добрая земля к посеянию чистого семени: ибо как семя на неплодной земле, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно. И для того Аполлоний Алабенденский[12], славный в древних временах красноречия учитель, по свидетельству Цицеронову[13], тех, которые от родителей своих к нему в училище присылались, в самом начале учения природную остроту прилежно рассматривал, и которых приметил к тому быть неспособных, немедленно назад отсылал, чтобы они напрасными трудами себя не изнуряли. Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении слова упражняющимся, очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно.

§ 4

Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию. Они должны быть, первое, кратки, чтобы не отяготить памяти многим изустъ учениям, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; вто-

рое, порядочны, для того, чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третье, удовольствованы примерами, которые бы показали самую оных силу, для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинения. Мы будем стараться, чтобы в настоящем нашем предприятии поступить по сим требованиям.

§ 5

Изучению правил следует подражание авторов в красноречии славных, которое учащимся едва небольше нужно, нежели самые лучшие правила. Всяк знает, что и в художествах того миновать нельзя, например: кто учится живопиству, тот старается всегда иметь у себя лучшие рисунки и картины славных мастеров и, к ним применяясь, достигнуть совершенства в том художестве. Красноречие коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов. Но о сем пространнее предложено будет на конце сей книги особливо.

§ 6

Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних великих авторов, которых от того ни старость, ни великая честь и достоинство отвратить не могли. Ибо генералы, сенаторы и сами консулы, как Ирций и Панса, будучи на высочайшей степени Римской власти, у Цицерона приватно в красноречии обучались и в домах своих в произношении слова упражнялись. Азиний Поллион, славный генерал римский, презрев печаль о умершей своей дочери, в четвертый день после ее смерти обучался в произношении слова. Отсюду воспоследовало, что таковые трудолюбивые люди, не готовясь, говорили публично прекрасные речи. Сие прежде началось у греков, а потом уже в Риме возвысилось на самую высочайшую степень. Такие речи, без приготовления пред народом произнесенные, назывались божественными: ибо они казались быть выше сил человеческих. Того ради надлежит, чтобы учащиеся красноречиво старались сим образом разум свой острить, чрез беспрестанное упражнение в сочинении и произношении слов, а не полагаться на одни правила и чтение авторов; ежели при всяком случае и о всякой материи готовы быть желают к предложению слова.

§ 7

Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете. Откуда явствует, что, ежели кто имеет большее познание настоящих и прешедших вещей, то есть чем искуснее в науках, у того большее есть изобилие материи к красноречию. И так учащиеся оному великое будут иметь в своем искусстве вспоможение, ежели они обучены по последней мере истории и нравоучению.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
КЪ
КРАСНОРѢЧІЮ,
КНИГА ПЕРЬВАЯ,
въ которой содержится
РИТОРИКА
ПОКАЗУЮЩАЯ
общія правила
обоего краснорѣчія,
то есть
ОРАТОРІИ
И
ПОЭЗІИ,
СОЧИНЕННАЯ
въ пользу любящихъ
СЛОВЕСНЫЯ НАУКИ
Трудами Михайла Ломоносова Императорской Академіи Наукъ и Историческаго собранія Члена, Химіи Профессора.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1748.

Титульный лист книги М. В. Ломоносова «Краткое руководство к красноречию...»

§ 8.

Слово двояко изображено быть может, прозою или поэмою. Проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры и порядка складов, ни согласия в произношении точно назначенного; но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный чистый разговор требует. Поэма состоит из частей, известною мерою определенных, и притом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению. Первым образом сочиняются проповеди, истории, учебные книги; другим составляются гимны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи.

§ 9

Но хотя проза от поэмы для отменного сложения разнится, а поэтому и в стиле должна быть отлична; однако... весьма с оною сходствует: ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами. И так оба сии красноречия роды имеют в себе крупно обоим общее, и особливо каждому отменное.

§ 10

Мы предлагаем здесь вкратце руководство к обоему красноречию; и для того, поступая по натуральному порядку, показываем, во-первых, учение о красноречии вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается, и затем при правилах полагаются в нем примеры прозою и стихами. Потом сообщаем наставление к сочинению речей в прозе и примеры присовокупляем прозаичные из славных авторов. Наконец предлагается о стихотворстве учение с приложенными в примеры стихи.

Сии три учения составляют три книги сего руководства — риторику, ораторию и поэзию.

Из «Российской грамматики»[14]

Милостивый государь!

Повелитель многих языков российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно кажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто не упрежденный великими о других мнениями прострет в него разум и прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый[15], римский император, говорил, что испанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость

французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную краткость греческого и латинского языков. Обстоятельнее всего сего доказательства требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет.

Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие во всем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но не довольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле, или, лучше сказать, едва пределы имеющее море. Отважась в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж всея обширности, российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую. Сие невеликое дело... принести в дар весьма бы усомнился; есть ли бо оно, не считая моего посильного и к отечеству усердного труда, само своею надобностию не подало к тому смелости. Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению. Итак когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради желая, дабы она сиянием, от пресветлого имени... привлекла российское юношество к своему наставлению...

НАСТАВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЛОВЕ ВООБЩЕ

ГЛАВА I. О ГОЛОСЕ.

§ 1. По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей. Польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания; которые весьма бы тесно ограничены были, если бы каждый человек воображенные себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны. Когда к сооружению какой-либо махины приготовленные части лежат особливо и ни которая определенного себе действия другой взаимно не сообщает, тогда все небытие их тщетно и бесполезно. Подобным образом ли если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется; но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и по пустыням.

§ 2. Правда, что кроме слова нашего можно бы мысли изображать было чрез разные движения очей, лица, рук и прочих частей тела, как то пантомимы на театрах представляют; однако таким образом без света было бы говорить невозможно, и другие упражнения человеческие, особливо дела рук наших, великим было б помешательством такому разговору; не упоминаю других непристойностей.

§ 3. Но коль велика творческая премудрость! Одарил нас словом, одарил слухом. Определенные к ним члены коль хитро устроены...

§ 4. Умалчивая здесь об оных органических членах, рассудим токмо о несчетном различии: первое — голоса, второе — выговора.

§ 5. Чудимся по справедливости бесконечному различию идей, которые чувством зрения представляются; но едва ли меньше дивиться должно несчетному их множеству, посредством слуха поемлемому нами. Для уверения надлежит различить наперед голос на главные его изменения.

§ 6. Во-первых, изменяется голос выходкою, второе — напряжением, третье — протяжением, четвертое — образованием.

§ 7. Выходка возношением и опущением, протяжение долготою и краткостью, напряжение громкостью и тихостью, сколько различия в голове производят; довольно известно из музыки. Не упоминаю многообразного совокупления разных повышений, когда они сладко соглашаются, несносно здорят или кратким разгласием приятное согласие предыдущих и последующих больше украшают.

§ 8. По сему вымышленные от Гольберга [16] в земле живущие люди, когда бы действительно были и имели бы вместо органов, к произнесению слова служащих, на груди своей струны, то могли бы оными свободно изображать и с другими сообщать свои мысли.

§ 9. Образование состоит в отменах голоса, которые от повышения, напряжения и протяжения не зависят. Такие изменения примечаем в сиповатом, звонком, тупом и в других голосах разных. Отмена их коль многочисленна, из того видеть можем, что из великого множества знакомых людей каждого узнаем по голосу, в лицо не видя.

§ 10. Образованием названо здесь сие изменение голоса для того, что представляет в себе образы животных и бездушных вещей с их голосом. Ибо иной голос подобен колокольному звону, иной тележному скрипу, иной скотскому реву, иной соловьеву свисту, иной подходит к какому-нибудь музыкальному инструменту.

§ 11. К образованию принадлежат и слова человеческого выговора, как вид оного, которым голос различно изменяется и с голосами разных животных и бездушных вещей себя в уме представляет. Например: иногда изображается шипением кипящая вода, иногда треском сыплющиеся мелкие камни, блеяние овец и другие отмены.

ГЛАВА II. О ВЫГОВОРЕ И НЕРАЗДЕЛИМЫХ ЧАСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЛОВА

§ 12. Хотя не все сии изменения, однако великую часть оных имеет в себе человеческое слово. Толь многих народов, по разным странам обитающих, разные языки каких отмен не имеют. Показывают

сие многие азиатские, африканские и американские народы, которых языки больше на шум других животных, нежели на человеческий разговор, походят, как о том многие описания путешествий свидетельствуют.

§ 13. Неразделимая часть слова называется та, к которой, в неразделимое по чувствам время, ни напряжением, ниже повышением ничего отменного произвести не возможно.

§ 14. Таковые неразделимые части слова изображаются по их разности различными начертаниями, которые называются, по-нашему, буквы. Различность их происходит от разности органов, от разного их положения и движения.

§ 15. Устроенные для выговору органы суть губы, зубы, язык, нёбо и гортань с положенными близ ее частями, то есть с язычком, и со скважинами в ноздри.

§ 16. Движения органов суть двояки: первые могут дать голосу отмену на чувствительное и весьма долгое время, сколько духа человеческого станет. Другие явственно слышны бывают в не разделимое слухом время, и по большой части в начале отмен первых.

§ 17. Первые отмены действительно голосу сопрягаются, и начертания или буквы, их изображающие, по справедливости гласными называются. Второго рода отмены прилично согласными именованы.

§ 18. Всем народам и каждому человеку легче произносить голос простым отверстием рта, чем производится отмена образовательная, которую мы показываем буквою *а*: того ради недивно, что она поставляется у всех известных народов в начале азбуки.

§ 19. Разные положения всего рта, а особливо расширение, стиснение, округление и протяжение, производят разные отмены образовательные, которые изображаются буквами гласными *е, и, о, у* и пр.

§ 23. Состояние частей, рот составляющих, в произношении согласных есть расположение или движение. Одним расположением разнится произношение букв *в, ф, ж, з, с, ш, г* (в благо), *х*. Движение есть двояко: ударение или трясение. Ударением или крутым разведением частей органических производятся *б, г* (в глаз), *д, к, л, м, н, п, т, ц, ч;* трясением — *р,* чистое и картавое греческое, также и гортанные согласные многих азиатских народов, которые чрез произношение оных язычок и всю глубину рта в дрожание приводят.

§ 24. Но как в расположении рта стремление воздуха, в движении сила разнятся, так по их мере разделяются происшедшие оттуда согласные отмены на твердые и мягкие, которые здесь в соответственном положении представляются.

По органам	Твердые	Мягкие
Губные	п, ф	б в м
Зубные	с, ш	ж, з
Язычные	р, т, ц, ч	д, л, н
Поднёбные	к,	г (в глаз)
Гортанные	х	г (в благо)

§ 25. Сии различия и разделения букв должно почитать только общими и первоначальными. Ибо как голос человеческий в выходке, в протяжении и в напряжении на бесчисленные сечения разделен быть может, так и отмены выговора почти бесконечны...

ГЛАВА IV. О ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЛОВА

§ 39. Взирая на видимый сей свет, двоякого рода бытия в нем находим. Первого рода суть чувствительные в нем вещи; второго рода суть оных вещей разные деяния.

§ 40. Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний. Изображения словесные вещей называются имена, например: *небо, ветр, очи;* изображения деяний — глаголы, например: *синеет, веет, видят*. И так понеже они всегда вещь или деяние знаменуют; по справедливости знаменательные части слова названы быть могут.

§ 41. Сии знаменательные части слова должны иметь между собою соответствие, чтобы мы изобразить могли наши мысли. К сему служат особливые части, знаменующие первых друг к другу принадлежность, и называются предлоги и союзы. Предлоги для знаменования обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам раздельно, например: *у дела;* или слитно, например: *удельное*. Союзы самых понятий соответствие между собой показывают. Пример первого: *Змей вьется по траве*. По — предлог, значит, обстоятельство места. Пример второго: *Хоть вижу, да не разумею. Хоть, да* — союзы, показывают взаимность видения и разумения.

§ 42. Множество понятий и поощрение к скорому и кратному их сообщению привело человека нечувствительно к способам, как бы слово свое сократить и выключить скучные повторения одного речения. Оные способы суть части слова знаменательные, кратко заключающие в себе несколько идей разных, и называются местоимение, наречие, междометие. Местоимение полагается вместо имени; наречие изображает единым речением обстоятельства; междометие представляет движение духа человеческого кратко...

§ 44[16а]. Обращения мыслей человеческих, для которых взаимного сообщения служит слово, произвели в нем разные преношения. Из которых главнейшее есть сие, что вещи в виде деяний и деяния в виде вещей представляются: и потому от имен глаголы, от глаголов имена происходят. *Золочу* от *золота, ручаюсь* от *руки;* напротив того, *терпение* от *терплю, клятва* от *кляну, прохожий* от *прохожу*. Первые называем глаголами отыменными, другие — именами отглагольными.

§ 45. К последним принадлежат причастия, обще за особливую часть слова почитаемые: *биющий, битый, бивший* и пр. Сии глагольные имена служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имена и глагола силу. *Приведенный,* вместо которого *привели*. Они в переменах причастны имени: *приведенный, приведен-*

ного и проч. Так же и глаголы: *бывший, будущий:* потому имеют место непоследнее меж прочими частями слова.

§ 43. Из сего всего явствует, что имя и глагол суть части человеческого слова необходимо нужные, в изображении самых наших главных понятий: местоимение, причастие, наречие, предлог, союз и междометие — в сношении и в сокращении оных служат... Первые должно именовать главными, другие — служебными частями слова.

§ 46. Посему слово человеческое имеет восемь частей знаменательных: 1) имя, для названия вещей; 2) местоимение, для сокращения именований; 3) глагол, для названий деяний; 4) причастие, для сокращения соединением имени и глагола в одно речение; 5) наречие, для краткого изображения обстоятельств; 6) предлог, для показания принадлежности обстоятельств к вещам или деяниям; 7) союз, для изображения взаимности наших понятий; 8) междометие, для краткого изъявления движений духа.

§ 48. Все вещи на свете совокупляются в некоторые общества, ради взаимного подобия, которое называется одним именем, например: *орел, ястреб, лебедь, соловей* и пр. состоят под единым именем птица, что знаменуют род; а *орел, ястреб, лебедь, соловей* и другие птицы суть виды. Подобным образом *человек* есть род, а *воин, судья, крестьянин* суть виды и различаются на верхние и нижние. Верхние виды могут быть сами родами и заключать в себе нижние виды. Например, судья в рассуждении человека есть вид, а в рассуждении Якова, Федора, Ивана и прочих имен есть род. Ибо судья может быть Иван, Яков, Федор, которые суть виды и называются имена собственные, а прочие высшие виды и роды: *птица, орел, человек, купец* — суть имена нарицательные.

§ 49. Собрание многих видов вместе часто представляется уму нашему в одном понятии и имеет для того одно нарицательное имя, которое собирательным называется. Таковы суть: *полк, собор, лес, стадо.*

§ 50. Воображение вещей приводит в ум наш купно их качества. Вещи к качествам не присоединены необходимо; качества без вещи самой быть не могут. Итак, имена, значащие вещь самую, называются существительные, например: *огонь, вода;* значащие качество, именуются прилагательные: *великий, светлый, быстрая, чистая.*

§ 51. Как все вещи от начала в малом количестве начинаются и потом присовокуплениями возрастают, так и слово человеческое, по мере известных человеку понятий, вначале было тесно ограничено и одними простыми речениями довольствовалось. Но с приращением понятий и само помалу умножилось, что происходило произвождением и сложением. Произвождение состоит в наращении складов, например: от имени *гора* произошли имена *горница, горист, горный;* от *рука — рукавица, рукоятка, ручка, ручной.* Сложение бывает от совокупления двух или многих речений воедино: *порука* из имени *рука* и предлога *по; рукомойник* — от *рука* и *мою.* Сие рассуждай и о глаголах: распространяю состоит из предлогов *рас-, про-* и имени *страна.*

§ 52. Рассматривая свойства вещей, находим в них разности, что то же свойство в одной вещи превосходнее, нежели в другой. Так, видя звезду, находим в ней светлость; но видя месяц, больше светлости чувствуем. Холодна осень, но зимним морозам уступает. Отсюда имеют прилагательные имена разной степени. Первая — положительная, которой просто вещи свойство изображается: *светлый, студеный;* вторая степень рассудительная, которой о свойстве вещи преимущественнее рассуждаем: *светлее, студенее.*

§ 53. Между многими вещами, одно свойство имеющими, чувствуем и почитаем оное в некоторой из них всех превосходящее, что уже ни едина тем оной сравниться не может. Сие изображается именем прилагательным степени превосходной: *пресветлый, престуденый.*

§ 54. Вещи изображаем по их числу в уме нашем, то есть одну или многие. Здесь также явствует склонность человеческая к сокращению слова. Ибо просто бы поступая, изобразить должно одну вещь, именовав однажды; а многие — многократным того же имени повторением. Например, говоря об одном, сказать: *камень;* а о многих: *камень, камень, камень* и далее. Но найден краткий способ, и от единственного числа отличается множественное нескучным того же и многократным повторением, но малою отменою букв: *камни.*

§ 56. Деяния и вещи относятся к вещам разным образом, и оттуда происходят в именах следующие отмены: 1) когда вещь в деянии просто представляется и именуется, например: *рука сильная, громкая победа;* 2) когда вещь представляется в принадлежности другой вещи, например: *делом руки сильные, звук громкий победы;* 3) когда деяние или вещь к вещи присвояются: *предан руке сильной, приносит хвалу громкой победе;* 4) когда одна вещь на другую действие производит: *почитаю руку сильную, хвалю победу громкую;* 5) когда к вещи речь обращается: *о ты, рука сильная; о ты, победа громкая;* 6) когда вещь как некоторое орудие или способ представляется: *поразить рукою сильною, прославиться победою громкою.* Сии перемены называются падежами: 1) именительный; 2) родительный; 3) дательный; 4) винительный; 5) звательный; 6) творительный.

§ 57. По самой натуре человеческого слова все сии падежи потребны, притом и довольны. Однако на то невзирая, некоторые языки имеют в них недостаток: и для того им один падеж вместо двух служит...

§ 60. Животных натура на два пола разделила, на мужской и на женский. Оттуда и имена их во многих языках суть двух родов: *господин, гопожа; муж, жена; орел, орлица.* Сие от животных простерлось и к вещам бездушным, из единого токмо употребления, и часто безрассудно, как мужского рода: *сук, лист, волос;* женского: *гора, вода, стена.*

§61. Пристойно кажется, чтобы бездушным вещам быть ни мужского, ни женского, но некоего третьего рода, каков есть в нас род средний: *море, небо, сердце, поле.* Однако сие так беспорядочно, что и среднего рода имена животных знаменуют: *дитя, жеребя.*

Антон Алексеевич Барсов
(1730—1791)

Ученый-лингвист, общественный деятель, ученик и последователь М. В. Ломоносова в области разработки научных основ русской грамматики, профессор Московского университета. В течение 30 лет заведовал кафедрой словесности (1761—1791). Член академии (21 октября 1783 г., в день торжественного открытия Российской Академии русского языка и словесности, имя А. А. Барсова было провозглашено вслед за именем Г. Р. Державина), один из основателей и бессменных руководителей Вольного русского собрания при Московском университете, которое ставило перед собой задачи: распространение наук для пользы Отечества; исправление и очищение российского слова; составление словаря русских слов. Лекции в университете читал на русском языке.

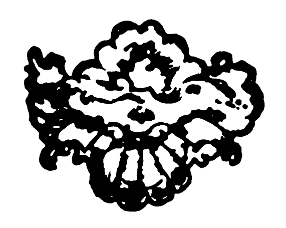
Родился в Москве, учился в Славяно-греко-латинской академии, в академическом университете Петербурга. По окончании университета, получив степень магистра философии и свободных наук (1753), начал читать курс лекций по математике. В числе трех талантливых молодых ученых, одаренных преподавателей, выращенных в академии (Ф. Яременко, Н. Поповский), Барсов был направлен в Москву преподавателем в университет. По общественно-политическим взглядам — защитник монархии и религии. В научной деятельности, в разработке проблем воспитания, просвещения занимал прогрессивные позиции.

А. А. Барсов впервые в России издал сборник русских пословиц и поговорок (4291 пословица и поговорка), который представляет значительный научный интерес. В своих учебных книгах («Азбука церковная и гражданская, с краткими примечаниями о правописании» (1768), «Краткие правила российской грамматики... в пользу обучающегося юношества в гимназии Московского университета» (1773), «Обстоятельная российская грамматика, составленная для народных училищ») А. А. Барсов стремился поставить изучение родного языка на научную основу, упростить русскую орфографию, заменить буквослагательный метод слоговым. Тексты в учебных книгах были подобраны таким образом, что выполняли не только обучающую, но и нравственную роль. Содержание способствовало воспитанию у учащихся трудолюбия, скромности, интереса к знаниям, любви к родному языку. А. А. Барсов считал, что иностранные языки изучать необходимо, но они не должны мешать усвоению родного языка.

В речах, произносимых на собраниях университета, Барсов подчеркивал важность получения научных знаний, указывал на роль университета в распространении отечественной науки, культуры, просвещения. Он призывал юношество овладеть наукой «во славу Отечества».

АЗБУКА ЦЕРКОВНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ,

сЪ
краткими
примѢчаніями
о
ПРАВОПИСАНІИ.

Печатано
при ИмператорскомЪ МосковскомЪ
УниверситетѢ 1768. года.

Титульный лист книги А. А. Барсова «Азбука церковная и гражданская...»

Печать церковная.		Печать гражданская.			Имена буквъ.	Буквы Латинскія
Ѿ	ѿ				о	
Ѧ	ѧ				я	
Ѯ	ѯ					x
Ѱ	ѱ					ps
Ѳ	ѳ	Ѳ	ѳ	ѳ		th
Ѵ	ѵ	Ѵ	ѵ	ѵ		y

БУКВЫ РАЗДѢЛЯЮТСЯ

на

ГЛАСНЫЯ,

которыя сами собою голосъ производятъ.

а, е, и, ї, о, у, ы, ѣ, э, ю, я, ѵ.

СОГЛАСНЫЯ,

которыя сами собою гóлоса не производятъ, а произносятся помощїю гласныхъ,

Из речи «О пользе учреждения ... Московского университета»[17]

... Учение всё, говорю я, потому что самое слово университет точно то, как вещию в себе заключает, так и именем. Ибо оный не иное что есть, как место определенное и посвященное наукам и учению; так что назвавши университет его именем, в мысли и понятия представлять должно все собрание потребных в жизни человеческих наук, весь круг просвещающего разум учения. Не довольно ль краткого сего изъяснения к уверению всякого о пользе учреждения сего университета; ежели бы только мог кто о том сомневаться? Ибо не видно ль, что оная столько же далеко простирается, сколько польза самых наук и самого учения? Разве кто и о сем сомневаться мог бы? Но я толь преобидного роду человеческому и самому человеческому рассуждению ни в ком найти не уповаю; наипаче удовлетворен, что всякий имеет естеством всеянное и вложенное доброе мнение о науках и почтение к учению; и что всякий приносимую оным всему человеческому обществу пользу без сомнения признает: что видеть можно и в тех, кои, не имея сами в науках участия, в других превозносят оные похвалами и удивлением своим показывают, коль они блаженными почитают тех, коих разум освещен учением. Но вопрошается: какая бы точно была толь знатная и великая польза, изливаемая на нас от наук, для которой любовь и почтение к учению как бы рождены с нами и возвращены быть кажутся? Чтобы сей вопрос пристойным удовольствовать ответствием, то надлежит рассмотреть, на какой мы конец всемогущим и всеблагим творцом нашим созданы и в свет сей произведены; о чем столько мы естеством научены и особливо... удостоверены, что едва кто найдется, кто б не исповедал, что... к собственному нашему благополучию... даны... душевные и телесные силы и дарования, свойства и склонности.

... И сия то есть причина оного безмерного и бессмертного нашего желания и старания о благополучии, которым все наши мысли объяты и все действия заняты, которого мы непрестанно ищем, но редко иное находим: так что родившись к крайнему благополучию, нередко почитываем себя осужденными ко всегдашнему злополучию. Что же так? и для чего? не ты ли говорил, что естество наше... одарено душою разумною и имеющею волю, к добру преклонную? Но было то время, что разум наш доволен был к совершенному познанию нашего благополучия, и воля послушна была без упорства разума, и самое благополучие в руках наших находилось. Ныне же оным преступлением праотца нашего... оным громким падением высоты естества нашего лишены мы толиких преимуществ, и едва не обнажены конечно. Ибо разумная душа наша силы коль ныне не мощна и воля коль развращена, кто не чувствует? Уже мы не знаем ни самого благополучия нашего, в чем оное состоит, ни пути, который к оному нас довести может, ни средств, через которые оное достигается: обманываемся в представлении истинного добра, обманываемся в избра-

нии принадлежащих к получению оного способов и во всем к оному шествии своем заблуждаемся и запинаемся. Коль не описанная бедность сия наша, кто не ощущает се жалостию? И кто не признает, не говоря уже полезною, но нужною, необходимою и спасительною той вещи, которая бы в состоянии была, если не совершенно, что в сей жизни невозможно, то хотя отчасти, наградить сей урок и возвратить нам естество наше, возвратить нас естеству нашему? А сие неоцененное сокровище где можем мы инде обрести, как токмо в науках, которые к тому единственно все склоняются, чтобы, сколько при сей слабости и растлении естества нашего возможно, учинить нас совершенными и благополучными?

Но как учение столько многочастно и науки столько многоразличны, сколько естество вещей, им подлежащих, многообразно: то видите, высокопочтеннейшие слушатели, коль продолжительна и с краткостью времени не сходна, и терпеливости вашей утрудительна речь моя учинилась бы, ежели бы я предпринял каждой науке порознь почитать пользы.

Чего ради позволено мне будет об одной только философии, и то в краткости, упомянуть: тем наипаче, что тоже разумеется можем и о прочих науках, которые все к философии некоторым образом принадлежать могут, поскольку она имеет власть рассуждать о всех без изъятия вещах коих причина, то есть поскольку она рассматривает союз и соединение причин с действием.

... Философия приобучает разум к твердому познанию истины, чтоб оный напоследок знать мог, в чем наше истинное благополучие заключается... Так как исследованием телесных свойств равномерно способствует она к нашему благополучию. Ибо и самые окружающие нас тела и силы их служат нашему телу как и к сохранению здоровия в целости, и к возвращению оного в целость, так и к другим потребам и удовольствиям...

Из «Российской грамматики»[19]

...Желающий какому-нибудь языку научиться так, чтоб знать, для чего слова в нем таким, а не иным образом употребляются, изменяются и между собою соединяются, должен узнать правила оного языка.

Изъяснение или определение российской грамматики.

Российская грамматика есть наука, или знание исправно читать, говорить и писать на российском языке по лучшему и рассудительному его употреблению.

Примечание.

Вследствие сего и книга, содержащая правила и наставления о том, называется также грамматикою.

Разделение российской грамматики.

Оная имеет 5 частей.

I. *Правоизглашение*, то есть наставление о познании, исправном выговоре и складывании букв и правильном произношении или чтении происходящих из сего слов или речений.

II. *Словоударение*, то есть наставление о том, как должно надлежащую силу дать каждому складу в выговоре.

III. *Правописание*, то есть наука о том, какими каждое слово писать должно буквами, как их пристойно разделять при разделении самого слова и как употреблять разные отделительные знаки в речи.

IV. *Словопроизвождение*, то есть наставление о произведении слов и их изменении.

V. *Словосочинение*, то есть наставление о соединении и связании нескольких слов или и целых речей.

ЧАСТЬ I. О ПРАВОИЗГЛАШЕНИИ

Здесь следуют таблицы о познании букв, о складах и о чтении.

А. Таблица о познании букв.

Изъяснение.

Буква или письмо есть известный знак или начертание голоса человеческого, например *а, и, о*. Причем надлежит примечать три вещи.

1. Число букв. Российская азбука.

В гражданской печати вообще употребительны 34 буквы.

2. Изображение, которое с именами их, как прежними, так и введенными ныне, для употребления в народных училищах, при начале учения, особливо при складах, и с знаменованием их, изъясняемым чрез латинские и другие буквы, представляет следующее:

Азбука

печать гражданская	имена введенные	печать гражданская	имена введенные
1. А а	а	21. Ф ф	эф
2. Б б	бе	22. Х х	ха
3. В в	ве	23. Ц ц	це
4. Г г	ге	24. Ч ч	че
5. Д д	де	25. Ш ш	ша
6. Е е	е и э	26. Щ щ	ща
7. Ж ж	же	27. Ъ ъ	
8. З з	зе	28. Ы ы	ы
9. И и		29. Ь ь	
10.		30.	
11. К к	ка	31. Э э	э
12. Л л	эль	32. Ю ю	ю
13. М м	эм	33. Я я	я
14. Н н	эн		
15. О о	о		я́
16. П п	пе		кс. росс.
17. Р р	эр		пс. росс.
18. С с	эс	34.	росс.
19. Т т	те		латинск.
20. У у	у		или
			и в. росс.

6. П р и м е ч а н и я.

1. Большие буквы в сей азбуке называются *прописными*, а малые *строчными*...

3. Если строго рассуждать, то в гражданской печати еще некоторые буквы лишние, а с другой стороны, в обеих печатях находится также и недостаток в буквах...

5. Таким образом, с самого начала представляется уже немалое неудобство в прежних именах букв, поелику оные не только по большей части продолжительны для начинающих малолетних учеников, но некоторые из них и голоса своего собою не выражают, как *икъ* и *ять;* а *еры* показывают голос свой не в надлежащем и в неспособном месте, то есть на самом конце своего имени...

Дмитрий Сергеевич Аничков (1733—1788)

Философ-просветитель, ученик и соратник первых профессоров Московского университета Н. Н. Поповского, А. А. Барсова. О нем говорили современники: «Характер твердый, но скромный и благородный», от природы одарен умом. Философия и математика были его любимыми науками. По происхождению Аничков — типичный разночинец. Отец служил монастырским подьячим. В 1755 г. в числе шести лучших учеников Троицкой семинарии Д. С. Аничков был прислан в Московский университет для продолжения образования по классу риторики. Годы учения в университете под руководством Н. Н. Поповского, А. А. Барсова ознаменовались блестящими успехами.

За учебу, участие в научной деятельности пять раз награждался золотой медалью. Студентом опубликовал в университетском журнале «Полезное увеселение», философскую работу «О бессмертии души» и злую сатиру «Сон», в которой высмеивал низкопоклонство перед иностранцами. В 1762 г. выступил с речью «О мудром изречении греческого философа: рассматривай с рассуждениями». В ней вслед за Ломоносовым и Поповским указывал на роль науки в обществе, на ее распространение среди россиян. После окончания университета был оставлен преподавателем университетской гимназии. За успехи в учении, активную деятельность в развитии университетской науки, участие в воспитании юношества в университете был назначен исполняющим обязанности инспектора Московской гимназии. Здесь расцвело его дарование, особенно в написании учебных книг по арифметике, алгебре, тригонометрии, имевших широкую известность в последней четверти XVIII в.

Особый интерес представляет его диссертация на звание профессора. Она была написана на тему «Философское рассуждение о начале и происшествии натурального богопочитания у разных, а осо-

бенно невежественных народов» (1769). В ней Д. С. Аничков как просветитель-деист объяснял происхождение религиозных верований из-за чувства страха и «удивления» человека перед силами природы, что расходилось с догматом церкви. Диссертация была изъята как «вредная» и впервые в истории российской публично сожжена «рукой палача» на Лобном месте в Москве. В то время Екатерина II еще играла роль «просвещенной монархини», что и спасло автора от заключения в крепость.

Д. С. Аничков внес большой вклад в развитие передовой философской мысли России, общественно-политических идей второй половины XVIII в.

Из речи «Слово о ... понятиях человеческих»[20]

... С вашего позволения приступаю теперь к посильному моему рассуждению о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, излагаемого на чувства, и испрашиваю притом вашего любоохотного внимания.

Многие из смертных имеют такое обыкновение, что они о вещах, чувствам их подверженных, производят такое понятие и такими оные быть чают, какими представляются им от чувств, а того не знают, что такое их понятие и представление, в уме произведенное, совсем не соответствуют истинным вещей составлениям и надлежащим оных свойствам. Не знают того, что чувства наши, при следующих токмо обстоятельствах, не представляют нам ложного: 1) когда оные суть целы и неповреждены. Ибо как слепой о цветах пристойным образом рассуждать не может, так и страждущий горячкою или другою сей подобною болезнию не в состоянии бывает распознавать разного вкусу в различной ему предлагаемой пище; 2) когда чувствам нашим подверженные предметы находятся от оных в надлежащем расстоянии. Ибо в противном случае, слабее действуя предметы в чувственные наши орудия и движение слабейшее в мозгу нашем производят и бывают причиною того, что душа наша, темные произведши о тех действовавших предметах понятия, удобно впадает в заблуждение; 3) когда, наконец, средина, то есть тела, между предметом и чувственными нашими орудиями находящаяся, например воздух, вода, стекло всегда бывают однообразны. Ибо в противном случае, если средина разнствует против прежнего своего состояния и положения, то и предмет в отменнейшем виде глазам представляется. Например, весло, опущенное в воду, при солнечном сиянии кажется преломленным. Но ненаблюдающие, при чувствовании сих обстоятельств, обыкновенно величайшим подвергаются заблуждениям. Так, например, по причине великой отдаленности представляют себе звезды наподобие зажженных точек, хотя оные в самой вещи суть чрезмерной и удивительной величины. Так многие вещи почитают за маловажные для того только, что чувства их ничего, к сведению

принадлежащего, не обретают в оных; хотя оные, по внутреннему своему составлению и внешнему виду, разным, любопытства достойным, подлежат испытаниям. О правильных и порядочных движениях, примечаемых в телах небесных, понимают большею частию так, что оные таких движений не имеют потому только, что чувствам их представляются иногда движущимися, иногда неподвижными, а иногда возвращающимися на прежнее свое место.

Равным образом и о собственных ума своего действиях и переменах, рассуждая по внешним токмо обстоятельствам, производят часто такое понятие, какое с природными оного свойствами ни мало не согласно. Так, например, память, одну из способностей душевных, представляют себе вместилищем понятий, которая, напротив того, не что иное есть, как способность душевная вещи, помощью воображения приведенная на ум, признавать за те же самые, какими оные прежде чувствам их представлялись. И сие то особливо многих развратных предрассуждений и разных, непосредственно из того происходящих предосудительных действий обыкновенно бывает причиною. Почему и заблуждения, из сего мутного источника проистекшие, из превратных, говорю, понятий, и разлившись по всему роду учения, столько усиливаются, что впадшие в оные показывают, наконец, не лучше бессловесных, в рассуждении всех своих предприятий, начинаний и действий. Большею ж частию зависит сие от того, что зараженные предрассуждением чувств первоначальные свои понятия о вещах, яко темные и сбивчивые, но непосредственно служащие для произведения ясных и подробных, не стараются превращать в таковые; а особливо, когда они всякую вещь с великим поспешанием, не употребляя притом надлежащего внимания, рассматривают обыкновенно; хотя причиною тому будет или небрежение их и нерачение, или непохвальная привычка, или, наконец, такая склонность, чтоб своими мыслями то выше облаков взлетать, то вниз спускаться и всегда с одного на другое перескакивать место. То есть не углубляют они мыслей своих в рассматривании внутренних и наружных составлений какой-либо вещи; но не успев одну вещь разобрать надлежащим образом, поспешают к рассматриванию другой; почитая разум свой правилом и мерою всех вещей, понятия свои не оным, как бы и надлежало, но самые вещи своим соизмеряют понятиям. Почему хотя разум их и почитается зерцалом; токмо они предметы не в настоящем виде и существе усматривают в оном, и свои идолы, как Веруламий[21] называет, или вымысленные, или врожденные, понимаемым вещам приписывают, и так больший часто порядок или большее равенство вымысляют, рассуждая по одним токмо своим склонностям, зараженным уже предрассуждением чувствований. Так, например, населяют луну такими жителями, какими и наша земля населена, не исследовав прежде того, в рассуждении всех ли принадлежностей и свойств луна сходствует с нашею землею. Утверждают также, что четыре суть стихии, или первоначальные основания тел, и всякой стихии два токмо качества приписывают, из которых одно называя сильнейшим, а другое слабейшим, и какое им нравится, такое и во

всех стихиях быть чают уравнение. И чтоб какие-либо явления, в сих или других телах чувствами их примеченные, с самым их положением тем более согласовали; то на сей конец вымышляют бесчисленные другие, которые от одного токмо обманчивого чувства представления зависят, а не от здравого разума и основательного рассуждения.

Да и не удивительно: ибо высокомерных и высокопарящих умом своим людей замыслы редко сходствуют с самыми вещами, а потом какой вред причиняет собственному их знанию такая необузданная вольность, о том хотя и не наше дело рассуждать; однако и из сего можно понять, что и самые великие умы, утверждаясь на одних токмо чувствах при вымышлении чего-нибудь, остаются без чаемой пользы и истощеваются втуне, когда не имеют отношения к самым опытам и порядочно учиненным наблюдениям. Кратко сказать: все тако поступающие люди и попускающие превратным своим понятиям, происходящим от единственного упования на чувства свои, сильнее вкорениться в своей голове не усумневаются потом и самой противоборствовать истине, не усумневаются, говорю, утверждать и сего, что все в свете сем бывает по случаю, а не с довольною причиною.

Но пусть тако мыслящие докажут нам, что или болезнь бывает без повреждения союза в человеческом составе, или радость без чувствования совершенств, а печаль без чувствования зла, и скажут наконец, что свет сей, толикое в рассуждении самого себя представляющий благоустроение, сам собою или по слепому случаю составлен. Но если бы они в таких своих размышлениях здравому своему последовали разуму, как и один утверждает стихотворец: счастлив, говорит он, тот, кто, желая узнать настоящую чего-нибудь причину, не полагается на одни свои чувства и не последует в том никакому другому предводителю, кроме своего разума, яко первейшего наставника и нелицемерного приятеля душе его; то бы чрез посредство сего дошли они до заключения таких следствий, где одна вещь имеет бытие свое для другой, там должно быть и намерению; а что производится с намерением, то заключает в себе и сие, из чего понято можно, для чего та вещь имеет свое бытие. Ибо намерение есть представление дела, которое намеревающий, с помощию к тому принадлежащих средств, желает и может привести к окончанию.

Пусть тако мыслящие обратят взор свой на чудное мира сего строение, то весьма приятное и прелестное глазам их представится позорище. Там в одном блестящем своде увидят они оное удивительное светило, которое, послав пред собою зарю, яко предвозвестницу шествия своего, выходит потом и само, яко жених, увенчанный славою, из своего брачного чертога, и аки гордый исполин обтекает всю вселенную. Там приметят они другое величайшее небесное тело, которое, находя себя недовольным к освещению рассыпанных по лицу земному обитателей, заимствует свет от первого оного светила и, прогоняя ночной мрак, одним обещает приятное успокоени от подъятых днем трудов, а другим посреди кипящих и с сильным ветром борющихся волн морских безопасное прохождение. Там

зрение их другими редкими и удивительными предметами поражено будет, из которых, одно другого предваряя, уму их, яко полномочному повелителю, на рассмотрение представ, оправдают себя пред ним в том, что они сходственно с намерением своего творца свои отправляют действия и стремления к совершенству столь премудро устроенной громады. Самые презрительные гадинки приведут их в такое недоумение, что они бытие их почли бы мечтою, если бы собственные глаза в том их не уверили. Беспрестанное, например, обращение крови, составляющее продолжение жизни их, члены, находящиеся в надлежащем движении, и искусство в расположении частей, чтоб одна для другой служить могла и чрез то способствовать к сохранению жизни, более любопытство их удовольствовать могут, нежели большие существа, в коих то же самое расположение членов примечается, токмо в большем виде. Увидеть, что возвышенные горы и наклоненные долины с тем установлены премудрым природы правителем, чтобы способствовать им к собранию и соединению вод. Разделяющие сей земной шар и разливающиеся по обширным странам реки для того взаимно соединяются между собою, чтобы служить к пользе не человеческой токмо, но и прочих населяющих мудрое сие творение животных. О! если бы наконец не правомыслящим о вещах можно было и части, видимый сей свет составляющие, ясно рассмотреть и понять все взаимные вещей между собою отношения, то бы увидели они, что нет ни одной пылинки, которая бы без намерения и довольной причины сотворена была. Ибо в противном случае все бы животные истаевали гладом, если бы тучная земля не произрастала плодов; но не была б и земля плодоносна, если б не было благорастворенных воздухов и орошающих оную свыше благовременных дождей. И так сия преудивительная связь в творениях...

...Но противомыслящие, то есть имеющие излишнее упование на представление своих чувств, еще стоят в своем упорстве и еще сомневаются верить тому, что все в мире сем бывает с довольною причиною. Не открыто нам, говорят они, еще и поныне, и чувствами своими не понимаем мы того, каким образом производится прилив и отлив воды морской, и магнит ли притягивает к себе железо, или обратно железо магнит. Но сожалительно, когда не понимают они того внутренними своими чувствами, что многого незнание составляет великую часть мудрости и что разум их, как теснейшими пределами ограниченный, в союз всех вещей проникнуть не может.

Притом нередко случается с ними также и сие, что они, не довольны будучи своим состоянием, желают другого, совсем невозможного и, не получив того, несправедливо ропщут на всеведущего, для чего он не открыл их чувствам препятствующих причин в получении желаемого; совсем не ведущие сего, что мы в таковых случаях на представление чувств своих полагается не долженствуем...

Из «Теоретической и практической арифметики...»[22]

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ О МАТЕМАТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ УЧЕНИЯ

§ 1

Математический способ учения есть порядок, который математики употребляют в своем учении.

§ 2

Сила сего порядка состоит в том, чтоб от самых легчайших о вещах понятий начинать учение и оттуда выводить надлежащие истины; а из сравнения сих истин между собою находить новые предложения.

§ 3

Таким образом, математики, чтобы соответствовать сему порядку, начинают свое учение с определений, которые обыкновенно занимают первое место во всякой науке. После того дают знать, что есть основание, требование, теорема, задача, а к некоторым из сих предложений, в случае надобности, присовокупляют прибавления и примечания для уверения ж и ясности предложений, сообщают доказательства.

§ 4

Итак, определение есть ясное понятие, чрез которое вещь отличается от других и из которого выводится все прочее, что можно разуметь об оной вещи.

§ 5

В математических науках больше всего стараться должно о подробных и совершенных понятиях, касающихся до определения вещей; а особливо когда надобно будет совершенно доказывать теоремы.

§ 6

Чего ради в последующих определениях не должно находиться таким словам, которые бы не были или в предыдущих определениях изъяснены, или бы не могли приняты быть за известные.

§ 7

Определения вещей могут или сами собою одни рассуждаемы быть, или сравняемы с другими. Итак, если будет рассуждено то, что на-

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
И
ПРАКТИЧЕСКАЯ
АРИѲМЕТИКА,

ВЪ

ПОЛЬЗУ

И

УПОТРЕБЛЕНІЕ

ЮНОШЕСТВА,

собранная

изъ

РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ

Магистромъ Дмитріемъ Аничковымъ

Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1764. года.

Титульный лист книги Д. С. Аничкова «Теоретическая и практическая арифметика...»

ходится в определении, и из того будет заключено непосредственно что-нибудь, то сие называется основанием.

Или основание есть такая истина, которая непосредственно выводится из определения и не подлежит особливому доказательству для своей ясности. Например, сия истина может назваться основанием, когда я скажу, что целое есть равно всем своим частям, вместе взятым.

§ 8

Понеже основания непосредственно выводятся из определений, того ради оные не требуют доказательства. Ибо не можно прежде удостовериться о том, справедливо ли или нет такое основание, пока не будет исследована возможность определений. Впрочем, должно понимать то, что основания будут справедливы, когда определения суть истинные.

§ 9

Требования суть такие предложения, которые показывают возможность вещи и утверждают об оной, что она таким образом сделана быть не может.

Древние математики в силу сих предложений требовали от своих слушателей того, чтобы они в мысли своей изображенные виды, сравнивая с некоторым вещественным подобием, представляли своим глазам, и делали сие особливо для того, чтобы они несовершенства знаков или фигур, которые усмотрят в оных, не приписывали одним воображениям и тем бы самым не помрачали доказательств.

§ 10

С основаниями несколько сходствуют опыты, а опытом называется все то, что мы познаем своими чувствами. Например, когда я вижу, что ежели свеча будет засвечена, то все окружающие меня вещи становятся видимы, почему сие познание называется опытом.

§ 11

Когда несколько определений и оснований будут сравнены между собою и из того заключено будет нечто такое, чего узнать не можно было из рассматривания порознь оных определений и оснований, то сие называется теоремою. Из чего видно, что теорема есть такое предложение, которого истины без доказательства разуметь не можно.

§ 12

Чего ради при всякой теореме надлежит смотреть, во-первых, на самое предложение и, во-вторых, на доказательство. Ибо предложение объявляет, что такой вещи при известных обстоятельствах мо-

жет присвоено быть или нет; а доказательство показывает, как разум наш приводится к тому, чтобы мы могли думать об оной вещи.

§ 13

Но понеже знание математических истин есть весьма полезное, того ради должно относить оные к самой практике. Почему такое предложение, которое учит нас сношению истины с самым делом, тоесть, что сделать должно, называется задачею.

§ 14

Задачи обыкновенно состоят из трех частей, то есть из предложения, решения и доказательства. В предложении предписывается: что сделать должно, в решении показывается: что делать и каким порядком поступать надлежит, чтобы наконец вышло, что требуется, а доказательство показывает причины, для чего найдется искомое, ежели то, что в решении предписано, учинено будет. Из чего видно, что всякая задача может премениться в теорему. По окончании решения задачи употребляются вообще сии слова: что сделать надлежало, или, сокращено, ч. с. н.

§ 15

Иногда случается, что, ради особливых причин, из одного предложения непосредственным последованием выводится другое, которое поэтому и называется прибавлением, то есть такая истина, которая не требует особливого доказательства, но из вышедоказанных должно известно быть об ней, что она справедлива.

§ 16

Наконец, примечания к определениям, теоремы и к задачам присовокупляемые, суть такие предложения, в которых обыкновенно изъясняется, что еще быть могло бы темно и непонятно; нередко показывается и польза предлагаемых наук, а иногда объявляется история изобретения и, сверх того, все то, что знать полезно.

§ 17

Что ж касается до доказательств, при окончании теорем и задач употребляемых, то оные особливо для того сообщаются, чтоб чрез сравнение нескольких между собою истин, или уже изъясненных, или для понятия нужных, уверить, что сия или другая теорема есть справедлива, а задача надлежащим образом решена. По окончании доказательства обыкновенно придаются сии слова: что надлежало доказать, или, сокращенно, ч. н. д. И сие особливо математики употребляют для того, чтоб предложения теоретические и практические некоторым образом между собою различны были...

Начальные основания алгебры[23]
(главы из книги)

ГЛАВА I. О НАИМЕНОВАНИЯХ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В АЛГЕБРЕ, И ПЕРВЫХ ОНОЙ НАЧАЛАХ

Определение I

§ 1. Алгебра, или всеобщая арифметика... есть наука из данных нескольких количеств, помощью сравнений, находить другие неизвестные количества того же роду, о которых, в рассуждениях данных, нечто знать дается. Или алгебра есть наука из данных или известных количеств, помощью сравнений, находить неизвестные.

Примечание

§ 2. Алгебра всеобщею арифметикой называется потому, что чрез оную вычисляется все, что можно вычислить. Почему великий английский математик Исаак Ньютон[24] руководство свое к алгебре и назвал всеобщею арифметикою. Литеральною ж арифметикой именуется потому, что в оной вместо цифр употребляются всеобщие знаки, то есть азбучные буквы, и чрез оные делаются обыкновенные алгебраические выкладки, коих употребление первый ввел в алгебру Франциск Виета[25]. Специоза ж называется потому, что она предметом имеет роды или виды вещей; а алгеброю названа она от арабов.

Определение II

§ 3. Одно или многие количества, означенные буквами, почитаются алгебраическими количествами или величинами.

Положение I

§ 4. Данные, или известные, количества в алгебре всегда означаются первыми азбучными буквами, например a, c, а неизвестные, или искомые, количества — последними, например x, y.

Положение II

§ 5. Знак сложения $+$, а вычитания $-$; первый выговаривается чрез плюс, а другой чрез минус. Например, сумма двух количеств a и b пишется $a+b$, а выговаривается: a плюс b; напротив того, разность двух количеств пишется: $a-b$, а выговаривается: a минус b. Положим, что $a=7$ руб., $b=8$ коп., то $a+b$ будет значить 7 руб. с 8 коп.; напротив того $a-b$ будет значить 7 руб. без 8 коп.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ АЛГЕБРЫ,

ИЛИ

АРИѲМЕТИКИ ЛИТЕРАЛЬНОЙ,

СЛУЖАЩІЯ

ДЛЯ

Удобнѣйшаго и скорѣйшаго вычисленія какъ Ариѳметическихъ, такъ и Геометрическихъ задачъ,

ВЪ

ПОЛЬЗУ И УПОТРЕБЛЕНІЕ

РОССІЙСКАГО ЮНОШЕСТВА,

УПРАЖНЯЮЩАГОСЯ

ВЪ

МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКАХЪ,

СОБРАННЫЯ

ИЗЪ

РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ

СЪ

Пріобщеніемъ гравированныхъ фигуръ на двѣнатцати таблицахъ,

Императорскаго Московскаго Университета Публичнымъ Ординарнымъ Профессоромъ, и Московскаго Россійскаго Собранія при томъ же Университетѣ Членомъ

ДМИТРІЕМЪ АНИЧКОВЫМЪ.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова
1781 года.

Титульный лист книги Д. С. Аничкова «Начальные основания алгебры...»

Положение III

§ 6. Алгебраическое умножение или совсем не имеет никакого знака и умножаемые между собою буквы ставятся без всякого знака одна подле другой; или означаются запятою, или точкою, а вообще употребляется следующий знак $\times$. Например, ежели должно умножить a на b, то произведение пишется: ab, или a, b, или $a \cdot b$, или наконец, $a \times b$; и во всех случаях выговаривается: a умножено на b.

Примечание

§7. Когда многие количества вместе умножаются на одно или одно количество на многие, то оные многие количества заключаются в вместительной, а умножающее количество ставится без всякого знака прежде или после вместительной. Например, произведение из $a + b - c$ на d пишется или таким образом: $(a + b - c) \cdot d$, или $d(a + b - c)$. Вообще ж такое произведение изображается следующим образом: $a + b - c \times d$, или $d \times a + b - c$, или над составленным количеством проводится черта, например $a + b - c \times d$.

Положение IV.

§ 8. Знак деления в алгебре употребляется двоеточие, или делимые количества изображаются дробью. Например, ежели a должно разделить на b, то частное число пишется или таким образом: $a{:}b$, или $\frac{a}{b}$, и в обоих случаях выговаривается: a разделено на b.

Примечание

§ 9. Ежели многие количества вместе делятся на одно или одно на многие, то оные многие количества заключаются в вместительной, а делящее количество ставится с знаком деления прежде или после вместительной. Например, частное число из $a + b$ на c пишется или таким образом $(a + b){:}c$, или $c{:}(a + b)$. Вообще ж, частное число изображается следующим образом: $\frac{a + b}{c}$.

Положение V

§ 10. Знак равенства в алгебре такой же, какой и в арифметике употребляется, то есть (=).

Определение III

§ 11. Количества простые, или одинаковые, суть те, которые с другим количеством чрез знак + не соединены или они от другого через знак — не отделены. Например, x или y. Напротив того, количества сложные, или составные, суть те, которые с другим количеством или чрез знак + соединены, или от другого чрез знак — отделены. Например, $x + y$ или $x - y$.

Определение IV

§ 12. Количества, пред которыми находится знак +, или которые не имеют пред собою никакого знака, или вначале поставляются без всякого знака, именуются положительными, или подтвердительными, или большими ничего; напротив того, те количества, пред которыми находится знак —, называются недостаточными, или отрицательными, или меньшими ничего, или непристойными, и первые из оных показывают самую вещь, а последние означают недостаточество вещи.

Прибавление

§ 13. Из чего явствует, что количества положительные и отрицательные, как имеющие между собою некоторое отношение, противополагаются друг другу таким образом, что одно из них, будучи приложено к другому, сие уничтожает. Такими количествами почитаются, например, барыш и наклад, приращение и убавление, продолжение и возвращение и пр.

Примечание

§ 14. Положим, что ты не имеешь ничего денег, однако подарено тебе 100 руб., то ты, получа 100 руб., будешь иметь больше ничего. Напротив того, положим, что ты, не имея ничего денег, должен заплатить 100 руб. Почему 100 руб. в долг возьмешь и, прежде нежели заплатишь, будешь иметь меньше ничего. Ибо должно тебе заплатить 100 руб., чтоб ничего не иметь; и потому 100 руб., составляющие долг, будут изображать количество отрицательное, или недостаточное.

Прибавление

§ 15. Почему, когда недостаточное прикладываешь к положительному, в самой вещи уничтожаешь, например $-3+3=0$; когда ж недостаточное вычитаешь из положительного, тогда в самой вещи прикладываешь, например $-3-3=-6$. Ибо недостаток без приложения уничтожен быть не может.

Прибавление

§ 16. И как один недостаток больше другого быть может, то сумму и разность недостаточных неравных количеств по справедливости должно принимать в рассуждение.

Определение V

§ 17. Число, приписанное к какому количеству, называется множителем того количества, то есть показывает оно, сколько то количество должно взято быть. Например, $8x$ значит, что количество x должно взять восемь раз...

Прибавление

§ 18. Почему о всяком количестве, пред которым хотя и не будет находиться явного множителя, должно понимать, что пред оным находится 1. Например, a то же значит, что и $1a$; також d,j то же значит, что и dj.

Определение VI

§ 19. Количества подобные называются все те, которые означаются одинаковыми буквами, хотя, впрочем, будут иметь разных множителей. Например, $3abc$ и $5abc$ суть количества подобные. Напротив того, количества неподобные суть те, которые означаются разными буквами. Например, $3abd$ и $3abc$ суть количества неподобные.

Положение VI

§ 20. Знак подобия такой же и здесь употребляется, какой в арифметике и геометрии употребляем был. Например, $\backsim$.

ГЛАВА II. О ПЕРВЫХ ДЕЙСТВИЯХ АЛГЕБРАИЧЕСКОГО СЧИСЛЕНИЯ

Определение VII

§ 21. Приведение есть такое действие, чрез которое количества, не переменяя содержания оных, приводятся в простейший вид.

Примечание 1

§ 22. Сие действие утверждается на следующих двух правилах: 1) для удобнейшего сношения между собою количеств, означенных буквами, полезно в постановлении букв наблюдать порядок азбучный. Например, количество $ba + c - d + cd + db - ca$ лучше изображено быть может так: $ab - abc + bd + c - d + dc$; 2) многие подобные количества приводятся к одинаковому; а те, которые друг друга уничтожают, выбрасываются. Например, вместо $ab + ab + cd$ лучше и короче можно изобразить: $2ab + cd$, вместо $aa + 2ac + 3ac$ простее можно написать: $aa + 5ac$, вместо $ab + bb + cd - bb$ лучше можно изобразить: $ab + cd$, ибо $+ bb$ и $- bb$ взаимно друг друга уничтожают; наконец, вместо $a - 3b - 4b$ короче можно записать: $a - 7b$.

Примечание 2

§ 23. Количество алгебраическое, сложное из многих других количеств, не переменяет своего знаменования, когда в буквах, означающих оное, не будет наблюдаем вышепомянутый порядок. Например, если вместо $a + b - c$ напишешь: $b - c + a$, или $-c + a + b$, то из того никакой в знаменовании количеств перемены...

Николай Никитич Поповский
(1730—1760)

Просветитель, поэт, переводчик, один из первых отечественных профессоров университета. Родился в семье священника церкви Василия Блаженного в Москве. Учился в Славяно-греко-латинской академии, затем в числе лучших учеников был отправлен в академический университет в Петербурге. В университете увлекся философией и поэзией, в дальнейшем занимался под руководством М. В. Ломоносова, который давал Поповскому «наставления в стихотворстве». После окончания университета получил звание магистра и был назначен помощником директора университетской академической гимназии. В 1755 г. стал директором гимназии при Московском университете, где преподавал красноречие и философию.

По мировоззрению материалист, философию называл «матерью науки и художеств». В стихах, прозе, речах, переводных работах стремился показать роль науки в изучении природы, общественной жизни. Боролся за развитие национальной русской науки, культуры, русского литературного языка, читал курс философии на русском языке.

Во «Вступительной лекции по философии» Н. Н. Поповский подчеркивал необходимость изучения философии на родном языке, говорил о величии русской науки, о необходимости осознания сынами Отечества принадлежности к ней.

Н. Н. Поповского глубоко волновали вопросы просвещения, обучения и воспитания. Он был прекрасным педагогом. В работе «О пользе наук и о воспитании в оных юношества» (1756) он критикует ложь, лицемерие, призывает родителей оградить юное поколение от тлетворного влияния великосветской жизни, когда дворяне и купцы «неправедным житьем, предерзкими делами дорогу им ко злу показывают сами». Далее говорит о необходимости развития просвещения, об открытии Московского университета.

В предисловии к книге Д. Локка «О воспитании детей» Поповский делает важный для того времени вывод: «Хотя Д. Локк здесь рассуждает только о воспитании детей знатного рода, однако и незнатные могут теми же правилами пользоваться».

Умер Н. Н. Поповский в расцвете творческих сил.

Из речи «О пользе наук и о воспитании в оных юношества»[26]

По справедливости благоразумные люди равную или еще бо́льшую честь и почтение приписывают учащим, нежели родителям: ибо сии свет и жизнь, которые сами собой подлежат бесчисленным

нуждам, боязням и печалям; то... подают способ не только жить, но жить благополучно. Ибо учение есть старости жезл, юным увеселенье, утверждение в счастье, в несчастье отрада... Несказанное веселие видеть граждан ко всякому званию, ко всякой должности способных, понятных и искусных... не иметь нужды заимствовать от других стран разумных художников, мужей ученых к удовольствию своего народа, необходимо потребных. Все что надобно к пользе или славе, внутри своего владения находить... Собственное их учение и достохвальные примеры других нечувствительно вдыхают в них склонность и любовь к честности, отвращение от обманов, ссор, насильства и всего, что есть предосудительное и что может возмутить общее спокойствие... Просвещенный ум подает им подробное понятие истинного зла и добра; научает дружелюбию, беспритворной откровенности и неповинному обхождению. Мудрое гражданство и от внешних неспокойств, от внешних неприятелей может снискать безопасность...

...Что ж, или я сомневаюсь о вашей уверенности в подлинном мнении о пользе и необходимости учения, когда в присутствии вашем словами оную распространяю? Нимало. Толико множество детей вашим тщанием, вашими советами и повелениями, толь ревностно и почти ежедневно в сие место стекающихся, довольно показывает, коль истинное и высокое мнение, коль великое почтение и любовь к учению имеете. Мое намерение состоит только в том, чтобы, представив его силу, важность и пользу, купно изъявить, коль мы чувствительны к высочайшей сей милости... ясно познаем свой долг и обязанность в рассуждении оказанного нам благодеяния через учреждение сего университета... Одни ли мы пользоваться будем сим... благодеянием? Наши дети, внуки и их правнуки имеют готовые великие сие милости участие. О коль знатная милость, которая не на один, но на все последующие века, не только на живых, но и на имеющих видеть свет и жизнь изливается и продолжается. Коль великая польза, которая действие и течение никогда не пресечется! Бесчисленные тысячи нашего потомства прежде еще своего рождения сим благодеянием уже обязаны...

О воспитании детей[27]

(Предисловие к переводу книги Д. Локка)

К читателю

Хотя г. Локк сочинением своим о воспитании детей заслужил у всех знающих великую похвалу и почтение, однако излишне критические умы находят в нем не знаю какой недостаток. Говорят, что он правила свои писал по английскому вкусу и обыкновению, следовательно, будто они не могут служить к употреблению общему других народов. Правда, что ему, как природному англичанину,

и должно было брать примеры больше с того, что ежедневно в глазах его обращалось; так как и французы, немцы, испанцы и прочие в таком случае больше смотрели бы на отечественные обыкновения, однако из того не следует, будто бы его правила не могли быть употребительны инде. Мало ли что народы одни у других занимают и обращают в свое употребление. Английский вкус не столь особен, чтобы не мог принят быть от прочих, если только с натурою и разумом сходен. Но хотя бы некоторые правила г. Локка были с обыкновением других народов и не согласны, однако не можно думать и того, будто бы он хотел быть вселенским учителем и чтобы его наставления приняты были в Японии или Эфиопии. Главное его намерение было услужить своему отечеству: к тому клонил и всю свою систему. Да и странно бы было желать, чтобы один смертный человек мог общие предписать всему свету правила в таком деле, где различные свойства душ человеческих и бесчисленные сложения тел требуют многих отмен и неодинаковых способов.

Впрочем, благоразумный и беспристрастный читатель по внимательном прочтении сей книги легко усмотрит, что правила г. Локка почти везде могут употребляемы быть с великим успехом. Предмет его был тот, чтобы показать, каким образом детей честных родителей предуготовлять в пользу отечества; и так что касается до украшения честного отрочества науками, то почти все просвещенные народы предписанными от него наставлениями пользоваться могут. Ибо честного отрока хотя здесь инде тому же и тем же или немного отменным способом обучать должно. Прибавление, убавление, перемена, смотря по особенности места, времени и других обстоятельств, не может правил г. Локка никакому подвергнуть предосуждению. Может быть, в рассуждении попечения о здравии и укреплении тел детских покажется некоторым весьма строг и жесток, как, например, мыть ноги холодною водою и прочее. Однако здесь г. Локк не вдруг советует знобить младенцев, но начиная от холодноватой воды помалу доходить и до самой студеной. Что сие детям не несносно, доказывают ежедневные примеры. Видим ребят подлого (простолюдины.— *И. С.*) роду зимою бегающих по снегу босыми ногами и в самой студеной воде без всякого повреждения своего здравия. То же должно рассуждать и о причинах в его правилах, касающихся до тела, которые могут несносны показаться матерям, пристрастившимся к своим детям и желающим содержать их больше в неге, нежели в строгости. Но в доказательство их заблуждения довольно представить, что почти все в великой неге воспитанные люди ни столь долговечны, ни столь тверды и здоровы, ни столь мало подвержены болезням, как те, которые воспитаны противным образом. Они может быть за басню почтут, если им упомянешь, что лакедемонцы (то же, что спартанцы.— *И. С.*) не только стужею, зноем, голодом, жаждою, но жесточайшими побоями и ранами детей своих приобучали ко всякому терпения роду. Однако сия преславная в древности республика коль великих людей такою строгостию воспитания

произвела, история довольно доказывает. Подобное воспитание детей персидских находим у Ксенофонта[28], что спали на земле, ели что случилось, от чего произошли толь храбрые солдаты, что сей народ учинился повелителем всей Азии. Никогда строгое и трудами удручаемое знатного рода отрочество не потеряет тем должного к себе почтения, но укрепится больше к понесению всяких тягостей, годнее будет своему отечеству и, пришедши в мужество, благодарнее будет своим родителям, когда почувствует в себе здравие, крепость, терпеливость выше себе подобных, которые воспитаны были в неге. Но весь сей спор может решен быть одним только опытом и самым действием, а не доказательствами, которым люди предупрежденных мыслей весьма редко внимают. Напоследок хотя г. Локк здесь рассуждает только о воспитании детей знатного рода, однако и незнатные могут теми же правилами пользоваться: оставляя то, что с их обстоятельствами не сходно, прочее потребными отменами приноравливая к своему состоянию. Все сие отдаю на рассуждение благоразумному читателю, желая от всего сердца, чтобы родители сию книжку к пользе своих детей и к доброй надежде всего отечества употребили.

Ипполит Федорович Богданович
(1743—1803)

Известный писатель, поэт, сторонник передовых идей французского просветительства. Родился в семье бедного дворянина, в местечке Переволчная Полтавской губернии. Учился в Москве в юстицколлегии, сильно нуждался. Был замечен директором Московского университета поэтом М. М. Херасковым, который помог Богдановичу поступить в университет и всячески поддерживал его. С 1761 г. находился на службе при университете. Активно сотрудничал в журнале М. М. Хераскова «Полезное увеселение» (1760—1762), позднее — в журналах «Вечера», «Собеседник любителей российского слова», журнал «Зеркало света», редактировал правительственную газету «Санкт-Петербургские ведомости».

Издавал собственный журнал «Невинное упражнение».

В этих журналах И. Ф. Богданович помещал свои поэтические произведения. Наиболее значительное из них — поэма «Душенька» (1778, полн. изд.— 1783), написанная стихами, как вольное переложение романа Ж. Лафонтена[29] «Любовь Психеи и Купидона» (1669). С философской и педагогической точки зрения представляет интерес дидактическая поэма «Сугубое блаженство», где воспевается свободолюбие, братство.

В его журнале «Невинное упражнение» систематически публиковались переводы Вольтера, Гельвеция.

После Пугачевского восстания социальные мотивы творчества у Богдановича затихают. Это видно и по сборнику «Русские пословицы» (1785), в котором автор даже фольклор стремится подчинить духу самодержавного патриотизма. Однако было бы неверно сборник «Русские пословицы» трактовать лишь с отрицательной стороны.

Разделы «Доброе воспитание», «Учение, знание, искусство, добрый вкус» — классический образец народной педагогики. Весьма интересна работа Богдановича «Таблица для детей...», где изложены правила поведения юношества, методы и приемы разъяснения этих правил.

По убеждениям И. Ф. Богданович — монархист. Вся его государственная служба и в России, и за ее пределами в качестве секретаря русского посольства в Дрездене — служение монарху.

Однако его поэтическое творчество, трактат о воспитании детей, дидактическая поэма «Сугубое блаженство» — результат прогрессивной просветительской деятельности автора второй половины XVIII столетия. Этим дорог и ценен нам «весьма удивительный» (по мнению Н. М. Карамзина) И. Ф. Богданович.

Таблица для детей, служащая к познанию главных добродетелей, их неправильного употребления, противодействующих им пороков и нужных правил к сохранению добродетелей[30]

(в сокращении)

БЛАГОВЕРИЕ

Благоверие производит наилучшее нравов согласие; им утверждается благосостояние и спокойствие. Благоверие, единому разумному созданию свойственное, есть то, без чего мы не могли бы к совершенному благу приблизиться и без чего самая ничтожность была бы концом всех наших дарований и добродетелей, каковыми наиболее отличаемся.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Легковерие, или нерассудная вера, часто принимает на себя вид святости. Внешности суеверия и легковерия часто ослепляют ум людей неведущих. В действиях своих она притворству подобится, хотя разделяется с ним, потому что притворство есть вольнотворимое; суеверие же и легковерие слепо покоряют волю и суть невольно творимые. Суеверие и легковерие исправляются; притворство же приближается к наказанию и обыкновенно производит от себя отвращение. Притворство благоверия получило себе особое название, то есть ханжество и святотатство; подверженные же сему пороку потому слывут ханжи и святотатцы.

ПОРОК, ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЙ БЛАГОВЕРИЮ

Неверие есть несчастное заблуждение и во многих производит опасное свойство разума... Священное писание называет таковых нечестивыми; ибо люди, всякую веру отметающие, часто бывают наклонны не признавать ни бога, ни закона, ни благотворения; следственно, уничтожают высшие степени чести разумного создания...

ПРАВИЛО

Благоверие соединяет с собою совершенную чистоту совести, не попускающую не только к данным, но ниже к словам и помышлениям богопротивным. Добродетель сия совокупляет божество с человечеством толь близким и толь утешительным для нас образом, что отдаление от оной никакими другими приобретениями благ не заменяется.

ЛЮБОВЬ

Любовь, в прямом ее разумении, есть та добродетель, к которой сама природа убедительным образом нас призывает... В общежитии любовь имеет столько разнообразных действий и столь разных именований, сколько могут быть различны, в разных отношениях, чувствия человека благовоспитанного. Наиболее отличается она в следующих действиях: ...относительно к родителям, она есть крайняя степень почтительного уважения; относительно к благотворительным, она есть чувствование справедливой обязанности, показующей несомненную мету взаимных наших добротворений; относительно к союзу между двумя полами, она есть высочайшая степень взаимной приверженности; относительно к детям, она есть ближайшая и надежнейшая мета всегдашних в жизни попечений и устроений; относительно... к отечеству, она есть охотное собственностей жертвование, если долг службы того востребует; относительно к человечеству, она есть доброхотство и добротворение всюду, где только можем мы ко благу способствовать.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Любовь безрассудная может вовлечь нас во все пороки, так как любовь благорассудная удобна произвести в нас все добродетели. Неразумное или несправедливое к каким-либо вещам пристрастие, с небрежением всего прочего, неминуемо вводит нас в развратное состояние и сопровождается бедственными следствиями, хотя оно в начале своем представляет только слепоту разума, или неумеренность. Любовь недостойная есть всегдашняя соперница любви добродетельной. Сюда принадлежит излишняя бережливость и нега тех, которых мы особо любить обыкли и которые иногда соделываются жертвою нашей нерассудности.

ПОРОК, ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЙ ЛЮБВИ

Нечувствительность всегда оказывает оскорбительное человечеству равнодушие и часто угрюмую ненависть ко всему, что не полезно для собственности. Сей порок происходит не столько от недостатка природных способностей, как от недостатка доброго внимания и навыка. Нечувствительный человек часто себя мнимым покоем обманывает. Он покоится только под зыблющим покровом одного своего самолюбия и оставляется почти всегда без вспоможения, когда помощь других нужна будет к его благосостоянию; ибо люди, по правосудию, не воспримут труда в пользу того, кто сам для других не утруждается. В общежитии скорее терпится человек с дурными пороками, когда только удобен чувствовать привязанность к какому-либо предмету, любви достойному: ибо чрез то самое может исправиться; но человек нечувствительный разумеется так, как бы иноплеменник, к человечеству себя не причитающий.

ПРАВИЛО

...Благорассудность долженствует быть всегдашней любви проводительницей.

БЛАГОРАЗУМИЕ

Благоразумие не блистает или мало блистает в обществах: поколику имеет предметом более прочную пользу человеческого состояния; но во всех важных случаях предпочитается остроумию, хотя сие последнее, к сожалению, имеет более последователей. Благоразумие довольствуется умеренным, но зато постоянным счастием. Благоразумие достигает до источника благополучия и тем спокойно наслаждается тогда, как легкомысленность слепо довольствуется временным обольщением и после осматривается с раскаянием. Благоразумие внимает, ищет, рассматривает и останавливается на крайней точке исследования тогда, как легкомысленность бегает за наружностью, ловит мечту и удручается под неудобоносимым бременем своего заблуждения. Благоразумный человек...

свято повинуется закону без суемудрия, ревностно отправляет свое служение без строптивости, признателен к благодеянию без раболепства, благоденствует без надменности, честь и права свои сохраняет без наглости, постоянен и тверд без горделивости, кроток без унижения, верен без притворства, мужествен без зверонравия, сострадателен без злопущения, строг без жестокости, любит без ослепления, отвращается без ненависти, награждает без расточения, исправляет без оскорбления, наказывает без мщения и судит о вещах без предубеждения.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Благоразумие само собою хотя не вмещает в себя понятие о неправильном употреблении сей добродетели, в которой употребление глубокого благоразумия может соделать благоразумного человека смехотворным и тягостным; и тогда умерение сей добродетели бывает с нею согласнее.

ПОРОК, ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Легкомыслие изменяется в некотором возрасте, прощается в некоторых случаях, но само собою всегда отягощает и унижает человека, сему пороку подверженного. Легкомыслие было бы непримиримым соперником благоразумия, если бы сие последнее, благоусмотрением своим, естественно над ним не торжествовало. Всегда видим, что легкомысленные люди восходят только до некоторой степени расстроек и беспорядков, их запутывающих; для выхода же из лабиринта легкомыслия обыкновенно прибегают к благоразумию.

ПРАВИЛО

Благоразумие долженствует распоряжать всеми нашими физическими и моральными действиями; без сей добродетели мы часто себя обманываем или бываем другими обмануты. Благоразумие требует не подавать никому повода к делам несправедливым и бессовестным; ибо полезнее и легче уклониться от предлежащего зла, нежели исправить его впоследи со многими неудовольствиями.

ПРАВОСУДИЕ

Правосудие, как благоверие и благоразумие, по существу своего названия, не вмещает в себя понятия о неправильном его употреблении; но под именем правосудия беспорядная воля человеческая может впадать в крайние заблуждения... Женский пол во многих веках и правлениях, по предубеждению и особому сего пола воспитанию, не осмеливался не только мешаться в дела мужественные, но даже отчуждать себя от многих размышлений, как будто от неприличных нежному полу.

ТВЕРДОСТЬ

Твердость добрых правил, добрых намерений, добрых мнений и добрых действий есть та добродетель, которая в жизни человеческой наиболее подвержена искушениям, поползновениям, препятствиям и сопротивлениям. Любовь к сохранению себя и своей пользы, окружающие примеры и многие другие обстоятельства, естественно, во всех людях сию добродетель умеривают; однако, при всех возможных ей сопротивлениях, она всегда возвращает человека на степень более или менее постоянную, по мере, как он более или менее способен преодолевать встречающиеся ему препятствия. Полезность и необходимость сей добродетели в общежитии почитается толь священною, что при важных между людьми условиях подкрепляется она торжественными светскими и духовными обрядами, дабы слабость человеческого создания могла находить себе подпору в силе законов и в самом благоверии; ибо люди не так легко переменяются, тогда как добрая их воля обращается навсегда в постоянную обязанность. Сия обязанность естественно долженствовала присовокупить к себе в помощь обещания, свидетельства, ручательства и клятвы, каковые только могут быть удобны, с одной стороны, к обузданию человеческой пременчивости, с другой, к предварению посторонних искушений, кои, без таковой предосторожности, всегда непреодолимо стекались бы к развращению добродетели. Но, основывая на одних внешних обязательствах, обещания, без постоянной человеческой воли к тому расположения, сами собою не составляют добродетель, которая берет и преодолевает препятствия. Без такого расположения непостоянный человек, хотя бы обязывал себя всеми священными узами, всегда изыщет извинительные и оправдательные причины к сотрясению уз, отягчающих его своенравие; твердый человек входит в таковые узы с рассмотрением и доброю волею и, единожды обнадежив людей исполнением, впоследи не применяется. Сия-то добродетель производит верность обязанностей, верность дружества, сохранение порядка, повиновения, собственностей и всего, чему слабость и развратность человеческая наиболее сопротивляются. Она-то составляет высоту духа и сие геройство, которое производит дела великие, которое жертвует своим покоем, счастием и иногда жизнию, дабы постоянная добродетель, после самой смерти своего поборника, могла торжествовать над сопротивляющеюся ей развратностью.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Нет ничего несчастнее, как соединение твердости в человеке с каким-либо вредным расположением. Она тогда превращается в бедственное упрямство. Порок, и даже преступление, может исправиться, если человек удобен ошибку свою восчувствовать; упрямство же не пользуется способами исправления. Упрямые люди, навлекая на себя наказания, часто соделывают других поневоле к себе жестокими и сами себя лишают сообщественного благосостояния.

Упрямство влечет за собою долгую цепь ошибок; и когда таковая цепь увеличится неудобоносимым образом, то человек естественно под нею удручается и падает.

ПОРОК, ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЙ ТВЕРДОСТИ

Непостоянство справедливо уподобляется ветру и потому называется чаще ветреностию. В некотором только возрасте и в некоторых маловажных случаях не подвергается оно строгому примечанию; кто вошед в возраст познания постоянно главных своих обязанностей, тот навлекает на себя основательное подозрение, что он в союзах общества верен быть не может. Порок сей еще более, нежели упрямство, отвращает от себя благосклонность человеческую: ибо упрямство хотя досаждает, но не обманывает; ветреность же не только ввергает в крайние затруднения, но и других вводит в оные, если кто неосторожно ветреному человеку вверится...

ПРАВИЛО

Твердость долженствует быть всегдашним последствием добрых расположений человеческих. Добродетель сия, в потребном случае, жертвованиями многих способностей испытуется. Таковые жертвования суть благонадежнейшие поручители взаимной других людей твердости.

ВОЗДЕРЖАННОСТЬ

Воздержанность наиболее относится к умерению природных склонностей, каковые себе или другому вредны быть могут. Физический и моральный образ бытия нашего хотя беспрекословно себе некоторого удовлетворения требует, но сие удовлетворение, если не будет управляемо воздержанностью, легко превращается в сущее зло по мере своего злоупотребления. Нужное собрание воды движет полезным образом все мельничные орудия; но чрезмерное наводнение потопляет и разрушает мельницу: таков есть состав бытия нашего. Самое добро, в котором нет меры, ни приличия, нам вред приносит, и самое зло, в которой мере употребленное, производит пользу. Природа определяет человека к разумению добра и зла, но отнюдь не к употреблению, каковое бытию его противится. Воздержанность наиболее возвышается, если человек воздерживается в пылких страстях своих. Любочестие, любостяжание, гнев, ненависть, мщение, имея к своему оправданию природную движимость, соделались бы без воздержанности вреднейшими всех прав рушителями и превзошли бы лютость самых тигровых в их раздражении. Природа не дала бы человеку толико опасных преимуществ перед другими созданиями, если бы не предполагала в нем добродетели, умеряющей таковые преимущества.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Хотя редко случается, чтоб воздержанность производила худые следствия; но добродетель сия, если далеко отступает от благоразумия, учиняется иногда болезненною или вредною. Воздержанность по приличию своего достоинства должна быть в таком соединении с благоразумием.

ПОРОК, ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЙ ВОЗДЕРЖАННОСТИ

Невоздержанность есть главная соперница счастливого бытия человеческого. Она производит вредные и недостойные привычки: злонравие, слабость здоровья, унылость и все несчастные того следствия. Невоздержанный человек не должен воспринимать дело других воздерживать: примером своим он их соблазнит, а не исправит. Он естественно подчинен другому, ибо имеет нужду в способах постороннего воздержания.

ПРАВИЛО

Воздержанность происходит более от благовоспитания и навыка, нежели от рассуждения. Человек от юных лет к ней приучаться должен, ибо часто худая привычка бывает сильнее рассуждения и природы. Всегдашняя мерность действий, принадлежащих составу человеческому, наиболее определяет счастливое и долголетнее бытие наше, которое ничем лучше не питается, как мерностью самого своего питания.

Из книги «Русские пословицы»[31]

ЧАСТЬ III

ГЛАВА I

В ней означается, что исполнение доброго воспитания наиболее принадлежит родителям, ибо хотя много о том написано, но дети не столько по книгам, как по наставлениям от родителей и по их приемам делаются разумными.

Отделение I. Доброе воспитание

...4

Детей наказывают стыдом,
А не грозою и бичом.

5

Дружная брань не беда,
А напредки спасет от стыда.

6

Ум повернешь и туды, и сюды;
Укрепится, так крепче стены,
А ослабнет, так слабже воды...

10

Добрых людей чрез добро получают
И добрым примером к добру приучают;
А худы там детки от батек родятся,
Где батьки их сами в добро не годятся.

11

Каков в воспитаньи,
Таков в состояньи.

12

У кого добреньки детки,
То соседи и соседки
Далеко не ходят в мир,
Ни на праздник, ни на пир...

Отделение III. Следствия худого воспитания

1

Не нужны баловням науки,
Не надобны ни азы, ни буки;
На то, дескать, даны нам руки,
Чтоб ими шевелить от скуки.

2

Балованный сынок не век живет у матки
И после скается за глупые ухватки.

ГЛАВА II

В ней означается, что науки и знания суть в жизни самые надежные приобретения и что без оных человек не может ни распространить услуг обществу, ни вкусить благополучия, до каковото достигать может.

Отделение I. Учение, знание, искусство, добрый вкус

1

Без грамоты в попы не ставят;
Невежи умными не правят.

2

Без букв и грамматики
Не учат математике.

3

Умей быть солдатом, чтоб быть генералом;
Умей быть матросом, чтоб быть адмиралом.

4

Ученье в счастье украшает,
А при несчастье утешает.

5

Учение свет, неучение тьма;
И невежа меж умных всегда без ума.

6

Пойти в науку,
Терпеть и скуку.

7

Наука не скука тому, кто проворен,
Кто в слове не спорен, кто в деле покорен.

8

Труд при учении скучен,
Да плод от учения вкусен.

9

Кто-скать смолоду трудится,
Тот на всячину годится...

17

Обед узнаешь кушаньем,
А ум узнаешь слушаньем.

18

Видно золото в грязи,
Как его ни погрузи...

25

Не дорого то, что из золота красного;
Дорого то, что от доброго мастера...

32

Умный грешит,
Да поправить спешит:

И порядок поставит,
И дело исправит.

33

Море льется-скать глубоко,
И земля лежит далеко:
Мудрено сотворено,
Только есть и в море дно.

34

Клин-скать клином выбивай,
И худой в работе пай
Разуменьем поправляй.

Способ учения[32]
(в сокращении)

...Московский университет, во-первых, за предмет себе имея, чтоб основательным воспитанием юношества доставить государству членов, которые бы благосостоянию общества с пользою споспешествовали, за долг свой почел учителям, при оном находящимся, вкратце предложить правила, которым бы они во всех своих наставлениях следовали. Оные состоят в следующем:

1. Никто, не имеющий воспитания сам, других воспитывать не может, и учитель, не показывающий собою примеров честности, добродетели, непорочности нравов и благоразумия, больше вреда, нежели пользы, приносит воспитываемым. Почему он обязан подавать учащимся пример во всех изрядных качествах и вообще во всем учении должен быть снисходителен и ласков.

2. И тако, как во всех других вещах, учением преподаваемых, так, во-первых, в языках, при показании начатков оных, имеет он поступать таким образом, чтоб при самом начале, обременяя память, не истребить в юношестве охоту к учению. В азбуке показав надлежаще чтение и письмо, должен он присоединить упражнение в употребительнейших вокабулах или единственных речениях и в разговорах, особливо наблюдая притом правильное произношение. Для таковых упражнений с пользою употреблять может учитель сего класса напечатанные при университете азбуки латинского, французского, немецкого, греческого и российского языков.

3. По утверждении таким образом в первых начатках языков приступит учитель к этимологии оных, причем наибольше имеет упражняться в примерах склонений и спряжений, которые должен по порядку предписывать на доске или, если немного будет учеников, на бумаге, в то самое время склоняя и спрягая по оным многие слова и приказывая учащимся самим делать в том подражание.

Но дабы учащиеся сие точно разумели и употребление оного знали, то должен он на все примеры сентенциями[33] и локуциями, в то самое время сделанными и переведенными, показать им, который есть, например, и где в сем сочинении винительный падеж, когда оный употреблять должно и по какому вопросу? Которое есть и где в сем изречении сослагательное наклонение и оного настоящее время, единственное число, третье лицо и когда оное употреблять должно? По показании довольно таким образом склонений и спряжений и по затвержении их частным употреблением тотчас к чтению и толкованию какого-нибудь легкого писателя приступить и в сем упражнении следующему правилу последовать может.

a) Одну или две статьи из автора прочтет сам учитель, потом заставит оную же статью читать одного или двух из учащихся, прочим приказав прилежно слушать, дабы они чрез то привыкали к правильному произношению, а сам учитель имел бы случай поправлять погрешности.

b) Потом прочитанную статью сперва от слова до слова сам переведет учитель, а после одному или двоим из учащихся то же делать велит: таким образом они слова порознь узнают. А дабы они также из употребления вскорости узнали сходство и несходство природного своего языка с чужим, которому они учатся, то учительская должность будет, наконец, сей от слова до слова учиненный перевод по идиоматизмам[34] и свойствам природного языка в то самое время исправить и совершить.

c) Переведенную статью должен учитель по всем частям речи и образцам, довольно уже затверженным, разбирать по правилам этимологическим, приказывая притом правила грамматические, к сему принадлежащие, сыскивать и одному или другому из учеников ясным голосом читать; токмо притом, чтобы и прочие то ж правило про себя читали. Таким образом не только правила этимологические сделаются им известны, но також и находящиеся притом дефиниции или определения, например, имени существительного, прилагательного и пр., и они также изъятия с правилами из употребления узнавши частым чтением, повторением и упражнением, как бы играя в память себе вперят.

d) Изъясненную таким образом статью велит учащимся самим перевести на письме и речения, порознь и в соединении между собою находящиеся, им еще не весьма известные, выписывать и по частом повторении наизусть учить, что можно делать и с целыми периодами, особливо если оные в себе какое-нибудь нравоучительное наставление содержат.

e) Перевод, таким образом сделанный и поправленный, прикажет в тетрадь набело переписать, а в следующую потом лекцию оный же перевод велит, несмотря в автора и без приготовления, перевесть на тот язык, с которого оный в прошедшую лекцию на свой язык переведен был. Таким образом учащиеся чрез употребление час от часу более входить будут в переводы и с своего языка на чужой. Потом уже может приступить и к следующим статьям автора, наблюдая

везде сей же способ. К сему упражнению присовокупит еще легкие разговоры и сам сколько можно говорить будет с учащимися тем языком, которому они учатся...

4. По надлежащем затвержении таким образом этимологических правил приступит учитель к синтаксису и, показавши кратко правила оного примера, изъяснит по тому ж образцу сочиняемыми. Он должен читать предписанных авторов и все в оных находящиеся речения рассматривать по правилам синтаксическим, а особливо по выведении им свойства каждого порознь и в соединении находящихся слов из самого начала оных, или из обыкновений и нравов народа, також из произведения и сложения их, и напоследок по истолковании несвойственности и причин оной, которые по большей части содержатся в сходстве собственного знаменования с несобственным, должен он стараться, дабы учащиеся употребление оных надлежащим образом разумели и понимали. Впрочем, имеет он все выше сего предписанные о чтении авторов наставления и здесь сколько можно наблюдать. Причем к сему упражнению присовокупит и то, что касается до переводов с своего языка на чужестранный, а особливо имеет точно исполнять свою должность в поправлении оных переводов. Если много будет иметь учащихся, то перевод одного из них поправит, написав его на доске и приказав ученикам, ежели могут, сыскивать в нем погрешности по правилам грамматическим, с приискиванием оных и с повторяемым всегда почтением, и притом велит прочим ученикам переводы их поправить по сему исправлению и после набело в тетради вписывать. Упражнение в разговорах и употребление оных также и здесь продолжать будет и должен говорить всегда тем языком, которому у него учатся, стараясь притом, чтоб и ученики тем же языком говорили...

5. По сем следует стиль и красноречие, в преподавании которого учитель имеет по повторении всей грамматики и по предложении наставлений риторики и поэзии показывать точными правилами, в чем собственно состоит свойство красноречия того языка, и все сие утверждать избранными примерами. Должен читать авторов с показанием везде изъясненных правил и приказывая с образца их делать сочинения, например письма, краткие речи, подражания и пр.

Особливо должен он стараться, дабы учащиеся по прочтении целых мест из авторов и по изъяснении оных вышепоказанным образом делали из них точными словами автора перечни и сказанное автором сокращали; которые упражнения все легки будут, если сам учитель покажет собою, каким образом им в том трудиться и упражняться должно. Но и здесь учитель в поправлении ученических сочинений тоже употреблять должен, смотря по обстоятельству, старание, какое мы прежде сего иметь ему советовали...

6. История подает наилучшие правила жизни, и есть как бы на все случаи оной приноровленная философия: чего ради учитель должен оную преподавать со тщанием и хронологическим порядком, представив так называемый синхронизм каждого периода в особливой таблице, которую в память учащимся вперить может частыми из

разных мест вопросами, показывать причины перемен, сколько возраст детский позволяет, и прилежно внушать нравоучительные правила, произведенные из истории. Причем надлежит остерегаться, чтоб в сем случае не обременять излишно память учащихся; но паче стараться должно, дабы они истолкованные им и разными вопросами затверженные истории своими словами пересказывать могли. Но как истории правильно учить не можно без географии, то и об оной должен учитель стараться и сколько возможно в соединении показывать кратко новую географию с древнею и среднею, ко всякой империи и государству присовокупляя краткую оную историю, родословие государя и геральдику предложив правила оной вкратце.

Ко всему оному можно присовокупить краткое введение в сферу...

7. Понеже математические науки великую пользу приносят и рассуждение в нас возбуждают, распространяют и в совершенство приводят, то учение оных юношеству крайне нужно. Но если оные показывать в одних только решениях задач без доказательств, то сим не только не достигнешь предполагаемого в сем учении конца, но паче от оного удалится. Итак, учитель, в преподавании оных начиная от простейших понятий, должен доходить до последующих таким образом, дабы учащиеся чрез частое повторение союз всех понятий затвердили, чтоб все предлагаемые доказательства разуметь могли. Впрочем, само собою ясно, что чистую математику должно прежде преподавать, нежели смешанную...

Впрочем, по сему наставлению имеют также и домашние учителя, и содержащие пансионы поступать, дабы учащиеся у оных, будучи наставляемы одинаковым образом с гимназическими учениками, тем способнее могли быть экзаменованы, если их родителям заблагорассудится, на публичном экзамене, каждого года в июне месяце бывающем.

Развитие педагогической мысли в России в последней трети XVIII в.

Иван Иванович Бецкой (1704—1795)

Общественный деятель и педагог, образование получил за границей, где познакомился с педагогическими взглядами Я. А. Коменского, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо. В 1763 г. представил Екатерине II план школьной реформы «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», который был утвержден в 1764 г. Под влиянием идей французских просветителей разрабатывает проекты закрытых учебных заведений сословного характера, чтобы воспитать «новую породу людей», создать новое общество образованных дворян, способных гуманно обращаться с крестьянами и справедливо управлять государством. В этом обществе и «третий чин людей будет свободно и прилежно заниматься промышленностью, торговлей, ремеслом». Так как «корень всему злу и добру — воспитание», надо, считал И. И. Бецкой, чтобы воспитанники с детских лет до совершеннолетия находились изолированно от окружающей жизни, дабы не подвергаться «развращающему» влиянию подлых (простых) людей и окружающей среды.

И. И. Бецкой был автором «Генерального плана императорского Воспитательного дома» (1763), в разработке которого принимал

участие и профессор Московского университета А. А. Барсов; «Устава воспитания двухсот благородных девиц...» (1764); «Устава Шляхетного сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества» (1766); «Краткого наставления, выбранного из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества» (1766).

В ряде государственных документов и педагогических трактатов И. И. Бецкой тщательно разрабатывает все стороны деятельности новых учебно-воспитательных учреждений, где воспитываются дети от рождения до юношества, дает советы по осуществлению физического, умственного, нравственного, трудового воспитания, описывает методы и приемы работы в учебных заведениях интернатного типа, подчеркивает качества, которыми должны обладать учителя, воспитатели.

Представляет ценность трактат «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями...». В нем автор, опираясь на Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, показывает значение физического воспитания детей. Оно должно «следовать по стопам натуры, не превозмогая ее и не переламывая, но способствуя ей». Не всегда, правда, последовательно, но И. И. Бецкой выступал против телесных наказаний. В «Генеральном плане императорского Воспитательного дома» он подчеркивал: «Единожды навсегда ввести закон и строго утверждать — никогда и ни за что не бить детей».

Являясь сторонником женского образования, он призывал матерей активно включаться в воспитание детей, особенно раннего возраста. Что касается нравственного воспитания, то оно, по мнению И. И. Бецкого, должно осуществляться в «страхе божием».

И. И. Бецкой защищал идею широкого, разностороннего образования. В созданных учебных заведениях он удлинил сроки обучения юношества, ввел широкий круг общеобразовательных знаний, особенно в классах для дворянских детей. Сторонник сословного воспитания, он много сделал для воспитания и образования дворянских детей. Им было создано училище при Академии художеств, а также открыто Коммерческое училище, где большое внимание уделялось изучению математики, географии, механики, натуральной истории, бухгалтерии, права, коммерции.

И. И. Бецкой оставил заметный след в просветительской деятельности России, хотя эта деятельность и была направлена на укрепление «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, сословно-крепостнических устоев.

С усилением дворянской реакции, после восстания Пугачева, идеи И. И. Бецкого были признаны слишком либеральными, и он был отстранен от руководства учебно-воспитательными учреждениями.

Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества...[1]
(отрывки)

...Преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение есть дело совокупленное с невероятными трудами, а прямая оных польза остается вся потомству.

...С давнего уже времени имеет Россия академию и разные училища, и много употреблено иждивения на посылку российского юношества для обучения наукам и художествам; но мало, буде не со всем ничего.., плодов собрано.

Разбирая прямые тому причины, не можем мы жаловаться на провидение и малую в российском народе к наукам и художествам способность, но можно неоспоримо доказать, что к достижению того непрямые токмо пути избраны были, а чего совсем недоставало, о том совсем и помышляемо не было.

Из посланных еще при... Петре Великом дворяне с хорошими возвратились успехами в том, чему они обучаться назначены были; но по возвращении, имея путь и право к большим чинам и заслугам, не могли они в том упражняться.

Другие, из подлости (так называлось бедное сословие дворян, простолюдины.— *И. С.*) и наукам взятые, также весьма скоро успевали в оных, но скорее еще в прежнее невежество и самое небытие возвратились; от чего и людей такого состояния, которое в других местах третьим чином или средним называется, Россия до сего времени и произвести не могла.

Искусство доказало, что один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина. Но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены; а небрежением того и ежедневными дурными примерами привыкает он к мотовству, своевольству, бесчестному лакомству и непослушанию. При таком недостатке смело утвердить можно, что прямого в науках и художествах успеха и третьего чина людей в государстве ожидать, всуе себя и ласкать.

По сему ясно, что корень всему злу и добру — воспитание; достигнуть же последнего с успехом и с твердым исполнением не инако можно, как избрать средства к тому прямые и основательные.

Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали бы паки своим детям, и так следует из родов в роды в будущие веки.

Великое сие намерение исполнить нет совсем иного способа, как завести воспитательные училища для обоего пола детей, которых

принимать отнюдь не старые, как по пятому и по шестому году.

Излишне было бы доказывать, что в те самые годы начинает дитя приходить в познание из неведения, а еще нерассудительнее верить, якобы по прошествии сих лет еще можно поправить в человеке худой нрав, чем он уже заразился, и, поправляя его, те правила добродетелей твердо в сердце его вкоренять, кои ему иметь было потребно.

И так о воспитании юношества печися должно неусыпными трудами, начиная, как выше показано, от пятого и шестого до восемнадцати и двадцати лет безвыходного в училищах пребывания. Во все же то время не иметь им ни малейшего с другими сообщения, так что и самые ближние сродники хотя и могут их видеть в назначенные дни, но не инако, как в самом училище, и то в присутствии их начальников. Ибо неоспоримо, что частое с людьми без разбору обхождение вне и внутрь оного весьма вредительно, а наипаче во время воспитания такого юношества, которое долженствует непрестанно взирать на подаваемые ему примеры и образцы добродетелей.

При сих воспитательных учреждениях прилагать должно старание, чтоб... утверждать сердце в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту к трудолюбию и чтоб страшились праздности как источника всякого зла и заблуждения; научить пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению от всяких предерзостей; обучать их домостроительству во всех оного подробностях и сколько в оном есть полезного; особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте как на самих себе, так и на принадлежащих к ним, одним словом: всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию и которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшением.

Такие и тому подобные правила, когда посеются в сердцах воспитываемого юношества, надеяться можно, тем лучший плод произведут, что согласоваться будут с младостию и непорочностию их возраста. Просвещая притом их разум науками и художествами по природе, полу и склонности каждого, обучаемы быть должны с примечанием таким, что, прежде нежели отрока обучать какому художеству, ремеслу или науке, надлежит рассмотреть его склонности и охоту и выбор оных оставить ему самому. Душевные его склонности всемерно долженствуют в том над всеми прочими уважениями преимуществовать, ибо давно доказано, что не преуспевает он ни в чем том, чему будет прилежать по неволе, а не по своему желанию.

Притом весьма еще важное примечание иметь должно в сих воспитательных училищах, то есть дабы для юношества все то наблюдаемо было, что к жизни, целости здравия и крепости сложения их служить может, как-то, в построенных жилищах приводом чистого воздуха, неупотреблением всякого звания медной посуды, также и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять

и чрез то мысли его приводить всегда в бодрение, а напротив того, искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостию и прискорбием назваться может; и сего правила из памяти не выпускать.

От сих первых учреждений зависит все воспитание, какое дано будет первому от оных новой породы происхождению. По чему собою понятно, какая потребна осторожность и благоразумие в выборе учителей и учительниц, а особливо главных над воспитательными училищами директоров и правителей. В последних сих вся важность и затруднение состоит: им надобно быть всем известной и доказанной честности и праводушия, а поведение их и нравы долженствуют быть наперед ведомы и непорочны; особливо же надлежит им быть терпеливым, рассмотрительным, твердым и правосудным и, одним словом, таковым, чтоб воспитывающееся юношество любило их и почитало и во всем добрый от них пример получало.

Сего ради остается в дополнение изъяснить, что все сие единственно зависит от особливого учреждения и даваемых наставлений, кои надлежит сочинить с великими размышлением и осторожностию, дабы все соображено был ясно, внятно и точно; и чтоб ничего того пропущено не было, что надлежит до учителей, учеников, до поведения тех и других и до общего в сих училищах наблюдаемого порядка. Ибо при начинании сего надобно сперва за точное принять правило: или делать, и делать целое и совершенное, или так оставить и не начинать.

Генеральный план императорского Воспитательного дома[2]

(в сокращении)

ГЛАВА II. О ПРИНИМАЕМЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ МЛАДЕНЦЕВ

1. Как родительницы сами или их поверенные в том, так и посторонние люди мужского и женского рода, поднимая младенцев, могут их приносить в Воспитательный дом, где оных и принимать немедленно должно, не спрашивая притом у приносящего, кто он таков и чьего младенца принес,— но только спросить, не знает ли он, крещен ли тот младенец и как ему имя, разве приносящие сами похотят объявить что-нибудь обстоятельное, и, оное у них выслушав, в записку внесет.

2. По способности каждого можно таковых младенцев приносить ко всем приходским священникам, богодельным и к монастырям здешним мужским и женским, ночью или днем, а приворотникам, принимая их по вышеописанному, ни о чем не спрашивать, кроме крещения младенцев и имени, а относить в Воспитательный дом того же часа, где за всякого принесенного младенца выдано будет за труд по два рубля. А когда таких младенцев днем или ночью понесут мужского и женского пола люди, оных полицейских и других коман-

дам и рогаточным караулам[3] не удерживать и, кто таковы и куда несут, не спрашивать, но всякое вспоможение и от наглостей других защищенное чинить.

3. По принесении младенца надзиратель и эконом тут же должны записать: 1) день, время и пол; все, что о нем от приносящего объявлено будет; 2) все, в чем младенцы принесены, то есть одежду и пр.; 3) природные пятна и знаки, если какие усмотрены будут. Ежели младенцы не крещены, то священник один должен всегда крестить женский, а другой, всегда мужской пол... Имя внести в записку и притом из него крест с выраженным номером, под коим он в книгу записан, и напоследок по осмотру лекарскому отослать его в залу новоприносимых младенцев, где принесенную с ним одежду, хоть ли оная не в самых гнусных лоскутьях состоять будет, снять и, заметив младенцовым номером, положить на сохранение в особенный магазин, а ему выдать новое белье, пеленки и прочее платье из магазина главной надзирательницы; после чего отдается младенец на руки кормилице или няньке.

4. Кормилице, у которой своего собственного ребенка нет, может двух младенцев своею грудью довольствовать, но как таково множество хороших кормилиц весьма трудно сыскать, то по недостатку оных способнее содержать нянек, которые младенцев должны выкармливать другою приличною пищею, как им предписано будет.

5. Младенцев кормилицам или нянькам кормить до двух лет, а после переводить их в большие покои и воспитывать обще с прочими. По прошествии же третьего и до окончания шестого или седьмого года могут оба пола вместе жить, а между тем за всякую легкую работу приниматься.

6. От седьмого до одиннадцатого года как мальчики, так и девочки ходят по одному дому каждый день в школу и учатся читать и первым основаниям веры для вкоренения в них заблаговременно страха божия. В те же годы мальчики обучаются вязать чулки, колпаки, сети и пр., тако привыкают к садовой работе; а девочки упражняются в пряже, в вязанье, в тканье лент и тесем, в плетенье кружев и пр.

7. От одиннадцати до четырнадцати лет мальчики, по силе своей и по состоянию, пеньку, лен, шерсть и пр. чистят, чешут и приготовляют, а взрослые девочки из того делают пряжу и далее вырабатывают, так ткут шелковые и другие ленты, полотна и пр.; мальчики от часу больше привыкают к огородной и дворовой работе. Девочки по очереди стряпают, хлебы пекут, моют, гладят, крахмалят, шьют и в прочих домашних работах упражняются. В сие годы мальчики и девочки по часу на день обучаются писать и цифры, также катехизису; притом же всем крайне наблюдать, чтобы воспитываемое юношество привыкало к трудолюбию и чистоте.

8. По прошествии четырнадцати или пятнадцати лет должны как мужского, так и женского пола дети приготовиться к совершительному окончанию разных мастерств; и так мальчиков отдавать учиться мастерствам, какие они по склонности выберут. На обуче-

ние всего времени в простых мастерствах четыре или пять лет полагается. Сих мастеров иметь честного жития при Воспитательном доме, в построенных особенно покоях, для того, чтоб отданные им в науку дети, будучи под присмотром начальников, тем лучше могли предохранены быть от повреждения добрых своих нравов, с которыми воспитаны были.

9. И по изучении оного, хотя бы уже кто был двадцати лет или и более, однако из границ оного дома еще не выпускаются (буде же не все, то большая часть); но по добровольной женитьбе с тутошнею воспитанницею имеют пользоваться года три или четыре в мастерских при том доме покоях, работая на себя за плату, как то пространнее изъяснено в главе о награждении в 1, 2 и 13 разделении.

10. Что до пищи воспитываемых в сем Доме принадлежит, то должно их кормить по три раза в день в построенных для того залах всех вместе, под присмотром надзирателей и надзирательниц для отвращения всякого непорядка. А как всем довольно известно, что по изысканию знающих людей найдено, сколь много красная и зеленая медь здоровью и жизни вредительна и приключает многие бесчисленные беды; а в таком великом домостроительстве наипаче от оного вреда охраниться трудно, нежели в малом хозяйстве, почему больше обыкновенного и предосторожности иметь должно: того ради всякая поваренная и прочая медная посуда от сего Дому совсем без изъятия отрешается, какова б звания ни была, а содержат железную и пр.

11. Если из множества воспитываемых детей найдутся некоторые такого понятия и остроты, что государству больше пользы принести могут изучением наук и художеств, нежели каким-нибудь грубым мастерством, то дарования такового не должно пренебрегать, но и по довольном испытании особенной к тому способности отсылать их для наук (ежели низко невозможно будет) в Московский университет, а для художеств в Академию художеств. Некоторым же того рода знаниям, а особенно садовому, должно при Воспитательном доме обучать, так как и некоторые мастерства собственно в оном Доме заведены и в большее совершенство приведены быть могут; для лучшего успеха в художествах особенно надлежит назначиваемых ко оным молодых людей обучать рисовать, чтению чужестранных книг и писать по крайней мере столько, чтобы они приличные к сему их намерению книги в свою пользу разуметь могли, без чего они не иначе, как только посредственными художниками в век свой останутся, чему ежедневно видеть можно неоспоримые опыты. Напротив же того, через чтения книги могут всеми новыми изобретениями пользоваться, которыми оные, как известно, всегда изобилуют. Из сего толь преполезного основания в изучении не выключается и женский пол.

12. Надеяться можно, что... многие... люди в других городах, по человеколюбию спасения ради своего, разным образом оставленных родителями младенцев принимать и воспитывать до несколько лет не оставят; по прошествии двух, трех лет и более, не свыше пяти,

могут их, для совершенного воспитания и обучения, привозить в удобное летнее время и отдавать в Москве в Воспитательный дом в число принадлежащих к оному на основании плана, с показанием, когда принят, крещеный или по приеме при которой церкви крещен, и других случающихся при том обстоятельств, исключая из оного, по ясным доказательствам, крепостных, отданных под видом обмана.

13. Буде же на содержание которого младенца обоего пола при принесении его и после того единожды или погодно на особое содержание от кого, хотя и неизвестного человека, давать будут деньги, то по числу оных, по изволению его, лучше других пищею и одеждою содержан и обучаем быть имеет.

ГЛАВА III. О НАДОБНОСТИ ВОСПИТАНИЯ, СХОДСТВЕННОГО С НАМЕРЕНИЕМ, С КОТОРЫМ ЗАВЕДЕН ДОМ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ

Довольно уж писано в данных воспитательному дому наставлениях, каким образом содержат детей до отнятия их от груди*. В сей части генерального плана осталось только в дополнение к изданным уже физическим примечаниям объяснить, как воспитывать и кормить детей с того времени, когда сами ходить начнут, как сохранить в них здоровье и бодрость, каким быть для них учителям, воспитателям и воспитательницам, какие потребны им науки, наипаче что касается до познания правил гражданской жизни, каким учить во все время пребывания их в доме искусствам, рукоделиям и пр.

Всяк уверен, что приносимым сим детям потребно воспитание, отменное от преподаваемого благородным, и что в сем заведении правилам воспитания, касающимся до телесных и душевных упражнений, должно быть в малом гораздо числе, но ясным вразумительным и к исполнению весьма удобным; ибо прямое намерение требует произвести здесь людей, способных служить Отечеству делами рук своих в различных искусствах и ремеслах**.

В подобных сему заведениях не надобны танцмейстеры и пр.; того меньше потребны девочкам учительницы для показания мод, бесполезных способов обхождения и множества подобных сему вредных и гнусных излишеств, кои произошли от одной роскоши и ныне у праздных людей в больших городах обыкновенно бывают.

Довольно известно, сколь надобно воспитание, сходственное с намерением, с которым Дом сей учрежден; для того пространные

* В сем доме кормить их различным образом, а именно: кашицею, козьим молоком и грудью. ...не должно отнимать от груди прежде года, невзирая, что у них зубы выходить станут; но как в подобном сему заведении невозможно общим правилам в чрезвычайных случаях быть совершенно достаточными, для того предаются без изъятия на благоразумие искусным врачам, просвещенным приставникам, приставницам и кормилицам, наблюдающим прилежно все случающиеся перемены до двух или трех лет детского возраста.

** То есть сделать, чтоб сами себе полезны были для пропитания своего, поселясь и основав жизнь свою способом твердым и прибыточным для себя и для потомства.

о сем доказательства для просвещенных читателей не нужны; здесь упоминается только нижеследующее:

В чужих государствах третий чин народа, заведенный уже за несколько веков, продолжается из рода в род. Но как здесь сей чин еще не находится, то мнится, в оном и нужда состоит. Следовательно, приготовить основание сего чина заведением сперва учителей и учительниц, имеющих потребные качества для воспитания и обучения обоего пола детей, как сего требует намерение. Того для следовать должно предписанному здесь наставлению, ибо успех хорошего и полезного воспитания в сем Доме единственно от них зависит.

Трудно сказать, сколь великое внимание при сем случае потребно, а особливо что до наставления девушек касается. Усмотренные поныне недостатки в воспитании юношества вообще состоят в затруднениях от вредительных способов учения, которым питомцев подвергают, не рассматривая качества тех, кем они руководи́мы, и не рассуждая, могут ли притом сделать жизнь им приятною, побуждать их к полезному подражанию и стараться научить юношество примерами так, чтоб оное впредь могло воспитывать с пользою своих потомков...

О упражнениях

Многие презирают забавы детские и признают оные ненужными. Большая часть отцов и матерей требуют, чтоб они заблаговременно тихи, постоянны и рассудительны были, в чем очевидно ошибаются. Дабы сему поверить совершенно, посмотрим, что делают животные в первых летах. Все время младости разделяется на три упражнения: есть, спать и играть*. Когда дети свободно ходить начнут, то беспрестанно в движении бывают, выключая время сна. Сие, как известно, происходит от естественного их сложения.

Кто в сем оказывает запрещение или насилие, тот без сумнения их губит. Того для не токмо позволять им быть в невинных забавах по своей воле, но и всеми способами побуждать их к оным.

Упражнение в натягивании лука много здоровью способствует, приводит в движение все мышцы в руках, в плечах, в груди и в спине: расширяет грудь, отчего раздается и легкое; помогает обращению крови и пр. Когда примечаем крепость в народе, который сражается на войне стрелянием из лука, то согласно признать можно, что, кроме описываемого здесь упражнения и прочей игры, нет полезнее и способнее к ободрению тела. То ж самое приметил я с удовольствием, ездя между Брюсселем и Франциею, где в целых

* Сим доказывается, что и младенцев, кои не могут еще ходить и оказывают знак беспокойства или нетерпения, желая сойти с рук кормилицы, надобно сажать наземь, дабы барахтаньем и друг с другом ползаньем удовольствие себе ощущали. Позволять им сии простые телодвижения по деревенскому обыкновению без помочей и без научения, покамест сами стоять и ходить в состоянии будут.

деревнях в праздничные дни иной забавы не имеют, кроме стреляния из лука в цель. Столько же нужно телодвижение и к воспитанию девочек по пристойности их полу. Приставницы должны наблюдать особливую умеренность в сравнении звания своего с должностию приставников над мальчиками.

Показание, чему питомцам обоего пола учиться

1

Познание веры,
рисовать,
читать,
писать,
арифметика,
география,
искусство вести счетные книги,
правила гражданской жизни, управляемой законами Отечества.

2

Мануфактура,
фабрики,
коммерция,
садовничество и прочие искусства, до экономии принадлежащие,
изящные художества тем, кои к сему способны,
рукоделия, женскому полу принадлежащие.

О обучении детей от пяти лет возраста, пока сами одеваться могут

Все отцы, матери, начальники и приставники обыкновенно стараются обучать детей, как скоро начинают говорить. Иные заставляют их непрестанно твердить молитвы и прочее. Намерение само в себе хорошее, но безвременное в том упражнение вредит слабому еще понятию детскому. Другие, напротив того, как и большая часть невежеством ослепленных матерей, кормилиц, бабушек и прочих, во удовольствие себе поставляют рассказывать им привидения от страшилищ, действия власти дьявола, договоры между ним и ворожеями, их таинства, повести о колдунах и множество других басней, не меньше смешных, как и безумных, которые происходят только от воображения простолюдинов, заразившихся предуверениями.

Все таковые наставления, все сии рассказы, все сии басни, кои происходят либо от употребляемой во зло ревности к вере, или от толкования, ей вовсе противного, которыми думает забавлять детей и произвести в них ко вниманию привычку, приводят, напро-

тив того, смысл их в замешательство и помрачают их ложными понятиями*.

Повествования о славных и ученых мужах подают нам достойные примечания примеры действий сего злоупотребления: иной не страшится смерти в самых опаснейших случаях, а спать в комнате без огня боится; другой строго в суде поступает по законам с ворожеями, а приходит в обморок, когда во время кушанья солонка опрокинется. Все таковые воображения впечатлелися в них во время младенчества, которое на всю жизнь предает памяти все свои понятия, а по несчастию те наипаче, кои заставляют тревожиться от ложного страха. Сия предосторожность потребна для всех детей, в каком бы ни были возрасте.

Не должно иным способом к учению приводить сего возраста питомцев, как советом и подавая случай к подражанию... Вскоренять в них склонность повиноваться без досады; препятствовать им бить всякое животное и оказывать злость сверстникам своим; но притом оставлять им вольное и беспорочное обхождение, возрасту их приличное. Лучше производить им наставления примерами, кои зависят от поступок учителей, а не правилами, в самом деле сим отрокам неполезными.

В сие время учить детей рисовать, притом и читать для того только, чтоб зрением привыкали к познанию литер. Важность учительского искусства состоит в том, чтоб питомцы в сем упражнении забаву свою полагали...

О обучении детей познанию веры, рисовать, читать и писать с того времени, как сами одеваются

Дети мужеска полу не всегда до 7 и 8, иногда и 9 лет возраста, а девушки обыкновенно прежде их, сами одеваются. Время тогда учиться им тому, что для всей жизни их потребно... Позволяется, однако ж, здесь упомянуть: ни что так детям не вредит, как устрашение их грозительными рассказами о мучениях во аде. Нежные сердца, таковым ужасом единожды пораженные, во всю жизнь делают их робкими и боязливыми. Ежели внимательно о сем помыслим, увидим, сколь великий от сего вред происходит**.

Не принуждать детей учить много наизусть. Довольно для отроческого их возраста, когда вытвердят и примут Отче наш, символ веры, десять заповедей и сочинения нарочно для всех таковых от ее императорского величества учрежденных воспитательных домов,

* Потому, что разговоры между няньками и служанками в присутствии детей необходимо случаются; можно сочинить самым простым наречием, легкие и примечания достойны нравоучительные сказки, которые бы сим приставницам вместо неприличных разговоров при детях употреблять полезно было.

** Легко доказать сие многочисленными примерами, кои один другого сильнее. Немаловажен и тот, который сказан мне от знаменитой особы: подобные сим разговоры во младости толь сильные произвели чувствам ее воображения, жалость и смущение, что сокрушающееся сердце побуждалось ее часто, уединясь, проливать много слез от страха, причинявшегося от таковых повестей, утверждаемого притом и знатостию повестующих, мужей сановитых и почтения достойных.

молитвы вечерние и утренние. Время драгоценное заставляет терять, кто приказывает им твердить по нынешнему обыкновению. В великую слабость приводит сложение тела их, порабощая разум и требуя от них то знать, чего не понимают и вовсе не разумеют. Запрещать читать громко, как в наших школах обыкновенно бывает. Голос возвышать довольно, несколько с отменою против обыкновенных разговоров, чисто, вразумительно и с приятностию, языку нашему свойственною.

Учение рисовать и читать приобретается в отрочестве. Писать и изображать цифирь легко уже покажется им, как скоро свободно рисовать начнут.

Учащие должны показывать, как держать карандаш и перо в руке пристойно, как бумагу и руки класть без принуждения и в каком положении быть телу, как писать чисто хорошие и с употреблением сходные буквы, как делать скоро и порядочно пакеты, письма печатать, надписывать исправно и как перья чинить. Учителя причиною, ежели ученики сему не обучены; не меньше же обязаны наставлять детей учтивству и вежливости, не только во время учения, но и во всяком случае подавать собою в том примеры для подражания им...

О способе и причине обучения питомцев арифметике и географии

Учить детей арифметике так, чтоб могли, по крайней мере, счислять, сколько меновщику надобно, а особливо в купеческие счетные книги о приходах и расходах...

Когда упомянем здесь, что географии учить их, конечно, надобно; может быть, скажет кто, что мы хотим воспитывать их в познании наук, дворянству только потребных. На сие ответствуется: кто посмотрит со вниманием на пространство Отечества нашего, имеющего сношение с толиким множеством различных как азиатских, так и европейских народов, тот сему предложению удивляться не будет. Купец российский и всяк торгующий в делах своих весьма часто ошибается, не зная описания земель соседственных, не зная положения северных морей: Немецкого, Балтийского, Каспийского, Черного, находящихся около Америки, Японии, Китая, восточных и прочих, кои служат дорогою к самым большим торгам в наше время. По крайней мере, и немного разумеющему коммерцию купцу простому, фабриканту, торгующему холстом, юфтью, железом и прочими товарами, ведать те места надобно, где с наибольшим прибытком продавать можно им припасы и товары свои, а для провозу оных знать кратчайшие и меньше других убыточные дороги.

Сие познание географии так легко приобретается и в гражданстве живущих столь много просвещает, что обучившиеся на большом глобусе шести или семи урокам могут большее, нежели средственное, иметь понятие, ежели только корыстолюбие учащего в том не воспрепятствует, что весьма часто бывает; ибо в таком случае ученик и в год не научится...

Как поступать с учителями и приставниками?

Прежде показания, каким быть должно для детей наставление, весьма нужно упомянуть нижеследующее для господ опекунов, главного и прочих надзирателей. Неминуемо требуется, чтобы дети обоего пола почитали и любили своих наставников и наставниц не инако, как совершенных отцов и матерей. Но всуе себя о том ласкать, когда начальники не поступят с требуемою осторожностию, которая в том состоит, чтоб никогда не оказывать сим мнимым отцам и матерям грубости, злобы или брани, а паче при детях.

Хотя в числе приставников находятся и такие, кои родились и воспитаны в рабстве, однако ж необходимость требует, чтобы все господа начальники поступали с ними приятно, ласково и с учтивством, дабы такое обхождение поверженный их дух возвышало, и чрез то бы в благополучие себе вменяли быть в сем доме. Можно совершенно поверить, когда следовано и в основание принято будет сие о кротости предписание, без сумнения привлечет оное их самих с любовию поступать с питомцами так же, как начальники с ними обходиться будут.

Последуют, конечно, случаи, что такие наставники заслужат выговоров и, может статься, запрещения быть в сем доме. Не только при детях сего делать не должно, но употреблять умеренную строгость, дабы и в обществе им от того не было оскорбления.

Важное политическое правило должно в сие ввести заведение, то есть чтобы дети в христианской любви обретали качества отцов своих и матерей. Какое изящество, какая добродетель, какое праводушие могут произрасти в сердцах сирот наших, когда с теми, коих они родителями себе по справедливости признают и почитают, поступать будут, как с невольниками.

Все принадлежащее к воспитанию должно им приобретать слухом и зрением, то есть подражая добрым примерам, которые бы им побудительны были и привлекали их к себе каждый день и каждую минуту...

Устав воспитания двухсот благородных девиц...[4]
(в сокращении)

О должностях господ попечителей и о принятии в общежитие благородных девиц

1

Кроме госпожи начальницы надлежит быть еще четырем знатным особам из господ сенаторов или других именитых чинов, которые должность свою отправляют попеременно из одной чести и любви к ближнему, заседая в собрании как для совета и свидетельства дворянства молодых девиц, так и для экономии.

2

Число девиц первого приема состоять будет из 50, не свыше 5-ти и 6-ти лет. По принятии же оных в первый год в следующие потом два года, хотя и убылые места случатся, ни единым более принимать не дозволяется, но оный прием всегда возобновлять по прошествии трех лет.

3

При каждом приеме должны отцы и матери, а в случае сиротства сродники или свойственники помянутых молодых девиц прежде вступления их достоверно доказать в учрежденном совете воспитательного общества дворянства их, и сколь скоро доказательства их о том достаточными признаны будут, то за подписанием господ, заседающих в собрании, дается им письменное в том утверждение.

4

Еще надлежит им о своем возрасте иметь свидетельство от священников, коими крещены, или от воспреемников с показанием имени, прозванья и лет, також чина и имени отцовского. А поелику сие учреждение более преимущество дает таким благородным девицам, коих отцы и матери пред прочими мало достаточны, то ежели похотят, прописывать могут отцовскую службу, был ли он ранен или и убит на войне и о имени родителей.

5

Такое свидетельство о их состоянии не будет, однако ж, никому известно, кроме госпожи начальницы; а в случае какого-либо сомнительства довольно, когда оное утверждено будет подписанием кого из тамошнего дворянства или какой знатной в том городе или уезде особы.

6

По утверждении и признании дворянства девицы представляются госпоже начальнице, которая, получа все потребные свидетельства о дворянстве, имени и прозвании принимаемой девицы; что она не старее шести лет и была ли на ней оспа, запечатает их печатью сего дома и, внеся оные в список принимаемых, имеет отдать с нумером в архив, которые в оном храниться будут до того времени, как воспитуемая девица из сего общества отпустится.

7

Принятая вышеписанным порядком девица тотчас препоручится в ведомство учительницы назначенного ей класса и получает всю одежду сего дома...

8

Все оное разумеется о здоровых девицах; а увечные, слабые и тому подобные, тако же имеющие какую болезнь, которая другим вредить может, принимаемы не будут.

9

При вручении молодых девиц госпоже начальнице родители их или ближние родственники в то же время должны дать ей порядочное обязательство в том, что они по собственному своему произволению и видя будущую дочерям их и по сего воспитания пользу препоручают в опеку совершенно до 18-ти лет возраст, так что до исходу того двенадцатилетнего времени ни под каким видом обратно требовать их не станут.

10

Ежели иногда случится, что девица по прошествии урочных лет осиротеет или других каких ради причин в оном обществе сама остаться пожелает, оное ей дозволяется, но не более, как на два или на три года, не в числе классных.

О РАЗДЕЛЕНИИ ПРИНИМАЕМЫХ ДЕВИЦ НА ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА

I. Возраст от шести до девяти лет.

Учение

1. Исполнение закона и катехизм
2. Все части воспитания и благонравия
3. Российский и
4. иностранный языки
5. Арифметика
6. Рисование
7. Танцевание
8. Музыка вокальная и инструментальная
9. Шитье и вязание всякого рода

II. Возраст от девяти до двенадцати лет.

Учение

1. География
2. История
3. Некоторая часть экономии, или домостроительства

III. Возраст от двенадцати до пятнадцати лет.

Учение

Продолжение всего прежнего. При том

1. Словесные науки, к коим принадлежит чтение исторических и нравоучительных книг
2. Часть архитектуры и геральдики
3. Зачинают действительно вступать в экономию по очереди

IV. Возраст от пятнадцати до восемнадцати лет.

Учение

1. Знание совершенное закона
2. Все правила доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости
3. Повторение всего прежнего, в чем совершенного знания еще не имеют
4. Во все части экономии действительно вступают по очереди

О ГОСПОЖЕ НАЧАЛЬНИЦЕ

1

Как скоро госпожа начальница... определена будет, то и получает она от того часа всю власть в распоряжениях всего дома и над всеми в должностях при оном находящимися.

2

Она печется с крайним прилежанием о сохранении, наставлении воспитываемого младого стада.... Поелику же она над всем оным обществом имеет полную власть, то и долженствует непременно верно и обстоятельно ведать о всем, что в нем ни происходит, не пренебрегая ни малейшей подробности, кроме разве таких случаев, в которых она положиться может на госпожу правительницу, коей исправность и неусыпное смотрение ей известны быть должны.

3

...она... при выпуске их из сего общества дает им свидетельства об их поведении...

4

Паче всего старается она содержать предписанный в уставе порядок, которому прочие госпожи в воспитании и наставлении молодых девиц без всякой отмены следовать должны. Чего ради часто в разные и неожиданные времена посещает классы, дабы присутствием своим тем надежнее содержать каждую при своей должности.

5

Должность госпожи начальницы, яко важнейшая и пред всеми прочими преимущественная, требует великого попечения о том, чтоб быть ей всеми к воспитательному обществу принадлежащими любимой и почитаемой. Одним словом, надобно ей во всем поступать собственным примером, должна она ободрять всех прочих к послушанию и руководству молодых девиц определенных, а особливо учительниц, от которых зависит все совершенство доброго воспитания и обучения.

6

А дабы она, по собственному своему примечанию и по засвидетельствованию госпож учительниц, сведома быть могла о успехах и прилежании каждой девицы, то для сего назначивать можно особые и общие экзамены, первые по классам, а другие пред всем собранием. По усмотрении же понятия и способности каждой поощряет она их раздачею определенными знаками к большему прилежанию; часто призывает из тех некоторых к себе и, поступая с ними ласково, старается возбудить в них похвальную ревность и желание быть с нею. Сим способом, подавая кроткие и благоразумные свои наставления, приохотить их лучше вникать в оные.

7

Для сего надлежит ей при всех случаях подавать примеры отличной добродетели, превосходного достоинства и всех тех качеств, какими ее чин и важная должность требуют, снисходя притом чистосердечно в состояние подчиненных ей людей. Строгость и твердость суть иногда великие добродетели; но бывают временно и такие случаи, в коих требуется особливое искусство, чтоб оные согласить с порядком и тишиною во всем училище.

8

Определенная для сего общества казна состоит в ведомстве всего заседания, а для молочных расходов некоторая сумма выдается эконому, состоящему в ведении госпожи начальницы, которому без особливого от нее приказа никакой чрезвычайной издержки собою не чинить, ибо должность ее требует входить во все подробности и распорядки экономии. Буде же за болезнию или для каких других причин сама все то исправить не может, то поручает оное госпоже правительнице, которая ей обо всем верно доносит.

9

Эконом чрез каждые две недели или, по меньшей мере, чрез каждый месяц вручает ей обо всем исправный счет, по которому

она поверяет расходы, и, вступя во все малейшие подробности, старается тем предупредить всякий подлог. Имея опеку юных питомиц, по справедливости обязуется она хранить и добро их и крайнюю употреблять предосторожность противу расточения, дабы добрым смотрением сберегаемые от определенной годовой суммы остатки могли в свое время употреблены быть им же на пользу в приданое.

10

Как от воли ее точно зависит распределять при доме все должности, касающиеся до воспитания, обучения и содержания, так по тому же нерадивых учительниц, коих благопристойными средствами к должности своей привесть не можно, и всех тех, которых или верность сомнительна, или не найдутся знания... достаточными, переменять и других на те места определять в ее же воле состоит, в противном же случае она за все ответствовать должна.

11

Хотя благоразумие и искусство будут непременным основанием всех ея поступок, однако ж надлежит соединять их с кротостью, а наипаче с непринужденною веселостию. И сие вверять или сообщать и прочим госпожам, а особливо молодым девицам, дабы сим способом отвращен был и самый вид всего того, что скукою, грустью или задумчивостию назваться может.

12

Госпоже начальнице предоставляется промышлять о всем том, что по собственному ее изобретению за лучшее и полезнейшее для порядку, успеха, благосостояния, а наипаче для воспитания молодых девиц признано будет, которые, яко драгоценный для нее, для государства и Отечества залог, вверены благоразумному ее попечению.

О ГОСПОЖЕ ПРАВИТЕЛЬНИЦЕ

1

Оная состоит второю особою по госпоже начальнице и потому почитается как вторая воспитательница или как помощница в великих трудах и упражнениях первой: получает приказания от нее и, поступая по оным, исполняет свою должность.

2

Во-первых, должна она наблюдать со всякою ревностию за надзирательницами и учительницами, точно ли они по предписанию

исполняют свои должности и с каким прилежанием, а притом смотреть, совершенный ли порядок во всем доме происходит, и верно о том доносить госпоже начальнице.

3

Она так же, как и госпожа начальница, работает, с каким успехом девицы воспитываются и обучаются. А чтоб лучше видеть, как преподают наставления учительницы классов, то для сего нелеността сама присутствует в каждом попеременно.

4

Сверх того, что она долженствует прилагать попечение о всем том, чтоб до сего воспитательного общества ни касалось, особливо иметь ей крайнее рачение о чистоте и учтивости, показывая в том само собою всем первый пример. Ибо нерадение в сем пункте ни по какой мере терпимо быть не может.

5

Госпожа правительница имеет равномерно в своем ведении все, что до экономии и расходов принадлежит, но колику она в потребном случае исполнять обязана все должности госпожи начальницы, и все, что на нее положено, лежит также и на госпоже правительнице, с тою токмо разностию, что она все делать должна то, в чем от госпожи начальницы точным повелением уполномочена будет.

6

Не меньше, как и госпоже начальнице, стараться ей должно о том, чтоб поведением своим, благонравием и добрым примером возбудить в подчиненных похвальное ревнование, и не токмо между молодых девиц, но и между самих госпож надзирательницы и учительниц классов.

7

Умеренность, кротость и благоразумие долженствуют быть главными качествами госпожи правительницы. Посему весьма остерегаться ей должно, чтоб отнюдь ни при каком случае не сделать ничего, суровость, досаду или гнев изъявляющего. Особливо же беречься того, чтоб ни при госпожах надзирательницах и учительницах, а еще того меньше при молодых девицах, в коих она должна производить плоды добродетели, не сказать ничего непристойного и огорчительного, о чем подтверждать и прочим ей подчиненным госпожам и за ними того крепко наблюдать.

8

Ей же надлежит с крайним благоразумием отвращать все, что помешательство, неудобство или какую остановку в воспитании и обучении девиц произвесть может.

9

Впрочем, во всех тех случаях, где она сама собою чего решить не может, требует наставления и приказу от госпожи начальницы.

О ГОСПОЖАХ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦАХ

1

Госпож надзирательниц для двухсот девиц определяется четыре: в каждом классе по одной. Должность их состоит в том, чтобы прилежно смотреть за девицами ее класса при всех случаях; и если которая из них в чем преступит, то поправлять с благопристойною кротостию, а сверх сего, долженствуют они вспомоществовать госпожам учительницам в преподаваемых ими наставлениях. А буде которая за болезнью или для другой какой законной причины при классе быть не может, тогда надзирательница занимает на то время ее место.

2

В сем случае госпожи надзирательницы следуют в обучении девиц тому же порядку, какому следовали учительницы, и для того держатся они и всех прочих до того принадлежащих правил, не отлучаясь уже от девиц ни во время учения, ни во время отдохновения, но исполняют во всем должность учительницы.

3

Имеют они преимущество над учительницами, но ограниченное. Главная их должность непрестанно быть при них и смотреть, чтоб благопристойность, во всем надлежащий порядок, успехи, чистота и учтивость наблюдаемы были в высшей степени, приобучая к тому девиц таким образом, что они сделанную в таких нежных летах привычку не покинут до глубокой старости.

4

Сего ради неусыпным трудолюбием каждая в своем классе приводить оное в совершенство старается. От ее глаз и примечания не должны скрываться и малейшие подробности. Служанки по себе довольно к небрежению склонны; а если приметать в том послабление,

то придут и в совершенный беспорядок. И в рассуждении того, что все намерение сего учреждения клонится единственно к совершенному воспитанию девиц, надлежит все то и взыскивать без всякого упущения.

5

Также имеют они попечение о платье и белье девиц, которые должно содержать в порядке под особливым нумером каждой, пересматривая все по росписи у тех, кому из служащих каждого класса поручено будети, а отнюдь не полагаться в том на них. И если что-либо усмотрят ко употреблению негодное, то немедленно доносят о том госпоже правительнице, которая, как скоро можно, вместо ветхого дает новое.

6

Госпожа надзирательница должна быть попеременно при четырех к смотрению ее принадлежащих столах, ибо каждая учительница для своей части имеет особливый стол. Тогда примечает она так, как и учительница, благопристойно ли девицы себя ведут, с благородною ли и приличною осанкою и опрятно ли кушают; словом, так ли поступают, как благородным и хорошо воспитанным девицам надлежит.

7

Госпожи надзирательницы получают приказания только от госпожи правительницы и от самой госпожи начальницы и, поступая по оным всегда и при всех случаях с крайнею точностию, должны молодым девицам подавать похвальные примеры ласковою своею поступкою, а паче всего умеренностью и учтивостью.

8

Если госпожи надзирательницы принуждены будут так, как и учительницы классов, за погрешность ко исправлению пристойные употребить способы, то делать сие в образе и намерении матернем, а отнюдь не по страсти или по иной какой посторонней причине, как, например: если кому случилось, упражняясь в каком-нибудь деле, прийти в раздражение и в то ж время, не одумавшись, сердце свое изъявить над молодою девицею (что весьма часто случается у большей части безрассудных учителей и учительниц), то такой поступок совсем не благоразумен и как тем, так и другим крайне от сего остерегаться должно.

9

Напрасно или не по важности вины употребляемая строгость бывает обыкновенно поводом к преступлению, совершенно опровергает порядок доброго воспитания и приводит в уныние питомца,

коего ожесточившееся тем сердце отвратится от своего воспитателя. Собственных или домашних своих огорчений воспитываемым детям отнюдь не оказывать, но всячески оные от них скрывать должно.

10

Госпожа надзирательница или учительница поступает при том весьма осмотрительно, чтоб в употребляемых строгостях поступаемо было с умеренностью и единственно по мере той причины, какую подала к тому девица своим проступком, да и тогда с крайним же благоразумием определит оное по важности преступления...

11

Госпожи надзирательницы и учительницы за первое правило почитать себе должны, чтоб им быть от всего воспитательного общества равно любимым и почитаемым; а из сего следует, что при выборе их великое осмотрение иметь должно.

О ГОСПОЖАХ УЧИТЕЛЬНИЦАХ И МАСТЕРАХ

1

Число обучающих для первого и второго возраста девиц определяется по четыре, для третьего и четвертого по две, итого двенадцать, полагая наперед... что они одарены всеми потребными к тому качествами, дабы должность свою исправно, честно и с похвалою исполнять в состоянии были.

2

И так, первое и главнейшее их попечение состоит в том, чтобы под своим руководством воспитать девиц... А сею важною должностью наиболее обязаны они потому, что, будучи всегда при них, могут благоразумными и искусно к слову приведенными разговорами при всяком случае в мысли молодых девиц вперять благонравие и вкоренять оное в нежные их сердца; а всякий пункт наставления, о чем бы ни был, довольный способ к нравоучению подать может.

3

Всячески стараться, чтоб девицы не привыкали излишне важничать, а потом и унылый вид являть. Сие примечание госпожа надзирательница часто подтверждает подчиненным своим, а особливо учительницам, поелику оные непрестанно с девицами вместе нахо-

диться будут. Паче всего наставлять их в обоснованиях благоразумия, добронравия, благопристойности, благородной, а непринужденной учтивости и всех добродетелей.

4

Все сии изящные качества надлежит соглашать с пристойною и благородною скромностию в поведении, в осанках приятных, в разговорах вежливых и разумных и в ласковых поступках.

5

Госпожи учительницы, во-первых, долженствуют обучать девиц иностранным языкам говорить и писать, особливо же приваживать их к правильному читанию и вперять (внедрять.— *И. С.*) в них охоту к чтению книг.

6

Для содержания впредь в добром порядке домашней экономии, надлежит их обучать арифметике, також всякого рода домашним рукоделиям, яко шить и вязать, дабы со временем сами другим в потребных случаях показывать в состоянии были.

7

Госпожи учительницы не отлучаются от девиц от самого утра даже до того времени, как пойдут спать, и отнюдь из глаз своих их не выпускают, дабы они поелику возможно с служанками одни не оставались, с которыми и разговоров иметь не должно.

8

Излишними понятиями незрелый еще разум их отягощать не должно, поелику не все могут быть равного сложения, ибо найдутся и скоропонятные и медлительные в понятии; а сие особливо и разбирать, так как и о прочих душевных дарованиях рассуждение иметь надлежит, дабы не поступить с теми суровым и неприятным образом, кои не так скоро понимают преподаваемые им наставления. Старанием, искусством и трудами нечувствительно достигнуть можно до того, от чего прямо происходит, что та или другая в науке худо успевает.

9

Сколь скоро усмотрится, что природная способность к обучению воспрепятствована собственным нехотением или упрямством, надлежит тотчас употреблять пристойные способы к отвращению оного, с намерением желающей изрядно воспитать дитя свое, но без пристрастия и не для посторонней какой-либо причины.

10

Праздность почитается источником всех пороков; того ради госпожи учительницы должны прилежно наблюдать прямые в обучении успехи каждой девицы, також прилежание и леность, что наипаче во время приватных в классах экзаменов усмотреть можно, дабы потому располагать должные к тому способы для возбуждения в них вящей к обучению ревности похвалою их успехов или каким-нибудь награждением.

11

Как скоро девицы иностранные языки разуметь и оными говорить начнут, тогда госпожи учительницы по окончании классов употребляют по нескольку времени с ними вступать в разговоры, дозволяя каждой сказывать и объяснять свои мысли с пристойною вольностию, что самое послужит им способом ко исправлению их рассудка. Чего ради поощрять, чтоб и между собою разговаривали, а паче всего возбуждать охоту к чтению книг как для собственного их увеселения, так и для происходящей от того пользы. Для сего как и для словесных наук надлежит неотменно завесть библиотеку с рассудительным выбором книг.

12

В сем намерении с первых лет можно им задавать для выучивания наизусть краткие истории, кои бы могли они друг другу пересказывать, и нравоучительные речи искусных мужей, дабы время от времени, благоприятным обхождением приобретая большее познание, в состоянии были уподобляться или равняться с теми, кои большее уже знание в чем-либо имеют.

13

Сверх сего, госпожи учительницы всевозможные средства употреблять должны, чтоб девицы с большим успехом воспитывались и привыкали с юношества к крайней опрятности и учтивости...

16

Ежели в каких науках учительниц не сыщется, то вместо оных определяются учителя или мастера, которые имеют приходить в классы во назначенные им часы и, кроме законной нужды, от своей должности отнюдь уклоняться не должны

17

В прочем надлежит им обучать девиц со всякою исправностью в присутствии госпож надзирательницы или учительницы, так что та

или другая во время учения ни под каким видом от девиц не отлучаются.

18

Они же должны вести себя весьма благопристойно и поступать с девицами со всякою учтивостию, должною их полу и породе, так что если б случилось им и представлять, то в пристойных, а отнюдь не грубых или подлых изображениях. Буде же которая по упрямству или нерадению перенимать не похочет, то учитель уведомляет о том госпож начальниц...

О ВОСПИТАНИИ ВООБЩЕ

2

...Светские же добродетели суть: «Повиновение начальствующим, взаимная учтивость, кротость, воздержание, равенственное в благонравии поведение, чистое, ко добру склонное и праводушное сердце, а напоследок благородным особам приличная скромность и великодушие, и одним словом удаление от всего того, что гордостию и самолюбием назваться может». Сие краткое многих важных качеств наименование, добрым оных употреблением и слиянием, долженствует произвести совершенное молодых девиц воспитание...

5

О учении. Надлежит им истолковать ясно по летам и по нежности естественного сложения, рассуждая и по незрелому их уму, все части закона, то есть катехизм, догматы православной веры и все, что касается до прямого содержания оной.

6

Сверх сего, должно их обучать российскому и чужестранным языкам, дабы на оных исправно читать, писать и говорить умели; арифметике, географии, истории, стихотворству и отчасти архитектуре и геральдике, а в художествах наставлять рисованию, миниатюре, танцеванию, музыке вокальной и инструментальной, шитью всякого рода, вязанию и плетению шелковому, нитяному, шерстяному и бумажному, а к сему присовокупить надлежит и все части экономии.

7

Сверх предписанного здесь вообще обучения наукам и художествам, третьего возраста по две девицы ежедневно по очереди присматриваться должны на поварнях ко всем работам, какие на

оных отправляются, то есть чтоб могли они знать все подробности, касающиеся до домашней экономии. Они же должны 1) Сами сочинять счеты дневным расходам и показывать оные госпоже учительнице со своими на то примечаниями; 2) чулки и прочий убор иметь собственной своей работы, также и платье на себя умеют шить сами из даваемых материй, что и о четвертом возрасте разумеется; 3) представлять между собою некоторые драматические сочинения, нарочно для их употребления составленные.

8

Четвертого же возраста девицы повторяют учение свое почти с самою практикою, и вместо того, что в третьем возрасте ежедневно по две присматриваются к домашним обрядам, в сем возрасте имеют они определяться к тому понедельно. Они должны 1) вести записку расходам, какие бы ни были, донося об оных госпоже начальнице, также договариваться с поставщиками о припасах, каждую субботу делать расчет и при себе платеж производить, определять цену всякому товару по качеству оного и наипаче смотреть, чтобы во всем наблюдаем был совершенный порядок и чистота; 2) чтоб возбудить в девицах прочих трех классов похвальную ревность и придать сему отличный вид, который необходимо иметь должно, то употребится из сего возраста в каждый день по две к обучению первых классов девиц; ибо таким образом, во-первых, сами они достигнут большого совершенства, а притом и от учительниц тех классов, яко помощницы их неминуемо с отличностию почитаемы будут, а наконец, от сей практики навыкнут заблаговременно, как им, будучи матерями, обучать детей своих, и в собственном своем воспитании найдут себе великое вспоможение, в каком бы состоянии им жить ни случилось.

9

Для вящей (большой.— *И. С.*) своей пользы и взаимной забавы девицы, изображая подобие одна другой, портретами или другими работами между собою дариться могут, также составлять на голосах и инструментах что ни есть новое. В первом случае приобретут они большее искусство в рисовании, а во втором в музыке.

10

Последний из четырех возрастов девиц... первым почитаться долженствует, поелику в оном по достижении пятнадцати лет уже начинают они собирать плоды девятилетних своих трудов, в первых трех возрастах понесенных. Они в рассуждении мыслей, честного поведения и благонравия почти уже все то приобрели, что от доброго воспитания зависит: посему первых трех классов девицы от них заимствовать имеют примеры высокого совершенства, которое

они, приближаясь к часу своего выпуска, уже неотменно иметь должны, наипаче содержать всегда в твердой памяти, что от самого юношества и до возраста приучаемы были к добродетелям, к учтивости, ласковым и приятным разговорам не токмо с равными, но и с самыми последними, какого б звания кто ни был. Чрез такое доброе поведение и поступки при первом их в свет вступлении учинятся они отличными в обществе; благоразумными ж в сем возрасте размышлениями, воспитанием подкрепляемыми, получат себе для переду как в науках, так и в честном обхождении руководство. Одним словом, в сие время надлежит им стараться о приобретении всего, чего иногда к совершенству их воспитания и обучения еще недостает.

11

Весьма натурально, чтоб девицы сего возраста чрез воспитание и полученные в науках знания приобретали себе должную честь и почтение; то посему и от самых госпож начальниц справедливо предпочтены быть должны прочим особливыми уважениями. Первые же знаки отмен, принадлежащих им в гражданском обществе, состоять будут в особливых награждениях по достоинству и успехам каждой... А для большей привычки к честному обхождению, то есть чтоб придать девицам надлежащую и приличную смелость в поведениях, необходимо установить должно в сем обществе по праздничным или по воскресным дням собрания для приезжающих из города дам и кавалеров и других почтительных людей с дозволения госпожи начальницы. Сии собрания назначены будут: одно — для концерта, девицами составленного, другое — для какой ни есть драматической или пасторальной игры, ими ж представляемой, а третье — для обыкновенных собраний. При всех оных девицы двух последних классов хозяйствуют и стараются показать всем надлежащее удовольствие, будучи украшением и приятностию оных, дабы через то навыкнуть могли к непринужденному и учтивому поведению, какое честной природе и доброму воспитанию особливо приличествует, то есть не иметь застенчивости и в случае о всем пристойно и благородно изъясняться.

12

Девицы... каждое утро получают завтрак, обедают и ужинают в назначенное время, и о том повещать им колокольным звоном, что и о прочих их упражнениях разуметь должно.

13

Для каждого класса определяется особливый стол по разделению девиц, за которым учительница должна вместе с ними присутствовать. Во время обеда от воли и благоразумия госпожи начальницы

зависит, в молчании ли девицам пребывать, или некоторым из них дозволить между собою вступать в разговор о какой-нибудь пристойной материи, и то прежде ли или при окончании стола.

14

Равным образом и госпожа надзирательница присутствует всегда при одном из четырех ее ведения столов. И буде которая девица сделает какое остроумное примечание, то с дозволения имеет она сообщить о том всему классу; ибо изрядно и кстати сказанное слово будет для других наставлением и поощрением к подражанию.

15

Госпожи надзирательницы и учительницы должны девицам указывать приемы, как при столе порядочно и часто кушать, також приличную осанку и приятную между собою в словах учтивость, чтоб они ласковыми поступками умели снисходить и к самым служащим своим.

16

Они же наблюдать долженствуют, чтоб девицы после кушанья руки умывали, а особливо во рте б полоскали. Одним словом, начальницы всевозможное старание прилагать обязаны о чистоте и опрятности молодых девиц.

17

Столовое белье потому же во всякой чистоте и исправности содержать должно, и оное ежедневно переменять, а для последних двух классов во время обеда и ужина.

18

Впрочем, всякая излишняя нега из сего общества вовсе изгнана быть долженствует, поелику оное единственно в том намерении учреждено, чтоб молодых девиц порядочно и совершенно воспитать; следовательно, все тому противное весьма отрешается; противопоставляемая для девиц пища и всякое кушанье иметь быть самое здоровое и в таком количестве, чтоб для удовольствия всех было достаточно, и ничего съестного на поварню прежде не отпускать, пока прилежно одною из госпож надзирательниц или госпожею правительницею осмотрено не будет, о чем так, как и о прочем содержании, в особливых экономических наставлениях в своем месте пространнее показано будет.

19

Когда определенное число девиц наполнится и оные, как выше сказано, на четыре возраста разделятся, тогда для отличия каждого дого надлежит делать одежду особливого цвета, а именно: первого возраста девицам — кофейного или коричневого, второго — голубого, третьего — сероватого, а четвертого — белого цветов, который возраст и качеством отличен будет.

20

Обыкновенное для учебных дней платье будет камлотное, а для воскресных и праздничных такого же цвета шелковое, по рассуждению госпожи начальницы, так, как и прочие уборы девиц на ее же волю оставляются.

21

Весьма нужно, чтобы девицы, прогуливаясь в садах, питалися свежим и здоровым воздухом, особливо когда время к тому удобно; ибо ничто столько не пользует их здравие, того как скоро оное настанет, довольствоваться тем имеют; а в худое время в особливых к тому устроенных местах.

22

Для всего воспитываемого общества не меньше нужны всякие невинные забавы, которые в удовольствие их стараться изыскивать, а от благорассмотрения госпожи начальницы зависит оные так учреждать, чтоб по склонностям и по времени изобретаемы были.

23

Между тем госпожи надзирательницы и учительницы от девиц хотя не отлучаются, однако ж отнюдь ни в чем не препятствуют, паче же при всех их непорочных играх и забавах являются, будто бы оных и не примечают.

24

Если случатся иногда такие, кои меланхолического сложения и от забав уклоняются, то таковых ласкою уговаривать и привлекать к тому, чтоб равно с прочими в веселии участие принимали, а до того всячески не допускать, чтоб являли унылый вид с угрюмым молчанием или задумчивостию, но паче стараться все общество содержать в забавах.

25

Сколь скоро девицы в общество приняты будут, то с того часа до самого выступления их из оного как родители, так и прочие сродники чрез все время пребывания их в воспитательном обществе от всякого о них попечения свободны.

26

Чтоб воспитание девиц с надлежащим порядком всегда происходило и отнюдь бы ни в чем препятствуемо не было в рассуждении обучения и прочих упражнений, то для сего родители посещать их могут только в назначенные дни с позволения госпожи начальницы, в присутствии самой или которой-нибудь из подчиненных ей, а во время обучения в классах или других упражнений приходить им совсем не дозволяется.

27

Дабы спальные комнаты всегда были под непременным надзиранием, надлежит учредить каждый класс между покоями госпож надзирательниц и учительниц.

28

В оных комнатах для впускания свежего воздуха весьма нужны и полезны отдушины и камины, что разумеется о временах, в которых окон отворять не способно. Також и топить должно с умеренностию и по термометру, ибо великая теплота или жар во всякое время здоровью вредительны, а наипаче во время сна...

30

Наконец, распределить должно и время, как долго девицам спать надлежит, смотря по различию лет их. Для сего первому детскому классу спать дозволить 9 часов, второму — 8, третьему 7 $^{1}/_{2}$, а четвертому — 6 $^{1}/_{2}$. И хотя все оне вставать должны в одно время, но спать ложиться по классам часом ранее.

31

Употребление мыльни нужно; почему и должно иметь оную для всех девиц и госпож начальниц. Поелику же сложение одной бывает противно сложению другой, то в сем случае надлежит полагаться на искусство и предписания определенных доктора и лекаря, когда и каким образом мыльни с пользою употребляемы быть могут и обыкновенным ли образом или с какою отменою.

32

Когда предписанные... средства к сохранению здоровья прилежно наблюдаемы будут, то надеяться можно, что труды господ доктора и лекаря, також и иждивение, употребляемое на лекарство, нарочито убавятся.

33

Однако ж для случающихся в сем обществе больных отведено будет особливое место, которое бы наиболее способствовало к облегчению их болезни, близ сада или имеющее положение к какому-либо другому увеселительному виду.

34

Как скоро которая из девиц действительно заболеет, то оная тотчас со всякою осторожностию туда относится и пользуется тамо во все время ее болезни с крайним рачением, не щадя ни трудов, ни иждивения... А прочие девицы ни под каким видом в сие место не допускаемы и отнюдь никакого сообщения с больными иметь не будут, наипаче если болезни таковы, что и к другим приставать могут...

35

Оным должно быть двоим, кои, наподобие швейцаров, живут подле ворот и никого ни в дом, ни обратно из оного не пропускают без особливого приказа от госпожи начальницы или в небытность ее госпожи правительницы.

36

Как скоро назначенной час ударит, то содержат они ворота на запоре и за замком, ибо за все сами ответствовать должны.

Устав Шляхетного сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества

(в сокращении)

О ПОРЯДКЕ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ МАЛОЛЕТНИХ ДВОРЯН И О ПЕРВОМ ВОЗРАСТЕ ОНЫХ

О РАЗДЕЛЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ ДВОРЯН НА ВОЗРАСТЫ

Для порядочного воспитания и обучения разделить их на пять возрастов: первый — от пяти и шести до девяти лет, второй — от девяти до двенадцати, третий — от двенадцати до пятнадцати, четвертый — от пятнадцати до восемнадцати, пятый — от восемнадцати до двадцать первого. Посему в каждом возрасте питомцам быть по три года и обучаться по склонности и понятию наукам, как до воинского, так и гражданского принадлежащим.

РАСПИСАНИЕ НАУК ДЛЯ ПЯТИ ВОЗРАСТОВ ВОИНСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО ЗВАНИЯ

1. Руководствующие к познанию прочих наук:

1) Логика
2) Начальные основания математики
3) Красноречие
4) Физика, общая и особенная
5) История, священная и светская
6) География и хронология
7) Языки употребительные и для наук потребные
8) Математика
9) Механика

2. Предпочтительно нужные гражданскому званию:

1) Нравоучение
2) Естественное право
3) Всенародное право
4) Государственное право
5) Экономия государственная

3. Полезные:

1) Генеральная и экспериментальная физика
2) Астрономия
3) География вообще
4) Наутика, или сведение о морском искусстве
5) Натуральная история

6) Воинское искусство
7) Фортификация и артиллерия
8) Химия

4. Художества:

1) Рисование
2) Живопись
3) Гравирование
4) Изваяние
5) Делание статуй
6) Архитектура
7) Музыка
8) Танцеванье
9) Фехтованье

О ПРИНЯТИИ В КОРПУС ОТРОКОВ ПЕРВОГО ВОЗРАСТА

1. Совету принимать в корпус отроков сто из природных российских и двадцать из завоеванных Лифляндской, Финляндской и Эстляндской провинций. Каждого принимать отнюдь не старее как по шестому году. Ежели по приеме случатся убылые места, комплектовать оные только в первом году, а в следующие потом два года ни единого более не принимать, но оный прием возобновлять по прошествии трех лет.

2. Совет имеет заблаговременно обнародовать в империи нашей о новом принятии в корпус молодых дворян, как приблизится время, дабы сродники их, живущие в отдалении, могли на срок привезти своих детей, коих в корпус записать пожелают.

3. Принимать их по осмотрам и свидетельствам от докторов и лекарей о здоровом их сложении и безвредном состоянии; в противном же тому случае находящихся не принимать.

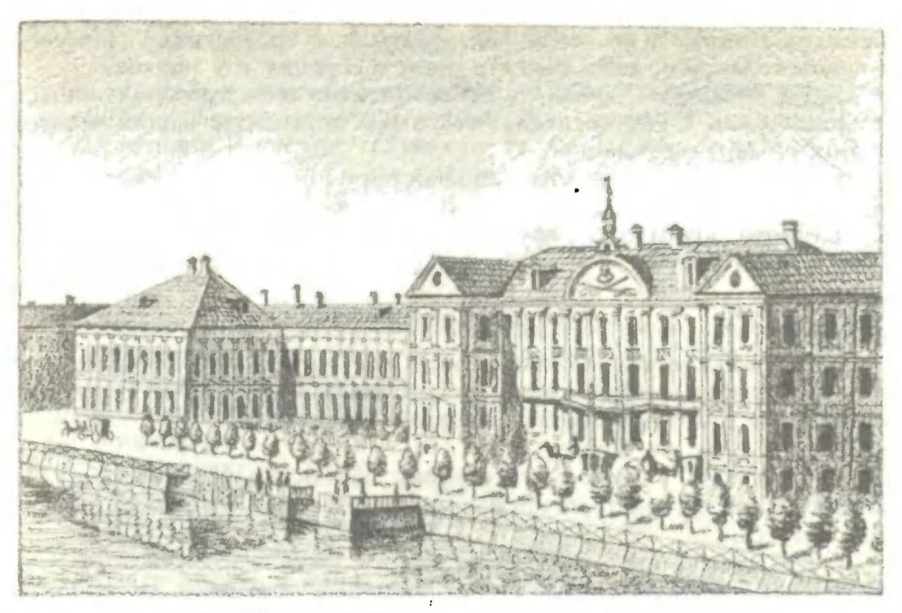
4. Без достаточного доказательства о дворянстве представляемого отрока и без достоверного о крещении его свидетельства в корпус не определять.

В число дворянских детей принимать и тех, коих отцы, по крайней мере, в штаб-офицерских чинах действительно служили.

Как наше намерение в том состоит, чтоб и тем наипаче помоществовать, коих родители или убиты, или ранены на службе Отечества ради и коих судьба не одарила достатком... повелеваем таковым детям при выборе давать пред другими преимущества.

Губернаторам и воеводам должно беспристрастно и без замедления давать вышеописанным, когда пожелают, надлежащие свидетельства, дабы никому несправедливости учинено не было.

5. Родителям, кои пожелают детей своих записать в Шляхетный корпус, должно дать от себя письменное объявление, что они по собственному своему произволению отдают их в наш императорский дом корпуса не меньше, как на пятнадцать лет, и что до истечения

Здание Шляхетного сухопутного кадетского корпуса. Гравюра середины XVIII в.

сего времени отнюдь ни под каким видом их обратно, ниже на временные отпуски, требовать не будут. Такие объявления приняв, запечатать и, занумеруя, полагать для сохранения в архив корпуса.

6. Если по приеме в первом годе усмотрены будут в детях признаки неизлечимых болезней или слабый смысл так, что никакой от них пользы надеяться нельзя, повелеваем таковых обратно отдавать родителям или тем, кто их представил; по прошествии же того срока их не исключать.

7. По строгом наблюдении всего вышеизображенного благородный отрок вручается управительнице первого возраста.

ОБ УПРАВИТЕЛЬНИЦЕ И ВОСПИТАТЕЛЬНИЦАХ ДЛЯ ПЕРВОГО ВОЗРАСТА

1. К первому возрасту определить одну управительницу и десять воспитательниц для смотрения, хождения, воспитания и для обучения ста двадцати благородных детей, кои составляют первое в корпус вступление, и для того разделить число их на десять частей.

2. Должность управительницы в том состоит, чтоб с крайним рачением наблюдать поведение, нравы воспитательниц и всех принадлежащих к сему возрасту.

3. Ей должно и выбирать их и ответствовать пред Советом как за них, так и за все, что происходит в сем первом возрасте.

4. Иметь ей потребные к отправлению толь важной должности

качества, поступать со всеми благоразумно, с кротостию, учтивством и человеколюбием, дабы посеять оные в сердцах и у прочих.

5. Ей наблюдать, дабы все до воспитания и наставления принадлежащее было с тем согласно, что о сем во многих наших уставах обстоятельно изображено.

6. Во всем, что до пользы, надобностей и до ее правления касается, должно ей быть всегда согласного мнения с генералом-директором Шляхетного корпуса и образоваться предписаниям, которые от Совета даны будут.

О ВОСПИТАТЕЛЬНИЦАХ

1. Их должность так важна, что во всякое время определять в оную должно с прилежным рассмотрением их нравов. Надлежит непрестанно смотреть им за молодыми дворянами и не отлучаться от них ни днем, ни ночью.

2. Поступать с своими питомцами, заставлять и обучать их со всякою ласковостью, терпением и любовью; и сие им особливо подтверждается.

3. Стол иметь им с питомцами вместе, быть безотлучно при всех их забавах и гуляньях и без самых законных причин от них никогда не отлучаться. Весьма наблюдать, чтоб они со служителями никакого сообщения никогда не имели...

От шести до девяти лет

Науки

1. Познание веры, поелику отроки постигать могут
2. Российский и иностранные языки
3. Рисовать
4. Танцевать
5. Писать и цифирь в последний год сего возраста
6. Что еще сходствует с их летами

О ВТОРОМ И ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТАХ

ОБ ИНСПЕКТОРАХ НАД ОНЫМИ

Инспекторам в сих двух возрастах иметь смотрение над воспитанием и обучением питомцев и каждому в своей части наблюдать порядок, воспитателями к тому употребляемый. Не допускать их обходиться с детьми сурово; наблюдать, чтоб сами собою подавали пример кротости и умеренности и чтоб время воспитания и учения без пользы не проходило; а что до наук принадлежит, поступали бы по наставлениям определенного ко обучению юношества директора. Инспектора занимают место сих учителей в случае болезни или отсутствия их по законным причинам.

О ВОСПИТАТЕЛЯХ

Ко второму и третьему возрастам определять воспитателей для смотрения за благородными отроками. Им отправлять в одно время при воспитании и учении их наукам те же должности, какие выше предписаны воспитательницам для первого возраста...

От девяти до двенадцати лет

Науки

1. Продолжение вышеизображенных, а к оным присовокупить:
2. Географию
3. Хронологию
4. Историю
5. Мифологию
6. Арифметику
7. Геометрию
8. Начало славянского языка
9. Учтивство и долг благопристойности

Внушать любовь к добродетели и благонравию, примечать в каждом склонность природную и качество разума, дабы тем, кои понятнее других, споспешествовать (понимать, способствовать.— *И. С.*) и в прочих науках.

От двенадцати до пятнадцати лет

Науки

1. Стараться о приведении в совершенство начатых в предыдущих возрастах наук, присовокупляя к тому для понятнейших начало полезных, а притом художества.

2. Совершение славянского языка.

3. Латинский язык для тех, кои к оному склонны будут.

4. Основание воинской и гражданской архитектуры.

5. Бухгалтерству, или знанию, как вести приходные и расходные книги, обучать в последний год сего возраста.

Все способы употребить к совершению в отроках благородного воспитания, вкоренить в них изящные мысли, благоразумные и твердые основания, кои суть неложным знаком честного человека и воспитанного для пользы Отечеству.

В сем возрасте, как и в двух последующих, привыкают сами собою исправляться без служителей.

О ПИТОМЦАХ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Во время трех лет сего возраста делать прилежно опыты склонностям питомцев, дабы узнать, кто к которому званию способнее, к воинскому ли или гражданскому.

Опытами разумеется то, чтоб в разных родах наук и экспедиций примечать, к чему точно они способны окажутся во время гулянья, забав и при других случаях, наблюдая, чтоб притом не нарушался порядок их учения; для того стараться, дабы все игры и гулянье служили им в пользу и в увеселение, и оставлять им благопристойную вольность выбирать оные по своим летам так, чтоб самые забавы не казалися им должностью. Сим способом спознавать их склонности, дабы тем удобнее употребить оные в их пользу.

Когда сии примечания с точностью учинены будут, по вступлении питомцев в четвертый возраст, те только в гражданский и воинский штат включены будут, кои в третьем возрасте прямую к тому или к другому оказали склонность и охоту.

О ЧЕТВЕРТОМ И ПЯТОМ ВОЗРАСТАХ

О ПОДПОЛКОВНИКЕ

1. Подполковнику надобно быть одарену отличными достоинствами, нравом кротким, учтивым и приятным; всем его поступкам надобно быть подражания достойным.

2. Сей штаб-офицер должен быть сведущий в воинских науках и имевший случаи показать их на деле, управлять кадетами и офицерами так, дабы приметно было, что дисциплина и порядок во всем, даже и в служителях, строго наблюдаются.

3. Ему должно смотреть за поведением каждого, и особливо наблюдать, чтоб кадеты никогда праздны не были, склонять их с ласковостью и любовью, дабы сами для себя сыскивали полезные упражнения.

4. Хотя и принужден бывает в воинском деле оказывать вид строгости, но прямое его достоинство и дарование в том состоять имеют, чтоб сию строгость соединять с приятностью и остерегаться, дабы не произвесть в юношах вредительных воображений страха, которые трудно истребить, когда единожды вкоренятся.

5. Ежели генерал-директор по какой-либо законной причине отлучится, он исправляет все его должности...

О КАПИТАНАХ В ДОЛЖНОСТИ ИНСПЕКТОРОВ В КАЖДОЙ РОТЕ

Капитаны Шляхетного корпуса сугубым одолжаются упражнением в рассуждении воспитываемых ими кадетов: первое, обучать кадетов всем частям воинского искусства, присовокупляя к тому знаки благородного воспитания и такие нравы, кои составляют человека благородного и лучше еще воспитанного; второе, сверх воинских экзерциций иметь им инспекторскую должность каждому в своей роте и исполнять, что предписано прочим инспекторам над вторым и третьим возрастами. Стараться, что до военных экзерциций и воспитания кадетов принадлежит, все приводить в такой порядок, дабы ничего лучшего желать не оставалося.

О ПОРУЧИКАХ И ПОДПОРУЧИКАХ В ДОЛЖНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

Поручики и подпоручики в каждой роте во время экзерциций военных поступают по своим чинам; а сверх того, в роте, по разделении оной на две части, исправляя при кадетах ту же должность, которая полагается на воспитателей во втором и третьем возрастах; следовательно, не отлучаться им ни на малое время от своих питомцев, жить подле них, довольствоваться с ними одним столом, словом, ответствовать за их поведение, воспитание и нравы, подавать им примеры чести и тех мыслей, кои к истинной ведут добродетели.

В случае законной отлучки капитана старший по чину исполняет его должность, а место его занимает следующий по нем; сего ради преимущества и субординация полагаются на них по чинам во всем без изъятия...

ОБ ИНСПЕКТОРЕ НАД ОБУЧЕНИЕМ КАДЕТОВ ГРАЖДАНСКОГО ЗВАНИЯ И О ПРОФЕССОРАХ-ВОСПИТАТЕЛЯХ

К воспитанию и наставлению кадетов, назначенных к гражданскому званию, в последних двух возрастах должен быть инспектор, которому наблюдать порядок, управление и поведение профессоров и воспитываемых кадетов, как предписано инспекторам второго и третьего возрастов.

Профессоров к воспитанию и наставлению кадетов с великим рассмотрением определять надлежит. Они должны сверх назначенных кадетам наук показывать опыты всех прочих знаний, кои потребны к такому воспитанию и обучению, какое они в сих двух возрастах совершить обязуются.

В прочем поступать им по тому, что предписано воспитателям предыдущих возрастов.

От пятнадцати до восемнадцати лет

Сей возраст разделится на воинское и гражданское звания.

Науки

1. Упражнение истинного христианина и честного человека
2. Окончание прежде показанных наук
3. Гражданские } науки
4. Полезные } науки
5. Последующие части математики
6. Красноречие и философия
7. Все части воинской должности наставлением и самым делом
8. Ездить верхом, фехтовать, вольтижировать и пр.
9. Художества

От восемнадцати до двадцать первого года

Сей возраст разделяется на воинское и гражданское звания.

Науки

1. Закон божий
2. Все части воинского искусства с теоретическими и практическими доказательствами посредством примерных осад, оборон, сражений и пр., к чему употреблять и четвертого возраста кадетов, когда надобно.
3. Окончание наук четвертого возраста.
4. Все полезные науки.
5. Художества.
6. Совершение воинской архитектуры практическими доказательствами.
7. Гражданская архитектура для тех, кои к тому склонность иметь будут.

ПРЕДПИСАНИЕ О ЧЕТВЕРТОМ И ПЯТОМ ВОЗРАСТАХ ВОИНСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО ЗВАНИЙ

Оставлять кадетам на волю, чтоб им при переходе из четвертого возраста в пятый переменять звания свои, воинское в гражданское и гражданское в воинское, в какое бы они до того записаны ни были; но сию перемену не инако чинить, как по справедливым причинам, а именно для склонности, совсем противной принятому званию, для сложения к тому несродного и по другим причинам, достоверно изведанным и доказанным; напротив того, сих перемен уже не дозволяется делать в пятом возрасте, для каких бы то причин ни было; но кто в какое звание будучи в сем возрасте записан, в оном до самого выпуска непременно остаться и приличные звания приобретать должен.

Всевозможное прилагать старание, дабы воспитание и обучение кадетов воинскому и гражданскому искусству привесть на такую степень совершенства, как от пятого возраста ожидать следует.

С отличностью уже должно сему возрасту оказываться в обществе; ибо кроме собраний, кои в доме Шляхетного корпуса из обоего пола особ происходить будут, кадетам дозволяется по нескольку человек приходить от времени до времени ко двору нашему в некоторые праздники и церемониальные дни в препровождении офицеров корпуса, директора или профессоров.

Время пятого возраста служит повторением или подтверждением последних и самых важнейших частей наук и познаний. В сие время сто двадцать кадетов первого в корпус вступления завершат воспитание свое и те науки, которым обучилися, словом, сей возраст долженствует быть жатвою посеянного в предыдущие четыре. Здесь надлежит хорошим и мужественным воспитанием просветившемуся

кадету зрело рассуждать, какое бы для себя избрать состояние в обществе на великом театре света. Здесь он по благоразумным советам своих воспитателей уже совершенно ведать должен, что будущая его участь зависит от его наук, поведения и нравов. В последние сии три года, просвещаясь наиболее собственным своим рассудком, надлежит ему крайне прилагать старание при выпуске из корпуса получить всю ту честь и славу, коими он труды свои увенчать должен, заслужить похвалу и одобрение от своих начальников и из корпуса выйти с такими от Совета свидетельствами, с которыми бы можно было благонадежно показать себя свету. Все сие необходимо надобно внушать благородному юношеству и в память его твердо впечатлевать во все время пребывания их в императорском нашем Шляхетного корпуса доме.

О ДИРЕКТОРЕ НАУК

1. Важность всех предписанных инспекторам и воспитателям должностей требует, чтоб к обучению юношества наукам определен был директор. Выбирать его из ученых людей, отличные достоинства имеющих и искусных во всем, что до воспитания, до воинских и гражданских наук принадлежит.

2. Он должен с согласием инспекторов назначивать время, чему в которые часы обучать питомцев, предписывать легчайшие к тому способы, смотреть, чтоб узаконенный единожды для наук порядок наблюдаем был непрерывно, свидетельствовать знание определяющихся в учителя, а учащихся по экзаменам переводить из одного класса в другой.

3. Гражданским наукам обучать и из воинского звания таких кадетов, кои пожелают оным учиться, разумеется, не только из четвертого и пятого, но и скоропонятных из третьего возраста.

О ЭКЗАМЕНАХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

1. Производить экзамен в науках и экзерцициях первому и второму возрастам чрез четыре месяца, а третьему чрез шесть; быть при том генералу-директору с прочими начальствующими в корпусе и, по меньшей мере, одному из членов Совета. В последних двух происходить экзамену ежегодно в присутствии всех членов Совета и помянутых чинов. Во время сих свидетельств сравнивать настоящие успехи и поведение питомцев с прежним их состоянием, записанным у цензора по бывшим до того экзаменам, дабы испытать склонность учащихся, узнать, к чему природа их приглашает, и возбудить в них ревнование к успехам справедливыми преимуществами, назначивая оные во время публичных сравнений прилежания одних с нерадением других.

2. Чтоб сие к пользе соревнование в юношестве сделать общим, давать в награждение кадетам воинского и гражданского звания в пятом возрасте шесть золотых медалей, из которых две большой

величины первым, две средней вторым и две меньшие третьим; в четвертом же возрасте шесть серебряных с таким же различием их величины.

Получившим медали носить в бытность в корпусе на кафтанах разной величины знаки нашивные с изображением нумеров в лавровых венцах, золотые кадетам пятого возраста, а серебряные четвертого.

Кадетам, удостоившимся первых награждений, если заслужат оных во второй и третий год, делать отличие только в нашивных знаках, а медали с прежними знаками давать тем, кто по них первые, и так обо всех далее.

Что принадлежит до награждения в первых трех возрастах, Совет определит оное по своему рассмотрению.

3. Раздачу сих награждений по окончании экзаменов производить с приличною важностью при собрании особ первенствующих чинов обоего пола. Раздавать оные именем нашим присутствующему тут старшему члену Совета.

4. Все сие происхождения записывать ежегодно в особливой книге; награжденным кадетам при выпуске давать из сего копию, от Совета подписанную, секретарем скрепленную и большою печатью Шляхетного корпуса утвержденную, дабы сие на конец им служило свидетельством о их поведении, нравах и успехе в науках и экзерцициях.

Всем кадетам, кои заслужат похвальные от Совета свидетельства, при выпуске своем получать преимущества и почтение поручинского чина.

5. Совету не определять их в службу, но после выпуска, когда сами пожелают, и в воинскую и в гражданскую принимать их не ниже сего чина. Впрочем не по покровительствам, но по собственному дарованию, способности, а паче нравам и по свидетельству о своем поведении должно им искать дороги к достижению желаемых мест с преимуществом пред прочими при первой вакансии.

6. Если кадеты, будучи выпущены из корпуса, окажут охоту путешествовать в чужих краях с согласия ближайших своих сродников, хотя скоро после выпуска или несколько лет спустя, получившим в последнем возрасте награждения как в воинских, так и в гражданских науках позволяем три года путешествовать на иждивении казны корпуса, а Совет определит единожды навсегда потребную для таковых сумму.

Рекомендовать их пребывающим тамо нашим министрам, что разумеется и о прочих, кои на своем коште туда поедут, хотя бы, в корпусе будучи, и награждений не получили.

7. Хотя по выпуске не состоят они под властью Совета, но, будучи обязаны благодарностью за приложенное об них попечение и оказанные благодеяния, должны подавать Совету корпуса известия как об успехах своего путешествия, так и о чинимых ими по различным местам и изобретениях.

Краткое наставление, выбранное из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества[6]

(в сокращении)

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ОТ РОЖДЕНИЯ ИХ ДО ОТНЯТИЯ ОТ ГРУДИ

О кормилицах

1. Кто оскорбляет беременную женщину, тот рода человеческого злодей.

2. Для новорожденного младенца полезнее молоко женщины, недавно родившей.

3. Кормилиц выбирать, сколько возможно, здоровых, добронравных, без притворства веселых, имеющих десна алые, зубы белые, чистоплотных, опрятных и проворных, а рыжеволосые исключаются.

4. Давать младенцам сосать грудь понемногу через два часа, больше и меньше по обстоятельствам, но их, когда спят, для сего не будить.

5. Полезнее давать младенцам хорошее молоко козье, коровье и пр., нежели женское худое.

6. Кормилица должна младенцу грудь давать сосать, встав с постели, а не лежа.

7. Что к пользе служит, ничего презирать не должно; того для упомянуть можно, что кормилицам не всегда носить детей на левой руке, но на той и на другой.

Об одежде детской

8. Обыкновенное свивание детям не полезно, которое вовсе отвергнуть должно. Оное потребно только для поврежденных членов, ежели у младенца случится.

9. Новорожденного младенца обвертывать, не стягивая крепко, в мягкое и сухое полотно и в шерстяное одеяльце, которое обогнуть тем же полотном, чтоб шерсть до лица не касалась. Класть его на бок на гладком тюфячке в колыбель, у которой бы края четыре или пять вершков вышиною были набиты мягкою шерстью.

Как содержать детей

10. Первые годы младенцев в рассуждении нежного их естественного сложения опасны. В сие время они скорой подвержены смерти, почему и жизнь их можно почитать еще колеблющеюся. Того для надлежит иметь над ними присмотр с немалою осторожностью.

11. С великим попечением охранять младенцев от стужи при начале их жизни.

12. Когда будет у младенца жилка под языком препятствовать, должно лекарю, а не кормилице оную отделять. От сего происходят важные следствия.

13. Содержать их, како возможно, чисто: сие весьма стараться всеми способами, чтоб дети были на вольном воздухе, который бы всегда свободно в покоях переменяться мог...

14. Великий свет в покоях, где младенцы в колыбелях, не надобен; а ежели и случится, то должен быть сзади, а не против глаз, также и вдруг на яркий свет детей не выносить.

15. Младенец во время сна должен быть таким образом закрыт, чтоб свободно воздух переменяться мог.

16. Весьма вредно качать их для того, чтоб засыпить: сей обычай вовсе отрешить должно.

17. Сморкать их бережно, чтоб не повредить носа.

18. Не допускать, чтоб всякий человек целовал младенца.

О телодвижениях и что притом надобно примечать

19. По отнятии от груди, разумеется, около девяти месяцев или после, приваживать их ходить. Для свободного выправливания ног надобно им чаще быть развязанными и сколько возможно держать их с утра до вечера на вольном воздухе.

20. Лучше младенцу учиться ходить самому собою, а не на помочах, от которых, кажется, нет пользы.

21. Младенцу иметь на голове обручик, который набит так, чтобы толстота его простиралась далее носа.

22. Не вверять детей малым ребятам и не давать им в руки ничего, что вредить может.

23. Умеренные слезы младенцу служат лекарством и способствуют ко умножению в нем бодрости и силы...

24. От груди отымать, когда зубы начнут показываться, или десяти, двенадцати и пятнадцати месяцев.

25. В сие время великую осторожность иметь надлежит и не питать их тяжелою и грубою пищею, которая вредит здоровью и жизнь у них отнимает.

О ДЕТЯХ ПО ОТНЯТИИ ОТ ГРУДИ ДО ПЯТИ ИЛИ ШЕСТИ ЛЕТ

Об одежде

26. Сколько пеленание вредно и опасно младенцу новорожденному, столько же и шнурование тесное для детей мучительно. Сие обыкновение можно почесть за безрассудное и к поспешествованию натуре не способное. Хотя здравый разум сему и противоречит, но затверделый обычай женского пола одерживает в том победу.

27. Тугие завязки и узкая одежда весьма вредят здоровью, останавливают течение крови.

О пище

28. Поелику сие разумеется о детях от одного до пяти и шести лет, то по количеству оных надлежит переменять и умножать им пищу.

29. Кашка из муки для них очень груба, клейка и тяжела, надлежит воспретить употребление оной.

30. Порошок, толченный из белого и хорошо выпеченного хлеба, который надобно наперед высушить ломтиками, или гренками, всего полезнее до двух лет их возраста.

31. Кормить их через три часа помаленьку лучше, нежели много вдруг, и притом небольшою ложкою.

Как отвращать болезни в зубах

...33. Как коренные зубы выходить станут, то можно им давать весьма мелко искорошенного мяса с хлебом, однако ж похлебка или суп должны быть главною их пищею, но очень горячего никогда не давать. Сие примечание нужно для всякого возраста.

34. Лучшая их пища должна быть хлеб, разная похлебка, молотое и мало мяса, напротив того, твердого, кислого, также салату, плодов и прочего сему подобного детям в малых летах не употреблять.

35. Не давать им сахару, конфет сахарных и ничего, что сластями называется.

36. Без надзирателей не должны дети ни пить, ни есть, а особливо

(37) горячего питья, вина, водки и прочего детям отнюдь не давать.

О чувствах

38. Зрению вредно все чрезмерно блестящее. Слуху равномерно вредителен шум или стук. Обонянию столько же не полезны острые запахи. Вкусу вредят крепкая и соленая пища, сласти, прямые коренья, водка, цельные вина и тому подобное, а для осязания остерегаться надлежит ожогов и крепких спиртов.

О сне

39. Детям в первые годы своей жизни должно спать тогда, как хотят, и есть чаще.

40. Никогда не спать им с старыми людьми, сие для них вредно.

Как содержать детей

41. Охранять детей от стужи в первые годы, употребляя пристойные средства, а по умножению возраста приучать их нечувствительно к снесению перемены воздуха.

42. Содержать их всегда в такой вольности, чтоб могли иметь желаемую веселость, которая им нужна для здоровья и возраста.

43. Для очищения у детей носа лучше употреблять платки полотняные, нежели бумажные, нехудо очищать оный чаще.

44. Употребление лекарств без необходимой нужды вредно, а ежели случится запор или голова болит, в таком случае воздерживать от пищи, давать пить чистой воды понемногу и гулять им на вольном воздухе, что для них всего здоровее.

45. Все чрезвычайное детям вредно: как лишняя суровость от власти, так неумеренное попечение и заботы от любви равно для них опасны.

46. Приучать их ко всему, что сами без помощи других делать могут.

47. Ни в чем не отказывать, когда требование их справедливо, не давать же отнюдь того, что уже им отказано. А если неотступною просьбою хотя однажды истребуют не позволенных прежде вещей, то впредь от неполучения оных происходить будут слезы, упрямство, своенравие и худой обычай, что не токмо вредит здоровью, но отымает и веселость полезную.

48. Не должно внушать детям пустых страхов, от которых опасные следствия неминуемо бывают.

49. Отвращать от них ревность и зависть друг против друга, что весьма опасно, если же сии пороки случатся, то для отвращения оных не будет иного средства, как удалить с великою осторожностью тот самый предмет, от которого сии пороки происходить могут, но притом поступать так, чтоб дети сего не приметили.

50. Удалять их от обхождения с невежами и злонравными людьми и недопускать видеть неблагоразумные их поступки.

51. Обучать их всему играючи и, сколько возможно, без принуждения.

52. Понеже забава, веселость и игра суть главные средства к укреплению здоровья, того для не надлежит поступать с детьми сурово, когда и случится делать им выговоры... без свирепства и злобы, дабы большим страхом не повредить их остроты природной.

Примечание

53. Двух лет или около того чувствительная в детях происходит перемена. Они начинают понимать, рассуждать, помнить и пр. Сии душевные свойства достойны примечания такого философа, который устремляет свои мысли в действия разума человеческого и в успехи природных дарований.

О телодвижении

54. Приучать детей чаще быть на воздухе, как холодном, так и теплом, во время большого их движения, а лишняя в том бережливость им весьма вредна.

55. Труды и вольный воздух укрепляют в детях телесное сложение, умножают веселье и от всех будущих недостатков предохраня-

ют, напротив того, от лености и худого воздуха вырастают они тако слабы, что весь свой век в болезнях препровождают.

56. Равномерно приучать их более стоять, нежели сидеть, да и то на деревянном стуле, можно заставлять ходить большими шагами, держа голову прямо, плечи назад, не выпячивая брюха.

О ДЕТЯХ ОТ ПЯТИ ДО ДЕСЯТИ ЛЕТ

Об одежде

57. Не давать детям одеяния узкого и не стягивать их тугою вязкою. В дорогое или богатое платье не одевать, дабы они свободно и беспрепятственно играть, прыгать и работать могли, не подвергая себя строгости. Первое не токмо вредит здоровью, но и росту мешает. Второе причиняет угрозы и в уныние приводит. Не худо бы в первых летах употреблять помочи для нижней одежды, чтобы можно было оную носить, не стягивая туго.

58. Приучать помалу детей в сих летах к снесению стужи, влаги и непостоянной погоды: нет нужды покрывать и голов, разве во время солнечного зноя, также и по ночам зимою теплым не одевать.

59. Башмаки носить без каблуков лет до девяти или до десяти и никакой узкой обуви не употреблять.

60. Приучать детские ноги к холоду, дабы чрез то не так чувствительны были к мокроте и к стуже. Это потому, что дети... нежнее и ко всему чувственнее, нежели взрослые, следовательно, гораздо более подвергаются худым следствиям; предостерегаться должно, чтоб не давать им ни постели, ниже старой одежды, а паче шерстяной, не знав наперед, здоровы ль те были, которые то употребляли...

62. Мех только в пути или в долгом пребывании на большом морозе употреблять можно. От безрассудства превратилося употребление оного во зло и в великий вред не только детям, но и взрослым людям. Толстая шерстяная или шелковая вата, простеганная бумага и сему подобное довольно теплая одежда. Утверждается сие и славного персидского врача правилом, которым ясно он доказывает, что для сохранения здоровья всего лучше быть всегда легко одету.

О пище

63. Различные съестные вещи, и притом простые, гораздо лучше, нежели всегдашнее употребление одной пищи, а особливо такие запрещаются, в которых пряные зелья. Кофею и шоколаду детям не давать, а наипаче (особенно.— *И. С.*) мальчикам.

О сне

64. Умеренный сон, по мнению господина Локка, есть лучшее крепительное лекарство. Детям сего возраста не должно спать, сколько им хочется; наипаче наблюдать, чтоб не привыкли они к сему зло-

употреблению от лености; из сего правила выключаются, однако, слабые и нездоровые.

65. Чем дале станут дети входить в возраст, тем больше, но не чувствительно убавлять им и сна.

66. Во время сна никогда не будить их вдруг, чтоб не испужать.

67. Детям спать на вольном воздухе, нежели в таких местах, где сквозной проходит ветер.

68. Не спать на мягкой постели, перины и завесы не иметь; спать больше в холоду и на сухом вольном воздухе, для чего стараться, чтоб спальня была к югу.

О сохранении здоровья

69. Не худо в сии годы стричь волосы как для того, чтоб можно было способно щеткой чистить голову, так и для охранения от простуды глаз и пр.

70. Иметь великое попечение о зубах: содержать их чисто, не давать грызть ягодных косточек, ничего жесткого и никаких сластей, сверх того, частое употребление зубочисток вредно, а булавка всего вредительнее; словом, что колет десну или портит зуб, употреблять не должно...

72. Наблюдать, чтоб не жили дети в новопостроенном или недавно крашенном доме; еще менее обращаться им в тех местах, где употребляется ртуть, и быть вместе с живущими в оных.

73. Великая польза для здоровья, ежели дети приучены к снесению холода, а нега в молодых летах делает их знобкими, бывает причиною их лености и ослабления и препятствует сложению тела быть крепким. Не допускать их быть долго там, где воздух не довольно переменяется. От пренебрежения сего правила происходит много вреда.

74. Тех можно, конечно, прямыми почесть родителями, которые стараются воспитывать своих детей в веселости, побуждают их при том быть и исполнять добродетель. Сие правило есть неоспоримо, потому что детское увеселение действительно отвращает многие прискорбности и болезни, которым род человеческий подвержен.

75. Склонность, которую вселяет природа в сии блаженные лета, к игре и к увеселению есть главное средство к умножению здоровья и к укреплению телесного сложения.

О лекарствах

76. Без необходимой нужды отнюдь детям крови не пускать, ни лекарств для предосторожности не давать. Господин Локк накрепко подтверждает, чтобы убегать сей злой привычки. Ежели случится запор или головная болезнь, то воздержать можно, как выше сказано, от пищи на сутки; притом давать часто понемногу пить чистой воды, а наипаче в то время не подавать ребенку причины о чем-либо

прилежно думать или печалиться, но всего лучше заставлять его играть на вольном воздухе. Посему надеяться можно, как и опытами доказано, что дети, окрепчав от сего физического воспитания, не столько будут подвержены болезням, которые обыкновенно употребление лекарств им причиняет.

О прививании оспы

77. От пяти, шести или еще моложе до восьми и десяти лет надлежит детям прививать оспу. Необходимость сего довольно уже доказана искусными, просвещенными и человеколюбивыми врачами, которым следовать без сомнения должно по многим оказанным от них опытам и успехам; того ради родителям отложить страх, столь маловажный и неосновательный, который их от сего прививания отвращает.

О спокойствии духа

78. Весьма благоразумно, чтоб не подавать причины детям после великой радости вдруг великую горесть или озлобление чувствовать; сколько же злополучий от ненаблюдения сего правила случается, мало кто и примечает.

79. Застенчивого, робкого и страшливого (боязливого.— *И. С.*) ребенка надлежит всячески стараться ободрять ласковыми поступками, придавать ему смелость, приучать благоразумно к тем вещам, от которых он имеет отвращение. Без сей предосторожности он будет всегда уныл и слаб.

80. Для большой части молодых людей всего лучше беспрестанно быть во движении, и потому что они страстно любят всякие резвости, редко случится, чтоб надобно было их склонять к оному. Всякий покой не на их вкус; но если им по какой болезни, телесной или душевной, телодвижения противны будут, то надлежит поощрять их к оным разными играми. В прыганье и в увеселении должны проходить детские лета. Забавам препятствовать отнюдь не должно, и не только не принуждать детей быть в покое против их склонности, но надобно вымышлять и изыскивать переменное упражнение их телу и духу; ибо если вдадутся в уныние, то весь свой век будут слабеть и сохнуть. Покой, наипаче тот, который от праздности происходит, весьма вредителен в таких летах, в которых еще слабая натура не может обойтись без телодвижения; ибо оное укрепляет ее и приращает силы...

82. Приучать детей в обыкновенных их играх действовать обеими руками, например: играть в кегли, бросать далеко камнями в цель, бороться и прочая. Позволять им бегать в ясные и мрачные дни по песку, по кочкам, по пашне, по горам и крутым местам, ходить иногда босиком по каменному полу в стуже с открытою головою и грудью; ибо все сие укрепляет их здоровье, и для того, не опасаясь ничего, дозволять им все вышеописанное. Ежели ж случится нечаянно, что дитя простудится, то продолжать все то же, не пользуя ничем иным, кроме воздержанности в пище. Не должно в сем случае следовать

советам малодушных; но стараясь, чтоб жили дети в хорошем воздухе, отдаленном от тех мест, где оный заражен худыми парами.

83. Искусство воспитателей в том состоит, чтоб, не препятствуя детям в увеселении, отводить их без насилия и с ласкою от всего, что вредить может.

О учении

84. Приводить детей к учению подобно, как в приятное и украшенное цветами поле. Тернии, в оном находящиеся, раздражают природу, особливо сначала; а сие происходит единственно от неразумия воспитателей.

85. Чтоб дети с веселием исполняли свою должность, надлежит стараться всемерно вперить (внушать.— *И. С.*) в них любовь к учению так, чтоб оное награждением себе почитали. Сие единое способствует к большому просвещению их разума.

86. Неумеренное учение вредно здоровью. Не должно тревожиться, видя умы нескоро зреющие, а желать надобно, чтобы дети имели только здравый разум и доброе сердце, о чем паче всего прилагать должно старание с самого их младенчества, также и о том, чтоб они были и крепкого сложения.

87. Вкус к учению могут дети получить скорее от доброго примера и от обхождения с благоразумными людьми, нежели от руководства учителей, развратно живущих. Часто случается, что дети сверх чаяния сами собою приобретают знания только от того, что видят и слышат, и что сами то делают, о чем размышляют и у других спрашивают.

О наказании

88. Не должно бить детей почти никогда, а паче не следовать в жестоких наказаниях безрассудным и свирепым школьным учителям; не упоминая, что от сего приходят дети в посрамление и в уныние, вселяются в них подлость и мысли рабские, приучиваются они лгать, а иногда и к большим обращаются порокам. Всякие побои, кроме того что чувствительны, по всем физическим правилам, без сомнения, вредны здоровью.

89. Лучший и надежнейший способ наказания — лишать их того, что им всего приятнее, то есть не пускать их гулять с прочими или, смотря по вине, стыдить несколько времени, но недолго; а всего чувствительнее им то, что отвращает их от телодвижения.

90. Когда дети в игре или в резвостях чем себя зашибут или повредят, за то их не только наказывать, но и бранить отнюдь не надлежит, чрез то родители, конечно, избавят детей своих от многих бед и болезней. Из повседневных примеров видно, сколько в свете от сей неосторожности слабых, сколько уродов и сколько померло по большой части оттого, что дети, опасаясь наказания, никому не говорят о своей болезни и, перемогаясь, скрывают оную иногда до неизлечимости.

91. Сколь жалки те бедные дети, которые за игру и невинные забавы, летам их необходимо потребные, предаются столь часто на жертву ненавистному гневу и своенравию родителей или дядек; приличнее называть таковых тиранами, нежели воспитателями.

О ДЕТЯХ ОТ ДЕСЯТИ И ДВЕНАДЦАТИ ДО ПЯТНАДЦАТИ И ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ

Об одежде

92. Одежда все та же; и хотя следовать должно обыкновению, однако наблюдать, чтоб платье было простое, свободное и меньше бы беспокоило части тела.

93. Если же по умножению возраста платье будет узко, надлежит тотчас сделать другое шире, примечая притом, что от шести и семи лет ненадобно одевать очень тепло, дабы сим способом мало-помалу с самых младенческих лет приучить их к снесению жестокости стужи.

О пище

94. Человек не столько питается произращениями земными, как скотина, которая сама сотворена для пищи людям. Сии две яствы в смешении поправляются одна другою.

95. Всего лучше вести жизнь несколько сурово, привыкать есть все, что есть только можно, и в выборе приправ к кушанью не быть прихотливу; но стараться, чтоб было все, сколько можно, просто; притом за верное утвердить можно, что всех лучше позыв на еду приходит от телодвижения. Сверх того, наблюдать надлежит, чтоб довольно жевать все, что ешь; ибо к скорейшему варению пищи желудку сие более всего способствует.

96. Должно переменять пищу, а давать преимущество простым кушаньям (исключая начинающих выздоравливать от болезни), есть все с умеренностью, а притом стараться, чтоб не быть брезгливу, и в том перемогать себя, сколько можно.

Примечание

97. Здоровье наше хранится и жизнь умножается, конечно, не от употребления некоторых кушаньев, но оттого, чтоб удаляться от таких яств, которые столь искусно повары приправливать стараются, что действительно отравою почитать должно; ибо простая пища и воздержанность совершенно способствуют к отвращению многочисленных болезней, кои изнуряют человека. Те только совершенно пользуются сладостию чувств и благополучно препровождают старость, не подвергая себя огорчительной дряхлости, которые во всю жизнь ведут себя воздержанно.

О питии

98. Простая вода, однако хорошая, большей части людям за лучшее и полезнейшее питие почитается; она превосходна для переваривания в желудке, и химики называют ее блаженною. Философы и алхимики утверждают, что она жизнь природы, для того что от нее происходят удивительные действия.

99. После воды простой и легкой вино, смешанное с большею частию воды, для всегдашнего употребления признают питием полезным; утверждают же, что квас красный здоровее кислых щей.

Примечание

100. Всем известно, что пример, как добрый, так и худой, в детях больше всего действует не только в нравоучительных, но и в физических предметах; для того всячески остерегаться, дабы при них не делать ничего, что бы они, переняв, к повреждению своего здоровья употреблять могли...

О сне

101. Чем более станут дети приходить в возраст, тем меньше дозволять им спать и никогда их вдруг не будить. Класть их спать ранее и по утру на заре выводить на свежий воздух, когда только возможно. Наблюдение сего правила как для прохлаждения крови, так и для укрепления тела весьма нужно и полезно.

102. Детям надобно лежать протянувшись, а не скорчась и голову иметь низко на подушке. Одевать их не очень тепло, чтоб не сделалось большой испарины, которая, конечно, приводит их в слабость.

103. Господин Локк советует, чтоб дети спали на тугой постели, то есть на соломенном, волосяном или шерстяном тюфяке, а не на перине. От употребления мягкой постели дети бывают дряхлы и нежны; напротив того, жизнь, несколько суровая, весьма укрепляет сложение тела человеческого и для переду, а особливо для старости.

О чувствительности

104. Неоспоримо, что великая чувствительность вредит телу; чего ради надлежит склонять детей благопристойным образом к терпению и к суровости против себя самих и не допускать их тревожиться, особливо когда они вдаются в горесть и сокрушение от самой малой болезни, терпя сами или видя других страждущих от оной. Господин Локк пишет: какие бы ни случилися детям удары от игры или от других упражнений, надлежит их тот же час удерживать от слез с ласкою и без всякой суровости. Сим способом они и на то время успокоятся, и впредь столь чувствительны не будут. Надобно, чтоб были ласковы и жалостливы, чтоб имели сердце доброе, но чтоб оным повелевал рассудок, а не слабость.

105. Весьма неблагоразумно и опасно при случающихся детям больших или малых болезнях пользовать их бабьими, или простонародными, лекарствами. Известно, что, какие бы кто удивительные рассказы о том ни делал и какие бы кто ни представлял прелестные примеры, все сие походит на такую обманную лотерею, в которой изо ста раз однажды удается выиграть. Хотя множество примеров сему подобных видим во всяких болезнях, однако от предубеждения не отвращаемся. От сей неосторожности великую дань платит род человеческий. Сколько возможно, надлежит молодых людей, входящих смысл, отвращать от сих заразительных предуверений и не допускать их следовать опасным и обманным советам.

Что при воспитании наблюдать должно

106. Ежели кто ведет жизнь одинакую тот ни к какой перемене не способен. Не худо предуготовлять помалу детей ко всему чрезвычайному... а особливо в пище, в содержании тела... Тот может все сносить, кто ко всему приучен. Детям должно привыкать к переменам, не делая натуре принуждения. Она со временем на все преклонится. Сим способом нечувствительно привыкнут к трудам, победят наконец все, к чему они имели прежде отвращение, будут в состоянии, когда нужда ни востребует, сносить голод, жажду, жар и стужу; не повредит их роса вечерняя, ни долговременное бдение; от пота и беспокойства силы их не истощатся и прочая; но при всем том надлежит ведать, что воздержность и работа суть лучшие лекарства для человека.

О музыке

107. Все духовые инструменты, то есть гобой, фагот, флейта, валторна и прочие, вредны здоровью.

О страстях

108. Меньше опасности для молодых людей, ежели разным страстям следуют, нежели когда прилепляются к одной. Надзирателям должно стараться разделять в них склонности и не допускать, чтоб одна в них усиливалась.

О игре

109. Страсть к карточной или другим играм, а паче к таким, при которых мало или никакого нет телодвижения, весьма вредит молодым людям и приводит здоровье в слабость, не упоминая о том, что при сих случаях портят они кровь или причиною самолюбия, либо для корысти.

О темпераменте, или свойстве человеческом

110. Не моложе пятнадцати лет начинает сказываться свойство сложения, которое будет владычествовать в человеке. Подлинное познание оного необходимо нужно.

Знаки многокровных

111. Человек лет пятнадцати сложения многокровного, или сангвиник, имеет в лице цвет свежий и румяный, бывает непостоянен, весел, малым доволен, непопечителен, любит смех, шутлив, без обиды на других и пр. Сие сложение всех лучшее, ежели наблюдается в нем посредство, которое и надлежит сохранять в детях с немалым попечением.

Знаки сложения флегматического, или сырого

112. Человек флегматического сложения обыкновенно бывает тих, нежен, мягкосерд, немужествен, вида приятного, сговорчив и властвовать над собою охотно дозволяет; не имеет беглого разума и нескор на предприятие, ленив, спокоен, терпелив, в дружбе слаб, в неприязни безопасен, туп и не способен к вымыслам, во всем подражает другим, и в делах и в рассуждениях медлителен, но довольно справедлив; способен к советам, к точному познанию наук и к наблюдениям. Столь любопытным бывает физиком, что одно крыло бабочкино целый день рассматривать в состоянии. Сложения совсем противного вспыльчивому; при том любит жалкую и унылую музыку, стихотворство пастушье. Люди сего свойства весьма мало пекутся о делах житейских и не могут сносить работ тяжелых, чего ради надлежит их поощрять к телодвижениям несколько трудным, ибо они склонности к тому не имеют; удалять их от покоя, который им всего приятнее.

Знаки вспыльчивого

113. Человек вспыльчивый имеет взор быстрый, блестящий: чувствителен и скор ко гневу, рассуждает немедлительно, твердо и основательно, мысли у него изобильные, любит горячо и в ненависти непримирим. Хочет быть всегда в движении, кровь у него беспрестанно волнуется и потому от самой безделки разгорячиться может; напротив того, в трудах, в великих работах и в жестоких телодвижениях терпелив и к оным ревнителен чрезвычайно, в делах скор и проворен, любит хитрости и удивительно производит оные; что предпримет, не отлагает; понимает всякое дело с первого раза; никогда не доволен, как скоро начинает, так скоро и опять кончит; любовник страстный и замысловатый, друг искренний... неприятель непримиримый и весьма опасный, любит упражняться в науках и прочая; такой совершенно должен воздержаться от вина и всяких крепких напитков; и потому, что такой человек добровольно бывает во всегдашнем упражнении, праздность для него нужнее.

Знаки меланхолика, или задумчивого

114. Сложение меланхолика обыкновенно не прежде тридцати лет сказывается. Оное по большей части бывает случайное, а не от при-

роды; однако если родители воспитываемого дитяти были сего сложения, то надлежит прилежно наблюдать, чтоб и с ним то же не случилось. Знаки оного суть: лицо худощавое, кожа присохлая к костям и горячая, волосы черные и жесткие, по большой части лицом непригож, хотя и бывает хорош во ребячестве; глаза у него малы и несколько суровы, вид угрюмый, мысли изобильные, память твердая, рассуждение скорое и острое; много разума, но часто употребляем бывает на осуждение людских недостатков; способен к наукам самым высшим; любовник чувствительный, готов умертвить себя за неверную женщину; скука, уныние, праздность и уединение суть лучшие его забавы; во всем отличен как в дружбе, так и в ненависти; желания превосходят его силы. Если устремится к добрдетели, наблюдает оную в высочайшей степени, если же к пороку, то в злодействе нет ему подобного.

115. Из сего можно заключить, сколь необходимо нужно отвращать начало сего сложения, как скоро в ком знаки оного примечены будут, надлежит его приучать к упражнениям приятным, но непродолжительным и чтоб всегда был в свободном и легком воздухе. Стараться всячески без принуждения и не говоря о болезни развеселять и разбивать задумчивые его мысли, удалять его от печальных, вывозить на увеселительные позорища, а не на трагедию; всего же лучше быть ему в путешествиях.

Об упражнениях

116. Художества, мастерства и всякое рукоделие требуют великой прилежности и малого телодвижения до тридцати лет, которые составляют лучшее в жизни время. Сей род упражнения, принуждающего сидеть долгое время на одном месте, весьма вредит и изнуряет доброе сложение тела; для того надлежит молодых людей понуждать к частым телодвижениям и разным забавам на вольном воздухе. Назначенное к гулянью время полезно препровождать в беганье долговременном и трудном на солнце и на дожде, в прыганье, в танцах, в игре мячами, кеглями, в битве на рапирах, в верховой езде и в прочем тому подобном; все сие, однако ж, делать по степеням, и разные употреблять к тому способы мало-помалу, а не вдруг и не чрез силу. Такие на вольном воздухе движения, где телесная сила действует, от природы свойственны человеку, который чрез то становится проворнее, здоровее и сильнее. Искусство уверяет нас в том ежедневно, и нет нужды изыскивать дальных на то примеров. Сравним портного или ткача с работником, который на рынке или на бирже целый день бывает в работе. Необходимо подумаем, что сии два человека совсем разного рода.

Опасных от любви следствиях

117. Довольно известно, сколь вредно и опасно действие любовной страсти в молодых летах. Потому, что для росту и для укрепления сил и разума вся природная горячность потребна; всеми способами надлежит стараться отвращать все, что прежде времени может

вредить юности. Надобно удалять их от мерзких разговоров, от прикосновений бесчестных, от чтения любовных сочинений, наконец, от частого обхождения разного пола вместе, дабы не превратить прекрасной весны натуры в мрачную и бесплодную осень. Притом надлежит помнить пословицу: что случай делает пора.

О табаке

118. Табак повреждает память...

О чистоте

119. Воспитателям должно великую иметь осторожность в столь важном деле, каково есть чистоты наблюдение. Всем известно, сколь необходимо нужно приучать детей к оной во всем... Попечители, правители, надзиратели или надзирательницы домов, где воспитываются дети, должны употреблять великую строгость и прилежание в смотрении за чистотою везде и во всем, как в домах, им поверенных, и за детьми, так и между собою друг за другом, потому что им первым надлежит примеры благопристойности показывать собою...

Григорий Николаевич Теплов
(1711—1779)

Сановник при дворе Елизаветы Петровны и Екатерины II, статс-секретарь Академии наук (с 1747 г.), один из активных участников по разработке учебных реформ.

Учился в Петербургской семинарии, затем в академической гимназии. Образование завершил за границей. По возвращении был воспитателем графа К. Г. Разумовского, который впоследствии стал президентом Академии наук (1746—1798). Он и привлек Г. Н. Теплова в качестве своего помощника, статс-секретаря академии.

Г. Н. Теплов — сторонник монархии, сословного воспитания при организации обучения и воспитания юношества. В составленной им «Временной инструкции об университете и гимназии» (1750), в частности, говорилось о том, что-

бы дети дворян и дети разночинцев во время занятий сидели за разными столами. При разработке учебной реформы в 60—70-е гг. Г. Н. Теплов, защищая дворянские привилегии, также отстаивал сословную систему воспитания. Он разделял идеи немецкого педагога И. Миллера о сословном делении училищ с тем, «чтобы каждый своему приличному состоянию, склонности и определению обучаться мог». В то же время в деятельности Г. Н. Теплова наблюлись и прогрессивные просветительские черты. Он ратовал за то, чтобы просвещение в России развивалось в соответствии с требованиями времени, активно участвовал в разработке проектов об открытии трех университетов на Украине: в Сумах (1767), в Екатеринославле (1784), в Чернигове (1786).

В «Генеральном плане гимназий или государственных училищ», разработанном комиссией, куда входил и Г. Н. Теплов, указывалось, что поскольку «простые и самые бедные мещанские дети, в городах и местечках обитающие», не могут учиться в гимназиях, «хотя б того и желали», то в городах и местечках нужно открыть элементарные публичные школы для простого народа. Обучение в них должно быть обязательным для всех мальчиков от 6 до 14 лет, «какого бы звания ни были, не исключая слуг и работников». Этот план носил либеральный характер, но тем не менее он «в малой степени отражал интересы простого городского населения, а интересы крестьянства совершенно игнорировал» [2, с. 122]. И все же в плане отражались прогрессивные взгляды, созвучные с идеями просветителей второй половины XVIII в.

Наставление сыну[7]

(в сокращении)

Вступив ты в четвертый на десять год возраста твоего, приближаешься к таким летам, в которых начинает сказываться свойство сложения твоего и тобою будет владычествовать. Долг мой есть долг попечительного о тебе родителя, и звание сие заставляет меня объявить тебе, что стал ты теперь в дверях заблуждения. Оно многими и разноведущими путями неизбежно тебе представляется. Все свои склонности по природе, по сложению тела и по бесчисленным соблазнам поведут тебя с закрытыми очами, ежели не подашь руки твоей родителю, помощь тебе усердно подающему. Прими ее так, как самую для тебя надежнейшую.

Правило 1-е: будь добросердечен. Первое и главное для всей жизни человеческой счастие — сердце праводушное, благополучен тот будет навеки, кто с добросердечием родился и кто сей природы не токмо худыми примерами не потерял, но еще воспитанием в душе своей паче утвердил. Недовольно, что от сего источника собственное удовольствие и жизнь благая истекает, но и всегда за сокровище для других он почитается. Такой человек чувствует несчастие ближнего и терпит равно с теми, кому он помочь не в состоянии. Не толкует он

ничего во зло и пороки чужие закрывает. Очи его слепы на слабости ближнего, а уши глухи на оклеветание, внушаемое коварством. Ежели кого одобрять, он тогда говорит, а ежели свидетельствовать злословящему, тогда он нем. Благополучным себя почитает, когда устроил другому благополучие, и радуется всегда чистосердечно. Когда он видит вражду между двоими, крушится непритворно и примиряет их усердно. Воздерживает ярость ненавидящего и отдаляет его мщение. Он не знает имени зависти, а всякому доброжелательствует; несчастных утешает, а обремененным делает облегчение. Скажу тебе правду: в наш век таких людей мало, но приближающихся к ним число довольное найдешь. Затверди сии добросердечного начертания в уме твоем и с людьми в обхождении употребляй их по силе лет и смысла твоего. Привычка к добру также нечувствительно в сердце твое войдет, когда жить станешь с примечанием твоих поступков, как и пороки, которые вкрадываются в сердца никаким воспитанием необузданные.

Правило 2-е: опасайся быть корыстником на вред ближнего. И мал и велик — все действуют имея за цель корысть свою, а без нее никто не движется. Она так возведена высоко, что тот и разумным человеком почитается, который на нее целит своими действиями, а инако его простаком назовут. Ты не разумей здесь корыстника, который ищет прибыли в имении и во всем другом святыми правилами каждому разумному не заповеданном, но разумей такую лихву, которую многие на счет ближнего, на убыток, а иногда и на вред совершенный приобресть стараются. Представивши себе такого корыстника, памятуй, что его характер презрителен. В нем ты много пороков найдешь, от которых честный человек иметь должен отвращение. Корысть такая за адской порошок почитаема быть должна, который в глаза бросается для заслепления, чтоб не видеть ни правосудия, ни должности, ни чести, ни дружбы. Она истребляет обязанность взаимную, родственникам приличную, она жену с мужем в раздор приводит, она злобу между братьями возрождает, она огонь дружбы между приятелями погашает и многих заставляет поборствовать иногда неправде. Она делает многократно ласкателя рабом, бойца — отчаянным, духовного — лицемером, а купца — обманщиком. Кажется, что корысть — такая госпожа, которая все другие страсти за собою в порабощение ведет. Словом, действующий по корысти почитает себя за разумного, а в самом деле он подлец и насыщает всеми мерами свою алчность. Портрет сей многим есть общий потому, что бесстыдно порок захватывает на себя имя добродетели; но ласкатели и харю (лицо.— *И. С.*) часто называют красотою, а ты старайся честного человека черты на лице твоем сохранить.

Правило 3-е: будь экономом, а не будь скуп. Когда человек не имеет довольного богатства, то может быть нетароватым без его порицания. Добродетель и то, когда кто умеет сберечь приобретенное и добрым экономом быть, есть знак разума. Хотя обыкновенно нетароватый идет в число скупых, средства, однако ж, другого нет заслужить имя

хозяина. Таким образом, сего рода скупой человек прикрывается именем эконома, потому что скупой есть имя порицательное. Но когда неумеренная бережливость есть добродетель, то и согласиться надобно, что она ближайшая соседка пороку, потому что она в близком свойстве с прямою скупостию; ибо по большой части, где великая бережливость имения внедрилася, тут и жадность к оному зародилася. Кто не любит сам давать, тот обыкновенно привыкает сам брать, а наконец, и все неистовые способы употреблять к набогащению своему. Сие свойственно не одним хитрецам, но и глупые люди собирать умеют богатства. Разумный только один умеет оное издерживать. Скупец и в богатстве нищим проживает, но прямой эконом собирает имение без стяжания и по мере достатка расходы свои ведет. Приметить можно, что дети, которые с малолетства бывают на все вещи бережливы, часто случается, что к старости перерождаются в великих скупцов, и что ежели кто в двадцать лет всего жалеет, тот в тридцать куражу не имеет за своим собственным столом в сытость наедаться, а все оставляет на утро. Обыкновенно, кто смолоду любит страстно рюмку вина, тот под старость бывает нередко пьяница. И потому кажется, что такая экономи́я приличествует только старикам или старухам, которые всегда робость имеют, чтоб на предки не быть в нужде. Но прямая экономи́я всегда обитает между чивостию и скупостию и к той и другой стороне никогда не наклоняется. Тут надобно иметь разбор разумный и особливое знание, которые качества редко в месте случаются. Есть род экономов у нас и такой, который прямо назваться может: смрадные скупцы, и их за то, что при великом своем достатке живут в домах гнусных, пьют скислое, а едят вонючее, одеваются изношенным и детей воспитывают в таком же неблагообразии, называют великими хозяевами. Сие смешение имени происходит от недовольного понятия, в чем состоит прямая экономия и что есть гнусная скупость; разумные попечители питомцев прежде стараются обучить правилам хозяйства, нежели о глубокости знания латинского языка в них трудиться. Они видят, что невежа богатый всегда выступает перед ученым бедным и что люди с талантами, имеющие недостатки в пропитании, ему раболепствуют...

Правило 5-е: преодолевай нищету трудом и прилежанием. Нищета часто человека приводит к пороку, когда он твердости не имеет ее сносить. Сверх того, она лишает иметь то, к чему натура его привыкла. Она погружает в вечную темноту часто добродетель и полезным замыслам гробом вечным бывает. Она задушает в самом рождении благородные мысли и презрением покрывает дух разумной души. Многие отличные разумы мертвы между живущими, или, так сказать, живые погребены во тьме нищеты; и словом: никакая ясная свеча не испускает света из фонаря непрозрачного. Некто из древних римских писателей сказал: боги все трудам продают и делателям помогают. Нет другого соперника нищеты, как труд и прилежание. Не ослабевай в них. Памятуй, что сии два качества, соединенные с природным твоим разумом, доведут тебя быть надобным тому, кто от своего

изобилия тебе поможет, а ты невзирая на то, что многие скорее помогают в бедности слепым, немым и увечливым, нежели ученым. Большая часть боятся сами умереть такими, а не боятся в бедности умереть учеными.

Правило 6-е: в счастии и несчастии взирай на будущие твои времена. Не меньше надобно разума иметь, как вести себя в благоденствии, нежели твердости, как сносить несчастие. Всякий человек желает быть благополучным, а редкий умеет благополучием пользоваться. Не все, что блещет, то золото, и невсякое благоденствие человека делает счастливым; и самые лучшие люди в счастии нашли иногда источник своего неблагополучия. Часто благоденствие рождает жизнь неприятную, потому что счастие долговременное наконец бывает без вкусу, а нечаянная и малая перемена весьма чувствительна по своей новости. Таким правило надобно памятовать одно: в благоденствии не забывать, что можешь быть несчастлив, а в несчастии утешаться, что может и к тебе прийти счастие.

Правило 7-е: будь храбр, а не будь забиячлив. Уязвленная честь всегда возбуждать должна храбрость. Кто сего свойства не имеет, тот прямо не знает хранения чести. Напротив того, храбрость без причины есть забиячество, которое оную вовсе помрачает. Она, будучи законная, есть природное в человеке ободрение, которое ополчает его по разуму на своего обидчика. А забиячество — предерзость приобретенная, то есть происходящая от худого воспитания, у которой при отпуске из общества обыкновенно проводником бывает палач. Первая прилична благородным, а последнее — грубым невежам, хотя и в благородстве рожденным. Недостаток рассудка многих заставляет посредством забиячества искать себе славы храброго человека. Но ты знай, что забиячество есть характер подлой души и что прямо храбрые люди оное презирают не меньше, как и прямых трусов. Есть много, однако ж, безрассудных людей, которые сей порок нарицают добродетелью. За лучшее средство почитать надобно, чтоб не смешать своей храбрости с другого забиячеством, удаляться от общества забияки.

Правило 8-е: не допускай до себя никогда худых привычек. Древние уже нравоучители приметили, что привычка в человеке то же, что и природа. Ежели привычка добрая, то служит залогом концу благому, но ежели дурная, то оная такие узы, от которых редко кто освобождается. Она вкрадывается от юности так неприметно, что тогда только ее узнаешь, когда уже властительски тобою обладает. Не решено еще любомудрыми, по крови ли приходят склонности душевные или по воспитанию; но явные в человеке пороки, чему бы ни долженствовали свое начало, привычке, однако ж, долженствуют свою необузданность. Кто крайне лжив, скуп, горд, ленив, празднoделен и пр. так же как и кто головою мотает, лицом кривляется, походку имеет странную, жрет не в меру, пьет до вреда своего или до безумия, заку-

ривает и занюхивает себя табаком, голос отворяет в обыкновенных разговорах не в меру и пр., тот все сие привычке долженствует и сам свою природу в душе и на теле небрежением в неустройство привел. Ежели говорить, что у него отец был лжив, походку имел такую же и тому подобное, подражанию неприметному, в небрежении оставленному от юности, то припиши, к которому человек от младенчества имеет склонность, от которой найдешь и тут всегда привычку, превращенную в природу. Человек разумный крайнее старание в том прилагает, чтоб не поработить себя такой властительнице, которая душе благородной, хотя, впрочем, добродетельной, наносит пятно, помрачающее нрав приятный, или наносит безобразие красоте совершенной. Сии, однако ж, привычки суть меньшего уважения, а есть такие, которые производят пагубные следствия и перерождают человека в адское исчадие: испорченная привычкою душа защищает всякое беззаконие, помрачает разум, правые души, ослепляет понятие истины, ожесточает совесть и самый порок в добродетель превращает. Привычки такие ведутся на вред ближнему без примечания, отъемлют вольность без сожаления и заключаются в узы, которых тягости, ослепленная, не чувствует. Представь себе богатого, бездетного, гнусно живущего, корыстного, правую сторону обвиняющего разбойника, без ярости мучающего на смерть человека; скупость, корыстолюбие и склонность к кровопролитию суть те привычки, с которыми он не родился, но они поселилися в душе его от воспитания, от небрежения и от зверского сожития с подобными, которых он за пример себе поставлял. И ежели беспрепятственно они сопутствовали тому, кто им попустился, то и вселилася в него новая природа, с которою он не родился, а умирать с нею должен. Стерегись такой заразы в самой твоей юности. Всякому злу корень скоро распространяется, и всякое зло скоро прозябает. Примечай в самом себе привычку в зарождении ее и власти ей никогда над собою не давай. И добрым и худым быть смалу люди привыкают...

Правило 11-е: здоровье свое почитай первым для тебя сокровищем. Повседневно видим таких нерадивых, что болезни их одолевают, а сохранение здоровья ни во что они ставят. Кажется, что довольно бы тот был заплачен, кто проживает век без страдания. Великость, богатство и честь на свете все приторны и ни малого вкуса в себе не имеют, ежели человек лишен первого сокровища, то есть здоровья. Человека, страждущего в болезни, ничто не веселит и ничто не утешает, кроме облегчения. Когда он болен, все вкусу его противно; но не видишь ли, однако ж, сколько таких, которые насильно стараются быть больными? Едят без гладу, пьют без жажды, ночи просиживают без принуждения, согреваются без холоду, сидят без движения и движутся с излишним утомлением — словом, все делают будто бы нарочно с тем, чтобы лишить себя бесценного здоровья. Таких обыкновенно без старости старость нечаянно постигает. Все его члены вскоре одряхлевают, ослабевают мысли, и желания пресекаются. Тогда сам он признает все сие плодами прошед-

шей развращенной своей жизни. Тогда, увидя век свой сокращающийся прежде времени, почувствует, но поздно, что сам прилежно и заблаговременно о том старался... Ты распоряжай дни и часы твои благовременно. Знай, что день и ночь оба ровно к сохранению здоровья устроены.

Пища и питание не всякому и во всякое время равное напитание делают. Все твои дела, разделенные часами и благовременно, порядочнее оканчиваются и здоровья твоего не изнуряют. Раздели сутки твои на спокойное содержание твоего тела и на все твои упражнения. Более сделаешь порядком, нежели хватками в делах, заменяющими один час за другой. Ложись спать не поздно, а просыпайся рано. Утреннее время разум чистый и к трудам удобный тебе представляет. Стол свой имей в час уреченный и насыщайся не в полную сытость. Переложенное в котле ни вскипеть, ни превариться удобно не может. Время и мера для пищи и питания не отягчат твоего желудка. Старайся, чтоб из порядка, тобою принятого, ни один день не выступил доколь то в твоей воле остается. Привычка такая в юности сделает тебе другую природу на всю твою жизнь, и старость наградит твое в юности о себе попечение...

Правило 14-е: старайся говорить кстати и смысленно. Обыкновенно те, которые говорят много, рассказывают пустошь, а временем и дурачество. По справедливости болтун заслуживает таковые себе имена прилагательные. Его рассказы столь неумеренны, что часто другим времени не дают тронуть своего языка. Распространенное его горло оглушает всех слушателей, а звонкий голос отнимает ему самому время взвешивать всякое слово и рассудить, что он говорить намерен. Речь его, по привычке скоро текущая и никакою мыслию не удержанная, в воздух один ударяется, а ушей слушателей не наполняет разумом. Она в беседах барабану подобна, который дробь стучит, а музыкальных тонов никаких не издает. Такой человек более не годится в беседе, как для произведения шума. Он мыслей своих не разбирает, а и того меньше изречений. Все слова выплевывает из уст своих сырые и тем самым отвращение прочих навлекает. Чему верит, чего желает и что знает худо или добро, ложь или правду, все говорит без разбору и без остановки, а чтоб скорому обороту своего языка, так как мельничному жернову было что молоть, подсыпает и то, чего вовсе не знает. Умножает рассказы такими ненадобными обстоятельствами, что напоследок и сам позабывает, о чем говорил. Заболтавшийся много и глух и слеп на присутствующих, которые давно скучают его болтанием. Все покидают его неприметно, а он опамятуется тогда, когда уже увидит себя без слушателей. Примет сей характер посмеянию достойный. Он бывает и в людях, много учившихся и много читавших. Не все, что ты знаешь, сряду говори. Примеряй твое знание к настоящим в беседе разговорам. Разум без знания ничто, но знание без свойственного употребления посмеяние. Складная речь без мысли есть пустое болтание, а складная мысль, украшенная чистою речью и кстати, то прямое разуму твоему украшение...

Правило 17-е: не будь упрям по своенравию, а соглашайся по разуму. Уметь соглашаться со мнением других есть знак благоразумия. Упрямство — свойство такое, которое прилично скотам, дуракам и младенцам бессловесным. Искусный кормчий всегда свой парус опускает, когда ветер дует не в меру. Редко кто выигрывает дело одним своим упрямством, напротиву того, все, почитай, оное теряют или и вовсе бывают несчастливыми от сего порока. Человек разумный старается уступать другого мнения с благопристойностью, дабы наконец тем ближе приступить к справедливости того, о котором бывает прение. Есть характер таких людей, которые, когда единожды вызвалися с мнением своим, по смерть уже от оного не отступают, во что бы им то ни стало. Честь, дружба и репутация никакого препинания им в том не делают. Таких обыкновенно девиз бывает: лучше переломиться, нежели согнуться. Сия страсть начинается от самого младенчества и по мере лет так высоко в человеке возрастает, что напоследок не меньше, как природа в нем становится. В младенце она происходит от желания воли и свободы в своих прихотях, а в возрастном от самолюбия. И как в первом сокращается или вовсе искореняется воспитанием, так в последнем остается вечным его пороком. Всякое тебе учение и всякое словесное наказание кажется в младых твоих летах принуждением. Оно отымает твою волю и свободу, которые ты слепо своими руководителями почитаешь. Сие есть один, однако ж, способ исцелить тебя от будущей язвы, которою многие самолюбцы заражены. Согласуйся теперь наставлениям твоих воспитателей — не будешь упрям после в советах. Доброго и благоразумного судии имя заслужишь навеки...

Правило 20-е: желания и вкус с летами переменяются. Живое жизненное всегда и мыслит, пословица площадная. Как жизнь с летами преходит, так и желания и вкусы в человеке убывают. Молодого веселят все те забавы, которые чувствам его удовлетворяют, и он с летами от одних к другим стремление свое направляет. В прехождении же века своего чем прежде веселился, то ныне осмеивает, а что впредь ему будет приятно, тому не верит или вовсе о том и не мыслит. Но как во всех человеческих склонностях, юность не поставляет меры, то одно правило остается на их ограничение: взирать надобно на леты, к старости приближающиеся, других и от них заключать умеренность своих стремлений в юности. Человек, в старость пришедший, мыслит обыкновенно о спокойствии духа. Он знает из прошедшей своей жизни, что пороки одолевают добродетель и что большая часть людей, по его вычету, исключаются уже из его сообщения. Чем больше к развращенной жизни был привязан, тем паче в старости се возненавидишь, памятуя, в какую цену приходила его слава и здоровье. Роскошь стола его совсем ему кажется излишняя, потому что чрево его малым насыщается, и роскошь упитанным его не сделает, когда старость тело снедает и червям снедь из оного приготовляется. Он не думает больше о путешествиях и посещениях отдаленных, которые единожды уже сделал. Везде ему скучно,

и всякая новость — повторение прошедшего. Расходы и набогащение суть излишнее для него попечение первое суетно, а другим пользоваться поздно. Так все происходит, сколько ни казалося оно лестно. Служба добродетельная Отечеству, верность государю и благотворение ближнему — те одни юности и старости до гроба сопутствуют, с его утешением. Мысля о живом, мысли и о конце жизни. Таким образом, не сделав много расходу в здравии твоем от юности, на старость сделаешь продолжение твоей жизни.

Правило 21-е: жизнь благополучная. Кто в тишине духа живет, тот живет спокойно и благоденственно. Честь и богатство возвышенные когда отъемлются, чувствительности больше наносят, нежели услаждения, когда кто ими ослепляется. Глубина ямы всегда бывает равна выкопанному из нее холму. Часто случается, что и достоинства или приобретенные таланты разума, излишние перед другими, иметь опасно. Закрывая своими качества других, делаются тебе сокрытые чрез то враги и непримиримые злодеи. Добрые свойства в человеке и отличные таланты разума есть то же, что и честь и богатство, потому что первые ведут к последним, но никто о совершенстве своих меньше не думает, как бы твои ни велики были, а особливо ежели они одного рода. Не сумнительно, что ласка фортуны безмерно человека обольщает, знай, однако ж, что отвращение ее несносно ее любимцам. Ты, идучи по стезям твоих достоинств, не думай, чтоб всяк пути твои правыми нашел. Большее число невеж, которые о тебе судят, всегда преодолеют самое малое количество разумных. Как бы тебя ни далеко возвели твои достоинства, многие скажут, однако ж, что не по пути к тебе они пришли и что чуждое добро ты отъемлешь. Ни честь высокая и богатство чрезмерное, ни похвала за твои таланты счастия беде еще прямого не составляют, а отъемлют часто твое только спокойствие. Умеренность в первых, а собственное удовольствие последними в тиши твоего духа, то прямое твое счастие и жизнь благополучия.

Начальное рассуждение о плане для учреждения публичных училищ[8]
(в сокращении)

...для вкоренения правил истинного воспитания и насаждения доброго гражданства, кажется мне, что нет лучше других способов, как принять за основание означенные в разумном учреждении о воспитании обоего пола юношества... генеральные правила.

Главный предмет сих оснований состоит в том намерении, чтобы вкоренить юношеству с самых нежных лет... любовь к нравоучительной добродетели, привычку к прилежанию в трудах, а избежание праздности и лености, познание преимуществ хорошего и благопристойного обхождения, введенного действительно в общество, чувствительность и соболезнование в сердцах их к гонимым судьбою, омерзение к преступлению и всякому пороку, приобучать их с самого

младенчества к доброму управлению своего хозяйства, к содержанию хорошей экономии и к точному исполнению вверенных им дел; словом сказать, все сии изрядные правила в помянутом наставлении находятся изъяснены и клонятся к составлению со временем из молодых людей достойных граждан, благоразумных отцов и похвальных членов в гражданском обществе, в которое они божиим провидением произведены.

Кажется, что к помянутому плану о воспитании не остается ничего другого присовокупить, кроме сего одного способа, который за лучший и легчайший к исполнению признается в каком случае, по мнению моему, должно следовать установленному порядку в учрежденном ныне при Академии художеств училище[9], состоящем из 60-ти приуготовляющихся для той академии учеников, которое учреждение кажется мне, в рассуждении их состояния, только порядочно и соответствует как природному их дарованию, так и настоящей народной нужде, что и по воспоследовании некоторых перемен, могущих произойти, каких других наставлений, преподаваемых не согласующимися с заведением сего училища людьми, не можно будет удалиться сего порядка.

Правда, что хотя все заведенные у иностранных народов училища, как-то во Франции, Англии, Швеции, Немецкой земле и Голландии, между собою различны, но я совершенно уверен, что оные в государстве нашем по многим таким причинам, кои мне ясными и важными представляются, образом служить не могут, ибо во всех сих государствах знание ученых языков, то есть латинского и греческого, необходимо нужным началом в училищах почитается и чрез что, а наипаче латинским языком, почти во всех тех местах учение начинает.

По справедливости признаться должно, что знание сего мертвого языка сделалось для тех государств необходимо нужным, частию для отправления веры во всех католического исповедания государствах, частию же для употребления римских прав во всех тех землях; и следствие, происходящее от обеих сих главнейших причин, во всех гражданских делах великую подает нужду всем находящимся в тех государствах знать оной или, по крайней мере, хотя некоторое иметь сведение, особливо же тем, кои желают быть определены к какому-нибудь гражданскому месту. Во всех благоустроенных европейских государствах за основательное правило принято, чтоб всякий, какого бы кто звания ни был, не имея знания в латинском языке, почитается неученым человеком. Может быть, что рассудок сей и несправедлив, однако ж у всех употребляется.

В России, думаю я, совсем противный тому случай, ибо сколько я понять могу, то не предвижу никакой нужды в знании латинского и греческого языков, кроме тех, кои определяют себя к учению богословия и, не вступая в план сего учреждения, желают входить в подробность наук, чтоб сделаться чрез то учеными людьми, чего к доказательству в том, что все, конечно, не должно следовать

примеру в основании находящихся в прочих европейских государствах училищ...

В рассуждении меня кажется не токмо излишне сие употребление, но и вредно, чтоб затруднять сим такое нежное юношество, которое стараются порядочно воспитать, да сверх того, можно оное и к полезнейшим сего наукам употребить. И так, единственно в рассуждении введенного в разных иностранных училищах порядка и еще некоторых весьма нужных, согласующихся с сею материею важных причин, которые я как в тех записках, так и в манифесте короля португальского об учреждении на таком новом основании училищ в его королевстве, находя достойными примечания, которые приложенным при сем экстрактом и представляю, утверждая притом, что остальное содержание сих наставлений хотя и весьма хорошие правила, однако ж немного соответствующего как состоянию нашего государства, так и потребному в таких учреждениях предмету заключает.

Существо наставления господина Миллера[10], заключающееся в нижеследующих пунктах, кажется мне одним из способнейших для российского государства мнений:

1. Что образ удаленной и сохраняемой жизни, в котором юношеству, находящемуся в училищах под всегдашним присмотром своих надзирателей и учителей, в отдалении от родственников, способствует немало в сохранении оного от повреждения нравов.

2. Что главный предмет к воспитанию, которое сему дать намерены юношеству, должен состоять в исправлении нравов.

3. Что к приведению в действие сего плана потребны для употребления старые монастыри, расположенные по близости каких-нибудь провинциальных городов, и построить вновь приличные тому здания, коим предлагает весьма искусно выдуманный и учрежденный по намерению сего основания план.

4. Что пристойно бы было, во-первых, сделать таковому учреждению здесь в С.-Петербурге или в ближайшей какой губернии опыт, для примеру прочих мест, и до вступления в касающиеся до сего подробности потребно знать всемилостивейшее ее Императорского Величества намерение о числе определенных в таковое училище учеников и какого рода детей к оному употребить, с Высочайшею резолюциею, какому быть сему зданию, каменному ли или деревянному и в одно или два жилья, чтоб весь сей распорядок соответствовал полагаемому предмету.

5. Что удобнее бы было разделить сии училища на три разных рода, соответствующие тем трем государственной службы разделениям, к которым воспитываемое юношество себя определить может, то есть в воинскую, гражданскую и коммерческую, дабы по приличности каждому роду наставления и уроки пристойнее расположить можно было.

6. Пристойнее расположить учреждение сих училищ таким образом, чтоб довольное число вольных пансионеров для вящей пользы туда допускаемо было.

Я признаюсь, что мнение господина Миллера, а особливо 5-й оного пункт, кажется для меня тем остроумнее, что невозможным делом почитает он установить сии училища на такой степени, чтоб каждый всему приличному состоянию, склонности и определению своему обучаться мог и чтоб в то ж время молодые дети могли тем начальным основаниям наук обучиться, которые они по летам своим постигать могут, для чего потребно завесть многие академии и употреблять на то большие расходы; да и во всем свете такой академии не имеется, где б преподаваемы были одни науки детям, выступающим из младенческих лет, вместе с молодыми людьми, желающими получить совершенство в науках. В других европейских государствах находится весьма много разного рода училищ для того, чтоб приуготовлять и приводить молодых людей в такое состояние, чтоб каждый из них по способности и желанию своему мог обучиться в академии...

Сии резоны кажутся мне столь важны и беспрекословны, что твердое принял я намерение испросить о том мнение его превосходительства господина Бецкого, но он, по несогласованию сего генерального основания с воспитанием юношества, почитая все те сумнения ненужными и подлежащими отменению, возвратил мне безо всего; однако ж он позволит мне сказать, что я с мнением его в сем случае не согласен потому, что, сколь бы ни были разумны данные им в воспитании юношества правила, однако ж они весьма генеральны и не могут с такою точностью служить довольными наставлениями, потребными в подобных случаях при учреждении училищ...

Генеральный план гимназий или государственных училищ[11]

(в сокращении)

ГЛАВА I. О УЧРЕЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГИМНАЗИЙ ИЛИ ШКОЛ И О РАЗДЕЛЕНИИ ОНЫХ НА РАЗНЫЕ КЛАССЫ И РОДЫ

1-е. Всех сих гимназий главный предмет состоит в воспитании юношества во благонравии, вперяя в них вкус к доброму, тихому и трудолюбивому житию и украшая их разум всеми теми науками, к которым они окажутся способными...

3-е. Все рожденные российские подданные греческого исповедания (исключая крепостных) могут иметь участие без всякого различия знания и природы... быть приняты в сии училища, ежели они только имеют потребные качества... и ежели только родители на предписанные им условия согласятся. Между всеми же преимущественно будут пользоваться сею милостию бедные всякого звания, которым родители не в состоянии дать доброго воспитания сами и принесут о том надлежащую просьбу.

4-е. Первый прием будет состоять из третьей части того числа

учеников, которое будет назначено для сих училищ, и принимаемы будут младенцы не старше пяти и шести лет. После сего приема праздные места не прежде будут наполняемы, как через четыре года, в который срок прием будет продолжаться бесконечно равным числом; трехлетний срок, принятый для всякого класса в училище Академии художеств, годом для того прибавлен, что здесь юношество должно быть весьма основательно обучаемо всем наукам, к которым они по дарованиям своим и по охоте будут способны; еще же и для того в сем случае удалились от учреждения, принятого в училище Академии художеств, что там ученики, достигнувши пятнадцати лет, прошед три класса, остаются еще под академическим надзиранием; а ученики сих гимназий напротив того, окончивши свое учение, вступят в службу или изберут для себя какой-либо иной род жития и будут полновластны в своих поступках. Кажется еще, пятнадцати лет человек весьма молод, чтобы быть в безопасности от дурных примеров, которые могут его лишить всей пользы прежнего воспитания. Сего-то ради рассуждено продолжить срок выпуска из сих училищ до восемнадцати лет ученического возраста, определяя по четыре года для каждого класса и назначая три разных класса для учения по примеру воспитательного училища Академии художеств.

5-е. При таком разделении детей на разные классы, по разности лет, надобно теперь представить разделение самих училищ по разности знания и намерений учащихся... чтобы в каждой губернии такая гимназия была учреждена, в которую бы младенцы всякого звания без различия могли быть принимаемы. Губернии наполнены жителями разного рода; в иной больше дворян числом, которые чаятельно преимущественную имеют склонность определять детей своих на военную и статскую службу. В другой больше купцов и разночинцев, которые пожелают употребить детей своих в коммерции или изберут для них звание ученых людей, и так для избежания беспорядочного учения, которому свойственно воспоследовать, ежели обучать в одном училище детей, назначенных к разному званию и роду жития, представляются здесь четыре рода училищ, разными наименованиями различенных, а именно: училища для ученых людей, военные, гражданские и купеческие. Эти четыре рода школ будут разделены по губерниям по воле Ея Императорского Величества и смотря на то, где каких жителей больше. Все ученики, которые будут на государевом жаловании в сих училищах, одинаково будут воспитываемы во благонравии, и равное будет об них приложено старание. Почти все они равно будут обучаемы в нижних школах, то есть немедленно по вступлении их в гимназии, и во втором классе тоже, понеже главное попечение будет о том, чтобы всех учеников сих училищ извлечь из невежества и сделать полезными и способными ко всякому роду жития, которое они впредь себе изберут; но необходимо, кажется, надобно иному следовать порядку для обучения их в последнем классе, сходственно с родом жития, к которому сии дети себя определят.

ОБ УЧИЛИЩАХ ДЛЯ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ

В сих училищах, которые собственно заслуживают гимназиями быть называемы, всем тем наукам основательно обучать должно, которые понятного молодого человека делают способным учение собственным прилежанием продолжать до совершенства или с пользою внимать урокам университетским. В оных основательно обучать латинскому и греческому языкам, следуя сколько возможно порядку, употребляемому при учении обыкновенных языков. Риторика, на добром штиле основанная, и искусство хорошо изъясняться в письмах и в прочих сочинениях принадлежит и прочим училищам; но в сей обучение оному потребно особливое и на ученых языках. Знание латинских классических авторов и нераздельно сопряженного с оными баснословия особливо до сих школ принадлежит. Древней и новой истории должно в них обстоятельнее обучать, нежели в прочих училищах; надлежит оную, сколько возможно, практически трактовать, показывая участие оной в настоящем состоянии каждого государства, о котором речь пойдет. Познание истории должно быть сопряжено с хронологией. Географии надлежит здесь обучать весьма пространно и гораздо подробнее, нежели в прочих училищах. Математическим наукам, а особливо арифметике, геометрии и тригонометрии, ученики сих школ должны быть обучаемы не так, как простые ремесленники, но со всею строгостию доказательств. Обучение математическим наукам начинать надобно весьма заблаговременно, ибо оные изощряют разум и приучают к рассуждению. В часы отдохновения показывать им на поле практическую геометрию; некоторое познание логики, еще большее нравоучительной философии, астрономии и воздушных явлений из физики суть части философских наук, к сим училищам принадлежащих. Нравоучительная философия, яко главное всего дела основание, больше всех должна быть вперяема, тем наипаче, что сей род гимназий надлежит почитать насаждением таких молодых людей, которых должно приготовить и воспитать способными быть впредь учителями для своей нации. Из употребляемых языков обучать в сих училищах немецкому, французскому, английскому и итальянскому; однако учащимся оставить на волю избирать для себя тот, к которому они больше склонности имеют. Российскому же языку в сих училищах особливо обучать как можно совершеннее.

О ВОЕННЫХ УЧИЛИЩАХ

Что касается до благонравия, то в оных юношеству одинаковое преподавать воспитание с прочими школами; в рассуждении ж наук обучать их особливо российскому, немецкому и французскому языкам, так чтобы они могли на оных ясно и искусно изъясняться в разговорах и на письме. Прочие же предметы их прилежности должны состоять в арифметике, в начальных основаниях геометрии, фортификации и архитектуры, в географии, в познании новой

истории, натурально и народного права, особливо же в нравоучительной философии и в знании благопристойности. Латинскому языку им не больше следует учиться, как сколько надобно для разумения автора или сколько кого допустит время и охота; рисование же и танцевание служит им вместо увеселения. Кажется, такового изучения довольно молодому человеку, чтобы сделать его весьма искусным и полезным офицером; ибо опыт во всех прочих европейских государствах доказывает, что молодые знатные люди по окончании своего учения в училищах или в университете тотчас вступают в службу офицерами и военным экзерцициям и прочим должностям подчиненного офицера в несколько месяцев без труда научаются.

О ГРАЖДАНСКИХ УЧИЛИЩАХ

Те дети, которые будут отданы в школы сего рода, кроме общего всем воспитания и обучения особливо имеют нужду в таких наставлениях, которые сделали бы их способными со временем служить Отечеству своему, отправляя достойным образом публичные должности в коллегиях и канцеляриях. Но как и сии ученики не единственно назначены будут для канцелярских и прочих нижних штатских чинов, но по способности своей большие чины получат и к знатнейшим местам в коллегиях определены быть могут, то сие довольным будет поощрением, что дворяне в сии школы детей своих, также и других званий люди записывать будут. Главный предмет учения в сих школах клонится к штатским делам. Здесь младенцам непрерывно надобно вперять добродетель и благонравие, а особливо любовь к правосудию, бескорыстность, ко всякому благосклонность и ненависть ко злости и к несправедливости. Учение языков составляет потом их первое и нужнейшее упражнение. Особливо должно их как можно основательнее учить грамматическому познанию российского языка. В рассуждении сего для всех школ надлежит предписать добрую, а не самовымышленную орфографию одинаковую. Чистое, безошибочное, ясное простое и приятное письмо сим ученикам необходимо нужно; чему их от самого младенчества наилучшими примерами обучать должно. Между тем непрерывно их упражнять в сочинении писем и прочего и приучать справедливо думать и порядочно предлагать свои мысли, все их сочинения наистрожайше поправлять и понуждать к прилежному примечанию свойств российского языка, отличающих оный от других языков. Обучение риторике весьма при всем том может быть полезно. Латинской, немецкой и французской языки им также весьма нужны. Оным, а особливо последним, обыкновенно употребляемым языкам, до такого надлежит обучать совершенства, чтобы ученики не токмо оные разумели, но и могли на оных, не запинаясь, изъясняться на письме и на словах. При генеральном основательном познании географии главный предмет должен устремляться на свое Отечество. И при обучении истории преимущественно трактовать об Отечестве и прилежно примечать введенные по временам полезные законы и учреждения,

исправление нравов, распространение наук и художеств и приращение коммерции и мануфактур.

Еще же в сих гражданских училищах обучать надлежит арифметике, геометрии, логике, нравоучительной философии, натуральному, народному и гражданскому правам, систематическому познанию российских законов, камеральной[12] и прочим к знанию политики потребным наукам, натуральной истории, космологии и архитектуре, экспериментальной физике и другим частям математики. В рассуждении же великого недостатка в России искусных переводчиков стараться в сих училищах воспитать к тому способных и знающих людей.

О КУПЕЧЕСКИХ УЧИЛИЩАХ

Что касается до воспитания во благонравии и до обучения в нижнем классе, то и в сих училищах оное должно быть одинаково. Как же скоро ученики вступят во второй класс, то уже учение во многом от учрежденного и нужного в других училищах порядка учения различествует и учеников надлежит многому учить такому, о чем мало нужды и знать в прочих училищах. Арифметика, а особливо знание, как вести купеческие счеты и книги, сим училищам больше всего свойственны, и учащиеся должны оные знать во всевозможном совершенстве. Здесь учеников обучать исправному правописанию на российском языке и сочинению писем, ясному, учтивому и со всеми употребляемыми благопристойностями. Латинскому языку столь их обучать, сколько надобно для разумения употребляемых в коммерции терминов; немецкому же, французскому, английскому и голландскому языкам обучать каждого по охоте и по вольному выбору столько, сколько надобно для того, чтобы изъясняться на словах и на письме и сколько в ком будет способности. Надобно их научить знать редукцию денег меры и весу всех земель против российских. Начальную основную геометрию и тригонометрию и главные правила кораблеплавания, особливо употребление морских карт, морского компаса, Гадлеева квадрата[13], купцу надобно знать. Также учеников обучать генеральной истории о коммерции и о кораблеплавании, дать им узнать внутренние учреждения других европейских государств, истинное состояние вольности тамошних подданных и точные оным предписанные пределы государственными законами, состояние банков, торговых компаний и кредита всех европейских областей. Что касается до географии, то их особливо обучать надлежит знать морские берега и лежащие на них знатные торговые места. Учить их также знать о знатнейших продуктах, мануфактурах и торговых промыслах каждой земли, а больше сего географию своего Отечества и о продуктах каждой провинции оного, о внутренней коммуникации посредством рек и каналов и обо всем прочем, к иностранной торговле принадлежащем. С сими нужными генеральными знаниями соединить надлежит и теорию коммерции, о которой уже такое множество изрядных написано книг, что учи-

тель хотя бы и сам о коммерции не имел сведения, только бы имел довольно способности полезное и нужное, занимая из книг, преподавать своим ученикам, то будет в состоянии их научить. Еще же необходимо обучать сих учеников строжайшим должностям нравоучительной философии, и больше всего им вперять сию истину, что искренность, примерность, порядочная жизнь, а особливо точное наблюдение общенародной благодоверенности составляют душу коммерции и главнейшее свойство и знатного купца и фабриканта.

Что же касается до лет пребывания учеников в купеческих училищах, то не лучше ли было для сих училищ учредить срок трехлетний, дабы ученики пятнадцати лет могли из школы выйти?.. Молодые люди, желающие быть в купеческом чине, как бы они ни были хорошо воспитаны, должны еще обучаться практике в знатных купеческих конторах семь лет по обыкновению всех европейских государств... надобно их школьные лета сократить для начатия на пятнадцатом году их возраста практического учения коммерции.

ГЛАВА II. О МЕСТАХ, ГДЕ БЫТЬ УЧИЛИЩАМ, И О РАСПОЛОЖЕНИИ СТРОЕНИЯ ОНЫХ

1. В каждой губернии, в главном оной городе или в котором либо из знатнейших провинциальных городов, должно быть учреждено одно из четырех разных родов училищ, смотря по тому, какого звания жителей в губернии больше числом...

2. Для сих училищ выбрать надлежит места высокие, где б был здоровый воздух и близко добрая вода, наблюдая то сколько возможно, чтобы оные были в таких местах, где б все съестные припасы и дрова могли быть дешево и беструдно привозимы; большие города для сих училищ предпочесть, чтобы со временем умножающееся число пансионеров легче было туда привозить.

3. Монастыри по большей части выстроены на таких приятных и выгодных местах, а из некоторых монахи переведены в другие, следовательно, оные места остались пусты, то таковые монастыри, ежели они в рассуждении прочих обстоятельств способными найдутся, на сие благородное и человеческому роду толь полезное дело весьма удобны...

4. Употребление на сие дело праздных монастырей для того преимущественно представляется, что превращением оных в потребные школьные строения много можно денег сберечь...

5. При превращении монастыря в училище или где нет сей способности, то при расположении нового школьного строения следующие наблюдать надлежит правила. Новое строение училища должно быть заложено близ назначенного города на высоком здоровом месте. Дом выстроить четвероугольным замком, с пустым местом посреди и с одними воротами с лучшей стороны. И так само строение будет служить стеною, а живущие в оном отделяются от прочих людей, которых обращения и примеров им еще убегать должно...

6. Как скоро представленное сие расположение школьного строения всевысочайше будет апробировано, то останется только... нескольким искусным архитекторам сочинить оному планы и смету потребной на строение по разности мест суммы; а где есть монастыри, удобные к сему употреблению, о том можно собрать ведомости от губернаторов, каким образом и какою суммою можно оные переделать соответственно с апробированным представлением. Потом, как скоро... назначена будет потребная на сие сумма, тотчас везде начать можно школьные строения под надзиранием искусных архитекторов.

ГЛАВА III. О ПРИНИМАНИИ ДЕТЕЙ И О ПОПЕЧЕНИИ, С КОТОРЫМ ОНИ БУДУТ ВОСПИТЫВАЕМЫ И СОДЕРЖАНЫ

1. Все в сии училища принятые ученики во все время их в оных пребывания будут на государевом коште обучаемы и содержаны.

2. Желающие в оные быть приняты должны быть вольные люди, и по малой мере показать от господ своих отпускную, при просьбе же о принятии их надлежит приобщить свидетельство, когда они крещены, из которого бы можно было усмотреть, что они надлежащих лет, и аттестат от доктора или лекаря с засвидетельствованием, что они не безобразное имеют тело, здоровое сложение и не заражены никакою прилипчивою или неисцелимою болезнию, ниже в уме не помешаны. Ежели же таковая болезнь, чрезвычайно тупой разум или злой нрав, в котором-либо из сих младенцев в два первых месяца по принятии окажутся, то их назад отдать родителям их или родственникам.

3. Родители, желающие отдать детей своих в сии училища, должны подать такое же письменное объявление, как в воспитательном училище Академии художеств, что они сие делают от собственного произволения. Они тотчас должны себя и детей своих совершенно подвергнуть узаконениям и учреждению сих школ и назад их ни под каким уже видом к себе не требовать; без ведома школьных начальников не присылать к ним ни денег, ни сластей, ни иных каких подарков, не иметь с ними никакой тайной переписки, ниже переговоров через посланных служителей, и самим не инако видеть детей своих и обращаться с ними, как по предписанным школьным узаконениям.

4. Дворяне, которые приведут детей своих для принятия в сии школы, должны равномерно повиноваться общим учреждениям, как и простые люди, и при принятии письменное подать от себя и от детей своих объявление в рассуждении служения, пищи, одеяния и всех прочих потребностей, что они никакого не желают во всем том преимущества пред другими, понеже во всем оном между малыми детьми должно наблюдать совершенное равенство для избежания всякого высокомерия, зависти и других истекающих из сего пороков.

5. Полное число учеников каждой школы во всех трех классах должно состоять из девяноста человек, следовательно, для первого

приема в нижний класс не больше тридцати надобно... не надлежит ли число учеников каждой школы умножить до ста двадцати, понеже потребный экономический штат для каждой школы и на жалованье учителям составляет большую часть издержки; при умножении же числа учеников надобна только маленькая прибавка для их содержания.

6. Как скоро по наблюдении всех вышеупомянутых порядков младенец принят будет в школу, то его, по примеру воспитательного училища Академии художеств, инспектор отдаст в руки надзирательниц с надлежащим бельем, одеждою и прочими потребностями, а приведшим его родителям или и чужим отдастся назад одеяние и все то, что бы младенец ни принес с собою.

7. ...Надзирательницы и надзиратели нижнего класса должны особливое прилагать старание приучать своих питомцев больше к чистоте, нежели к неге. С самого их младенчества вперять им надлежит любление порядка и ненависть к праздности, приучать их не проспать лишнего часа и без принуждения любить упражнение. Все дурные примеры лишней свирепости и жестокости должны быть всемерно удалены от глаз сих младенцев. Напротив того, весьма стараться смягчить их нрав и дать им знать пользу, происходящую от скромности, от исправности и от послушания.

8. О пище и питии учеников. Каждое утро для завтрака давать им по мягкой булке еще в их комнате, прежде нежели они пойдут в школу. К чаю не надлежит их приучать, чтобы не привесть в слабость желудка; а кто имеет жажду, пусть выпьет стакан холодной воды. Обедать им всем вместе в присутствии надзирательниц и надзирателей или учителей, за обедом подавать им три блюда, а за ужином два, в воскресные же и праздничные дни по одному блюду больше. Кушанье должно состоять половина из мяса, а в постные дни из рыбы, другая же половина из зелени, молока, муки и круп. Мясных супов не должно варить очень крепких, оные же надлежит часто переменять супами молочными и из круп. Никогда не должно быть кушанье без огородных плодов. Жаркое подавать дважды в неделю, а именно: в воскресенье и в четверг. Хлебенного иного употреблять не дозволяется, как то, которое хорошо выквасилось и взошло. Между обедом и ужином никаких сластей употреблять не дозволяется, и крепко того надлежит наблюдать, чтобы ученики летом не вредили своего здоровья незрелыми плодами. За столом пить легкое полпиво и квас. Еще же в поварне при варении кушанья того наблюдать, чтобы посуда была употребляема не медная, но железная для избежания вреда здоровью.

Спор о народном просвещении в Законодательной Комиссии[14]

2 мая депутат от пахотных крестьян Нижегородской губ. И. Жеребцов высказал мнение, между прочим, по следующему вопросу: «По силе данного нам большого наказа нашей попечительницы... и для того

предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных и из тех книг, кои законодательство содержат. И того ради высокопочтенному собранию представляю на ваше полезнейшее рассуждение, чтобы из служилых людей учинить детские школьные учения, отчего может воспоследовать общественная великая польза по такой причине, понеже те ученые люди для государственных надобностей, так и вотчинному правлению могут быть завсегда способны. А для содержания того учения подлежит учредить в знатных селениях, чтобы при тех селах для пропитания их новых студентов и торги могли быть; а ежеле те служилые люди имеют селения свои малыми людьми, то для правления того учения приложить к ним государственных крестьян, дабы каждое правление было тысячи по три или по четыре мужеска пола душ; а жалованья тем как учителям их и ученикам, также и на книги — как соблаговолит наша попечительница и благопочтенное собрание гг. депутатов».

5 мая депутат Степан Любавцев в своем пространном возражении на мнение Жеребцова заявил: «...требует он, г. Жеребцов, чтоб учредить для обучения их малолетних детей школы. Оное весьма излишне: земледельцу то и школа, чтоб обучать детей с малолетства хлебопашеству и прочим домовым работам. А ежели они с малолетства будут употребляться в науки, то уже к земледелию и прочей работе склонить будет никак невозможно. Да и в самом деле это есть по г. Пензе: содержащих ландмилицию пахотных солдат, положенных в подушный оклад, около трех тысяч душ, из которых и без школ многие обучались грамоте и писать и происками произошли, хотя и в противность указу, в секретари, в регистраторы и в прочие приказные служители многие, а прочих множественное число извыкли, ездя по уездам, содержать себя тем и с домом. Ныне же, как то указами запрещено, так от таковых, находящихся в праздности, всему обществу никакой пользы, кроме вреда, быть не уповательно, ибо не имеют они к земледелию и к работе прилежности, вдаются во многие непотребности: в обман, в мотовство, леность и воровство, а данные им земли многие остаются без хлебопашества и лежат впусте».

13 мая депутат Пензенской провинции от пахотных солдат и старых служб Егор Селиванов, возражая Любавцеву, говорил: «Что же он, г. депутат Любавцев, предлагает о неимении для обитающих в Российской империи содержащих ландмилицию людей училищ и будто совсем оные до них не принадлежат, то его, г. депутата Любавцева, мнение мне кажется вышедшим из правил данного Комиссии большого наказа ниже изъясненных отделений, а особливо двух первых, в коих сказано: закон христианский изучает нас взаимно делать друг другу добро сколь возможно; полагая сие законом веры предписанное правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иного, кроме сего, сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет видеть все отечество свое на самой высшей степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия,— из коих первое и

третье и последующие депутат Любавцев хотя и описывает, но совершенно разуму сих великих правил последовать не мог. Когда не просвещены будут народы, возможно ли что из него сделать отечеству полезное; а чем больше просвещение входит, как не чрез науки? Отчего может последовать слава, как не от просвещения? А просвещение через что может вкорениться, как не через учреждение училищ? И сам он гораздо не безызвестен, из каких чинов по большей части купечество возымело свое умножение, как не из одних хлебопашцев, да не только из служилых государственных людей. Но совсем тем и знатное российское купечество просвещение возымело не чрез науки ли? Но я, сие оставя подробно еспликовать (изъяснять.— *И. С.*), а имею честь представить то, что может ли кто сказать, чтоб от происшедших в науку из разночинцев, словом, хотя и из хлебопашцев, могло быть в земледелии уменьшение? Несправедливо потому, ибо он, имеющий просвещение, может распространить оное, нежели десять неученых, например, как едино кормило действует самым большим судном. О хлебопашестве ему, г. депутату Любавцеву, описывать, по нетвердому об оном знанию, большой причины не предвидится. Земледелие же уменьшается не оттого, как он, г. депутат, представляет, но от разных к тому препятствующих случаев.

В том же своем возражении реченный г. депутат Любавцев, между прочим, изъясняет, что и без школ по г. Пензе из вышеписанных содержащих ландмилицию многие научились грамоте и писать, а потом будто происками своими в секретари, регистраторы и прочие приказные служители, в противность указов и законов, произошли. Итак, из сего и предвидится доказанная им, г. депутатом Любавцевым, самих оных содержащих ландмилицию к науке охота и ревность к службе государевой. К тому же он, г. депутат Любавцев, прибавил и то, что будто обучившиеся, по непривычке к хлебопашеству, вдаются во многие непотребности. Оное кажется, по мнению моему, не сродно, а почему? — чем больше человек обучен страха божия, тем больше имеет бережливость от противных ему предприятиев, да и премудрая наша монархиня в изданном об учреждении штатов в манифесте из разночинцев и признатных науках быть своею властью позволила, а при нынешнем законодательстве и особливую комиссию о науках учредить благоволила».

15 мая И. Жеребцов возражает Любавцеву: «На поданное возражение г. депутата Любавцева нижеследующее представить имею... Чтоб учредить для обучения детей школы, сие почитает за излишнее и говорит, что земледельцу то и школа, чтоб поучать детей с малолетства хлебопашеству. Сим выражением не допускает нас до матернего милосердия, которое блаженство нашего попечительница, повелевая 158 отделением Большого наказа учить в школах детей то по церковным книгам, то по гражданским законам, на всех верноподданных рабов своих обильно изливает. Я не требовал заведений в рассуждении живых и прочих иностранных языков, а об сциенциях[15] и думать не имел намерения. Но, во-первых, катехизис есть такая наука, без коей познания человеку скотом быть можно. Ибо из того

произойдет, что зараженные расколом и прочих никакого о себе и своем законе понятия не имеющих в оный легко ввергнуть могут. Следовательно, познание превыспреннего существа, свято почитаемых законов, наконец, самого себя в сердце всякого из смертных внушить и впечатлеть надлежит. А сего преизящного и неоцененного дара благоденствия любезного отечества, глас усердный граждан и польза всякого просветить себя хотящего требуют. Следовательно, познанием... пунктов, учением же приобретенных, не отвратится человек от земледелия, но помня сие правило: кто он и для чего создан, с большей ревностью к оному старание, труды и попечение приложит. Чтоб дозволить иметь при училищах торги для пропитания учащихся, то сим купечеству никакого ущерба быть не может...»

16 мая депутат от дворянства Александр Строганов, похваляя мнение г. депутата от пахотных солдат И. Жеребцова, говорил: «Мнение г. депутата Жеребцова о заведении школ для пахотных солдат есть столь справедливо, что не могу преминуть воздать оному г. депутату достойной похвалы. Я притом за долг себе почитаю оное представление распространить и до самых хлебопашцев. Действительно, почтенное собрание, заведение училищ и для сей столь полезной части общества за необходимое почитаю; ибо едино просвещение человека от скота различает; едино просвещение показывает нам долг к богу, государю и к обществу. На что нам далеко искать примеров, до каких бедств доводит нас невежество? Без ужаса представить себе не могу плачевное позорище умерщвленных своими собственными крестьянами помещиков... Я уверен, почтенное собрание, что если бы просвещеннее сей род людей был, то, конечно бы, подобных свирепств мы свидетелями не были. Итак, вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны. И когда оные из тьмы невежества выйдут, тогда и достойными себя сделают пользоваться собственностью и вольностью».

28 мая мнение Строганова поддержал и депутат дворянства П. Орлов: «...Без сомнения, почтеннейшие господа, уповаю, что, слышав оные г. депутата изъяснения, которым признавал он полезностью завесть для всех хлебопашцев училища и тем просветить их познанием, отвесть от дикого их невежества, производящего ужасные роду человеческому следствия, о каких он, г. депутат, изъяснял, нашли в нем истинную справедливость, сущую откровенность и чистосердечные патриотические мысли, и потому, вероятно, чаю, что многие благородные, честные сердца не оставили уже возблагодарить ему по благопристойности.

Самая истина то есть, что познание вещей и обращения время просвещает человека и сие то просвещенное познание сообщает мыслям рассудки, коими может он дойти до разобрания доброго от худого, когда же такое различие он постигнет, то в то же самое время будет находить плоды и возмездие обеих сих систем... И так, кажется, что просвещенное познание всего нужнее для одушевленной твари, которая есть человек; но сие познание очень редко бывает соединено с природою, следовательно, получается оно от настав-

ления, что преподается не инде, как в училищах. Позвольте только мне представить в слабый пример худой мой собственный опыт. Я в моем селении, которое состоит в том уезде, коего от дворянства я выбран депутатом, имею самую нижнюю школу, где обучаются российской грамоте и письму крепостные мои, селянские дети, в такие лета, в кои не могут обрабатывать землю и, следовательно, хлебопашеству еще не нужны. Два или три отрока из обучившихся показывают уже мне, сколько они отменны от состарившихся в невежестве: они уже говорят лучше и читают письма... они читают дома семейству своему священные книги; они уже не только помышляют о предприятиях к своему содержанию, которым не были бы тягостью своему семейству, а при всем том, сколько возраст (15 или 16 лет) обучившихся позволяет, в хлебопашестве упражняются так, как и неграмотные. Одним словом, они уже заслуживают, что можно им приказать, поверить и надеяться. Вот, почтеннейшее собрание, сей-то самый последний опыт послужил мне в согласный пример, которым я побужден отдать справедливость изъяснению г. депутата гр. Строганова и быть с ним в том согласным».

2 июня депутат от дворянства М. Глазов подал следующее возражение на мнение депутата Орлова о заведении училищ для обучения хлебопашенных крестьянских детей грамоте: «Представляет он, г. депутат, что от 16-ти лет и ниже обучать грамоте, что и признавать изволит за полезное. А по мнению моему, оного учинить за немалым отягощением народу невозможно, да и е. и. в. изволит во отделении 350-м: «Невозможно дать общего воспитания многочисленному народу, и для того установить несколько общих правил вместо совета родителям», а в 356-м: «Кои принадлежат к доброму воспитанию, которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными обществу». Когда о малочисленном народе соизволила указать так, кольми паче многочисленному народу хлебопашенных людей сделать оного невозможно. Держась я сего правила, представляю следующее: ниже 16-ти лет во многих крестьянских дворах у отцов по 3, по 4 и по 5 сынов имеется, а по смерти их остаются два из оных нужных работников: 15 лет, другой 12 или 13 лет,— оные принуждены пахать и обрабатывать землю свою в две сохи, питают женский пол и меньших своих братьев, платят государственные всякие подати.

Взять оных всех в училище — должно сложить с них государственные поборы: убытку воспоследовать может миллион или более, земля та, которую они работали, будет пуста, дом того крестьянина совсем должен разориться, женский пол того дому кто кормить и питать станет? А должно при всякой церкви быть училищу; учить, первое, людей церковному чину, что самый нужный член православной нашей веры, в сходственность обучать купецких детей, також и отставных унтер-офицерских и солдатских детей; владельцам же, ежели пожелают, отдавать обучать praздношатающихся, коих содержать должны на своем коште, без принуждения...»

Проекты о нижних училищах деревенских и городских. Об училищах для иноверцев[16]

(в сокращении)

ИЗ «ПРОЕКТА О НИЖНИХ УЧИЛИЩАХ»

О НИЖНИХ ДЕРЕВЕНСКИХ УЧИЛИЩАХ

Глава I. О построении и учреждении школьных домов

1. В каждом селе должна быть построена школа в середине селения; ежели же в каком приходе случатся большие деревни в таком от села расстоянии, что дети с немалым затруднением в селе учиться будут принуждены, тогда... назначивают места для построения школ и в больших деревнях.

2. Школьные дома с принадлежностями должны быть такой величины, чтобы в них 30 человек детей без тесноты и помешательства в одно время учиться могли, и сие строение особливому распоряжению попечителей поручается.

3. Каждая деревенская школа должна быть построена по числу приходских жителей, простирающемуся от 100 до 250 семей, одна, а где в больших селах число прихожан простирается до 500 семей и больше, там должны построены быть две школы, однако же в селе хотя бы было жителей и меньше 100 семей, школа построена быть должна, исключая только такие погосты, при коих, кроме попа и церковников, никаких жителей нет, и в таковых приходах губернатор с епархиальным архиереем назначивают место для построения школы в деревне по способности.

4. При которых погостах, кроме священника с церковниками, жителей не будет, да и в целом будут деревни малые, в таких местах, где назначены будут школы, строить сии дома такой величины, чтобы 30 человек детей в них учиться и жить могли...

5. Построение сих домов полагается из общего иждивения приходских жителей, располагая оное по состоянию каждого, почему должны попечители с священником собрать всех прихожан и всем обществом по большинству голосов разделить жителей на три степени:

В первую — достаточных, во вторую — посредственных, а в третью — скудных, и по разделении священник сочиняет постепенный список, который, всеми прихожанами освидетельствовав и подписавши своею рукою, отдает попечителям, а они по расчислению собирают с посредственных против скудных вдвое, а с достаточных втрое.

По сему расписанию вдовые, холостые и бездетные, имеющие свое хозяйство, равно и сами попечители, с семей своих платить должны постепенно...

Глава II. Об избрании в каждом приходе попечителей и их должности

1. Для наблюдения порядка, предписанного в сем уставе, как при самом учреждении школ, так и навсегда, так же и для избежания могущих случиться неустройств должно в каждом приходе погодно выбирать попечителей следующим порядком.

2. В декабре месяце, перед праздником Рождества Христова, из всего прихода жителей начальствующие в домах своих по повестке от священника должны собираться в церковь, где по окончании службы священник прочитывает им сей устав, а они под предводительством его по совести своей избирают из собратий своих достойных людей 12 человек по большинству голосов и поручают на следующий год попечительство.

3. Избранные от должности отрекаться не могут, а разве народным согласием будут от того уволены.

4. При построении школы имеют они в своем ведении приходы и расходы и записывают оные в шнуровые книги, подписанные священником по листам, и в расходе на строение оных дают отчет прихожанам.

5. Если где избранные 12 человек будут все безграмотные, таковым для записки прихода и расхода определяет священник из церковнослужителей одного.

6. Они же собирают с жителей сумму на плату учителям, надзирателю и кому надлежать будет...

Глава III. Об учении и времени, когда детям входить в школы

1. Поселяне обязаны детей своих мужского пола отдавать в школы от 8-ми лет возраста их до 12-ти. Если же кто пожелает детей своих и 7-ми лет отдать в школу, оным позволяется с тем, если от 8-летнего возраста будет в школе меньше 30 человек.

2. Дети приходить должны в школу на рассвете, а в вечеру распускаются, как темнеть начнет, а при свечах не учатся, кроме северных мест.

3. В школах обучаются до 13-ти лет, исключая таких, кои при учреждении школ войдут в училища, будучи 12-ти лет; оные должны быть в школе до выучки.

4. Дети женского пола всему тому обучаться могут, если пожелают их родители, а непринужденно, и которые отданы будут в школы, принимать и выпускать из школ в такой же возраст, как и мужского пола, и особливой за них платы не давать.

5. Соображаясь с чиносостоянием поселян и церковников, несущих должность учителей и имеющих пропитание от хлебопашества, не предвидится нужды продолжать учение чрез все годовое время, а начинать оное по окончании работ с сентября месяца и продолжать до мая месяца, когда работы полевые начнутся...

7. В котором приходе число людей по множеству разделено будет на три части, а учителя случатся вольные и пашни не имеющие,

то для соблюдения способных к учению лет обучать третью часть в летние месяцы...

9. В сих училищах учить детей по особливо сочиненной на то книге по порядку, и когда начнут уже читать сами, то один день в неделю должно учить их по книгам, содержащим законодательство.

10. Которые дети будут иметь отменное понятие, то по желанию родителей таковых обучать чтению рукописному по особливым азбукам, нарочно для сего написанным, дабы сим способом могли они приобыкнуть читать рукописи.

11. Кто из поселян пожелает детей своих учить писать, таковым позволяется с тем только, что за сие учение определенную сумму платить им от себя, а не из общей суммы.

О содержании книги, по которой во всех училищах дети обучаться должны

Книга, по которой земледельческие дети во приходских школах обучаться обязаны, должна содержать в себе такое только ученье, которое бы делало поселян сведущими в христианском законе, добродетельными и трудолюбивыми, следовательно, должны в ней содержаться следующие части: 1) российская азбука с складами церковной и гражданской печати, притом исчисление буквами и цифрами; 2) короткие утренние и вечерние молитвы и молитвы пред обедом; 3) катехизис с ясным, но кратким истолкованием десятословия и догматов веры; 4) христианские добродетели, состоящие в должности подданных к государю, в беспрекословном повиновении государственным указаниям, в почитании и послушании господ своих и других установленных властей и в должности к самому себе и ближнему.

Сия книга должна сочинена быть самым простым и без всякого истолкования вразумительным для поселян слогом, а для поселян же, кои греческого исповедания, а российского языка не знают, должно сии книги печатать на их природном языке.

Сочинение сей книги препоручается Правительствующему Синоду, который по своему рассмотрению прикажет ли кому точно сочинить оную или обнародует, положа автору, коего сочинение полезнейшим усмотрится, достойное награждение. По напечатании рассылает их по епархиальным архиереям, а они обязаны иметь попечение, чтобы во всех приходских школах недостатка в книгах не было. Цену за них определить как можно дешевле и не больше, как ту только, что каждая книга с переплетом стоить будет в казну.

Для обучения же чтению рукописному должно напечатать для каждой школы по нескольку экземпляров рукописных азбук и в них внести краткое нравоучение рукописными же буквами и простым слогом, а цену положить на них, как и за книги, ту только, что каждый экземпляр стоить будет в казне...

Глава V. О должности учителей

1. В большом приходе, где случится дьякон, оный обучает школу, а где нет дьякона, там учит дьячок... как дьякон и церковники, так и вольные учителя в способности должны быть свидетельствованы духовным правлением...

2. Каждый учитель назначает ученье по утру утреннею, при распущении же оканчивает молитвами перед обедом и вечерними, читая громко и внятно, дабы дети скорее затвердить их могли и попеременно при входе и выходе читали их сами.

3. По молитве начинает учить поурочно и наблюдает, чтобы каждый мог урок свой выучить и таким образом продолжать учение.

4. Учителя должны иметь список учащихся и в нем отмечать, кто учился или не учился, также о том, сколько кто выучил, подавать записки помесячно надзирателю.

5. Которые ученики столько научатся, что всякую книгу без нужды читать будут, о таких для выключки их из школ, также для исключения вовсе к учению не способных представляет надзирателю с попечителями, но о последних не прежде, как действительно полгода пробудут в школе.

6. Учителя обязаны не только в благочинии содержать учащихся, но и самим быть воздержанного жития, а особливо при детях непристойных слов отнюдь не говорить, брани, лжи, пьянства и тому подобных пороков убегать, словом, такую должны вести жизнь, которая бы заслуживала от учеников к ним почтение и любовь.

7. Леность учащихся и другие непорядки, могущие испортить нравы, наказывает по рассуждению своему, не употребляя отнюдь телесного наказания, и без всякого изобличения, так чтобы наказующийся больше всего боялся стыда...

8. Учителям под наказанием запрещается на нравоучения и догматы веры, находящиеся в учебной книге, особливые делать учащимся толки и прибавлять что-нибудь от себя к тому...

9. В которой школе будут в одно время учиться дети обоего пола, учитель должен мальчиков учить за одним столом, наблюдая, чтобы ни малейшей неблагопристойности между ними не было.

Холостым учителям, если пожелают, жить в школах позволяется, а в которой никто из оных жить не будет, в такую определять по одному человеку из требующих призрения.

Глава VI. О должности прихожан

...2. Начальствующие своими домами, когда кончится строение школьных домов, согласясь между собою и доложась священнику, собираются в церковь или школу и там свидетельствуют по шнуровым книгам приходы и расходы, употребленные на строение сих домов, и, нашед не дельные расходы, взыскивает напрасно издержанную сумму с попечителей.

3. Также собираются они по повестке в праздничные дни в школу и рассматривают принесенные им жалобы на попечителей и на учителей, также и на обывателей и делают обиженным удовольствие, и их определению все жители беспрекословно повиноваться должны, ежели же ослушные будут и их повелениям, о том сообщают начальнику всего стана...

Глава VII. О сборе на содержание школ и на плату учителям и надзирателю

...учителям ...чтобы в столь полезном для общества деле трудились с большею ревностью, определить следующее награждение...

2. Как в каждой школе в одно время учиться будет не больше 30 человек, то, сколько бы где ни было, учителю одинаковую определить должно плату, а именно в год три четверти ржи и за каждый месяц по полтине денег, следовательно, учителю, имеющему пашню, за 8 месяцев 4 руб.

3. Где же за недостатком церковников будут учителя вольные, беспашенные, оным в год давать три же четверти ржи и 6 руб., если будут учить в летние месяцы...

6. Здесь не предписывается, что должно с семьи каждой степени платить, потому что приходы не могут быть одинакового достатка и числа семей повсюду, и для того сие оставляется распоряжению попечительскому...

8. Положенную здесь денежную сумму сбирать по общему согласию жителей деньгами или хлебом на то число по настоящим ценам; попечители равно с прочими поселянами платят с семей своих постепенно...

10. Желающие детей своих выучить писать платят за выуку учителю за каждого по 20 коп. и рукописные азбуки покупают из собственного своего имения...

НИЖНИЕ ГОРОДСКИЕ УЧИЛИЩА

Сии училища учреждаются для среднего рода людей, живущих в городах, на следующем положении.

Глава I. О построении школ

1. По числу граждан среднего рода, простирающемуся до ста семей, должна быть построена школа прихода или при церкви такой величины, чтобы дети означенного числа семей обоего пола без утеснения в ней учиться могли...

4. Построение школ должно быть из общего капитала среднего рода людей всего города...

Глава II. О сборе на построение и содержание школ и о попечителях

1. Все среднего рода граждане, старшие в семьях, должны в назначенный день от магистрата собраться, куда повещено будет, и по числу семей своих определяют, сколько школ в их приходе построить должно, также что каждая школа особо и все вообще построением стоить будут.

2. Потом располагают сбор для построения школ на всех сего города граждан, соображаясь с достатками каждой семьи.

Примечание. Здесь не предписывается, что каждая семья заплатить должна на построение сих домов, а всему обществу оставляется сделать сие посемейное расположение.

3. Потом выбирают четырех человек попечителей или, где нужно будет, число их и умножить по рассмотрению общества с магистратом, достойных и к тому способных людей по большинству голосов, и, дав им подписанной магистратом посемейный список, поручают собрать по нему на построение школ расположенную обществом сумму; иметь оную в своем смотрении и употреблять, куда надлежать будет; под их же смотрением и училищные дома должны быть построены.

4. Для записки прихода и расходов, употребленных на построение школы, даются им от магистрата шнуровые книги.

5. По таковому же всем обществом посемейному расположению собирают попечители и на содержание школ сумму ежегодно.

N *B*. Чрез сие разумеется, что ежели достатки у многих семей переменяются, что легко случиться может, то в таком случае должно общество вновь сделать расположение посемейно, когда сия необходимость того будет требовать...

Глава III. Об учении

1. Детей мещанских обоего пола отдавать в школы от семи лет их возраста, если же при учреждении училищ найтись могут и семнадцатилетние безграмотные, то и таких в школы отдавать, а женского пола, если случатся двенадцатилетние безграмотные, таковых отдавать же в школу, а кто детей своих обоего пола, кои и старее сих лет будут, в школы отдавать пожелает, оное позволяется.

2. В сих училищах дети мужского полу обучаются читать и писать, а женского обучаются одному чтению, а писать учиться могут, ежели родители их пожелают.

3. Мещанские дети учатся читать по особливо сочиненной книге, которой содержание изъяснено в деревенских училищах, также и по книгам, содержащим законодательство, а писать обучаются по азбукам, напечатанным рукописными буквами.

Примечание. Дворянам отдается на волю обучать своих детей в нижних училищах, городских или деревенских, где пожелают,

и ежели которые детей своих в оные школы для учения отдать похотят, те должны иметь участие в содержании оных школ равно противу среднего рода людей по достатку своего имения.

Глава IV. О должности священника-надзирателя

1. В каждом приходе, где будет построена школа, старший священник имеет над оною надзирание и посещает оную каждый день.

2. Если за множеством обоего пола детей в одно время учить их не можно, надзиратель, расписав их по возрастам, сочиняет список и старшим велит ходить в школу, а последних возрастов вводить на места обучавшихся или на места тех, кои по свидетельству окажутся вовсе к учению не способными, также и на места находящихся в долговременной болезни, наблюдая притом, чтобы каждого возраста способные к учению леты упущены не были.

3. В сем списке отмечает время вступивших в школы, вышедших из оных, успехи в учении каждого.

4. Определяет один день в неделю для повторения выученного в другие дни, при чем должен присутствовать сам.

5. Потребные для учения книги, соображаясь с числом учеников, требует от консистории епархиального архиерея, а деньги по определенной цене получает от учеников, получивших оные, и отдает их в духовное правление.

6. Детей, обучившихся порядочно читать, а мужского пола и писать, выключает из школ, а на их места вводит старших по списку из следующего возраста.

7. Которые дети из школ прежде времени уйдут или иной день и не придут, также и другие всякие погрешности детские наказывают по своему рассуждению, не употребляя наказания телесного, кроме крайней необходимости, и то самое легкое...

Глава V. Об учителях

1. Учителем может быть в сих училищах диакон или один из церковнослужителей того прихода, могущий обучать порядочно читать и писать, также в котором приходе два священника, то младший священник может обучать, ежели пожелает.

2. За неимением из церковников может учить в такой школе и вольный человек, если согласится взять определенное здесь годовое вознаграждение.

3. Учителя в способности должны быть свидетельствованы в духовном правлении и брать оттуда письменные аттестаты.

4. Учение начинать по утру утреннею молитвою, а оканчивать молитвою перед обедом, а в вечеру вечернею.

5. Потом давать учащимся уроки и наблюдать, чтобы всякий мог определенное ему выучить.

6. Детей мужского пола обучает за одним столом, а женского пола за другим и не допускает ни до каких шалостей, также и сами

должны быть порядочного жития и воздерживаться от всяких неблагоприятностей...

7. Учителя имеют учащимся списки и в них отмечают учение каждого и подают надзирателю о учащихся месячные записки.

8. Ежели при которой приходской школе учитель окажется за какими-либо пороками к учению детей не способным, такового отрешать, а на его место определить способного; в случаях приключившейся учителю болезни определять до выздоровления его другого из церковников, или учитель, не хотя лишиться определенного ему награждения, представит способного учителя от себя, коему уже за учение сам платит по договору.

Глава VI. О награждении

1. Священнику-надзирателю за его труды в год 6 руб., учителю, учащему читать и писать, в год 15 руб., где же хлеб дороже, там по 12 руб., да по три четверти хлеба...

Глава VII. О школе арифметической

1. В тех городах, где не будут учреждены училища верховные и среднего рода, должна быть одна для обучения арифметике.

2. Учителей определять в сии училища таких, кои могут обучать полной арифметике, если же при первом случае на все места таких учителей сыскать будет невозможно, то, по крайней мере, таких, которые бы могли обучать первым основаниям арифметики.

3. Сих учителей если магистраты не могут найти в своем городе, то должны требовать от губернаторов, однако как одни, так и другие должны в знании сей науки быть искусными людьми свидетельствованы.

4. Построение для сего училища дома должно быть из общего капитала всего гражданства среднего рода, и притом такой величины, чтобы дети, назначенные в сию школу, могли учиться без тесноты и помешательства.

5. Сбор на построение сего дома, на содержание и на плату учителю поручить тем же четырем попечителям, коим поручено построение и годовое содержание всех школ приходских и на таком же основании.

6. Учителю, обучающему полной арифметике, в год награждения 80 руб.

Учителю, обучающему первым основаниям арифметики, 40 руб. ...

ИЗ «ПРОЕКТА УЧИЛИЩ ДЛЯ ИНОВЕРЦЕВ»

Разные иноверческие народы должно, сколько возможно, снабдить наставлениями к воспитанию детей их, для просвещения нравов, но как по частым переселениям некоторых из них с единого места на другое нельзя учредить повсюду училищ, то учредить оные только у некочующих.

Училищные дома должны построены быть иждивением народным, а места, где сии дома строить, отводить должны их начальники, однако где места назначены будут, о том давать знать губернаторам, чрез ближайшее от жилищ их правительство.

Книга, по которой дети иноверческих народов учиться будут, должна содержать в себе правила из всеобщего естественного права, не касаясь ни общих, ни особых каждого народа исповеданий...

Расположив сие в самых ясных, но кратких правилах и переведя на разные их языки, напечатать несколько тысяч экземпляров на собственном каждого народа языке, которые имеют свои письмена, а не имеющим оных напечатать российскими буквами и разослать сии книги в те губернии, в которых сии народы имеют жительство. А губернаторы раздают сии книги духовным и светским сих народов начальникам.

Сочинение сей книги поручается Правительствующему Синоду.

Учителя у сих народов должны быть их единоверцы, а для которых иноверцов будут книги напечатаны за неимением собственной грамоты российскими буквами, то для заведения у них своего рода учителей должно из каждого места, где школы назначены будут, по нескольку мальчиков из духовенства их или из светских отдать в русские городские и деревенские школы для обучения грамоте.

Для учения детей иноверческих народов в русских училищах должно несколько экземпляров сих книг напечатать с российским переводом и по сим книгам их обучать, почему бы потом могли читать содержание сей книги и на собственном своем языке и по ней учить своих единоверцев...

Иноверцы, живущие в городах и приобщенные к среднему роду людей, могут детей своих, равно как русские, отдавать в арифметическую школу и платить за учение так, как изъяснено в VII главе «Проекта нижних городских училищ».

Примечание. Заведение сих училищ зависит от произволения сих народов; иноверцы же, не желающие детям своим сделать просвещение, имеют в том свою волю, и начальствующие над ними не должны им в том делать принуждение.

Из Указа «Об учреждении Комиссии для заведения в России народных училищ»[17]

По намерению нашему учредить в империи нашей народные школы указали... собрать и перевести потребные к тому книги и, сверх того, для удобнейшего изъяснения призвали... одного из трудившихся в устроении таковых народных школ... Федора Янковича, знающего язык российский и наш православный закон исповедающего. Соизволяя, чтобы сие полезное и необходимо нужное заведение по всей империи нашей в наилучшем порядке и в совершенном единообразии учинено было... учредить особую Комиссию под собственным нашим ведением и вследствие того повелеваем:

1. Книги, переведенные и кои будут еще переведены в пользу

сих школ, рассмотреть, и все, что в них потребует исправления для соглашения с законом нашим и православным и с состоянием гражданским нашей империи, распорядить, представя нам прежде издания оных в печать, какие перемены и для чего сделаны...

3. От директора Янковича план его о школах, и все представления и изъяснения принимая, иметь по оным надлежащее рассуждение и, что положено будет, представлять нам на утверждение.

4. Заведение народных школ начинать со здешней губернии, и именно с той самой, которая в первой части города на иждивении нашем учреждена, перепоруча помянутому директору Янковичу... ее устроить...

Федор Иванович Янкович де Мириево (1741—1814)

Один из организаторов народного просвещения в России, талантливый педагог. Серб по национальности, хорошо знавший русский язык, в 1782 г. был приглашен из Австрии для работы в «Комиссии об учреждении народных училищ». Совместно с профессорами Московского университета, учеными Академии наук Ф. И. Янкович разработал содержание, организацию, методы и форму обучения, подготовки учителей для народных училищ, которые создавались в России в соответствии с Уставом 1786 г.

Помимо работы в Комиссии Ф. И. Янкович с 1783 г. занимал должность директора открытого по его инициативе Петербургского главного народного училища, сочетая административную работу с учебной и научно-педагогической. С 1786 г. руководил созданием в Петербурге учительской семинарии, подготовившей за 18 лет своего существования около 400 учителей для народных училищ. При создании Министерства народного просвещения был членом Главного управления училищ Российской империи. В этот же период и самостоятельно, и совместно с русскими учеными-педагогами он разработал всю документацию по народным училищам, написал учебники и руководства для народных учителей. Им написаны «План к установ-

лению народных училищ», который был положен в основу «Устава народным училищам в Российской империи», «Правила для учащихся в народных училищах» (1782), «Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи» (совместно с русскими учеными, 1783), «Букварь» (1782), «Прописи и для них руководство по чистописанию» (1782), «Руководство к арифметике» (1783—1784), учебник «...Всемирная история, изданная для народных училищ Российской империи» (совместно с И. Ф. Яковкиным, ч. 1—3, 1787—1793) и др. Ф. И. Янкович переиздал, значительно дополнив, «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» (словарь был составлен П. С. Палласом), перевел и издал знаменитую учебную книгу Я. А. Коменского «Мир чувственных вещей в картинках».

Последователь Я. А. Коменского, Ф. И. Янкович стремился ввести в народные училища идеи педагогов-гуманистов, направленные на использование классно-урочной системы обучения, применение наглядности, развитие у детей любознательности, любви к книге, учению. Он предъявлял высокие требования к учителю.

Однако не следует переоценивать деятельность Ф. И. Янковича в России. Советские исследователи доказали, что в осуществлении реформы в области народного просвещения, разработке учебных пособий для учащихся и учителей важную роль сыграли отечественные ученые академии, университета. Многие документы, пособия создавались Ф. И. Янковичем при активном участии русских профессоров, работавших в Петербургском главном народном училище.

Из «Устава народным училищам в Российской империи»[18]

Воспитание юношества было у всех просвещенных народов толико уважаемо, что почитали оное единым средством утвердить благо общества гражданского; да сие и неоспоримо, ибо предметы воспитания, заключающие в себе чистое и разумное понятие о творце и его святом законе и основательные правила непоколебимой верности к государю и истинной любви к отечеству и своим согражданам, суть главные подпоры общего государственного благосостояния. Воспитание, просвещая разум человека различными другими познаниями, украшает его душу; склоняя же волю к деланию добра, руководствует в жизни добродетельной и наполняет, наконец, человека такими понятиями, которые ему в общежитии необходимо нужны. Из сего следует, что семена таковых нужных и полезных знаний сеять еще должно с малолетства в сердцах отроческих, дабы они в юношеских летах возрастали, а в мужских, созревши, обществу плод приносили. Но как плоды сии не иначе размножить можно, как распространением самого наставления, то для сего и учреждаются ныне такие заведения, где на основании общих предписаний преподавать будет оное

юношеству на языке природном. Таковые заведения существовать должны во всех губерниях и наместничествах Российской империи, под именем народных училищ, кои разделяются на главные и на малые.

ГЛАВА I. О ГЛАВНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩАХ

I. О КЛАССАХ ГЛАВНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

§ 1. В каждом губернском городе быть одному главному народному училищу, состоящему из 4 разрядов, или классов, в коих обучать юношество следующим учебным предметам и наукам на языке природном, а именно:

§ 2. В I классе обучать чтению, письму, первоначальным основаниям христианского закона и добронравию. Начиная с познания букв, обучать складывать и потом читать букварь, правила для учащихся, сокращенный катехизис и священную историю. Обучающихся таким образом чтению заставлять при наступлении второй половины первого года писать с прописей, выговаривать и писать цифры, церковные и римские числа, и притом обучать их первоначальным правилам грамматики, содержащимся в таблице о познании букв, которая находится в книге под заглавием «Руководство учителям I и II классов».

§ 3. Книги, по которым надлежит учить юношество вышесказанным сего класса предметам, суть следующие... 1. Таблица азбучная. 2. Таблица для складов. 3. Российский букварь. 4. Правила для учащихся. 5. Сокращенный катехизис. 6. Священная история. 7. Прописи и 8. Руководство к чистописанию.

§ 4. Во II классе, или разряде, наблюдая те же предметы христианского закона и добронравия, начинать читать пространный катехизис без доказательств из Священного писания, Книгу о должностях человека и гражданина и первую часть арифметики; повторять священную историю, продолжать чистописание и учение грамматических правил, содержащихся в таблицах о правильном разделении складов, о чтении и о правописании, находящихся в вышеупомянутом «Руководстве учителям I и II классов». В сем разряде начинать также обучать юношество и рисованию.

§ 5. Книги, по которым учить в сем классе юношество, суть следующие... 1. Пространный катехизис. 2. Священная история. 3. Книга о должностях человека и гражданина. 4. Руководство к чистописанию. 5. Прописи и 6. Первая часть арифметики.

§ 6. В III классе следует продолжать рисовальное искусство, чтение изъяснений евангелий, повторение пространного катехизиса с доказательствами из Священного писания, учение второй части арифметики и первой части всеобщей истории, введение во всеобщую европейскую географию, а потом начинается землеописание Российского государства и российская грамматика с упражнениями в правописании.

§ 7. Книги, по которым учить в сем разряде, суть следующие... 1. Пространный катехизис. 2. Изъяснения евангелий. 3. Вторая часть

арифметики. 4. Истории всеобщей первая часть. 5. География всеобщая и Российского государства. 6. Общие чертежи земного шара, Европы, Азии, Африки, Америки и Российского государства. 7. Земной шар, или глобус, и 8. Российская грамматика.

§ 8. В IV разряде повторять российскую географию, продолжать рисование, историю всеобщую, российскую грамматику, упражняя притом юношество в письменных в общежитии употребительных сочинениях, как-то: в письмах, счетах, расписках и т. п. Преподавать российскую историю, географию всеобщую и математическую с задачами на глобусе; также основания геометрии, механики, физики, естественной истории и гражданской архитектуры, полагая из наук математических на первый год геометрию и архитектуру, а на второй механику и физику с продолжением архитектуры, при которой чертить и планы.

§ 9. Книги, по которым следует учить юношество в сем классе, суть следующие... 1. Грамматика российская. 2. География российская. 3. География всеобщая, в которой заключается введение к познанию математическому земного шара. 4. История российская. 5. Истории всеобщей вторая часть. 6. Общие чертежи земного шара, Европы, Азии, Африки, Америки и России. 7. Земной шар, или глобус. 8. Геометрия. 9. Архитектура. 10. Механика. 11. Физика и 12. Начертание естественной истории.

§ 10. Сверх сего, приуготовляются в каждом главном народном училище к должностям учительским желающие быть в малых училищах учителями. Тут обучаются они способу учебному, как в таком месте губернии, где они в знаниях своих испытуются, и потом с ведома приказа общественного призрения от директора свидетельства получают.

II. О ЯЗЫКАХ ИНОСТРАННЫХ ПРИ ГЛАВНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩАХ

§ 11. Во всех главных народных училищах, кроме правил языка российского, яко природного, должны еще преподаваться основания латинского для желающих учение свое продолжать в высших училищах, как-то: гимназиях или университетах; а сверх того, учение того иностранного языка, какой по соседству каждого наместничества, где главное училище находится, быть может полезнее по употреблению его в общежитии.

§ 12. Дабы изучение сих языков было основательно, надлежит преподавание оных начинать в первом разряде главного народного училища. Продолжение учения сего будет производимо в последующих классах постепенно по наставлению, здесь припечатанному для учителей иностранных языков под № 1.

§ 13. Книги, по которым учить сим языкам, суть следующие: 1. Букварь. 2. Зрелище вселенные[19]. 3. Грамматика того языка. 4. Прописи на иностранных языках и 5. Словарь.

III. ОБ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ В ГЛАВНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩАХ

§ 14. Пособия для учащих и учащихся в главном народном училище должны быть следующие, поколику не всякий иметь оные сам собою может:

§ 15. Книгохранилище, состоящее из разных иностранных и российских книг, а особливо касающихся до учебных предметов главного народного училища, и из чертежей, потребных к распространению географических знаний.

§ 16. Собрание естественных вещей изо всех трех царств природы, потребных к изъяснению и очевидному познанию естественной истории, особливо же всех домашних естественных тоя губернии произведений, в коей главное народное училище находится.

§ 17. Собрание геометрических тел, математических и физических орудий, чертежей и моделей, или образцов, для изъяснения архитектуры и механики.

IV. ЧИСЛО УЧИТЕЛЕЙ ГЛАВНОГО НАРОДНОГО УЧИЛИЩА И РАЗДЕЛЕНИЕ ЧАСОВ УЧЕБНЫХ

§ 18. В главном народном училище быть 6 учителям и обучать наукам по расположению предметов и часов, приложенному под № 2, а именно: учитель обучает в III разряде второй части арифметики, грамматике российской и латинскому языку и продолжает в IV российскую же граматику и латинский язык, где он преподает также геометрию, архитектуру, механику и физику, занимаясь 23 часа в неделю.

§ 19. Один учитель обучает всеобщей и российской истории, всеобщей и российской географии и естественной истории, занимаясь в III и IV классах 23 часа в неделю.

§ 20. Один учитель II класса обучает всего 29 часов в неделю предметам своего разряда, или класса, и изъяснению евангелий и пространному катехизису в III классе.

§ 21. Один учитель I класса обучает 27 часов в неделю предметам своего класса.

§ 22. Один учитель рисования обучает II, III и IV классы по 4 часа в неделю, то есть в среду и субботу после обеда по 2 часа.

§ 23. Один учитель языка иностранного обучает 18 часов в неделю.

ГЛАВА II. О МАЛЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩАХ

I. О КЛАССАХ МАЛЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

§ 24. Малые училища суть те учреждения, в коих обучается юношество на природном языке учебным предметам, преподаваемым в I и II классах главного народного училища, выключая учение иностранных языков, и с тою притом отменою, что во II классе малых сих училищ, по окончании первой части арифметики, пред-

приемлется и оканчивается вторая. Сии училища должны существовать как в губернских городах, где одного главного недовольно, так и в уездных городах и где еще по усмотрению приказа общественного призрения на первый случай быть могут надобны.

§ 25. Книги, по которым надлежит обучать юношество в сих училищах, суть вышепоказанные, изданные... для I и II классов главных народных училищ.

II. О ЧИСЛЕ УЧИТЕЛЕЙ МАЛЫХ УЧИЛИЩ И ЧАСАХ УЧЕБНЫХ

§ 26. В малых училищах быть двум учителям, одному в первом и одному во втором разряде, как и в главном народном училище; но если число учеников будет невелико, в таком случае и одного довольно. Рисованию обучает один из них же, который сие искусство разумеет; а иначе принимается и особливый. Число часов определяется им по расположению, у сего приложенному под № 3.

ГЛАВА III. О ДОЛЖНОСТЯХ УЧИТЕЛЬСКИХ

I. ОБЩИЕ ДОЛЖНОСТИ ВСЕХ УЧИТЕЛЕЙ

§ 27. Каждый учитель должен иметь книгу... в которую записывает учеников, в его разряд вступающих или из других разрядов к нему переводимых.

§ 28. Они должны всех в классы их приходящих учеников и учениц обучать, не требуя от них никакой платы за учение. При самом же обучении не должны они пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что они приуготовляют члена обществу.

29. Наблюдать им точно и в каждое время учебные часы...

§ 30. Во время учебных часов иметь им месячный список ученического прилежания пред собою, по образцу, в «Руководстве учителям I и II классов» находящемуся, и в оном отмечать отсутствующих, у которых на другой день спрашивать о причине небытия, и требовать, дабы они от родителей или родственников своих приносили свидетельства, что не были действительно за нуждою или за болезнию. В случае же частых отлучек наведываться точнее у родителей их или опекунов самим или чрез других, для чего дети их в училища не приходят, полученный же ответ записывать.

§ 31. При преподавании учения не вмешивать учителям ничего постороннего и до учебного предмета не касающегося, ниже что либо предпринимать, чем бы продолжение учения или внимание учеников могло остановиться.

§ 32. Стараться всеми силами, дабы ученики преподаваемые им предметы ясно и правильно понимали; чего ради можно им сказывать, а иногда и на доске написать нарочно с ошибками, чтобы чрез то узнать, понимают ли они исправно сказанное, примечают ли ошибки и умеют ли их поправить.

§ 33. Все учителя должны во всем сообразоваться предписанному способу преподавания и не употреблять иных книг, кроме в уставе сем назначенных. А как учителя I и II классов обязаны еще по изданному им руководству исполнять все предписанные в оном правила во всякой точности, так равномерно должны и все прочие ваших классов учителя поступать по оному же; что касается до сохранения общего школьного порядка и должностей учительских, то есть наблюдать все то, что в оном руководстве в части III о звании, качествах и поведении учителя, а в IV о школьном порядке находится.

§ 34. Наипаче же требуется, чтоб учителя подавали учащимся своим собственным поведением и поступками примеры ко благочестию, добронравию, дружелюбию, учтивости и прилежанию, избегая пред ними как в словах, так и на деле всего того, что причинить может соблазн или подать повод к суеверию.

§ 35. Если учителю за болезнию или по другой какой-нибудь законной причине в классе быть не можно, то заблаговременно доносить о том директору или смотрителю для принятия потребных мер к назначению между тем другого, дабы учащиеся праздны не были: и в таком случае должен другой учитель по назначению директора или смотрителя заступать безоговорочно место другого.

§ 36. Вообще требуется, чтоб учителя друг другу помогали делом и советом и оказывали пред учениками должное друг к другу уважение. Как в главных народных училищах, так и в малых да не пренебрегают отнюдь учителя высших классов учителей нижних и да не унижают преподаваемых ими предметов пред учениками или людьми посторонними: ибо все учителя и все учебные предметы суть равно нужные части одной цепи; напротив чего, и учителя нижних классов должны учтивством своим предварять тех учителей, которые наукою их превосходнее.

§ 37. Учителям, живущим в училище, запрещается ночевать в другом месте, кроме училища, выключая, однако же, случаев и отсутствия по законным нуждам; равным образом не дозволяется им, кроме воспитанников и приставленных к ним во услужение, оставлять у себя ночевать и жить чужих посторонних людей без уведомления о том начальников своих.

§ 38. Всем учителям дозволяется содержать у себя воспитанников по своему благорассуждению и преподавать им частные наставления сверх учебных часов. Сих воспитанников должны они также записывать в книгу прочих учеников и посылать в классы, наблюдая строго, чтоб они поступали и вели себя по введенным в училищах правилам. При отхождении их ко сну и вставши ото сна, при начале и окончании учебных часов, также перед кушанием и после оного заставлять их читать молитвы, приучая к тому своим примером. Для сохранения же неповрежденного юного их сердца, которое суеверием или другим каким заблуждением и непристойностями легко развратить можно, надлежит учителям остерегаться и остерегать воспитанников своих ото всех суеверных, баснословных и развратных дел и разговоров,

беседовать же с ними, а особливо при столе, о полезных таких предметах, которые могут расположить сердце их к добродетели, а душу к благомыслию, чему дети и охотно следовать будут, если учитель станет поступать с ними тщательно и наблюдать, дабы они ничего развратного даже от слуг и служанок не видали и не слыхали. В месячных рапортах, подаваемых директору или смотрителю, должны учителя уведомлять также о поведении, прилежании и успехах воспитанников своих, означая притом, когда они вступили к нему на содержание, что знали при вступлении, что им в классах того училища и частно в покоях преподаваемо было и с каким успехом. Не дозволяется учителям употреблять воспитанников, вверенных им от родителей единственно для науки и воспитания, в постороннее дело, домашнюю работу или в посылки, но паче наблюдать, чтоб все время пребывания их на содержании обращено было по намерению родителей в пользу воспитанников. Учителям препоручается также подавать воспитанникам своим наставления во благонравии и вежливости, показывая, как сидеть благопристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково, даже со слугами и служанками. Во время прогулки показывать им примечания достойное и встречающиеся ко нравоучению случаи обращать в их пользу... Учителям наблюдать также прилежно, дабы воспитанники их ни под каким видом самовольно из дому не отлучались.

§ 39. При открытых испытаниях, которые производить по окончании каждого учебного течения удобнее ныне признается перед Новым годом и пред Петровым днем, поступать в прочем, как в главе V части IV «Руководства учителям I и II классов» предписано. Каждый учитель должен представить директору или смотрителю список учеников своего класса по образцу, приложенному под № 5, и испытывать из преподаваемых им предметов учения по назначению директора или смотрителя, а наконец имена прилежных и благонравных учеников прочитывать.

§ 40. Учитель должен подать директору список тем ученикам, которых он намерен перевести по окончании открытого испытания в высший класс, и испытать их еще порознь в присутствии директора и того учителя, к которому перейти должны в следующий класс.

II. ОСОБЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ГЛАВНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

§ 41. Учителям I и II классов обучать точно по правилам, содержащимся в книге под заглавием «Руководство учителям I и II классов»; учителям же III и IV классов — по правилам, предписанным в предисловиях книг их, а именно: в грамматике, истории, географии, геометрии, в архитектуре, физике, истории естественной и пр. А как у каждого ученика высших классов должна быть особливая тетрадь, в которой замечать и записывать учительские изъяснения и примечаниия во время учебных часов, то учителям прилежно наблюдать, исправно ли деланы оные замечания; а в случае неисправности не оставлять их без совета и наставления.

§ 42. Учебные предметы I, II и III классов оканчивать им в течение каждого года; науки же IV класса — в течение двух лет.

§ 43. Учителя I и II разрядов должны сами обучать учеников своих латинскому языку; в III же и IV классах должен обучать уже оному учитель наук математических.

§ 44. Учение латинского и чужестранного соседственного языков, производить в главном народном училище по предписаниям, находящимся в вышеупомянутом наставлении учителям, обучающим иностранным языкам.

§ 45. Рисованию обучать учителям по предписанию изданного для них нарочно руководства, в печатной небольшой книжке состоящего.

§ 46. Дабы история Российского государства имела со временем достоверные памятники, откуда бы заимствовать доказательства происшествий касательно до распространения наук, то учителям высших классов, а именно IV и III, при помощи директора надлежит вести общим трудом записку заведенным и впредь заводимым народным училищам как в губернском городе их наместничества, так и в уездных городах и других окрестных местах тоя губернии или наместничества. В такой записке означать точно год и число, в чье царствование основаны сии училища, при каком генерал-губернаторе, губернаторе, директоре, членах приказа общественного призрения, при каких именно смотрителях и учителях, бывших с самого основания училищ, показывая, где сии учителя учились, откуда они родом, також коль велико было число учеников и учениц, как оно умножалось или уменьшалось и куда учившиеся выбывали, окончив учение всех или некоторых токмо наук. Вообще описывать тут все успехи учения и наук того наместничества или губернии, замечая состояние и приращение книгохранилища и собрания естественных вещей и всех прочих пособий при главном училище, в какие времена и какими знатными особами были училища посещаемы, что при таких обстоятельствах примечания достойного случалось; с каким успехом открытые испытания производимы были; сколько учителей в главном народном училище приготовлено для нижних народных училищ, когда в какие места они определены и что в пользу сих заведений в наместничестве правительством или частными благодетелями сделано. Нужные к таковому описанию сведения по училищам своего наместничества должны вышеупомянутые учителя испрашивать себе от приказа общественного призрения чрез своего директора; описание же сие продолжать ежегодно и, приготовляя к 1 числу января, присылать оного один список в главное училищ правительство, а другой хранить в библиотеке главного народного училища, внеся оный в роспись книгам.

§ 47. Поелику ищущие мест учительских... должны наперед экзаменованы быть учителями главных народных училищ не токмо в тех самых науках, кои они преподавать желают, но также и в способе преподавания оных, то в случае недостаточного как в том, так и в другом знании ищущих учителя главного народного училища долженствуют им в том способствовать как во время преподавания публичных наставлений, так и особенно изъясняя им «Руководство учителям

I и II классов» и показывая притом, как вести списки, донесения и другие письменные к учительской должности принадлежащие дела.

§ 48. Учителя главного народного училища обязаны каждый месяц подавать директору общий рапорт об успехах учения, поведения учеников и о всех школьных надобностях...

§ 49. Один из учителей высших классов главного народного училища принимает на себя, по назначению директора, должность книгохранителя, имея в рассмотрении своем книги; за прочими же пособиями должны иметь присмотр те учителя, которым оные по науке их принадлежат; в чем как поступать они имеют, дается им письменное наставление от директора.

III. ОСОБЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ МАЛЫХ УЧИЛИЩ

§ 50. Должности учителей малых училищ суть те же, каковые и учителей I и II классов главного училища, выключая только иностранные языки.

§ 51. Оканчивать им учение учебных предметов каждому в своем классе в течение одного года.

§ 52. Обучать и поступать им точно по правилам, содержащимся в «Руководстве учителям I и II классов».

§ 53. Подавать им месячные рапорты об изученных предметах, об успехах и поведении учеников и о всех школьных потребностях... в губернском городе директору, а в уездных городах смотрителю.

IV. ОБОДРЕНИЯ УЧИТЕЛЯМ

§ 54. Все учителя, в народных училищах обучающие, получая жалованье по положению штата, считаются в действительной службе... и могут ожидать тех же воздаяний, которые рачительною службою в других званиях приобретаются.

§ 55. Учителям дозволяется содержать у себя воспитанников по добровольному условию с их родителями или опекунами и в свободное время наставлять их еще сверх общих учебных часов, кои положены в училищах.

§ 56. Позволяется пользоваться им с должною бережью книгами и другими пособиями, главному народному училищу принадлежащими, получая оные под расписку.

ГЛАВА IV. ОБ УЧЕНИКАХ

I. ДОЛЖНОСТИ УЧЕНИКОВ

§ 57. Всем ученикам и ученицам должно наблюдать изданные правила для учащихся. Правила сии обязывают вообще всех учеников без изъятия высших и низших классов, и того ради должен каждый ученик, для познания должностей своих, снабдить себя сею книжкою, чего и требовать от их родителей или опекунов.

§ 58. Ученики должны почитать своих учителей, повиноваться их приказаниям и исполнять оные с точностью; за ослушание же учителю, непочтение и леность подлежат наказаниям, предписанным в «Руководстве учителям I и II классов» в части IV, во II главе о школьной строгости.

§ 59. Все ученики должны снабдить себя книгами, к классу их принадлежащими, а притом иметь с собою в готовности бумагу, перья и другие к письму, рисованию и иным наукам принадлежности.

§ 60. У каждого ученика главного народного училища высших классов должна быть особливая тетрадь, в которой ему записывать учителевы изъяснения во время часов учебных.

II. ОБОДРЕНИЯ УЧЕНИКАМ

§ 61. Имена учеников, отличивших себя успехами в науках, прилежанием и благонравием, провозглашаются перед всеми присутствующими по окончании каждого открытого испытания, а потом вносит их учитель в записную свою книгу, дабы память их сохранить в пример будущим их товарищам. Наконец раздают каждому из сих отличившихся по учебной книге в хорошем переплете за собственноручным подписанием директора народных училищ, что она такому-то именно подарена за оказанные успехи, прилежание и благонравие от приказа общественного призрения.

§ 62. Ученики, окончившие предписанное течение наук и получившие свидетельство о знании своем и добронравии за подписанием учителей и директора, при определении к месту другим предпочитаются.

ГЛАВА V. О ПОПЕЧИТЕЛЕ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ГУБЕРНИИ ИЛИ НАМЕСТНИЧЕСТВА

§ 63. Попечитель народных училищ в каждом наместничестве есть губернатор, имеющий по генерал-губернаторе главное об училищах попечение. Он, поспешествуя на месте благосостоянию сих... заведений, служащих к просвещению и добронравному воспитанию юношества, долженствует стараться ободрять попечением своим как учащих и учащихся, так и самих над училищами надзирающих. Яко председатель приказа общественного призрения, старается он не токмо советом, но и властью, законами ему данною, подавать всякую помощь директору и смотрителю ко исполнению всего того, что в уставе сем предписано и что к пользе училищ клонится, удаляя, напротив того, что благосостоянию оных вредить может.

§ 64. Одна из числа первейших должностей попечителя есть стараться о распространении народных училищ от главного, в губернском городе находящегося, не токмо по городам уездным, но и другим селениям, колико способы ему то дозволять будут. На сей конец выписывает он с ведома генерал-губернатора или в небытность его и сам из духовных семинарий своего наместничества способных по

засвидетельствованию директора людей для наполнения мест учительских...

§ 65. По обстоятельствам места, состоянию и имуществу жителей может также попечитель, с ведома генерал-губернатора, прибавить и к малому иному училищу III и IV классы, когда есть в прочем довольные к тому способы.

§ 66. По представлению директора поспешествует попечитель заведению и наполнению кабинетов главного народного училища как естественными вещами изо всех трех царств природы, особливо же в той губернии и наместничестве родящимися, так и орудиями физическими и математическими, а книгохранилища книгами, ландкартами и чертежами, поощряя к пособию в том училищам дворянство и граждан.

§ 67. Попечитель, объезжая свою губернию, яко губернатор, если случится ему быть в тех местах, где училища находятся, не оставит осмотреть их самолично как заведений, не менее других пользы в себе заключающих.

§ 68. Яко председатель приказа общественного призрения наблюдает попечитель и по домашним училищам за исполнением наказа, содержателям оных данного.

ГЛАВА VI. О ДИРЕКТОРЕ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

§ 69. Директор народных училищ выбирается и определяется генерал-губернатором. Он должен быть любитель наук, порядка и добродетели, доброхотствующий юношеству и знающий цену воспитания. Он заседает в приказе общественного призрения по делам, до училищ касающимся.

§ 70. Директору, преходя служение свое с должным усердием, наблюдать, дабы все в уставе сем предписанные установления и правила во всех вверенных ему народных училищах той губернии и от всех подчиненных ему чинов были исполняемы.

§ 71. Принимает он месячные рапорты как от учителей народных училищ в губернском городе, так и присылаемые чрез смотрителей от учителей уездных школ. Если усмотрит какие нужды или недостатки в училищах, то оные немедленно исправляет или сам, или докладывая приказу общественного призрения, буде важны. Из оных же рапортов и из списков прилежания, подаваемых при открытых испытаниях, сочиняет он при конце каждого учебного течения полную ведомость о состоянии всех сил в ведении его находящихся народных училищ... подписав сию ведомость, подает приказу общественного призрения, а приказ, оставив у себя с оной копию, посылает подлинную в главное училищное правительство.

§ 72. Директору наблюдать, чтоб учителя, определяющиеся в народные училища, знали способ преподавания и учения, особливо же I и II классов. Он должен желающих познать сей способ допускать в главное училище к изучению оного; и когда кто окажет в оном довольное искусство на испытании пред учителями главного народного

училища и в его присутствии, то, отобрав от сих письменные о таком свидетельства, представлять оные купно со своим приказу общественного призрения, и по определению оного дает испытанному свидетельство на способность его и знание должностей учительских за собственным своим подписанием. И посему наблюдать директору, дабы никто, не имеющий такового свидетельства, в народных училищах не обучал.

§ 73. Директор, имея беспосредственное надзирание над учителями, долженствует принимать их и поступать с ними, яко носящими на себе трудные и важные должности воспитания сыновей отечества, ласково и не оставлять их делом и советом как в классных, так и в собственных их нуждах, особливо же не покидать их в болезнях. Если же паче чаяния кто из учителей окажет себя в должности своей нерадивым и в поведении неблагонравным, в таком случае директор увещевает его раз и другой; не усмотря же исправления и приискав на место его другого, от должности его отрешает, однако ж с дозволения попечителя и с ведома приказа общественного призрения.

§ 74. В случае болезни которого-либо учителя старается директор, дабы класс его праздным не оставался, препоручая на то время или одному из лучших учеников делать повторения, или, если есть ищущий должности учительской, упражнять сему учеников.

§ 75. Директору смотреть, чтоб учителя принимали и записывали всех желающих и являющихся у них учеников и учениц и отнюдь никому не воспрещали ходить в классы, разве зараженным какою прилипчивою болезнию, что самое наблюдать смотрителю и в уездных училищах.

§ 76. Директор, долженствуя иметь смотрение за благонравием учащихся, не менее, как и за успехами их в учении, должен в таком случае, когда который ученик в проступках своих и пороках по многократным учительским увещаниям не исправляется, давать родителям или опекунам такового о закосневающем во зле ведать, объявляя притом, что ученик будет исключен, если он не исправится, что и действительно директор по довольном и зрелом уважении, основываясь на правилах кротости и человеколюбия, делает, буде ученик еще не переменит поведения своего, записывая вину его и причины исключения и донося о том приказу общественного призрения. Ученикам же, окончившим учение свое порядочно и выходящим из училищ, дает на знание и поведение их за подписанием своим и за печатью приказа общественного призрения свидетельство...

§ 80. Директор должен в губернском городе осматривать народные училища, по крайней мере, каждую неделю один раз, а если время допустит, и чаще, по уездам же каждый год, по крайней мере, однажды.

§ 81. Директору наблюдать, чтоб при конце каждого учебного течения, по предписанию «Руководства учителям I и II классов», части IV, главы V, открытые испытания производимы были не токмо в главном народном училище, но и во всех других той губернии училищах два раза в год, с 26 декабря по 6 января и с 29 июня по 3 июля.

При таковых испытаниях присутствовать ему самому по училищам губернского города и делать нужные к тому приуготовления. По окончании оных раздавать отличившимся ученикам показанные выше награждения и, наконец, переводить успевающих в высшие классы...

§ 83. Как учителям народных училищ невозбранно содержать у себя при оных вопитанников, то директор обязан иметь смотрение, дабы содержание и воспитание оных происходило соответственно намерению родителей и изданному о том в сем уставе предписанию, поелику благонравие и успехи сих воспитанников не токмо могут принести честь учителям, но и самим училищам.

§ 84. У директора находятся в ведении и частные в губернии находящиеся пансионы или домашние училища, по которым наблюдать ему все то, что в приложенном здесь наказе под № 8 предписано.

ГЛАВА VII. О СМОТРИТЕЛЕ УЕЗДНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

§ 86. В каждом уездном городе избирается попечителем народных училищ один смотритель из граждан того города для всегдашнего призору за училищами, в том месте находящимися.

§ 87. Должность смотрителя наблюдать, чтоб все в сем уставе предписанные установления и правила, до малых народных училищ касающиеся, исполняемы были.

§ 88. Он принимает от учителей месячные рапорты, которые посылает в приказ общественного призрения для вручения директору.

§ 89. Смотрителю надлежит осматривать училище каждую неделю по два раза и наведываться, прилежно ли ходят ученики в училище; в противном же случае должен он их увещевать и родителям их о том давать знать. При сем смотрит, дабы и учителя учебные часы не прогуливали, а ученики в воскресенье и праздничные дни приходили в церковь и, словом сказать, все то исполняли, что в уставе сем им предписано.

§ 90. Смотритель должен дать учителям всякую помощь в случае классных и собственных их законных нужд, особливо же в болезнях. Поступать с ними ласково и вежливо; а если паче чаяния учитель покажет себя в должности своей и в поведении нерадивым и неблагонравным, в таком случае увещевает его раз и другой, но, не усмотря исправления, доносит об оном директору, который поступает по своему наказу...

ГЛАВА VIII. О ЧАСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

§ 103. ...содержать всегда в готовности довольное число потребных училищам учебных книг, которые он закупает в книжной лавке народных училищ и хранит оные как для продажи, так и для безденежной раздачи бедным ученикам...

ГЛАВА IX. О ГЛАВНОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ УЧИЛИЩ

...§ 109. Главное училищное правительство содержит свою канцелярию и архив. Имеет также печать свою по утвержденному образцу, под коею все сообщения и письма принимаются на всех почтах в Российской империи безденежно, как и присылаемые в оную.

§ 110. Как главное правительство училищ должно стараться, дабы училища книгами, ландкартами и всеми нужными пособиями могли быть снабдеваемы, то и дозволяется ему завести и содержать собственную свою книгопечатню с другими мастерскими палатами, какие для печатания книг, вырезывания ландкарт и прочих училищных надобностей могут быть потребны; или также по благорассуждению печатать книги и вырезывать ландкарты у вольных мастеров. Однако ж как печатание учебных и других его книг и ландкарт, так и продажа оных присвояется единственно главному училищному правительству, почему и перепечатывание оных без дозволения главного училищного правительства никому позволено быть не может.

§ 111. Главному правительству наблюдать, чтоб устав сей был исполняем во всем его пространстве и во всех его частях, имея власть в учительские должности определять способных в силу сего устава...

Из «Руководства учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи»[20]

Предисловие

...Легко предвидеть человеку беспристрастному, какие худые следствия от такого воспитания произойти могут, кое ни на каком известном и определенном руководстве не основано, то, так сказать, само себе или на волю одних учителей оставлено.

Правда, что некоторые учителя, одаренные способностями и прозорливостью, умели бы может быть сами собой изобрести такие правила, по которым бы они должности звания своего с немалым успехом исполняли; но как не можно положить, чтобы все они были равного прилежания, способностей и прозорливости, то и нужно, казалось, руководство сие учителям первого и второго классов народных училищ сочинить; дабы они предписанные им должности везде наблюдали единообразно. В книге сей содержится все то, что учителю для воспитания детей, поведения своего и порядка школьного в городских и деревенских училищах знать необходимо нужно. Она разделяется на четыре части, из которых первая содержит в себе учебный способ, вторая — учебные предметы, в первом и втором классах преподаваемые, третья же — звание, качества и поведение самого учителя, а четвертая — школьный порядок. Сверх сего, приложены здесь таблицы о познании букв, о складах, о чтении и о правописании, которые нужны токмо для одних учителей, потому что они преподавать оные должны ученикам не чтением, но токмо исследованием на большой

черной доске. При сем упомянуть еще надобно, что учитель должен, кроме сего руководства, иметь и все прочие книги, ученикам в первом и втором классах к чтению предписанные, как-то азбучную таблицу, букварь, правила для учащихся, руководство к чистописанию, книгу о должностях человека и гражданина и катехизис с вопросами и без вопросов, дабы в случае нужды не брать ему их от учеников.

ЧАСТЬ I. О СПОСОБЕ УЧЕБНОМ

1. Под способом учебным разумеется тот образ учения, по которому учитель учеников своих обучать должен.

2. Способ сей состоит в некоторых выгодах при самом наставлении, которые здесь означены и предписаны, дабы юношество способнее, порядочнее и основательнее было наставляемо; именно же заключается опыт в совокупном наставлении, совокупном чтении и изображении через начальные буквы...

ГЛАВА I. О СОВОКУПНОМ НАСТАВЛЕНИИ

I. Что под совокупным наставлением разуметь?

Под совокупным наставлением разумеется то, чтобы учителя нижних школ не учили учеников одного за другим порознь, но показывали бы всем тем вместе, кои одно учат; через что будут они все внимательны к тому, что учитель говорит, спрашивает или пишет. Например, если в школе, где много учеников, показывают склады или читают, то все, складам или чтению обучающиеся, должны то же самое складывать и читать вместе либо вслух, либо про себя; и если учитель одного кого или многих вдруг спросит, то чтоб были в состоянии продолжать там, где остановились другие...

II. Каким образом при совокупном наставлении поступать?

1. Для соблюдения порядка при совокупном наставлении разделяются ученики на классы, по которым им попеременно учить должно. Классы сии бывают разного рода, например: в деревнях, где учитель всех учеников иметь должен вместе, принадлежат все те к одному классу, которые одному чему ни есть обучаются, например: буквам, складам, чтению и пр. Но нужно еще разделять и тех, кои одному чему обучаются, но с различным успехом, и сажать особливо хороших, особливо посредственных и особливо слабых.

2. Учитель может спрашивать учеников по классам или порознь, вызывая по имени или подая какой ни есть знак к ответствованию; однако не всегда в одном порядке или очередью.

3. Если ученик хочет что-нибудь сказать или встать со своего места, то должен он наперед дать знать оное поднятием руки и ожидать позволения от учителя. Без позволения же никто говорить не должен.

4. Когда один ученик читает, или ответствует, или спрашивается, тогда все прочие должны читать за ним про себя и быть готовы к ответу, как скоро их спросят... Иногда надобно также, спросив о чем-нибудь одного, спросить о том же другого и третьего.

5. Учитель должен все слова выговаривать громко, плавно и ясно, глаза обращать всюду и ходить около всех учеников, дабы видеть, все ли прилежно его слушают и дело свое исполняют.

6. Особливо же пособлять должен учитель слабым ученикам и заставлять их чаще отвечать и повторять ответы других. Но дабы сии его долго не задерживали, то может он продолжать далее, если, по малой мере, две трети учеников предыдущее совсем поняли. Те же немногие, которые во всю школьную пору за прочими следовать не успевали, должны или ходить еще один раз в тот класс, в котором они отставали, или учитель должен сверх обыкновенных часов показывать особливо.

III. Польза совокупного наставления.

1. Все время учения употребляется в пользу каждого ученика, а иначе был бы учитель о внимании ученика уверен только в те немногие минуты, когда бы доходила до ученика очередь читать.

2. Исправление погрешностей обращается в пользу всех.

3. Внимание учеников сохраняется, а резвости отвращаются.

4. Дети научаются сим образом скорее и легче, а учитель не имеет больше нужды на не делающих ничего толь часто кричать.

ЧАСТЬ III. О ЗВАНИИ, КАЧЕСТВАХ И ПОВЕДЕНИИ УЧИТЕЛЯ

ГЛАВА I. О ЗВАНИИ УЧИТЕЛЬСКОМ

I. Об обязанностях учительского звания.

1. Учителя обязаны по состоянию своему заступать у учеников место родителей; и потому чем менее сами родители всепомоществуют в наставлении детей своих, тем более трудиться долг есть учителя...

3. Звание учителей обязывает их также стараться сделать из учеников своих полезных членов обществу; и для сего должны они поощрять чаще юношество к наблюдению должностей общественных, просвещать разум учеников и научать их как думать, так и поступать разумно, честно и благопристойно; и предписанные науки преподавать юношеству таким образом, как надобны им оные бывают в общежитии.

II. О важности преступления учительской должности

Учителя, не исполняя должностей звания своего, согрешают

а) пред богом, когда небрегут преподавать наставления те, которыми распространяется богопознание, богопочтение, богослужение;

б) пред правительством, от которого они для учения сего приняты и в должность свою поставлены, когда небрегут делать детей способными ко службе правительства и государства;

в) пред родителями учеников, которые за детей своих платят, когда не стараются обучать детей за обыкновенную плату тому, чему обучить их должно;

г) пред детьми, когда о них худо пекутся, ибо учителям надобно будет отвечать за их невежество и за все дурные оного следствия;

д) пред собою, ибо подвергают себя чрез то страшному суду божию, отягощают свою совесть, из упущения должности своей подпадают опасности вечной казни.

ГЛАВА II. О КАЧЕСТВАХ УЧИТЕЛЯ

Добрые качества учителя суть:

I. Благочестие.

...5. В доме своем должен он быть миролюбив и порядочен, ко всем дружелюбен и услужлив.

6. Особливо избегать он должен брани, клятвы... клеветы и сквернословия, так же как и безмерия в питии и в обхождении с непотребными женщинами.

II. Любовь.

1. Он должен поступать со всеми учениками отечески, т. е. ласково и любовно.

2. Он обходиться с ними должен с приязнию и скромностью и не казать досады, когда они в школу приходят или когда предложения его скоро не уразумеют.

3. Он должен им дать приметить, что ему приятно, когда они прилежны и в школу все часто ходят, и что он их любит.

4. Любовь сия должна быть не ребяческая, но соединена всегда с постоянным и важным видом, она не должна основываться на достатке родителей учеников, но на благонравии и прилежании детей.

III. Бодрость.

Учитель не должен быть сонлив, угрюм или, когда хвалить надобно детей, равнодушен, но он должен хвалить тех, которые ведут себя хорошо, и ободрять прочих как ласковым уговариванием, так и показыванием того, сколь много старается он об облечении им всего.

IV. Терпение.

1. Когда есть у учителя такие ученики, которые нерадивы, резвы и упрямы, и когда притом родители их кладут на него вину, что дети их ничему не учатся, тогда не должен он выходить из терпения.

2. Должен себе представлять, что он, яко человек, рожден на свет для многотрудной работы...

VI. Прилежание.

1. Прилежен тот, кто над тем, к чему он по должности своей обязан, трудится неутомимо и с величайшим тщанием, не ослабевая ни от каких препятствий или трудностей; ...учитель крайне должен быть прилежен, дабы через свой пример сделать равным образом и учеников прилежными.

2. Когда учитель и для самой малейшей причины не бережет школу, или часто приходит поздно, или начинает учить не в надлежащее время, или вместо того, чтобы учить, исправляет домашние свои дела или какое рукоделие, то и дети становятся так же нерадивы, приходят в школу поздно, не столько стараются учиться или и совсем не ходят.

3. Чрез нерадение свое потеряет учитель доверенность родителей, любовь детей и свою плату, потому что родители не захотят платить напрасно деньги, когда дети их так мало или совсем ничего не учатся.

Правила для учащихся в народных училищах[21]

(отрывки)

II. КАК УЧЕНИКАМ СХОДИТЬСЯ В УЧИЛИЩЕ, В ОНОМ ПОСТУПАТЬ И ИЗ ОНОГО ВЫХОДИТЬ

А. Как им приходить в училище.

1. Дети, желающие заимствовать учение в училище, должны от своих родителей или опекунов представлены быть учителям летом прежде Фомина понедельника, а зимою ко 1 ноябрю, дабы они до начатия учебного течения приняты и внесены были в список; не явившимся же к сему времени отказывать и отсылать до начатия следующего учебного течения, дабы ради одного или двух учеников учения снова начать не требовалось.

• 2. Порядочно помещенный в список учеников должен каждое утро прежде, нежели пойдет в училище, умыть лицо и руки, причесать волосы и обрезать, буде надобно, ногти... собрать свои книги, тетради, числительную доску и все ему потребное; потом ожидать позыва в училище, дабы ему не рано и не поздно, но в настоящее время туда прийти; приказывается ученику никаких вещей, к игре и забавам служащих, при себе не иметь и не носить в училище. Часы учения, исключая среду после обеда, так как время отдохновения, во всю неделю положены зимой до обеда от 8 до 11, летом от 7 до 10 ч, после же обеда зимой с 2 до 4, а летом от 2 до 5 ч.

3. Прежде прихода в училище ученик должен помыслить о естественной нужде, чтобы во время учения не был понужден выходить из училища, ибо подобные выбеги неудобно дозволять, а хотя бы и позволялись, то немногим вдруг, но всегда одному после другого.

4. Когда ученик действительно из дому в училище идет, то должен... прямо идти в училище благочинно и, вошед в учебную горницу, учителю приязненно поклониться, потом непосредственно на показанную ему скамью сесть и начатия учения в молчании и тишине ожидать. Ученикам не дозволяется садиться всегда на одно и то же место показанной каждому скамьи, дабы они в случае опоздания не лазили чрез скамьи, но садились порядком, как один за другим войдет.

Б. Как поступать в училище.

1. В рассуждении учителя:

а) когда учитель, по прочтении училищной молитвы, учеников по именам по списку перекликать станет, то должен каждый, встав чинно, сказать: «Здесь». Ежели же который до того из училища отбывал, то должен он причину своей отлучки коротко и основательно предложить;

б) ученики должны исполнять все, что от учителя приказано

бывает, и прилежно внимать всему, что преподается. Дозволяется токмо вопрошаемому ответствовать, но когда таковой не в силах отвечать, то тому, кто знает, поднятием левой руки должно дать знать, что он в состоянии отвечать, однако ж не прежде должен говорить, пока получит дозволение; причем надлежит ему смотреть на учителя и говорить с благопристойностию;.

в) каждый ученик должен чувствовать особливую любовь и суще сыновнюю доверенность к своему учителю, в учебных обстоятельствах спрашивать его совета и помощи; притом увериться, что все, что учитель с ним предприемлет, споспешествует к его благополучию;

г) ученики обязаны своим учителям являть всякое почтение и беспрекословное послушание; также взором, словом и делом показывать, что признают сию свою обязанность и готовы исполнять ее...

д) кто в юности учителю не послушен, тот, возмужавши, и власти гражданской обыкновенно не покоряется, и для сего ученику подлежит в училище к повиновению благовременно навыкать и все повеления учителя со возможною покорностию и должным почтением исполнять;

е) ученики должны не только увещания и предостережения своего учителя слушать, но и самые наказания, во исправление их бываемые, без роптания сносить, ибо сим образом приобретут способность, соделавшись сочленами государства, быть всегда покорными и преданными поставленной над ними власти;

ж) ученику, окончившему свое учение, не дозволяется оставлять училища самовольно, но должен он по окончании учебного преподавания с родителями или опекунами своими явиться к учителю, поблагодарить его за труд и при том испросить у него письменное свидетельство о своем поведении.

2. С учениками своими:

а) каждый ученик должен являть особливую любовь и склонность к своим соученикам, взаимно учтиво обходиться и стараться оказывать всякие им угодности;

б) когда кто на своего товарища учителю жалуется, то должен вину или причиненную обиду учителю представлять в сущей правде. Ученики не должны за причиненные им оскорбления сами собой управляться или входить в ссору, в драку и ругаться поносительными словами, а еще менее того, ежеминутно затевать по злобе, клевете и мстительности разные жалобы, ибо от всего сему подобного любовь и согласие, в общежитии потребные, испровергаются;

в) когда кто из соучеников горбат, хром или какой иной телесный недостаток имеет, то товарищи его не должны сим его порицать или насмехаться над ним, но должны содержать его в братской любви и обходиться с ним равно, как и с прочими;

г) когда кто из соучащихся за содеянный им проступок наказан будет, то прочие ученики не должны над ним издеваться и дома о наказании его разглашать, но таковую его погрешность обращать в собственное свое исправление и предосторожность;

д) никто не должен повреждать книги и прочие вещи своих соучеников, а паче того, не отваживаться что-либо не свое присваивать,

також доставленные им от родителей вещи меж собою променивать.

3. В рассуждении посторонних людей:

а) когда посторонние духовного или светского звания особы придут в училище, то ученики по шествии их в учебную горницу должны встать с мест и поклониться;

б) ученики в присутствии их не должны озираться или бесчинно и непристойно стоять, но взор свой в живости и бодрости к ним обращать и при случае вопросов отвечать громко и вразумительно со всякою приличностью; потом при выходе их из училища обыкновенное воздать благодарение.

В. Как ученикам из училища выходить.

1. Когда учебные часы кончатся и учитель учеников распустит, то не должен никто лазить чрез скамью или под оную, но всегда те, которые при конце скамьи сидели, должны выходить первые, а по них последующие один за другим, стать рядом и по два в ряд выходить из училища; причем особливо запрещаются толкания и другие непристойности.

2. Ученики, вышед из училища, не должны на улицах мешкать, затевать игру, крик или другие беспутства, но чинно и пристойно идти прямо домой, каждой мимоидущей особе учтиво кланяться, а пришед домой, первее почтить своих родителей или начальствующих целованием у них руки, потом положить свои книги в надлежащее место.

III. КАК УЧЕНИКАМ ВНЕ УЧИЛИЩА... ПОСТУПАТЬ

а) Ученики должны не токмо в училище... благочинно, смиренно и добропорядочно поступать, но и дома и во всяком месте таково же себя вести;

б) они должны послушны быть своим родителям и начальникам и неотложно приказанное от них исполнять;

в) когда обеденное время настанет и ученик позван будет к столу, то должен... никогда прежде старших себя не садиться, також прежде их браться за кушанье, но должен вести себя во время обеда благочинно и пристойно, разговаривать со возможною учтивостию...

г) ученик, собираясь спать, должен... родителям своим пожелать доброй ночи, потом снять с себя платье и положить в надлежащее место, дабы по утру найти оное на том же месте;

д) ученики не должны ни дома, ни в ином месте затевать ссор, непристойных и срамных разговоров и речей, суетных и баснословных сказок и другого чего сему подобного, но время свое провождать благочинно в прилежном повторении уроков;

е) ученики должны перед духовными и светскими являть свое высокопочитание, покорность и повиновение и со всеми людьми обходиться по-дружески;

ж) они не должны по улицам с бездельниками в игру пускаться, но для забавы своей в день отдохновения сходиться в училище и отсюда ходить на гульбище; да и в игре должно им соблюдать

всякую благопристойность, дабы не происходило ничего наглого, соблазнительного и вредного.

3. Каждый ученик должен сим образом поступать и наблюдать сии правила, чтобы плоды наставления, приемлемого в училище, свету явить делом и тем самым себе и учителям честь доставить. А кто по своевольству нарушит оные, таковой подвергнет себя наказанию без упущения.

Российский букварь...[22]
(отрывки)

VI. КРАТКОЕ НРАВОУЧЕНИЕ

Ко-гда не де-ла-ем ни-че-го ху-до-го, то и нас ни-ка-ко-е зло не по-сти-гнет.

К че-му при-вы-кнем в мо-ло-дых ле-тах, то-го не по-ки-нем и в ста-ро-сти на-шей.

Че-го се-бе не хо-чешь, то-го и дру-го-му не же-лай.

Ни-че-го чу-жо-го не бе-ри, коль-ми па-че не у-крадь.

В чем и-ме-ешь ну-жду, при-о-бре-тай тру-дом.

Что в зай-мы возь-мешь, от-да-вай.

Будь бла-го-скло-нен и ми-ло-стив; про-ся-ще-му дай, е-же-ли и-ме-ешь; бед-но-му по-мо-ги, ко-гда то у-чи-нить в со-сто-я-ни-и.

О-би-дел ли кто те-бя, про-сти е-му; о-скор-бил ли ты ко-го, при-ми-ри-ся с ним.

Е-же-ли бу-дем че-ло-ве-ко-лю-би-вы, бу-дем от лю-дей лю-би-мы.

Ни-ко-му не за-ви-дуй, но вся-кому до-бра же-лай.

У-слу-жи-вай ко-му толь-ко мо-жешь и у-го-ждай всем до-брым лю-дям.

На-чаль-ни-кам будь по-слу-шен, с рав-ны-ми об-ход-ди-те-лен, к ни-жним при-ве-тлив.

Во-про-ша-ю-щим от-ве-чай.

Не все, что мо-жешь, де-лай, но толь-ко то, что дол-жно.

Ни-че-го без-рас-суд-но не на-чи-най.

По-ду-май спер-ва о том, что го-во-рить хо-чешь.

Здра-вый рас-су-док и до-бра-я во-ля мно-ги-е до-бры-е де-ла про-из-во-дят.

Ко-гда кто го-во-рит, слу-шай.

Е-же-ли по-гре-шишь в чем, при-зна-вай-ся без сты-да, и-бо на при-зна-ние по-сле-ду-ет и про-ще-ни-е.

От не-воз-дер-жа-ни-я ро-жда-ют-ся бо-лé-зни, от бо-ле-зней и са-ма-я смерть при-клю-ча-ет-ся.

Воз-дер-жны-е жи-вут здра-во, до-лго-веч-но и хо-ро-шо.

По-ле-зно здра-ви-ю есть и пить у-ме-рен-но.

Без по-зы-ву пи-щи не у-по-тре-бляй, без жа-жды не пей.

От пьян-ства, как от я-да, у-да-ляй-ся.

Бо-га-то-е и пыш-но-е пла-тье не сде-ла-ет ду-ра-ка у-мным.

Кто мно-го го-во-рит, от то-го ма-ло хо-ро-ших ре-чей слы-шим.

Го-во-ри все-гда прав-ду, а ни-ко-гда не лги.

Со-лга-вше-му о-дна-жды ред-ко впредь ве-рят.

Не из-де-вай-ся над ста-ры-ми лю-дьми, по-то-му что и ты на-де-ешь-ся до-жить до ста-ро-сти.

VII. КРАТКИЕ ПОВЕСТИ

ОРЕЛ И ВОРОН

Ворон, увидя спустившегося на ягненка и с ним наверх поднявшегося орла, хотел ему последовать и так налетел на другого ягненка, но он был маломочен для поднятия его наверх; к тому ж он так запутался в его шерсти когтями, что уже не мог и лететь. Сие увидев, пастух немедленно подбежал и, обрезав ему крылья, отдал для забавы своим детям.

Нравоучение

1. Малый человек не должен во всем подражать большому, ибо редко ему в том удается, как случилось и с Петрушей, который, увидя некогда садовника, лазящего без всякого труда на дерево, вздумал тоже испытать, но он был еще слаб и, не могши удержаться надлежащим образом, упал и (от чего боже всякого сохрани!) переломил себе руку.

2. Ежели мы что-нибудь дурное от больших себя видим или слышим, то тем менее должны мы им последовать.

В сем случае был Яков весьма любви достойное дитя. Когда он слыхал, что кто-нибудь божился, бранился или какие-нибудь суеверные речи говорил, то он тотчас или уши затыкал, или и совсем уходил. Также когда видал, что люди ссорились, или дрались, или с бедными неласково обходились, или кого-нибудь обижали, то он потихоньку взывал к богу и говорил: «Отец небесный! Сохрани меня от такой злости, дабы и я тебе так же не был неугоден».

МЕДВЕДЬ И ПЧЕЛЫ

Некогда медведь отважился войти во пчельник, где пчелы водились. По прошествии малого времени прилетела пчела и ужалила его. Сим раздраженный медведь пошел прямо на улья, чтобы их всех истребить, но лишь он одной пчеле отомстил за обиду, то уже прочие, оскорбленные, на него налетели и так больно его жалили, что он почти зрения лишился.

Нравоучение

1. Не ходи туда, куда не должно, ибо легко может случиться тебе весьма неприятное.

2. Мы должны научаться сносить малые обиды, когда мы хотим вести спокойную жизнь, ибо обыкновенно от мщения несчастие умножается.

РОССІЙСКІЙ

БУКВАРЬ

для

обученія юношества чтенію

изданный

при учрежденіи народныхъ училищъ

въ россійской имперіи

по

Высочайшему повелѣнію

царствующей Императрицы

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.

Цѣна безъ переплета 6 коп.

Въ Санктпетербургѣ,

1788 года.

Титульный лист «Букваря» Ф. И. Янковича де Мириево

2 § I. 3

Печатныя церковныя малыя и большія буквы по порядку.

а б в г д є ж ѕ з и і
А Б В Г Д Є Ж Ѕ З И І
к л м н о п р с т ꙋ оу
К Л М Н О П Р С Т Ꙋ Оу
ф х ѿ ц ч ш щ ъ ы ь
Ф Х Ѿ Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь
ѣ є ю ѡ ꙗ ѧ ѯ ѱ ѳ ѵ
Ѣ Є Ю Ѡ Ꙗ Ѧ Ѯ Ѱ Ѳ Ѵ

Печатныя гражданскія малыя и большія буквы по порядку.

а б в г д е ж з и і к
А Б В Г Д Е Ж З И І К
л м н о п р с т у ф
Л М Н О П Р С Т У Ф
х ц ч ш щ ъ ы ь ѣ
Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Ѣ
ю я ѳ
Ю Я Ѳ

Рукописныя малыя и большія буквы по порядку.

а б в г д е ж з и ї
А Б В Г Д Е Ж З И І
у ф х ц ч ш щ ъ
У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ
к л м н о п р с т
К Л М Н О П Р С Т
ы ь ѣ ю я ѳ
Ы Ь Ѣ Ю Я Ѳ

Листы «Букваря» Ф. И. Янковича де Мириево.

ВОР И СОБАКА

Вор покусился однажды прокрасться в темную ночь в дом некоторого богатого человека, который имел собаку, весьма верно дом его охранявшую, и лишь приблизился к дому, то уже собака начала весьма громко лаять. Вор кинул ей кусок хлеба и приговаривал, чтоб она не лаяла. Собака не взирая ни на что сказала: «Прочь, бездельник! Ты меня учишь сделаться неверною хозяину, который меня столько времени кормит и поит; никогда ты в намерении своем не успеешь». При сем начала еще громче лаять, так что домашние люди пробудились, и от того вор принужден был поскорее бежать.

Нравоучение

1. Нет ничего лучше, как быть верным и послушным своему благодетелю. Когда и в животных верность нам нравится, то кольми паче должна она нравиться в людях?

2. Не надлежит молчать, когда можно какому-нибудь злу помеху сделать.

КОНЬ И ЕГО НЕБЛАГОДАРНЫЙ ХОЗЯИН

Конь, оказывавший долгое время великие услуги своему хозяину, устарел напоследок и так ослаб, что, идучи тяжело навьючен, часто спотыкался и падал.

Однажды был он столь тяжело навьючен, что, упадши, не мог уже встать. В сем случае надлежало бы хозяину, вспомня прежние его услуги, стерпеть и ему пособить, но он был столь жестокосерд, что беспрестанно бил старого коня.

Наконец в ярости своей ударил он коня в голову, отчего он издох. Тут худой поступок хозяина обратился ему ж во вред, ибо он сам принужден был на себе нести конскую ношу.

Нравоучение

1. Нет ничего хуже, как предавать забвению старые благодеяния и услуги.

2. Справедливость наблюдающий человек сожаление имеет также и над скотом и старается всегда сделать сносною жизнь его.

3. Разумный человек никогда не бывает распален гневом, ибо во время оного часто делаем то, что несправедливо.

ДЕНЬГИ, БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК И СЫН ЕГО

Некоторый бедный человек, не имевший ни денег, ни хлеба для пропитания своих детей, пошел к богатому господину просить у него работы; ибо он был очень честен, не хотел быть празден и идти просить милостыни. Тогда по случаю вошел он в горницу, где лежала куча денег. «Ах, батюшка! — вскричал сынок его, которого он держал за руку.— Посмотри, сколько денег, пожалуй, бери, сколько тебе угодно».

«Храни меня, боже,— ответствовал отец,— они не мои; а у других не должно ни малейшего брать, чтоб не лишиться благоволения бога и людей».— «Здесь никто не видит»,— отвечал сын.

«Конечно,— сказал отец ему в ответ,— ежели сего люди не видят, то видит бог, который везде присутствует. Он сие пред всеми объявит, ежели я здесь украду; и я не приобрету вечного себе блаженства, ибо ни вор, ниже неправедной человек не получит царствия небесного. Помни его, говорю я тебе, любезный сын мой!»

В самое то время вошел туда хозяин оного дома, который все сие слышал в другой горнице, выхвалял сего бедного человека за его честность и дал ему денег, сколько ему потребно было на разживу.

Нравоучение

Научайтесь, молодые дети, сколь щедро бог награждает тех, кои его боятся.

МАЛЬЧИК И СТАРИК

Некоторый легкомысленный мальчик увидел мимо своих ворот идущего старика, который от глубокой старости ходил согнувшись. Мальчик, не рассудя, что сам когда-нибудь придет в старость, изде-

вался над оным стариком и показывал в том все свое остроумие.

Старик сожалел о сем безрассудном мальчике и вместо гнева, обернясь, говорил ему ласково: «Друг мой! Не смейся над старым человеком, ты не знаешь, что с тобою под старость случиться может. Ежели бы ты столько поработал и столько послужил денно и нощно, то бы ты безрассудно надо мною не издевался».

Мальчик, тронутый сим кротким и неожиданным ответом, устыдился своего поступка, пришел в раскаяние и кинулся старику на шею, прося от всего сердца у него прощения.

«Я радуюсь,— отвечал старик,— что ты свою ошибку исправить стараешься; только не делай оного впредь, дабы тебе бог даровал дожить весело и благополучно до старости».

Нравоучение

Не должно ни над кем шутить, сколько бы он изуродован и безобразен ни был: ибо чрез то смеемся его создателю...

УСТАРЕЛЫЙ ЛЕВ

Старый лев, который прежде весьма лют был, лежал однажды обессилен в своей пещере и ожидал кончины. Прочие живо́тные, которые до того от единого взгляда на него в страх приходили, не сожалели об нем: ибо кто соболезнует о смерти нарушителя спокойствия, который ничего в безопасности не оставлял? Но напротив того, еще более радовались, что оне от него избавятся.

Некоторые из них, коих еще обида, львом нанесенная, тревожила, вздумали доказать ему прежнюю свою ненависть, ибо не думали (не знаю для чего), что оное им принесет удовольствие. Лукавая лисица беспокоила его язвительными словами, волк поносил его ужасным образом, бык бодал его рогами, кабан мстил ему своими клыками, даже и ленивый осел бил его копытами, почитая сие за великий подвиг. Только один великодушный конь стоял, не трогая его, и несмотря на то, что лев мать его растерзал.

«Не хочешь ли ты,— спрашивал осел,— побить также льва?» Конь сказал ему в ответ: «Я почитаю за подлость мстить врагу, который мне никакого вреда нанести не может».

Нравоучение

1. Надлежит с молодых лет привыкать быть кроткими, милостивыми и благосклонными; так приобретем мы себе друзей, кои нас даже и в преглубокой старости любить и по смерти об нас сожалеть будут.

2. Нет ничего великодушнее, как забывать нанесенные нам обиды.

О должностях человека и гражданина[23]

(главы из книги)

О БЛАГОПОЛУЧИИ ВООБЩЕ

1. Всяк человек желает себе 1) благополучия, и 2) не довольно того, чтобы другие о нас думали, что мы благополучны, но 3) всяк хочет быть в самом деле благополучным и сего благополучия желает не на короткое время, но 4) навсегда и вечно...

Не должно нам никогда того желать, что званию нашему непристойно, потому что и получить того не можно: тщетное желание мучило бы только наше сердце; а мы можем по мере состояния нашего быть благополучными, хотя и лишены того, что другие в высших степенях имеют.

5. Не терзались бы люди толь многими суетными желаниями, когда бы знали, что благополучие не содержится в вещах, вне нас находящихся. Не состоит оно в богатстве, то есть в землях, много ценных одеждах, великолепных украшениях или в других вещах, кои видимы и округ себя имеем. Богатые удобно себе таковые вещи могут доставить, но чрез то они еще не суть благополучны, и сие доказывает, что благополучие не состоит в обладании таковых вещей.

6. Истинное благополучие есть в нас самих. Когда душа наша хороша, от беспорядочных желаний свободна и тело наше здорово, тогда человек благополучен; итак, те люди только на свете прямо благополучны, кои состоянием своим довольны, ибо без довольствия, спокойной совести, благочестия и благоразумия самый богатый и знатный столько же мало может быть прямо благополучен, как и самого низкого состояния человек.

Для приобретения же доброй совести, здравия и довольствия обязаны мы: а) напаять душу нашу добродетелию; б) печись надлежащим образом о теле нашем; в) исполнять общественные должности, на которые мы от бога определены; г) знать правила хозяйства.

ЧАСТЬ I. ОБ ОБРАЗОВАНИИ ДУШИ

Введение

1. Не одно только тело, которое видим, составляет человека. В теле сем еще нечто обитает, чего мы не видим. Кто сему верить не хочет, того самое искусство научает, что он многие вещи памятует, кои издавна видал, слыхал, осязал, вкушал и обонял. В теле же человеческом нет ни единого члена, который бы памятовал прошедшее. Чувства телесные ощущают настоящее, но не прошедшее; как человек и прошедшее себе напоминает, следовательно, есть в нем от тела нечто различное, кое прежние чувствования познает; и сие существо, которое в нас прочие вещи познает, называется душа.

2. Душа может прошедшее памятовать, то есть она имеет а) память. Человек внимательный может много в памяти содержать, потому

что многому прилежно внимает: он совершенно памятует все вещи и их обстоятельства, кои внимательно видел или слышал. Память тем более укрепляется, чем более и долее употребляет человек внимание; напротив же того, легкомысленный и невнимательный ничего или весьма мало памятует, потому что примечает по большей части вполовину или неправильно.

б) Что душа в память впечатлела, о том она далее размышляет: одна мысль рождает другую, и так душа рассуждает и заключает; а когда душа о всем том, что в память свою вместила, далее размышлять и рассуждать может, то говорится: она имеет ум, или разум. Буде кто какую вещь правильно приметил и оную правильно на память себе приводит, тот может и правильно о ней рассуждать. Легко видеть можно, что великая в том нужда, дабы душа правильно рассуждала. Почти все вещи в свете имеют в себе нечто, кое нам или полезно, или вредительно быть может. Часто злое кажется весьма приятным, а доброе часто имеет в себе нечто нам неприятное, и кто все сие в памяти своей довольно не затвердил, а токмо себе то представляет, что ему приятно или неприятно показалось, истинное же зло или добро забывает, тот неправильно рассуждает и, почитая иногда злое за доброе, а доброе за злое, причиняет себе часто несказанный вред.

в) Что нам угодно, того мы хотим и желаем, а не получая оного, скоро предприемлем делать то, чем бы могли желаемое нами получить. Сие действие души называется воля. Желания и намерения бывают часто столь сильны, что человек ни сил своих, ни имения, ни здоровья, ни жизни не щадит, лишь бы только желаемое получить; а из сего ясно, сколь нужно ведать, в самом ли деле те вещи, коих мы желаем, хороши, или вредны, или только хорошими кажутся. Кто о вещах неправильно рассуждает, тот хочет и делает злое, думая притом о себе, что он хочет и делает доброе. Память, ум, или разум, воля, желания и намерения называются душевными силами.

3. Когда сии душевные силы частым упражнением не изощряются, не руководствуются и добрым наставлением не исправляются, тогда воображения, кои человек себе о вещах света и благополучии делает, часто ложны и неправильны бывают. Не научается он тогда правильно различать доброго от злого и почитает то за доброе, чем желания и склонности сердца своего успокоить может. Итак, великое для человека благодеяние, когда его научают, как правильно мыслить, а потому и как правильно поступать.

ГЛАВА IV. О ДОЛЖНОСТЯХ К САМОМУ СЕБЕ

1. О порядке.

Порядок называется склонность и старание, дела свои так порядочно располагать, как их качество само собою требует; все вещи свои на известном некоем месте иметь и оные там сохранять, чтобы всякую в нужном случае скоро и невридиму сыскать было можно.

Человеку, который платье свое, обувь и пр. с вечера на извест-

ное некое и обыкновенное место положит, по утру не будет нужды одного здесь, а другого инде искать; по окончании игры надлежит также все на прежнее место класть.

В доме, в коем нет порядка, приходит все в замешательство; в таковом, что бы по утру сделать надлежало, то в полдень или под вечер исполняется...

2. О трудолюбии.

Кто всегда в деле упражняется, которое он по состоянию своему и по должностям звания своего отправлять должен, тот называется трудолюбив.

Трудолюбие есть склонность и старание делать то, чем кто себе и своим, по обстоятельствам состояния своего, потребное содержание честно приобретает, приобретенное же имение праведно сохраняет. Труд и работа служат не только к приобретанию нужного к жизни, но и к потребному ума и телесной крепости упражнению, следовательно, и к сохранению здравия.

А как первое, так и второе к произведению человеческого совершенства способствуют, то и должность наша есть трудиться.

Работою же или трудом называем все те упражнения, которые мы или ради себя, или ради других предпринимаем.

В государстве нет ничего полезнее и нужнее трудолюбия и прилежания подданных; ничего же нет вредительнее лености и праздности. Леность лишает даже здравия. Кто долго проспал, тот не весело идет на работу; пища же и питие никогда толь приятны не бывают, как по крепком движении. Любящий труд прилежен; а ненавидящий оный ленив. Труд есть должность наша и твердейший щит против порока. Ленивый и праздный человек есть бесполезное бремя земли и гнилой член общества.

3. О довольствии.

Довольствие есть склонность и старание праведно приобретенным имением довольствоваться.

Убогий человек, который тем, что имеет, доволен, гораздо счастливее богатого, который всегда более желает и никогда не доволен...

Довольный человек немного себе желает, а поелику мало желает, то часто больше получает, нежели надеется; и так часто причину к нечаянной радости имеет.

4. О хозяйстве.

Хозяйство называется склонность и старание доходы свои так располагать, чтобы все нужное в доме нашем водилось.

В хозяйстве не довольно того, чтобы стараться о приобретении честного достатка, но надлежит и о том думать, чтобы приобретенное сохранить и денег на ненужные вещи не тратить.

Сколь бы родительское наследство ни было велико, однако вскорь расточится, когда кто сохранять его не будет.

5. О сбережливости.

Сбережливость называется склонность и старание имение свое или нажиток так располагать, дабы за всеми нужными издержками еще и нечто оставить, и будущей ради нужды отложить.

Понеже мы будущих нам приключений знать не можем, чрез которые мы или имения нашего лишиться, или к приобретению потребного не способны быть можем, того ради должность наша есть и о таковых приключениях помышлять, и от настоящего имения нечто сберегать...

ЧАСТЬ II. О ПОПЕЧЕНИИ О ТЕЛЕ

ГЛАВА I. О ЗДРАВИИ

1. Здравием тела нашего называем мы то состояние, когда тело наше свободно от всех недостатков и болезней.

Здравие тела растворяет душу нашу радостию и делает обхождение наше с искренними и разумными приятелями веселым, а отправление должностей звания приятным. Хворость же делает нас печальными, препятствует в обхождении с добрыми друзьями, лишает нас случаев веселиться и наслаждаться различными творениями природы в различные времена года... и, наконец, ввергает нас и с домашними нашими в нищету, бедствие и смерть. Итак, следует из сего, что мы здравие тела нашего должны наблюдать.

2. Тело человеческое подвержено многим припадкам, от коих происходят недостатки телесные, слабости и болезни. С некоторыми из оных люди рождаются на свет, и потому оные наследственны; другие же, напротив того, приключаются человеку в жизни, и потому оные случайны.

3. Случайные телесные недостатки, слабости и болезни, коим мы подвержены, происходят: а) частию от других людей; б) частию от нас самих; в) частию также и от непредвидимых несчастных случаев.

4. Причины болезней, кои мы получаем от других, суть следующие: а) неосторожность и небрежение матерей, повивальных бабок, кормилиц и нянек; б) баловство при воспитании: когда детям дают во всем волю, потакают их желаниям и прихотям; а за непослушание их и упрямство не наказывают либо наказывают, но не впору; в) зараза от других, когда какая ни есть болезнь от других к нам прилипает; г) безрассудное лечение болезней; например: когда больному дают пить в горячке горячие напитки, отчего он может легко прийти в бешенство и впасть даже в самую крайнюю опасность жизни; д) легкомыслие, когда пугают детей чертями, домовыми и прочими ужасающими их небылицами; ибо от сего происходят также разные и опасные припадки, как-то родимцы и падучая болезнь; е) худые примеры и соблазны на пирах или в непозволительных местах и сходбищах.

5. Причины болезней, от нас происходящих, суть следующие: а) неумеренность в пище и питии; б) употребление незрелых овощей и плодов, також нездоровых и для желудка тяжелых яств; в) небрежение от жара и стужи; г) сидение или стояние на сквозном ветру, а особливо когда разгорячимся; д) сырость и духота в жилищах; е) жестокие страсти, как-то гнев, печаль, горесть и пр.; ж) блуд и всякая плотская нечистота, от коих рождаются страшные, прилипчивые и из рода в род простирающиеся болезни; з) неосторожное употребление всякого оружия и инструментов; и) неосторожность в ла-

зании, борьбе, прыгании, подымании тяжестей и пр.; к) упущение пригодных лекарств; л) неосторожное употребление хороших лекарств и слепое употребление способов суеверных.

6. Непредвидимые несчастные случаи бывают также почасту причиною тяжких болезней, как-то внезапный страх, нечаянный стыд, удар, падение, заразительный воздух и пр. В таковых случаях потребна бодрость духа.

ЧАСТЬ III. О ДОЛЖНОСТЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ, НА КОТОРЫЕ МЫ ОТ БОГА ОПРЕДЕЛЕНЫ

ГЛАВА I. О СОЮЗЕ ОБЩЕСТВЕННОМ ВООБЩЕ

1. Всякий человек должен своего, то есть других людей, любить и им делать столько добра, сколько он по обстоятельствам своим может, для того, что всякий человек того ж самого от других и себе желает.

2. То состояние, в котором все потребное к нужде и выгоде человеческой жизни легко получить, спокойно оным владеть и наслаждаться можно, называется внешним благополучием.

3. Люди без помощи других не могут доставить сами себе всех надобностей и выгод жизни ради многих препятствий; следовательно, не могут они привести сами себя в состояние внешнего благополучия, но потребном им к тому содействию других людей. Сие подало причину, что многие люди соединились в одно общество в том намерении, чтоб друг другу в потребном к их нужде и выгоде помогать.

4. Из сего следует, что мы должны тех, кои нам к сему внешнего благополучия состоянию или действительно помогают, или помогать могут, любить, то есть им по возможности нашей оказывать добро и быть полезными, следовательно, и благополучия их взаимно искать. Итак, человеколюбие есть основание общества.

ГЛАВА II. О СУПРУЖЕСКОМ СОЮЗЕ

1. Первый союз есть супружеский. Сей союз есть древнейший, потому что бог сам еще в раю оный установил: намерение и конец оного есть рода человеческого продолжение.

2. Един токмо муж и едина токмо жена составляют сей союз. Сии должны друг друга любить, друг другу верны быть и вместе пребывать, пока смерть их не разлучит...

ГЛАВА III. О СОЮЗЕ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

От первого супружеского союза, когда дети родятся, начинается другой, а именно союз родителей и детей.

1. Родители, вообще сказать, должны о детях своих попечение иметь. Пока дети малы и не в состоянии еще сами себе помогать,

родители должны их кормить, воспитывать и им показывать то, что им делать надобно; для того что дети сами еще не разумеют, что хорошо или им действительно полезно, и что без попечения и руководства родителей, ради немощи своей ко снисканию и ради слабости телесных и душевных сил своих, были бы подвержены недостатку и многому вреду. Сие попечение родителей о детях своих должно быть в их воспитании; а воспитание в том состоит, дабы детей всякому добру наставлять, всему, что по обстоятельствам их нужно, а особливо закону божию, или самим, или чрез других обучать, добрые примеры подавать, рождающееся в них зло отвращать и, когда увещания не пользуют, неупустительно наказывать, однако не причиняя им вреда, дабы безмерною строгостию не сделать их раздраженными и ожесточенными. Надлежит родителям и о том стараться, чтоб детям своим некое имение собрать и оставить; нерадение родителей о всем здесь упомянутом есть тяжкое преступление должностей их.

2. Но и дети имеют весьма великое обязательство к родителям своим: понеже жизнь свою от них получили, то и должно им быть весьма к ним благодарными. Они обязаны родителей своих почитать не токмо словами, но сердцем и делом и за то получают себе благословение божие; они должны повиноваться, и повиновение свое наипаче тем показывать, чтобы увещания родителей своих принимать и наставлениям их последовать. Детям не должно сокрушать родителей своих, но стараться их радовать, не должно их огорчать, ни раздражать, ни обижать, ни презирать...

Николай Гаврилович Курганов

(1725 (?) — 1796)

Просветитель, педагог, издатель, ученик Л. Ф. Магницкого, последователь демократических идей М. В. Ломоносова, Н. Г. Курганов вписал яркую страницу в историю борьбы за развитие просвещения, передовой педагогической мысли России. Выходец из бедной семьи (отец был унтер-офицером), он испытал все тяготы сословного воспитания. Как одаренного ученика после окончания Школы математических и навигацких наук его посылают учиться в Морскую академию, которую он блестяще заканчивает. Но из-за недворянского происхождения его надолго оставляют при академии «помощником ученого подмастерья». Лишь после 30-летней педагогической деятельности, в 1774 г., он получает звание профессора высшей математики и навигации и занимает в Кадетском корпусе должность инспектора.

Разносторонне образованный человек, Н. Г. Курганов занимался математикой, навигацией, астрономией, русской словесностью. М. В. Ломоносов называл его «самым искусным обсерватором». Книга «Письмовник» Курганова, вышедшая в 1769 г., была настольной книгой-энциклопедией не только в кругах демократических чита-

телей, но и у среднего и мелкого дворянства. До 1837 г. она переиздавалась 18 раз.

Большой вклад Н. Г. Курганов внес в разработку учебных книг, учебной литературы. Как и в «Письмовнике», в учебниках Н. Г. Курганов излагал свои демократические взгляды на обучение и воспитание юношества, критиковал устаревшие методы преподавания, пропагандировал отечественную науку, литературу, заложил основы отечественной дидактики, направленной на развитие логического мышления, культуры речи, на использование полученных знаний на практике.

Из «Генеральной арифметики»

Предисловие

Читателю не дивно покажется, что я издаю такую науку*, о которой многие уже имеем книги на нашем языке, ежели рассмотрит, что они для всякого сему учащегося юношества недостаточны и мало способны. Сия то причина понудила меня прежде изданную мною в 1757 г. «Универсальную арифметику» третично издать, исключа алгебраические, геометрические и прочие выкладки, а оставя в ней только все надлежащее до цифирного счисления и расположа в лучшем для наставления юношества порядке и объяснении. Чего ради пересмотря я прежнюю, всячески старался содержащиеся в ней арифметические правила представить всякому читателю яснее и вразумительнее; в некоторых местах оную переправил и пополнил и уповаю, что все то, что в первом издании некоторым казалось быть не ясно, в сем показано удобопонятнее. Сделал же сие тем охотнее, поелику знаю, что и прежний мой труд был не бесполезен обществу.

АРИФМЕТИКА
О ПЕРВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ЦЕЛЫХ И ДРОБНЫХ ЧИСЛАХ
ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ СЛОВ

Арифметика... есть наука о числах, учащая изобретать свойства чисел, и подает правила, способные к решению разных в народе случающихся вычислений, или учит, как по известным числам находить неизвестные.

Арифметика есть часть математики, и все науки, которые рассуждают о величине или количестве, математика называются.

Величина или количество есть все то, что за сложенное из частей принято или что увеличить или умалить можно.

Количество и числа одного рода, или однородные, суть подобные части какой-либо одной вещи.

Количество представляется двояко: одно составное из отдаленных между собою частей, как на примере горсть дроби, и оное числами

* Наука есть искусство уметь доказать основательно и порядочно правду всякого предложения.

изъявляется; другое из частей, между собою соединенных как цепь; такая величина протяжением именуется. Итак, числа и протяжения суть оба количества, токмо с такой разностию, что первые счислять, а последние мерять и счислять вдруг можно; того ради о числах рассуждает арифметика, а о протяжениях — геометрия (землемерие).

А понеже всякая наука математики упражняется только в том, как из знаемых (данных) количеств находить неведомые (искомые), которые с данными величинами сходство имеют, и разные науки математики происходят от разных родов количества, потому что всякая наука о особливом роде оного рассуждает; то из сих обстоятельств явно, что арифметика и геометрия заключают в себе все основания прочих наук, как на примере астрономии, механики, оптики, навигации и иных знаний, которые суть только употребление арифметики и геометрии в действии по особливым их вещам, как в движении светил небесных, в равновесии твердых и жидких тел, в свойстве света, в ходу корабля и пр. Следовательно, не зная арифметики и геометрии как первоначальных наук, учения прочих постигнуть невозможно.

ЧАСТЬ I. О ГЛАВНЫХ АРИФМЕТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЯХ В ЦЕЛЫХ И ДРОБНЫХ ЧИСЛАХ

ГЛАВА I. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧИСЕЛ, ОБ ИХ ИЗОБРАЖЕНИИ И ВЫГОВОРЕ, ИЛИ, ПРОСТО, О СЧИСЛЕНИИ

Сие действие учит, как надлежит всякое данное число написать, а изображенное знаками число выговаривать.

Количество, числами изображенное, разумеется, из двух или многих равных частей состоящее, из которых всякая часть единица называется, и единица есть общее название всякого количества, поколику оное одно называется.

Посему число есть собрание единиц, или одного роду многих вещей; понеже две единицы составляют число два, а когда к сему прибавятся еще две, то учинит число четыре, и т. д.

При сем надлежит уже знать, что десятью один делает число десять, или десяток, десять десятков, или десятью десять, составляют число сто, потом десятью сто — тысяча, десятью тысяча — десять тысяч.

Здесь в расположении вещей несколько от других писателей отступлено для того, что сей порядок показался мне сроднее и сходнее с понятием юношеским. Притом во многих других арифметиках некоторые правила истолкованы по алгебре*; что юношеству, начинающему учиться, понимать трудно, то я для легчайшего их понятия все такие правила изъяснил, не употребляя букварного счисления.

Ежели рассудить о намерении, с каким должно обучаться арифме-

* Алгебра... есть наука, по которой можно решить всякие в свете возможные вычисления по литерам, или буквам.

тике (коя учит изобретать сокровенные свойства чисел и употреблять выведенные из оных свойств следствия в пользу), то правила счисления, случающиеся в общежитии, заслуживают больше уважения, нежели содержащиеся в ней к прочим наукам основания, расположенные математическим способом*, каковы суть Евклидовы элементы**, потому что начинающему учиться младому отроку арифметике по слабости разума больше пользы принесть может употребление таких книг, в коих есть одни правила, изъясненные примерами и утверждаются поверением. Не нужно присовокуплять ко всякой задаче обширное доказательство; а довольно того, ежели самое решение истолковано так, что можно видеть истину всякого действия; ибо долгое изъяснение причиняет юношеству скуку и отвращение и делает учение трудным и продолжительным, потому что молодые люди, читая или слушая такое толкование, всего оного понять и памятовать не могут.

Впрочем, самый лучший писатель не может постигнуть такого совершенства, чтоб мог он ясно истолковать свои мысли, соблюсти строгость математического порядка***, весьма искусно совокупить теорию (умозрение) и практику деяния арифметики и показать много новых изобретений. Мы видим, часто случается у знатнейших писателей, бывают некоторые предложения весьма темно истолкованы, и притом алгебраически, а у иных находятся такие правила, кои в житейских нуждах, ни в действиях природы невместимы, и таковый труд поистине можно почесть за бесполезное и тщетное умствование.

Также никакая арифметика не может быть полезна юношеству без предводительства. Ибо часто случается, что они, обучив все правила арифметики, едва могут решить простейшие примеры и, выуча много примеров, не знают сказать, до которого они принадлежат правила. Причиною того незрелое по малолетству их рассуждение, и то, ежели они не учатся примером, состоящим в именных числах. От сего происходит, когда кто не имеет от природы хорошего понятия, то в решении случающихся вычислений легко погрешить может; того ради учащемуся юноше должно прилежно вникать в действительное употребление и усиливать привычкою свое рассуждение, дабы знать, какое правило и в каких случаях употреблять.

* Математический способ есть такой порядок учения, чтоб от самых легчайших о вещах понятий починать науку и оттуда выводить надлежащие истины, а из сношения оных между собою находить новые предложения.

** Элементы Евклидовы[25] новейшего издания с французского языка мною переведены и изданы в 1769 г.; сии стихи по изволению Фридриха, короля-философа, преподавались во училищах Пруссии и прочих областей. А генеральной геометрии или измерения протяжения, составляющего теорию и практику оной науки, книга первая, содержащая в себе основательное, то есть доказательное, учение геометрии, плоской тригонометрии и сферики, издана мною 1765 г., и оная больше 20 лет употреблялась в классах Морского кадетского корпуса.

*** Строгость математического порядка состоит в том, чтоб ничего, кроме известного и ясно доказанного, за основание не принимать. Сему-то учат помянутые Евклидовы элементы и пр. с доказательством геометрии, кои нечувствительно приучают рассуждать о вещах твердо и основательно и приуготовляют разум к понятию высоких наук.

В рассуждении того, хотя здесь все предложено и доказано несколько кратко: что всяк то скорее понимает и легче памятует, чего довод в немногих словах ясно видит; и такое учение удобнее может употребить в свою пользу; токмо на все вычисления показаны правила с некоторыми примечаниями, и оные многими примерами так изъяснены, что, уповаю, прилежно и внимательно учащийся без особливого в том наставления оные уразумеет, всего основание и причину ясно усмотрит, в состоянии будет изобретать и решить новые вопросы и не понудится искать решения арифметических примеров в других книгах потому, что я наблюдал не упустить ни одного правила, употребительного в общежитии, и не сомневаюсь, чтоб мог сыскаться какой случай, к арифметике надлежащий, коего бы по предписанным здесь правилам решить не можно было. Не думаю, чтоб способный сему учиться мог найти какое-либо затруднение в разумении сего сочинения. Я старался оное учинить для всех полезным, а успех мой в том зависит от праведного мнения читателей.

Напоследок доношу, что хотелось мне, если время дозволит, за сею арифметикою издать особливо алгебру, то есть науку о счислении по буквам, по которой можно решить легчайшим и удобнейшим способом всякие арифметические и геометрические выкладки, не могущие решиться одними числами. Понеже арифметика почитается за простой способ вычисления и за одну из легчайших для понятия наук; но алгебра есть наука, показывающая общий способ всякой выкладки буквами и пристойными знаками. Она иначе называется универсальною или повсеместною арифметикою, потому что производит действия и правила, подобные простой арифметике и основанные на тех же началах. Но по желанию приятеля моего, добра человека, российского купца Ивана Петровича господина Глазунова принужден отменить то и первое тиснение всеобщего числовника, бывшее в 1757 г., сим изданием повторить с прибавкою и поправкою многих вещей и расположить сию книгу в трех частях.

Михаил Евсеевич Головин

(1756—1790)

Ученик Л. Эйлера[26], последователь просветительских идей М. В. Ломоносова, один из первых отечественных методистов по математике и физике. Родился в селе Матигоры Архангельской губернии. Образование получил в академической гимназии и университете. За успехи в области математики по предложению Л. Эйлера М. Е. Головин в 20-летнем возрасте получил звание адъюнкта.

Научную работу сочетал с педагогической. Особенно успешно работал в Петербургском главном народном училище, учительской семинарии, готовя учителей для народных училищ России. Здесь он получил звание профессора. Однако педагогическая деятельность

М. Е. Головина продолжалась недолго. Крестьянский сын вызывал неприязнь у руководителей Академии наук, и в 1786 г. он вынужден был уйти из академии, а в 1789 г.— с педагогической работы. Все это отразилось на его здоровье; М. Е. Головин умирает в возрасте 34 лет.

В педагогическом наследии М. Е. Головина важное место занимают учебные книги, руководства для народных училищ, руководства по арифметике, геометрии, механике, физике и др., которые отличались глубоко продуманным в научном, методическом и логическом отношении расположением материала, органической связью теории с практикой. М. Е. Головин учитывал возраст учащихся, условия работы учителя в народных училищах. Как правило, его руководства снабжены методическими указаниями, таблицами, схемами, которые помогали учителю в процессе обучения учащихся.

Из книги «Краткое руководство к геометрии»[27]

Предисловие

Сколько знание геометрии полезно и нужно в общежитии, никто спорить не может: землемерие, архитектура гражданская и военная, мореплавание, физика, механика и пр.,— словом, все наиполезнейшие для людей науки служат явным тому доказательством. Самые художества и рукоделия немало в свою пользу от ней заимствовать могут: так живописцу поможет она в исправном рисованье; инструментальщику в делании верных орудий; столяру и плотнику в проведении прямых и горизонтальных линий, делании углов и наблюдении во всем надлежащей соразмерности; каменщику в складывании стен; самому даже хлебопашцу сделает пользу при означении меж в случае споров, при разделении полей во время посева, при строении овинов, закромов и пр.

Учитель, проходя геометрию по сей книжке, должен заставлять учеников прочитывать каждый период; изъяснить оный, тотчас спрашивать, как они истолкованное поняли, а не подаваться далее до тех пор, пока большая часть учеников не уразумели хорошо прочитанного. При задачах, доказательства требующих, надлежит сначала истолковать самое предложение, потом приступить к доказательству. Причем должно напоминать ученикам, в каком случае задачу сию в общежитии употреблять можно. Если ученик сделал одну такую задачу, то задавать и больше на ее примеров, таких, кои можно употребить действительно в общежитии с пользою. Практические задачи можно разрешать на ровном столе булавками и нитками, из коих первые заступят место кольев, а другие цепей; притом училище снабжено должно быть упоминаемыми в сей книжке орудиями, както астролябиею, компасом и пр., с коими учителю вместе с учениками надлежит в летнее время выходить на поле и там на деле показать ре-

шение практических задач, кои в классах по теории или посредством булавок и ниток разрешены были. Если дойдено будет до тел, то должно сделать их из толстой бумаги, показать ученикам и стараться довести их до того, чтоб они и сами сделали то же; одним словом, делать все то, что служит к лучшему и легчайшему преподаваемых предметов уразумению.

В прочем надлежит уведомить читателей, что книга сия издается для народного только употребления, следовательно, не заключает в себе правил глубокой геометрии, которая одному или другому классу сограждан только необходима; но помещает в себе самонужнейшие предложения, без знания коих в общежитии всякому гражданину обойтись затруднительно.

Краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара[28]

(отрывок)

Предисловие

Искусственные земные шары представляют изображение обитаемой человеческим родом планеты, которую вообще Землею называем; небесные же показывают положение и расстояние зримых нами неподвижных звезд. Как помощию первых получается ясное и основательное понятие о связном положении матерой Земли, государств, областей, морей и рек, и вообще о виде, величине, суточном и годовом движении Земли, и о явлении нам небесных тел, а купно с последними и понятие о взаимном Земли и небесных тел отношении, то Комиссия об учреждении училищ... издавая ныне в свет первые таковые шары с российским надписанием, присовокупляет сие краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара, содержащее изъяснения математического шаров сих разделения, и потребные наставления к познанию мира.

В тех классах народных училищ, в коих юношество обучается географии, должно находиться по одному земному и небесному шару, дабы ученики, имея их пред глазами, получали твердое впечатление о истинном строении сего мира; учителя же, обучающие географии, должны во время учения оной показывать ученикам положение каждой области или государства на таковом земном шаре. Первую главу из сей математической географии учитель проходит пред начатием политической географии; а последующие, как и изъяснение небесного шара, предоставляет он до окончания истолкованием генеральных ландкарт и поступает в том по правилам и общим преподавания предписаниям, а именно, заставляя учеников читать по параграфам, должен он показывать им содержание параграфа на самых глобусах и, разобрав таким образом все математические шаров сих разделения, велит ученикам находящимся в сем руководстве порядком решить и доказывать задачи, что и в § 8 Устава народным училищам предписано.

Введение

§ 1

Математическая география рассуждает о виде и величине Земли нашей, яко части, занимающей место в пространстве мира сего.

§ 2

Земля, по системе Коперника[29], признанной от всех новейших астрономов за истинную, находится между планетами Венера и Марс и имеет вид шара, что доказать можно

а) лунными затмениями: ибо во всяком лунном затмении примечено, что земная тень вступает в лунный круг, наподобие круглой черной тарелки, и по оному идет, какое бы Луна, в рассуждении Земли, положение ни имела; но как шару только подобное тело в разных положениях круглую тень отбрасывать может, то следует, что Земля кругла наподобие шара;

б) различною высотою Полярной звезды на разных местах и различным временем восхождения и захождения светил небесных: ибо где бы мы ни находились, всегда видеть можем, что Полярная звезда на один градус возвышается, как скоро к ней на 105 почти верст приближимся; так что она стояла бы прямо над головою, когда бы в самый Северный полюс прийти можно было. То же бы самое воспоследовало с южною Полярною звездою, если бы на юг предпринято было путешествие. Из сего следует, что Земля к северу и к югу имеет шару подобную круглость, ибо иначе такие явления не могли бы воспоследовать. Но что Земля к востоку и западу так же кругла, как к северу и югу, то явствует из того, что солнце и все звезды восходят и заходят ранее, когда приближаемся к востоку; а позже, когда идем на запад; чему равномерно от шару подобного только виду произойти должно;

в) различными путешествиями, кои около Земли в различные времена были предприняты, потому что в оных выходили всегда соответственные свойствам шара явления: как, например, когда отъезжают из гавани, то горы и башни от часу становятся ниже; а напоследок и совсем из виду уходят; при приближении же видны бывают сначала только вершины башен, а самое основание их наконец уже усматривается.

§ 3

Хотя на Земле находятся и многие высокие горы, однако оне круглости Земли нимало препятствовать не могут, потому что их высоту, в рассуждении всей Земли, за чрезвычайно малую почитать должно. Самая высочайшая ныне известная гора Шимборазо в провинции Перу ниже одной немецкой мили; следственно, как маленькие пупырышки круглости яблока, так и горы круглости Земли нимало вредить не могут.

Примечание. В новейшие времена действительным измерением градусов экватора и меридиана близ Северного полюса в Лапландии найдено, что Земля не есть шар совершенный, но к полюсам несколько сжата, а под экватором возвышена. Разность между поперешником экватора и осью земною, по измерениям и исчислениям г. Бугера[10], составляет не более 10 немецких миль. Но как в географии большой точности не требуется, то сия разность почитается за ничто и Земля приемлется за шар совершенно круглый...

Василий Федорович Зуев

(1754—1794)

Географ и натуралист, академик Петербургской Академии наук (1779), профессор главного народного училища, инспектор учительской семинарии в Петербурге, первый русский методист-естественник, автор первого русского учебника по естествознанию для народных училищ «Начертание естественной истории» (1786).

Родом из крестьян Тверской губернии. Отец — солдат Семеновского полка. Так как детям солдат-гвардейцев разрешалось учиться в училищах столицы, В. Ф. Зуев поступает в академическую гимназию и успешно ее заканчивает. Университетское образование получил в Лейденском университете (Германия), университете Страсбурга (Франция). Защитил диссертацию, за что получил звание адъюнкта Академии наук. Как географ, натуралист, изучил Восточную Сибирь, юг России, Крым.

В работах по естествознанию В. Ф. Зуев придерживался прогрессивной теории всеобщей изменчивости в природе. Много сил отдал разработке методики преподавания естественной истории и созданию первой в России учебной книги для народных училищ по естественной истории. Написанный им учебник под названием «Начертание естественной истории» был по достоинству оценен лишь после Октябрьской революции.

Начертание естественной истории[31]

(отрывки)

Введение

Нет почти человека, которому бы познание вещей естественных не было нужно, полезно, а иногда и необходимо. Мы не говорим здесь о бренном нащем составе, который беспрестанной требует помощи от тою же десницею сотворенных былий; но пища и питие, одеяние и прикрытие, нужды естественные, по разным света полосам различ-

ные, однако всегда первые, действующие на нас еще с самого нашего рождения, уже довольно доказывают, сколько надобно сведение тех вещей, коими мы оным удовлетворяем. Каким же образом вещи сии познавать, приобретать, употреблять, тому учит книга сия, «Начертание естественной истории», изданная к употреблению народных училищ, заключающая в себе токмо нужнейшие, а притом по большей части из произведений российских. Содержащиеся в ней предметы расположены по наружному виду, так, как оные каждому представляются или как каждый оные наиспособнее понимать может.

В народном училище преподающий по сей книге учитель заставляет, во-первых, того либо другого ученика читать попараграфно; прочетши один параграф, толкует оный и, растолковав, спрашивает того либо другого ученика, как они читанное и толкованное понимают. Если большая часть учеников отвечает хорошо, то заставляет читать далее, как выше сказано; в противном же случае толкует прежний параграф снова.

При толковании параграфа, или, лучше сказать, при рассуждении о какой-либо вещи учитель показывает оную в самой натуре или, по крайней мере, на картине, почему при каждом народном училище в сем классе должно стараться иметь таковых вещей собрание, которые в натуре, которые в рисунках.

Но как все сие еще только касается до одной описанных предметов истории, а намерение народного просвещения состоит в паче в пользе и образе употребления, то учитель не преминет рассказывать о всех веществах, как которые куда употребляются, которые наипаче заслуживают в рассуждении заведения или размножения их (помня всегда, которое где родится) для частной или общественной пользы особенного внимания, которые годны ко введению в употребление, которые к заменению чужестранных.

А чтоб польза сего учения еще явственнее была в своей подробности, то каждое в наместничестве народное училище наипервее да примется за познание собственных своих произведений, которые, следовательно, наипервее и должны быть собраны, а познавая соседственные, узнает, как у себя и чужие заводить, и свои размножать, удобрять и распространять должно.

НАЧЕРТАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

§ 1. Естественная история есть наука, которая рассказывает нам о всяких телах, на земном шаре обитающих.

§ 2. Тела естественные разделяются на три царства: на ископаемое, прозябаемое и животное.

§ 3. В ископаемом царстве содержатся тела, доставляемые из земли, грубые, неживые, нечувствительные и с места на место не движущиеся, например: земли, каменья и другие твердые и жидкие в земле тела. Наука, подробнее об оных толкующая, называется минералогией.

§ 4. Прозябаемое царство заключает в себе тела, на земле вы-

растающие, живые, чувствительные и с места на место не движущиеся, как дерево, травы и прочие растения. Наука, подробнее об оных толкующая, называется ботаникой.

§ 5. К животному царству причисляются тела, по земле встречающиеся, живые, чувствующие и с места на место движущиеся, каковы суть: звери, птицы, рыбы и пр. Наука, подробнее об оных преподающая, называется зоологией.

ИСКОПАЕМОЕ ЦАРСТВО

§ 6. Тела, твердые или жидкие, состоящие из многих сродных частиц, нестройные, необразные, бесчувственные, составляют ископаемое царство.

§ 7. Ископаемые тела разделяются на семь отделений: на земли, камни, соли, горючие вещества, полуметаллы, металлы и окаменелости.

О землях

§ 8. Малые частицы, вместе лежащие и неплотно между собою соединенные, ни в воде, ни в масле не распускающиеся, суть земли.

§ 9. Простых земель четыре: пыловатая, известковая, глинистая и песковатая...

ПРОЗЯБАЕМОЕ ЦАРСТВО

§ 11. Главнейшие растения части суть: корень, ствол и цветок, все у разных разные.

§ 12. Прозябаемое царство распростирается по всей земной поверхности, хотя со свойственным себе наблюдением климата, местоположения и качества земли; и потому выходит, что не везде на земле одинакие растения родятся...

§ 14. Польза от разных растений разная и как в естестве, так и для человека весьма обширна; иные, по неведению нашему ни к чему другому негодные, согнивая, по крайней мере, на голейших каменных местах, составляют по себе землю, дабы после другие травы могли на их окореняться и питаться. Мхи и папоротники превращают болота и топи в сухие земли, сверх того, прикрывают молодые травы и корешки их от засухи и ознобу. Зелень и цветки прокармливают бесчисленное множество животных. Древа и кустарники прикрывают своею тенью нижайшие их травы; останавливают ветры; испарением и вдохновением своих листьев поправляют воздух, ежегодным очищением себя от листьев, коры и сучьев поправляют и удобряют землю. Наконец... сколько пользы для одного человека в пищу, лекарства и домостроительство, многие знают, но немногие признают естества благость...

ЖИВОТНОЕ ЦАРСТВО

§ 7. В голове содержится мозг, от которого внутрь и вне по всему телу распространяются нервы, или чувственные жилки.

§ 8. Нервы, кончащиеся с особливым устройством в известных тела местах, составляют так называемые органы чувств, в коих производящиеся извне перемены нарицаются чувствами.

§ 9. Таковых явнейших чувств почитается пять: глаза — зрение, уха — слышание, носа — обоняние, языка — вкус, кожи — осязание. Внутреннее ж строение оных чувств: глаз, сложенный шар из перепонок и разных внутри жидкостей, в коем зрительный нерв, входя из мозга, расстилается по внутреннему дну в виде перепонки, коею принимает на себя все вне находящиеся предметов изображения и составляет зрение. Ухо, хрящевая и головной кости различнообразованная труба, по коей снутри распространяется входящий из мозга слыхательный нерв, представляющий главным своим отрывком на перепонке, внешнее ушко от внутренней трубы отделяющей, натянутую струну, коею все вне производящиеся звоны сообщаются по трубе мозгу, и сие называется слышание. Нос — средственное на переди лица пустое возвышение, наполненное разными легкими извилистыми косточками, одетыми так, как и вся внутренняя сторона носа, мокрою перепонкою, по коей нюхательный нерв из мозга распространяется для принятия на себя всяких испарений или запахов, и сие есть обоняние. Язык, мягкая во рту часть, по коей два отрывка от пятого из мозга нерва, вкусительными называемые, проходя на поверхности, оканчиваются сосочками, принимающими на себя действие распущающихся по ним тел, и сие составляет вкус. Кожа, внешнее всякого тела покрывало, в котором чувственные жилки, из мозга и хребтовой мозговины распространяясь, оканчиваются на поверхности сосочками, производящими в душе чувствие, называемое осязанием.

Примечание. Не все животные имеют все сии чувства, но разнствуют от совершеннейшего человека или меньшим числом оных, или лучшеством того либо другого чувства, награждающего недостаток прочих...

Евгений Борисович Сырейщиков

(? —1790)

Профессор Московского университета. Свои взгляды на воспитание юношества, в частности нравственного, Е. Б. Сырейщиков изложил в речи «О пользе нравоучения при воспитании юношества», произнесенной в публичном собрании Московского университета 30 июня 1783 г. «Нравственное воспитание юношества,— подчеркивал Е. Б. Сырейщиков,— есть... сколько трудное, столько ж и важное дело, потому что от оного... зависит благоденствие не семейств только частных, но и всего общества»; «...От всех болезней душевных... предохраняет человека нравственная наука... Надо эту науку преподавать как можно раньше» [2].

Для народных училищ написал «Краткую Российскую грамматику». Она интересна тем, что написана в духе учения М. В. Ломоносова

о родном языке. Кроме того, учебный материал методически и научно продуман так, что «учащим малого весьма труда будет стоить преподавать по ней учение и самым малолетним детям».

К сожалению, о жизни и деятельности Е. Б. Сырейщикова сохранилось мало сведений. «Частная жизнь и нравственный характер нам неизвестен» — так написано о нем современниками.

Краткая Российская грамматика[32]

Предисловие

Сколько необходима грамматика для изучения языков, то доказывается одним ее определением.

Издаваемая ныне «Российская грамматика», коль ни сокращенна быть кажется, содержит, однако ж, в себе все нужное и, сверх того, при всей краткости, соблюдена в ней такая ясность, что учащим малого весьма труда будет стоить преподавать по ней учение и самым малолетним детям, а особливо поступая в том по следующему наставлению.

Учитель, прошед в грамматике истолкование об имени, заставляет учеников поодиночке приискивать в какой-либо учебной книге имена существительные и пр., показывая, какого каждое из них рода, которого склонения, в каком падеже, а прилагательные в какой степени уравнения; причем более всего упражняет учеников своих в склонении, сперва порознь имен существительных и прилагательных, а по времени соединяя их вместе и согласуя в роде; в рассуждении ж имен прилагательных заставляет учитель учеников приводить их в разные степени уравнения и в оных склонять. Сие упражнение продолжает учитель и по истолковании местоимений, приказывая ученикам склонять местоимения, соединив с именами существительными и прилагательными. На примере, склоняя местоимения *сей, моя, то,* велит учитель прибирать к сим местоимениям пристойные имена существительные и прилагательные и с оными склонять местоимения *сей, моя, то,* как-то: *сей* огромный дом, *моя* правая рука, *то* приятное время, ибо в таком соединении дети удобнее удерживать могут в памяти склонения имен и местоимений. Но еще нужнее упражнение в спряжении глаголов; почему учитель не токмо на каждое спряжение, но и на каждый залог глаголов заставляет поодиночке своих учеников написать на черной доске, по меньшей мере, по одному полному примеру. Причастия должны ученики склонять с именами существительными, так, как имена прилагательные.

В сочинении слов каждое правило прилежно должно быть изъяснено и снабжено довольным числом примеров, по которым учащиеся лучше помнить будут сии правила, нежели б учили их наизусть. По окончании таким образом всей грамматики учитель заставляет учеников разбирать взятый период из какой-либо учебной книги, грамматическим способом, показывая все части речи и правила из

сочинения слов, по которым оные части речи соединены, а потом, выбрав учитель сам один из таких периодов, переставляет в нем все речения и заставляет ученика приводить оные в порядок по правилам сочинения слов; в сие ж время повторяет учитель с учениками своими таблицу о правописании, которая тем яснее учинится для учащихся, что они уже знают грамматику.

Из речи «О пользе нравоучения при воспитании юношества»[33]

...Нравственное воспитание юношества, составляющего подпору и подкрепление всякого общества, есть, конечно, сколько трудное, столько ж и важное дело, потому что от оного непосредственно зависит благоденствие не семейств только частных, но и всего общества. Итак, конечно, нет должности, которая бы требовала больше благоразумия, неусыпности, бдения и проницательности в том, кому она поручается, ибо как от нерадения при физическом воспитании случаются недостатки и несовершенства в теле, причиняющие родителям и ближним такого несчастного юноши сердечную скорбь, так от недосмотрения и оплошности при нравственном воспитании остаются недостатки и несовершенства в душе, приключающие не только родителям и ближним несносную горесть, но и всему обществу урон невозвратимый. Болезни тела, сколько б они ни застарелись, могут, однако, быть если не совсем уврачеваны, то, по крайней мере, много облегчены; болезни ж души, как скоро не в самом начале их подается им потребное врачевание, то делаются уже неисцелимыми. Болезни тела, сколько б они мучительны ни были, от самого продолжения времени немало уменьшаются; болезни ж души от продолжения времени становятся жесточайшими и пагубнейшими. Страждущий телесною болезнию никому не может причинить ни досады, ни огорчения, а только производит в сердцах наших, жалостным состоянием своим, сострадание, за которое он, яко за облегчение некое, платит всегда сердечною благодарностию; страждущий же болезнями душевными причиняет всегда не только ближним своим и сторонним, но и целому обществу огорчение, беспокойство и совершенный вред и на самых тех, кои изъявляют о нем соболезнование свое и тщатся подать ему какое-либо облегчительное средство, устремляется с злостию и ожесточением. Болезни телесные если и бывают когда соединены в одном и том же человеке, то одна умеряет жестокость другой, одна препятствует усилию другой или и совсем одна другую изгоняет; болезни ж душевные одна рождает другую, одна другую подкрепляет и взаимно одна другой спомошествует усугублению. Словом, когда и в телесных болезнях делаем мы между ними различие, смотря по тому, какой которая из них уязвляет член, и по сему самому одну пред другою почитаем опаснейшею, то как можно сравнить болезни, уязвляющие душу, часть человека благороднейшую, с болезнями, тело удручающими. Конечно,

сколько душа превосходнее тела, столько и болезни душевные несноснее и опаснее телесных. От всех душевных, толико ужасных болезней, совершенно предохраняют человека нравственные науки, или нравоучение; а как сии болезни вкрадываются в сердца и души весьма рано, то есть тогда, когда человек едва выходить начинает из детского возраста, то и потребно при самом воспитании преподавать юношеству нравоучение, или такую науку, которая показывает ему не только то, каким образом может оно предохранить себя от заразы сих болезней, но також, в случае, когда кто по неосторожности и несчастию своему впадет в оные, научает, как можно воспрепятствовать усилению оных, а потом, когда они еще не по всей душе разлили яд свой, и совершенно излечить их.

Но кто ж сии толь опасные и лютые болезни, душу человеческую убивающие? Они суть пристрастия наши, или стремление воли нашей, вместо истинного и прочного добра, к добру ложному и скоро проходящему или к злу, под видом добра нам представляющемуся; а как нравоучение научает нас не только различать истинное добро от ложного, но и преподает наставления, как можно нам приучить волю нашу избирать всегда истинное добро, а от ложного избегать, то из сего и должны мы заключить, что нравоучение одно в состоянии предохранить нас от сей гибели. Преподавая же нам важную науку познания самого себя, нравоучение подает нам верные средства к укрощению оных непокорных, бунтующих и сильных противников.

Нравоучение покажет юноше весьма ясно истинную цену каждой добродетели и пользу, какую каждая из них во всю жизнь его ему приносить может, так как и пагубные следствия, кои каждый порок влечет за собою. Оно научит его снимать с сих последних личину, коею они, для уловления юных сердец, прикрывают гнусность свою. Оно откроет ему, что щедрость его, например, к которой он особенное имеет стремление, вышла уже из пределов, в коих изящная добродетель сия заключается, и превратилась в расточительность, сей столько бедствий в обществах причиняющий порок. Оно скажет ему, что склонность его к покою и увеселениям если не будет умерена, то превратится вскоре в леность и празднолюбие, сии два пагубных источника всех пороков, приводящие не только тело в расслабление, но и самую душу во изнеможение. Оно откроет ему, что склонность его высоко мыслить о своих дарованиях и совершенствах, а дарования и совершенства других почитать малыми и неважными есть начало открывающейся в нем гордости, порока, столько для всех нестерпимого, и что если он желает произвести в обществе доброе о себе мнение, то должен заблаговременно переменить сей образ мыслей и поступков своих. Оно изъяснит ему, что досада, оказывающаяся в нем при всякой не по его желанию случившейся вещи, соединенная с неудовольствием на того, кому сей противный мыслям его успех он приписывает, есть знак склонности его к гневу, страсти, часто весьма бедственные и плачевные имеющей следствия. Уведомляя подробным сему образом нравоучение юношу о всякой рождающейся в нем страсти и показывая ему каждой вредные для

него следствия, научает оно его вместе и тому, как надлежит какую страсть умерять. Оно научит его также любить добродетели, внушая ему беспрестанно, что они одни могут человека учинить счастливым и что все прочее хотя и кажется для нас счастием, но есть непрочно и хотя на мгновение ока и доставляет нам удовольствие или увеселение, но после наказывает нас продолжительным и несносным мучением. Словом, нравоучение есть зеркало, весьма верно все черты или движения сердца нашего представляющее. Оно есть тот истинный друг, которого все ищут, но немногие находят и который нам как все наши добрые дела и качества представляет без ласкательства, так и порочные без потворства. Из сего заключить можно, что, к какому бы состоянию юноша себя ни приуготовлял, нравоучение везде принесет ему великую пользу. Если он ощущает в себе довольно мужества, чтоб учиниться последователем Марсовым[34], то нравоучение покажет ему, в чем состоит истинное воина мужество; научит его отличать оное от безрассудной опрометности... Если ж он похочет служить отечеству своему, приемля на себя охранение законов и внутреннего спокойствия, то нравоучение истолкует ему, сколько нужно для соблюдения целости всякого общества, чтоб законы, общее всех членов оного благоденствия ограждающие, сохраняемы были свято и ненарушимо; чтоб все, как сильный, так и маломощный, как богатый, так и убогий, равную находили в них себе защиту, и потому, чтоб всем и каждому отдана была без лицеприятия должная справедливость. Оно покажет ему, сколько согрешает против человечества тот, кто для угождения сильному теснит маломощного и для умножения богатства человека избыточествующего отнимает последнее у бедного. Оно приучит сердце его к жалости, заставит его чтить слезы вдовы и не отвращать слуху своего от вопля сирот, помощи требующих у него и заступления. Словом, нет состояния, в котором бы нравоучение не было нужно человеку. Но что может человека, суровостию непостоянного счастия угнетаемого, подкрепить столько, как нравоучение? Что, кроме нравоучения, удобно отвратить его от поносного и недостойного отчаяния? Оно, научая его не возвышаться в счастии, научает також не изнемогать под бременем несчастия, а особливо когда он не может приписывать самому себе причины своего несчастия. Наконец, нравоучение делает человека другом всех людей добродетельных и любви его достойных: ибо от порочных оно его столько ж удаляет, сколько к добродетельным привлекает; да и к самым порочным вселяет в него сожаление и повелевает ему все способы употреблять к их исправлению. Из чего верно заключить можно, что человек, твердо сохраняющий правила нравоучения, не только в отечестве своем, но и вне оного, словом, в самых отдаленнейших концах земли всеми добродетельными людьми бывает любим, как бы своими ближними. Везде находит он людей, готовых к помощи ему, когда он имеет в ней нужду. Всякий за удовольствие считает оказать услугу свою ему, как такому человеку, который сам сокрушается тогда, когда видит себя не в состоянии представить оную другому. Всякий с радостию разделяет

с ним имение свое, зная, что если дойдет ему нужда, то одолженный им ничего не пощадит для него, как человек, любящий больше одолжать, нежели одолжаться, и делать паче благодеяния, нежели получать оные; и между тем, как слышит он от всех жалобу на времена, что толь мало производят людей, друзьями быть способных, он во внутренности сердца своего утешается, находя во всех добродетельных людях друзей своих, и с восторгом благодарит нравоучению...

Коль ни слабо и ни кратко доказано мною, сколько нравоучение полезно при воспитании юношества, однако как сия истина каждому из вас совершенно известна, то я оканчиваю слово мое представлением вам доказательства, сию истину несравненно более утверждающего, нежели... все сказанное мною... а именно... чтоб во всех на иждивении государственном содержащихся училищах, при прочих науках, преподаваемо было также и нравоучение.

Екатерина Романовна Дашкова
(1743—1810)

Деятель русской культуры, директор Петербургской Академии наук, президент Российской Академии (Академии русского языка и словесности).

Родилась в Петербурге, после смерти матери воспитывалась в доме дяди, канцлера Российского государства М. И. Воронцова[35]. Получила блестящее образование, знала несколько иностранных языков, читала в подлинниках сочинения французских просветителей. Будучи за границей, встречалась с Дидро[36], Вольтером[37]. По возвращении в Россию возглавила в начале 1783 г. Петербургскую Академию наук, в конце того же года учрежденную по ее предложению Российскую Академию для разработки и усовершенствования русского языка и словесности. Как руководитель двух академий, Е. Р. Дашкова прилагала много сил для сплочения ученых, писателей, любителей русской словесности с целью развития отечественного языка. По ее инициативе и при активном участии Российской Академией был выпущен толковый словарь русского языка (Словарь Академии Российской).

Вопросы воспитания занимали значительное место в ее жизни и деятельности. Она была в курсе всех достижений педагогической науки, придерживалась прогрессивных взглядов в воспитании. В статье «О смысле слова «воспитание» высмеивала дворян, преклонявшихся перед иностранной модой, презиравших все национальное, русское, стремившихся воспитывать детей по западному образцу. Е. Р. Дашкова считала, что в первую очередь нужно обучать детей русскому языку, а потом уже иностранным и древним языкам. Сторонницу просвещенного абсолютизма и сословного воспитания, ее волновали вопросы воспитания детей дворян. По ее инициативе академическая гимназия получила новое здание. Было увеличено число гимназистов. В 90-е гг. по ее настоянию в академической гимназии было пересмотрено содержание обучения.

Е. Р. Дашкова сотрудничала в журналах «Невинное упражнение», «Друг просвещения», где публиковала сочинения французских просветителей; основала новые периодические издания «Собеседник любителей российского слова» и «Новые ежемесячные сочинения». В «Собеседнике» были напечатаны произведения многих талантливых литераторов: Д. И. Фонвизина, И. Ф. Богдановича, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова и других.

В 1794 г. Е. Р. Дашкова была фактически отстранена от дел, официально получив отпуск на два года «для поправления здоровья и своих собственных дел». Поводом для отставки послужило следующее событие. В альманахе «Российский театр» за счет академии в пользу детей Я. Б. Княжнина[38] с разрешения Е. Р. Дашковой была опубликова его трагедия, в которой Екатерина II усмотрела антимонархическую направленность.

С воцарением Павла I Е. Р. Дашкова была лишена всех занимаемых должностей. В конце жизни она написала мемуары, которые впервые были изданы в Лондоне в 1859 г. по инициативе А. И. Герцена и с его предисловием.

О смысле слова «воспитание»[39]

(в сокращении)

Прадеды наши называли воспитанием то, когда они выучат детей своих псалтыри и считать по счетам; после чего просвещенному своему сыну в награждение дарили киевского тиснения Часовник; но учили притом к царю верности, к закону повиновения, твердого наблюдения данного слова или обещания; а как сами других областей не знали, так и деток своих из отечества, кое они ценили выше других государств, не пускали.

Сие воспитание едва воспитанием назваться может: ибо должность гражданина и право естественное юношеству было неизвестно. Они без зазору еще могли пребывать суровыми мужьями и отцами, немилосердными господами, и отличные природные дарования невидимы исчезали; оные и нужны не были: ибо без просвещения к исполнению

только того, что от них требовалось, малейшее количество ума достаточно было. Но в оном воспитании незнание, а не развращение видимо было, что, по моему мнению, предпочтительно или, по крайней мере, не столь бедственно: ибо неуча научить можно скорее, нежели развратного исправить. Путешествие же по чужим государствам невежде, не приуготовленному к тому воспитанием и не имеющему в сердце своем скоренной к отечеству и родителям любви, только к пагубе послужить удобно. Напротив того, путешествия с намерением просвещаться, перенимать хорошее, а убегать порицательного, с приуготовленными уже к тому знаниями молодому человеку, конечно, весьма полезны быть могут.

Деды наши воспитание понимали уже несколько иначе. Ябеда их поощрила детей своих учить Уложению. Скоро потом артикул со сказкою Бовы-королевича читался. Наконец, и арифметикою не все пренебрегали.

Но и сие воспитание, конечно, не выполняет смысла, который слово «воспитание» в себе содержит. Однако воспитанники тогдашние не стыдились еще быть русскими.

Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян. В их век просвещение, дошедшее к нам от французов, казалось им, так изобильно водворилось в отечестве нашем, что знатный один господин в тысяча семьсот пятьдесят, не помню, котором-то году, с восторгом говоря приехавшему вновь сюда, доказывал ему о просвещении тогдашнем, тем что завелись уже в России французские обойщики, швейцары и, наконец, о дивное дело! что установлена и лотерея, хотя барыш, с оной получаемый, не в помощь бедных, больных или престарелых употребляем был. Тогда танцмейстеры, французские учителя или мадамы, по их мнению, все воспитание совершали, хотя с улиц парижских без пропитания шатающиеся или от заслуженного в отечестве своем наказания укрывающиеся оными воспитательницами по большой части бывали.

Нередко случалось слышать особливо в Замоскворецких съездах или беседах, как-то на родинах, именинах или крестинах: «Что ты, матушка, своей мамзели даешь?» ? «Дарага, праклятая, дарага! Да что делать; хочется воспитать детей своих благородно: сто восемьдесят рублей деньгами, да сахару по пяти и чаю по одному фунту на месяц ей даю».— «И матушка! Я так своей больше плачу: двести пятьдесят рублей на год, да домашних всяких припасов даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моет кружево мое и чепчики мне шьет, да и Танюшу выучила чепчики делать. Нынче, матушка, уж и замуж дочери не выдашь, коли по-французски она говорить не умеет; а постричь ее вить нельзя же. Как быть! Да я и сама-таки люблю французское благородство и надеюсь, что дочь моя в грязь лицом не ударит».— Учителями же бывали не только парижские лакеи, но и таковые, которые уже и в России ливрею носили.

Воспитание сие не только не полезным, но и вредным назваться может: ибо лучше было бы Танюше не уметь чепчиков шить, кружева

Здание Российской Академии на Васильевском острове.

мыть и по-французски болтать, да не иметь и тех гнусных в голове и сердце чувствований, кои подлая и часто развратная французская девка ей впечатлевает. Она бы могла быть лучшею женою, матерью и госпожею, если бы, не зная худо чужого языка, природному своему языку выучена была и если бы она имела любовь к отечеству вместо пренебрежения, кое мамзелюшки к оному детям вперяют; почтение к родителям; любовь к порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, ветреность и небрежение в себе показывала; тогда бы можно было заключить, что родители ея правильное о слове «воспитание» понятие имели, нежели Танюшино поведение подает повод думать.

Воспитание, которое мы детям своим даем, еще более разнствует с воспитанием, кое прапрадеды дедам нашим давали. Мы еще более удалились от справедливого смысла, заключающегося в слове «воспитание», прибавя к разврату, который учителя и мадамы в сердца детей наших сеют, разврат, которому предаются дети наши, путешествуя без иного намерения, окроме веселья, без рассудка, без нужного примечания и погружая себя в Париже или в Страсбурге только в праздность, роскошь и пороки, с истощенным телом, с истощенным смыслом и кошельком домой беспоправочны возвращаются. А как пребывание в Париже, по их мнению, им дает поверхность над теми, кои в нем не были, и как притом число небывших в Париже почти можно считать как 1 против 1000, то по мере сей препорции и высокомерятся, во всяком случае отличаются такой надменностию, что и в собраниях, для коих они только себя и прочили, несносными себя делают. Не в поле, не в совете или служении отечеству они себя отличить и посвятить хотят: танцы, клавикорты или скрипка, разговоры о театрах и действующих на оных — вот благородное и пространное поле, которое наши дети выбрали и на коем отличиться

желают. Наглость и надменность, обыкновенные спутники незнания, и в сооб ествах быть вожделенными им препятствуют, ибо они так надоедают, перебивая у всех речь, говоря о всем решительным образом, пренебрегая все то, что здесь видят, а решения свои свыше всякой апелляции считая, для того что они были в Париже, почему, обнажив, наконец, свою ветреность и ничтожество, перестают скоро быть зваными или желаемыми и в самых тех собраниях, где, кажется, другого намерения нету, как только время проводить, или, лучше сказать, потерять оное. Дочери наши стараются мотовством своим прославиться... Романы читать, на клавикортах и арфе бренчать есть главное их упражнение. Родители хороших правил детям своим не вперяют, к размышлению их не приучают; чему же дивиться, когда так мало браков совершаются или что совершившиеся скоро разрываются. Основательно мыслящий молодой человек для того жениться опасается, чтоб с женою он не получил и долгов, на оплату коих имения его недостаточно быть может; легкомысленный парижский россиянин не женится для того... что не хочет умножить трудностей, коими он уже обременяется, увертываяся и обманывая своих кредиторов. И наконец, для того, чтоб не терять на воспитание детей и домостроительство своего времени, которое он на театральные действия употребляет; оного бы недоставало ему для учения роли, кои он в комедии или драме с такою славою и с собственным удовольствием представляет, если б он должность мужа женатого на себя предпринял.

Но сколь ни велико усердие мое, чтоб слову «воспитание» прямой смысл здесь вывесть, а чрез то самое внимание родителей к полезному воспитанию детей обратить, прибавлю здесь только некоторые аксиомы, коих, по мнению моему, всякому родителю... знать надлежит.

Воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается.

Воспитание ранее начинается и позднее оканчивается, нежели вообще думают.

Воспитание не в одних внешних талантах состоит: украшенная наружность вкусом или действиями, кои от танцмейстера, от фехтмейстера и пр. получаются, без приобретения красот ума и сердца есть только кукольство, кое становится с летами не нужным, и конечно, мужу зрелого ума не инако, как для редкого употребления в сообществе пригодным.

Воспитание состоит не в приобретении только чужих языков, ниже в науках одних; ибо и ремесленный человек, определяя сына своего к какому-нибудь также ремеслу, если только что оному его выучит, а не даст ему чрез воспитание крепости и силы, могущей переносить труды телесные, и не вперит ему как поучениями, так и примером своим любви к трудам, к трезвости, верности и порядку, он не может надеяться зреть его благополучным: ибо он не влил в сердце сына своего того основания, на коем единственно благосостояние созидаться может, и не доставил ему также той бодрости тела, которая для трудов весьма нужна. Кольми паче возвышенное состояние, которое с собою приносит власть и способы доброде-

тельствовать и силу делать притеснение и обиды зависимым и подчиненным, требует такового воспитания, в коем бы человеколюбие, справедливость и добродетель твердое основание имели, а здоровье, утвержденное благоразумным физическим воспитанием, соделовало питомца храбрым, к войне и трудам способным и во нраве своем благоприятным и равным.

По чему заключить можно, что слово «воспитание» прямого, к несчастию нашему, определенного смысла у нас еще не имеет. Разум оного обширен, пространен и содержит в себе три главные части, которых союз выполняет его существо, то есть совершенное воспитание состоит из физического воспитания, из нравственного и, наконец, из школьного, или классического. Первые две части всякому человеку необходимо нужны, третья же некоторого звания людям нужна и прилична, но притом не лишняя никому и украшает и самую высшую степень знатности, в коей таковые преобретенные красоты ума с большим блеском оказываются и сияют. Просвещение в вельможе несчетную пользу обществу приносит, поелику подчиненные ему будут им отличаемы не за подлые от них к нему услуги или таканье, но за достоинства и за исправность в возложенном на них служении.

Особенное изъяснение каждой части, коих союз выполняет совершенное воспитание

Физическое воспитание выполняется, когда детям чрез простую пищу, чрез простое и покойное платье, чрез движение, привычку к воздуху и трудам попадут силы и сделают их телом крепкими и здоровыми. Польза оного ощутительна не только относительно долголетию, но и способствию, коим таковое воспитание служит соделывать так вскормленных людей способными к большим предприятиям, геройским подвигам и к непоколебимой твердости в предпринятом, ибо трудно себя ласкать надеждою, от истощенного и слабого тела увидеть действия великого духа, кои всегда с трудами, а нередко и с опасностию соединены бывают.

Нравственное воспитание выполняется, когда детей к терпению, к благосклонности и к благоразумному повиновению приучишь, когда вперишь им, что правила чести суть закон, коему подчиняются все степени и состояния; когда, не обременяя их память излишними предписаниями, впечатлеешь в нежные сердца их любовь к правде и к отечеству, почтение к законам церковным и гражданским, почтение и доверенность к родителям, омерзение к эгоизму, по коему все относится только к себе и кое, отторгая члена от общества, прерывает ту цепь, которая общество с ним соединяла; и наконец, когда уверишь их о святой сей истине, что благополучным быть невозможно, когда не выполнишь долгу звания своего, что никакое богатство, знать или могущество неудобны доставить внутреннее спокойствие (кое всему в жизни нашей предпочтительнее), если пред отечеством... совесть тебя нарицает виновным...

Школьное или классическое воспитание выполняется совершен-

ным познанием природного языка, также латинского и греческого, коим учат для почерпания в зрелых летах красот и высоких мыслей, которых бы мы на нашем языке не имели, если б из древних латинских и греческих классиков оных не заняли, и следственно б не знали; для сообщения же с иностранцами немецкий, английский или французский язык. Арифметика, как одно из начальных учений, необходимо нужна каждому человеку. В университетах английских, а особливо в Эдинбургском университете, в коем гораздо строже прочих экзаменуют... должно знать следующие науки так твердо, чтоб при публичном экзамене не только на вопросы профессоров, но и предстоящей публики (ибо тогда всякий имеет право кандидату задачи предлагать) быть в состоянии удовольствовать ответом своим; а именно: логику, риторику, историю, географию, высшую математику, нравственную философию, юриспруденцию, философию естественную... и наконец, химию и многие другие науки, кои по званию, на себя принимаемому, и разнствуют. От некоторых же наук, можно сказать, еще отрасли есть, кои для одного звания людей надобны, для других же не полезны или излишними почитаться могут...

Николай Иванович Новиков (1744—1818)

Просветитель, писатель, журналист, издатель, оказавший большое влияние на формирование мировоззрения передовых людей России.

Выходец из среднепоместных дворян, Н. И. Новиков учился в гимназии при Московском университете (1755—1760), служил в лейб-гвардейском Измайловском полку (1762—1767), исполнял обязанности «держателя дневных записок» (протоколиста) в Комиссии об уложении, созданной Екатериной II (1767—1769).

После ухода в отставку с военной службы занялся издательской и публицистической деятельностью. Издавал сатирические журналы «Трутень» (1769—1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772—1773), «Кошелек» (1774), в которых печатал и свои произведения, гневно обличавшие

помещиков-крепостников, карьеристов и взяточников. Кроме того, Н. И. Новиков издал сотни различных книг по всем отраслям знаний. Около трети книг, выпускаемых в это время в России, приходилось на долю типографии Новикова. Им была организована книжная торговля в различных городах России; открыта в Москве библиотека-читальня; основаны две школы для детей разночинцев; развернута помощь голодающим крестьянам.

Вокруг Н. И. Новикова сложилось «Дружеское общество», цель которого — просвещение народа, пропаганда новой прогрессивной системы воспитания и обучения. По инициативе Новикова публикуется много научных и учебных педагогических книг, детской литературы. Он создает первый в России журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума».

Н. И. Новиков стоял у истоков отечественной педагогической науки. В педагогическом сочинении «О воспитании и наставлении детей» (1783) он впервые в России употребил слово «педагогика», которое обозначает «особую и важную науку» о «воспитании тела, разума и сердца». Цель этой науки — «образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами». Вся работа пронизана любовью автора к детям. Много интересных мыслей Н. И. Новиков высказал по вопросам эстетического воспитания, о домашних учителях, о том, как организовать учение, чтобы дети были активны, самостоятельны, проявляли интерес к науке, умственному труду.

Однако нельзя не учитывать, что Н. И. Новикову была свойственна переоценка роли воспитания в переустройстве общественной жизни России; он был защитником религиозно-нравственного воспитания.

Вся просветительская и издательская деятельность Н. И. Новикова проникнута ненавистью к самодержавию, крепостничеству. Это прекрасно понимала Екатерина II, которая с середины 1780-х гг. начала преследовать писателя. В 1789 г. у него отобрали университетскую типографию, а в 1792 г. по приказу Екатерины II Н. И. Новиков был арестован и без суда заключен в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет. Он был освобожден Павлом I в 1796 г., но разрешения на продолжение издательской деятельности не получил. Сломленный нравственно и физически, Н. И. Новиков общественно-педагогической деятельностью уже не занимался.

О воспитании и наставлении детей[40]
(в сокращении)

Введение

Кто несколько только размышлял о влиянии человеческих распоряжений в благополучие человеческое, особенно ж о влиянии воспитания во всю прочую жизнь человека, тот признается, что воспитание детей как для государства, так и для каждой особенной

фамилии весьма важно. С самыми лучшими законами, с самою религией, при самом цветущем состоянии наук и художеств государство имело б весьма худых членов, если б правительство пренебрегло сей единый предмет, на котором утверждается все в каждом государстве. Самое изрядное учреждение правосудия не делает служителей оного совестными, а судей неподкупными; самая религия не может воспрепятствовать, чтоб недостойные служители не делали ее иногда покровом гнуснейших пороков и не злоупотребляли к споспешествованию вредных намерений; изящнейшие законы благочиния мало могут действовать, если честность, искренность, любовь к порядку, умеренность и подлинная любовь к отечеству суть чуждые гражданам добродетели. Все зависит от того, чтоб всякий образован был к добродетелям состояния своего и знания. Но когда должно, когда может предпринято быть сие образование, если не в том возрасте, в котором душа открыта всякому впечатлению и, нерешима будучи между добродетелию и пороком, столь же удобно исполняется благородными чувствованиями, привыкает к справедливым правилам и утверждается в добродетельных способностях, как и предается механизму чувственных похотей, огню страстей и заранее обманчивых примеров и принимает несчастную способность к дурачеству и к пороку? Итак, процветание государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания. Законодательство, религия, благочиние, науки и художества хотя и могут сделаны быть споспешествовательными средствами и защитами нравов, однако если нравы уже повреждены, то и оные перестают быть благодетельными; стремительная река развращения разрывает сии защиты, обессиливает законы, обезображивает религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает художества рабами глупости и роскоши. Единое воспитание есть подлинный творец добрых нравов; чрез него вкус добродетели, привычка к порядку, чувствование изрядного, чрез него отечественный дух, благородная (на истине и знании основанная) народная гордость, презрение слабости и всего прикрашенного и маловажного, любовь к простоте и к натуре со всеми человекодружественными, общественными и гражданскими добродетелями должны овладеть сердцами граждан; чрез него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно с их полом, а всякий особенный класс государства тем, чем быть ему надлежит. Все прочее сделается удобным, когда воспитание достигнет возможной степени своего совершенства; законы успевают тогда сами собою... ...науки делаются неисчерпаемыми источниками действительных выгод для государства; художества украшают жизнь, дают благородство чувствию, становятся ободрительными средствами добродетели; всякий отдел граждан пребывает верен своему определению; и всеобщее трудолюбие, подкрепляемое умеренностью и добрым домостроительством, доставляет и самому многочисленному народу безопасность от недостатка и довольствие своим состоянием... Ибо воспитание детей весьма важно... для... отца и для... матери. Хотя бы находились родители, могущие только ослепиться в округе своих должностей, чтобы спокойно могли сносить мысль, что они пустят

БУКВАРЬ

ДЛЯ

УПОТРЕБЛЕНІЯ

РОССІЙСКАГО

ЮНОШЕСТВА.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова 1780 года.

Титульный лист «Букваря для употребления российского юношества», изданного Н. И. Новиковым в своей типографии.

4

Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы

х ц ч ш щ ъ ы

Ь Ѣ Э Ю Я Ѳ Ѵ.

ь ѣ э ю я ѳ ѵ.

А Б В Г Д Е Ж Ѕ З

а б в г д е ж ѕ з

Й І К Л М Н О П Р

и і к л м н о п р

С Т Ѹ Ѵ Ф Х Ѿ Ц Ч

с т ѹ ѵ ф х ѿ ц ч

Ш Щ Ъ Ы Ь Ѣ Є Ю Ѧ

ш щ ъ ы ь ѣ є ю ѧ

Ѡ Ѧ Ѯ Ѱ Ѧ Ѵ.

ѡ ѧ ѯ ѱ ѧ ѵ.

А

5

А Б В Г Д Е Ж

а б в г д е ж

З И І К Л М Н

з и і к л м н

О П Р С Т У Ф

о п р с т у ф

Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы

х ц ч ш щ ъ ы

Ь Ѣ Э Ю Я Ѳ Ѵ.

ь ѣ э ю я ѳ ѵ.

Азъ, А а. Буки, Б б. Вѣди, В в. Глаголь, Г г. Добро, Д д. Есть, Е е. Живѣте, Ж ж. Земля, З з. Иже, И и. І і. Како, К к. Люди, Л л. Мыслѣте, М м. Нашъ, Н н. Онъ, О о. Покой, П п. Рцы, Р р. Слово, С с. Твердо Т т. У у. Фертъ, Ф ф. Херъ, Х х. Цы, Ц ц. Червь, Ч ч. Ша, Ш ш. Ща, Щ щ. Еръ, Ъ ъ. Еры, Ы ы. Ерь, Ь ь. Ять, Ѣ ѣ. Э э. Ю ю. Я я. Ѳита, Ѳ ѳ. Ижица, Ѵ ѵ.

А з Стро-

Фрагмент азбуки из «Букваря для употребления российского юношества».

в свет злодея или глупца либо, худо воспитавши дочь, сделают несчастливым брак и подадут случай к целым поколениям худых и потому несчастных людей, то, по крайней мере, должна бы ужасна им быть та мысль, что самые сии пренебреженные в воспитании детей накажут их за их беспечность и, вместо того чтоб быть утехою и радостию старости их, будут рушителями их покоя и удовольствия. Всякий друг человечества пожелает, чтоб ни одна фамилия не узнала себя в сем образе; но всякий внимательный наблюдатель находит, что, к сожалению! еще немало родителей сему подвержены. Коль многие из тех самых, которым бог даровал все, в чем человеки поставляют обыкновенно свое блаженство, потому только несчастливы в своей старости, что от детей нажили себе вместо радости печаль, что развращенность сына приводит фамилию в замешательство либо и совсем погубляет, что глупости дочери подвергают ее публичному презрению. И не сугубо ли огорчительно должно быть сие оскорбление таковым родителям, когда они в часы размышления (которые непременно бывают и при самом легкомысленном, самом рассеянном образе жизни) находят, что они сами беспечным воспитанием положили основание к сим порокам или глупостям, что они сами соплели бич, наказывающий их теперь за их беспечность.

Но может быть, не беспечность или небрежение причиною тому, что между вступающим в свет юношеством нередко бывают худые

люди и негодные граждане; может быть, недостает еще надлежащего распоряжения познаний, нужных для домашнего воспитания; может быть, некоторые предрассудки и худые обычаи не допускают сих познаний распространиться. Ибо, действительно, не можно сказать о нации нашей, чтоб родители не старались о воспитании своих детей. Трудно сыскать фамилию, которая бы, не имея довольно иждивения на приватное воспитание, не отдавала бы детей своих в училище; а многие находятся такие, которые с великим иждивением содержат для детей своих гофмейстеров, гофмейстерин, учителей языков, танцеванья и рисованья. Итак, конечно, есть нечто, противящееся сим добрым и похвальным попечениям родителей и делающее оные, по крайней мере, бесполезными великому предмету воспитания. Может быть, при многих распоряжениях и великом иждивении на воспитание детей и при самом непрерывном и многоразличном наставлении оных пропущается истинное образование разума и сердца. Справедлива ли сия наша догадка или нет, то оставляем на рассуждение почтенным нашим читателям. Можно, державши при детях с малолетства их гофмейстеров и гофмейстерин, воспитать их худо, можно, употребивши многие тысячи на их воспитание, не сделать, однако, ничего к истинному их благу, а именно когда все сии распоряжения употребляются на то, чтоб сообщить им некоторые знания и способности, которыми бы могли они блистать в свете; а первое, великое, толь много в себе заключающее дело воспитания, то есть образование сердца, пренебрегается; когда вместо того, чтоб приучать разум их к правильному размышлению и вести к познанию истины и добра, наполняют головы их ветром, и вместо того, чтоб очистить волю их и направить склонности к добру, благородству и величеству, делают сердце их чувствительным только к малостям или совсем к глупости и пороку. Без сомнения, трудно будет доказать некоторым родителям возможность сего в таких фамилиях, в которых дети имеют гофмейстеров и гофмейстерин; но сию-то самую доверенность к своим распоряжениям, сие-то самое неосновательное успокоение, воображая себе, что они для воспитания детей своих сделали уже все, давши им гофмейстеров и гофмейстерин, сие-то, во-первых, и должно им откинуть; впрочем же, может быть, круг собственных их знакомств представит им говорящие доказательства помянутого. Между тем истинно то, что воспитание есть весьма запутанное, трудное дело, в котором весьма удобно и различно можно что-нибудь упустить и в котором, однако, всякое упущение причиняет вечный вред, если не будет примечено и поправлено заблаговременно. Оно есть особенная тонкая наука, предполагающая себе многие знания и в исполнении требующая много наблюдательного духа, внимания и просвещенного практического рассудка. Итак никто не рождается с нею; и не постигает ее также в течение жизни, подобной жизни какого-либо растения или бабочки; но должно научаться ей из благовыбранного чтения, из опыта и размышления. Посему неудивительно, что сия наука (она называется педагогикою) еще мало известна; неудивительно и то, что она особенно неизвестна тому классу людей, которым здесь

обыкновенно поручается приватное воспитание и, может быть, иногда по недостатку лучших и должно быть поручаемо; но неудивительно и то, что воспитание во многих домах еще худо.

Сии рассуждения и печальный опыт того, что книги мало еще читаются, что всегда еще ложная бережливость, нерачительное расположение времени, излишняя склонность к увеселениям или что бы то ни было препятствуют успехам вкуса в чтении и в полезных занятиях; сии рассуждения и опыт привели нас к намерению сделать чрез публичные «Ведомости» известными те правила и положения воспитания, без знания и исполнения которых все распоряжения и все издержки по большей части бесплодны. Мы будем при сем справляться с лучшими сочинениями иностранных* и порадуемся, если возможем споспешествовать на сем пути просвещению и возбудить всеобщее постоянное желание к сему великому важному делу.

О ВСЕОБЩЕЙ И ПОСЛЕДНЕЙ ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ И О ЧАСТЯХ ЕГО

Всякое человеческое дело, требующее в исполнении распорядков и времени, тем лучше удается и почти тогда только и бывает хорошо исполнено, когда сначала представишь себе ясно его предмет и после в исполнении никогда не будешь упускать оный из вида. Тогда только бываем мы в состоянии рассуждать правильно о всяком шаге, поступленном в сем деле, испытывать всякое представляющееся нам средство, познавать и отвращать всякое препятствие. Последуем сему всеобщему правилу благоразумия и в столь важно деле воспитания! Итак исследуем здесь сперва: какой есть подлинный, истинный и последний предмет воспитания? Сие исследование послужит нам купно ответом на вопрос: какое воспитание действительно всех лучше? Также проложит оно нам путь к познанию всех главных оного частей. Может быть, при сем исследовании окажется и то, для чего честные и рачительные родители столь редко достигают цели в воспитании детей своих; может быть, откроется, что сие происходит оттого только, что они не знали главного предмета воспитания и, почитая некоторые посторонние предметы и средства за главную цель, посвящали оным все свое попечение.

В предыдущем отделении видели мы, что обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как, наконец, все должности родителей детям состоят в том, чтоб сколько возможно споспешествовать благополучию детей, должность же государству в отношении к детям их есть та, чтоб в оных доставить ему полезных граждан,

* Одно из преимущественных сих сочинений, а именно англичанина Локка рассуждения о воспитании, давно уже переведено на российский язык; но многие ли его читают?

то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предмета воспитания.

Принявши сии правила и рассматривая по оным разные особенные намерения, случающиеся при воспитании детей, увидим, что все сии особенные намерения никак не могут быть главным предметом воспитания и что сей, напротив того, ни в чем ином состоит, как в образовании детей благополучными людьми и полезными гражданами. Если б, например, какой-нибудь отец захотел стараться сделать сына своего только ученым или если б другой захотел образовать его светским человеком или воспитать искусного художника либо купца, то все сии отцы сделали бы, может быть, для намерения своего весьма много, но не споспешествовали бы нисколько истинному благу детей своих, ибо со всеми сими качествами можно быть худым и потому несчастливым человеком. Они, конечно, дали бы детям своим некоторое воспитание, но совсем не исполнили бы должностей своих оным и самой должности государству несовершенное сделали б чрез то удовлетворение, ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин.

Итак, все сии и подобные особенные намерения, или образования к известному состоянию, никоим образом не составляют главного предмета воспитания. Никакой отец не может хвалиться исполнением должности воспитателя, достигнувши с детьми своими до цели того или другого из сих намерений или нескольких вкупе. Они суть посторонние предметы, которые, яко средства к главному предмету, могут быть хороши и похвальны по свойству обстоятельств*, но главный предмет воспитания, как мы уже сказали, есть тот, чтоб *образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами*. Все иные определения, будучи слишком несовершенны, не могут даны быть столь пространному воспитанию; сие только одно заключает в себе его во всей обширности. Теперь поступим далее в нашем исследовании.

Мы думаем, что продолженным доселе разыканием и определением истинного главного предмета воспитания означили мы родителям цель, по которой могут они узнать прямой путь в воспитании. Сей цели не должны они, как выше упомянуто, никогда упускать из вида, если не хотят совратиться на разные распутия, и должны достигнуть ее, если хотят приобрести ту великую заслугу, что воспитать детей своих самолучшим образом. Но только истолкованием сего всеобщего и главного правила воспитания можем мы приблизить к ним ту до-

* Мы говорим: по свойству обстоятельств, ибо не всегда, не во всех обстоятельствах бывают сии особенные намерения хороши и похвальны. Например, не только не хорошо и не похвально, но и весьма глупо было бы, если б отец, имеющий сына, от природы глупого, захотел его сделать ученым человеком; или если б другой захотел воспитать художником либо виртуозом сына, призываемого породою и богатством к политическим делам и в большой свет; или если б иной намерился образовать сына светским человеком не сходственно ни с породою, ни с имуществом своим. Тогда только сии особенные намерения хороши и похвальны, когда соразмерны обстоятельствам родителей и детей; ибо тогда бывают они не только весьма пристойными, но и нужными средствами к споспешествованию главному предмету воспитания, как то вскоре мы покажем.

вольно отдаленную цель, то есть проводить их по сему мрачному пути. Сие самое истолкование также подтвердит паки справедливость оного всеобщего и главного правила, ибо откроется, что можно из него вывести все главные части воспитания.

Дети наши должны образованы быть, счастливыми людьми и полезными гражданами. При сем опыт и человеческая натура напоминают нам, что здоровье и крепкое сложение тела весьма спопешествуют нашему удовольствию и что в молодости лежит основание как здравия и крепости, так и слабости и болезней тела. Итак, оказывается теперь первая главная часть воспитания, то есть попечение о теле, или должность родителей стараться о том, чтоб дети их имели здоровое и крепкое сложение тела. Сию часть воспитания называют ученые физическим воспитанием; а первая есть она потому, что образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места.

Никакой человек не может быть ни довольным и счастливым, ни добрым гражданином, если сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводящими его либо до пороков, либо до дурачеств; если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть или корыстолюбие, заставляет его домогаться чужого имения, или сладострастие обессиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно никакого иметь удовольствия, или, наконец, если сердце его столь скудно чувствованиями религии, то помышление о смерти ввергает его в уныние без всякой надежды; а все сие зависит от образования сердца в юношестве. Из сего следует вторая главная часть воспитания, имеющая предметом образование сердца и называемая учеными нравственным воспитанием.

По свойству всякого гражданского класса, к которому человек принадлежит, для пользы государству и для собственного его удовольствия нужно, чтоб он имел большую или меньшую меру познаний, высшую или низшую степень просвещения; некоторые гражданские классы требуют даже определенной меры познаний в науках; просвещение разума вообще спопешествует высокой степени человеческого благополучия, и, наконец, всякий человек тем полезнее бывает государству, чем просвещеннее его разум. Из сего происходит третия главная часть воспитания, имеющая предметом просвещение, или образование, разума.

Воспитание имеет три главные части: воспитание физическое, касающееся до одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением, или образованием, разума. Все сии три части вывели мы из правила, положенного всеобщим и последним предметом воспитания, то есть:

«Воспитывай детей своих счастливыми людьми и полезными гражданами».

Каждая из сих трех частей имеет особенные свои правила, положения и действия, без которых не может она хорошо быть испол-

нена и которые впоследствии предложим мы по принятому здесь разделению.

Может быть, нечто из того покажется некоторым из читателей наших странно или совсем смешно, так, как теперь то, что мы образование тела причисляем к науке воспитательной, потому что бывают родители, воображающие себе, что к телесному воспитанию ничто не нужно, как только хорошо кормить детей. Неприятно, может статься, иным родителям будет и то, что мы, по свойству самой матери, откровенно представляя доброе и похвальное при воспитании или вредное и хулы достойное, упомянем о таких злоупотреблениях, которым и они причастны. Однако предмет наш не есть тот, чтоб сокращать время нашим читателям или усыплять их во вредных предрассудках; но с искренним и чистосердечным намерением стараемся мы сделать известною общеполезную и нужную истину. Посему не можем мы заботиться о всем том и должны еще по совести избегать рачительно всего, могущего споспешествовать сну греховному, столь вредному во всяком пункте нравоучения.

Теперь при конце первого отделения, повторим вкратце сказанное нами досель. В самом начале видели мы, что воспитание детей весьма важно как для государства, так и для всякой особенной фамилии; видели, что родители троякую имеют обязанность воспитывать детей самым лучшим образом; притом представили как благодетельные следствия доброго воспитания, так и печальные следствия воспитания пренебреженного. Доказавши таким образом необходимость самого лучшего воспитания детей, старались узнать сперва вообще сие самолучшее воспитание. На сей конец старались сыскать то, какое последнее или главное намерение должны иметь родители при воспитании, или, другими словами, сказать, какой есть всеобщий и последний предмет воспитания. Сие исследование сперва показало нам, что все особенные намерения, обыкновенно при воспитании бывающие и за главное дело почитаемые, не суть главное дело или главный предмет оного. Оно показало нам, что сии суть посторонние дела, которые по обстоятельствам хотя и могут быть добрыми и похвальными, но как исполнение их не исчерпает еще родительской при воспитании должности, то не суть они главный предмет и, яко посторонние предметы, тогда только могут быть действительно хороши и похвальны, когда употребляются пристойно, то есть сходственно с обстоятельствами родителей и детей, и служат посредством ко главному предмету. Потом покрылось нам из сего исследования, что последний главный предмет воспитания есть тот, чтоб «образовать детей своих счастливыми людьми и полезными гражданами». Сие положение признали мы всеобщим главным предметом воспитания и, рассуждая о воспитании как о науке, всеобщим и первым в оной правилом. О справедливости сего положения уверились мы, нашедши при исследовании его то, что оно исчерпает всю родительскую при воспитании детей должность и заключает в себе все главные части воспитания. Сих главных частей нашли мы три (физическое, нравственное и разумное воспитание) и узнали главное содержание каждой из них, или предмет их, и связь

его с главным предметом. Чрез сие стала нам известна обширность воспитания в первоначертании; причем также увидели мы, что сии три главные части воспитания и между собою столь же близкую имеют связь, сколь натурально проистекают они из помянутого главного предмета или из первоначального положения.

Итак из сказанного нами до сих пор не более сего только узнали мы о воспитании. В самом деле, это немного, а в сравнении с целым еще и мало. Взявши все вместе, не более еще узнали мы, как только необходимость, главный предмет и обширность воспитания; не знаем еще ничего о подлинном произвождении оного; ничего о том, чему вместе и особенно быть или чего избегать надлежит. Итак, бесспорно, стоим мы еще только при входе. Но либо мы весьма обманываемся, либо всеобщие понятия, которые написали мы здесь наперед в порядке их и связи для проложения себе пути, могут большей части читателей наших быть весьма полезными. Они могут, по мнению нашему, не только объяснить и исправить вообще понятия о важном сем деле, но и довольно ясно показать единый путь, ведущий к цели. Они могут показать, что несправедливо делают все те родители, которые либо стараются образовать один только разум детей своих и пренебрегают столь нужное образование сердца; либо при образовании разума не рассуждают совсем о будущем вероятном определении детей; либо по наречению или по худым обыкновениям при физическом воспитании воспитывают их нездоровыми; или, наконец, столь неискусно поступают при воспитании, что пренебрегают все существенное оного, а стараются, напротив того, вперить в детей своих только такие познания и способности, которые, падая более всех прочих в глаза, ласкают собственной их суетности, но разум и сердце детей если сами собою не портят, то, по крайней мере, оставляют без всякого образования. Впрочем, могут сии всеобщие понятия истребить то заблуждение, будто можно хорошо воспитать детей своих и без знаний, без размышления и без многого попечения. Они сделают, напротив того, понятным то, что для сего дела, столь много объемлющего, столь многоразличных требующего действий и столько лет продолжающегося, нужны не только некоторые знания, но и многое внимание, многое размышление и многая осторожность, если надобно исполнить его хорошо. Наконец, могут предположенные здесь всеобщие рассуждения, а особливо разделение воспитания на три главные его части, быть руководством, по которому можем мы удобнее расположить особенные правила оного, а читателям нашим удобнее будет найти их.

Но не можем еще мы последовать сему руководству, видя на пути нашем различные другие камни преткновения, вообще препятствующие воспитанию, как и помянутое неведение о важности предмета и обширности доброго воспитания. Итак, потребно нам постараться отвратить в особливом отделении сии препятствия прежде, нежели приступим к собственному изъяснению особливых частей воспитания.

О ТЕЛЕСНОМ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Сократ, мудрейший из всех язычников, увидев некогда мальчика, весьма шалящего, сказал провожавшим его друзьям: сего мальчика родил отец пьяный. Согласно с Сократом думали великие врачи во все времена; и так предпоставили мы сии слова доброго Сократа для тех, которые захотят их заметить; но не будем мы изъясняться о них более, ибо то здесь неприлично. Также и завело бы то нас слишком далеко, если б захотели мы начать говорить о физическом воспитании с сего пункта; хотя известно, что как при оном, так особенно во время беременности матери многое произойти может, имеющее влияние в детское здоровье. По той же причине не можем мы пространно доказывать, но не можем также оставить без напоминания, сколь нужно ввести в отечество наше большое знание науки повивальных бабок. Ибо невероятно, сколь велико неведение и упрямое ослепление народа, какие вредные обычаи употребительны при сем искусстве, сколько детей ежегодно от того бывает изуродовано и сколько матерей умирает.

Однако, как сказано, и сие не принадлежит к нашему плану и потому не терпит дальнейшего здесь исследования. По рождении начинается воспитание; итак, имеем мы дело только до рожденных уже и неизуродованных детей, то есть до таких тварей, которые и в лучшем своем состоянии выходят на свет бессильнее и беспомощнее всякого другого животного и которых благоразумное только попечение взрослых людей может сделать тем, чем быть они определены.

Пища и питие, сон и одежда суть всеобщие потребности человеческие, следовательно и детские. Дети не могут удовлетворить ни одной из сих потребностей без помощи взрослых людей, ни одна телесная их сила не может развиваться без способствия и содействия сих. Сия помощь и содействие сие есть предмет того, что называется телесным или физическим воспитанием и чего никакие родители совсем не упускают. Но поступки их притом столь же различны, сколь различны, впрочем, их знания и образы жизни и мыслей, а от сих поступков зависит все телесное образование детей. Итак, потребны здесь те правила и предписания, которые опытом и искусством доселе за лучшие выдаваемы были.

С той самой минуты, как дитя родится, должно печись о том, чтоб не связывать его тесно, не должно употреблять головных перевязок, подушек и пр., но мягкие и широкие пеленки, которые всем членам его оставляли бы свободу и не были бы ни столь тяжелы, чтоб удерживать в принуждении все его движения, ни столь теплы, чтоб причинять ему ненатуральный пот и горячку. Дитя по столь долгом согбении необходимо желает протягивать и двигать свои члены, которых бездейственность и принуждение препятствуют обращению крови и соков и не допускают младенца укрепляться и расти. Связанное дитя, стараясь освободиться, всеми силами коверкает свои ноги, от чего происходят повихнутия, переломы и повреждения членов. Разные сыпи, столь обыкновенные у младенцев, суть также следствия ненатурального

сего принуждения. Оно имеет даже влияние и во нрав детский, ибо первое чувствование младенца бывает от того чувствования болезни и муки, которое совокупно с чувствованием препятствия всем его движениям посевает в нем семена гнева. Обыкновенно опасаются того, чтоб дети, будучи свободны, не принимали таких положений и не делали таких движений, которые могут быть опасны хорошему образованию их членов. Но опасение сие неосновательно. Натура не дает детям столько силы, чтоб могли они опасные делать движения; а когда принимают они насильственные положения, то боль принуждает их скоро переменять оные. Опыт подтверждает также, что сие свободное движение детей, по крайней мере, не опасно и что, напротив того, от перевязок и крепких пеленаний гораздо чаще портятся у детей члены.

Лежать младенцу надлежит в колыбели, и не надобно класть под него больше постилок, нежели сколько потребно для содержания его в умеренной теплоте. Руссо и некоторые другие совсем отвергали колыбели, а советовали употреблять вместо оных коробы. Но побуждены они были к тому одним только злоупотреблением колыбелей. Когда либо колыбель неискусно сделана, так, что движение ее тяжело, тряско и производит скрип; либо когда качание употребляется к тому, чтоб усыпить детей, которым тесные пеленки, великий жар, голод, жажда, нечистота или другая какая-нибудь боль не дают спать, тогда, бесспорно, качание бывает весьма вредно. Но кроме того, и вообще есть оно весьма свойственное детям и здоровое движение; и все зависит от пристойного употребления. Чем тише и ровнее движение колыбели, тем лучше для младенца; и посему те колыбели суть самые лучшие, которые, сделаны будучи наподобие подлинных кроватей, качаются на двух железных крюках, а те суть самые худшие, которые прикреплены непосредственно к самому потолку комнаты, и притом сделаны грубо и тяжелы. Завешивая колыбель, надлежить наблюдать, чтоб занавес был, по крайней мере, на три четверти аршина от головы младенца и не закрывал колыбель так, чтоб не могло проходить в нее извне несколько воздуха, который бы рассвежал, очищал и делал удобным для дыхания внутренний воздух. Сему предполагается то, чтоб и самый внешний воздух в комнате был чист; и для того все портящее его должно быть удалено от детской комнаты, и ежедневно надлежит впускать в оную свежий воздух чрез отворенное окно или дверь. Детская комната не должна быть столовою комнатою, ниже для кормилицы; наипаче ж нужно, чтоб не бывало в ней много людей или чтоб не вношены были туда горящие угли либо другие вещи, вредные пары производящие; ибо все сие делает нечистым воздух, который и сам собой портится, если не ежедневно бывает рассвежаем. Весьма вредно обыкновение некоторых матерей и кормилиц класть ночью детей с собой на постель; ибо, кроме опасности задушить их во сне, чему частые случаются примеры, причиняет сие младенцам сухотку и другие болезни, для того что тело матери или кормилицы привлекает в себя тончайшие части тела детского.

В рассуждении пищи младенца матернее молоко должно предпоч-

тено быть всякому другому, если особливые какие-нибудь обстоятельства не делают исключения из всеобщего правила. Молоко в грудях матери есть столь явное повеление натуры кормить оным младенца, что не можно не познать, и удобно усмотреть, что те соки, из которых произросло дитя, и впредь должны ему быть самою пристойнейшею и здоровейшею пищею, доколе соки сии сами здоровы. Если ж, напротив того, мать больна или с природы слаба или если не имеет она довольно молока, то должна стараться о пропитании младенца другим образом, а не приводить мать и дитя в опасность упрямым и неразумным последованием всеобщему правилу. Во всех сих случаях или вообще, когда мать не может либо не хочет кормить сама своего младенца, надлежит сыскать для него недавно разрешившуюся от бремени кормилицу. Ибо натура у всех женщин переменяет густоту молока по возрасту младенца; и для новорожденного младенца весьма нужно, чтоб первая пища его была молоко, которое не было бы ему отяготительно и имело бы в себе силу очищать его внутренности; а обое сие находится в молоке недавно разрешившихся от бремени женщин. Кроме сего нужного свойства доброй кормилицы, должна она быть здорова телом и душою, то есть надлежит ей не иметь никакой болезни и не быть преданной некоторым порокам и сильным страстям. Кормилица, преданная похотливости или пьянству или склонная к злобе и гневу, опасна для младенца, ибо чрезмерность страстей портит ее молоко и препятствует ей поступать с младенцем с той рачительностью, терпеливостью, кроткостью и осторожностью, какой требует беспомощное его состояние. Хотя и должно кормилице питаться лучшими яствами и жить спокойнее, нежели прежде, однако не должна она переменять совсем обыкновенного своего рода жизни, потому что всякая скорая перемена жизни вредна. Кормилице не нужно есть много мяса, дабы много иметь молока. Также полезен матери или кормилице некоторый порядок в кормлении младенца грудью; а дитя удобно к оному приучить можно, давая ему довольно сосать и не стараясь утешить всякий крик его кормлением.

Если мать сама не может или не хочет кормить дитя и если нет доброй кормилицы, то две трети воды и одна треть молока... суть самая лучшая для младенца пища. Но как сию пищу всегда надлежит наперед подогревать, то должно стараться, чтоб не была она слишком горяча, причем удобно ошибиться можно, не думая о том, что язык и гортань младенческие гораздо чувствительнее наших. Впоследствии, когда уже сварительные силы младенца увеличатся, тогда можно переменить сию меру и давать ему две трети молока с одною третью воды...

Когда крепость и твердость волокон в детском теле мало-помалу прибавятся и вместе с тем желудок больше получит силы к сварению пищи, тогда молоко не может служить к пропитанию младенца в прежней мере. Итак дитя, питавшееся достаточное время матерним молоком, должно от оного быть отучаемо к употреблению крепчайшей пищи. Но при сем спрашивается: в какое время и в каком возрасте надлежит отнимать дитя от груди? Несправедливо определяется сие

время по тому, когда у матери недостает молока или когда начнет она чувствовать тягость. Некоторые матери, будучи совсем не способны к кормлению детей, по худо выразуменным правилам или из своемыслия принимают на себя сие дело; такие женщины чрез немногие месяцы либо чувствуют недостаток молока, либо претерпевают опасные болезни. Хотя сии обстоятельства и позволяют им перестать кормить детей, но непростительно бы поступили они, лишивши младенцев своих совсем молока и захотевши дать им крепчайшую пищу и тогда, когд бы уже оным более 6 месяцев от рождения было. Ибо и в сем возрасте дитя еще столько слабо, что желудок его столько бессилен, а волокна столько мягки, что не может оно сносить крепчайшую пищу. Такое преждевременное отнятие от груди приготовляет бедному младенцу путь к неизбежной смерти. Напротив того, опыт также доказывает, что дети, питающиеся матерним молоком чрез долгое время, не бывают от того сильнее и здоровее отнимаемых от груди в надлежащее время; да еще великое множество молока, употребляемого укрепившимся и довольно взросшим младенцем, которое нередко портится в желудке и вредит телу, также дурное оного свойства, происходящее от долгого слишком кормления младенца, причиняют часто болезни, которым бы не подвергнулося дитя, если б не поздно было отнято от груди. Итак по изобилию или по недостатку молока у матери не можно определить надлежащее время отнятия младенца от груди, и обое вредно, если отнимается дитя либо слишком рано, либо слишком поздно.

Надлежащий признак надлежащего времени отнятия детей от груди есть тот, когда дитя здорово, когда кости и тело его довольно укрепятся и когда имеет уже оно много зубов. По большей части бывают младенцы в таком состоянии чрез 12 месяцев, и того ради сие время по справедливости можно почесть обыкновенным временем отнятия от груди. Некоторые дети и после восьми месяцев в столь добром находятся состоянии, что без всякого вреда можно отучать их от груди; а некоторым, напротив того, потребно на сие пятнадцать или восемнадцать месяцев, иным же и целые два года, но только весьма немногим, и только слабым и недужным. Но все сии исключения подтверждают определенное по свойству младенца правило и в рассуждении тончайшего определения времени показывают только то, что без нужды и без явного знака от натуры никакого младенца не должно отнимать от груди прежде десяти месяцев или, без противного знака, не давать ему сосать долее пятнадцати или восемнадцати месяцев; но при последнем надлежит быть уверену, что слабость младенца происходит не от худобы молока.

Во время кормления младенца грудью еще примечать должно:

1) чтоб содержать дитя всегда в чистоте;

2) чтоб давать ему часто наслаждаться свежим воздухом, не подвергая его притом острым ветрам, великой стуже и влажной погоде;

3) чтоб не принуждать его к лежанию и сну, а носить прилежно и в спокойном положении;

4) стараться способствовать вырезу зубов не слоновою костью, волчьим зубом и тому подобными твердыми вещами, от которых пухнет и твердеет околозубное тело, но жеванием хлебной корки;

5) чтоб за несколько дней до отнятия младенца от груди допускать его реже сосать и давать ему другую пищу, дабы предуготовить его к совершенной отвычке от материнского молока, столь для него неприятной.

Самое отучение сие производится так, что либо отнимают только дитя от груди, причем должно не показывать ему более ту женщину, которая его кормила; либо делают ему противным сосание, намазывая кормилицы груди вещами дурного запаха и вкуса, как-то: полынным соком, желчью, чесноком и т. п., что возбуждает отвращение от сосания. Последний способ есть самый лучший, ибо одно отдаление кормилицы недостаточно для истребления во младенце охоты к матернему молоку и потому, что матери натурально неохотно отстают от детей либо и отстать не могут. Но весьма нужно для отучения младенца, чтоб мать оставила все безвременное сожаление и, не трогаясь плачем и криком младенца, не допускала бы его опять к груди. Ибо в противном случае глотает дитя молоко столь скоро и в таком множестве, что может подавиться или могут произойти весьма худые приключения. Сверх сего, такая безвременная нежность затрудняет только более отнятие его потом от груди.

По отнятии надобно заменять отнятую у младенца пищу другою, пристойною ему. Удобно усмотреть, что выбор пищи притом важен, ибо различность яств великое имеет действие и в теле взрослых людей. Итак весьма нужно знать, какая пища отнятому от груди младенцу пристойна и какая вредна; а упомянуть здесь о сем нужно потому, что весьма многие кушанья отвергаются врачами, яко весьма вредные, но матерями и кормилицами почитаемы за пристойные или, по крайней мере, безвредные.

Все грубые и жирные кушанья, также все кислые и горячие вредны детям: первые потому, что для подания доброго питательного сока требуют гораздо большей силы сварения, нежели какую детский желудок имеет; а последние потому, что, действуя весьма сильно, могут повредить нежную внутренность младенца.

Сего правила одного довольно было бы для определения детской диеты, если б только всем известно было, какие кушанья принадлежат к означенным в оном. Но сие можно предположить, по крайней мере, только о кислых и жирных кушаньях, ибо вкус их различает, а не о грубых и горячих; ибо врачи подразумевают под сими и такие кушанья, о которых матери и кормилицы и не думают, чтоб могли они быть вредны. Итак упомянем мы здесь о всех кушаньях, запрещенных лучшими врачами.

Грубые и потому детям вредные кушанья суть: все суровые мучные кушанья, как-то: супы, каши, пироги (выключая делаемых из такого теста, которое рассыпается во рту, без всяких приправ или с немногими и слабыми приправами. Таковы суть: бисквит, кофейный хлеб и миндальные пироги). Еще ко грубым кушаньям относятся: большие

и жирные рыбы, яйца, сыр и масло, а особливо когда последнее не совсем свежее; всякого рода конфеты; всякие огородные и полевые плоды, как-то: горох, бобы, чечевица, пшено сарацинское, некоторые крупы, земляные яблоки, репа, пастернак и т. п., равным образом всякие травы: капуста, также цветная капуста, шпинат, салат и пр.

Горячие и потому вредные детям кушанья суть: все кушанья, приправленные пряными зельями, какого бы рода сии ни были; мясные кушанья, а особливо дичина; все мясные похлебки, а особливо весьма питательные.

Кроме всех упомянутых кушаний еще вредны детям все неваренные овощи, конфеты, сырой сахар, а особливо крашеные сахарные товары, миндаль, орехи, изюм и другие такие лакомства...

Причины вредности лакомств суть следующие: по большей части пирожное делается из пшеничного теста, которое либо киснет посредством дрожжей, либо совсем бывает некислое и смешивается со множеством масла, яиц и разных других вещей. Пшеничное же тесто имеет в себе более всех твердости и клейкости, которые хотя кислотою и мешанием несколько разбиваются, делаются тоньше и способнее ко сварению в желудке, но большая часть твердости остается, ибо пшеничное тесто немного кислоты в себе принимает. Следовательно, пирожное несваримо для детского желудка; оно принимает надутие ветров, дает вообще грубую и крепкую пищу и наполняет желудок множеством нечистоты. Сии худые действия еще скорее происходят от пирогов, делаемых из пресного теста. Кроме сего, масло, мешаемое в них, весьма легко производит в желудке остроту и гнилость и причиняет возгорение в шее и в желудке и судорожные припадки в чувствительной внутренности детской.

Таким же образом и еще более вредят конфеты, потому что все они вообще клейки, тверды и довольно несваримы. Краски, которыми раскрашивают некоторые роды конфет, суть весьма неразумное изобретение, ибо они содержат в себе вредную остроту и потому повреждают нежную внутренность младенца, хотя и в малом употребляются количестве.

Древесные плоды хотя и никому не вредны, если употребляемы бывают совершенно зрелые и с умеренностью, но как содержат они в себе много воздуха, то грубы для слабого детского желудка и причиняют ему резь. Обсахаренные плоды вредны своей твердостью и клейкостью, а сушеные и печеные совсем несваримы.

...не годится мясо для детей и потому, что детям вообще не должно есть ничего такого, чего не могут они порядочно разжевать; а к сему зубы двухлетнего, иногда ж и трехлетнего младенца не довольно еще крепки. Но если мясные похлебки не весьма питательны и зубы младенца все уже вырезались, то можно такие похлебки принимать в число его кушаний для перемены, а иногда давать ему понемногу и уваренного нежного мяса, как-то телятины и т. п.

Но чем же питаться детям, когда столь многие кушанья им употреблять не должно? В самом деле, после столь обширного исчисления запрещенных кушаний остается мало таких, которые бы могли быть

употребляемы. Но мы хотели только сказать, что пища детская должна быть не испорченная приправами, а простая и натуральная, как то пристойно детскому здоровью и слабым силам сварения. При исчислении вредных для младенца кушаний не упомянули мы о хлебе и молоке...

Итак, последуя лучшим врачам, полагаю я хлеб и молоко в число лучших и приятнейших кушаний для детей сего возраста. Молоко дается детям либо одно, либо смешанное с жидким овсяным отваром или с ячменною водою; также делается из него и из некоторого количества хлеба кашица или суп. Каким бы ни было образом приготовленное молоко пристойно и полезно детям каждого возраста, кроме того случая, когда бывают они больны; но не должно оно быть слишком жирно и переварено, также и не слишком водяно. В болезнях, происходящих от прокисшего в желудке и в кишках молока, не должно детей оным кормить, если не хочешь подкрепить и умножить причину сих болезней. Сия предосторожность весьма нужна при рези в животе, при несварении желудка и при других подобных болезнях, однако ж по большей части пренебрегается. В таких случаях надлежит сделать исключение из общего правила и заменять молочные кушанья хлебным супом, жидкими мясными похлебками и овсяным отваром.

В рассуждении хлеба также должно наблюдать выбор. Для сварения черного или грубого хлеба потребен крепкий желудок, и потому оный слишком тяжел для детей сего возраста. Но если он хорошо выпечен, то можно употреблять его, а особливо корку в супы. Один пшеничный хлеб не годится потому, что, не имея довольно кислоты, содержит в себе много сырой муки. Иногда можно безвредно давать детям калача и сухарей, однако чтоб в последних не было грубого сахару.

Самый лучший хлеб есть состоящий из смешения пшеничной и ржаной муки...

Когда дитя начнет хорошо жевать, то можно давать ему понемногу сушеной рыбы, выбравши наперед из нее рачительно кости.

Сими кушаньями... может довольствоваться малое дитя; и в самом деле, кажется, что они пристойны и достаточны, а особливо когда позволяются между оными и некоторые лакомства, как-то: бисквит, кофейный хлеб и миндальный пирог.

Когда дитя достигает третьего года (а если оно слабо, то по прошествии трех лет), тогда должно совсем отнять у него молоко. В сем возрасте зубы, а особливо коренные, вырезывающиеся обыкновенно позже других, получают столько крепости, сколько потребно на разжевание пищи. Однако надлежит приучать дитя и прежде к употреблению зубов и не допускать его ничего проглатывать не жевавши. Ибо чрез жевание не только пища разделяется на маленькие части, но смешивается со слюною и разжижается оною, нежели дойдет в желудок. Сие жевание столь нужно, что древние говорили: *«Кто не жует, тот ненавидит жизнь свою»*. Нежеваная пища и у взрослых людей варится нелегко, угнетает тягостию своею желудок и дает несовершенный и худо отделившийся питательный сок.

Но при сей перемене детской диеты надлежит наблюдать то, чтоб не вдруг отнимать у детей молочные кушанья, а приучать их мало-помалу от слабейшей пищи к крепчайшей. Ибо вообще при диетическом воспитании детей должно примечать важное то правило, чтобы никогда не предпринимать скорой с ними перемены, но понемногу доводить их до свободного употребления необходимых для жизни вещей, смотря по тому, как натура постепенно делает тело их крепче и совершеннее. Сие правило столь всеобще, что беспрестанно надлежит помнить его при пище и питье, при тепле и стуже, при бдении и сне, при движении и спокойствии.

В рассуждении сохранения пищи примечать должно, чтоб не держать определенную для детей пищу в оловянных или медных посудах, ибо как вовлеченные ею в себя части металла и взрослым людям причиняют вред, то гораздо скорее и сильнее действуют они в слабых детских нервах.

На третьем и четвертом году возраста младенца можно умножить несколько число его кушаний. Поутру можно давать ему чай с молоком и сухарем или сухим хлебом; в обеде суп в воде или в жидкой мясной похлебке, также немного весьма мелко изрезанного вареного или жареного мяса с парой вареных яблок или груш или с некоторыми удобно сваримыми кореньями; а вечером для насыщения дитяти довольно одного супа с булкою. Но чем старше дитя становится, тем большую можно позволять ему свободу в выборе кушанья. Тело его и желудок от времени до времени становятся крепче, а последний всегда более получает способности ко сварению твердейшей и густейшей пищи. Итак, когда достигнет оно пятого года, то можно позволить ему употреблять в обеде и в ужине более мяса, а в обеде давать иногда отведывать и грубую пищу, которая при умеренном употреблении может уже хорошо в нем свариться, а особливо когда имеет дитя хорошее движение. По прошествии шести лет можно дозволять детям всякое кушанье (кроме приготовляемого с крепкими приправами, которые вредны и во всяком возрасте) и с осторожностью и умеренностью приучать ко всему. Кто с малолетства воспитан самой простой и натуральной пищей, тот будет не только здоров, но крепок и силен, и кто постепенно ко грубейшей привыкал пище, тот безвредно употреблять может самые простые и суровые яства. И так с сего времени чрез все последующие годы, даже дотоле, как дети совсем отстанут от родительского попечения, в рассуждении пищи надлежит только то наблюдать, чтоб вкоренять в них умеренность вообще и в особенности при грубейших кушаньях, а не приучать их к презрению простых натуральных яств и к приятности прикрашенного яда французского поваренного и кондитерского искусства.

Вот диета детская в рассуждении пищи, о которой не могли мы написать короче потому, что при многих кушаньях мало еще известна у нас истинная детская диета в рассуждении оных.

О питье для детей нужно сказать гораздо менее, ибо, по счастью, напитков не столь много и действия их в человеческом теле известнее. Но и в том делают злоупотребление слабые родители, сообщающие

охотно детям своим все то, чем сами наслаждаются. Итак, должны мы сказать нечто и о сем.

Вино должно исключено быть из детской диеты. Дети имеют много мокрот, скользкие волокна и чувствительный состав нерв. Сие состояние существенно и нужно их возрасту; но вино переменяет его и потому весьма бывает опасно в детские лета, летучим и острым спиртом своим снедает оно соки, потребные к образованию крепких частей в детстве, иссушает тело и чрез то препятствует натурально росту. Молодым детям может оно причинять смертельные бессонницы и параличи, растягивая насильственно мягкий детский мозг и препятствуя чрез то отделению жизненных духов и вступлению их во все части тела. Сверх того, примечено, что дети, употребляющие в обеде хотя весьма понемногу вина, подвержены припадкам, которые перестают, как скоро они вина лишаются. Надлежит совсем исключить его из диеты детской, пока дети растут; а как они вырастут, то можно, однако не нужно, давать им по нескольку сего напитка.

Водку не употребляют дети тех состояний, для которых мы пишем. Одна только чернь и некоторые глупые или бессовестные кормилицы дают детям выпивать ее по нескольку либо обмакивать в нее хлеб, дабы дети крепче спали; но для того принадлежат они к черни.

Кофе есть весьма обыкновенное питье, даваемое и детям. Если варится для детей особенно слабый кофе, то вред от оного состоит только в том, что он слабит без нужды желудок, как то делает всякий теплый и водяной напиток. Но обыкновенно крепкий кофе, употребляемый взрослыми людьми, гораздо опаснейшие для детей имеет действия. Он разжигает кровь, производит в ней остроту, снедает соки, иссушает волокны и препятствует росту и образованию тела. То же производит *шоколад* чрез пряные зелья и *какаовое масло,* отягощающие желудок.

Пиво также не годится для детей, по крайней мере для молодых и не имеющих довольно движения. Если оно крепко, то делает детей пьяными, сгущает их кровь и множество других худых имеет действий. Если ж оно слабо, то находящиеся в нем дрожжи надувают желудок и наполняют его мокротою; оно причиняет беспокойный сон и, гоня мочу, производит запор оной либо столь сильно действует в почках и в пузыре, что дети ночью загаживают постель.

Самое лучшее питье для детей и для всех людей вообще есть *вода.* Она и *молоко* единственными служили средствами утоления жажды первым человекам, когда неизвестно еще было пиво, вино или другие искусством приготовленные напитки. Вода есть единственный и самый простой способ, приуготовляемый натурою к утолению нашей жажды и протекающий повсеместно; и она гораздо способнее к тому всякого другого пития. Она довольно разжижает кровь, напояет волокны, прохлаждает и укрепляет тело, прилична ко всякой пище, способствует распущению и сварению оной и производит все сии полезные действия, не разжигая кровь и не раздражая нервы. Вредит она тогда только, когда употребляется в излишестве, либо неблаговременно, либо весьма холодная.

Наконец, не должны дети вообще пить много... многое питье ослабляет только более волокны и желудок их.

Прежде говорили мы о диете детской в рассуждении пищи и питья. Все предписания наши об оной, вместе взятые, клонятся к тому, чтоб приучать детей к самой простой и натуральной пище и питью. Итак, на сем всеобщем и первом правиле должна основываться вся диета детей и молодых людей. Родители тогда только исполнят совершенно свою должность, когда последуют сему правилу во всем его пространстве; а дети получат ту выгоду, что тело их будет здорово и крепко, что научатся они рано любить и сохранять умеренность и воздержанность, а чрез то сохранят себя от опасных телу и духу вредоносных пороков.

Есть еще некоторые пункты, принадлежащие также и физическому или телесному воспитанию, хотя и не касаются они до пищи детей. Они суть обстоятельства, касающиеся до одежды и до движения и покоя их, и некоторые другие, имеющие влияние на образование телесных сил. При сих обстоятельствах против многого погрешить можно.

В рассуждении одежды и при возрасте младенца, грудью еще питающегося, упомянуто, что весьма вредно завивать детей в узкие пеленки. Сие, яко всеобщее правило, надлежит наблюдать во все последующие годы, чтоб детское платье не было узко, дабы не препятствовало оно свободному движению и образованию которой-нибудь части тела. Особенно преступаемо бывает важное сие правило тогда, когда дети носят узкие башмаки, исподнее платье, камзолы и кафтаны, галстуки и шнурованья.

Узкие башмаки не только препятствуют надлежащему образованию ног и пальцев вообще, но причиняют еще столь обыкновенные мозоли и врезание ногтей в тело, которое, само по себе будучи не малость, навлекает весьма опасные хирургические операции. Женщины, дабы прибавить себе роста (что, однако, человеку невозможно), носят башмаки с превысокими каблуками; от сего нога изгибается столь ненатурально, что не может ступать тою частью, которой ступать должно, и, потерпя несколько времени сие насилие, не может уже более разгибаться. По сложению человека надлежит ему ступать всей плоскостью ноги и пятою; но высокие каблуки так искривляют ногу, что пята и плоскость поднимаются вверх, а вся тягость тела упадает на одни пальцы. Потому женщины в высоких башмаках не могут ходить вообще скоро или сходить с горы, либо свободно прыгать, но и по ровному пути ходят колеблющимися шагами и согнувши колена, дабы не упасть. Пока женщина не совсем еще выросла, дотоле опасны для нее такие башмаки, препятствующие образованию ноги, и, по крайней мере, дотоле должна она носить башмаки с низкими каблуками, которые не переменяли бы натуральное сложение мускулов и костей в ноге и не затрудняли бы нужные движения.

Узкое исподнее платье у мужчин вредит особливо коленным суставам и мускулам, от которых зависит вся сила человеческая в хождении, верховой езде и прыгании и большая часть здоровья

в старости. И так стараться, чтоб сие платье не делано было тесно...

Сии вредные действия узкого платья тем опаснее, что дети в известные годы беспрестанно растут, а платье весьма только немного разнашиваться может, да и само сие разнашивание причиняет уже насилие телу. Сему не иначе пособить можно, как давая детям новое платье, как скоро примечено будет, что старое становится им узко, и потому не снабжать их вдруг многим платьем, а переменять только оное чаще и делать снова столь пространное и покойное, чтоб не причиняло насилия ни одной части тела и годилось бы, по крайней мере, на несколько месяцев.

Галстуки и воротники рубашечные могут быть опасны, ограничивая свободное движение шеи. Они препятствуют тогда обращению крови, разделявшейся повсюду от головных пульсовых жил, и причиняют чрез то главные и шейные болезни, помрачения и обмороки, а молодым многокровным людям нередко и параличи...

Прежде говорили мы о вредности узкого платья. Теперь предложим о том, что слишком тяжелое и теплое платье вредит детям.

Многие родители не только приучают детей своих к теплоте покоев, но еще одевают их в шубы и другие толстые теплые платья, а когда надлежит им выйти на воздух, то обвертывают их во многие одежды так, как будто они суть такой товар, который при пересылке рачительно должно сберегать от худой погоды. Где ни бывают дети, везде окружены они теплым, нечистым и отчасти гнилым паром. Ибо шубы и другие теплые одежды для того только греют, что собирают в себя и удерживают выходящие из тела пары. Натура нарочно изгоняет сии пары, дабы освободить соки наши от бесполезных и нечистых частиц; но в шубах сии частицы собираются и входят мало-помалу опять в тело. Для того дети, весьма тепло одеваемые, бывают слабы и склонны к разным болезням, происходящим от худобы и нечистоты соков. От самомалейшей стужи получают они весьма опасные припадки, потому что простуда тем удобнее может последовать и тем чувствительнее бывает, чем теплее тело. Но не только вредно, когда одевается весьма тепло все тело; вредно и то, когда особенные части оного в отменной содержатся теплоте; ибо тогда закрытые меньше части подвергаются опасности простуды, не столь удобно последовать могущей, когда все тело равно покрыто бывает. При сем некоторые ту еще делают погрешность, что одевают теплее прочих такие части тела, которым менее всех сие потребно, а закрывают хуже те, которым рачительное покрытие нужнее всех.

Обыкновенно думают, что преимущественно надлежит содержать в теплоте голову, а ноги оставлять с легким прикрытием. Ничего нет несправедливее, как сие мнение, весьма обыкновенное людям среднего и низкого состояния. Опыт научает нас, что ни одна часть нашего тела не может сносить удобнее стужу, нежели голова, которой состав всякому делает сие непонятным. Толстые кости, волосы и беспрестанное стремление крови к голове защищают ее от суровости холода. Привыкшие с детства ходить с открытою головою не чувствуют никогда головных болезней и совсем не знают о шуме в ушах, насморке и

других таких припадках. Итак, Локк справедливо заставляет детей днем и ночью ходить и спать без шапок, как скоро голова их покроется довольно волосами, Находятся люди, выходящие в самый жестокий мороз на улицу с открытою головою без всякого вреда, для того что они еще в детстве к сему привыкли. В мокрую только и ветреную погоду, при весьма великой стуже и при жестокой солнечной жаре нужно покрывать голову, потому что мокроты не может сносить никакая часть нашего тела; суровый ветер и великий холод причиняют простуды тем, которые не совсем против оной ожесточали; а жаркий солнечный зной производит часто смертельные припадки тому, кто долго оному подвержен бывает. Особенно надлежит наблюдать сие над людьми, имеющими болезнь в ушах, слезливость глаз или пролом на голове. Сим должно вообще рачительно покрывать голову, когда выходят они на воздух. Но здоровых детей, кроме вышеупомянутых обстоятельств, всегда надобно заставлять ходить либо совсем с обнаженной головой, либо с прикрытой умеренно; как в тепле, так и на стуже, а особливо должно откинуть шапки, подложенные мехом, которые ослабляют мозг и делают дитя тупоумным.

Напротив того, гораздо рачительнее надлежит покрывать ноги. Они более всех прочих членов отдалены от сердца, и кровь не может столь сильно пробегать чрез их сосуды, как чрез другие части тела. Посему ноги менее имеют теплоты, и впечатления внешнего воздуха бывают в них сильнее, а особливо когда тело находится без движения. Итак, достаточное прикрытие ног весьма способствует детскому здоровью, споспешествуя свободному обращению крови чрез сии члены и освобождая тем голову и грудь от великого прилива крови и соков. Но для того не нужны ни весьма толстые чулки, ни сапоги, разве когда должно детям в прохладную погоду и в грязь ходить по улице. Тогда надлежит стараться, чтоб хорошие подошвы и крепкое шитье сапогов сберегали ноги от их вредной мокроты. Но кроме сего случая, весьма толстые чулки и сапоги вредны детям, потому что кто в молодости привыкнет содержать ноги в тепле, тот в дальних летах не может их согреть ничем, кроме теплых сапогов, а чрез сие склонен бывает к простудам. Сапоги отягчают детей и приучают к дурной походке.

Наконец, весьма нужно закрывать рачительно шею и грудь у обоего пола детей, по крайней мере дотоле, пока не достигнут еще они шестого года. Ибо если заставляют их еще в самом нежном детстве ходить с непокрытою шеею и грудью, то подвержены они бывают многим и опасным болезням. Для закрытия сих частей весьма пристойны мягкие и широкие галстуки для мальчиков, а платки для девушек.

Теперь приступаем мы к другой части физического, или телесного, воспитания, касающейся до движения и спокойствия детей. Оба сии слова принимаются здесь в пространнейшем значении и столь много в себе заключают, что под сим заглавием можем мы предложить все прочие правила физического воспитания.

Первое, всеобщее и всякому человеку необходимое движение есть

ходить. По большей части дети получают силу к хождению при прошествии первого года, по крайней мере если они рождены здоровы и не испорчены худым присмотром. Однако весьма остерегаться должно, чтоб не заставлять их ходить прежде, нежели сами они окажут к тому силы и охоту. Пока кости их весьма еще мягки, а ноги слишком еще слабы для ношения тела, дотоле весьма опасно принуждать детей ходить. Сие не только вредит их росту, но производит кривизну и безобразие ног. Бессилие для ходьбы продолжается у некоторых детей даже до третьего года, а у других и более. Но чем долее не могут дети ходить, тем основательнее подозревать можно, что они подвержены тайной болезни, ибо в таком случае редко поднимаются они на ноги прежде третьего года, а некоторые даже прежде шестого и седьмого. Тогда надлежит заблаговременно советоваться с врачом и остерегаться рачительно от того, чтоб не учить детей ходить принужденно.

Когда дети начнут ходить, то должно водить их на помочах. Сперва надлежит допускать их якобы качаться и ступать крепче ногами мало-помалу. Наконец, можно давать им ходить одним, причем, однако, надобно беспрестанно надзирать над ними и покрывать голову их шляпой, предохраняющей от упадения. Сия шляпа над лбом должна быть набита чем-нибудь столь толсто, чтоб дитя, упадши, не могло повредить себе нос, а в прочем надлежит ей быть столь пространной, чтоб не угнетала она голову. Самый лучший способ к раннему навыку и облегчению хождения для детей есть тот, чтоб допускать их беспрепятственно двигать ногами, когда они сидят или лежат. Посему никогда не должно запрещать детям ложиться на землю, раскидывать руки и ноги свои во все стороны и вертеться всем телом. Без сомнения, приметить можно, что они великое от того чувствуют удовольствие и что сама натура побуждает их к таким упражнениям для споспешествования гибкости, движимости и протяжению членов. Помочи должны к тому только служить, чтоб удерживать дитя от упадения, а впрочем, должно совершенную оставлять ему в них свободу.

Как годы бессилия детского протекут и дитя может ходить твердо и порядочно, то надлежит стараться, чтоб не злоупотребляло оно сию свою приобретенную силу на безмерное бегание. Ибо сколь полезно и нужно детям многое хождение и умеренное бегание, столь, напротив того, вредно им последнее, когда оно часто и неумеренно употребляется так, как и всякое слишком сильное движение вообще, потому что отчасти делает оно насилие нежному легкому, а отчасти, возбуждает пот, ослабляет тело, снедает соки и делает волокны прежде-временно твердыми и окреплыми, а чрез то препятствует росту. Посему также не все детские игры пристойны для всякого возраста и для всякого дитяти. До пятого года надлежит им позволять только маршировать, бить в барабан (которое движение весьма полезно для рук) и т. п., а запрещать все сильные движения.

Из таких движений, при которых тело потрясаемо бывает без собственного содействия, пристойны детям помянутого возраста тихая езда в карете, езда на деревянной лошади и качание на висящей верев-

ке. Не должно только допускать детей одних к сим забавам, для того что их безопытность может подвергнуть их притом великому вреду; но при всех таких движениях и играх надобно всегда быть с ними смышленому человеку, который мог бы удержать дитя в случае упадения.

От пятого до двенадцатого года надлежит допускать детей играть мячом и другими подобными ему играми, которые делают руки и ноги весьма гибкими, дают хорошее образование телу, приучают зрение к скорому и справедливому чувствованию и, наконец, доставляют всему телу полезное движение, если неупотребляемы бывают чрез меру, то есть нежели не продолжаются даже до усталости и ослабления. Борьба есть также изрядное упражнение, придающее особенно великую силу рукам и ногами. Однако должна она позволяема быть детям только в присутствии родителей либо учителей, для того что в противном случае дети весьма удобно могут вывихнуть члены друг другу или от шутки поссориться в самом деле, как один другого уронит или ушибет.

Все сии и подобные игры и телесные упражнения должны производимы быть на вольном воздухе, для того что сие не только возвышает и умножает пользу их для тела, но развеселяет дух и чрез то кладет основание тихих страстей.

К сим летам принадлежит танцеванье; по крайней мере, начинают учить оному детей между пятым и двенадцатым годом. Если кто хочет сделать детей своих преимущественно искусными танцовщиками, тому нужно начинать ученье сие столь рано; а если кто при воспитании печется только о здоровье, для того, может быть, лучше было бы, при злоупотреблении сего искусства, как скоро дитя немного оное разумеет, подождать дотоле, пока все детские члены, а особливо легкое, сделаются крепче и сильнее. Но как бы то ни было, однако танцевание принадлежит к воспитанию, итак, должны мы здесь сказать о нем свое мнение.

Танцевание есть, бесспорно, одно из прекраснейших, благороднейших и самых лучших телесных упражнений для обоего пола. Оно соединено с движением почти всех частей тела. Самомалейшие мускулы в ногах двигаются; руки, плечи и все тело упражняются в разных движениях и оборотах; дети приучаются ко благопристойным и пригожим положениям тела; музыка, соединенная с танцеваньем, возвышает удовольствие, чувствуемое душою от приятности телу. Короче сказать, дух и тело очищаются, укрепляются и увеселяются сим упражнением.

Но все сии выгоды происходят только от тихого танцевания, как-то: от менуэта, польского танца и от некоторых русских танцев. Напротив того, сильного движения требующие танцы, как-то английские и немецкие, не только не производят сих выгод, но и вредят еще здоровью. Они, утомляя и истощая тело, причиняют горячки, кровохаркания и болезнь в легком.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ РАЗУМА

Образовать разум, или дух, детей называется вперять в них справедливые представления о вещах и приучать их к такому образу мыслей и рассуждения, который соразмерен истине и посредством которого могли бы они быть мудрыми. Человек с помощью разума своего может представлять себе не только то, что в нем самом происходит, но и что вне его; он может рассуждать о свойстве сих вещей, соединять их и отделять одну от другой и, сравнивая одну из них с другой, собирать новые представления, могущие до бесконечности быть умножаемы. Но натуральное расположение его не таково, чтоб он те вещи, которые познавать может, необходимо так себе представлять долженствовал, как они действительно суть, или чтоб не мог он заблуждаться в своем о них рассуждении, в сравнении их, в согласии или противоречии, им в них необходимом. Он может все окружающее его представлять себе с нескольких сторон либо с одной только стороны; он может почитать то большим или меньшим, лучшим или худшим, полезнейшим или вреднейшим, нежели каково оно в самом деле. Он может связывать вещи, никоим образом не совокупимые, а другие, неразрушимым связанные союзом, самовольно одну от другой отделять. Он может почитать одну вещь действием или причиной другой, когда, напротив того, они совсем никакого не имеют сообщения; и чем менее он упражнял силы разума, чем небрежнее и беспечнее употреблял их, тем чаще должен делать такие погрешности в размышлении, рассуждении и заключении. Сколь важно то, чтоб он в то время, когда начинает оказывать и употреблять сии силы, в употреблении их так был управляем, чтоб научился делать все справедливейшим и самолучшим образом. И в сем и состоит образование разума детей. На пути, по которому достигают они до познания истины, нужен им благоразумный и опытный вождь, который бы не только остерегал их от всех распутий и в случае совращения возвращал, но и научал бы их избегать всех окольных дорог и лабиринтов и стремиться прямо к своей цели. Разум их должен быть не только упражняем и обогащаем разными познаниями, но и так упражняем, чтоб они мало-помалу приобретали способность исследовать и разбирать то, что они знать желают, удобно отличать истинное от ложного и при сих исследованиях и рассуждениях следовать всегда надежнейшим правилам и по кратчайшему идти пути. Но сие делается не столько посредством научения их сим правилам размышления и впечатления оных в память их, как наипаче посредством того, когда при всех случаях учат их примечать, справедливо или несправедливо они мыслили и рассуждали и для чего то делали; также когда обще с ними и соразмерно их возрасту думают, рассуждают, исследуют, сомневаются или решают...

Сие всеобщее предписание понятнее будет чрез то, что устремит внимание читателей на особенные части вещи. Дело, о котором я говорю, весьма трудно; самолучших предписаний недовольно на предупреждение всех затруднений, при оном происходящих; а упражнение и в сем случае есть наилучший учитель. Между тем, по мнению

моему, можно облегчить сие дело и трудиться с благополучнейшим успехом в образовании разума детей и воспитанников, когда родители, гофмейстеры и наставники будут наблюдать следующие правила.

Первое правило есть сие: *не погашайте любопытство детей ваших или питомцев.* Само по себе не есть оно погрешность. Паче есть оно сильное побуждение и изрядный способ сделаться разумным и мудрым. Когда дети о чем-нибудь спрашивают или не довольствуются первым ответом, обыкновенно по невежеству, либо гордости, либо лености, или угрюмости приказывают им молчать и попрекают их непристойным и достойным наказания любопытством*. Бесспорно, должны они учиться скромности, а особливо тогда, когда находятся в сообществе чужих людей, пришедших не для них, но для их родителей. Но родители, надзиратели и наставники пропускали бы самолучший случай к научению их, требуя от них всегда того, чтоб были они только немыми слушателями. Нет, они должны, а если любят своих детей или воспитанников, то и удовольствие их будет состоять в том, чтоб отвечать на их вопросы не одними только угрюмыми словцами: да или нет, но таким образом, чтоб они действительно научились тому, что узнать желают, и чтоб то купно принесло им удовольствие. С радостью должно схватывать сей случай к упражнению размышления дитяти или юноши и посредством продолжения вопросов делать их самих изобретателями неизвестного еще им. Хотя б вопросы их были и таковы, что родители или надзиратели не могли бы отвечать на оные**; однако сии должны не негодовать на то, но либо признаваться в своем неведении, либо извиняться вообще несовершенством человеческого познания, либо стараться вразумить спрашивающего, что ответ на его вопрос предполагает такие познания, которых он еще не имеет и иметь не может, но которым некогда награжден будет за свое прилежание, если продолжит оное.

Второе правило есть сие: *упражняйте детей ваших или воспитанников в употреблении чувств; научайте их чувствовать справедливо.* Впечатления, делаемые в нас внешними вещами посредством наших чувств, и представления, происходящие от того в душе нашей, суть якобы материалы, которые дух наш обрабатывает и на которых основываются, наконец, все познания и науки человеческие. Чем многоразличнее, справедливее и полнее сии представления, тем более может дух упражняться в размышлении и тем удобнее и безопаснее может он подниматься к высочайшим и всеобщим познаниям. Но как мы чувственные вещи гораздо лучше научаемся знать по впечатлениям, делаемым в нас их присутствием, нежели по описаниям, какие делают нам о них словами, то не заставляйте детей ваших из книг или по изустному наставлению учиться тому, что они сами могут видеть, слышать и чувствовать; но показывайте им то действительно, как скоро и как часто будете находить к сему случай. Так давайте им видеть и

* Обыкновенно говорят тогда: «Детям не надобно все знать». Сие справедливо только отчасти.

** Например: «Откуда мы происходим?»

примечать красоты натуры, чудеса царства растений и животных, многоразличные воздушные явления, великолепие усеянного звездами неба и помогайте им мало-помалу различать и приводить в порядок множество темных представлений, теснящихся со всех сторон в их душе. Но давайте им видеть все сие собственными глазами и чувствовать свойственным им образом и не ослабляйте получаемых ими от того впечатлений неблаговременными... изъяснениями...

Водите их в дома и житницы крестьянина, в работные дома художников и рукодельцев; показывайте им там, как обрабатываются многоразличные богатства земли, как приготовляются они к употреблению для пользы и удовольствия детей; научайте их знать главнейшие орудия, к тому употребляемые, и почитать надлежащим образом людей, тем занимающихся. Сие откроет разуму их и рассудку так, как силе воображения и вымышления, многие обильные источники полезных и приятных размышлений. *Притом упражняйте их всегда во внимательности.* Внимательность есть мать всякого основательного познания. Приучайте их не переходить слишком скоро от одной вещи к другой, всякую вещь рассматривать со многих, и если возможно, со всех сторон, смотреть не только на целое, но и на особенные части его. Хотя не должно вам в первые годы воспитания утомлять внимание их, принуждая их останавливаться слишком долго при одной вещи, но желательно, чтоб вы мало-помалу чувственно уверяли их о великой пользе глубокого внимания. Случай к сему могут подавать и самомалейшие вещи. Например, они удивляются изрядным краскам цветка или приятному его запаху и довольствуются тем. Научайте их тогда, сколь много других красок, сколь много признаков искусства и мудрости видит навыкшее око знатока в составе цветка сего, в образе его листков, в свойстве его семянницы и пр. И так показывайте им часто, коль многое еще могли бы они приметить при той или другой вещи, если б на долее при ней остановились. Сей способ упражнять и укреплять их внимательность, без сомнения, более над ними подействует, нежели самоважнейшие увещания о должности и строжайшие наказания за упущение оной.

Третье: *остерегайтесь подавать детям ложные или не довольно точно определенные понятия о какой-нибудь вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не знать им совсем многих вещей, нежели несправедливо оные себе представлять; гораздо лучше вам совсем отрекаться ответствовать им на некоторые их вопросы, нежели давать двусмысленный и недостаточный ответ.* В первом случае, по крайней мере, знают они то, что та вещь им неизвестна, и могут со временем помочь сему недостатку. В другом же случае, напротив того, думают они, что довольно уже уведомлены об оной вещи, и по сему самому остаются в неведении. К сему присовокупляется и то, что первые понятия, о натуральных или нравственных предметах нами получаемые, суть якобы основание всех прочих. Если они неопределенны и ложны, то распространится от того вредное влияние и на сии. Но коль обыкновенны чинимые в сем рассуждении погрешности! Думают, что всякий ответ на вопрос дитяти или молодого человека довольно хорош быть

может. Часто не усомневаются вперять в них явные заблуждения, дабы только они замолчали. Утешаются тем, что впоследствии сами они узнают лучше сию вещь. Но надежда сия весьма обманчива. Первые впечатления продолжаются долее всех, соразмерны ли они истине или ведут к заблуждению. Хотя человек в постоянных летах и научается усматривать свои заблуждения, однако должен всегда весьма остерегаться, чтоб не вмешивались они неприметно в его представления и мнения и не обманывали бы его. Например, доставляют дитяти ложное понятие, что гром и молния суть действия и знаки божьего на человека негодования* и что они определены для устрашения и наказания обитателей Земли! Сколь глубоко вкоренится сие мнение в детской душе! Сколь трудно будет такому человеку и в зрелом возрасте почитать действием премудрости и благости божьей то, что он столь долго признавал за очевидное доказательство гнева его! А хотя юноша или муж и переменит первое заблуждение на сию истину, однако столь часто впечатления, оставшиеся в нем от первых его представлений, будут против воли его совращать его к ложным заключениям или исполнять страхом и ужасом!

Не сия ли погрешность в воспитании, о которой я говорю, есть причина того, что столь трудно истребить некоторые роды суеверия и что оные часто преследуют чрез всю жизнь и тех людей, которые действительно усматривают глупость оных**?

Четвертое правило, тесную с предыдущим связь имеющее, есть сие: *не учите детей ничему такому, чего они по возрасту своему или по недостатку других предполагаемых притом познаний разуметь не могут*. Не размеряйте детские способности по своим. Не делайте опытов научать их таким вещам, которые сами вы едва понимать можете или о которых вы в поздние лета приобрели некоторые понятия посредством особенного напряжения своего духа. Например, тщетно стали бы вы стараться философскими доводами уверить их о начале мира, о необходимости первой и вечной оного причины, о духовной натуре души нашей и т. п. Такими стараниями сделали бы вы только наставление ваше для них скучным, и напрасно бы потеряли они свое время и свои силы. Самая память их недолго могла бы сохранять в себе слабые впечатления, полученные ей о таких непонятных вещах. То только, чему научаемся мы с уверением, и причем разум наш или сердце занимается, делает в нас такие впечатления, которых время загладить не может. Итак, не отягощайте память их знаками и словами, не доводя их вместе до познания вещей, оными означаемых. Также не допускайте их употреблять такие слова, при которых они ни о чем не мыслят или мыслят совсем о другом, а не о том, что оными выражаемо быть должно. Когда услышите вы, что употребляют они такие слова и выражения, истинное значение которых чаятельно им еще не известно, то спрашивайте их, что они под тем разумеют; за-

* Обыкновенно говорят тогда: «Бог гневается».

** Как, например, представление, что бог есть более самовластный господь, нежели премудрый и преблагой отец.

ставляйте их показывать вам те вещи, которые они означить тем хотят; или когда сие невозможно, то спрашивайте их о свойствах или действиях того; приводите их присем на правый путь, представляйте им, сколько возможно, чаще сии свойства и действия; или если предмет таков, что не можете вы им показать либо как-нибудь иначе вразумить оные, то, по крайней мере, остерегайте их от злоупотребления сих слов и учите их почитать оные за пустой только звук, которого значение должны они научиться знать со временем. Столько ли было злоупотребляемо большей частью человеков дарование языка, слышимы ли бы были они столь часто говорящие надежным и скорым тоном о таких вещах, которых они либо совсем не разумеют, либо сбивчивые только имеют о них понятия, если б они в детстве и юношестве приучены были к тому, чтоб при всяком слове мыслить что-либо определенное и прилагать внимание не ко знакам только, но паче к означаемым вещам? Но сколь редко наблюдается сие правило! Что обыкновеннее, как то, что слушают не твердо еще говорящих детей, употребляющих множество слов, которых понять им невозможно, лепечущих, например, о воздухе, о душе, о существе, о духах, о боге, о вере, о добродетели, не показывая им их неведения или не стараясь извлечь их несколько из оного*? Какое ж следствие сего? Они продолжают употреблять сии слова иногда пристойно, иногда непристойно, по случаю и удаче; думают, что разумеют их и не мыслят еще и в мужественном возрасте при оных ничего или мыслят что-нибудь совсем ложное. Слова суть знаки богатств нашего духа; но сии богатства только воображаемы, и знаки сии подобны ложным монетам, когда не знаем мы их значения.

С сим предписанием соединяется пятое, не менее важное: *старайтесь не только умножить и распространить их познание, но и сделать его основательным и верным.* Гораздо лучше им знать точно немногие вещи, нежели мелкое иметь познание о многих**. В сем рассуждении остерегайтесь от гордости, обыкновенно свойственной родителям и надзирателям. Часто думают они более об удовлетворении собственному тщеславию, нежели о споспешествовании истинному благу детей своих и питомцев. Они торжествуют о счастливом успехе своих стараний, когда сии могут говорить о многих и разных вещах с некоторой скоростью и смелостью, удивляющею несмыслящих слушателей; когда они в одно время занимаются многими искусствами и науками; когда они, будучи еще детьми или отроками, умеют отвечать на такие вопросы, на решение которых не отважились бы разумные и пожилые люди. Однако невозможно, чтоб разум, долженствующий обнимать столь многое и устремлять внимание на столь многоразличные вещи, различал все надлежащим образом и приобретал бы о всем основательное познание. Напротив того, приучит его сие смотреть на все беглыми глазами и ни в чем до основания не доби-

* Да мы и жалуемся еще, когда дети наши воспитаны не так безумно, как мы.

** О последнем пекутся несмышленые учителя, старающиеся только хвастать воспитанниками своими пред их родителями.

раться. Избегайте сей погрешности, определенные к образованию и наставлению других людей! *Научайте их мыслить основательно. Не учите их тому только, что какая-либо вещь существует и такие-то имеет свойства и действия; но также наставляйте их, сколько соразмерно их понятию, и в том для чего вещь сия такова, а не инакова и для чего имеет она сии свойства и действия. Притом никогда по лености или самолюбию не требуйте от них, чтоб они верили во всем одним вашим словам и чтоб почитали они изречения ваши беспогрешными.* Приучайте их паче мало-помалу, чтоб они сами спрашивали вас об основании того, что вы им сказываете, и *признавали бы учения ваши за истинные не по уважению к вам, но по вашим доводам.* Когда не будете вы наблюдать сие, то сделаются они либо сомнителями, либо слепыми последователями. Говоря прямо, не будут они ничего знать, но будут только уметь рассказывать то, что другие прежде их думали и сказывали.

Однако величайшее старание, которое могли бы вы прилагать к образованию разума детей ваших или учеников, мало доставило бы им истинной пользы, если б вы наставляли их только в познании, а не купно и в мудрости, в правильном оного употребления состоящей. Посему при всем, чему вы их научаете, показывайте им употребление того, которое они для себя и для других делать могут и должны. *Научайте их смотреть на все с практической стороны и при всех способных случаях производить то в действие. Преимущественно ж и беспрестанно старайтесь научать их судить право о цене вещей.* Сия есть истинная мудрость, которая гораздо дороже всех наук вообще и которую никогда не можно вперить в человека слишком рано, если надлежит ей быть путеводительницею в его жизни. И так научайте детей ваших *примечать великое различие между внешними, преходящими, бренными благами и преимуществами и между теми, которые собственно нам принадлежат и которые мы навсегда сохраняем. Научайте их здравие и крепость тела ценить выше богатства и красоты, похвалу совести выше почтения и похвалы людской и добродетель... выше богатства, чести, здравия и жизни.* Сии учения столь неоспоримы и самому дитяти столь понятными могут быть сделаны, что почти всегда родители только или надзиратели его виноваты бывают в том, когда оно иначе научается мыслить. Например, если удивляется оно блистанию, богатству, драгоценности какого-либо платья, то спрашивайте его иногда: «Становится ли оттого лучшим злой человек, его носящий? Может ли платье сие дать больному здравие, слабому силу, невежде ум и благоразумие? Не благороднее ли, доставляя отраду многим бедным, одеваться несколько хуже, нежели быть немилосердным, оставлять братий своих, томящихся в убожестве, и гордиться сими украденными у них вещами?» Если дитя слишком высоко ценит красоту, то показывайте ему других детей или взрослых особ, которые, менее пригожи будучи, более почтенны и любимы, ибо они кротче, добросердечнее, благодетельнее и лучше; или научайте их знать таких особ, которые лишились красоты своей от разных приключений или которые при всей своей красоте презренны и ненавидимы до того, что не

имеют доброй души и никаких действительных достоинств. Если надмевается дитя получаемыми собой похвалами, то показывайте ему при случае, сколь расточительно и безрассудно раздает большая часть людей похвалу свою; сколь часто хвалят люди то, чего они не знают, не уважают, не любят; сколь корыстолюбивы и переменчивы они в своем мнении и т. д. Когда ж детям или воспитанникам вашим надлежит научиться право судить о сих и подобных сим вещах, о вы, назначенные от бога быть родителями и наставниками! *то не должны они слышать от вас никаких других, кроме справедливых, мнений.*

Но когда самих нас ослепляет блистание пышного платья, красоты или других таких наружных преимуществ*; когда вы сами вкусную пищу хвалите, яко изрядное и превосходное благо; когда сами вы много уважаете сии вещи и посредством ревности и важности, с какою поступаете с ними, великую прилагаете им цену; когда вы сами особенное оказываете почтение особам, хвастающимся такими преимуществами, то бесплодны будут и самолучшие наставления, которые вы можете давать о сем детям вашим в учебные часы или в другое время. Но когда сами вы поступаете в рассуждении сих вещей и некорым благородным равнодушием, когда сами вы уважаете и почитаете истинное достоинство, под каким бы видом, в каком бы наряде и состоянии оно ни показывалось, то учения ваши, собственным вашим примером подкрепляемые, без сомнения, изряднейшие принесут плоды.

Из сего следует еще следующее правило: *оберегайте детей от скоропостижности в заключении и пользуйтесь всеми случаями посредством наблюдений доводить их до осторожности и точности в их заключениях и рассуждениях.* Коль много погрешностей может наделать человек, например, тогда когда он почитает за действие и причину две вещи, вскоре одна за другою следующие или провождающие одна другою. Коль многие роды суеверия, коль многие заблуждения как в физике, так и в морали начало свое имеют и продолжаются единственно от сея скоропостижности. Например, правдивый человек, постигнутый тяжкими несчастьями и печалями, был ли бы столь часто почитаем лицемером, а безбожник, коему удаются его предприятия, любимцем небес, если бы по скоропостижности судьба человека не почиталась необходимым следствием доброго или худого его поведения, необманчивым признаком благоволения или неудовольствия божия**? Уроны, отягощения, страдания, которые добродетельный человек часто по случаю претерпевать и сносить должен бывает, приписываемы ли были самой добродетели и представляема ли бы она была под самыми неприятнейшими образами, если б по привычке не смотрели на все одно за другим последующее яко на вещи, необходимую имеющие связь? Основание ж сего преимущественно в первом находится воспитании. По крайней мере, в оном можно его по большей части отвратить.

* Или когда сами хвалите детей за хороший их убор.

** О первом человеке говорят обыкновенно: «Бог его наказывает», а о другом: «Бог его благословил».

Коль трудно образование духа детей! Коликое внимание, коликая прилежность, коль неутомимое терпение, коликое снисхождение требуются к тому, чтоб дитя или юношу научить право чувствовать, право мыслить, право рассуждать! Коликой различности сих стараний требует различность способностей и склонностей человеческих! Часто надлежит видеть себя принужденным почти не плодородную обрабатывать землю, и коль удобно плевелы могут одержать верх и на доброй пашне!

Но чем труднее дело сие, тем более предприемлющий оное должен напрягать свои силы для благополучного совершения оного. Самые величайшие трудности, наконец, преодолеваются, если всякий раз, когда они показываются, прилагается старание к истреблению их и если не упускается от внимания ни единая выгода, могущая облегчить победу. Таково воспитание вообще; таково особенно образование духа детей. Ограничa сие упражнение некоторыми только часами, а в другое время совсем его оставляя, если не совсем не достигнете вашего намерения, то, по крайней мере, достигнете его весьма несовершенно. Дух дитяти или юноши всегда в движении; и так всегда нужен ему надзиратель, путеводитель. Когда вы провожаете его, сколько возможно, неотступно; когда вы не только назначенные учебные часы, но также забавы и игры его почитаете и употребляете яко способы и случаи к образованию его разума; когда пользуетесь вы всяким случайным обстоятельством, могущим облегчить вам оное, то старания ваши, конечно, не будут тщетны, плоды их превзойдут ваше ожидание.

Сколь трудно и сколь много прилежности требует дело сие, столь же благородно и приятно оно. Что может пристойнее и что должно бы приятнее быть для разумного существа, как то, чтоб другому существу своего рода, в столь тесной связи с ним находящемуся, облегчать достижение до совершенства, к которому оно способно; примечать первые лучи восходящего разума его и многоразличные действия сильнейшего и слабейшего света оного; помогать слабым стараниям еще колеблющегося его рассудка; споспешествовать могущему служить к успеху оного и отдалять могущее тому препятствовать; отвращать препятствия, встречающиеся на пути его; предостерегать его от соделанных собой погрешностей; соделывать его знатоком и почитателем истины, право мыслящим и основательно рассуждающим человеком, истинным мудрецом? Сколь много должен получить от сего пользы и сам тот, кто охотно и прилежно оное делает, и коль много может он споспешествовать чрез то не только благу частных особ, но и благу целых обществ!

Посему не важно ли и паче не весьма ли опасно оставлять часто и долго детей под надзиранием и в обществе людей, имеющих совсем грубый и занятый заблуждениями и предрассудками разум? Чем могут такие люди споспешествовать образованию их духа? В состоянии ли они, при самолучшей воле, наблюдать правила осторожности, нами здесь предписанные. Может ли безопасно слепой водить другого? Не приучатся ли паче дети ваши в обхождении с ними употреблять слова, которых они не разумеют, судить о вещах, которых они не знают, со-

единять истинное с ложным, чудное предпочитать натуральному, таинственное понятному, решать по своемыслию и без основания, утверждать упрямо свое мнение и ослепляться всяким блеском? С другой стороны, сколь много потеряете вы чрез то случаев наставлять их, ободрять и удерживать, пользоваться теми счастливыми минутами, в которых дальнейший можно иметь успех, вывести из заблуждения и привести их к познанию истины? *О, будьте ревнительны к сему счастию и верьте, что родители или надзиратели никогда столько почтенны и велики не бывают, как имея при себе детей своих либо воспитанников и научая их наставлением и обхождением своим мудрости.* Сие соответственно вашему определению, сие угодно богу порядка, поставившему вас в сие состояние, и за такие только поступки можете вы надеяться благословения его в сем и награды в будущем свете.

Но все преимущества духа, приобретаемые человеком чрез размышление и упражнение, все сведения, которые он посредством оных получить может, тогда только драгоценны бывают, когда он чрез них споспешествует собственному и других людей истинному благополучию. А сего не может он иначе делать, как следуя охотно и верно свету разума своего, не только мысля и рассуждая соразмерно истине, но и поступая соразмерно к оной, не только различая справедливо добро от зла, но также любя и снискивая первое, ненавидя ж и убегая другого. Итак, разум его и воля, мысли и поступки должны согласовываться друг с другом. Познание истины должно его приводить к любви и исполнению добродетели. Следовательно, *разумное воспитание состоит не только в образовании разума, но и сердца.*

ОБ ОБРАЗОВАНИИ СЕРДЦА

Образовать сердце детей называется устремлять склонности и желания их к самолучшим вещам, вливать в них владычествующую любовь ко всему тому, что истинно, справедливо и добро, и чрез то соделывать исполнение должности их для них удобным и приятным. Образование сердца, как всякий удобно усмотреть может, предполагает образование духа, и хотя последнее может некоторым образом отделено быть от первого, однако сие без него быть не может. В натуре нашей основано, чтоб воля наша в большей части случаев следовала познаниям и предписаниям разума. *Мы желаем того только, что представляем себе добром; если ж иногда к добру мы беспристрастны или ненавидим его, а зла желаем и ищем, то почитаем мы тогда добро злом, а зло добром.* Итак, чем справедливее мыслим мы и рассуждаем и чем удобнее и натуральнее соделался для нас сей образ мыслить и рассуждать, тем справедливее будут определения нашей воли и происходящие от того желания и отвращения. Следовательно, чем рачительнее обрабатывается и образуется разум дитяти или юноши, тем большего можно надеяться успеха в рассуждении образования его сердца. Сие образование по большей части в том только состоит, чтоб научать его: все справедливые понятия и рассуждения, ему доставленные или к достижению которых ему было помоществуемо употреб-

лять при всем том, что касается до нравственного его поведения и как до его собственного, так и других людей благополучия; чтоб облегчать ему употребление сие благоразумным воспользованием всеми благосклонными обстоятельствами; чтоб стараться ослаблять и отвращать внутренние или внешние препятствия, удерживающие его от последования познаниям своего разума или делающие оное для него трудным. В сем рассуждении должны и могут предпринимаемы быть разные упражнения и употребляемы, так сказать, разные искусства, которые весьма многоразличны по различности особ, с коими дело иметь надлежит, и представляющихся случаев. Посему и невозможно в сочинении, назначенном для наставления многих, сказать все то, что всякому особенно знать и примечать нужно. Итак, должны мы ограничиться здесь некоторыми только всеобщими правилами благоразумного поведения при образовании сердца или нравственного свойства детей.

Первое правило есть сие: *старайтесь узнать их сложение и располагать поступки свои по свойству оного.* Сложение есть якобы земля, которую обрабатывать должно, и различие земли сея не столь велико, чтоб не скоро могло быть открыто. Более или менее живости и скорости в представлениях, более или менее чувствительности к добру и злу, к удовольствию и болезни, более или менее горячности в желаниях, более или менее склонности к спокойствию либо действенности, вот что составляет главную различность того, что можно назвать детским сложением. Все сии различности сложения могут вести как к добродетелям, так и к порокам. Главное попечение честных родителей и надзирателей есть то, чтоб примечать и споспешествовать первым и препятствовать другим. Великая живость, чувствительность, действенность суть изрядные свойства, когда устремляются они на добрые и достойные предметы и имеют путеводителем рассудок. *Итак, не должно вам истреблять их, но надлежит только всегда стараться дать им самолучшее устремление и удерживать их в пределах умеренности.* Живость духа должна употребляема быть на важные и полезные познания и науки; чувствительность сердца надлежит образовать к чувствованию всего того, что истинно изрядно, благородно и велико; а действенностью так управлять должно, чтоб она превратилась в ревнование быть услужливым и общеполезным. Дети и молодые люди, имеющие сии свойства, часто и выразительно должны предостерегаемы быть от злоупотребления оных, и надлежит возбуждать внимание их ко злу, происходящему из такого злоупотребления как для них самих, так и для других. Напротив того, оказывающие в представлениях и действиях своих более медлительности, склонные более к лености и спокойствию и не столь удобно в движение приводимые не должны приводимы быть в уныние и заглушаемы огорчительными попреками или суровыми поступками. Натурально бывают они робки и немного доверяют самим себе. Того ради должно поступать с ними кротко и терпеливо, ободрять их, извлекать из искомого ими мрака и приводить часто в такие обстоятельства, которые способны сделать в них сильнейшие впечатления и якобы дать душе их новый полет. Всякое сложение нрава, как мы уже сказали, может доводить до погрешно-

стей. Всякое желание может в беспорядочную превратиться страсть. Надзирайте только рачительно над детьми своими, вы, долженствующие образовать их сердце и наставлять их в добродетели! Не щадите никакой погрешности и трудитесь над исправлением оной, как скоро она окажется. Особенно старайтесь истребить первые злые движения и похотения, от сложения их происходящие, и не допускайте сделаться в них привычкою той погрешности или тому злу, к которому они по сложению своему сильнейшую имеют склонность; а когда такие привычки уже произойдут в них, то ни о чем более не пекитесь, как об ослаблении и истреблении оных, представляя детям живо непристойность их и вредность, отдаляя от них все случаи, могущие служить к утверждению оных, и заставляя их часто повторять противоположные оным действия.

Во-вторых, *приучайте детей действовать по усмотрениям и причинам, а не по слепым побуждениям или по одному своемыслию.* Делайте им понятным то, что сие есть великое преимущество, какое имеет человек пред неразумным скотом, и что человек, не употребляющий сие преимущество, унижает самого себя и поставляет в подлейший класс тварей. Спрашивайте их часто *не повелительно, но доверенно и дружественно:* «Для чего они это делают, а того не делают? Для чего некоторых особ отменно почитают и любят, других же, напротив того, презирают и убегают? Для чего они из разных выгод и удовольствий, которые они могут иметь, выбирают те самые, а не другие? Какие намерения имеют они при сих или других упражнениях и стараниях?» и т. п. Старайтесь притом приобрести себе их доверенность, дабы открывали они вам мысли свои чистосердечно, а если они иногда будут отвечать на вопросы ваши только: «Я сам этого не знаю» или «Я не могу этого сказать», то не раздражайтесь сим, но помогайте им открывать причины их поступка, которых сами они часто не ведают; разговаривайте с ними дружественно о том деле, о котором речь идет, и о намерениях, какие притом иметь можно; рассуждайте обще с ними, как бы лучше можно поступить в том или другом случае, как удобнее и надежнее можно получить успех в некоторых намерениях, и если сие касается не слишком до важных вещей, то допускайте их самих избирать и беспрепятственно следовать своему выбору, но после напоминайте им о погрешностях, какие они притом сделают, и о худых следствиях, от того происшедших. Предписывая им какие-нибудь приказания, наставляйте их, если не во всех случаях, то по крайней мере, в большей части оных, об истинных причинах и намерениях приказаний ваших*. Сказывайте им, для чего вы сие им приказываете, а то запрещаете, и старайтесь сделать для них понятным то, что причины ваши и намерения справедливы и хороши. Когда, наконец, требуют сами они от вас некоторым образом отчета в собственном вашем поступке, когда спрашивают они у вас: «Для чего вы при некоторых случаях так либо иначе поступаете? Для чего вы это теперь

* Или, по крайней мере, сказывайте им истинные причины и намерения приказаний ваших тогда, когда они их исполнят либо пренебрегут.

делаете, а в другое время оставляете?», то не всегда отвергайте сии вопросы, яко действия наказания достойного любопытства, и не думайте, что, ответствовав на оные, потеряете вы несколько уважения нашего у них; показывайте им паче, что вы всегда стараетесь следовать правилам истины, порядка, умеренности и справедливости, и когда хотите, чтоб действовали они по усмотрениям и причинам, то берегитесь, чтоб не имели они повода думать, что вы сами без причин и по одному своемыслию действуете*.

Третье: не довольствуйтесь сим, но и *научайте их действовать по добрым, самолучшим и благороднейшим причинам и с чистыми и благодетельными намерениями*. Остерегайтесь возбуждать только честолюбие их и поощрять их к прилежанию и должности всегда только представлением того, как другие люди о них судят, и добрых либо злых мнений, какие они о себе подать могут. Когда сие желание допустите вы соделаться владычествующею в них страстью, то они погибнут для истинного блаженства**. Понеже большая часть высочайших добродетелей должна исполняема быть скрытно и без свидетелей, и кто не иначе счастлив, как по благосклонному о нем мнению людей, тот мало может надеяться совершенно удовольственных дней. Нет, только тот добродетелен, кто имеет независимую от суждений и мнений людских и всегда действенную склонность ко всему тому, что справедливо и добро, и тот только может быть счастлив, кто умеет довольствоваться невинностью своего сердца и одобрением совести. К сей добродетели и к сему счастию старайтесь вести детей или учеников ваших, о вы, занимающиеся образованием их сердца! Рассуждайте иногда с ними, от мнения ли зрителей справедливые, правосудные, благодетельные, великодушные действия становятся справедливыми, правосудными, благодетельными, великодушными действиями; не бывают ли оные таковы и во всякое время, во всяких обстоятельствах и тогда, когда никто, их не видя, не может ни судить о них, ни хвалить их; раскаивались ли они когда-нибудь, сделавши какое-либо добро скрытно, и не чувствовали ли они некоторого от того удовольствия; не находится ли великое и непременное различие между истиной и ложью, между порядком и беспорядком, не ведет ли за собой добродетель порядка и спокойствия как в сердце человеческом, так и в общественной жизни, а порок, напротив того, смятения и раздора? Спрашивайте их, теми ли же приятными чувствованиями, тем ли же удовольствием наслаждаются они, когда их хвалят за такие добрые свойства или дела, которые совесть их им оспаривает, как и тогда, когда одобряют и хвалят за их действительно сделанное ими добро, и научайте их выводить из сего заключение, что мысли наши и действия сами по себе должны быть добры или злы, пристойны или непристойны, как бы люди о них ни рассуждали.

Четвертое: дабы сделать им сие понятнее, то *научайте их примечать следствия их дел или поступков*. Научайте их надлежащим

* В противном же случае все ваше научение и наставление будет тщетно.

** И сделаются искусными лицемерами.

образом почитать спокойствие духа, удовольствие, бодрость духа, здравие и крепость тела, умножение своих познаний или способностей, уважение и честь и прочие выгоды, какие приобретаются правильным и добрым поведением. Поздравляйте их с сими выгодами и радуйтесь с ними об оных. Напротив того, сожалейте с ними о тех, которые по собственной своей вине лишены сих драгоценных благ и которые потому только несчастны, что пренебрегают свою должность и поступают противно ей. Также заставляйте их чувствовать злые и вредные следствия их поведения, сколько нужно для остережения и исправления их, и старайтесь не прежде отвратить оные, как они сами, узнавши свою торопливость и глупость, раскаются. Показывайте им отчасти в их собственных, отчасти и в чужих примерах, какой беспорядок, какие страшные зла влекут за собой неумеренность в чувственных удовольствиях, жестокость гнева и других страстей, недостаток прилежности и трудолюбия, расточительность и скупость и вообще все грехи и пороки; как они мало-помалу ослабляют и унижают дух человеческий, низлагают бодрость, разрушают здравие, сокращают жизнь, подрывают внешнее благосостояние, делают человека бесполезным, презренным, вредным членом человеческого общества, терзают его совесть и наводят на него тысячи смущений, горестей и бедствий. Показывайте им, с другой стороны, какие богатые награждения обретает праводетельный и добрый человек в одобрении своей совести, в спокойствии сердца, в представлении пользы и удовольствия, доставляемого им своим братьям, в почтении и любви, какой может он от них надеяться, и в уверении о благоугодности богу; коль счастлив бывает он оттого, что действует по твердым и справедливым положениям, что научился владеть самим собой и ограничивать свои желания, что может без труда и с радостью употреблять телесные и душевные силы свои на то, на что они ему даны от бога, что никого не должен он избегать и бояться, понеже убегает от зла и боится бога, что не всякое несчастье может привести его в уныние, что умеет он утверждать истинную свою свободу и не раболепствует привычке, суетности или собственным своим похотям*. Выхваляйте обстоятельно при всех случаях сие добродетельное счастье детям нашим и ученикам; но делайте сие с веселым лицом, с чувствительным сердцем и заставляйте их примечать, сколько сами вы драгоценностью оного проникнуты, сколь много предпочитаете вы то всему богатству, всему могуществу, всем забавам неправедного и порочного.

Пятое: *старайтесь сделать должность для них удовольствием. Приучайте их соединять в представлениях своих должность и удовольствие столь тесно, как натура оные соединила.* Показывайте им как собственным вашим примером, так и наставлениями, что всякая охотно и радостно исполненная должность награждает удовольствие. Пример ваш может служить к сему тогда, когда вы в присутствии их предаетесь чистой радости о совершенной вами верно должности.

* Показывайте им примерами, с каким спокойствием и высоким удовольствием можно взирать на все гонения и клеветы, исполнив свои должности!

Например, если вы, как опекуны или друзья, привели в порядок дела какой-нибудь вдовы, сироты или оставленного друга; если имели случай одного из знакомцев ваших совратить с пути глупости и порока или подать ему повод к доброму делу; если были вы столько счастливы, что утешили несчастного или знатную, подали помощь бедному и немощному; если с отменно добрым успехом исполнили вы должности чина вашего и звания или испытали приметное притом благословение; и когда от сих благородных и приятных упражнений возвращаетесь вы к детям вашим или ученикам, то давайте им участвовать в вашем удовольствии и радости, объявляйте им причины того, *сколько можно без нарушения скромности**, и показывайте им чрез сие, сколь много награждает человека уверение о правом и добром своем деле. Показывайте им то же и наставлением вашим, научая их примечать и различать приятные и радостные чувствования, которые сами они в подобных случаях испытывают, сравнивая с тем неудовольствие, беспокойство и досаду, вкрадывающиеся против воли нашей в сердце тогда, когда мы не сделаем того, что сделать должны, или сделаем неправильно. Увещевая их к должности, уверяйте их поступком своим при том, что вы намерены не показать господство свое и силу над ними или причинить им ненужное затруднение и отягощение, но споспешествовать только совершенству их и благосостоянию. Научайте их почитать добродетель не за строгую повелительницу, не за неприятельницу радости и увеселения, но *за самолучший и единый надежный способ к истинному блаженству*. Не говорите им того, что хотя порочный обыкновенно в свете счастливее добродетельного бывает, однако должно быть добродетельным, для того что бог сие повелел. Нет, сие представление ложно и не может сделать никаких иных, кроме вредных, впечатлений в уме, не знающем еще различать вид блаженства от самого блаженства. Научайте их паче, что добродетель одна делает людей счастливыми, а порок несчастливыми; что бог ничего нам не запрещает, кроме злого и вредного, и что он не требует от нас ничего, кроме того, что и в сем мире уже действительно нам полезно и добро; что благочестие и невинная радость не противоборствуют друг другу и что случаи, в которых добродетельный и благочестивый человек много претерпевать должен, нечасто происходят**.

Шестое: для облегчения им всего сего *доводите их заблаговременно до испытания самих себя*, которое есть изрядное средство к тому, чтобы всегда делаться благоразумнее и добродетельнее. Не надлежит вам налагать на них испытание сие яко упражнение, которое бы ежедневно они делать были должны. Такое принуждение сделалось бы для них скучно, а через сие и бесполезно. Также должны вы представлять притом не строгого судию, но паче

* Но не хвалите пред ними сами своих дел.

** Ибо когда благочестивый страдает, то претерпевает вред только во внешних и преходящих благах; но никогда не можно благочестивым и добродетельным действительный нанести вред, потому то добродетельный не может быть обижен, не может быть несчастен.

друга, приемлющего участие во всем касающемся до его друзей, радующегося вместе с ними о соделанном ими добре и оказывающего сердечное огорчение тогда, когда они имеют несчастье сделать зло. Коль многие случаи на то представятся внимательным родителям и надзирателям! Когда вы, например, при окончании дня или недели окружены бываете детьми своими, когда они, будучи с вами, находятся в удовольствии и благополучии, когда даете вы им познавать нежную любовь и попечительность и возбуждаете в них чрез сие взаимную любовь и благодарность и приобретаете себе их доверенность, коль удобно бывает вам тогда устремлять внимание их на прошедшее и подавать им повод к исследованию сих и подобных вопросов: «Как препроводил я сей день, сию неделю? Сделал ли я в сей день, на сей неделе что-нибудь такое, что действительно подает мне причину к удовольствию и радости и что еще впредь мне либо другим полезно быть может? Успел ли я в сие время в каком-нибудь художестве, науке или искусстве столько, сколько успеть мог? Или не сделал ли или не говорил ли я что-либо такое, чего ныне стыдиться должен, о чем, может быть, долго еще раскаиваться стану, чего вредные следствия, может быть, долго еще чувствовать буду? Не вздыхает ли ныне кто-нибудь о том, что я его обидел или сделал ему несправедливость? Не терпит ли ныне кто-нибудь болезни или других трудностей оттого, что я отказал ему во вспомоществовании и утешении, о котором он меня просил и которое дать я ему мог? Не причинил ли я каким-нибудь словом или поступком беспокойства, неудовольствия и досады моим родителям, учителям либо и служащим мне домашним?» Благо вам и детям вашим, если вы таким образом мало-помалу приучаете их к испытанию самих себя, если иногда показываете им сами в том пример, если вы не стыдитесь признавать пред ними свои погрешности, по крайней мере в присутствии их учиненные, раскаиваться в оных, сожалеть о пропущении случая к соделанию добра, радоваться с ними при напоминовении действительно произведенного вами добра и сим образом, рассматривая свое и их поведение, научать их мудрости и добродетели!

Седьмое: *научайте их также пользоваться сим образом и поведением других людей.* Бывая с ними в компаниях (и желательно, чтоб вы редко без них бывали в оных), примечайте то, что при них говорится и делается, и после дружественно с ними о том разговаривайте. Делайте сие и тогда, когда возвращаются они из таких компаний, в которые вы провожать их не могли. Сами они подадут вам довольную материю к таким разговорам. Дети и молодые люди обыкновенно бывают внимательнейшими наблюдателями происходящего в их присутствии, нежели пожилые особы. Большая часть вещей имеет еще для них прелесть новости; а внимание их менее ослабляемо или прерываемо бывает собственными мыслями и рассуждениями, нежели внимание тех, которые приходят в компанию, обременены будучи разными заботами и трудными делами. Итак, заставляйте детей своих или воспитанников сообщать вам

наблюдения, сделанные ими при таких случаях, и не предупреждайте их своим мнением. Изведывайте добрые или злые впечатления, сделанные в них разговорами, ими слышанными, или поведением других людей, коего были они свидетелями. Старайтесь представлениями и доводами утвердить полученные ими добрые впечатления, а злые ослабить и загладить. Остерегайте их от погрешностей и опрометчивостей, примеченных ими в других. Показывайте им, сколько вреда наносят чрез то сами себе сии люди и сколь нарушается тем удовольствие общественной жизни. Представляйте им образцами для подражания отличившихся от других своею праводетельностью, скромностью, кротостью, осторожностью, человеколюбием и научайте их, сколько почтения и любви заслуживают они тем у всякого. Но *не позволяйте им судить ближнего с беспощадною строгостию**, приучайте их паче к тому, чтоб охотно извинять то, что извинить можно, и рассматривать с самолучшей стороны такие слова и дела, которые удобны к различному толкованию. Притом наставляйте для них должностью не разглашать далее о порочном и достойном наказания, примеченном ими в других и вам пересказанном, не насмехаться и не шутить над тем; но употреблять оное на собственное только остережение и исправление.

Восьмое: *также употребляйте к сему историю.* Не думайте, что дети ваши или ученики тогда учатся ей, когда вселяют в память свою и могут пересказывать множество более или менее важных приключений со всеми оных обстоятельствами и следствиями. История должна нас делать благоразумнейшими и лучшими; из нее должны мы научаться знать себя и других людей, когда надлежит ей действительно быть для нас полезной. Но дети и молодые люди должны еще в сем быть наставляемы, ибо не довольно еще упражнялись они в размышлении, дабы искать и обретать пользу сию без чужой помощи. Однако посредством сего наставления история те же может доставить им выгоды, какие доставил бы им собственный опыт, да и доставляет в самом деле гораздо удобнейшим и безвреднейшим образом. Итак, при чтении оной спрашивайте их часто: «Как судят они о тех или других мыслях либо действиях человеческих? Для чего называют они сии правосудными, справедливыми, великодушными, благодетельными, а те несправедливыми, подлыми, свирепыми, бесчеловечными? Для чего смотрят они на первые с удовольствием и радостью, а на последние с отвращением и страхом? Для чего принимают они более участия в судьбе одной особы, нежели другой?» Спрашивайте их: «Что бы почли они за должность в таких обстоятельствах? К чему бы они вознамерились? К какой бы стороне пристали? Не пропустили ли бы они сего случая к соделанию добра и воспротивились бы сей прелести ко злу?» Прилагайте все читаемое или слышимое ими к ним самим и к

* А еще паче не делайте сего сами в их присутствии столь же беспощадно, как и неразумно.

особенным обстоятельствам, в которых они тогда обретаются или впредь обретаться могут. Научайте их притом всегда примечать собственное свое сердце, открывать сокровенные склонности оного, и если склонности сии беспорядочны и злы, то одолевать их тем заблаговременнее и ревностнее, чем яснее... усматривают они, до каких распутностей и злодейств могут довести сии склонности человека, придержащегося их. Таким образом, история в одно время будет их забавлять, научать и исправлять. Она послужит изрядным способом к образованию их сердец и к соделанию их добронравными человеками.

Из первого отделения о сей материи видели мы, что трудно образование духа детей. Но не менее важно и трудно образование их сердца. К сему потребны великое внимание, неусыпная прилежность, неутомимое терпение, потребно много осторожности и благоразумия. Родители и надзиратели беспрестанно должны бдеть над собой самими так же, как и над детьми; примечать всякую добрую и злую склонность, в них появляющуюся; пользоваться всяким случаем к утверждению первой и к ослаблению последней; не почитать за малость ничего могущего иметь влияние во нравственное их свойство; беспрестанно соединять учение с упражнением; обоему придавать силу и важность собственным своим примером; всегда поступать по тем положениям и стремиться безуклонно к той цели, хотя бы и ежедневно находили они новые препятствия на пути, ведущем к оной. Кто исправляет дело сие токмо яко постороннее; кто надеется все сделать посредством приказов и предписаний; кто поступает с детьми и учениками своими не яко с разумными тварями, коих надлежит просвещать и представлениями доводить к добру, но яко с машинами, которые только понуждать и толкать должно; кто неохотно снисходит к их слабости и не воображает себя часто на их месте, дабы размерять наставление и учение свое по их понятию и потребностям; кто сегодня так, а завтра иначе, сегодня с чрезмерным послаблением, а завтра с чрезмерной строгостью поступает; кто первыми затруднениями, первыми неудачными опытами отстращается от своей прилежности и не столько постоянен, чтоб целые годы трудиться с одинаковой верностью, хотя и не видит отменных плодов своей работы, тот немного успеет в сем важном и многотрудном деле; но он не может обвинять кого, кроме себя, когда весьма прерывные, погрешностями исполненные и сами себя разрушающие старания его почти совсем бывают напрасны. Примечайте сие наипаче, вы, имеющие счастье быть матерями! Вы должны по большей части споспешествовать образованию сердца детей ваших. Вы можете, вы должны ежедневно и ежечасно над тем трудиться, и ваша только нежная любовь может преодолевать соединенные с тем трудности. Когда ж вы сию должность вашу исполните во всем ее пространстве, то гораздо большую окажете роду человеческому услугу и гораздо более споспешествовать будете его благополучию, нежели сколько могут все другие люди, какого бы состояния они ни были.

Рассуждение о некоторых способах к возбуждению любопытства в юношестве[41]

К признакам, по которым познаются чрезвычайные способности к изучению науки, принадлежит между прочим и в некоторых людях весьма рано оказавшееся всегда действенное старание приобретать новые знания. Чувствующие себя одушевленными таким любопытством, или желанием знания, в беспрестанном движении, в каком кажутся быть их силы, ощущают некую болезнь, которая ничем утешаема быть не может, кроме подаяния пищи их духу. Они имеют душевную жажду, которая, как и телесная, жажды возбуждает нестерпимое чувствование, никогда прежде не укрощаемое, пока не напоят и не утушат ее наукой. Короче сказать, удовлетворение любопытству столь же для них необходимо, как и удовлетворение телесным потребностям. Славный пример такого направления духа имеем мы в Евклиде, который подвергал жизнь свою опасности, ходя из Мегары в Афины, дабы там пользоваться учением Сократовым[42]. Хотя афиняне угрожали смертью тому мегарянцу, который осмелится войти в их город, однако Евклид, не взирая на сие жестокое запрещение, прокрадывался ночью в женском платье. Сколь непобедимо было Евклидово желание учиться, столь же непреодолимо бывает оно у многих, коих духовные дарования в приметной степени выше дарований других. Таковой побудительной силой к насыщению своего любопытства гонимые люди не требуют никаких иных побуждений к распространению их знания, кроме находящихся в собственной их склонности. Учитель, коему вверяется для научения дитя с таковым расположением духа, должен к тому только устремлять свое попечение, чтоб обращать врожденную его склонность на достойные предметы, которые бы разуму небесплодное давали упражнение и немало были бы питательны для сердца. Но понеже число одаренных от создателя такими сильными побуждениями к знанию гораздо менее числа тех, которых должно сперва побуждать и ободрять к изучению достойных познания вещей, то происходит вопрос: «Какими способами можно возбуждать любопытство и в тех, в которых врожденное побуждение слабо или, по крайней мере, не столь высоко, как в первых?» На сей вопрос постараемся мы здесь отвечать, поскольку позволят пределы сего небольшого сочинения. Теснота сих пределов и намерение наше при исследовании сего вопроса сделать известнее между нами от других уже предложенные способы, особливо между теми, которым должно быть потребно возбуждение и соблюдение любопытства в юношах, извинят нас в том, если листы будут иметь недостаток как в полности и подробности, так и в новости, которой в наши времена ждут от всякого небольшого сочинения, неизвестно по праву или не по праву.

Хотя желание знаний и науки у большей части людей не имеет той степени силы, чтоб они чувствовали неудовольствие и некото-

рым образом прискорбное беспокойство, когда не могут удовлетворить оному, однако у всякого имущего здравое расположение духа бывает одна сторона, которую только тронуть надлежит для возбуждения склонности к приобретению знаний. Во всяком можно возбудить охоту и склонность к изучению для него нужного, если учитель точно знает собственные ему силы и способности и отношение, в каком они одна к другой находятся. В сем случае нужно только часто и долго предержать в душе его те предметы, которые для склонностей его более прочих имеют прелести и которыми охотнее всего занимается он по натуральному побуждению. Хотя побуждение его и устремится тогда на некоторые только предметы, но сии предметы и суть те самые, коими прилежание его преимущественно должно заниматься и о которых должен он приобрести полные познания. Если бы всегда возможно было такое направление детских склонностей на согласные с ними предметы, то всякий в гражданском обществе занимал бы надлежащее свое место и мог бы определяем быть к посильным ему делам. Кроме выгод для гражданского общества имело бы сие и для самого него то доброе следствие, чтобы он ощущал менее той трудности, которую необходимо чувствовать должен, вышедши себя в круге таких дел, коих силы его обнять не могут. Но понеже человек не всегда может избирать себе род жизни, то многие дети должны руководствуемы быть к таким знаниям, к которым склонность их не столь сильно, сколько к другим, стремится. А по сему спрашивается: как же надлежит возбуждать сию склонность?

Суть некоторых вещей, имеющих в себе нечто привлекательное для всех людей без изъятия, та, что она, соединена будучи с подлежащим изучению, сделала бы оное удобопонятнейшим. Особливо ж человеки охотно устремляют внимание свое на такие вещи, с изучением которых очевидная совокуплена польза либо которые доставляют преимущественное удовольствие. Посему тот учитель лучше всех может возбудить и соблюсти любопытство своего питомца, который в состоянии учить его таким вещам, кои он непосредственно употреблять может или с коими связано много приятности.

Говоря здесь о пользе вещей, изучением которых ученик заниматься должен, разумею не ту пользу, которую может он от сего иметь в будущем своем роде жизни. Сия польза еще весьма отдалена от начинателя, и когда бывает ему представляема, то он видит ее в столь мрачной отдаленности, что не может ясно ее почувствовать и чрез то возбудиться к приобретению знаний, могущих доставить ему пользу. Говорить дитяти, что оно должно стараться о приобретении некоторых знаний для того, чтоб сделаться способным к какому-нибудь чину, столь же недействительно, как и старание возбуждать его к добродетели и благочестью представлением того блаженства, которое последует за добродетельной жизнью в будущности. Возрастающий отрок, в котором все мысли и чувствования происходят только от окружающих его вещей, видит и ощущает только настоящее; он останавливается при том,

если оно доставляет ему удовольствие, и старается удалить его от себя, если оно причиняет ему неприятность. Будущность, в которую взоры его не проницают или, обращены на нее будучи, вскоре равнодушно отвращаются, есть для него мрачная ночь, в коей никакой предмет не имеет для него прелести. Сего ради польза, происходящая из того, чему учиться ему надлежит, должна столь близка к нему быть, чтоб он мог ее понимать и чувствовать, дабы он живым ее представлением возбуждаем был к изучению и присвоению себе с охотой тех вещей.

Ребята на Балеарских островах, коих жители в древние времена были славные стрельцы, не прежде получали завтрак, как сшибши его с поднятого вверх бревна. Естественным образом выгода, получаемая ими от своего искусства, долженствовала возбудить в них охоту к упражнению в метании. Если бы возможно было со всяким нужным знанием соединять столь же непосредственную пользу, то можно бы уверенным быть в способах, имеющих довольно прелести для любопытства молодых людей. Но между знаниями, имеющими влияние в такие дела, при которых особенно нужно напряжение духовных сил, может быть весьма мало таких, кои могли бы употребляемы быть детьми, начинающими упражнять свои силы. Ибо употребление большей части сил знаний требует уж столь сильного напряжения их способностей, что они не предпримут без негодования принадлежащих к тому трудов, понеже они хотят делать все с удобностью. Итак, знания, с охотой приобретаемые детьми, ради непосредственной их пользы обыкновенно касаются только до телесных и механических способностей, приводящих их в состояние исправлять некоторые приятные им дела. Ибо как скоро маленький человек почувствует движение и стремление находящихся в нем сил, то ищет он беспрестанно таких предметов, над которыми мог бы он оказать свою действенность, и принимает охотно и усердно все, облегчающее исполнение оных. Обыкновенно весьма поспешно и ложно судят о характере детей, почитая их нечувственными и радующимися вреду за то, что они раздавливают и раздирают все попадающееся им в руки. Присем должно бы размыслить, что они столько еще неопытны, что не могут представить себе надлежащим образом болезнь, причиняемую ими животным, и вред, производимый их действием. Долженствующим не истреблять натуральные побуждения детей, но управлять и устроить надлежит сие их стремление к действованию над вещами вне их к тому, чтоб быть разрушителями и восстановителями оных, употреблять между прочим и на доставление им некоторых знаний, чрез что сделались бы они способными к лучшему, приятнейшему и полезнейшему исполнению натурального побуждения действенности. Строить карточные или деревянные домики и после иметь удовольствие разрушать их одним ударом, подражать употреблению взрослыми людьми некоторых орудий и т. п.: суть сии такие упражнения, которые дети обыкновенно сами предпринимают. Присем надлежит воспитателям их якобы вместе с ними работать, при делании таких вещей расска-

зывать им о действительной пользе и подлинном употреблении оных и учить их разбирать особенные их части и знать имена. Выгоды, могущие произойти из сего для распространения детских знаний, по мнению моему, суть явны. Притом не только возбуждается их любопытство, но также умножается число их понятий и знание именований, и доставляется им некоторое сведение о способах и предметах, о главных пользах и посторонних выгодах. Едва ли бы могли они выдерживать такое наставление без негодования, когда бы оному не вспомоществуемо было подобными средствами.

Но еще более общее вспомогательное средство к возбуждению и соблюдению любопытства проистекает из склонности детей заниматься вещами, удовольствие им приносящими. Сие средство выхваляется почти во всех до воспитания касающихся сочинениях, и выгоды его пространно объяснены, так, что мы опасаемся навлечь на себя негодование за то, что отягощаем читателей давно уже известным и часто пересказываемым. Но мы намерены здесь только известное сделать еще известнее и потому хотим изъясниться о сем предмете, поколику позволит нам место...

Приятны детям бывают: 1) всякий действенный или изображенный только предмет, который чувства их ясно ощущать могут, если натуральное его противное свойство не причиняет им досады и омерзения; 2) всякая вещь, имущая для них прелесть новости и чудесности.

Последуя вниманием нашим за дитятей, в котором не развились еще зародки будущих его способностей, с самого его рождения до отроческого возраста, примечаем, что всякая радость и досада производит в нем чувство. К собственно так называемым душевным страданиям дитя сначала бывает неспособно, оно тогда уже их чувствует, когда пробуждаются в нем похоти и страсти, коих оно утешить не может. Но самые сии похоти и страсти происходят от приятных чувствований, причиняемых ему чувственными предметами. Оно чувствует удовольствие, когда чувства его услаждены пищей и питьем или телодвижениями, и страдает, когда сие не бывает. Итак, что может быть естественнее, как представлять чувствам дитяти, чрез которые втекает в него всякое удовольствие и неудовольствие, такие предметы, коих рассматривание не только увеселяло бы его и побуждало к повторению рассматривания сих или других предметов, но и знание их могло бы впредь полезно быть для его разума и сердца. Сей путь указует нам натура, которой указанию должны мы последовать во всяком деле, преимущественно ж при воспитании детей. Выступающий присем из путей, предначертанных уже в человеческих расположениях, и старающийся идти с питомцем своим по другим стезям либо совсем отводит его от его определения, или ведет его к такой цели, которой, может быть, могут достигнуть только иными дарованиями снабденные творения в другой сфере, вне сего мира.

Итак, чрез чувства должно вселять во младую душу первые приятные знания и представления и сохранять их в ней, пока укрепившиеся силы разума возмогут оными пользоваться и употреблять их к своему и других людей усовершению. При наставлении детей

по следам натуры идущий учитель из пространного царства творения и произведений человеческих, образованных прилежанием и искусством, будет выбирать те предметы, которые ученик его разуметь и понимать может. Он будет водить его к действительному или подражанием изображенному зрелищу всяких животных и давать глазам его увеселяться образованием оных; будет его приманивать к рассматриванию деревьев и других растений либо устремлять его внимание на приятные дела человеческого прилежания. И в самое то время, когда другие силы духа должны быть упражняемы, когда память должна заниматься изучением языков, а разум размышлением, учитель, хотящий, чтоб ученик его нечто затвердил, должен приступить к сему посредством чувств. Он лучше будет давать ему переводить несколько из натуральной истории или тому подобного, нежели мучить его так называемыми полезными и приятными диалогизмами, не дающими пищи ни разуму, ни сердцу и вперяющими в ученика омерзение к тому языку, которому он учится. Примеры разума и неразумия, истины и заблуждения будет он лучше выбирать из детской жизни, нежели из вымышленных непонятных приключений или из наук. Короче сказать, он обратится к чувствам, будет их ласкать и забавлять и чрез них находить вход в разум и сердце.

В сем будущем ему вспомоществовать будут и те вещи, которые для молодого человека имеют прелесть новости и чудесности. Всякому человеку естественно принимать особенное участие в чрезвычайных и чудесных вещах, особливо ж детям, для которых всякая новая вещь тем чудеснее, чем они всегда занимаются только предлежащими им вещами и никогда не думают, что кроме известных им предметов и приключений находятся еще другие, отличающиеся от прочих особливыми качествами и свойствами. Сего самого ради и весьма удобно соблюдать любопытство и внимательность детей; ибо по причине их неопытности многое кажется им чудно, что опытный человек рассматривает с равнодушным вниманием Царства натуры подают и к сему многие предметы, которые учитель должен выбирать и представлять зрению молодого своего питомца. История и подобные истории вымыслы, равным образом басни, а иногда и самые сказки суть магазины, из коих может он брать чрезвычайные приключения для занятия любопытства своего ученика. Находятся дети, могущие несколько часов с беспрерывным вниманием слушать вымышленные повести и в другое время неотступно просящие о повторении оных. Сии ж дети, по причине своей живости, не могут ни четверти часа пробыть с некоторой внимательностью при обыкновенном ученье. Не должно сомневаться, что при таком роде наставления много можно сделать для просвещения их разума и образования сердца, и почти всегда можно быть уверенным, что дети, слушая внимательно, весьма мало из оного забудут.

Против сего рода вспомогательных способов возбуждать детское любопытство посредством приятных чувственных предметов деланы были разные возражения, а между прочими и сие: что оным весьма возбуждается побуждение к чувственным забавам, и без того уже

в детях довольно сильное, и что они потом не способны будут к важным делам, требующим напряжения разума и размышления.

Сие возражение, без сомнения, обессилило бы все то, что можно сказать в пользу такого чувственного наставления, если бы оно клонилось только к доставлению удовольствия детским чувствам, без отношения к достижению важнейших предметов. Творец наш ведет по тому пути, по которому надлежит нам идти с детьми своими при наставлении их. Когда ему угодно, чтоб мы употребляли нечто для нас полезное, то всегда совокупляет он с тем некоторые приятности, долженствующие прельщать нас к употреблению оного. Нет ни единой из потребностей наших, удовлетворение которой не имело бы в себе приятности. Но можно ли сказать, что приятность, ощущаемая нами при наслаждении земными благами, есть единая цель, для которой дал он нам наслаждаться ими? Также и вещи, к упражнению духа служащие, должны быть приятны не для того, чтоб дитя чувствовало только сии приятности без дальнейшей пользы, но для того, чтоб оно охотно ими занималось, впечатлевало образ их в душу свою, сохранило его в ней, дабы некогда споспешествовали они укреплению разума, пище воображения и усовершению сердца. Самые чувства, занимаясь часто и много приятными предметами, не более ли приобретут силы и совершенства, нежели бродя только по бесплодной пастве? Не принадлежит ли к совершенству человеческому и то, чтоб чувства правильно ощущали? Сколь много пользы получат от того все прочие силы! При знании столь многоразличных вещей отвлечение, различение, проницание сделаются для разума удобнейшими; воображение получит начертания; в сердце возбудится чувствование изящного и доброго.

О раннем начале учения детей[43]

(в сокращении)

Юношеский возраст есть самое лучшее время для ученья; сия истина столь всеобще изведана и столь часто повторяема, что выхвалять ее, по-видимому, есть почти то же, что и нарушить почтение, которым мы должны здравому человеческому рассудку. Но понеже она как древностью своей почтенна, так и почитателям своим изряднейшую являет благодарность, то можно отважиться быть ее провозвестником. Истинная приятность нераздельно связана с полезным: и потому мы еще более ласкаемся надеждою, что некоторые мысли наши о сей толь уже часто предлагаемой истине будут, ради пользы ее, приятны...

Между всеми издавна писавшими о воспитании и наставлении детей трудно найти такого сочинителя, который бы обработал сию материю с большим остроумием и точностью, нежели Квинтилиан[44]. Из его бессмертных сочинений научаемся мы, что в его времена и еще прежде разные были мнения о том возрасте, в каком надлежит юношам начинать учиться. Однако ж сам он согласуется с Хри-

сиппом[45], который думал, что в сем случае не должно терять времени. Да еще, по-видимому, из слов его заключить можно, что дети бывают некоторым образом способны к учению, как скоро говорить начинают; но сие ученье должно располагаемо быть по слабости их понятий и соразмерно нежности лет их. Хотя признается он, что человек во все времена детства едва столько научиться может, сколько в один год совершенных лет; однако ж утверждает, что не должно презирать и сей выгоды, сколько бы мала она ни была. Впоследствии опровергает он разные возражения, которые по большей части и ныне еще делаются. Говорят: «На что мучить мне детей своих преждевременно? На что им выучивать такие вещи, которые чрез час они забудут? Духовные их силы столь слабы, что не могут заниматься важными вещами. Разве для того должно мне их принуждать столь рано, чтоб в зрелых летах ощущали они ненависть к наукам, которых не могли полюбить в детстве, не в состоянии бывши усмотреть их цену?» Изрядно. Но кто ж утверждает, что должно мучить детей преждевременно? Кто предполагает, что они выученное чрез час забудут? «Зная слабость нежного детства,— говорит Квинтилиан,— не требую для детей строгого учения и не думаю, чтоб в сем возрасте можно было сделать что-нибудь совершенное. Должно паче оберегаться, чтоб молодой дух, не могущий еще любить наук, вкуся их горькость, не возненавидел их, вышед их детских лет. Ученье для детей должно быть игрой; надлежит их просить, прельщать похвалою; иногда должно допускать их думать, что они знают уже нечто, и радоваться тому. Также надлежит ободрять в них охоту к ученью подарками, любимыми в сем возрасте».

Положим, что не было бы никакого сомнения начинать ученье детей столь рано, сколько возможно, то произойдет вопрос: публично или приватно учиться им должно? Оба рода ученья имеют свои преимущества...

Но сколь ни велики выгоды, коих можно ожидать от приватного воспитания, однако выгоды, представляемые публичным воспитанием, еще гораздо их более. К предмету сего сочинения не принадлежит сравнивать оба сии роды воспитания. Между тем всякий, право судящий, отдаст положению сему справедливость, когда размыслит, что при публичном ученье можно достигнуть того же предмета. Не упоминая о выгоде, какую можно получить от детского соревнования и которая при приватном ученье не может быть столь велика, как при публичном, надлежит упомянуть, что мудрейшие законодатели во все времена особливо уважали публичное воспитание. Однако ж во всех благоустроенных гражданских обществах неупускаемо было делать такие распоряжения, которыми бы публичное воспитание могло быть в состоянии, выгоднейшем для религии, нравов, обычаев и потребностей той земли. Сие воспитание так учреждено, что родители и учителя разное принимают в нем участие. Понеже родители не лишаются всей своей власти над детьми, как то обыкновенно было в других учреждениях, то из сего необходимо следует, что они долженствуют тем ревностнее печись об исполнении

должностей, предлежащих им при важном деле воспитания. Несправедливо было бы относительно к большей части жаловаться на нерадение, но также было бы несправедливо по излишней заботливости не допускать детей пользоваться публичным ученьем. Весьма часто пекущиеся о благе детей своих отцы сомневаются давать им участие в публичном ученье, опасаясь, чтоб дети во многочисленной толпе всякого рода людей не развратились и не потеряли бы вскоре ту любови достойную невинность, которую насадили они в нежные их души со многим трудом и заботами. Но можно ли по справедливости сего опасаться? Хотя правда, что молодые люди между множеством сверстников своих лишаются видимой невинности, которая прежде того была главной чертой детского их характера; но становятся ли они оттого злодеями? Хотя научаются они знать пороки, но предадутся ли им без всякого воздержания? Такова бывает судьба тех юношей, кои с первых лет содержимы бывши под строгим надзиранием, после оставляемы бывают на самих себя в то самое время, когда страсти начинают с величайшей жестокостью производить стремительную свою силу. Не зная опасности, свергаются они из одной бездны в другую и, с великой нуждой освободясь от огня, бросаются в воду, в которой погибают. Молодому гражданину, воспитываемому в гимназии, не столь надлежит сего опасаться. Познание света и людей, приобретаемое им в малом круге, приносит ему ту неописанную пользу, что он так приучается ко всегдашнему и неразлучному соединению порока с наказанием, что не может представлять себе одно без другого. Напротив того, добродетель и похвалы, прилежность и награждения всегда вкупе представляются его воображению и сопровождают его при каждом добром деле. Хотя кипящая горячность и вовлекает его в проступки, однако же проступки сии, по крайней мере, не испровергают вдруг временного и вечного его благополучия, но служат ему спасительным остережением: подобно как небольшой убыток для благоразумных купцов часто бывает великой прибылью, ибо они малым уроном научаются избегать большего. Нынешний свет не таков, чтоб тот имел в нем довольно разума, кто с открытыми глазами умеет уклониться от камня или обойти воду. Должно также учиться острозрящими глазами усматривать тонкосоплетенные сети, поставляемые невинности, дабы не запутаться в них. Дети, дома воспитываемые, могут быть незлобивы и нелукавы, как голуби; но быть мудрыми, как змеи, научает их обхождение со сверстниками своими. Сие бывает для света. Из него научаются они некоторым правилам благоразумия, за которые в большом свете заплатили бы они весьма дорого.

Но когда учителя в публичных воспитательных учреждениях со своей стороны жалуются и утверждают, что дети часто более зла приносят из дома в училище, нежели домой из училища. Совершенно ли они в том обманываются? Не обманывались они во времена Квинтилиановы? Однако, как бы то ни было, праводетельные учителя довольно бывают счастливы, когда не могут приносить столь бесчестящей родителей жалобы. Видя возрастающие злые привычки, они тем

более должны стараться искоренить сии плевелы и рачительно остерегаться, чтоб оные не распространились.

Из всего вышесказанного удобно усмотреть, что раннее начало ученья детей не может оспорено быть возражением, что были лица, начавшие поздно учиться и основательно научившиеся. Особливо ж служит к утверждению сей истины то, что таковые примеры, будучи весьма редки, не могут составить правила и что при таковых редких явлениях находилось особенное соединение всяких благосклонных обстоятельств, как-то: пребывание в большом городе или при знатном дворе, покровительствующем науки и художества, обхождение с учеными людьми, чрезвычайные природные способности, в детстве утвержденное, но впоследствии по причине бедности пренебреженное основание, непреодолимая и никакими трудностями не отстрашаемая склонность к любимой науке и другие обстоятельства, на которые без труда полагаться не должно, не веря неизбежному предопределению.

О сократическом способе учения[46]

(в сокращении)

...Если современники Базедова[47], Миллера[48], Розевица[49], Федера[50], Брауна[51], Фельбигера[52] и Рохова[53], особливо ж учителя юношества, будут читать сочинения сих достойных мужей с философическим остроумием, исследовать их, извлекать из них доброе, делать собственные опыты, испытывать советы других, наблюдать детей и юношей, из опытов и наблюдений выводить правила, и все сие будут делать обще, не побуждаемы будучи участным духом или привязанностью к собственным мнениям; если потомки будут продолжать сию работу и пользоваться познаниями своих предков, исправлять и дополнять оные, то свет приобретет науку, которая во всяком рассуждении будет заслуживать имя педагогики. Одну из важнейших частей сей науки составило бы точнейшее показание, как надлежит располагать ученье по различию наук и знаний, кои должно доставлять юношеству, по различию учащихся, их способностей, склонностей и будущего их определения. Сия часть педагогики научала бы нас образу ученья, употреблению наблюдений и выводимых из них правил. Она предначертала бы нам, как на ландкарте, путь, по которому можно идти при наставлении юношества, дабы могли мы по оному достигать наших предметов. Сия важная часть педагогики, по справедливости с нею различаемая и означаемая именем методики, ныне не есть еще то, чем быть долженствует. Вероятно, что мы никогда не будем иметь всеобщей методики, ибо всякий при воспитании и наставлении идет своим путем и часто из упрямства не хочет пользоваться советом благоразумных мужей, на коих знание в сем деле полагаться можно, да и самые преобразователи училищных и воспитательных учреждений имеют собственные свои правила, по которым располагают свои методы, и всякий из них рассматривает дело с особливой стороны; от сего ж необходимо должна произойти

разность в способе ученья. По сей причине имеем мы толикое множество различных методов, получивших название либо от разных намерений при воспитании, либо от образа доставления дитяти или юноше познаний, либо, наконец, от славных мужей, изобретших оные или им следовавших. Кто не знает имен аналитического, синтетического, табеларического, эроматического и литерального методов? Кому не известны методы Комения[54], Базедова и многих других великих мужей, сколько же заслуживающие особливое название, как и метод Сократа, сего великого знатока человеческой души и практического учителя?

Сколь ни велики преимущества и достоинства многих из помянутых методов, однако всякий учитель юношества должен о них размышлять, испытывать их и извлекать из них самое лучшее. Ни один из сих способов ученья не сохранялся столь долго в почтении у знатоков сего дела, как известный метод Сократов. К преимуществам просвещенного нашего века принадлежит и то, что в нем начали исследовать и обрабатывать сей метод, основанный на психологических опытах и правилах.

...Хотя мы живем еще не в тех счастливых временах, в которых бы сия столь важная часть методики доведена уже была до совершенства; хотя не имеем еще мы теории сократики и, может быть, долго еще иметь ее не будем, однако в некоторых местах знающие мужи и остроумные философы начинают уже доставлять материалы для сей важной науки, которые должны мы принимать с благодарностью и стараться употреблять их так, как должно. Может быть, удастся нам, употребив надлежащую ревность и прилежность, пройти со временем далее по следам сих мужей и важную сию науку более распространить и исправить.

Характер Сократова метода* состоит, по мнению нашему, в следующих двух главных пунктах: во-первых, старался Сократ узнать природу души вообще и нераздельное свойство способностей учеников своих особенно, дабы не всех их вести по утвержденному единожды методу, но чтоб ученье последнее благоразумно распоряжать и переменять по различению его с первой. От сего происходил тот мудрый и благоразумный его поступок, что он сколько раз отрицался от восприятия на себя учительского вида и тона и принимал вид соученика или, по крайней мере, такого человека, который сам еще ищет истину и хочет исследовать ее обще с учениками своими. Также существенный признак Сократова способа учения есть тот, что он мудрыми вопросами мало-помалу развивал спящие в душе темные понятия, входящие посредством чувств в душу дитяти при самом его вступлении в сей свет, и, так сказать, помогал в родах разуму учеников своих, спраши-

* Сократов метод различаем мы от сократики вообще, ибо сократика заключает в себе не только известный нам Сократов метод, но также, по Сократовым правилам, из натуры человеческой души, из опыта и свойства подлежащих ученью знаний аналогически выведенный способ, как наставление юношества с первых детских лет даже до юношеского возраста постепенно восходить и удобно, естественно предлагаемо быть долженствует.

вая дотоле, пока плод разума выходил на свет. Сократ старался сими мудрыми вопросами возбудить, развить, укрепить и направить здравый человеческий разум, которым одарены благодетельно от натуры все человеки, хотя некоторые в небольшом только количестве. К сему Сократову методу можно причислить еще то, чтоб учитель старался развить в слушателе или ученике своем некоторые всеобщие чувствования*, кои и пятилетнее дитя имеет, и при ученье прилагал бы все к оным. Сократический учитель никогда не должен произвольно вводить в душу понятия, но испытывать, какие понятия находятся в душе ученика и какие предварительные познания, представляемые нам чувствами, опытами, всем зрелищем действительного света; также должен он уметь действенные и действующие силы души всегда столь мудро направлять и устремлять, чтоб она понятия сии всегда между собой сравнивала, примечала их сходство и разность, отделяла, выводила и слагала из них новые понятия и т. д. Наконец, должен он удобным, понятным и естественным предложением, взаимными вопросами и ответами, решением и поправлением оных вспомоществовать рождающему идеи разуму ученика своего и, сколько возможно, облегчить ему сию работу. Напоследок сократический учитель отличается от других тем, что не хулит прямо никакого ответа своего воспитанника, сколько бы оный ложен ни был; но принимает сей ответ, делает из него новый вопрос и продолжает сие дотоле, пока, наконец, приводит душу ученика своего на ту точку, в которой иметь ее хочет и в которой ученик усматривает не только то, что он ложно отвечал, но и для чего он ложно отвечал и как бы ему отвечать надлежало**.

Кроме сей первой части, о которой мы доселе говорили и которою толико означается Сократов способ учения, отличается он еще свойственной Сократу иронией. Хотя почти все настоят в том, что Сократов способ ученья при наставлении юношества сколько возможно был употребляем; хотя знающие воспитательное искусство люди утверждают невозможность неограниченного употребления первой части оного даже и с самыми малыми детьми, однако другие искусные люди, коих философическому остроумию одолжены мы объяснением и решением многих педагогических вопросов, сомневаются в том, чтоб Сократова ирония при ученье и воспитании употребляема быть могла.

* К сим чувствованиям принадлежат: симпатия, или сочувствование, чувствование свободы, чувствование изящного и дурного, приятное чувствование доброй совести и похвалы других, чувствование справедливости и несправедливости, чувствование радости и прискорбия, чувствование того, что мы можем споспешествовать собственному блаженству и удовольствию, чувствование того, что многие вещи в собственном отношении на нас действуют, и т. п.

** Сия первая, существенная и характеристическая часть Сократова метода есть вспомогательное искусство в родах души, are obpterricia, как он сам ее называет. Шутя, говорил он, что подражает в том своей матери, которая сама детей не рождала, но по должности своей помогала в родах другим. Сколь трудно искусство посредством вопросов выведывать, истинные или ложные понятия находятся в душе какого-либо человека, а особливо дитяти, сие известно всякому тому, кто предпринимал хотя небольшой опыт. Сократ сам то усматривал.

Об эстетическом воспитании[55]

Предписания логики и морали не суть потому бесполезны, что сами собой никого разумным и добродетельным сделать не могут. Равным образом, и правила вкуса не заслуживают сего попрека за то, что чрез них никто не может сделаться остроумным. Они не заменяют недостаток счастливого ума. Но если находится в человеке некоторое хорошее расположение, то вспомоществуют они к развитию оного или к удержанию на правом пути.

Многие думают, что вкус совсем не может на правилах основываться. Но примеры всех времен и наций довольно доказывают, что находятся, по крайней мере, некоторые всеобщие правила красоты, в которых все народы во всякое время были согласны. Не могут ли сии правила быть рассмотрены философическим оком и положены основанием дальнейших заключений? Невзирая на великую разность, царствующую между человеками в рассуждении образа их мыслей, могли они собрать некоторые справедливые и полезные правила об искусстве мыслить и составили из оных логику. Для чего ж невозможно при разности вкуса утвердить некоторые всеобщие положения, которые всякий, не хотящий с намерением быть упрям, одобрить долженствует и из которых потом можно бы было вывесть многие следствия, как из обильного источника?

Нельзя отрицать, что вкус остался бы притом во многих особенных случаях весьма различным. Ибо тогда много бы зависело от употребления всеобщих положений, которые не все бы стали делать одинаковым образом; но всякий располагал бы мнение свое по своим знаниям, воспитанию, образу жизни, нравам нации, состоянию и предрассуждениям, но сие не причиняет никакого урона справедливости и цене единожды утвержденных и всеобщими признанных правил, подобно как и первые основания морали не бывают потому сомнительны, что один употребляет их... иначе, нежели другие.

Понеже удобнее из всеобщего нисходить к особенному, нежели во множестве особенных случаев судить без всеобщих правил: то собрание положений вкуса, называемое в новейшие времена эстетикой, было бы не бесполезно. Не нужно бы нам было предаваться одному слепому чувствованию, но умели бы мы объявлять причину большей части наших чувствований и могли бы ясно показывать, для чего мы что-нибудь прекрасным или дурным почитаем. Довольно и тогда ссылаться на темное чувствование, когда по недостатку особенных знаний не можем мы употреблять положений; и невзирая на сии положения, имели бы нужду брать сие прибежище во многих особенных и частных случаях; ибо доныне не могли еще с довольной точностью объяснить все материи, к сему принадлежащие. Но и присем оные положения неприметно провождали бы нас в наших мнениях, и когда достигли бы мы до некоторой способности правильно судить, то мнения наши получали бы некоторую правильность и силу в самых тех случаях, в которых бы мы не могли объявить причину их и не знали правил.

Однако единые правила не составляют еще всего дела, сколько бы они справедливы ни были. Они должны примерами быть объясняемы и подкрепляемы, а упражнением в способности превратиться. Не далеко бы достиг кто-нибудь в танцевальном искусстве, если б мог только весьма точно доказывать правила оного и видал бесчисленнократно, как танцуют другие, а сам никогда бы не танцевал. Итак, правила, примеры и упражнения должны быть соединяемы.

Но как соединять их? На сей вопрос не прежде можно будет ответствовать, как по определению, чему должен учиться тот, кто изящные художества и науки не главным, но вспомогательным учением почитает. Мы говорим о тех учащихся, которые хотят употреблять изящные науки при высших науках, поколику без оных либо совсем невозможно, либо трудно обойтись, если хотят они надлежащим образом пользоваться тем, чему учатся.

Хотя при наставлении юношества по большей части многое упускается, но иногда бывает также излишество. С изящными науками то же происходит, что и с новейшей философией. Едва победила она предрассуждения, то всякий захотел учиться философии, и ничему более, кроме философии. Все прочие столь же нужные науки были пренебрежены, хотя одной науки для ученого недовольно, не все они вспомоществуют одна другой. Мало-помалу начали пробуждаться от сей дремоты, возвращать философию в надлежащие пределы, за которые распространяла она власть свою, и соединять с ней другие полезные знания. Молодые люди в низших и высших училищах должны заставляемы быть заниматься только всеобщим в изящных науках; особенно ж оставляется собственному их прилежанию, размышлению и чтению. Посему почитаем мы излишним занимать их всеми правилами театральных или других стихотворений. Ибо таким образом, когда бы окончилось все учение изящных наук? Довольно вкуса во всеобщем имеет тот, кто может читать с удовольствием трагедию или комедию и чувствовать красоты оной; а для сего потребно весьма немногое, кроме всеобщих правил прекрасного и дурного. Кто имеет склонность судить подробно о каком-нибудь роде стихотворений или сам в оном упражняться, тот может читать: известные ему всеобщие основания подадут ему довольно случая разуметь особенные правила и далее о них размышлять.

Советуясь не с излишними почитателями сих наук, но с опытом, находим мы, что из всех изящных художеств и наук одно красноречие необходимо учащемуся. Хотя половина учащихся не будет никогда говорить формальных речей, однако всякий из них почти ежедневно должен бывает сообщать мысли свои другим либо через письмо, либо изустным рассказыванием. Всякий ученый должен столько разуметь правила красноречия, чтоб он мог мысли свои порядочно, ясно и основательно предлагать и искусно выражать. Сего не нужно доказывать, ибо мы живем в такое время, когда достоинство слога не полагается в непонятном, пространном и запутанном многословии или в пестром языке.

Все прочие изящные художества и науки обходимы суть для

ученого, упражняющегося в какой-нибудь высшей науке. Нет в том нужды, умеет ли он рисовать, танцевать, играть на каких-либо инструментах или сочинять стихи: как ученый вообще может он не знать всего оного.

Однако никто не будет отрицать, что сии и другие изящные искусства могут доставлять ученому пользу в особенных случаях или, по крайней мере, во всякое время служат ему великим украшением. Понеже молодые люди часто сими искусствами не только нравятся, но в некоторых обстоятельствах несколько знания оных и требуемо от них быть может; то, по мнению нашему, всякий молодой человек должен столько им учиться, сколько может без пренебрежения главного своего дела, по мере своей склонности, сил, времени и случая. Он должен помышлять, что посторонние вещи часто полагают основание будущему благополучию; но никогда не должен он забывать, что они суть посторонние вещи и что для них не надлежит пренебрегать главным делом. Сверх того, ученому пристойно знать несколько всеобщее из всех наук, ибо они имеют между собой великую связь и одна наука другой либо объясняется, либо украшается.

Вследствие сего думаем мы, что кроме красноречия надлежит учить молодых людей в эстетике. Она приводит их в состояние судить некоторым образом о прочих искусствах, хотя бы они по недостатку дарования и не могли порядочно учиться оным (ибо каждое из них требует особливой склонности и способности). Не имеющий потребного для красноречия дарования лучше сделает, если совсем учиться не будет, ибо он худо может употреблять свои науки. В самом деле, сие дарование есть только здравая сила рассуждения и прилежность, а без сих можно ли чему-нибудь научиться? Все то, чего требует дарование в собственном смысле сего слова, в каком оно обыкновенно принимается, не может требуемо быть от всякого учащегося, ибо натура не всякого тем щедро одаряет. Но что может приобретено быть здравым разумом и благоупотребленной прилежностью, того с большим правом можно требовать от каждого учащегося, понеже оно необходимо нужно к достижению главного его предмета.

Понеже стихотворство не только теснейшую имеет связь с красноречием, нежели другие искусства, ибо большая часть правил обоего суть одинаковы, но ученый человек должен и по другим причинам читать много стихотворцев, от которых редко можно получить пользу без некоторого знания стихотворства, то молодые люди должны также учиться поэзии столько, сколько нужно для достижения сего намерения...

Что касается до других изящных искусств, то, желая учиться какому-нибудь из них, должно сыскать особливого учителя и упражняться по его предписаниям и примерам, ибо сии искусства требуют некоторых телесных способностей. Итак, кроме эстетики, красноречия и стихотворства, не нужно более ничего помещать в такую книгу, в которой должны содержаться начальные основания изящных наук для молодых людей. Ибо, во-первых, почти невозможно знать

все изящные искусства в равной степени, понеже каждое из них особливого дарования требует. Во-вторых, сии искусства приобретаются гораздо лучше через подражание и упражнение от опытных в них людей, нежели через правила. Сверх сего, они и не нужны ученому: по крайней мере, не имеет он обязанности учиться им, если натура не даровала ему особливой к тому способности...

По сим причинам надлежит в эстетическом учении давать сведение только о том, что имеет ближайшее влияние в красноречии и стихотворстве. Мы знаем, что эстетика должна быть основательным учением всех изящных искусств; но знаем также, что доныне преподаваемо в ней было только о красноречии и стихотворстве и еще несколько о живописном художестве, почему в самом деле не заслуживает она имени основательного учения всех изящных искусств. Также думаем мы, что еще находятся философические умы, которые знали бы все изящные искусства в столь высокой степени, чтоб могли находить их всеобщее, в котором все они сходствуют, и выводить из того полезные правила. Время и прилежание, которое надлежит употреблять на каждое искусство особливо, должны сперва наполнить сию пустоту, и тогда только возможно будет из рассеянных материалов воздвигнуть совершенное здание. Что ж касается до красноречия и стихотворства, то всеобщее обеих сих наук довольно к употреблению способно в эстетике представлено. Не отрицаем мы, что и в сем еще ежедневно можно делать новые открытия и прибавления. Но такова есть судьба всех наук; и мы весьма сомневаемся, найдется ли хотя одна из них, которая бы полной назваться могла; также вероятно, что при малых силах наших и никакая наука сего не достигнет. Однако уже изобретенное, собранное и распоряженное во многих отношениях важно и полезно; и гораздо лучше выучить доныне преподаваемое, сколько бы оно несовершенно ни было, нежели совсем ничего не знать. Нынешняя эстетика кажется нам достаточной для доставления молодым людям некоторой исправности и силы вкуса. Они могут впредь распространять сии положения и споспешествовать исправлению которых-нибудь наук.

Для достижения сего намерения надлежит давать им сведение о самоважнейших правилах эстетики, красноречия и стихотворства. Присем должно употреблять двоякий способ ученья.

Во-первых, надлежит, взяв хорошие образцы как в прозе, так и в стихах, изъяснять в них темное, показывать связь и порядок мыслей, всякие красоты, особливо ж красоты выражения, присовокупляя к тому всегда правила, почти таким же образом, как стал бы изъяснять латинского писателя хороший учитель, разумеющий более, нежели один только язык. Сим образом ученик не только получит чувствование прекрасного, но и приобретет также довольное число правил, кои, извлечены будучи из примеров, покажутся ему ясными, удобными и пристойными и по сей же причине глубже впечатлеются в его разуме. Начинать должно самыми легкими сочинениями, переменять роды слога, не упускать никогда из виду успех и способность слушателей и таким образом постепенно всходить выше. Такое пред-

варительное упражнение сделает молодого человека способным понимать после правила в их связи, как порядочную науку. Большая часть оных будет уже ему известна из предыдущего практического наставления. Когда он потом поймет некоторые другие науки, особливо же главнейшее из философии, а между сим преимущественно имеющее ближайшее отношение к изящным наукам, то малого будет ему стоить труда размышлять о порядочной оных системе, особливо ж если и притом всякое правило пристойными примерами объясняемо и практически делаемо будет. Сей есть синтетический метод, так как тот можно назвать аналитическим. Если не будет сперва употребляем последний из них, то найдутся бесконечные затруднения, и без него исправится, по крайней мере, сила рассуждения и память ученика, но вкус его исправлен быть не может...

Сии предуготовления к философии и изящным наукам должны быть скоро начинаемы с молодым человеком. По крайней мере, всякий ученик должен иметь ежедневно по два часа, в которые было бы прилагаемо старание об исправлении его рассудка и вкуса и научении его отечественному языку. Мы думаем, что изучение латинского языка для того только столь трудно, что дети недовольно разумеют собственный свой язык. Много бы труда сбережено было, если бы они сначала года по два занимались по большей части отечественным языком и выучивали существеннейшие правила оного посредством примеров, почерпаемых из хороших писателей; ибо критических исследований и философических доказательств присем недовольно. Все языки сходствуют один с другим в бесчисленных частях. Молодые люди, разумея собственный свой язык несколько основательнее и пространнее обыкновенного, тем удобнее будут понимать чужестранные языки.

То же бывает в рассуждении латинских и чужестранных писателей. Как возможно разуметь их тем, которые большей части книг на отечественном языке не разумеют? Красоты Вергилия[56], Горация[57] и других великих стихотворцев должны казаться в высокой степени непонятными тому, кто не может понимать и собственных стихотворцев. Если ж дети узнают большую часть вещей прежде, нежели приступят к чтению авторов, то не будет им стоить многого труда читать оных со вкусом; и самый чужестранный язык, который часто бывает им противен от труда, какого стоит им его изучение, сделается удобен и понимаем с удовольствием, когда узнают они, что он есть ключ к столь многим красотам. А дабы между тем не оставлять совсем латинского языка, то можно читать легких авторов, в которых язык есть главным предметом, и соединять оба сии упражнения.

Сказанное нами здесь разумеется и о примерах, долженствующих упражнять и укреплять вкус, при которых также двоякий метод наблюдать надлежит. Ученье чрез примеры должно предшествовать правилам, которые из них изобретаемы и объясняемы бывают, чрез что купно со вкусом и размышление упражняется. Для соделания вкуса всеобщим надлежит читать всякие сочинения, начав с басен и

писем как легчайших родов слога, и, прошедши чрез весь их порядок, оканчивать формальными речами и героическими поэмами. Притом учитель должен примечать не только особенные красоты, но также целое и связь главных частей, смотря по свойству своих слушателей и по приращению к силе, мало-помалу ими получаемой. После сего уже бывает время преподавать порядочную систему правил, но и сии долженствуют паки примерами быть объясняемы. Если ж последнее делаемо будет без первого, то ученики приобретут только многие знания об особенных красотах; но понеже таковые примеры обыкновенно должны извлекаемы быть из связи, то не получат они подробных понятий о целом сочинении, его плане, порядке и произведении; и при противоречии некоторых правил, которых во всяком случае в одно время наблюдать не можно, не будут они знать, с которой стороны в таких правилах способнее сделать исключение. Напротив того, при целых сочинениях удобнее усматривается, как разные предписания между собой совокупляемы и исполняемы быть могут.

Наконец, надлежит употребить и собственные упражнения в прозаических сочинениях. Доколе они не предприемлются, дотоле самолучшие правила и примеры бывают недостаточны. Начинать их должно весьма рано, отчасти для того, чтоб усилиться в языке, отчасти ж для того, чтоб научиться чрез собственные погрешности. Сначала учитель должен задавать ученикам своим для выработания самые легкие сочинения, которые всякий имеющий общий человеческий рассудок написать может. Для чего не учить десятилетнее дитя написать письмо об известных ему вещах, сочинить описание слышанного им в других лекциях, а особливо в исторических, либо сделать извлечение из басни или иного какого-нибудь легкого сочинения, читанного и объясненного ему? Мало-помалу упражнение сие возвышается, однако так, чтоб материи его за несколько времени в лекциях изъясняемы были. При задавании сочинения надлежит давать небольшой план оного, который, однако, не должен быть ни искусством, ни пространным, но потребно, чтоб он служил только к припамятованию того, что учитель прежде для объяснения либо спрашивал, либо иначе преподавал. Учитель должен поправлять ученические сочинения, сказывать понятную причину всякой погрешности и равно, как при изъяснении хороших примеров, возвращаться к правилам и присовокуплять показание способов, коими какая-либо мысль или выражение исправлены быть могут. В сем также надлежит идти постепенно, смотря по свойству учеников.

Если сии упражнения несколько времени, в надлежащем порядке и числе, соединяемы будут со сказанным нами об истолковании правил и изъяснении хороших образцов, то не только добрый вкус сделается всеобщим и молодые люди придут в состояние делать многое сами собой посредством одного чтения и собственной прилежности, но еще мало-помалу будут они способны выражать мысли свои пристойным образом, без чего прочие их науки принесли бы мало надлежащей пользы.

РОССІЙСКАЯ
АЗБУКА
ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЮНОШЕСТВА ЧТЕНІЮ,

Напечатанная для общественныхъ школъ

ПО

ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ.

Титульный лист «Российской азбуки...» Одно из наставлений для родителей в этой книге гласит: «Долг родителей, есть дать детям учение».

Антон Антонович Прокопович-Антонский
(1763 — 1848)

Профессор, заведующий кафедрой, преподаватель (с 1789 г.), инспектор (с 1791 г.), директор Благородного университетского пансиона (1818—1823), председатель Общества любителей российской словесности, активный член Московского общества сельского хозяйства.

За время работы в Московском университете, в Благородном университетском пансионе А. А. Прокопович-Антонский пропагандировал гуманистическую систему воспитания, основанную на просветительских идеях французских ученых-материалистов, демократических принципах отечественных мыслителей, в первую очередь М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова.

Уроженец Прилуцкой земли, Полтавской губернии, сын священника, начальное образование А. А. Прокопович-Антонский получил в Киевской духовной академии. В своем мировоззрении отражал веру в «верховного строителя», «просвещенного монарха».

Однако определило педагогическую деятельность А. А. Прокоповича-Антонского знакомство с учением русских просветителей, естествоиспытателей, в результате чего он приходит к выводу о единстве мира и природы. В развитии науки первостепенное значение отводил опыту, эксперименту. Анализируя педагогическую систему Руссо, выступил против изоляции воспитанников от «порочного общества», идеализации жизни первобытных людей. В своем трактате «О воспитании» А. А. Прокопович-Антонский развивает прогрессивные идеи о назначении воспитания (укреплять «здоровье», развивать «качества ума и сердца», «Никто не родится в свете ни счастливым, ни добродетельным, ни просвещенным... худые и добрые свойства... зависят от воспитания»), о роли научных знаний, о преимуществах и недостатках общественного и частного воспитания.

О воспитании[58]

(в сокращении)

Никто не родится в свет ни счастливым, ни добродетельным, ни просвещенным. Природа, производя человека, кажется, дает ему только жизнь и силу действия, а образовать его предоставляет времени и опытам. Большие или малые успехи ума в человеке зависят от различных случаев жизни, более или менее ему благоприятных. Необыкновенные и общие, худые и добрые свойства его зависят от первых производимых в нем впечатлений, от первых внушаемых ему чувствований и понятий — от воспитания.

...Судьба целых народов наиболее зависит от воспитания молодых людей. Дети должны некогда составлять общество и быть его членами. Они утверждают благосостояние его, если с юности напоены добродетелью и любовью к отечеству; разрушают порядок его и тишину, если отравлены развратом. Как бы славно и могущественно ни казалось государство, но если утверждением ему не служит доброе воспитание, то падет оно и блеск славы его исчезнет. Для блага обществ столько же нужно воспитание, сколько попечение о юных растениях нужно для поддержания, распространения и украшения сада. И если всегда доброе воспитание необходимо, то особливо в нынешние времена, когда роскошь повсюду влечет за собою распутство и болезни, суемудрие расстраивает всех умы и сердца, а жадность к корысти потушает глас совести и веры.

Воспитание есть *физическое и моральное. Предмет его — образование телесных и душевных способностей человека.* Тело делает оно крепким и стройным, ум просвещенным и основательным, а сердце вооружает противу язвы пороков. Оно дает человеку новую жизнь, доставляя ему возможное совершенство...

...Строением тела обязаны мы природе. Счастливы дети, кои родились от трезвых, воздержных и здоровых родителей! Доброе семя произращает древо с добрыми плодами. Жалка участь родившихся с болезнями! Жизнь их в тягость им самим, а произведшим их нередко в поношение. Воспитание тем и другим может быть полезно. С самым крепким сложением тела становятся часто уродами от небрежения; с самым слабым делаются нередко крепкими и стройными, если нежная рука матери приложит об них возможное старание...

...Не негою и праздностью, не пышностью и роскошью приобретаются такие сокровища; не в пиршествах и непозволенных забавах, не в угождении чувствам и пресыщении искать должно крепости сил, но в деятельности, воздержании, в простоте жизни и умеренности.

...Между всеми средствами, служащими к укреплению нашему, к сохранению здоровья, к предупреждению самых болезней, нет лучше, нет надежнее деятельности, движения и вообще физических упражнений. Не только освежают они тело, не только дают нам но-

вые силы и бодрость, но еще предохраняют нас от праздности, делающей многих бесполезными, а часто и вредными для общества. История государств довольно показывает, что целые народы от сего единственно были крепки и мужественны и что те же народы от неги и лени становились слабы и малодушны.

Надлежит, сколько можно, ранее приучать детей к переменам внешнего воздуха и вообще к простоте жизни; надлежит приучать ко всему тому, что может способствовать их здоровью, крепости и делать их не столько чувствительными к болезням тела. Привычка сия тем более нужна, что мы час от часу становимся слабее, из роду в род передаем болезни; и ежели не предупредить действия роскоши, то вместо полезных граждан отечеству преобразим потомство свое в женоподобных сибаритов[59].

...Но к несчастию, человек в поступках своих никогда не бывает умерен. Избегая одной крайности, одного порока, ввергается часто в другой, гораздо опаснейший; привычку к неге заменяет несоразмерными грубыми упражнениями, неестественными усилиями. Излишество везде пагубно. Сколько жертв пало под изнурительною тягостью несносных трудов!

...В благоустроенных обществах не должны быть терпимы ни роскошные сибариты, ни нечувствительные, твердые, как железо, Цельты[60]. Весьма редко от изнеженных людей ожидать можно великих и благородных подвигов; но нельзя также надеяться отличных талантов от нечувствительных и грубых. Греки, стараясь укреплять тело детей разными упражнениями, соединенными с суровостью, старались вместе смягчать грубость чувств их приятностью музыки. Во всем есть мера; преступая пределы ее, мы всегда уклоняемся от пути правого.

Желательно, чтобы определил кто-нибудь, как далеко могут простираться в человеке навыки, которые способствовали бы его здоровью, крепости, стройности и красоте тела без ущерба красоте душевной, без порчи нравственности, без ожесточения. Тысячи есть примеров, что люди самого крепкого сложения имели робкую душу. Многие, напротив, величайшие герои и философы, с самым слабым сложением, готовы были на все опасности, на все труды. Малорослый и слабосильный Агезилай[61] был славою своего народа, ужасом Азии, удивлением света. Декарт[62] с неимоверным напряжением ума сооружал системы мира в ту самую пору, когда от слабости здоровья едва мог дышать.

...Заключим, что только красота души может доставить истинную красоту, стройность и даже самую крепость телу. Но чем приобретаются неоцененные сии нравственные сокровища? *Просвещением ума и образованием сердца, нравственным воспитанием.*

Ум есть главнейшее преимущество человека, есть драгоценнейшее его сокровище, есть то отличительное титло[63], по коему поставлен он выше всех существ, неизмеримую цепь творения на земле составляющих. Образование, очищение его тем должно быть важнее. Он может расти, укрепляться и возвышаться по мере стараний,

об нем прилагаемых. Как тело наше, так равно и ум требуют своей пищи. Сила, бодрость и — если позволено так сказать — масса их обоих зависит единственно от качества и количества сей пищи. Нет сомнения, что развитие душевных способностей человека должно начинать на самой заре юности его; но надобно, чтобы оно в начале своем сколько можно было легче, почти неприметно и возвышалось постепенно. К надлежащему же и, так сказать, *систематическому* образованию ума должно приступать тогда только, когда самое тело получит уже известную крепость. Скороспелый плод непрочен. Многие подвержены предрассудку, чтобы детей как можно ранее представлять людьми, и безвременно обременяют голову их тысячью бесполезных сведений — делают из них приятных обезьян, хорошо выученных попугаев и, обрадовавшись первым сим успехам, оставляют их без попечения в такие лета, когда оно им более всего нужно. Сии сначала столь удивительные дети впоследствии обыкновенно перестают быть удивительными. Безвременным напряжением истощив естественные силы и таланты души, они становятся совсем не способны к важным делам, к перенесению трудов. Иногда нужно даже останавливать слишком беглых и быстрых, дабы сберечь крепость ума их и силы тела.

Первым правилом воспитатель должен поставить себе то, чтобы заблаговременно исследовать способности воспитанника, смотрению его вверенного, и сообразно силам и дарованиям молодого человека размерять труды об нем и старания. Никто не родится в свете, не получив к чему-нибудь способности.

...История знаменитых людей свидетельствует, что многие из них, долго почитавшись ни к чему не способными, вдруг от одного счастливого случая возблистали дарованиями своими и имя их сделалось бессмертным. Сталь не прежде дает искры, как по прикосновении к ней кремня. Внутренняя наклонность всегда готова раскрыться в нас, надобно токмо удачно тронуть ее.

Узнавши способности ума, надлежит употреблять средства, споспешествующие развертыванию их и направлению к доброй и спасительной цели. Достигнуть сего можно постепенно. Не окончив одного учения, бросать его и переходить к другому — значит подвергать себя опасности не знать ничего. Обыкновенными следствиями в таком случае бывают сбивчивость, темнота в мыслях и отвращение от наук. Учебный метод Базедова вначале заманчив, но после родит скуку ко всем важным упражнениям, требующим не столько беглого ума, сколько рассудка, системы. Нет сомнения, что строгий порядок, столь приятный для зрелых умов, тяготит детей; душевные способности, равно как и органы тела, требуют отдохновения, но облегчить труд и отвратить скуку можно, перемешивая упражнения — важные с приятными, полезные с занимательными.

Руссо[64] делает весьма сильные возражения тем отцам, кои хотят, чтоб дети их рассуждали с самого младенчества; однако ж на всяком шаге дает он своему Эмилю[65] вождем рассудок. Без него молодость легко может заблудиться и встретить бесчисленные преткно-

вения. Рассудок необходимо должен быть всегдашним руководителем нашим. С матерним млеком, так сказать, должно всасывать его; но таким образом, чтоб дитя, вместо отвлеченных понятий, всегда почти удерживаемых и повторяемых машинально, образовался более примерами и ощутительными предметами.

Душа, по мнению известного в ученом свете Бэкона[66], имеет три главные способности: память, рассудок и воображение.

Изощрение памяти доставляет лучшее богатство уму; нужно токмо уметь изощрить ее. Скоропоспешное обогащение заглушает ее, слишком сильное — подавляет. Развлеченный ум, неосновательный рассудок обыкновенно бывают у тех, кои, обольстясь успехами памяти, без меры отягощают ее несовместным количеством материалов. Прежде всего стараться должно, чтоб она вначале возрастала мало-помалу, потом чтобы все почерпнутое ею вело нас к размышлению. Богатая жатва, собранная в житницу, была бы бесполезна, если б мы оставили ее без всякого употребления.

Посредством памяти делаемся мы обладателями сокровищ всех стран, всех веков. Труды многочисленных народов становятся собственным нашим уделом. Но как нельзя иметь ни физической, ни моральной возможности научиться всему, что до нас открыто, то в сем случае необходимо нужен благоразумный выбор. И счастлив тот, кто имеет опытного наставника! Под его руководством, озаряемый светильником здравого его разума, пересмотрит он те веками сооруженные хранилища, где ум человеческий собрал бесчисленные разнообразные свои сокровища, и возьмет для себя то только, что есть в них лучшее, достовернейшее. Круг понятий его распространится, душа взойдет на высшую степень совершенства, мысли сделаются благороднее, сердце обретет для себя приятную пищу. Воспитатели и наставники! Помыслите, какое сильное влияние имеют на ум, сердце, нравы, характер, на самое счастие и несчастие детей первые получаемые ими впечатления, первые понятия, первые уроки — и вы найдете, что нет ничего пагубнее, как позволить им читать без разбору всякую попадающуюся в руки книгу или говорить при них все, что ни вздумается. Сколько от одного сего погибло дарований, и сколько сердец развратилось!

Важнейшая польза, какую доставляет нам память, состоит в изучении языков. Чем мы им не обязаны? Они обогащают нас многими высокими, тонкими, прекрасными мыслями, кои в переводах или обезображиваются, или совсем пропадают; они делают нас гражданами всего мира, способствуют распространению торговли, знакомят нас с отдаленнейшими народами и приводят в состояние судить о совершенстве и недостатках их установлений, обычаев, правления, политики, наук, художеств.

...Несмотря на мнимую важность предписаний Руссовых[67], ученья языков не должно откладывать до зрелых лет. Органы детей гибки; они скорее и удобнее взрослых могут приобыкнуть к правильному произношению. Эпоха ума их не та еще, чтобы мыслить, а больше, чтобы учиться, изощрять и обогащать память. Каждому возрасту

природа назначает свои упражнения. Земледелец, который бы смешал времена года и преобратил порядок работ своих, получил бы в удел токмо позднее раскаяние.

Преимущественно должно заниматься отечественным языком и употреблять все старания и средства для достижения в нем правильного, твердого, основательного знания: Оставлять в небрежении такой язык, которым писаны все отечественные законы, все гражданские постановления, к общественному благосостоянию относящиеся, который должно употреблять при всех делах, при всех встречающихся нуждах,— оставлять в небрежении такой язык есть крайне грубое, непростительное заблуждение. Ошибаются также и те, кои думают, что изучение природного своего языка не великого труда стоит. Знать его основательно, знать со всеми тонкостями, чувствовать всю силу его, красоту, важность; уметь говорить и писать на нем красиво, сильно и выразительно по приличию материи, времени и места — все это составляет труд, едва преодолимый. На приобретение такого знания должно употребить все силы, должно пожертвовать не малою частию жизни.

...Какие знания более споспешествуют просвещению и укреплению рассудка? Вопрос сей сколько необходим по великому числу наук, из которых многие бесполезны, столько по многоразличию состояний неудоборешим. Все знания в основании своем соединены неразрывным союзом. Невозможно достигнуть совершенства ни в одной науке, не имея, по крайней мере, общего понятия о большой их части. Есть, однако ж, такие, коих звенья во всеобщей цепи одни от других весьма отделены. Ум молодых людей преимущественно должно обогащать теми знаниями, кои больше имеют отношения к будущему их отношению, к будущему их состоянию.

Не знать того, что до нас делалось в свете, говорит Цицерон[68], значит всегда быть младенцем. Благоразумный воспитатель, то только в виду имеющий, к тому единственно устремляющий все труды свои и попечения, чтобы юный питомец его не всегда оставался младенцем, но сделался бы некогда человеком, сделался бы полезным членом общества и верным сыном отечества, такой воспитатель оставит ли его в грубом незнании предшествовавших ему великих приключений? Нет, он смелою рукою откроет над ним завесу истории и представит глазам его величественное, поразительное зрелище. С удивлением увидит тут юный житель земли, как мир сей огромный, великолепный восстал из ничтожества; как явился первосозданный человек, венец и краса поднебесного творения; как возрастал и распространялся род человеческий; как составлялись селения, грады, области; как возникали, процветали и упадали царства; как науки рождались, достигали совершенства и разливали животворный свет свой, и потом — как ночь невежества паки простерлась по лицу земли и погрузила род смертных в постыдную, уничтожительную дремоту, пока наконец снова возблистало солнце просвещения и явилось в полном величии на горизонте человечества. Какая картина! Какое поле для собрания жатвы неоцененных познаний!..

...Наука, доставляющая столь великие, многоразличные выгоды, наука, не менее укрепляющая рассудок, как и обогащающая память, едва ли не первое заслуживает место при воспитании; но за нею поставил бы я преимущественно те знания, кои более основываются на наблюдении и опытах,— физические и математические. Польза их ощутительна. Без них не знали бы мы даже, что такое мир сей, в котором мы живем, сии растения и животные, кои служат нам в пищу, и что такое мы сами в отношении к телесному своему составу. Без них не умели б мы ни нивы удобрить, ни поля разграничить, ни построить дома. Без них не знали б мы ни компаса, ни насосов, ни громового отвода, ни многих других весьма полезных орудий,— словом, без них лишены б мы были тысячи выгод и приятностей в жизни, не могли б даже удовлетворить необходимым своим нуждам и нередко подвергались бы неизбежным опасностям.

Между физическими науками история натуры для детей гораздо полезнее, нежели как обыкновенно думают. Ясность понятий зависит от ясного представления различий, отличающих одно понятие от другого. Молодые люди то скорее понимают, что ближе к чувствам и более действует на воображение. В естественной истории, по методу новейших натуралистов, изъясняются отличительные и неприменяемые знаки, отделяющие роды и виды и определяющие каждое нераздельное. Дети, учась приводить в порядок существа и разбирая приметы их, нечувствительно получают навык приводить и самые понятия свои в некоторый порядок и чрез то доставляют им большую степень ясности и определенности. Сверх того, сия наука в самой себе заключает упражнение, весьма приятное, полезное и приличное юношеству: она изощряет чувства, доставляет многие познания, которые служат основою для искусств и большей части наук; надлежит токмо, чтоб охота заниматься познанием натуры не превратилась в страсть к пустым редкостям и бесполезным мелочам...

...Круг наук беспределен; какие для кого полезнее, нужнее — трудно сказать утвердительно. Выбор в сем предоставляется благоразумию воспитателя, который должен смотреть на сложение, характер и способности его питомца, а более на то звание, к которому порода или другие отношения его назначают.

Сколько науки вообще в воспитании необходимы к изощрению ума и укреплению рассудка, столько изящные искусства нужны к успокоению его и облегчению. Они не требуют, как первые, зрелых лет; им гораздо ранее можно учиться. Не надлежит только иметь пустого желания, заниматься вдруг многими и с отличным успехом. Те одни, кои определяют себя быть артистами, не должны жалеть ни времени, ни трудов для достижения в них совершенства.

...Есть много искусств, кои, кажется, забыты и коих, однако ж, не надлежало бы оставлять при воспитании: таково искусство хорошо читать и хорошо произносить. Оно послужило б равным украшением и тому и другому полу, но его не так легко приобрести, как многие думают. Чтобы тоном голоса изобразить различные по-

ложения души и сердца, изобразить игру страстей и, вообще, чтобы дать жизнь тому, что читаешь,— для сего надобно иметь самому душу и сердце, надобно иметь тонкое чувство и образованный ум; но навык и ученье едва ли тут не действительнее всего. Хороший орган есть неоцененный дар природы, коего нельзя достать от рук человеческих, но недостатки его можно поправить усилием. Искусный мастер искусно может играть и на дурном инструменте. Есть многие также механические упражнения, кои могут быть полезны в воспитании. Одни послужили б к оживлению и гибкости тела, другие к облегчению душевных сил, иные к доставлению выгодностей жизни. Встречаются случаи, кои, препятствуя действиям ума, требуют телесных занятий; встречаются обстоятельства жизни, где не столько науки, сколько труд и механические работы потребны.

На рассудок, познания, искусства, на самое счастие и несчастие весьма много действует в человеке сила воображения. Одаренный живым, игривым воображением не унывает в самых мрачных случаях; а с томным — печален в самых пленительных и веселых положениях жизни. Цветное воображение украшает пред нами всю натуру: источники и ручейки журчанием своим возбуждают приятную меланхолию, пещеры преобращаются в жилища забав, самые мраморы улыбаются; возвышенное воображение преодолевает все трудности, гремит победами, похищает лавры во храме славы; печальное наполняет ядом всю жизнь, самые утехи делает скучными и отвратительными; самую надежду, последнее сокровище несчастных, превращает оно в черные предчувствия; мрачное низвергает нас в пропасти отчаяния, добродетель пред ним кажется лицемерием, дружба становится коварством; пылкое воображение воспламеняет сердце художника и восхищает зрителей. Живописцы, поэты! Не приближайтесь к храму вкуса, если не оживляет вас благотворный огонь воображения.

При всей таковой важности сил воображения способность сию в воспитании пренебрегают и совсем почти не стараются обогащать ее и направлять к надлежащей цели. От сего-то, может быть, в самые даже просвещенные наши времена суеверие, фанатизм и бесчисленные предрассудки восстают противу истины и человечества. Если печальные и страшные виды беспрестанно поражают нежное воображение детей, если представляют им ложные и несбыточные мечтания, удаляют от истинных и естественных предметов и мыслей, то удивительно ли, что они становятся мрачны, суеверны, склонны к исступлению и ко всем странностям. Нет ничего опаснее, как сильное воображение, напитанное нездоровою пищею; нет ничего неприятнее, как человек, которого воображение мертво.

Наставникам при воспитании детей предназначены два весьма важных предмета: первый, чтобы как можно более распространять в них круг истинных понятий; второй, чтобы отвращать от них все вредные впечатления, столь быстро действующие в молодости и остающиеся потом на целую жизнь. Воображение, раздраженное сими впечатлениями, изменяет все нас окружающее; блестящее в

картинах трогает сильнее, нежели сама натура; пустые мечтания превращает оно в существенность; рождает ужасы, робость, привидения, страшилища; наконец, доводит до самого сумасшествия, унижающего человечество. Умеряй стремление воображения, когда можно, в юных еще летах; оно неукротимо, как воздействует во всей силе; да будут всегда вождем ему правила здравого рассудка и законы природы. Сколько правильное и очищенное воображение доставляет выгод и удовольствий, столько необузданное и развращенное причиняет вреда человеку: оно пресмыкается в тине роскоши и сладострастия, в то время когда должно бы устремляться ко всему высокому, изящному, благородному и направлять парение свое ко храму славы и добродетели.

Так и все таланты, самые превосходные, так и все знания, самые обширные и глубокие, не только не достигают благой своей цели, не только не приносят вожделенных плодов, но более зловредны, пагубны, если не освящает их чистота нравов, невинность сердца.

Наблюдатель-философ, обращающий внимательный взор на происшествия нравственного мира, с прискорбием видит, что воспитание подвержено той же участи, какую терпят все прочие вещи в мире. Все должно стремиться к полезному концу; но сколь часто бывает противное! из чего не сделает злоупотребления! — воспитание... оно далеко от высокой, предназначенной ему цели. Наставники и попечители забывают, что питомцы их не только разум имеют, но и сердце; что одною рукою делая ученые исчисления, другою должны они отирать слезы несчастных. Истощая все труды и старания на украшение, обогащение ума разнообразными сведениями, сии хладные учителя нимало не пекутся об украшении сердца, об укреплении его добрыми правилами и примерами! Какое заблуждение! И какие же плоды произращает оно? Горькие, пагубные, часто орошаемые слезами лютейшей скорби.

...Многие отцы приставляют к детям своим толпу учителей для обучения их разным языкам и для изощрения рассудка, а не ищут ни одного такого, который бы изъяснил им первую и важнейшую науку — быть добрым, честным, сострадательным, быть — человеком. Что ж бывает? Сии воспитанники тщеславия вступают на театр света, и первый шаг их ознаменован падением; стыд и поношение покрывают не их только, но самых виновников их бытия. Тут роптания и жалобы! «Мы ли не старались,— говорят сии несчастные родители,— мы ли не старались дать детям своим приличного воспитания? Мы ли жалели трудов и иждивений? И что ж получили мы в награду?» Таким родителям можно сказать в ответ: «Не сами ль вы главнейшею тому причиною? Не одною ли суетностию и неразумием водимы вы были при воспитании детей ваших? Имели ли прямую нежность, прямое чадолюбие и непритворное желание доставить им прочное счастие? Не вы ль, из одного пустого любочестия, старались делать их только ловкими, острыми, учеными тогда, как общество требует граждан здоровых, рассудительных, благонамеренных и честных?»

Так точно, если разобрать все обстоятельства, в каких бывает воспитываемое дитя, и если рассмотреть, как поступают с ним наставники и все окружающие его, то едва ли не всегда найдется, что они сами всему злу причиною. Сердце оставляют они долго в совершенном небрежении, и если начинают о нем думать, то уже очень поздно, забыв, что оно гораздо ранее требует попечений, нежели ум. Предрассудки и невежество с летами от разных причин нередко проходят, а злые навыки, закоренелые пороки ничем не истребляются. Сердце требует особенного надзора и потому, что страсти беспрестанно тревожат его, забавы и роскошь на уловление его простирают свои сети и что за все усилия в стремлении и добродетели никаких ободрений, никаких общественных наград оно не получает, между тем как ум часто имеет сильные возбуждения: славу, честь, отличие.

При воспитании сердца, в удалении его от пороков и прилеплении к добродетели пример лучший и действительнейший — наставник. Дети любопытны и переимчивы. На все смотрят они с примечанием и всему стараются подражать. При таком счастливом природном расположении, чего не могут сделать родители, которых они чрезмерно любят и почитают, на которых смотрят, как на единственный образец, достойный их подражания, которых всякое движение, всякий шаг, всякое слово, и можно сказать, всякое мановение родит в них новые понятия, новые чувства, новые впечатления! Счастливы, счастливы души, коим провидение даровало благомыслящего отца, добродетельную мать.

Но зло разве менее сообщительно, нежели добро? Чего ж можно ожидать от детей, если они в юности окружены будут дурными и порочными людьми? Сердце их будет открыто для разврата. Язва нравственного повреждения заразительна. Один проступок побуждает к новым погрешностям; один порок влечет за собою тысячу других. Пагубно для детей дурное сообщество!

...В воспитании нравственном и физическом, к преодолению встречающихся трудностей, к возбуждению в детях любви к добру, прилежности и соревнованию, обыкновенными средствами употребляют награды и наказания; но сколько требуется присем благоразумия, осмотрительности! Опыт показывает, что сии поощрения вместо желаемых действий часто производят совсем противные: вместо охоты к трудам возбуждают отвращение и скуку. Надлежит иметь великую осторожность, чтобы не ожесточать никогда юных сердец продолжительным и грубым наказанием, не убивать духа детей уничижением, не раздражать естественной пылкости их неумеренною строгостью и не расстраивать здоровья излишними принуждениями. Всякое телесное наказание должно бы истреблено быть в благородном воспитании. Оно внушает робость, подавляет бодрость и унижает душу. Страх наказания столь сильно впечатлевается в воображении детей, что остается в них навсегда и простирает пагубные свои влияния нередко на целую жизнь, ко вреду ума и здоровья.

Но оставлять детей совершенно на произвол натуры, по правилам

Руссо, вредно. Ежедневные опыты подтверждают, что узда строгости необходима. Жалка участь сына ненаказанного. Отец и необузданный сын равно пострадут. Необходимо нужно детей поощрять к трудам, воспламенять в них любовь к добру и искоренять наклонность ко злу. Не вспыльчивостью, не строгими наказаниями и жестокостью покоряют волю их законам добродетели, возбуждают в них благородное желание и охоту отличиться, но твердостью, хладнокровием, терпением, блюдением беспристрастия, вниманием к заслугам и предпочтением достоинств.

В самых попечениях о детях, в самых наградах, особливо вещественных, надобно иметь великую осторожность, чтоб не делать их слишком часто и не вовремя. Смешное беспокойство родителей, при малейших встречающихся детям неприятностях, и без нужды излишняя заботливость и старание помочь им производят в них малодушие и изнеженность. Благоразумные воспитатели иногда нарочно дают случаи чувствовать питомцам своим боль и неудовольствие. Не кстати, не искусно сделанное награждение или теряет свою цену, или, зарождая в детях семена корыстолюбия, побуждает их ценить дорого такие вещи, кои того не стоят, и чрез то делает их пристрастными, низкими. Никакие награды, никакие побуждения не могут быть надежны и успешны, если они, под видом добра, питают в них страсти. Самое соревнование в детях, самое предпочтение должно основывать не столько на выгодах и преимуществах, сколько на бескорыстной и чистой любви ко всему изящному и благородному.

Главные сии правила воспитания необходимы для детей обоего пола. *Здоровье, просвещение ума и доброе сердце* не менее нужны как тому, так и другому. Какое печальное зрелище — видеть детей, рожденных от матери, изнеженной в воспитании; детей, которые, вместо того чтобы продлить знаменитость рода своего и отличиться заслугами отечеству, увядают в самом цвете лет своих! Польза общественная требовала бы совершенно переменить физическое и нравственное воспитание женщин. От чего имеют они такое слабое сложение тела, такую бледность лица, такое множество болезней — от чего, если не от образа получаемого ими воспитания? От чего многие женщины часто жалуются на скуку, убивают столько времени в праздности и бездействии, в собраниях занимаются пустыми разговорами и пересудами — от чего, если от недостатка полезных сведений? Женщины, имея от природы столько прекрасных способностей, имея долг быть первыми образовательницами ума, памяти и воображения детей, первыми наставницами их в добродетели, имея долг печись о семейственном устройстве, быть отрадою мужу, украшением бесед, должны необходимо с самых юных лет обогащать ум знаниями, а сердце добрыми нравами.

Каждый народ и даже каждое дитя, сверх главных сил оснований, по различным отношениям и по мере физических и нравственных своих качеств, по мере душевных и телесных сил, требует особых средств, особых попечений, особого воспитания. Весьма желательно, чтоб все, руководствующие детей, делали свои наблюдения

и опыты над свойствами души их и над движениями сердца и примечали б самое сложение их тела с такою ж точностью, с какою астрономы наблюдают небесные явления. Может быть, из таких частных замечаний нетрудно было бы сделать лучшую и вернейшую систему воспитания.

Обыкновенно воспитывают детей дома или в училищах. Первое называется частным, а второе публичным воспитанием. Которое из них лучше, которое больше ответствует пользе общества и каждого человека в особенности, едва ли можно сказать утвердительно. Много есть выгод и преимуществ в том и другом, много также и невыгод и неудобств.

Нет сомнения, что первыми воспитателями детей должны быть их родители. Дать жизнь — есть долг человека, общий ему со всеми живущими тварями; но даровать обществу полезных членов, а человечеству достойных человеков — есть обязанность, преимущественно на него возложенная промыслом. Законы природы, любовь к детям, тою же природою поселенная в сердце родителей, требуют, *чтобы первая кормилица их была мать и первый наставник их был отец.* Чье сердце ближе к детям, как не сердце родивших? Кто может иметь к ним такую нежность и привязанность, какую отец и мать имеют? Но отец и мать могут ли иметь столько сведений, столько средств, чтобы научить детей всему, что нужно и полезно знать им? Могут ли всегда горячность любви своей так умерять, чтобы не нежить и не портить их? Могут ли найти столько времени, чтобы, при всех обязанностях жизни, в силах они были заниматься их образованием? Вот причины, которые заставляют отдавать детей в чужие руки, или дома, или в публичные училища!

Нежные родители! Если вы хотите, чтобы дети ваши были славою своего рода и приносили вам отраду в преклонных днях старости вашей, то разбирайте тщательно, кому вверить смотрение над ними, кому поручить священный долг пещися об их воспитании. Важен выбор сей; от него все зависит. Поношение и честь, бедствие и счастие детей ваших и ваше собственное в руках воспитателя. Порочный заразит юные сердца, столь удобные к принятию малейших впечатлений. Добродетельный!.. в нем будете вы иметь гения хранителя, благодеющего в детях ваших и позднему вашему потомству!..

Деньги не могут доставить такого наставника, который бы заменил отца. Есть люди, которых усердия нельзя купить ценою золота; одно богатство не властно принудить к понесению всех трудностей, неразлучных с воспитанием. Истинный воспитатель должен быть другом семейства, чтоб неусыпно хранить вверенный ему залог, и пещись о нем с отеческою нежностью, любовью, терпением; должен быть другом добродетели, чтобы собственным примером привлекать к ней своего питомца; должен быть во всех поступках своих и разговорах приятным, гибким и вежливым, чтобы уметь владеть его сердцем, и вообще должен иметь проницательный и просвещенный ум, здравый и основательный рассудок; должен иметь тонкое, глубокое познание сердца человеческого, чтобы надежно руководствовать чело-

века, смотря по характеру его, дарованиям и обстоятельствам жизни.

Таких свойств люди весьма редки. Природа сама по себе наделяет нас сими дарами скупо; а несчастный обычай не ценит их по достоинству, а иногда и презирая, еще более увеличивает сей недостаток. Удивительно ли, что так мало хороших воспитателей, когда на сию толь важную и многотрудную должность едва некоторые только обращают внимание? Человек с отличными талантами обыкновенно ищет звания, которое приносило бы ему не только пользу, но честь и похвалу. Легче сыскать тысячу способных к самым важным должностям, нежели одного совершенно годного к воспитанию детей. Сверх того, самый лучший наставник может ли иметь столько твердости, столько искусства, чтобы дома, в глазах излишне снисходительной и чадолюбивой матери, при беспрестанной помехе, при семейственных развлечениях, при недостатке многих способов к просвещению ума и образованию сердца, в присутствии низких приставников, воспитать дитя с успехом, без неги и порчи?

В публичных училищах больше средств, больше людей способных к воспитанию юношества, более может быть ревности, охоты и любви к наукам между самыми учащимися. Молодые люди, будучи вместе, возбуждаются соревнованием заслужить похвалу...

...В публичных училищах, несмотря на то что многие иначе думают, самую добродетель удобнее можно внушить детям, нежели дома, где тщеславность родителей и низость служащих искажают самые лучшие наставления; там легче предостеречь их от малодушия и изнеженности, которые часто бывают плодом излишних попечений родительских; легче заблаговременно научить их великому искусству жить в свете, познавать разные свойства друг в друге и применяться к ним. Но можно ли воспитать в публичном училище с довольною нежностью в чувствах, приятностью во нравах и гибкостью в обращении? Можно ли сохранить в них довольно любви и горячности к родителям, сих неоцененных добродетелей, столь необходимых для семейственного счастья?

Главные неудобства, встречающиеся при публичном воспитании, большею частью происходят или от недостатка в учении, или от недостатка нужных заведений, или от недовольного внимания к учащим и учащимся. Там, где при наставлении юношества не разбирают ни характера, ни дарований, ни лет учащихся и не смотрят на то состояние, в которое по отношениям должно им некогда вступить; где полководца и воина, судию и священнослужителя образуют почти одинаким образом; где, забыв прекрасный метод, оставленный лучшими древними мудрецами, отягощают память детей отвлеченными токмо понятиями, продолжительными толкованиями и метафизическими тонкостями; где читают христианских авторов так же, как и языческих, древних так же, как и благонамеренных поборников единоначалия, не применяясь ни к религии, ни к народным нравам, ни к образу правления, и где, стараясь об обогащении ума разнообразными сведениями, оставляют сердце в небрежении или пекутся о нем весьма мало; где не довольно публичных училищ,

приличных всякого состояния людям, как самым знатным, так и низким — первым, чтобы научиться владеть кормилом государственных дел, а другим, чтобы знать землепашество и ремесла; где, наконец, учащиеся награждаются не соразмерно способностям своим, знаниям и достоинствам, а учащие за все усилия, за все труды, прилагаемые ими, недовольно ободрены и обеспечены в своем состоянии, там, говорю, можно ли ожидать, чтобы публичное воспитание текло с желаемым успехом и достигало своей цели?

Но сии самые неудобности не встречаются ли еще более в частном? Все ли отцы могут быть столько богаты в способах, в многоразличии учения и в нужных для того заведениях, сколько и самое посредственное училище? И можно ли ожидать постоянного внимания к детям от учащих, привязанных к дому единственно прибытком и посещающих оный в известныи час — после того, как голова и сердце их утомлены уже многими прежде данными уроками? Самые учителя танцеванья стараются собирать многих детей в один дом, для скорейших успехов; и если для образования ног полезнее общественное учение, то почему не может оно быть таковым для ума и сердца?

Говорят о медленности учения общественного, но сия медленность, сохраняя, с одной стороны, ум и память от бесплодного, удушающего бремени многих языков и сведений, утверждает, с другой стороны, наш рассудок, делает его заблаговременно терпеливым, неопрометчивым и осмотрительным; она есть мать основательных познаний; она избавляет нас от того поверхностного, пустого блеска мудрости, которым часто хвалится в своем воспитаннике учитель пред ослепленными родителями. Поспешность столько же вредна, как и излишняя медленность; но сия последняя производит немного, но хорошо, а первая много и ничего. Нежность, гибкость обращения! Очень уверен, что это драгоценные качества молодого человека и что они легче приобретаются в домашнем воспитании; по крайней мере, все согласятся со мною, что они не главное сокровище, а только его украшение. Обработать самый металл — придать ему вид и блеск — дело последнее: для того есть свое время. Горе родителям, которые почитают сии наружные качества главным достоинством детей своих! Не видим ли прелестных статуй, движущихся и изменяющихся при всяком мановении, совершенно пустых, бесхарактерных, которые повинуются чужому взору и чужому слову, сами не имея ни того ни другого! Пусть домашнее воспитание дает детям более людскости и искусства в обращении, но всегда ли оно вперяет в них священные чувства — не того ложного честолюбия, соединенного с именами князей и графов, не того суетного искусства держать себя, которое часто зависит от моды и от других обстоятельств, но того истинно благородного честолюбия, которым одушевляется добрый круг молодых товарищей по учению! Подите, взгляните в их общество! — где с большим благоговением и энтузиазмом произносятся имена знаменитых героев, философов, благодетелей человечества, Суворовых[69] и Румянцевых[70], о которых часто

не знают в целом доме и учитель-иноземец и ученик его? — где с большим жаром говорится об отечестве, о будущей службе, о славе, которую молодые друзья обещаются разделять вместе так же, как разделяют свои забавы? У них все общее: все охотно помогают друг другу и уверяются заблаговременно в необходимости взаимного вспомоществования; они уже граждане, члены общества и в маленьком кругу своем вмещают начала тех важных обязанностей, на которых основываются огромные общества. Самые забавы их наставительны. Дитя, играя одно, не наслаждается своею игрою и не будет уметь играть вместе; в сем заключаются первые черты того будущего искусства — живучи для себя, жить для других. Тут взаимная уступчивость, взаимные пожертвования, тут справедливость и честность вперяются без уроков, сами собою! Тут истинная дружба, божественное чувство, столь мало известное в свете! — гораздо высшее, нежели самые родственные связи, и столь редкое — даже между родными — чувство, предполагающее необходимо твердость характера, верность и бескорыстную доброту сердца! — и заметьте, что воспитанные в публичных училищах гораздо более способны к дружеству и сохраняют его вечно. Счастливое время! Кто бы не хотел возвратить тебя!..

Несовершенства домашнего воспитания происходят частью от самих родителей, частью от наставников и прислуживающих. При самом рождении отдают детей на руки неиспытанным наемникам, расстраивающим нередко их здоровье, поселяющим в них грубые свои чувства и низкие поступки; потом поручают их смотрению по большей части недостойных и не заслуживающих имени наставников. Дети требуют воспитателя умного, твердого и честного, а получают часто незнающего, неосновательного, без правил совести и веры; дети требуют наставника рачительного, благомыслящего и патриота, который бы внушал им любовь к отечеству и службе, а получают тунеядца, невоспитанного иноземца. Нельзя не скорбеть сердцем, видя, в какие руки часто отдают родители неоцененное свое сокровище! Сами же многие или не способны к воспитанию, или не брегут о нем. Сколь часто важнейшую, священнейшую свою должность образовать юные умы и сердца детей, внушать им дух разума и добродетели, сколь часто, говорю, должность сию забывают они для ничтожных забав, нарядов, игр, собраний! Сколь часто ослепленные родители сами похищают у детей своих время, определенное к занятиям, под предлогом показать им свет, научить их обхождению, ловкости или единственно для того, чтоб показать их самих свету и похвалиться учителем, иждивением, истощаемым на воспитание, и ничтожными успехами, которые стоили так дорого! В каждом новом лице, в каждом собрании принимают участие дети: их вывозят очень рано; всяким образом способствуют их развлечению, всеми способами возбуждают их суетность!.. Сколько видят они примеров, от которых не предостерегают, а иногда и совсем нельзя предостеречь! Сколько слышат того, чего не должно! Как рано знакомятся они с такими вещами, для которых совсем не приготовлены! С другой стороны, если их не

вывозят, то кому они поручаются? Какое сожаление видеть детей, оставленных дома без призору, в руках низких наемников! И напротив, какое приятное зрелище представляет мать, окруженная детьми, пекущаяся об них, и отец, поучающий их мудрости и правоте!

Вот важнейшие недостатки и выгоды домашнего и публичного воспитания. Каждому довольно ощутительно, что одно другому не иначе может быть предпочтено, как смотря по разным обстоятельствам, отношениям и иным причинам.

...Обычай посылать молодых детей в чужие края едва ли не всегда был больше вреден, нежели полезен. Не спорю — путешествие доставляет великие выгоды и удовольствия, но всем ли? Малолетние, странствуя и с самыми умными наставниками, теряют только время, будучи еще в таких летах, когда они не способны обращать внимания на то, что примечательного может встретиться им в путешествии. Что увидят, что узнают они за пределами своего отечества? Нравы ли и установления иноплеменных народов, степень ли гражданского их совершенства и образ правления, состояние ли наук, художеств, торговли или источники, из которых течет благоденствие их и злосчастие, богатство и скудость, могущество и бессилие? Нет! Видеть и познавать сие есть дело не детей, но проницательного летами и мудростью созревшего наблюдателя. И где сыскать такого ментора, который бы, провождая юное чадо по странам отдаленным, управлял его взорами, мыслями и сердцем? — который бы свергнул его со скалы соблазна в первую минуту опасности? — который бы начертал план его наблюдений, учения и опытов? Такие люди чрезвычайно редки. Сколько требуется от них познаний ума, прозорливости, осторожности! Они должны быть честны, благонравны, патриоты и, если можно, русские. Нельзя без ужаса представить себе, что и в сем случае многие часто поверяют детей своих безвестному иноземцу, который, нажив вредоносным наемничеством богатства и сокровища, возвращается на свою родину к тому же разврату, от которого прежде только отвлекла его нищета и бедность! Что сказать о взрослых молодых людях? Может быть они лучше пользуются путешествием? Опыт показывает противное. Они, особливо если имеют достаток, предаваясь больше стремлению страстей, нежели повинуясь внушению разума и советам своих руководителей, и ослепляясь блеском наружности, привыкают к одному разврату в мыслях и чувствованиях, а не образуют сердце и не просвещают разум; и таким образом, возвращаясь в дом родителей, привозят с собою не отраду им и утеху, но горесть, а нередко стыд и посрамление. Что ж сказать о том, что сии тщеславные путешественники, напитавшись духом иноземцев и пристрастившись к самым их нелепостям, с презрением смотрят на все то, что есть их отечественное; на все то, что важным и даже священным почитали мудрые их предки? И можно ли думать, ожидать, что сии пришельцы, чуждающиеся нежных объятий, с которыми приемлет их в недро свое отечество, можно ли, говорю, думать и ожидать, чтобы они были верными и усердными его сынами, были героями, патриотами?

И чего искать нам в странах чуждых? Богатства природы? Россия преизбыточествует ее сокровищами. Произведений ума и рук человеческих? Россия в недрах своих имеет многочисленные к тому памятники, на коих резец бессмертия в нетленных чертах изобразил имена сынов ее.

Чему удивляться нам за пределами своего отечества? Могущество и слава России поставляют ее наряду с первыми государствами. Благоденствие народов? Из отдаленных стран текут искать его под сенью державы Российской.

Чему учиться нам у иноплеменных? Любви к отечеству, преданности к государям, приверженности к законам? Века свидетельствуют, что сие всегда было отличительною чертою великодушных россиян. Средствам, руководящим к просвещению ума, к образованию сердца, к воспитанию? Возведем окрест очи наши и узрим повсюду к тому бесчисленные способы...

Михаил Михайлович Снегирев (1760—1820)

Воспитанник Московского университета, после окончания которого преподавал в нем философию, логику. Будучи экстраординарным (сверхштатным) профессором, читал публичные лекции, выступал с речами на торжественных собраниях. Большое значение придавал нравственному воспитанию молодежи. Для педагогов интерес представляет его речь «Слово о пользе нравственного просвещения», в которой М. М. Снегирев развивает мысль о том, что усвоение науки даст хорошие плоды, если юноша вместе с ней усваивает и нравственные нормы поведения.

Сведений о жизни и деятельности М. М. Снегирева сохранилось очень мало. Известно, что родился он в Александровской слободе (с 1778 г.— г. Александров). Первоначальное воспитание и образование получил в Троице-Сергиевой лавре. Как лучший ученик был отправлен учиться в Московский университет, после окончания которого работал в Благородном пансионе университета. С 1817 г. заведовал кафедрой естественного, политического и народного права. По политическим убеждениям — монархист, сторонник просвещенного абсолютизма.

Из рѣчи «Слово о пользе нравственного просвещения»[71]

...Все науки, взятые в общей связи, не что иное суть, как усовершенствование человека, составляющее истинное его благополучие. Но если представить каждую из них особенно, рассмотреть предметы, кои столь многочисленны, столь почти необъемлемы, и сравнить

их с возрастом людей, состоянием, способностями и с краткою их жизнию, то надлежит, кажется, сделать разумный выбор, сообразно с тем званием, к которому кто определен, с главной целью его учения и с тем добрым употреблением, которое он делать должен из своих знаний. Не всякий может присвоить себе право называться полигистором[72], не все могут успеть во всех частях учености, которая есть древо, ежегодно произращающее новые отрасли, новые ветви, новые плоды; но каждому нужно избирать те науки, которые делают человека полезным себе и другим; а потому было бы неблагоразумно посвящать себя учению, противному главной науке или препятствующему достигнуть совершенства или, по крайней мере, получить желаемые успехи. Все познания нельзя назвать достаточными, когда не имеют предметом ни собственного, ни других благополучия. Быть полезным обществу заслугами, или произведениями ума, или важными открытиями, или дружеским наставлением, или распространением просвещения есть благородная цель всех познаний, без которой они мертвы. Не меньше должно быть благородно и полезно употребление сведений, а иначе они будут горящим пламенником в руках губителя человечества. Во всякой науке есть некоторые или многие истины, есть и в человеке натуральное желание познать истину; и для сего всякий с удовольствием посвящает себя наукам, но без руководителя посвящает себя не соответствующим состоянию, не соразмерным со способностями или тем, которые оставляют одно слабое удовольствие, одни слабые выгоды. Дух протекших веков предпочитал, и нынешнего века предпочитает, нужное полезному и приятному. Должно возвысить силы разума; по необходимости паче всего образовать сердце и нравы. На сем-то соединенном просвещении основывается чистое, истинное нравоучение. Оно предписывает правила, как все обработанные душевные способности соображать с первоначальным нравственным законом человека, напоминающим главную цель его бытия, к которой он должен направлять все свои дарования. Но как разум почитается вождем нашей воли, то надобно, чтоб он утвержден был на истинных основаниях во всяком роде знаний. Особливо когда правила добродетели и мудрости глубоко будут впечатлены в уме и когда он сперва надлежащим образом приготовлен будет к принятию лучших понятий, тогда не так трудно уже обогатить его другими полезными науками, и тем еще удобнее, что он не склонен к ложным и пагубным впечатлениям. То же самое можно сказать и о сердце, напоенном сладостными истинами нравоучения; оно более способствует к просвещению, нежели пылкие дарования без сердечной доброты. Пусть разум столько будет усовершенствован теоретическими знаниями, что дойдет до самых тонкостей; пусть проницает во внутренность и связь существ; пусть рассматривает небесные тела, их огромность, течение и порядок, однако исполнится ли душа его священного благоговения к зиждителю миров, когда сердце хладные имеет чувствования? Ум, оживотворяемый и возбуждаемый при всех размышлениях своих благоговейными ощущениями сердца, воспевает высочайшее существо, деяния

героев, благотворителей человечества, живописует достоинства добродетели, обличает пороки, разливает в нравах кротость, повсюду распространяет знание, с доброжелательством наставляет современников и наставлять будет потомков. Кто ж влагает в сердце такое расположение? Природа, изящество и нравоучение. Итак, лучше, кажется, надобно стараться о том просвещении, какое доставляет нравоучение, нежели возноситься ученостию на идеальные высоты бесплодных умозрений. Самые древние, не только христианские, но и языческие, философы уважали нравственное учение...

...Из сего следует, что оно есть важная наука, свет, озаряющий разум, действительный пламень, оживотворяющий сердце, огнь, одушевляющий добродетельные побуждения; словом, оно есть знание нашей жизни, нашего счастия. Сколь непростительно для учащегося, приготовляющего себя на службу отечеству, не стараться образовать себя нравственностию, если она полагает твердое основание справедливости и, если можно сказать, всех нравственных добродетелей, яко надежных пособий для вступления в свет с честию, для снискания себе доброго гражданина...

Харитон Андреевич Чеботарев
(1745—1815)

Профессор Московского университета, разносторонне образованный человек. Сын бедного сержанта из Вологды. В девять лет Х. А. Чеботарев стал учеником гимназии Московского университета. Вся его последующая жизнь была связана с университетом. Переводчик, преподаватель географии и истории, профессор философии и словесности, инспектор учительской семинарии, впоследствии ректор университета. Изучая русские летописи, написал «Записки о русской истории», составил оригинальный учебник по русской географии, который явился образцом для последующих составителей книг по географии для народных училищ.

Вопросы педагогики, практика обучения и воспитания занимали значительное место в его деятельности. Он знал педагогическую систему Я. А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, разделял педагогические и просветительские воззрения М. В. Ломоносова и Н. И. Новикова.

В педагогических сочинениях «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению...», «Способ учения» (являлся одним из соавторов) Х. А. Чеботарев вместе с другими профессорами университета закладывал основы прогрессивной отечественной дидактики.

Из речи «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению...»[73]

...Под именем учености, или просвещения, которое древние греки называли мудростью, а римляне знанием, учением и наукою, разумею здесь совокупление всех частей человеческого познания о вещах в сем мире, утверждающегося на подлинных началах и служащего прославлению премудрого творца вселенной и истинному нашему блаженству.

Приняв такое определение учености за справедливое, не предвидится ни малейшей нужды многими доводами доказывать изящность, надобность и пользу наук в обществе. Ибо ныне кому не известно, что свет учения разгоняет тьму грубого невежества и озаряет наш разум ясными лучами истины; истребляет предубеждения и укрощает развратные страсти; наставляет нас благочестию, мудрости, добродетели, честности и благоразумию; словом сказать, науки открывают нам путь к совершенному блаженству, как временному, так и вечному; они ограждают безопасность общую и творят нам суд и правду; они хранят наше здравие и доставляют нам все потребности, способности и выгоды в жизни.

Уверены убо будучи о толикой пользе наук не единым умозрением или тем менее каким-либо пристрастием, но паче очевидными опытами, кто бы любящий себя и свое отечество не пожелал обогатить свой разум оными? Кто бы не пустился стремительно в тот путь, который ведет к святилищу оных? Но чтоб с большею удобностию и без частых преткновений шествовать по стезе, ведущей нас к просвещению, за нужное считаю коснуться предварительно самих источников, из которых проистекли все знания, науки и художества.

Нет ни малейшего сомнения в том, что первый источник человеческого познания составляют так называемые исторические понятия, то есть чувствования наши и опыты; ибо первобытные люди окружающие их и встречающиеся с ними вещи постигали сперва как телесными, так и душевными своими чувствами и случаем и вниманием научались познавать природу вещей, их силы, действия и употребление.

Подле таковою чувственного понятия вышел непосредственно другой источник человеческого познания, то есть размышление, простое сперва или врожденное, а потом предводимое правилами разума, тогда особенно, когда нужды, выгоды, удивление, любопытство, предохранение себя от злости других, собственная своя и своего семейства безопасность и многоразличные другие причины возбудили в людях большее внимание к изысканию свойств, причин и действий вещей, от чего самого и произошли сперва разные рукоделия и ремесла, а потом художества и самые науки, как, например, земледелие, архитектура, арифметика, геометрия, астрономия, искусство мореплавания, врачебная наука и разные другие...

К... предыдущим... источникам присовокупить можно бы наставление и обучение изустное, или словесное, и письменное, но оное

справедливо отнести должно к самим средствам, коими достигается просвещение.

Узнав таким образом источники человеческого познания, само собою оказывается то, что может препятствовать достижению оного. Именно ж, поколику многие вещи познаются чувствами и опытами, то учености и просвещению нашему, во-первых, более всего препятствует невежество в исторических познаниях и небрежение оных. Не менее того не допускают нас к просвещению презрение или злоупотребление размышлениями, и многоразличные предубеждения, происходящие частию от излишнего уважения к другим или от собственной нашей нерассмотрительности; частию от неумеренной привязанности к старине или новизне; частию ж от суеверия, ...худых качеств и склонностей; и наконец, от порочной праздности, лености и излишней себя неги. А отсюда начало свое ведут все душевные недостатки и противоположенные учености пороки, как-то самопроизвольное невежество, различные заблуждения, неосновательные познания вещей по одной только их поверхности, пустые и бесплодные умозрительства, неукротимые побуждения к распространению редких и неудобопонятных мнений, бесстыдное самохвальство, высокомерие, гнусное корыстолюбие, невежество, ученое похищение и бесчисленные другие пороки, которыми ученость угнетаема бывает часто и которые неоднократно подавали повод к осмеянию и к представлению ее в самом дурном виде.

Но все сии препятствия в пути к просвещению удобно отвращены быть могут, если мы примем надлежащий труд разобрать, во-первых, самих себя обстоятельнее; если потом ни на свои, ни на другие мнения, без предварительного надлежащего размышления, излишно полагаться не будем; если учения других и их доказательства испытывать будем по правилам здравого разума; если истребим в себе ненависть, зависть и всякое пристрастие; если, наконец, примечания других сравнивать будем с собственными своими опытами и с самого начала упражнения нашего в науках приобучим себя заблаговременно к здравому и порядочному о всем размышлению.

Узнав убо обильные источники истинного учения и оградив себя предварительно показанными теперь предосторожностями, тем удобнее можем приступить к рассмотрению самих средств, которые облегчают толь многотрудный путь к учению, что и избрал я себе целью в настоящем моем рассуждении. Не ожидайте от меня чрезвычайных, неизвестных доселе или неслыханных предписаний в такой особенно материи, о которой многие писали толь доказательно, умно и правильно, что малое что к их рассуждениям присовокупить можно! Я намерен предложить здесь только главные средства, такие, в которых ученнейшие мои предшественники согласны и которые как общим, так и собственным моим опытом и посильным размышлением признаны за самые надежные и самые лучшие.

...Самонадежные ж дороги, ведущие нас к сему храму истинного учения, просвещения и мудрости, суть следующие:

I. Во-первых, хороший порядок учения, которого для всякого сло-

жения и свойств хотя точно предписать не можно, однако ж вообще наблюдать должно: 1) чтоб стараться не об одном токмо обогащении памяти, но також об изощрении рассудка; 2) чтоб начинать свое учение с словесных и тех наук, которыми следующие объясняются; 3) иметь прилежание и терпение; и в ученых своих упражнениях всегда отличать полезное и нужное от бесполезного и любопытного... 4) ничего не делать наудачу, сбивчиво, беспорядочно и скоро; но паче во всяком роде учения поступать осторожно, со вниманием; и не прежде простираться далее к чему-либо последующему, как тогда, когда о предыдущем получишь не токмо ясное, но и подробное понятие; а тем более не приниматься за другие какие науки, не окончав начатых прежде; 5) паче ж всего не обременять памяти беспорядочным многих вещей изучением вдруг, но беречь силы душевные, дабы оные неумеренным прилежанием и бдением не были расстроены и приведены в замешательство, к отвращению чего иметь должно надлежащее отдохновение и довольное телодвижение с благопристойными притом забавами, чрез что как душевные, так и телесные силы возобновляются, оживляются и делаются способнейшими к упражнению в науках с вящим успехом...

II. Второе средство к достижению учености состоит в хорошем наставлении и обучении. Научаемся ж мы частию от мертвых, то есть чрез чтение книг; а частию от живых, то есть учителей домашних или в публичных училищах. Не вступаю я здесь в решение того, какое обучение лучше, домашнее ли, или публичное? Ибо сие кратко и положительно объяснено быть не может. Оба рода учения имеют свои выгоды, свои преимущества и свои недостатки. А покажу токмо главные свойства, каких должен быть как домашний, так и публичный учитель, от которых обоих необходимо требуется: 1) чтоб они были истинные и практические христиане... 2) чтоб они в обхождении были не суровы, но ласковы и благосклонны; в наставлении терпеливы и прилежны; и не токмо ко всем, но особенно к учащимся у них искренни; 3) чтоб сами знали основательно и совершенно искусны были в том, чему других учить принимаются; 4) чтоб имели дар и способность преподаваемую ими науку толковать ясно и внятно и 5) чтоб, наконец, твердое имели желание не только просвещать разум своих слушателей, но також исправлять их сердце. При всем же сем требуется от учащего, чтоб он, при всех хороших своих дарованиях, в учении наблюдал надлежащий порядок и имел бы ту предосторожность, чтоб разбирал силы учащихся, не обременял их памяти многим выучиванием наизусть и тем самым не угашал бы в них охоты к учению; равномерно не опускал бы из виду так называемых орудных, или словесных, наук, без которых, как без надежных посредствеников, трудно и почти невозможно с одною грубою и сухою ученостию сделаться приятным в общежитии...

III. Третий путь к достижению учености состоит в чтении книг с благоразумным порядком, в котором весьма полезно и необходимо нужно учащемуся наблюдать следующие правила:

1) Сделать сперва выбор книг, по совету ли своего учителя, или

другого кого знающего, и оные не все смешанно читать и бегло, но одну после другой со всевозможным вниманием: ибо торопливое и беспорядочное чтение многих книг вместе разбивает и рассевает наш разум больше, нежели наставляет и утверждает оный в познании истины.

2) Начинать должно чтение с сокращений наук, и оные читать и повторять до тех пор, пока обстоятельно не узнаешь основания обширности и всего расположения той науки, в которой упражняться намерен.

3) Стараться должно сперва пройти краткую историю избранной тобою науки, то есть узнать, когда, кем и каким случаем изобретена та наука, какие она со временем имела приращения или упадки, кем приведена к настоящему совершенству и какие лучшие о ней писатели.

4) Уразумев и затвердив хорошо сокращение какой-либо науки, приступать должно к чтению других книг об оной, однако ж не многих, а отборных и самых лучших, таких особенно, в которых пространнее объясняется и дополняется то, что в сокращении опущено или предложено в оном недостаточно.

5) Но прежде нежели начнешь читать какую книгу, из оглавления и предисловия оной узнать должно наперед мысли, намерение, расположение и порядок писателя.

6) В выборе книг полагаться должно на советы учителей и на рассуждение лучших ученых журналов, из которых предварительно с пользою узнать можно содержание и внутреннюю доброту книги.

7) Однако ж в мнении других, по нерадению своему, оставаться не должно, но паче в чтении самому рассматривать должно, разбирать и поверять мнения писателей.

8) Наконец, найденные в чтении достопамятнейшие места должно замечать и для вспомоществования памяти выписывать; особливо из книг редких, також и из других хороших, если они не собственные наши. Но за такие выписки приниматься уже не в начале чтения, ибо иначе для начинающего все покажется новым и редким; следовательно, все его чтение переменилось бы в переписку книг печатных.

Сверх исчисленных способов, служащих к просвещению, то есть сверх хорошего порядка в учении, сверх изустного наставления в оном и сверх благоразумного чтения лучших и полезнейших книг, к приумножению знания нашего весьма много способствуют:

IV. Обхождение и дружба с учеными, от которых из разговоров их, советов и переписки с ними, так, как и из библиотек их, любящий учение весьма многое занять может. Причем и знакомство с лучшими художниками, как-то с живописцами, скульпторами, с лепными мастерами, резчиками, механиками, часовых и золотых дел мастерами и другими ремесленниками, служит к распространению нашего знания: ибо все сии художники в механических своих рукоделиях и произведениях многое лучше разумеют, нежели ученые-самохвалы, которые далее школьной пустой терминологии (названия художественных слов) в художествах и ремеслах ничего не знают.

V. Наконец, к способам просвещения причислить также должно ученые путешествия по тем землям, в которых науки процветают...

...Ко всем вышесказанным путям к достижению учености и просвещения присовокупить еще можно:

VI. Ученые состязания, или так называемые диспуты, яко такие способы, посредством которых не токмо испытываются силы разума, но також объясняется истина во всех делаемых против нее возражениях. Но таковые состязания считать должно самым последним средством, служащим не столько к достижению учености, сколько к показанию другим оной, уже приобретенной. Почему и должно их употреблять не прежде, как по совершении академических учений, а не в продолжении, тем менее в начале оных: ибо как может спорить или опровергать какие-либо положения в науке тот, кто еще не знает основания и связи их между собою.

Разобрав таким образом, по мере сил моих, начало и источники учения и рассмотрев пути и способы к достижению оного, позвольте мне в конце моего слова коснуться только вопроса: кто именно должен упражняться в науках и кто к тому имеет преимущественнейшее пред другими право? Не нанеся обиды роду смертных, одаренному разумом, т. е. способностию понимать вещи и рассуждать, хотя на сей вопрос, мне кажется, иначе ответствовать не можно, как то, что все люди вообще без различия пола...

Василий Васильевич Крестинин
(1729—1795)

Историк, географ, общественный деятель, попечитель воспитательного дома, народного училища в Архангельске. Родился в купеческой семье. Выразитель интересов торгово-промышленного населения, купечества, которое быстро росло, развивалось в городах России в последней трети XVIII в.

По свидетельству историка С. М. Соловьева [5, 566], В. В. Крестининым был разработан весьма интересный «План всеобщего обучения всякого чина детей обоего пола». Он был одобрен в 1764 г. Архангельским магистратом и направлен в Сенат.

«План...» не только отражал общую тенденцию этого периода — заигрывание императрицы Екатерины II с просвещенным либерализмом (требование посылать с мест в Сенат, в Комиссию по составлению нового Уложения проекты, планы о создании в России государственной системы народного просвещения), но в нем содержались требования уничтожить сословно-дворянские привилегии на образование, открыть широкий доступ в школы для «научения убогих детей обоего пола», сделать доступным гимназическое образование для всех слоев посадского населения и даже для крестьян. В. В. Крестинин считал, что образование должно носить светский характер, общее

образование сочетаться с профессиональным. Городские школы, школы для детей бедного сословия, гимназии должны управляться местными органами посредством самоуправления. План В. В. Крестинина не был принят.

В. В. Крестинин высоко оценивал роль просвещения, науки, школьного обучения и воспитания в экономическом развитии родного северного края, в повышении культуры народа. Его волновали проблемы, связанные с народными традициями в области воспитания, их положительными и отрицательными сторонами. Вопросы — о «родительской власти и власти учительской» в воспитании, об использовании сказок, легенд в формировании личности ребенка, недопустимости сквернословия при детях, отроках, юношах — освещены В. В. Крестининым в сочинениях: «Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей» (1787), «Об употреблении над детьми мужского пола власти родительской и власти учительской по старинному воспитанию двинского народа» (1790).

Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей[74]

(в сокращении)

О РАЗВРАЩЕНИИ ДЕТСКОГО РАЗУМА БАСНЯМИ О ЕРЕТИКАХ И ЧЕРТЯХ

...Повсюду известно, сколь нелепы понятия в простых женщинах о величестве божием и вообще о вере; известно также и сие, что понятия сии сообщаются от матерей их детям, в которых и закосневают. Исправление сего рода заблуждений принадлежит собственно к должности духовных учителей; потому умолчу я здесь о всех глупых наставлениях, какими напояются младенцы от несмысленных женщин, и коснусь только басней, которые нежный разум детей ложью помрачают и нежное их сердце худым вкусом или пустым страхом столько развращают, что печальные сей злосчастной участи следы остаются видимы в целом народе. Толь вредное баснословие состоит под именем известных в нашем народе бывальщин и сказок; дети научаются знать оные от старух, молодых девок и баб, препровождающих в сем баснословии долгие зимние вечера при обыкновенной их работе. Гнусность сих басен заражает душевные силы детей и действует в их сердцах почти во всю человеческую жизнь. Для того непременно надлежит описать главное содержание сих басней и происходящие от них следствия.

Сказки, по толкованию самих женщин, различаются от бывальщин, ибо первые за вымышленные, а последние за справедливые повести признаваемы и детям, будто бы исторические и пиитические творения, женщинами преподаваемы бывают.

Сказки представляют обыкновенно богатырей и королей баснословных, описывают тех и других военные похождения и любовные дела, изуродованные, наподобие арабских сказок, противоестественными диковинами; наконец, после бесчисленных печальных и радостных сплетений, оканчиваются свадьбами. Весело слушать малолетним таковые рассказы, которые услаждают младенческое воображение... Но можно сказать по-христиански, что таковые рассказы заражают растленную нашу природу и нечувствительно служат подгнетою сладострастий в младенческих сердцах...

...Бывальщины вообще разделяются на два рода: одни повествуют о еретиках, а другие о чертях. Еретики, по преданиям бабьим, разумеются грешные, беззаконную на сем свете жизнь препроводившие люди и по смерти своей бесовским наваждением сделавшиеся выходцами их гробов на погубление людей в ночные часы; но душа ли умершего грешника, или бес оживотворял сих еретиков, сие молчанием прикрыто. Рассказчицы бывальщин придают еще сим еретикам другое имя, Хлоптуны, по причине звука, происходящего от их зубов, твердостию железу подобных. Бесчисленное множество бывальщин о сих страшилищах наполнено, по своему содержанию в различных видах и обстоятельствах, ужасными сих еретиков явлениями, злодеяниями и кровопролитиями, продолжавшимися всегда по ночам, до куроглашения, которое было знаком к возвращению сих злодеев в могилу. Чего ради петух в сих баснях почитается за великого героя, как всегдашний избавитель от смерти, наводимой сими живыми мертвецами. Я не видал, по примеру сказки о Еруслане, никакого прежних творцов сочинения о каком-либо еретике сего рода, но слыхал от старожилов, что о славном в старину Ракульском хлоптуне была написана повесть. Ракульский хлоптун, по общему преданию наших двинян, воевал на Двине, в окрестностях Ракульской волости, многие годы, вышедшие уже из памяти народной; причинял великие беды и убытки в долгие зимние ночи проезжим и нередко останавливал целые с товарами обозы; но напоследок побежден был на ночном единоборстве некоторым из Новгорода прохожим или, по мнению других, неведомым мужем, на истребление сего губителя пришедшим незнаемо откуда.

...Я не вступил бы здесь в таковую подробность о сих еретиках, если бы оные бывальщины, достойные одного презрения и посмешища, только сильно не действовали на человеческий разум при воспитании нашем. Пустой страх, воображаемый от еретиков в младенческих мыслях, произвел и производит у нас вообще в совершенных людях против всех мертвецов, умирающих перед нашими глазами, подозрение и опасность. Почему совершенного возраста люди мужество свое в глупую трусость переменяют и тем при разных обстоятельствах, когда в ночное время во уединении надобно бодрствовать, становятся подобны бесчувственному дереву или в самый вред претерпевают от одного токмо мечтания своих мыслей, основанного на пустоши и враках. Сие примечание принадлежит до тех малодушных людей, которые в долгие зимние ночи не смеют в своем доме выходить из покоев вон без огня и без товарища во время случившегося у них мертвеца;

а другие во время глубокого безмолвия, когда все домашние спят в зимние ночи, боятся одни выйти из избы в темноте для естественной нужды в надлежащее место. Вредительные следствия человеческому здравию от сих безумных мечтаний, испытанные бесчисленными людьми, могли бы составить целую книгу, если бы о том ведены были записки нашими стариками в разных местах российских...

...Я слыхал во время своего малолетства разные о чертях бывальщины, которыми наши старухи еще и в нынешнее время набивают головы детям в долгие зимние вечера, так, как и бывальщинами о еретиках, что все неблагоразумные родители попущают делать без запрещения.

Черти по бывальщинам разделяются на лесных, водяных и домовых, а легкомысленная чернь верит, что дома, леса и реки ими населены. Баснословцы наши не смешивают чертей заодно с адскими демонами; однако ж всем чертям свойство невидимых духов, которые для явления человеком преобразуются в разные виды, приписуют, не входя в тонкие испытания, бесплотные ли они духи или занимают среднее место между разумными бесплотными и плотоносными тварями.

Напоследок заключаю я настоящую главу моим примечанием о... баснях. Мне кажется, что вышеобъявленные лешие, черти превращены из людей по примеру превращенных разбойников в еретики. Я думаю, что нашими старухами превращены в леших*, чертей старинные древняне и прежние вятичи, которые, по свидетельству российской истории отца преподобного Нестора, похищали себе любовниц своих в жены и такое воровство вместо брачных договоров и законов употребляли**. Почему вышеобъявленные бывальщины и сказки имеют свой источник в прямых народных древних деяниях языческих времен...

О ТРЕХ ДЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПОРОКАХ, ПОВРЕЖДАЮЩИХ НРАВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕМ ЯЗЫКА

...По свидетельству ежедневных опытов и вкоренившегося в нас обыкновения, самые родители и домашние их детей пестуны обоего пола нечувствительно наставляют младенцев врать посредством предлагаемых им обманов. Сии первые вожди детского разума за дурное дело не почитают предлагать младенцам разные обманы для того, дабы ложными, какие можно придумать, видами прекратить неразумные требования детей, часто подкрепляемые скучным их криком и слезами. Иногда же таковые обманы представляют детям едино ради игрушки и увеселения. Неосторожная лесть обнажается скоро: малые дети научаются по сим опытам познавать себя прельщаемыми от старших, скоро подражать в том начинают наставникам своим и по их примерам рассказывают вначале глупые враки, а потом уже употребляют и дей-

* Леший то же означает, что знаменуется словом «лесной».

** Несторова летопись по печатному списку, с. 12.

ствительную ложь или для прикрытия своих проступков притворством, или для показания природной своей злости против других клеветою. Все сии лживые детей поступки по большей части за ничто ставят родители, которые, по своей к детям должности, обязаны истреблять в них злонравие вообще, особливо же ложь, к чему служат не токмо благоразумные примеры и увещания, но в случае необходимом гроза и лоза. Сей неизвинительный порок нашего воспитания производит в обществе множество людей, любящих и творящих лжу, ибо «каков кто отрок есть, таков и муж будет»*.

...Злословие, наружный знак внутренней ненависти и презрения к ближнему, выражается разными в разных народах словами, по неравному людей понятию о вещах и по различному образословию самих языковых разных народов. Употребительная брань известных народов может быть изображена историческим пером; но наша старинная матерная брань, по причине выражаемого ею срамословия, ни в каких письменных сочинениях нетерпима в нашем народе, без сумнения, за стыд, налагаемый на всех благопристойностию и совестию. Добрые люди из наших предков, живших прежде нынешнего века, обличали сие злоупотребление языка письменно. Но в наш просвещенный век сей остаток древнего варварства из употребления еще не выходит. Худое воспитание наших детей достоверная есть бесчиния сего причина: детские разговоры растлеваются примерами старших людей, употребляющих матерную брань без стыда по обыкновению предков**. Сверх того, злонравные служители в богатых домах дерзают обучать срамословию малолетных сынов своих хозяев вместо игрушки. То же сквернословие с большею необузданностию попускается ребятами в деревнях, обитаемых вообще безграмотными поселянами.

О НАУЧЕНИИ ДЕТЕЙ ГРАМОТЕ

Все несчастные обстоятельства бедного нашего воспитания, выше сего описанные, предваряют детское обучение грамоте природного языка. Сие букварное учение начинается здесь по большей части на седьмом годе от рождения младенцев. Оное производится в городских малых школах разночинцами, вольными людьми, ни под каким надзиранием не состоящими, управляющими сие учебное дело по старинному обыкновению, которое в сих первых начатках учения книжного владычествует.

...По окончании предреченных прописей продолжаются школьные упражнения учеников над списыванием разных и различного рода содержания тетрадей, которые от учителя в том намерении раздаются ученикам, дабы навыкнуть им лучше писать. К сему переписанию

* Феофан Прокопович, в первом учении отроком, просто называемом букварь.

** «Всякий родитель должен воздерживаться при детях своих не только от дел, но и от слов, клонящихся к неправосудию и насильству, как-то: брани, клятвы, драк, всякой жестокости и тому подобных поступков, и не дозволять и тем, которые окружают детей его, давать им такие дурные примеры». Наказ Комиссии нового уложения, гл. XIV. О воспитании, ст. 350.

напоследок присоединяют числительные арабские знаки, принятые у нас в общее употребление в нынешнем веке. Сим оканчивается все школьное в букварных наших школах обучение детей, выпускаемых из них без должного научения и познания...

...Следующий учителям грамоты за школьные труды платеж производится от родителей их учеников, по старинному обыкновению, покнижно, а не помесячно. В прежние годы платили им за азбуку по 10 коп., за часослов по 60 и по 70 коп., за псалтырь по 100 коп., за письмо также по 100 коп. В нынешнее время таковые платежи возвысились вдвое и больше за каждую книгу. Но сим платежом в здешних местах самый исправный и прилежный учитель грамоты содержать себя не может, за дороговизною съестных припасов и других вещей, к содержанию человеческой жизни необходимых. Затем нынешнее в здешних местах обучение детей грамоте находится по большой части в руках полуграмотных женщин и слабых стариков, обучающих детей читать и писать по большей части неисправно...

Об употреблении над детьми мужского пола власти родительской и власти учительской по старинному воспитанию двинского народа[75]

(в сокращении)

...Большая часть детей в первой половине нынешнего века без обучения грамоты оставалась в глубоком невежестве. Многочисленные кулачные бойцы прежнего времени, холостые и женатые люди, не запрещали праздным своим ребятам упражняться между играми в кулачных поединках. Самые девки тогдашнего времени между своими веселостями не стыдились употреблять наподобие кулачного боя игру, называемую тяпанье, то есть обоюдные ударения по плечам едиными дланьми рук, производимые даже до чувствительной боли, терпимой охотно. Кулачные бои, перед нынешним временем за пятьдесят лет или ближе, в здешнем месте были еженедельною забавою народа в воскресные и праздничные дни, кроме зимнего времени*.

...Малолетний человек, воспитанный вышеизъявленным образом, под игом единого или двух отеческих чинов, родительского и учительского, каким может показаться гражданином в совершенном своем возрасте под начальством судей, отцов? Ребенок должен он быть не учения ради своего, о чем свидетельствуют прошедшие дела наших двинян и дела моих сограждан, ведомые мне ово по свидетельству старожилов, ово по собственным опытам. В начале нынешнего XVIII в. подвинские и важеские поселяне подавали, с низкими земными поклонами, в Архангелогородской портовой таможне присутствующим бургомистрам и ларешным заставные ярлыки и выписки уездных

* Надлежит помятовать, что сии варварские дела зародились в нашей древности от положительных законов языческих государей, прежде крещения россиян.

таможен на привозные товары. Сим коленопреклонением доказывали они наружное свое раболепство, производимое внутренним страхом, противным любви, пред начальниками посадского чина, которые во всем не так были грозны, как воеводы и дьяки. Означенные ярлыки и выписки составляли самую первую часть обширного таможенного обряда, по которому казна собирала пошлины с товаров, предписанные таможенным уставом 7175 (1667) г.

Около 1760 г. в прежнем Архангелогородском губернском магистрате наблюдали тот же обычай скудные и низкого состояния посадские наши люди архангелогородцы. Они, услышав страшные слова судей магистратских, падали к их ногам в самом магистрате, не зная других способов себе пособить, кроме сего подлого раболепства. Грозные судейские слова сих времен были не редко предвозвещением подчиненному, что ожидает его, кроме законной вины, темница. Тогдашняя неволя граждан была судейским хлебом. В то время опасно было скудным гражданам защищать свою справедливость голосом, судье противным. Нужда научила изобресть, а обыкновение побуждало скудных граждан употреблять завсегда пред судиею, во время его грозы в приказе, следующие слова «Воля ваша! Помилуй!»

Александр Николаевич Радищев (1749—1802)

Писатель, философ, публицист, основоположник русской революционной педагогики, этики и эстетики. Сын богатого помещика, образование получил в Пажеском корпусе (1762—1766), затем учился на юридическом факультете Лейпцигского университета (1767—1771). Занимался естественными науками. В формировании его мировоззрения большую роль сыграло знакомство с сочинениями английских, французских, немецких мыслителей. По возвращении в Россию был назначен чиновником в Сенат, затем служил обер-аудитором (юридическим советником), в 1775 г. вышел в отставку, в 1777 г. поступил на службу в Коммерц-коллегию, сначала помощником управляющего, затем управляющим Петербургской таможней.

Литературно-публицистическая деятельность А. Н. Радищева началась в 70-е гг. переводом книги Г. Мабли «Размышления о греческой истории» с его примечаниями. В одном из этих примечаний говорилось о том, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние» [7, т. 2, с. 282]. В 1783 г. А. Н. Радищев закончил оду «Вольность» — первое произведение русской революционной поэзии; в 1789 г.— автобиографическую повесть «Житие Ф. В. Ушакова». В своем основном произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищев правдиво изображает жизнь простого народа, резко обличая самодержавие и крепостничество. Екатерина II, прочитав первые 30 страниц врученного ей экземпляра «Путешествия...», расценила автора как «бунтовщика хуже Пугачева». 30 июня 1790 г. по приказу Екатерины II А. Н. Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. За издание «пагубной книги» его приговорили к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь на 10 лет с лишением чинов и дворянства. В ссылке Радищев написал философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», а также труды по экономике, истории, поэтические произведения. При Павле I Радищеву было разрешено поселиться в одном из имений отца, и только после воцарения Александра I он вернулся в Петербург. Годы лишений и ссылка не изменили убеждений Радищева, он по-прежнему боролся за уничтожение крепостного права и сословных привилегий. Радищеву пригрозили новой ссылкой. В ответ на угрозу, реализуя мысль о праве человека на самоубийство как форму протеста, Радищев покончил с собой.

В научно-теоретической, литературно-публицистической деятельности А. Н. Радищева значительное место занимают вопросы просвещения, воспитания и обучения подрастающего поколения. Он их рассматривал как составную часть общей борьбы за революционное обновление прогнивших крепостнических устоев жизни царской России, феодально-крепостнической системы воспитания в ней.

Беседа о том, что есть сын Отечества[76]

(в сокращении)

Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). Под игом рабства находящиеся недостойны украшаться сим именем. Поудержись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковые изречения, доколе стоиши при враге. Вступи и вижды! Кому не известно, что имя сына Отечества принадлежит человеку, а не зверю или другому бессловесному животному? Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится к прекрасному, величест-

венному, высокому. ...Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все дома для бессмысленнейшего пустоглаголания, для обольщения целомудрия, для заражения благонравия, для уловления простоты и чистосердечия, соделавший голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика, или, лучше сказать, живописною палитрою, кожу тела своего вытянутою барабанною кожею, похож больше на чудовище в своем убранстве, нежели на человека, и его распутная жизнь, знаменуемая смрадом из уст и всего тела его происходящим, задушается целою аптекою благовонных опрыскиваний, словом, он модный человек, совершенно исполняющий все правила щегольского большого света науки; он ест, спит, валяется в пьянстве и любострастии, несмотря на истощенные силы свои, мелет всякий вздор, кричит, перебегает с места на место, кратко, он щеголь. Не сей ли есть сын Отечества? Или тот, поднимающий величавым образом на твердь небесную свой взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством, словом, всеми одному ему известными средствами раздирающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечество, свобода, покой, честность, ...потоки слез, реки крови не токмо не трогают, но услаждают его душу. Тот не должен существовать, кто смеет противоборствовать его речам, мнению, делам и намерениям! Сей ли есть сын Отечества? Или тот, простирающий объятия свои к захвачению богатства и владению целого Отечества своего, а ежели бы можно было, и целого света и который с хладнокровием готов отъять у злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи, поддерживающие унылую и томную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности; который восхищается радостию, ежели открывается ему случай к новому приобретению, пусть то заплачено будет реками крови собратий его, пусть то лишит последнего убежища и пропитания подобных ему сочеловеков, пусть они умирают с голоду,стужи, зноя, пусть рыдают, пусть умерщвляют чад своих в отчаянии, пусть они отваживают жизнь свою на тысячи смертей; все сие не поколеблет его сердца; все сие для него не значит ничего; он умножает свое имение, а сего и довольно. Итак не сему ли принадлежит имя сына Отечества? Или не тот ли сидящий за исполненным произведением всех четырех стихий столом, коего услаждают вкусы и брюха, жертвуют несколько человек, отъятых от служения Отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель и там бы уже спокойно заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстьми своими? Итак, конечно, сей или же который-нибудь из вышесказанных четырех? (ибо пятого сложения толь же отдельно редко найдем). Смесь сих четырех везде видна, но еще не виден сын Отечества, ежели не в числе сих!..

Нет человека, который бы не чувствовал прискорбия, видя себя унижаема, поносима, порабощаема насилием, лишаема всех средств

и способов наслаждаться покоем и удовольствием и не обретая нигде утешения своего. Не доказывает ли сие, что он любит Честь, без которой он как без души. ...Нет ни одного из смертных толико отверженного от природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению Чести. Всяк желает лучше быть уважаем, нежели поносим... Доказано уже, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же; следовательно, будет верный отличительный признак его, ежели он... честолюбив.

...Он возжигает сей благотворный пламень во всех сердцах; не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благородном его подвиге... и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнию; если же она нужна для Отечества, то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает все, могущее запятнать чистоту и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу блаженства и совершенствования соотечественников своих. Словом, он благонравен! Вот другой верный знак сына Отечества! Третий же и, как кажется, последний отличающий знак сына Отечества, когда он благороден. Благороден же есть тот, кто учинил себя знаменитым мудрыми и человеколюбивыми качествами и поступками своими... истинное Благородство есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честию, которая не инде находится, как в беспрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам естества народоправления. Украшенные сими единственно качествами как в просвещенной древности, так и ныне почтены истинными хвалами. И вот третий отличительный знак сына Отечества!

Но сколь ни блистательны, сколь ни славны, ни восхитительны для всякого благомыслящего сердца сии качества сына Отечества и хотя всяк сроден иметь оные, но не могут, однако ж, не быть не чисты, смешаны, темны, запутаны, без надлежащего воспитания и просвещения науками и знаниями, без коих наилучшая сия способность человека удобно, как всегда то было и есть, превращается в самые вреднейшие побуждения и стремления и наводняет целые государства злочестиями, беспокойствами, раздорами и неустройством. Ибо тогда понятия человеческие бывают темны, сбивчивы и совсем химерические. Почему прежде, нежели пожелает кто иметь помянутые качества истинного человека, нужно, чтобы прежде приучил дух свой к трудолюбию, прилежанию, повиновению, скромности, умному состраданию, к охоте благотворить всем, к любви Отечества, к желанию подражать великим в том примерам, также к любви к наукам и художествам, сколько позволяет отправляемое в общежитии звание; применился бы к упражнению в истории и философии, или любомудрии, не школьном, для словопределения единственно обращенном, но в истинном, научающем человека истинным его обязанностям; а для очищения вкуса, возлюбил бы рассматривание живописи великих художников, музыки, изваяния, архитектуры или зодчества.

Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такового точно воспитания и на сих правилах основанного введен богомудрыми монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи оного, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами!

Рассуждение о труде и праздности[77]

В каком бы состоянии, чине, звании... не поставлен был человек, известно, что нет из оных ни одного такого, которое бы делало его совершенно свободным от всей должности в рассуждении общества, которого он составляет часть и которое бы ему давало совершенное право быть бесполезным. Если бы было такое исключение, то оное было бы очень презрительно и купно крайне опасно. От бесполезного человека к человеку вредному не более одного шага; кто не делает никакого добра в мире, тот необходимо должен делать зло, и посему-то нет ни одного такого человека, которому бы не известно было сие прислові: праздность есть мать всех пороков. Нет ничего, при чем бы рассудок и опыт лучше могли обнаружить истину, и никогда связь дел не доказана лучше. От праздности бедный оскудевает, а от скудости все пороки, которые по необходимости рождают желание освободиться от оной во что бы то ни стало. От праздности богач бывает скучен, а от скуки все пороки, которые причиняют необходимость избыть оные.

Праздность наполняет улицы нищими, торжища мошенниками, вольные дома непотребными женщинами и большие дороги грабителями. Праздность питает ту вероломную силу, то предание себя роскоши, которые толь часто ввергают в пропасть преступления имевших несчастье слушать их советов; в лоне праздности гнездятся самые ужаснейшие предначинания, коих связь укрепляет бесславие и развратность, и здесь-то зачинаются и самые беззакония. Никогда не бывает столько опасен злой человек, как когда он находится без дела; впрочем, навык к праздности неприметно погашает чувствования, сопрягающие нас с подобными нам. Он делает нас глухими ко гласу природы, вещающему нам в их пользу, хладными и беспристрастными при воззрении на них и приучает к забвению всех наших должностей.

Трудолюбивый народ имеет свои пороки; но невозможно, чтобы праздная страна сохранила благонравие*. Не довольно, чтобы народ был просвещен, надобно быть ему трудолюбиву, а без сего просвещение больше будет вредно, нежели невежество; ибо невежа праздный гораздо меньше удачен в злодеянии, нежели ленивец, что-нибудь знающий. Но какое средство соделает трудолюбивым весь

* Станется, что в возражение представят пример испанского народа, который почитают праздным и который, однако ж, не потерял благонравия. Сие быть может; но отыми у него, с одной стороны, его гордость, а с другой — умеренность и скажи, что последует тогда с его нравами?

свет? И кто может ласкать себя, что он в состоянии изгнать совершенно праздность из обществ, наилучше устроенных? Что делать с сим нетрогающимся духом, который ни за что не хочет приняться, с сим ветреным, который ни в чем не может иметь удачи? Что делать с сими суетными человеками, которые думают, что они заняты, потому что несовершенно без движения остаются, которые и сами не сомневаются в их праздности, но коих жизнь представляет всегдашнюю пустоту, исполненную беспрерывного последования ничтожества, и которых наилучшее употребление времени заключается в ничем? Что делать с сими праздными богачами, которые, поелику счастие их поставило выше нужд, думают, что в то же самое время соделало оно их чуждыми быть полезными в чем-нибудь, которые почитают, что все их старание должно заключаться в том, чтобы жить в наслаждении и пресыщении, и которые всяким трудом гнушаются? Что напоследок делать с сими гордыми нищими, которые, обольщены будучи одним мнением, ничего не почитают толико прекрасным и высоким, как чтобы ничего не делать, и думают, что леностью возвышаются в степень обилия? Мы согласны, что трудно таковых людей с пользою употреблять к должностям и что не должно ожидать от них великих услуг, но и не должно также ласкать их наклонностям, ни уполномочивать образ их мыслей. И благоразумие требует, чтобы старались больше об истреблении таковых начал праздности и препятствовали далее оным распространяться. К счастью, польза нравов встречается здесь совершенно с теми, что почитается вообще как бы составляющим благополучие государственное. Науки, рачение, торговля, обилие, напоследок богатства удаляются при приближении лености; ни плодородие земли, ни умеренность климата, ни преимущества счастливого положения не могут вознаградить зол или потери, причиняемой оною; все простывает, все в косности, где оноя царствует, между тем как все одушевляется и удачно, невзирая и на самые естественные противоборствия, в местах, где царствует то свойство деятельности, которое все приводит в движение. Итак нет ничего достойнее, по всем причинам внимания правительства, как стараться чрез действительнейшие средства изгнать дух праздности и вдохнуть, напротив того, любовь к труду.

Кто говорит о любви, говорит о свободном чувствовании, исключающем всякое понятие о принуждении; ибо не можно, принуждая людей к труду, вдохнуть им любовь к оному; не каторжные нужны для общества, но свободные и произвольные работники. Если вы хотите изгнать праздность, истребляйте оную при самом начале; смотрите, что в оной привлекает; старайтесь уменьшить ее прелести, противоположите страсть страсти. Если она берет свое начало в свойстве нерадивости, рассеянной вообще во всем народе, употребите самые действительнейшие и свойственнейшие поощрения к отрясению и побеждению оной; поставьте на место оное удовольствие, честь, пользу; возбуждайте ревнование чрез все, тому способствующее; высоко отличайте полезного и трудолюбивого человека от

ленивого, сделайте еще, чтобы последний не мог пользоваться теми преимуществами, коими первый; принудьте всякого гражданина, не исключая ни благородного, ни богатого, принять какое-нибудь звание, требующее деятельности и труда; бдите, дабы всякий исполнял должности, избранные им или в которой он находится; исключайте всякий чин без действительной должности, всякое благодеяние без тягости; уравните последующую от оного прибыль труду, паче вы его не давайте покойных мест, кроме тех, которые по истощению своих сил получили право требовать оных или заслугами своими соделались того достойными. При таковом внимании, если совершенно не истребите праздного сложения, по крайней мере, исправите нерадивое свойство и воспрепятствуете соделаться оному прилипчивым.

Если начало гордости противоборствует началу труда, испровергните сию гордость гордостью благородною; разгоните сие налепое, предрассуждение, сопрягающее род преимуществ со смешным правом жить, ничего не делая; и чтобы, напротив, состояние пресыщающееся, бесплодное и веселящееся было, если возможно, последнейшим всех при получении почестей и отличений; чтобы, по малой мере, никакой род труда не был презрен, если только хотя мало оный полезен; чтобы мера действительных услуг, сделанных обществу, была мерою уважения народного и чтобы всякий человек не иначе ценим был, как по мере блага, оказываемого им в обществе. Если примечается, что дух ветрености и неспособности внушает отвращение к полезным упражнениям, требующим внимания и известной твердости в труде; если примечается, что пустые помыслы одерживают верх или потому, что менее требуют труда, или потому, что более прибыльны, старайтесь исправить сии злоупотребления; не приводите в уныние никакого дарования, но соделайте, чтобы всякое почитаемо было по его достоинству и уважаемо по мере заслуг оного; не истребляйте бабочек, но ведите брань с прузием пожирающим и не попускайте, чтобы прилежная и трудолюбивая пчела была от всех презираема. Если безделие есть следствием непонятности, берущей свой источник в недостатке сил, умножьте, соделайте удобнейшими средства к научению; приноровите оные ко всем, дабы никакой промысел честный не мог жаловаться на недостаток подкрепления и покровительства или на случай упражняться в оном; внемлите паче всего вкусу и дарованиям, которые могут быть свойственны народу; поощряйте полезные предприятия, которые могут приведены быть в действо кстати оказанною наперед милостию, и надейтесь на силы, часто недостаточные, частных людей, споспешествуйте всегда доброй воле и чтобы никто не мог в истинную сказать; *не от себя я празден, напротив того, я ничего бы столько не желал, как быть заняту.* Если отвращение от труда берет свой источник в страхе не наслаждаться плодом своего труда и видеть оный чрез покровительствуемых похищенным: если уныние — следствие некоторых уз, наложенных безрассудно на рачение, или какого-нибудь обмана власти, или погрешности правительства, искоренить злоупотребления и разорвать цепи рачения.

Если примечается, что установления питают дух праздности и подают повод к лености, тотчас соделайте спасительную оным перемену, каковы бы в прочем ни были правила их установления; не попустите, чтобы хлеб милостыни был пищею лености, но напротив того, да будет оный наградою труда; воспомните... праздный да не ест. В самых исправления домах соделайте труд не наказанием, но средством, укрощающим строгость наказаний или жестокость повиновения, наблюдаемого в сих местах. Словом, дабы повсюду труд был предтечею благонравия, а страдание, напротив, платою и наследием праздности.

Мы не согласны, чтобы человек, хотя и осужден ясти свой хлеб в поте лица своего, осужден был на всегдашний труд: он, по крайней мере, должен иметь время отереть свое чело и ясти свой хлеб спокойно; утруждение дает право на отдохновение, и за покоем должно следовать труду, но и сей покой не должен также быть совершенным бездействием... а нужно быть оному сопровождаему неким чувствованием, которое бы, по крайней мере, напоминало человеку о его существовании, и напоминало бы с приятностию словом, удовольствие есть справедливое употребление отдохновения. Оно есть действительное возобновление сил, если только не бывает вредно по своему естеству или по излишеству приема.

Крестьцы[78]

(глава из книги «Путешествие из Петербурга в Москву»)

В Крестьцах был я свидетелем расстания у отца с детьми, которое меня тем чувствительнее тронуло, что я сам отец и скоро, может быть, с детьми расставаться буду. Несчастный предрассудок дворянского звания велит им идти в службу. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение! Тысячу против одного держать можно, что изо ста дворянчиков, вступающих в службу, 98 становятся повесами, а два под старость, или, правильнее сказать, два в дряхлые их, хотя нестарые, лета, становятся добрыми людьми.

— Друзья мои,— сказал отец,— сегодня мы расстанемся,— и, обняв их, прижал возрыдавших к перси своей. Я уже несколько минут был свидетелем сего зрелища, стоя у дверей неподвижен, как отец, обратясь ко мне:

— Будь свидетелем, чувствительный путешественник, будь свидетелем мне перед светом, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая.

...Но если я исполнил должность мою в воспитании вашем, обязан сказати ныне вам вину, почто вас так, а не иначе воспитывал и для чего сему, а не другому вас научил; и для того услышите повесть о воспитании вашем и познайте вину всех моих над вами деяний.

Со младенчества вашего принуждения вы не чувствовали. Хотя в деяниях ваших вождаемы были рукою моею, не ощущали, однако же, николи ее направления. Деяния ваши были предузнаты и

предваряемы; не хотел я, чтобы робость или послушание повиновения малейшею чертою ознаменовала на вас тяжесть своего перста. И для того дух ваш, не терпящ веления безрассудного, кроток к совету дружества. Но если, младенцам вам сущим, находил я, что уклонилися от пути, мною назначенного, устремляемы случайным ударением, тогда остановлял я ваше шествие, или, лучше сказать, неприметно вводил в прежний путь, яко поток, оплоты прорывающий, искусною рукою обращается в свои берега.

Робкая нежность не присутствовала во мне, когда, казалося, не рачил об охранении вас от неприязненности стихий и погоды. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилося преходящею болью, нежели дебелы пребудете в возрасте совершенном. И для того почасту ходили вы босы, непокровенную имея главу; в пыли, в грязи возлежали на отдохновение на скамии или на камени. Не меньше старался я удалить вас от убийственной пищи и пития. Труды наши лучшая была приправа в обеде нашем. Воспомните, с каким удовольствием обедали мы в деревне, нам неизвестной, не нашед дороги к дому. Сколь вкусен нам казался тогда хлеб ржаной и квас деревенский!

Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имеете казистого восшествия, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит; что одевается не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, для того что не умеете хвалить их красоту; но вспомните, что вы бегаете быстро, что плаваете не утомляяся, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтеся, что вы скакать не умеете как скоморохи. Ведайте, что лучшее плясание ничего не представляет величественного; и если некогда тронуты будете зрением оного, то любострастие будет тому корень, все же другое оному постороннее. Но вы умеете изображать животных и неодушевленных, изображать черты царя природы, человека. В живописи найдете вы истинное услаждение не токмо чувств, но и разума. Я вас научил музыке, дабы дрожащая струна согласно вашим нервам возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нас привычкою. Научил я вас и варварскому искусству сражаться мечом. Но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранность того не востребует. Оно, уповаю, не сделает вас наглыми, ибо вы твердый имеете дух и обидою не сочтете, если осел вас улягнет или свинья смрадным до вас коснется рылом. Не бойтесь сказать никому, что вы корову доить умеете, что шти и кашу сварите или зажаренный вами кусок мяса будет вкусен. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать и будет на погрешности снисходителен, зная все в исполнении трудности.

Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми, не отягощал

памяти вашей излишними предметами. Но, предложив вам пути к познаниям, с тех пор, как начали разума своего ощущати силы, сами шествуете к отверстой вам стезе. Познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели не твердя, как то говорят по пословице, как сорока Якова. Следуя сему правилу, доколе силы разума не были в вас действующи, не предлагал я вам понятия о всевышнем существе и еще менее об откровении. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы в вас предрассудок и рассуждению бы мешало. Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога; уверен во внутренности сердца моего, что всещедрому отцу приятнее зрети две непорочные души, в коих светильник познаний не предрассудком возжигается, но что они сами возносятся к начальному огню на возгорение. Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение оного сказано многими. Ибо желал, чтобы вы могли сами избирать между млеком и желчию, и с радостию видел, что восприяли вы сосуд утешения неробко.

Преподавая вам сведения о науках, не оставил я ознакомить вас с различными народами, изучив вас языкам иностранным. Но прежде всего попечение мое было да познаете ваш собственный, да умеете на оном изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъяснение сие было в вас непринужденно и поту на лице не производило. Английский язык, а потом латинский старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным.

Но если рассудку вашему предоставлял я направлять стопы ваши в стезя науки, тем бдительнее тщился быть во нравственности вашей. Старался умерять в вас гнев мгновения, подвергая рассудку гнев продолжительный, мщение производящий. Мщение!.. душа ваша мерзит его. Вы из природного сего чувствительные твари движения оставили только оберегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления.

Ныне настало то время, что чувства ваши, дошед до совершенства возбуждения, но не до совершенства еще понятия о возбуждаемом, начинают тревожиться всякою внешностию и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Ныне достигли времени, в которое, как то говорят, рассудок становится определителем делания и неделания; а лучше сказать, когда чувства, доселе одержимые плавностию младенчества, начинают ощущать дрожание или когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, превышать начинают его воскраия, ища стезю свойственным для них стремлениям. Я сохранил вас неприступными доселе превратным чувств потрясениям, но не сокрыл от вас неведения покровом пагубных следствий совращения от пути умеренности в чувственном услаждении. Вы свидетели были, сколь гнусно избыточество чувственного насыщения, и возгнушалися; свидетели были страшного волнения страстей, превысивших брега своего естественного течения, познали гибельные их

опустошения и ужаснулися. Опытность моя, носяся над вами, яко новый Егид[79], охраняла вас от неправильных уязвлений. Ныне будете сами себе вожди, и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне отверсты; но яко свет, отдаляяся от предмета, менее его освещает, тако и вы, отриновенны моего присутствия, слабое ощутите согрение моея дружбы. И для того преподам вам правила единожития и общежития, дабы по усмирении страстей не возгнушалися деяний, во оных свершенных, и не познали, что есть раскаяние.

Правила единожития, елико то касаться может до вас самих, должны относиться к телесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употреблять ваших телесных сил и чувств. Упражнение оных умеренное укрепит их, не истощевая, и послужит ко здравию вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь в искусствах, художествах и ремеслах, вам известных. Совершенствование в оных иногда может быть нужно. Неизвестно нам грядущее. Если неприязненное счастие отымет у вас все, что оно вам дало, богаты пребудете во умеренности желаний, кормяся делом рук ваших. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о том думать во дни печали. Нега, изленение и неумеренное чувств услаждение губят и тело и дух. Ибо, изнуряя тело невоздержанностию, изнуряет и крепость духа. Употребление же сил укрепит тело, а с ним и дух. Если почувствуешь отвращение к явствам и болезнь постучится у дверей, воспряни тогда от одра твоего, на нем же лелеешь чувства твои, приведи уснувшие члены твои в действие упражнением и почувствуешь мгновенное сил обновление; воздержи себя от пищи, нужной во здравии, и глад сделает пищу твою сладкой, огорчавшую от сытости. Помните всегда, что на утоление глада нужен только кусок хлеба и ковш воды. Если благодетельное лишение внешних чувствований, сон, удалится от твоего возглавия и не возможешь возобновить сил разумных и телесных, беги из чертогов твоих и, утомив члены до усталости, возляги на одре твоем и почиешь во здравие.

Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержите в чистоте, ибо чистота служит ко здравию, а неопрятность и смрадность тела нередко отверзают неприметную стезю к гнусным порокам. Но не будьте и в сем неумеренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рве телегу, и тем облегчить упадшего; вымараете руки, ноги и тело, но просветите сердце. Ходите в хижины уничижения; утешайте томяшегося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему.

Ныне достигли вы, повторяю, того страшного времени и часа, когда страсти пробуждаться начинают, но рассудок слаб еще на их обуздание. Ибо чаша рассудка без опытности на весах воли воздымется; а чаша страстей опустится мгновенно долу. Итак, к равновесию не иначе приближиться можно, как трудолюбием. Трудитеся телом, страсти ваши не столь сильное будут иметь волнение; трудитеся сердцем, упражняясь в мягкосердии, чувствительности, соболезновании,

щедроте, отпущении, и страсти ваши направятся к благому концу. Трудитеся разумом, упряжняяся в чтении, размышлении, разыскании истины или происшествий, и разум управлять будет вашею волею и страстьми. Но не возмните в восторге рассудка, что можете сокрушить корень страстей, что нужно быть совсем бесстрастну. Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самою природою. Когда чувства наши, внешние и внутренние, ослабевают и притупляются, тогда ослабевают и страсти. Они благую в человеке производят тревогу, без нее же уснул бы он в бездействии. Совершенно бесстрастный человек есть глупец и истукан нелепый, не возмогаяй ни благого, ни злого. Не достоинство есть воздержатися от худых помыслов, не могши их сотворить. Безрукий не может уязвить никого, но не может подать помощи утопающему, ни удержати на бреге падающего в пучину моря.

Итак, умеренность во страсти есть благо; шествие во стезе средою есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель; бесстрастие есть нравственная смерть. Яко же шественник, отдаляяся среды стези, вдается опасности ввергнутися в тот или другой ров, таково бывает шествия во нравственности. Но буде страсти ваши опытностию, рассудком и сердцем направлены к концу благому, скинь с них бразды томного благоразумия, не сокращай их полета; мета их будет всегда величие; на нем едином остановиться они умеют.

Но если я вас побуждаю не быть бесстрастными, паче всего потребно в юности вашей умеренность любовныя страсти. Она природою насаждена в сердце нашем ко блаженству нашему. И так в возрождении своем никогда ошибиться не может, но в своем предмете и неумеренности. И так блюдитеся, да не ошибетеся в предмете любви вашея и да не почтете взаимною горячностию оныя образ. С благим же предметом любви неумеренность страсти сея будет вам неизвестна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила не природа в сердце начертала, но святость коего из начального обществ положения проистекает. Разуму вашему, едва шествие свое начинающему, сие бы было непонятно, а сердцу вашему, не испытавшему самолюбивую в обществе страсть любви, повесть о сем была бы вам неощутительна, а потому и бесполезна. Если желаете о супружестве иметь понятие, воспомяните о родшей вас. Представьте меня с нею и с вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимные лобызания и приложите картину сию к сердцу вашему. Тогда почувствуете в нем приятное некое содрогание. Что оно есть? Познаете со временем; а днесь довольны будьте оного ощущением.

Приступим ныне вкратце к правилам общежития. Предписать их не можно с точностию, ибо располагаются они часто по обстоятельствам мгновения. Но, дабы колико возможно менее ошибаться, при всяком начинании вопросите ваше сердце; оно есть благо и николи обмануть вас не может. Что вещает оно, то и творите. Следуя сердцу

в юности, не ошибетеся, если сердце имеет благое. Но следовати возмнивый рассудку, не имея на браде власов, опытность возвещающих, есть безумец.

Правила общежития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновений в ее шествии, то исполнение правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все известные нам многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями. И оттого трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противуположности.

Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препираемо. Небреги обычаев и нравов, небреги закона гражданского и священного, столь святые в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай николи нарушения ее прикрывати робостию благоразумия. Благоденствен без нее будешь во внешности, но блажен николи.

Последуя тому, что налагают на нас обычаи и нравы, мы приобретем благоприятство тех, с кем живем. Исполняя предписание закона, можем приобрести название честного человека. Исполняя же добродетель, приобретаем общую доверенность, почтение и удивление, даже и в тех, кто бы не желал их ощущать в душе своей. Коварный афинский сенат, подавая чашу с отравою Сократу, трепетал во внутренности своей пред его добродетелию.

Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение оного повелевает, тогда повинуйся, ибо в России государь есть источник законов.

Но если бы закон, или государь, или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков. Убойся заранее именовать благоразумием слабость в деяниях, сего первого добродетели врага. Сегодня нарушишь ее уважения ради какового, завтра нарушение ее казаться будет самою добродетелию; и так порок воцарится в сердце твоем.

Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнование и корень всегда их благ. Побуждения к добродетелям общественным нередко имеют начало свое в тщеславии и любочестии. Но для того не надлежит остановляться в исполнении их. Предлог, над ним же вращаются,

придает им важности. В спасшем Курции[80] отечество свое от пагубоносныя язвы никто не зрит ни тщеславного, ни отчаянного или наскучившего жизнию, но ироя. Если же побуждения наши к общественным добродетелям начало свое имеют в человеколюбивой твердости души, тогда блеск их будет гораздо больший. Упражняйтеся всегда в частных добродетелях, дабы могли удостоиться исполнения общественных.

Еще преподам вам некоторые исполнительные правила жизни. Старайтеся паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение, дабы, обращая во уединении взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаиваться о сделанном, но взирали бы на себя со благоговением.

Следуя сему правилу, удаляйтеся, елико то возможно, даже вида раболепствования. Вошед в свет, узнаете скоро, что в обществе существует обычай посещать в праздничные дни по утрам знатных особ; обычай скаредный, ничего не значащий, показующий в посетителях дух робости, а в посещаемом дух надменности и слабый рассудок. У римлян было похожее сему обыкновение, которое они называли амбицио, то есть снискание или обхождение; а оттуда и любочестие названо амбицио, ибо посещениями именитых людей юноши снискивали себе путь к чинам и достоинствам. То же делается и ныне. Но если у римлян обычай сей введен был для того, чтобы молодые люди обхождением с испытанными научалися, то сомневаюсь, чтобы цель в обычае сем всегда непорочна сохранилася. В наши же времена, посещая знатных господ, учения целию своею никто не имеет, но снискание их благоприятства. Итак, да не преступит нога ваша порога, отделяющего раболепство от исполнения должности. Не посещай николи передней знатного боярина, разве по долгу звания твоего. Тогда среди толпы презренной и тот, на кого она взирает с подобострастием, в душе своей тебя хотя с негодованием, но от нее отличит.

Если случится, что смерть пресечет дни мои прежде, нежели в благом пути отвердеете, и, юны еще, восхитят вас страсти из стези рассудка, то не отчаивайтеся, соглядая иногда превратное ваше шествие. В заблуждении вашем, в забвении самыих себя возлюбите добро. Распутное житие, безмерное любочестие, наглость и все пороки юности оставляют надежду исправления, ибо скользят по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во младых летах ваших были вы распутны, расточительны, наглы, нежели сребролюбивы или же чрезмерно бережливы, щеголеваты, занимаяся более убранством, нежели чем другим. Систематическое, так сказать, расположение в щегольстве означает всегда сжатый рассудок. Если повествуют, что Юлий Цесарь был щеголь; но щегольство его имело цель. Страсть к женщинам в юности его была к сему побуждением. Но он из щеголя облекся бы мгновенно во смраднейшее рубище, если бы то способствовало к достижению его желаний.

Во младом человеке не токмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикрасивейшими

деяниями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вероломство, сребролюбие, гордость, любомщение, зверство, то хотя ослепите современников ваших блеском ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящего вас, да представит вам зерцало истины, не мните, однако же, затмить взоры прозорливости. Проникнет она светозарную ризу коварства и добродетель черноту души вашей обнажит. Возненавидит ее сердце твое, и яко чувственница увядать станет прикосновением твоим, но мгновенно, но стрелы ее издалека язвить тебя станут и терзать.

Простите, возлюбленные мои, простите, друзья души моей; днесь при сопутном ветре отчальте от брега чуждыя опытности ладью вашу; стремитеся по валам жития человеческого, да научитеся управляти сами собою. Блажени, не претерпев крушения, если достигнете пристанища, его же жаждем. Будьте счастливы во плавании вашем. Се искренное мое желание. Естественные силы мои, истощав движением и жизнию, изнемогут и угаснут; оставлю вас навеки; но се мое вам завещание. Если ненавистное счастие истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земле не останется, если доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда воспомни, что ты человек, воспомяни величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. Умри.

В наследие вам оставляю слово умирающего Катона[81]. Но если во добродетели умрети возможешь, умей умреть и в пороке и будь, так сказать, добродетелен в самом зле. Если, забыв мои наставления, поспешать будешь на злые дела, обыкшая душа добродетели востревожится; явлюся тебе в мечте. Воспряни от ложа твоего, преследуй душевно моему видению. Если тогда источится слеза из очей твоих, то усни паки; пробудишься на исправление. Но если среди злых твоих начинаний, воспоминая обо мне, душа твоя не зыбнется и око пребудет сухо... Се сталь, се отрава. Избавь меня скорби; избавь землю поносныя тяжести. Будь мой еще сын. Умри на добродетель.

Вещавшу сие старцу юношеский румянец покрыл сморщенные ланиты его; взоры его испускали лучи надежного радования, черты лица сияли сверхъестественным веществом. Он облобызал детей своих и, проводив их до повозки, пребыл тверд до последнего расстания. Но едва звон почтового колокольчика возвестил ему, что они начали от него удаляться, упругая сия душа смягчилася. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалася; он руки свои простирал вслед за отъезжающими; казалося, будто желает остановить стремление коней. Юноши, узрев издали родшего их в такой печали, возрыдали столь громко, что ветр доносил жалостный их стон до слуха нашего. Они простирали также руки к отцу своему; и казалося, будто его к себе звали. Не мог старец снести сего зрелища; силы его ослабели, и он упал в мои объятия. Между тем пригорок скрыл отъехавших юношей от взоров наших; пришед в себя, старец стал на колени и возвел руки и взоры на небо.

— Господи,— возопил он,— молю тебя, да укрепишь их в стезях добродетели, молю, блажени да будут. Веси, николи ни утруждал тебя, отец всещедрый, бесполезною молитвою. Уверен в душе моей, яко благ еси и правосуден. Любезнейшее тебе в нас есть добродетель; деяния чистого сердца суть наилучшая для тебя жертва... Отлучил я ныне от себя сынов моих... Господи, да будет на них воля твоя.— Смущен, но тверд в надеянии своем отъехал он в свое жилище.

Слово крестицкого дворянина не выходило у меня из головы. Доказательства его о ничтожестве власти родителей над детьми казалися мне неоспоримы. Но если в благоучрежденном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев и неопытность — совершенство, то нет, кажется, нужды власть родительскую делать беспредельною. Если союз между отцом и сыном не на нужных чувствованиях сердца основан, то он, конечно, нетверд; и будет нетверд вопреки всех законоположений. Если отец в сыне своем видит своего раба и власть свою ищет в законоположении, если сын почитает отца наследия ради, то какое благо из того обществу? Или еще один невольник в прибавок ко многим другим, или змия за пазухой... Отец обязан сына воскормить и научить и должен наказан быть за его проступки, доколе он не войдет в совершеннолетие; а сын должности свои да обрящет в своем сердце. Если он ничего не ощущает, то виновен отец, почто ничего не насадил. Сын же вправе требовати от отца вспомоществования, доколе пребывает немощен и малолетен; но в совершеннолетии естественная сия и природная связь рушится. Птенец пернатых не ищет помощи от произведших его, когда сам начнет находить пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, когда сии возмужают. Се есть закон природы. Если гражданские законы от него удалятся, то производят всегда урода. Ребенок любит своего отца, мать или наставника, доколе любление его не обратится к другому предмету. Да не оскорбится сим сердце твое, отец чадолюбивый; естество того требует. Единое в том тебе утешение да будет, воспоминая, что и сын сына твоего возлюбит отца до совершенного только возраста. Тогда же от тебя зависеть будет обратить его горячность к тебе. Если ты в том успеешь, блажен и почтения достоин. В таковых размышлениях доехал я до почтового стана.

О человеке, его смертности и бессмертии[82]

(в сокращении)

...Обратив взор наш на человека, рассмотрим самих себя; проникнем оком любопытным во внутренность нашу и потщимся из того, что мы есть, определить или, по крайней мере, угадать, что мы будем или быть можем; а если найдем, что бытие наше, или лучше сказать, наша единственность, сие столь чувствуемое я, продлится за предел дней наших на мгновение хотя едино, то воскликнем в радовании сердечном: мы будем паки совокупны; мы можем быть блаженны; мы будем! Будем?.. Помедлив заключением, любезные мои, сердце в восторге нередко ввергало разум в заблуждение.

...Человек не есть животное хищное. С другой стороны, сложение его рук препятствует ему укрываться там, где могут животные, когти имеющие. Стоящее его положение препятствует ему избегать опасности бегством; но искусственные его персты доставляют ему оборону издали. Итак, человек, вследствие телесного своего сложения, рожден, кажется, к тишине и миролюбию. О, как он удаляется от своей цели! Железом и огнем вооружив руки свои, на произведение искусственных действий сложенные, он воссвирепел паче льва и тигра; он убивает не в снедь себе, но на увеселение, не гладом в отчаяние приведенный, но хладнокровно. О, тварь, чувствительнейшая из всех земнородных! На то ли тебе даны нервы?

...Человек имеет силу быть о вещах сведому. Следует, что он имеет силу познания, которая может существовать и тогда, когда человек не познает. Следует, что бытие вещей независимо от силы познания о них и существует само по себе.

Мы вещи познаем двояко: 1-е, познавая перемены, которые вещи производят в силе познания; 2-е, познавая союз вещей с законами силы познания и с законами вещей. Первой называем опыт, второе рассуждение. Опыт бывает двоякий: 1-е, поелику сила понятия познает вещи чувствованием, то называем чувственность, а перемена, в оной происходимая,— чувственный опыт; 2-е, познание отношения вещей между собою называем разум, а сведение о переменах нашего разума есть опыт разумный.

Посредством памяти мы воспоминаем об испытанных переменах нашей чувственности. Сведение об испытанном чувствовании называем представление.

Перемены нашего понятия, производимые отношениями вещей между собою, называем мысли.

Как чувственность отличается от разума, так отличается представление от мысли.

Мы познаем иногда бытие вещей, не испытуя от них перемены в силе понятия нашего. Сие назвали мы рассуждение. В отношении сей способности называем силу познания ум или рассудок. Итак, рассуждение есть употребление ума или рассудка.

Рассуждение есть не что иное, как прибавление к опытам, и в бытии вещей иначе нельзя удостовериться, как чрез опыт...

...К рассуждению требуются две вещи, кои достоверными предполагаются: 1) союз, вследствие коего мы судим, и 2) вещь, из союза коея познать должно вещи, не подлежавшие опыту. Сии предложения называются посылки, а познание, из оных проистекающее,— заключение. Но как все посылки суть предложения опытов и из оных извлечения или заключения, то заключения из посылок, или рассуждение, есть токмо прибавление опыта; следовательно, познаем таким образом вещи, коих бытие познано опытом.

Из сего судить можем, коликократны могут быть заблуждения человеческие и нигде столь часты, как на стезе рассуждения. Ибо, сверх того, что и чувственность обмануть нас может и что худо познать можем союзы вещей или их отношение, ничего легче нет, как ложно извлекаемое из посылок заключение и рассуждение превратное. Тысячи тысячей вещей претят рассудку нашему в правильном заключении из посылок и преторгают шествие рассудка. Склонности, страсти, даже нередко и случайные внешности, вмещая в среду посторонние предметы, столь часто рождают нелепости, сколь часты шаги нашего в житии шествия. Когда рассматриваешь действия разумных сил и определяешь правила, коим они следуют, то кажется, ничего легче нет, как избежание заблуждения; но едва изгладил ты стезю своему рассудку, как вникают предубеждения, восстают страсти и, налетев стремительно на зыблющееся кормило разума человеческого, несут его паче сильнейших бурь по безднам заблуждения. Единая леность и нерадение толико множество производят ложных рассуждений, что число их ознаменовать трудно, а следствия исторгают слезы.

..Все действует на человека. Пища его и питие, внешняя стужа и теплота, воздух, служащий дыханию нашему (а сей сколь много имеет составляющих частей), электрическая и магнитная силы, даже самый свет. Все действует на наше тело, все движется в нем.

...Наипаче действие естественности явно становится в человеческом воображении, и сие следует в начале всегда внешним влиянием.

...Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей... земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! — он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу... но, наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, попрал обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шестие разума человеческого. Так образуют его законы и правление, соделывают его блаженным или ввергают в бездну бедствий.

... Общественный разум единственно зависит от воспитания, а хотя разница в силах умственных велика между человека и человека, и кажется быть от природы происходящая, но воспитание делает все. В сем случае мысль наша разнствует от Гельвециевой; и как здесь не место говорить о сем пространно, то, сократя по приличности

слово наше, мы постараемся предложить мысли наши с возможною ясностию.

Изящнейший учитель о воспитании. Ж.-Ж. Руссо, разделяет его на три рода: «Первое, воспитание природы, то есть развержение внутреннее наших сил и органов. Второе, воспитание человека, то есть наставление, как употреблять сие развержение сил и органов. Третие, воспитание вещей, то есть приобретение нашея собственныя опытности над предметами, нас окружающими. Первое от нас независимо вовсе; третие зависит от нас в некоторых только отношениях; второе состоит в нашей воле, и то токмо предположительно, ибо как можно надеяться направить совершенно речи и деяния всех, дитя окружающих?»

Сколь Гельвеций ни старался доказывать, что человек разумом своим никогда природе не обязан, однако же для доказательства противного положения мы сошлемся на опытность каждого. Нет никого, кто с малым хотя вниманием примечал развержение разумных сил в человеке, нет никого, кто б не был убежден, что находится в способностях каждого великое различие от другого. А кто обращался с детьми, тот ясно понимает, что поелику побуждения в каждом человеке различествуют, поелику различны в людях темпераменты, поелику вследствие нервного сложения в нервах и фибрах человек разнствует от другого в раздражительности, а все сказанное опытами доказано, то и силы умственные должны различествовать в каждом человеке неминуемо. Итак, не токмо развержение сил умственных будет в каждом человеке особо, но и самые силы сии разные должны иметь степени. Возьмем в пример память: посмотри, сколь один человек превосходит другого сим дарованием. Все примеры, приводимые в доказательство, что память может быть приобретенная, не опровергнут, что она есть дар от природы. Войдем в первое училище и в самый первый класс, где побуждения к учению суть весьма ограниченны; сделай один токмо вопрос, и убедишься в том, что природа бывает иногда нежною матерью, иногда мачехою завистливою. Но нет; да отдалимся хуления! Природа всегда едина, и действия ее всегда одинаковы. Что различие между умственными силами в человеках явны бывают даже от младенчества, то неоспоримо; но тот, который степению или многими степеньми от своего товарища в учении, вследствие шествия естественности и законов ее, сотовариществовать бы ему не долженствовал; ибо семя, от него не рожденное, не могло достигнуть равной с тем организации, с коим оно сравнивается; ибо человек к совершенству доходит не одним поколением, но многими. Парадоксом сего почитать не должно; ибо кому не известно, что шествие природы есть тихо, неприметно и постепенно. Но и то нередко бывает, что начавшееся развержение останавливается, и сие бывает на счет рассудка. Если бы в то время, когда Ньютон полагал основание своих бессмертных изобретений, препят был в своем образовании и переселен на острова Южного Океана, возмог ли бы он быть то, что был? Конечно нет.

...Таким образом, признавая силу воспитания, мы силу природы

не отъемлем. Воспитание, от нее зависящее, или развержение сил, останется во всей силе; но от человека зависеть будет учение употреблению оных, чему содействовать будут всегда в разных степенях обстоятельства и все нас окружающее.

...Повторим все сказанное краткими словами: человек по смерти своей пребудет жив; тело его разрушится, но душа разрушиться не может, ибо несложная есть; цель его на земле есть совершенствование, та же пребудет целию и по смерти; а из того следует, как средство совершенствования его были его организациею, то должно заключать, что он иметь будет другую, совершеннейшую и усовершенствованному его состоянию соразмерную.

Возвратный путь для него невозможен, и состояние его по смерти не может быть хуже настоящего; и для того вероятно или правдоподобно, что он сохранит свои мысли приобретенные, свои склонности, поколику они от телесности отделены быть могут; в новой своей организации он заблуждения свои исправит, склонности устремит к истине; поелику сохранит мысли, коих расширенность речь его имела началом, то будет одарен речию: ибо речь, яко составление произвольных знаков, знамение вещей означающее, и может внятна быть всякому чувству, то какая бы организация будущая ни была, если чувствительность будет сопричастна, то будет глаголом одарена.

Положим конец нашим заключениям, да не зримся ищущими единственно мечтаний и чуждаемся истины. Но как бы то ни было, о, человек, хотя ты есть существо сложное или однородное, мысленность твоя с телом разрушиться не определена. Блаженство твое, совершенствование твое есть твоя цель. Одаренный разными качествами, употребляй их цели твоей соразмерно, но берегись, да не употребишь их во зло. Казнь живет сосмежна злоупотреблению. Ты в себе заключаешь блаженство твое и злополучие. Шествуй во стезе, природою начертанной, и верь: если поживешь за предел дней твоих и разрушение мысленности не будет твой жребий, верь, что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию, ибо тот, кто сотворил тебя, тот существу твоему дал закон на последование, коего устраниться или нарушить невозможно; зло, тобою сделанное, будет зло для тебя. Ты будущее твое определяешь настоящим; и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта...

Федор Васильевич Кречетов
(ок. 1740 — после 1801)

Просветитель, публицист, сторонник ограничения самодержавия, равноправия граждан, распространения знаний в народе.

Библиографических сведений о Кречетове почти не сохранилось. Предположительно родился в семье мелкопоместных дворян, получил духовное образование. Служебную деятельность начал в

1761 г. писцом. Занимался литературной деятельностью: издал два переводных произведения. Однако работы не принесли переводчику общественного признания. В 1785 г. Ф. В. Кречетов создает тайное просветительское «Общество благоденствия», цель которого — требование ограничения власти самодержавия,.установления равноправия граждан, свобода слова, печати, всемерного распространения знаний в народе. Общество состояло примерно из 50 человек, преимущественно из чиновничьей и купеческой среды; женщины принимались наравне с мужчинами. В программе общества указывалось на стремление его членов изменить существующий порядок правления, предоставить равные права женщинам с мужчинами, всемерно распространять знания и просвещение в чароде. В 1786 г. начал издавать журнал «Не все и не ничего», запрещенный цензурой после выхода первого номера. По доносу общество было разгромлено. Ф. В. Кречетов в 1793 г. был арестован и заточен в Шлиссельбургскую крепость, где он пробыл до 1801 г. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Политические воззрения Кречетова были непоследовательны и ограничены рамками дворянского просветительства. Призывы к равенству и братству были обращены ко всем людям и классам, в том числе к монархической власти и церкви, с тем чтобы слиться в единый всемирный союз «ко благоденствию человечества». Правда, Кречетов не отрицал и революционных действий в случае, если просветительские средства окажутся недостаточными для изменения существующего порядка.

В сохранившемся сочинении «План юридический» (1782) Ф. В. Кречетов стремится доказать, что необходимо развивать народное просвещение вне зависимости от занимаемого места в обществе и тогда государство будет иметь твердые законы, не зависящие от капризов и своеволия самодержца.

План юридический[83]

(в сокращении)

§ 3

...Начертание сего плана имеет о нужности и пользах, для коих он предпринят, ясные свои доказательства...

§ 8

Существенно всеобщею государственною экономиею план сей есть потому, что его в действо произведением назначен будет чертеж, или план, к наилучшему и удобнейшему распространению наук словесных, к большей способности сочинения достопамятнейшей и вероятнейшей всего Российского государства истории, потом ее

географии, по тем к надежнейшему устроению государственных каждому гражданину потребных и полезных как ему самому, так от него и до всех вообще касательных должностей, затем и к наилучшему государственному повсеместному удовольствию, пространнейшей и основательнейшей коммерции; а за всеми оными современно наилучшее, или, так сказать, вечное и неподвижное, государственных законов уложение к вечному продолжению и непрерывному польз человеческих благоприобретению. И сия экономия восстановлена и содержима быть может: во-первых, в правосудии и тем в соблюдении людей от напрасной гибели; во-вторых, в распространении наук, и чрез те в размножении разных государственных дел познаний, и в учреждении и наблюдении своих должностей, и теми общих польз в приобретении; в-третьих, в распространении истинной чести, а чрез ту в возлюблении спокойствия и тем чрез разумные вступления в супружества, в рождении детей, в благоразумном их воспитании и на пользу общую в наставлении, каждому им по способностям их и понятию, ко исполнению должностей, на государственной же экономии основанных, и, в-четвертых, в умножении рукоделий и тех употреблением в продажи, в распространении коммерции, как о всем оном в дальнейших планах сего параграфа к большей ясности будет повторяемо.

§ 9

Итак, по вышеписанному непременно принадлежат и нужда есть России науки словесные, ибо давно уже любомудрые самодержцы всероссийские продолжают попечение оных о распространении. Но их распространению препятствует медлительность во многих местах на одно только по-российски читать и писать простое обучение, время до трех лет и далее занимающая. Оная-то, делая о науках небрежение или от них отвращение, в некоторых людях при научении от разнообразных пристрастий и вредное последование являет. А по всему оному весьма доказательно, что к обучению природного россиян языка потребных учителей великий есть недостаток да великая же в умножении оных настоит и нужда. Того ради непременно нужно россианам иметь стремление к распространению словесных наук, почему и следует в плане сем о их в России течении и разных писателях о их важно умствуемые извещения к достодолжному чрез то россиан к наукам пробуждению как следует.

§ 10

Понеже по всему вышеписанному есть довольно понятно: 1-е, что от народного просвещения и вкорененного ему благонравия государственная польза есть великая и, 2-е, что в знании читать и писать есть надобность необходимая, то непременно нужно есть прежде всего российского народа умы предуготовить к люблению наук чрез изъявление ему настоящих или существующих в распро-

странении оных польз. А потом изыскивать всевозможно способы наискорейшим образом уметь ученикам оные преподавать. Впрочем, и сие знать надлежит, что вкоренение наук подобно прививанию оспы, от несмертельного больного из привитой оспенное по большей части выздоравливают, а от натурального опасной или от смертельного больного принятой — по большей части умирают, то есть от доброго учителя добрые отменно науки приемлющий ученик будет человек в общежительстве ученый полезный, а от худого или злохитрого учителя и безразборно всякосбродные науки приемлющий ученик в общежительстве будет ученый вредный. Вот какая есть сила и польза от наук и учителей! Сего для непременно же нужно выбирать лучших учителей и выбирать лучшее, чем учить или чему учиться.

§ 11

Сего ради словесных наук к распространению о нужном их скоропреподавании изъясня, положим в начало, основание, устроение, утверждение и крепость благоденства общественного правосудие.

§ 12

Для единовидного и единоумственного правосудодействования необходимо есть нужнейш(ий), разумнейший, на естественном порядке основанный сочинен быть полный и целость государственную всемерно содержащий гражданский, или государственный, закон.

§ 13

Для законоизобретения, законосочинения, законоучения и по нем правосудодействования нужнейшее есть для всего Российского государства дело сочинить всеобщую, или универсальную, юриспруденцию.

§ 14

А чтоб во все то, что выше к снисканию общего благоденства о средствах изъяснено, способнее было достигнуть, непременно есть нужно доводить государство Российское до того, чтоб во всех достаточно было способности к скорейшему обучению и знанию читать и писать правильно и разумно.

§ 15

Следовательно, сим и доказано, что для всех в жизни человеческой наивозможным образом выгодностей приобретаний, да к тому еще и в рассуждении разных наук множества, а века человеческого краткости пред всеми другими науками первейшие и самонужнейшие суть науки словесные; яко они суть всем другим наукам и художествам поспешествовать и каждой из них помятствование содер-

жать и в них удобнейший путь показывать могущие, ибо многие изъясняли в них существующую величайшую пользу, а в незнании или невежестве — величайшее зло и источник всех злодеяний, следовательно, непременно умножать их должно.

§ 17

...Нужнейшее есть для всего Российского государства дело сочинить юриспруденцию того для, сколь непременно потребно, то, чтоб ее сочинить со всевозможнейшим благорассуждением для всех российских разных народов общую, столько ж нужно и то, чтоб по ней к знанию производств юридических каждого, до кого что потребно, обучать и чрез то, истребляя разные о законах толки, все истине присоединять, дабы не с мнимым, но с истинным правосудием спокойства подлинно достигнуть было можно. Следовательно, для сего надлежит учредить по всем городам школы юридические.

§ 18

Для общей же пользы многое число людей, читать и писать обученных, иметь нужно для произведения в действо всех тех предприятий, о коих экономические общества и все оным соответствующие люди благоразумные трудятся, ибо сверх оных людей числа, кои в трудах российского вольного экономического общества от разных добродетельствующих персон описаны, могут быть по нижним экономическим должностям в употребление приняты со знанием грамоте за полезнейших еще и следующие, а особливо в хозяйстве, каждый особенно должности своей полным систематическим порядком сочинения имеющие и знающие: 1-й, дворник, который б купно был и строитель не только одного своего дома собственного или приказанного, но и некоторого числа ему вверенных домов, купно же и наблюдатель бережения лесов; 2-й, ключник с полными вверенных ему имуществ к сбережению наставлениями; 3-й, с такими же полными наставлениями и знаниями купно с помогающими им фамилиями садовник с знанием садового искусства; 4-й, скотник с знанием скотолекарств. Равно им, 5-й, птичник; 6-й, конюший, купно и смотритель над лугами и коновал; 7-й, выборный для знания и надзирания над полевыми работами; 8-й, староста для знания ж и надзирания над домашними крестьянскими работами; 9-й, пчеляк для содержания пчел; 10-й, рыболов, купно и рыбозаводитель и всех водостроений наблюдатель; 11-й, купчина и о всех хозяйственных куплепродажных делах наблюдатель и рачитель; 12-й, питьевар; 13-й, повар с всевозможным потребносведением о медицине; 14-й, исправнейший кузнец; 15-й, всяких хозяйственных экономических дел писарь, и оных содержатель, и всей хозяйственной библиотеки хранитель, читатель и экономических примечаний сочинитель; 16-й, приказчица для надзирания над всем полом женским; 17-й, ключница для всего того, что до женского наблюдения и действом исправления при-

надлежит. Все сии для лучшей в хозяйственных делах исправности должны уметь читать и писать. Из сего очевидная есть польза. Того для потребно, дабы все таковое число людей грамоте обучены были и все бы оные в хозяйстве должности разумно исправлять, а в недостатке людей хотя малое, но не простое, а ученое уже из них число свои должности занимать могли.

§ 19

По таковом о всех общественных трудах и от них пользах и оными пользоваться препятствиях, рассмотрении и рассуждении, следуя примеру людей добродетельных, всех оных ради причин по законной вольности должно побуждать всякого гражданина благоразумного, дабы он во отвращение вышеписанного словесных наук в учении и учителях недостатка и оных экономических и всех ученых людей всякого рода наставлений в действа к произведению во вспоможение непременно служил своему отечеству скорейше россиан природного языка читать и писать учением и в деле сем упражнялся и успехи свои доводил дотоле, чтоб читать и писать научать было можно не только в год и менее года, но паче трудился б дотоле, доколе человеческие понятия учительскому искусству соответствовать могут. Дабы сия скорость делала к наукам привлечение и впредь прибавляла бы число лет каждому по разным склонностям или к слушанию вышних и всяких разных наук, или к обучению разных художеств, и тем могла бы возрастать знаменитая России польза.

...благоволено будет и плана сего сочинителю быть учредителем самонижайшего класса народных государственных вольных школ... Понеже всякое новое да еще и велико предпринятое дело, сколько бы оно ни было полезно, не столько ко исполнению приводит, но и начало ему сделать великая есть трудность; потому-то на него по самому естеству и право лежит для названия его великим, что его и рождение и возвращение до плодов бывает трудно. И хотя для сего никто из благоразумных людей не должен доброго своего предприятия оставлять, ибо не ныне, так заутро, не в нынешний год, так в последующ(ий) за сим, не в сей век, так в будущий дело доброе, конечно, за дело доброе добрыми людьми принято быть может. Однако, дабы приватный человек общеполезные дела в произвождение удобнее доводить мог, надлежит позволить, дабы он имел свободу иметь прибежище и откровение своему монарху, чтоб того силою и могуществом разум человека приватного к пользе рода человеческого употреблен быти мог.

НОВАЯ РОССІЙСКАЯ АЗБУКА,

для обученія дѣтей чтенію,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ПРОПИСЕЙ,

руководствующая къ чистому россійскому письму,

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ

примѣрныя письма, многія нравоучительныя правила, краткую Грамматику и *БАСНИ СЪ КАРТИНКАМИ.*

собран. А. Рѣшетниковымъ.

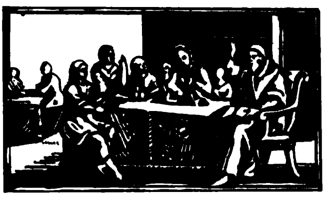
Печатано съ Указнаго дозволенія въ Москвѣ въ Типографіи А. Рѣшетникова 1795 года.

Титульный лист: «Новой Российской азбуки...», составленной и изданной А. Г. Решетниковым.

В конце XVIII—начале XIX в. стали популярными азбуки-хрестоматии, которые представляли по сути дела первую книгу для чтения. Таковы, были, например, азбуки, составленные А. Г. Решетниковым. Автор — владелец одной из первых частных типографий — был просвещенным человеком, стремившимся создать удобное, дающее сведения по многим темам пособие для начального обучения. Решетников создал две такие азбуки — полную и краткую, которые под разными названиями неоднократно переиздавались.

Азбука-хрестоматия включала гражданский алфавит с образцами различных начертаний букв, полезные советы детям, краткую грамматику. Здесь были нравоучительные басни, начальное руководство к российскому и французскому чистописанию с указаниями, как чинить и держать перо, с прописями и образцами деловых писем (от сына к отцу, к приятелю, письмо «утешительное», «благодарительное», «поздравление с чином» и др.).

Азбуки-хрестоматии Решетникова были перегружены материалом, включенным без какой-либо системы. Потому вскоре их заменили более совершенные учебные книги.

РОССІЙСКАЯ
АЗБУКА.

ЗАГЛАВНЫЯ БУКВЫ.

А. Б. В. Г. Д. Е.
Ж. З. И. І. К. Л.
М. Н. О. П. Р. С.
Т. У. Ф. Х. Ц. Ч.
Ш. Щ. Ъ. Ы. Ь. Ѣ.
Э. Ю. Я. Ѳ. Ѵ.

Лист «Новой российской азбуки...» Образец начертаний заглавных букв.

Павел Афанасьевич Сохацкий
(1766—1809)

Профессор Московского университета. По происхождению крестьянин. В двенадцатилетнем возрасте поступил в Киевскую академию, из которой был направлен в числе других учеников в семинарию для подготовки учителей, созданную при Московском университете в 1779 г. Учился у виднейших профессоров А. А. Барсова, Х. А. Чеботарева. За успехи в учебе награжден двумя университетскими медалями. С 1784 г.— член учительской семинарии. Получил звание магистра философии, позднее профессора философии. Преподавал в гимназии и учительской семинарии. Был действительным членом и секретарем Общества истории и древностей российских. Издавал учебные книги и выступал с публичными лекциями по философии, словесности, истории. Как педагога его занимали вопросы воспитания, особенно проблемы нравственного воспитания, роль родителей в формировании личности будущего гражданина, ответственность учителя как наставника юношества. Считал, что наилучшее средство воспитания — это включение ребенка в полезную деятельность, результатив-

ный метод — личный пример родителей, учителей, воспитателей. Блестящий оратор, он пользовался большой популярностью среди слушателей.

Основные педагогические взгляды просветителя, педагога, ученого отражены в речи «Слово о главной цели воспитания», которую П. А. Сохацкий произнес на торжественном собрании Московского университета 30 июня 1793 г.

Из речи «Слово о главной цели воспитания»[84]

...Едва, так сказать, займется в младенце самая ранняя заря рассветающего сведения о себе и окружающих ближайших предметах, уже бодрствование сердобольных и благоразумных родителей потребно без малейшей дремоты. Ибо от сих первых мгновений большею частию зависит направление главных побуждений и устроение характера юной отрасли человеческой. Здесь-то душевная жизнь открывает первоначальное явление; здесь-то все способности, сии новые, только лишь из рук природы вышедшие скрижали, готовы восприять глубоко в недра свои всякого рода начертания и образы.

Как дыхание, возбудясь, при самом происхождении младенца на свет непрестанно воздымает и зыблет грудь, доколе с последним вздохом прервется, угаснет; как первый удар сердца, отдавшийся по всем жилам нововоспрянувшего существа, сугубится в безостановочном биении, и не прежде, как с отнятием остатков чувствований, остановится, умолкнет; и сии суть две главные пружины телесной жизни; так идеи и мысли, мелькнув единожды в отверзшихся очах ума, ведут за собою несметный ряд впечатлений и понятий; так за пробудившимся движением воли стремятся волноподобно побуждения, желания, страсти; и сии две силы составляют будто бы некое дыхание и биение души бессмертной. Дыхание, потрясая грудь, действует на последственное биение сердца: понятия, сильно сверкнув в уме, настраивают собою склонности духа. Се родословие нравственности. Но действия жизненные покорены механическим законам; а нравственные управляются свободою, сим неотъемлемым преимуществом всякого мыслящего существа. Многократное повторение дает им наконец силу закона.

Из сей точки зрения, последуя вниманием за успехами юного ума, приметно усмотрим, как младенец, пленяясь и увлекаясь новостию каждой встречающейся вещи, особливо когда она живее трогает свежие и мягкие еще его чувства, с жадностию стремится принять ее отпечаток и присвоить ее себе чрез употребление. Живость лет и нетерпеливость любопытства производят невероятную быстроту, с какою он пролетает предметы, так что и тело и ум его тогда равно очевидно и скоро спешат достигнуть своего возраста. В какое другое, кроме сего, толь краткое, например трехлетнее, время самых пылких дарований человек может приобрести толикое множество совсем новых

понятий? Отечественный разговорный язык для дитяти уже вразумителен; в памяти его наметан чертеж почти всех будущих познаний; и главные отличительные качества обнаруживаются в уменьшенном своем виде.

Сим-то — принимая, однако ж, природное его сложение и свойства его родителей — решится печальное недоумение, отчего нередко семилетний, так, по-видимому, нежный еще отрок до той степени бывает закоренел в испорченности нравов, что удобнее, кажется, сделать белым лицо эфиопа, нежели очистить нравственность сего несчастного юного человека? Без сомнения, с самого часа происхождения на свет он неосторожно, немилосердно предан в руки или ничего не знающих, или наемных, или, что всего жалостнее, подлых и развратных приставников; толпы худых впечатлений заняли все его воображение, обезобразили и погубили добрые в нем склонности, преобратились в приятную для него пищу, усилились, стали собственным ему навыком, навык взял на себя вид и действительность природы, и природу — кто переменить уже предпримет? О если бы виновники бытия новой ветви человеческого рода вняли гласу во глубине сердец своих: свято сохраните нежнейший долг природы; потщитесь учиниться виновниками истинного счастия того, в ком с утехою, вам токмо единым понятною, зрите возобновляющееся собственное существо свое!

Но прилично ли таковое желание? Прямая и достойная мать пламенеет любовию к своей крови — союз! коего ближе и теснее сама природа нигде не являет; радеет с бесподобною заботливостию о целости и благе драгоценнейшего залога; примечает малейшие его склонности; отвращает чадолюбиво едва произникающие привычки, хотя бы то были по наружности самые безвинные движения младенческой гневливости, маленького упрямства, минутной прихоти; вдыхает чувствительность и кротость свою; охраняет от всяких противных впечатлений; словом: прилагает о нем все попечение матернее — никаким другим именем неизобразимое. Нет! Не с такою нежностию лелеется цветок и ограждается от мразов и бурных ветров. Тогда, тогда достоверно расцветает самый изящнейший крин, краса юности, честь родивших. Какие ж в свете забавы в состоянии заменить удовольствие, разливающееся от сего в сердце родительском?

Если очаровательно читать в вымышленном повествовании, то сколь несравненно восхитительнее видеть и ощущать самым опытом, когда оная добродетельная мать в благорастворенный летний вечер, при величественном сиянии луны, держа в объятиях дитя, с тронутыми и благочестивыми чувствованиями указывает ему преузорочные небеса...

Отец, коего важный вид природа умеет растворить любовию, подкрепляя соучастием матерние труды, чрез удобоприемные чувства в душе и в наружных чертах малолетнего сына своего впечатлевает, или, лучше сказать, пробуждает, характер благородной мужеской величественности. Долг его быть верным стражем и мудрым вождем сего первоначального образования нравов, предупреждая и самые тон-

кие неосторожности и послабления, часто сокрывающиеся от чрезмерно нежных взоров матери. Сим образом они совокупно сей любезный небесам предмет, возлюбленного сердцу своему сына, в том невинном, незапятнанном и еще не разнственном между действительною добродетелию и пороком расположении, в каком получили они его из рук самой природы, доводят до той степени возраста и раскрытия, где воссияет во всю жизнь не угасающее самосветение, как утренняя заря, предвестница прекрасного дня, где в теснейшем смысле разумеемое воспитание должно восприять свое начало.

Все сообитающие и служебные человеку на земном шаре существа, животные, вместе с рождением приносят на свет готовые способности и побуждения, по коим каждое из них хранит и продолжает свое бытие. Хитрость, которой мы в них дивимся, влиянна им от природы, ограничена на чувственности, далее которой они простираться не могут, всегда единообразна, никогда не возвышается до толиких степеней совершенства, на каковых человек не только от них удален существенным и бесконечным расстоянием, но в отличной высоте блистает пред подобными себе и, кажется, сам себя превосходит. Совершенствование духа человеческого столь далеко идет, что лестница восхождения его теряется из виду и ум пределов тому не обретает. Вникните просвещенными мыслями, что значит благородное признание великого из мудрых древних мужей, который чрез все свои сведения наконец достиг к удостоверению о своем неведении? Что жалобы ученых людей на обширность наук и маловременность жизни? Что народное наше кратко изреченное наставление: век живи, век учись, как не беспредельно открывающееся разуму поле истин и познаний, которое протекать предлежит?

Но единое умозрение не составит прямого счастия духа вечноживущего и деятельного. На ясных, всевозможно обширных и точных понятиях вещей, необходимых для человека, на здравом о них суде, на внутреннем удостоверении, как на твердых основаниях, зиждутся все разумные действия: ибо человек, коего ум помрачен невежеством, обезображен предрассудками, усыплен праздностию, есть тягость земли, стыд мыслящих тварей. А чистота совести, победы над страстями и пороками, стремление к добродетели, правота, честность, святость в чувствованиях и побуждениях, мудрость, решимость, важность в предприятиях, воздержность среди изобилия, довольство среди скудости, умеренность и кротость на высочайших степенях знаменитости и славы, непоколебимое мужество и бодрость в несчастиях и опасностях и во всем течении подвигов жизни непрестанно присутствующий пред умными очами и всю душу наполняющий светлый вид бессмертия — сии суть свойства истинной великости и достоинства человека — се главная и единственная цель и самого воспитания!

О! да возможет искусная кисть какого-либо высокого ума живописать нам в пленительном великолепии образец совершенства, по которому бы отцы и воспитатели устраивали гибкие еще способности питомцев, дабы первая невинность непосредственно одушевлена была живым познанием... всякой добродетели; дабы все изучения разно-

родных языков и наук, не оканчиваясь жалостно на бесплодном пустословии или на зловредной самомечтательной гордости, возводили на верх прямого достоинства; дабы важная оная склонность измерять собственные силы и поступки привлекательными и могущественными окружающими их примерами обращаема была тем в лучшее преуспеяние.

Не мздою покупаемый промысл неизвестных ни по знанию, ни по нравам, ни по правилам жизни, ниже по состоянию пришельцев; не дневная работа удрученных бедностию, развлекаемых многоделием, утомленных непрестанным и однотонным напряжением людей, без доверенности, без важности, без ободрения, даже без надежды — нет! не те суть избранные орудия, не те к сохранению их и поощрению средства, которые знающие хотя мало цену отцы и прямые патриоты, любители наук, тщатся употреблять для приобретения толь близким к сердцу детям своим сей лучшей всех титл и сокровищ драгоценности. Великая осторожность потребна в выборе того, кому отец, вместо себя, вверяет для образования душу юного сына: ибо здесь все благо существенное предается ему в залог.

Важный долг приемлет на себя с своей стороны и воспитатель. Он мыслит, что вся его неусыпность посвящается питомцу, что, дабы вселить в него хороший вкус и высокие превосходные чувствования, должно самому обладать ими, что для руководствования его к просвещению надлежит знать самые способнейшие пути; а без сего все прекрасные способы и предписания мертвы, тщетны. С таким расположением прилагает о нем всевозможные отеческие попечения. И достоверно увенчает их вожделенный успех.

Если бы достоинство его звания от краткозрящих не признано, великость его пожертвований своими силами, выгодами жизни, спокойствием, здравием не вознаграждена была ничем, кроме неблагодарности и унижений (что, однако ж, и предполагать кажется человеконенавистно), то, по крайней мере, его ожидает ни гордостию невежд, ни завистию не исторгаемая награда душ благородных, сладостное одобрение в совести, что он делает добро и с пользою служит обществу, струящееся по всем сердечным ощущениям удовольствие при воззрении на зреющие плоды трудов, искренняя признательность и на всю жизнь памятование облагодетельствованных воспитанников.

Движимый столь чистыми побуждениями достойный наставник... прежде всего своим благоразумным снисхождением, искреннейшим доброжелательством, говорящею во взорах, словах и поступках его любовию, непременно привлечет к себе всю доверенность и дружбу бесхитростного еще юноши. Сим средством откроет в нем дарования, природное сложение, склонности, страсти.

Ветрены ли они и пылки? Опытная рука его кротко и едва приметно возложит на их непостоянство приятные оковы, представляя питомцу ту же вещь с разных сторон всегда в новом очаровательном виде, приводя все к единой точке, указывая ощутительно в природе и в произведениях искусства стройность и гармонию, сию душу красоты.

Сильны ли и деятельны? Тогда потребно все тщание, чтобы возвысить их, с одной стороны, прозорливейшим предохранением от безрассудной предприимчивости, опасной гордости, высокого о себе мечтания, свирепства, с другой — мудрым и успешным направлением к правоте, достоинству, мужеству, терпению, великости.

Постоянны ли и углубительны? Здесь необходимо удаление малейших поводов к злобе, коварству, своекорыстию и всевозможное их обращение на истины основательные, на чувствования, стоящие всегдашнего сохранения.

Спокойны ли и празднолюбивы? Вредно оставлять их в неподвижности, подобно гниющей воде; должно легкими и приличными поощрениями пролагать им как бы скат, дабы они протекали, как тихая и чистая река.

При таком образовании юного питомца возрастет в нем или высокий изящный дух, честь и увеселение современников; или великий герой, защитник отечества, правды, невинности; или тонкий испытательный ум, светильник человечества в познаниях; или добродушный друг человеков, примиритель всякой вражды, распространяющий кротчайшую тишину в семействах и обществах людей.

Жажда юного ума к познаниям мудрым наставником будет утоляема из самых лучших и сродных летам, способностям, цели источников, однако ж не безвременно и, так сказать, не с пресыщением. Воображение, сие драгоценное по себе зерцало вещей в душе, не обезобразится превратными, ложными, романическими и не запятнается нечистыми, грубыми, постыдными представлениями. Силы телесные укрепятся порядочною деятельностию и полезнейшею умеренностию в употреблении токмо самых необходимых потребностей к продолжению жизни. Наружность покажет чистоту и благоприличие, без излишества родящего суетность и тщеславие. Разговоры и поступки сим образом воспитываемого юноши, очевидно, управлять будет скромность, чистосердечие, вежливость, благоразумие. Вертоград преизящных чувствований и добродетелей, насаждаемый в невинной душе ежедневными опытами и навыками, принесет любезнейшие плоды...

Тако уже расцветающий юношескою бодростию россиянин, подобясь оному Геркулесу — как его превосходно и наставительно изображает древний мудрец,— когда при наступлении зрелых лет, где избирается путь жизни, предстанет пред него добродетель во всем величестве своем с небесными внушениями к истинному; и роскошь во всех ослепляющих прелестях с очаровательными обманами к ложному счастию; отринув сию с достойным презрением, мужественно и ревностно потечет на всю жизнь во след первой; и под благотворным и всеохранительным руководством ее на предызбранной достославной стезе, чего от него отечество, родители, друзья ожидать могут!..

Россы способны воспитываться к прямой великости духа. От самых древних времен героическое мужество их известно...

Александр Федосеевич Бестужев
(1761—1810)

Просветитель-демократ, писатель, отец декабристов Александра (русский писатель А. А. Бестужев-Марлинский), Николая, Михаила и Петра Бестужевых. Встречался с А. Н. Радищевым после его возвращения в 1801 г. из ссылки; дружил с просветителем и поэтом И. П. Пниным, с которым издавал «Санкт-Петербургский журнал» (1798), участвовал в работе Вольного общества любителей словесности, науки и художеств.

Получил военное образование. В 1789 г. во время русско-шведской войны в битве при Сескаре был тяжело ранен, ушел в отставку, занялся просветительской деятельностью. А. Ф. Бестужев хорошо знал произведения французских просветителей, пропагандировал их вместе с И. П. Пниным на страницах «Санкт-Петербургского журнала». Был разносторонне образован, что позволяло ему исполнять различные административно-хозяйственные должности: начальника канцелярии графа А. С. Строганова; главного управляющего гранильными и бронзовыми фабриками на Урале.

Дом Бестужевых был одним из немногочисленных культурных центров Петербурга конца XVIII в., где происходили встречи писателей, художников, композиторов. В этой атмосфере рождались впоследствии вольнолюбивые мысли об освобождении России у сыновей, будущих декабристов.

Большое внимание А. Ф. Бестужев уделял вопросам воспитания. Защищая идею создания государственной системы образования, обучение и воспитание советовал строить на основе гуманной педагогики, которую разработал Я. А. Коменский. Был противником религиозного воспитания. Свою педагогическую систему он изложил в трактате «О воспитании», который был напечатан в «Санкт-Петербургском журнале». По признанию сына Михаила, эту систему отец применял при воспитании своих сыновей. Однако, как и многие просветители последней трети XVIII столетия, в своих педагогических исканиях

А. Ф. Бестужев был непоследователен, ограничен. Так, например, защищая идею общественного воспитания, он в то же время оставлял сословную школьную систему. Но тем не менее трактат «О воспитании» сыграл положительную роль в развитии прогрессивной педагогической мысли России в конце XVIII — начале XIX в. и сам автор, отец сыновей-декабристов, являлся примером служения прогрессивным силам России.

Из трактата «О воспитании»[85]

О ВОСПИТАНИИ ЧАСТНОМ

Воспитание вообще есть наука, каким способом образовать, научать детей так, чтоб они учинились полезными и приятными для семейства своего, для отечества и были бы в состоянии доставлять и для самих себя благополучие.

«Легче,— говорил Теогнис,— дать жизнь, нежели добрую душу». Вот что воспитание должно постановить себе правилом. Все доказывает нам, что человек при рождении своем не расположен ни к добру, ни к злу, но что приносит только способности к восприятию тех нужд, коих он сам собою удовлетворить не в состоянии, страстей более или менее стремительных, смотря как телосложение и свойство его расположено от природы. Воспитать дитя — значит употреблять расположение, его свойство, его чувствительность, нужды, страсти на его усовершенствование или на учинение его таковым, каковым быть ему желаешь; сие значит показать ему, что ему любить и чего убегать должно, и снабдить его всеми теми средствами, которыми он может или приобрести желаемое, или избегнуть того, что ему ненавистно кажется; сие есть возбудить желания его к известным предметам и от других воздержать. Страсти, удачно направленные, то есть полезно и для него и для прочих устремленные, сопровождают к добродетели, но оставленные буйству оных или худо направляемые учиняют его порочным и злым.

Некто славный нравоучитель воображал, что воспитание все может произвести над человеками и что все они равно удобны к восприятию образования, какое дать желаешь, поелику известно, как должно располагать их пользами; но опыт нас научает, что есть таковые дети, в разуме которых не можно возжечь никакого сильного впечатления, есть такие, которые ни к чему не пристрастны, есть робкие и отважные, есть опять ленивые, которых беспрестанно понуждать надобно, и находятся таковые, которых с трудом можно воздерживать. Есть имеющие природные дарования, другие типы, у иных членосоставление слабо, у иных крепко, есть нравы тихие или возмутительные, недопущающие к себе никакого ограничения; мы видим души поверхностные и слабые, коих ни к какому предмету устремить

не можно, как есть между тем такие, коих разум так стеснен, что никакое средство неудобно к чему-нибудь его побудить. Следственно, обманываются те, которые полагают, что воспитание во всяком человеке произвести может все, чего желаешь; воспитание распространяет только полученные от природы способности; оно тогда только с успехом сеять может, когда землю таким образом естество приуготовило, что может она соответствовать тем попечениям, которые для нее употреблены будут.

Самое начальное воспитание сперва занимается образованием, возращением, укреплением тела, научает, как должно в пользу себе обращать члены, учреждать надобности, воздерживаться волнения страстей, если оные противны его благосостоянию; сие первоначальное воспитание предопределяет в воспитывающемся те существенные способности, которые производят влияние на все продолжение жизни. Но родители не обращают довольно внимания своего на сию первейшую часть воспитания, они поручают детей попечению кормилиц, потом смотрительниц, исполняющих умы воспитанников своих страхами, ложными понятиями, пороками и глупостями, какими они сами заражены; и из их рук вышедших детей увидишь привыкнувших ко лжи, обманам, малодушию, обжорству, неге. То развращенные угождениями и ласкательством, то невременно исправляемые, они находятся уже исполнены противоборствующими страстями, многими обдержавшими их заблуждениями и предрассудками, до самого последнего конца жизни их мучающими и которых последственное воспитание, хотя бы и благоразумно было, не в состоянии уже истребить. Первые самые минуты жизни, вообще сказать, бывают пренебрежены, но заслуживают, чтоб подумано было об них с лучшим вниманием; они завсегда почти определяют человеческой нрав. Платон[86] приписывает падение Кирова[87] престола тому, что по смерти дети его поручены были воспитанию женщин, которые, угождая возрождающимся страстям, не побуждали их к добродетелям, кои были бы их достойны.

«Ты человек,— сказал Менандр[88],— то есть животное, более всех к переменам счастия расположенное». Взяв сие за основание, воспитание не должно быть поверяемо женщинам, которые вместо того, чтоб укрепить детя, расслабляют его еще более, нежели как он сотворен от природы. Непостоянство жизни человеческой заставляет богатых принять непременным законом, дабы они детей своих не к роскоши, тщеславию, нерадению и беспечности приучали, но чтобы заблаговременно упражнениями и трудами укрепляли их тело, предваряли разум против нечаянных поражений рока. Ничего нет несчастливее, как видеть детей, воспитанных родителями тщеславными, привязанными к чувственным наслаждениям, к нежностям, ибо подобное воспитание заставит их почувствовать всевозможные огорчения, какие только в жизни вообразить можно. Оно отъемлет у людей ту доброту, то действие, то сильное сложение, которые приличествуют их полу. Расслабление, леность и роскошь производят бесполезных членов обществу и тягостных самих себе. Дети, приучившиеся к пышности,

нежности, видя себя беспрестанно услуживаемых, могут быть в продолжение жизни весьма несчастливы, когда увидят себя лишенными тех пособий и покоя, которые привычка поставила им необходимостью. Что принадлежит до женщин, они должны иметь воспитание больше мужественное: оно, придая им силы, сделает их способными рождать детей с большею крепостию, оно отвратит их от множества слабостей, болезней, каким они обыкновенно бывают порабощены. Но от самой нежной юности воспитание, кажется, поставило себе предметом, чтоб ослабить у детей тело, разум и сердце помрачить ложными понятиями, гибельными страстями, а наипаче тщеславием, которому более всего стараются споспешествовать; впоследствии, вместо того, чтобы истреблять вредные впечатления, полученные от кормилиц, смотрительниц и иногда от слуг, которым бывают дети преданы, их обыкновенно утверждают еще и учиняют оные непременными. И каким образом родители или наставники, бывши исполненные сами заблуждениями, предрассудками, страстями, могут подумать об исправлении недостатков первоначального воспитания? Каким образом отцы и матери, напыщенные своею породой, подстрекаемые гордостию и привязанные к богатству, объятые развлекающею их роскошью, нарядами, модами, могут истребить в детях ложные понятия о сих вещах, от самых нежных лет ими внушенные? Воспитание обыкновенно ныне есть не что иное, как вдохновение страстей и тех привычек, какими люди сами бывают возмущаемы; надлежит самому иметь доказательное воспитание, дабы быть в состоянии сопровождать детей по пути, ведущему к добродетели.

Пример родителей, так как мы уже сказали, делает детей или добродетельными, или порочными. Сей пример есть для них непрерывная неправильная наука, которая сильнее действует над ними, нежели часто повторяемые уроки. Отец пред очами детей своих есть существо самое превосходнейшее, самое могущественнейшее, то, которому они более всего стараются учиниться подобными.

Что может тут произойти, когда родители непостоянны и без нравов? Дитя мгновенно получает желание подражать тем людям, которые им управляют, поелику они почитают их сведущими о средствах, доставляющих им удовольствие, ибо подражать значит не что иное, как испытывать средства, которые употребляя другие получают свое удовольствие или счастие. Тщетно развращенные отцы твердят детям своим: «Делайте то только, что вам говорят, и не делайте ничего того, что вы видите нас делающих». Воспитывающийся сокровенно возразит ему: «Хотя ты волен в действиях своих, однако ты поступил бы иначе, если бы случилось для тебя какое-нибудь удовольствие, которое ты скрыть от меня должен, но я, невзирая на твои наставления, тебе последую».

К частному воспитанию и к всегдашним почти гибельным домашним примерам присоединяются еще обыкновенно вредоносные общие предрассудки, ибо молодой человек, вышедши из рук своих родителей и наставников, поражается первее всего развратными примерами, не слышит, как только учения ложные, находит, что все

окружающее его состоит в вечном противоречии с теми правилами, в которых бы его наставить было можно; из сего он составляет заключение поступать, как и прочие; здравые понятия, которые, если случайно и запечатлелись в его воображении, тотчас истребятся; он предается стремлению и отрекается от правил, служащих как будто к тому только, чтобы почитать их ему смешными и странными, затворяющими только путь, ведущий его к благосостоянию.

Без сомнения, много есть таких родителей, которые чувствуют важность доброго воспитания, знают преподавать оное сами, но столько есть таковых, кои весьма малое имеют понятие, в чем состоит воспитание, и еще и того менее таковых, кои бы имели способности преподавать его сами и надзирать над оным со вниманием. Иногда отец, занятый своими делами, другой, преданный своим удовольствиям, забывают, что у них есть дети. Там мать, в рассеяние погруженная, помышляет только о нарядах, о забавах своих, о любовных хитростях и должностию почитает весьма низкою детями заниматься. Таким-то почти образом дети разных состояний людей обыкновенно преданы бывают в руки домашнего смотрения, ничему полезному их не научающего; в сем-то обхождении дети провождают время, тут научаются они представлять лицо тщеславия и, не быв ни от кого упрекаемы, научаются господствовать над своими слугами. Ничего столь успешно не перенимают, как познание о тех преимуществах, которые порода и богатство предоставили им к обладанию; самые первые уроки, ими получаемые, суть уроки высокомерия и пороков, ничем уже впоследствии неизгладимых.

Выходя из-под начала слуг и надзирательниц, дитя предается в руки наставника, почасту нимало не имеющего тех качеств, которые бы споспешествовать могли к образованию разума и сердца его воспитанника, но когда счастливый случай представит и таковото, имеющего хотя бы и самые редкие качества, однако тщетно будет сообщать оные ученику, непослушному и издавна развращенному. Кротость несовместна при воспитаннике высокомерном; строгость опять его возмущает и приводит в негодование его родителей, хотящих, чтобы кровь их уважена была даже и в глупостях, чинимых их детьми. Таким-то образом наставник... оставляет своего ученика неприязненной судьбе его, не занимается нимало успехами его знания.

Большею частию родители и вовсе не стараются обрести просвещенных наставников, ибо достоинства других для них чужды или бывают предметом их презрения. Благородный ничем более не занимается, как своею породою, богатый уважает только единое свое богатство; и оба они то только и представляют себе, что как может бедный ученый удостоиться внимания таких людей, каковы они суть. Тот, коего назначили они попечителем к детям своим, не иначе видится им как наемник, как слуга, единое от них уничижение заслуживающий. Отец просвещенный только может во всей силе чувствовать важность препоручения залога, смотрению другого поверяемого, таковой видит в наставнике сыну своему почтенного друга, принимающего бремя воспитания... Несмысленный же, презирающий

рачение о сыне своем не понимает, что от него зависеть может как счастие, так и честь всего его семейства. Ты препоручил сына твоему рабу для воспитания, говорил древний мудрец отцу богатому и скупому: хорошо делаешь! Ибо вместо одного ты будешь иметь двух рабов.

Итак, когда мужское воспитание почти повсеместно пренебрежено, то воспитание женщин, долженствующих быть супругами, матерями, кажется, совершенно забыто. Музыка, танцевание, шитье — вот обыкновенно почти вся наука, преподаваемая младым девицам, долженствующим некогда управлять семействами. Вот те совершенства, те качества, которые требуются от того пола, от которого зависит благополучие наше! Мать думает, что она много делает, когда мучит дочь свою безделицами, долженствующими быть для самой нее предметом пренебрежения и дочери внушить такое ж понятие. Но сии мелочи представляются столь важными для большей части матерей, что учиняются повседневно неисчерпаемым источником негодований, гнева, а для дочерей — источником слез и отчаяния. Вместо того чтобы обратить сердца их к добродетели, вместо того чтобы заставить их познать должности, которые им некогда исполнять должно, вместо того чтобы украсить разум познаниями, удобными освободить их от скуки, в продолжение их жизни более, нежели мужчин, обременяющей, воспитание их, кажется, печется о том только, чтобы дать им совершенное понятие о нарядах, тщеславии, о модах, о собраниях, балах и театрах, не думая вовсе о внутренних украшениях разума. Преподают уроки волокитства, приучают их к владычеству, которое они в совершенные лета обыкновенно распространяют, наставляют правилам как можно возбуждать страсти, вместо того чтоб они совершенное от них имели отвращение.

Не должно удивляться, если видишь женщин, возращенных иногда в таковых правилах, что не имеют они нужных качеств, споспешествующих общему и частному благополучию и не знающих и самим себе доставить постоянное счастие.

Не надобно удивляться, видя их впадающих тогда в сети, волокитством поставляемые, находя их бессильными, дабы посредством душевных качеств остановить своих обожателей, которых красота их на несколько минут обольстила. Девица, которой воспитание ничего лучше не представило, как искусство прельщения, не замедлит показать его на опыте, когда почувствует, что она свободна; вот следствие хитростей и беспорядков между супругами, вот следствие женского развра́щения, излишество коего влечет обыкновенно к разорительным забавам и к удовольствиям преступным; от сего-то рождается та пустота разума, что если красота их уже увяла, то учиняет их бесполезными, несносными в обществе, беспокойными и заставляет их или в пронырствах, или в мрачном набожничестве искать своего утешения от скуки, их пожирающей.

Сие очевидно, что жалостное воспитание, женщинам преподаваемое, производит их слабости, неосторожности, легкомыслие и беспорядки в обществе, которые, учиняя их несносными себе и досад-

ными, оканчиваются наказаниями, собственными их слабостями навлекаемыми. Родители, быв без всякого расположения, не думают порядочно научать сии чувствительные существа, не стараются вооружить их против опасностей их собственного сердца, не помышляют вдохнуть в них твердость и добродетель, можно сказать, что они опасаются, чтобы возвышение разума и сердца не отняло чего от приятностей тела. Они не видят сего, что просвещенный разум придает красоте более величества и что добродетель учиняет сию красоту более любезною и занимает место ее, когда она существовать уже не будет. Как скоро увядающие цветы, женщины сотворены нравиться только на некоторое время. Следовательно, не должно ли стараться учинить сие почитание вечным, которое им в рассуждении красоты их оказывают? Сколько красота имеет прелестей, когда она сопровождается стыдливостию, дарованиями, благоразумием, добродетелями! Женщина благообразная и добродетельная есть зрелище самое восхитительнейшее, какое только природа представить может взорам нашим.

Пол прелестнейший, пол, созданный для распространения сладости и удовольствия в жизни, да не отвратится просвещать разум свой, ибо нужные познания не повредят их приятностей. Да потщатся более всего приготовить сердце свое, природою ко всем гражданским добродетелям расположенное. Да будет сие единственное средство, которым они навсегда будут нравиться; сим получат они лестнейшее владычество, нежели то, которое, рождаясь от их прелестей, мгновенно исчезает; сим остановят они свои чувствования и возбудят их, когда закон того востребует, обратят к себе почитание самое чистосердечное, самое твердое, самое желаемое, а не то, которое рассыпают обманщики, ищущие только воспользоваться слабостию их и легковерием; они будут почтены, отличены во всю свою жизнь, в престарелости и в уединении найдут в своих усовершенствованиях утешение, они насладятся общим уважением, искренностью, предпочитаемою шумным увеселениям и сим ничего не значащим забавам, ничего более не производящим, как мгновенное удовольствие и скуку беспрерывную.

Всяк, достойно о сем предмете рассуждающий, признается, что примеры, предъявленные римскими и лакедемонскими женами, могут убедить нас к признанию, что женщины, направляемые воспитанием более мужественным, удобосклонны к восприятию величия душевного, патриотизма, восторгов славы, твердости, бодрости,— одним словом, великодушных страстей, заставляющих стыдиться сих преданных неге и роскошью изможденных мужчин.

Не можно никоим образом сомневаться, что поведение женщин имеет влияние самое чувствительнейшее на нравы мужчин. Следовательно, все заставляет нас признать, что доброе воспитание, данное самой любезнейшей половине человеческого рода, произведет удивительную перемену в другой. И каким образом сего и прочих гражданских добродетелей достигнуть можно, как не воспитанием учрежденным? Итак, когда видим, что в недрах самых лучших семейств

совершенное воспитание бывает редко, требуя многих вспомогательных оному от природы, от знания и обстоятельств действий; когда человек, одаренный всеми добродетелями, редкими качествами, характера приятного и кроткого, неутомимой твердости, глубокого знания о человеке и о раскрытии его разума, единственно занимающийся направлением своего воспитанника, не дающий почувствовать ему, что он им руководствует; когда, говорю, сей человек, невзирая на столько способствующих ему средств, имеет еще нужду, чтобы воспитанник его был счастливого от природы расположения, чтобы родители и окружающие его имели нравственный характер; когда один злой или глупый служитель при мгновенном приближении может опровергнуть попечения многих лет; когда во все продолжение времени он, так сказать, не должен делать ничего, что бы не было или приготовлено, или к пользе употреблено в действо к усовершенствованию воспитывающегося; когда деяния, а не слова; когда пример больше, нежели наставления, опыт вместо правила должен быть образованием человека; когда должность и поведение наставника так должны быть сокрыты от взора воспитывающегося, чтобы он не приметил, что его обучают, но что наставник при нем как сотоварищ, как поверенный, как друг; когда дитя любопытством вестися должно к познанию, свободою к трудам, забавами к упражнению; когда даже в многочисленном обществе так мало находится людей, кои могли бы в настоящем их состоянии дать приличное детям воспитание, и когда, словом сказать, делают оное претрудным... рассеянность и склонность к забавам, отвлечения, от тщеславия и гордости происходящие, должности гражданские, предрассудки и заблуждения, почти повсеместно распространившиеся и существенно воспитанию противоборствующие, чрезмерная любовь родителей к детям своим, неуместная бережливость в рассуждении здоровья, мелочное угождение предлагать им всякие услуги, даже и в то время, когда они вовсе нужды не имеют, излишние попечения, производящие в детях некоторое малодушие, некую душевную слабость, удобные истребить всякой род бодрости, чувствия собственных сил своих, неважные отличности, малые и ничего не значащие выгоды, вовлекающие воспитанника в самые трудные обязанности, которые чтобы хорошо исполнять, потребно пространное знание, просвещение и совершенство характера, наконец, развращение нравов, против коих законы беспрестанно бывают в борьбе,— все сии препятствия, недостатки не явно ли возвещают, сколь мало можно получить выгод от воспитания домашнего и скольких еще останется неудобств от него опасаться. Вот как частное воспитание способствует мало к произведению отменитых членов общества!

И наконец, обращаясь на все состояния, увидишь, как в простом народе разные причины противоборствуют должному направлению нравов. Бедность и невежество, смерть родителей, нерадение отцов, нужда исправлять свои работы, множество разных других упражнений сих разрядов граждан, трудами только своими имеющих пропитание и которые, лишены быв, так сказать, рассуждения, не имеют ни ма-

лейшего понятия ни о добродетели, ни об отечестве, ни о нравах, иногда развращенные примерами господ своих, нередко измученные изнурениями, они становятся злыми и вовсе не способными вдохнуть детям своим чувствования честные.

Если сии рассуждения довольно доказательны о слабости частных воспитаний, то сколько сказать можно в пользу воспитания общественного и сколь оно действительно предпочтительнее первого, невзирая на неизбежные несовершенства, и его сопровождающие!

О ВОСПИТАНИИ ОБЩЕСТВЕННОМ

«Законы воспитания,— говорит Монтескье[89],— суть первые приемлемые впечатления; и поелику они приуготовляют нас к гражданской жизни, то каждое семейство должно быть управляемо по правилам великого семейства, все в себе заключающего». Следовательно, необходимо нужно, чтобы во всяком государстве воспитание юношества было соглашено и совмещено с природою, с предначертанием и с правилами правительства.

Всякий род правительства имеет свое свойство, свой предмет и свое особенное основание. Его свойство состоит в постановленном законоположении, имеющем целью известный предмет; его предмет есть та точка, в которой оно существенно привлекается; и его основание есть действующая пружина, предмет сей исполняющая. Из сего общего понятия о правительстве ясно означается, что его основание есть часть самая существенная, которую, так сказать, можно назвать его душою, и есть самое начало, приводящее машину в движение, дающее ей жизнь и силу. Из чего непосредственно заключить и постановить за непременное правило должно, что сие начало, которое учреждает, одушевляет и укрепляет государственное дело, есть причина самая важнейшая, причина, коею учредители воспитания должны более всего заниматься, которая должна сильнейшим образом впечатлеться в разуме каждого члена общества...

Читая историю, дух природного любопытства заставляет нас с нетерпеливостию, стремительностию обратиться на всеобщие происшествия, от которых душа наша погружается в удовольствие и в отвращение, в радость и отчаяние, взирая, как изменения великих государств или свойств и участи начальствующих действователей на позорище мира сего в нас могут сделать впечатление. Когда рассматриваем, каким образом великие государства восходили до самой высочайшей точки величества своего, как исчезали под собственными своими развалинами, как благоденствовали внутренними учреждениями, как вспомоществовали соседям, их окружающим, как были жертвою междуусобных враждований, повергающих их в бездну злополучий, или, наконец, как стремились они к отъятию прав человечества, следуя вдохновению правительства, под которым они находились,— словом когда снесем все сии обстоятельства, когда разберем действия и их причины, когда сообразим все пути добродетели и порока, познаем постепенное их на каждого особое влияние и всех

вообще на все государственное тело, тогда уравнение сие откроет нам, что все предприятия, деяния и происшествия в истории, зрению нашему представляющиеся, все многоразличные обычаи, постановления, как гражданские, так и духовные, разные системы государственные и касающиеся нравов, самое состояние государств, их начало, их узаконения, их величество, колеблемость и самое разрушение должно приписать естеству и силе воспитания...

Воспитание общественное есть единое только средство к восстановлению всего того, что относится к истинному просвещению, к восстановлению в совершенстве всех выгод, всех добродетелей, каковые общество иметь должно. Там люди познают, в чем состоит сие общество и какие суть его обязательства... Тут истребится причина общественного расслабления, от несогласия и разделения проистекающая. Привычка от самого детства жить вместе в таких летах, в которых побудительные причины к разделению редки, скоры и удобопреходящи, укрепит общее соединение, приобучит граждан взирать друг на друга как на части одного тела, как на детей одного отца, как на членов одного семейства. Неравенство состояний и имений, поставленных на одной черте, истребит несчастные свои действия, произведет связь, непосредственно всех наравне поставляющую, и глас могущественный, глас природы, возвещающий и напоминающий человеку беспрестанно об оной, обретет граждан, всегда к тому расположенных. Дети не будут оставлены сему скучному уединению, учиняющему душу их пусту и характер дикообразным; общество их собратий даст заблаговременно сию нужную силу, в течение жизни их столь необходимую. Приучась чувствовать нужду в равных себе, во взаимных забавах, летам их свойственных, они привыкнут быть внимательными и благодарными; и сия беспрестанная мена их усердных друг к другу услуг возродит в душе их нежную любовь к обществу и чувствованию взаимной между людей зависимости. Они научатся подвергать волю свою воле других, быть кроткими, прилежными, чувствительными, благодетельными, ненавидящими упрямство, презирающими исступление гнева и научатся ограничивать пределы естественного побуждения к свободе. Тут соревнование откроет дарования, ибо награждения воздадутся за отличные достоинства, чего в домашнем воспитании никак произвести не можно.

Но сколько общественное воспитание ни должно быть неисключительно для всякого члена общества, но нельзя, однако, не поверять детей воспитанию частному семействам знатным и вместе добродетельным, людям испытанным и честным, где отец относительно чад должен быть владыка, судия, законодатель, и в сии ограждения законы уже не вступают. Там отец семейства, быв добрым гражданином, окончив подъятые в пользу отечества своего труды, окруженный младыми недорослями, если отдохновение свое полагает в приготовлении на служение государству по себе преемников, с честию и славою заменить его долженствующих; если его правила, наставления, а что более пример действуют живо над сердцами его чад; если он вливает в них свой

дух да отечество его приобретает новых сподвижников, во всем ему подобных; если из сего училища, в котором ничто не убивает духа, не отнимает способностей, не устремляет ко вредным страстям, не теряет времени, посвященного попеременно трудам и учению; из сего училища, говорю, если явятся юноши здравые, благорассудительные, с совестию и верою соглашенные и в продолжение бдительного воспитания предохранены от всех бедствий, с молодостию их сопряженных; когда под надзиранием сих родителей слабые их силы тела укрепятся, душа, облекшись в велелепие, восприимет величество и человек явится на позорище мира сего знаменитым предметом, внимание всех на себя обращающим; когда сим первым основанием приобретается сильное сложение тела, твердость духа; когда утвержденный в правилах добродетели и чуждый всякой неблагопристойности расположится любовию и искренностию к ближнему и составит приятнейшее для сердца своего упражнение; когда возымеет необманчивое представление о достоинствах, о счастии, взирая на оные не по титлам и не по богатству, но по их сущности; когда от юности с презрением посмеется превозносящейся гордыне и, не поколеблясь, пребудет во всю свою жизнь в трудах и подвигах чести неутомим, невзирая ни на какие опасности, предприимчив, смел, готов на все отважиться, куда честь, должность, отечество его призывают; когда, словом сказать, юноша, наученный повиноваться родителям, научится иметь повиновение к начальству и приобретет от союза семейственного, любви братской любовь к союзу гражданскому, любовь к отечеству; когда домашнее согласие родит тишину и согласие общественное; наконец, когда все жертвы, творимые в пользу дома, посвятит общей пользе своих сограждан — тогда, без всякого сомнения, полагаться можно на воспитание частное; но, по многоразличным и сказанным уже обстоятельствам, таковые бывают редки, и потому нужно для соблюдения единообразия наставлений оставлять малейшую часть граждан воспитанию семейственному, или частному.

Таким образом, проходя все виды частного и общественного воспитания, разумея все вообще состояния, обратимся теперь к воспитанию благородного юношества, а особливо предназначаемого к состоянию военному. Но чтобы порядочно войти в нужные части оного, рассмотрим, что такое есть благородство и какие его в рассуждении государя и общества обязанности.

О БЛАГОРОДСТВЕ

Благородством именуется между нами отличность, обыкновенно воздаваемая происшедшим от показавших великие услуги отечеству, и государи в знак благодарности к оным сим отличают их от прочих, то есть изъявляют им противу других более уважения.

В другом случае государь, почитая личное достоинство гражданина или воина, дает право дворянства в том расположении,

что получающий продолжит те отличительные способности и добродетели, учинившиеся причиною его возвышения. Вследствие чего возвещает об нем: «Что такой-то, служа с пользою отечеству своему, отличается от прочих сограждан отменитою степению почести и имеет за то основательные причины требовать от них благодарности. Что если поведение его будет соответствовать сим намерениям, то общество для собственной пользы своей должно оказывать особливое ему уважение».

Но если владеющие обществами законом постановили, чтобы предавалося в наследие титло[90] благородства происходящим от людей, славными делами отличившихся, то сие не иначе, как в том намерении, что благородные, имея преимущественные выгоды, могут получить лучшее от родителей своих воспитание, приобрести правила чести, великодушные чувствования, разум и сердце, тщательно приуготованные. Из сего не явственно ли следует, что благородные, получающие столь малою ценою сие великое преимущество, должны восчувствовать, сколько обязаны они показать преданности отечеству, чтобы заслужить по достоинству толико знаменитое наследие. Что отличность сия не в ином намерении учинилась наследственною, как чтобы тем оживить их в юности еще сущих и заставить последовать примеру своих предков, чтобы соблюдали они те же правила, какие соблюдаемы были их родителями, то есть защищали бы мужественно свое отечество, беспрестанно старались бы приобретать таковые же способности, какими те себя ознаменовали, и поддерживали бы память их мудростию, мужеством и заслугами превосходными, ибо благородство от того, кто обладает оным, требует большей привязанности к своему отечеству, нежели от прочих, потому что, чем более он от него получает, тем более должен оказывать к оному ревности и усердия. И кому ж более в отечестве принимать участия, как не благородному? Ибо преимущества дворянина в недрах оного заключаются, для которого отличности и почести изобретены.

Но большею частию благородные не стараются подражать предкам своим в добродетелях, и чего ж можно ожидать от такового благородства? Единого развращения! Нередко увидишь дворянина, влачащего жизнь свою в деревнях, не оказывающего ни малейшей заслуги государству и ко вреду трудолюбивого гражданина и храброго воина, кичащегося своим преимуществом, ищущего происками своими себе отличия, уважения, почтительных титл за то, что и дела, и происхождение его покрыты неизвестностию. Не вправе ли таковому благородному каждый гражданин говорить: «Когда ты получил от предков своих выгоды и права благородства, но подражать им не стараешься, недостоин его звания и наследовать оное не заслуживаешь, ибо забыл ты благотворное обладателей намерение, что дано тебе преимущество предков твоих во уповании, что ты явишь себя им подобным». Тогда действительно уличить такового можно, что заслуги суть способность личная, в потомков при рождении не переселяющаяся; тогда ему сказать

можно, что «лучше бы тебя в то время почтить правом сим, когда бы ты заслужил его сам, что послужило бы и другому, подобному тебе, поощрением и вернейшим средством к истреблению невежественного твоего хвастовства, гордиться храбрыми делами дедов твоих, которым ты последовать не старался». Почтение и цена человека, говорил Монтень[91], заключается в его сердце и расположении. Вот истинная его честь!

Многие благородные, основываясь на предрассудках и тщеславии, мыслят, что бытие их существенно превосходит прочих сограждан и что вещество, из коего они сотворены, есть другого рода противу прочих... И есть ли что на самом деле страннее сего, как славиться тем, что не есть собственное? Однако те, кои ничего, кроме сего, не имеют, говорят об нем не преставая; но вся слава в гробницах их отцов. К чему служит слепому (то), что отец его имел хорошее зрение? Вести род свой от того, кто с похвалою служил обществу,— значит быть обязану ему последовать.

Истинное благородство, говорил Ювенал[92], есть сама добродетель. И потому благородный без достоинства и дарований, благородный низкий и ползающий, благородный, уничижившийся своими долгами, распутствами,— словом, благородный без добродетели есть совершенное противоречие сему имени. Тот только благороден, кто служит с пользою своему отечеству; благородный тогда только достоин почитания, когда он благородно поступает. Он не заслуживает отличия от толпы народной, когда его добродетели породе его не уподобляются.

Катилина[93], происходивший от древней римской фамилии, имел смелость упрекать Цицерона[94] неизвестностию его происхождения. «Я признаюсь,— отвечал консул,— что имя мое начинается мною, но ты бойся, чтобы твое тобой не окончилось».

Всем таковым благородным сограждане их опять сказать могут: «Если вы действительно происходите от крови сих великодушных воинов, некогда посвящавших себя отечеству, то докажите ваше происхождение деяниями благородных и таким образом заставьте нас о вас мыслить, как мыслили мы о ваших предках... Если вы хотите быть уважены, заслужите сие вашими добродетелями, непременною привязанностию к священным законам чести. Если вы отличенные члены общества, не учиняйтесь сообщниками злых, которые, руками вашими сокруша все, уничтожат, наконец, и ваши преимущества, приведут вас в состояние простолюдинов, которых вы имели бесчеловечие, или, так сказать, глупость, сами пренебрегать».

Истинное правило нравоучения предписывает благородным, определившим себя к оружию, людям знатным и на высшие степени возведенным отличать себя едиными добродетелями и познаниями, приличествующими их званию. Оно запрещает им предаваться поведению низкому или порокам, могущим уподобить их самой презрительной подлости, поелику благородству означать должно величие души, хотение твердое и постоянное блюсти священные права пекущегося об нем и награждающего его государя и отече-

ства. И рассматриваемый каждый из них в особливости должен усовершенствовать разум свой изучениями мудрыми и необходимыми, быть примером чистоты нравов, воздержания, правосудия, общего доброхотства. Словом, учреждения порядка и разделения блага на всех его окружающих. Сие суть непременные благородных правила, без которых ни они, ни общество, плодов себе от них ожидающие, счастливо существовать не могут и как государю, которому служат, так и тем, над коими имеют власть, вредными учинятся. В сем состоит истинное благородство, и таким образом благородное юношество в учрежденных к вящему образованию училищах должно быть приуготовлено! И если по предначертанию сему воспитание их окончено, тогда можно будет ожидать, что молодой человек изъявит все то, с чем честию и славою показаться можно в действии; тогда с прилежностию останется рассмотреть, к каким он общественным должностям — в достоинстве ли гражданина или воина — употреблен быть может...

ЛЕТА ВСТУПЛЕНИЯ В УЧИЛИЩЕ

Воспитать, научить дитя, открыть разум его — значит помогать делать ему испытания, сообщать те, которые приобрели сами, внушать понятия, мнения, самим себе составленные. Испытание превосходное или разум, более очищенный наставниками, есть следствие их примера и удобства отроческих лет, во время которых приемлемые впечатления учиняются неизгладимыми. Любовь к отечеству, уважение к начальству, почтение, отдаваемое ученым, и пр. основаны суть на опыте, извлеченном от сих предметов, внимание наше на себя обращавших.

Человек становится таковым, каков он есть, или действием собственных своих испытаний, или от других оные получая; воспитание его образует. Из глыбы, способной только к чувствованию, из состава, едва оживленного, он при помощи образования становится мало-помалу существом обетованным, истину познающим и, смотря по членосоставлению, каким первоначальная материя его определила, являющим впоследствии более или менее разума. Во время детства человек утверждается в привычках добрых или злых, то есть в действиях полезных или вредных как для самого себя, так и для прочих.

Вначале младенец с великим трудом ходить научается, но по силе упражнений ног своих приобретает навык, удобно ходит, останавливается, когда путь ему преграждают. В самом нежном младенчестве человек произносит крик или невнятные звуки, но понемногу навыкающий язык выговаривает слова и потом научается в скорости их сообщать.

Следственно, в воспитании и в нравоучении понятия наши суть не что иное, как действие навыка. Если наставники сообщают питомцам своим познания истинные и если сии познания соглашены с опытом, то воспитанники получат понятия здравые и в привычках

пристойных утвердятся; когда же познания их ложны, то состав, пиемый детьми из чаши заблуждений, претворит их в злых и безрассудных.

Мнения людей не иное что значат, как соединение истинных или ложных понятий, учинившихся для них обыкновенными по силе повторения оных в их мозге. Если с детства приметится, что понятие о добродетели приложено к понятию безвредных удовольствий, к истинному счастию, к должному уважению и почитанию; если развратные примеры не опровергнули впоследствии сие счастливое соединение понятий, то можно твердо увериться, что дитя, наученное таким образом, соделается честным человеком, почтенным гражданином. Когда же от самой нежной младости человек, заимствуя от воспитателей своих понятия, будет счастие свое полагать в породе, в богатстве, в нарядах, то удивительно ли, что он сделается тщеславным, сребролюбивым, гордым?

Сам разум есть не иное что, как привычка судить о вещах здраво и вскорости разбирать, что соответственно или что противно нашему благосостоянию. То, что называется побуждение нравственное, есть способность с поспешностию и безостановочно судить о всем, взору нашему представляющемся. Сие побуждение, или скорость суждения, происходит от привычки, приобретенной частным употреблением. В физическом нашем состоянии мы устремлены побуждением нашим к предметам, кои в состоянии произвести удовольствие нашим чувствам; в нравоучении, напротив того, мы примечаем скорое чувствование почтения, удивления, любви к деяниям добродетельным и отвращение к бесчестным, которых уклонение от истинного правила мы познаем при первом на них взгляде.

Скорость, с каковою сие побуждение, или нравственное ощущение, производится в действо людьми просвещенными и добродетельными, заставила многих моралистов думать, что способность сия нераздельна от человека и при рождении им с собою приносимая; что в сущности оно не что иное есть, как плод рассуждения, привычки научения показующего, как с выгодою должно употреблять естественные наши расположения, внушающего чувствования, какие мы иметь должны. В нравоучении, как и в художествах, вкус, или способность хорошо судить об изящностях произведений людей, есть искусство, приобретенное наукою, большей части людей, однако, вовсе не известное...

Удовольствия человека тогда не противоречат здравому рассуждению, если спопешествуют к доставлению ему благосостояния твердого, предпочитаемого наслаждениям преходящим. Действия в человеке навсегда суть рассудительны, если способствуют приобретению существенного блага, на вреде других не основанного. Человек, предводительствуемый разумом, не хочет, не желает, не творит иного, кроме истинно полезного; не теряет никогда из виду того, чем он себе и существам, живущим с ним в обществе, обязан. Вся жизнь общежительного существа должна быть сопровождаема беспрестанным как на себя, так и на прочих вниманием.

Сии рассуждения, равно как и прежде предложенные, заставляют нас восчувствовать всю важность доброго воспитания; оно единое может образовать существа разумные, силою навыка добродетельные, удобные соделать собственное свое счастие и споспешествовать благополучию других. Мнения, желания, страсти, пользы, понятия о добре и зле, о чести и бесчестии, о пороке и добродетели мы приобретаем сперва воспитанием, потом утверждаем оные обхождением. Если сии понятия верны, соглашены с опытом и рассудком, мы становимся существами рассудительными, честными, добродетельными; если же они лживы, если ум наш исполнен заблуждений и предрассудков, мы становимся нерассудительны, не способны ни к своему, ни к взаимному с прочими благосостоянию.

Следственно, во время детства истинное воспитание может положить твердое основание и прочность свою; и потому тщетный бы прилагали труд, если б желали утвердить в правилах воспитания таковото, который вступил уже в... совершенные лета.

Дети должны вступать в училище от пяти до семи лет возраста. Но если возразят: для чего так рано начинать учение? Не можно ли преподавать оное лучше в летах более зрелых? То можно вопросить равно: какие ж будут те правила и можно ль дать предполагаемое направление, когда дети долее останутся в домашнем закоренении, усиливающем ложные правила? Не увидим ли их самих собою нечувствительно претворяющихся в своенравных, лживых и опасных? Если скажут, что из детей, принимаемых и в зрелых уже летах, выходит довольное число благонравных, благовоспитанных и наученных, и из того заключат, что принятый метод предпочтительнее всякого нового введения, то сие заключение будет несправедливо, хотя многими и одобряемо. Таковые случайные успехи происходят не оттого, что метод установления хорош, но приписать должно оные качествам и дарованиям воспитывающихся, что оные были бы еще знатнее, если б приняты были правила воспитания более верные и более сходные с природою как в рассуждении учения, так и в принимания детей в означенные лета. Читатель может представить себе опыты, чинимые новейшими естествоиспытателями для познания силы растений. Он увидит, что почки груш, яблонь и пр. покрываются толстыми слоями воску, но растительная сила пробивается сквозь толстую сию обмазку; что почки крепкие, невзирая на препоны, развертываются и расцветают подобно тем, кои бывают оставлены природе, хотя несколько и позже, но почки слабые и худо образованные остаются навсегда под оболочкою. Вот изображение принятых правил и следствие, из оных проистекающее.

Мы видим большую часть детей, имеющих семь лет от рождения, потерявшихся уже в кривизнах заблуждения; видим детей, принимаемых в училище 10, 12, 14 лет и более, кои, не получивши воспитания при начале, не только с великим трудом исправляются, но и вовсе без исправления остаются, ибо пороки их учинилися им привычкою. Многие из них, бывши развращены, возмущают беспрестанно учителей, а примерами своими и, что всего

более, своими вредоносными советами портят безвозвратно большую часть своих сотоварищей. Мы прежде сказали, что человек от природы не имеет никакого решительного расположения ни к добродетели, ни к пороку; но воспитанием и учением открываются в нем начала добродетелей, и они-то направляют его к совершенству, тщательно истребляя начало порока. Когда ж воспитание юноши имело нерадивое и погрешительное смотрение, когда дана была полная свобода его склонностям, принявшим глубокое впечатление и учинившимся как бы природными, тогда невозможно уже преодолевать оные. Сгиб, крепко на материи изобразившийся, никогда не изгладится, и материя прежнего виду своего не получит. И потому на что предаваться опасности, для чего не стараться направить юношество на стезю истины начиная с таких лет, когда можно оную учинить удобною и чистейшею, а особливо если она открываема будет учреждениями постоянными, путеводителем мудрым и просвещенным.

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ О НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАН СЕГО ОТДЕЛЕНИЯ

Какой есть, или, лучше сказать, какой должен быть, предмет нравственной части воспитания сего отделения? Вот что предлежит к разрешению.

Душа человеческая при рождении своем находится в таком же, так сказать, состоянии наготы, как и тело; она не имеет ни понятия, ни желаний; она ко всему беспристрастна, даже к нуждам своим. Способности чувствовать, мыслить, хотеть она имеет, но причины, разверзающие оные способности, находятся вне ее. Сии способности, сии силы не во всех равны, но все они во всяком человеке находятся. В то самое время, как рождается он на свет, они составляют часть его бытия. Дикий человек может одарен быть оными в высшей степени, нежели человек просвещенный; но отсутствие сих внешних причин, необходимо нужное для открытия оных, заставляет их, так сказать, оставаться в бездействии и без движения в одном, тогда как течение причин, соединияющихся для открытия их, в другом возбуждают всю деятельность. Ньютон, может быть, был бы токмо неустрашимый стрелок, если бы родился между ирокойцами[95], и самый лучший стрелок из ирокойцев учинился бы Ньютоном, когда бы находился в тех же обстоятельствах.

Неравенство, существующее между одним человеком и другим, не столько происходит от первоначального неравенства, находящегося между способностями чувстовать, мыслить, хотеть, сколько от разности причин, соединяющихся для открытия оных. Сии причины суть те обстоятельства, в которых находится человек; и из сих обстоятельств те, кои происходят от воспитания, суть главные и, следственно, больше влияния на таковое открытие имеющие. Итак, предмет нравственного воспитания вообще состоит в том, чтобы приуготовить стечение обстоятельств, наиболее удобнейших к открытию

сих способностей, соответственно назначению каждого человека и пользе обществу, коего он член.

Цель сего отделения в том, чтоб быть полезну обществу посредством приобретенных познаний искусства военного. Польза же общества состоит в том, чтобы найти в них в военное время неустрашимых защитников, а в мирное — рачительных граждан в усовершенствовании знания своего и должности, возбуждаемых страстями, удобными привести к добродетели, к уважению законов и к чувствованию отвращения к самомнению или гордости, к которым кажется, как уже сказано было выше, сей разряд людей беспрестанно стремится.

Итак, предмет нравственного воспитания каждого человека сего отделения есть соделать стечение обстоятельств удобнейшим к открытию их способностей относительно к сему назначению и пользе обществу. Определив предмет, постараемся рассмотреть средства.

О НАСТАВЛЕНИЯХ И НРАВСТВЕННЫХ РАЗГОВОРАХ

Правило, столь хорошо сочинителем Эмиля[96] объясненное, но которое было бы несоответственно начертанию общественного воспитания, состоит в соединении наставления с действием и правила с опытом. Воспитание одного человека весьма различествует от воспитания многих. Частный наставник, всегда находящийся при своем воспитаннике, может по своей воле располагать успехами; он может даже пользоваться теми, кои случай представляет,— словом сказать, он может следовать сочинителю Эмиля, поколику снабден просвещением, правилами наставления, постоянством. Но общественный наставник, хотя всеми сими качествами одаренный, может ли, следуя тою же стезею, надеяться получить таковой успех?

В плане, здесь начёртаемом; мы не обременим приставленных к воспитанию таковыми попечениями, поелику весьма трудно и невозможно найти в них толикового просвещения, какое по методу Эмиля воспитателю потребно. Нельзя также требовать сего и от надзирателя нравственного, которому вверено общее смотрение на сею частью; ибо какие знания, добродетели и твердость в сем ни предположить, то все его попечение о воспитанниках своих не позволит ему действительно учинить то, в чем с великим трудом едва ли успеть можно при воспитании одного человека. Итак, мы принуждены отказаться от метода, претворяющегося тотчас неверным и неудобоисполнительным, когда заходим простереть оный от воспитания частного к воспитанию общественному. Мы довольны будем и тем, если достигнем того, что, возможно, и не вмешаемся в план мысленных и невозможных совершенств.

Если невежество отцов и суеверие матерей вселяют в душу детей предрассудки и ложные правила нравственности и веры, если заблуждения и порок распространяются и увеличиваются больше от вредных наставлений, во младенчестве получаемых, нежели от чего-либо другого, то для чего не можем мы основать и распро-

странить силу истины и добродетели наставлениями, совершенно оным противными?

Для чего сим совокупным заблуждениям, сим ложным правилам, которыми обременяют память детей, невозможно противуположить истинных правил правосудия, благотворительности и всех гражданских добродетелей?

Для чего вместо некоторых понятий, повергающих дух в порабощение, не можно употребить таких, кои творят его благородным и возвышенным? Для чего говорить с видом презрения: ты червь земной, не говоря никогда, что человек есть царь природы, поколику почитает законы ее, и что соделается ненавистнейшим чудовищем, коль скоро учинится злым и подлым?

Словом сказать, для чего вместо сих разговоров, сих действий, сих примеров, разверзающих душу к восприятию опасных страстей и преступных чувствований, не можно другими разговорами, другими действиями, другими примерами обратить их к деяниям полезным и великодушным?

Человек родится в невежестве, но не в заблуждении. Когда он в состоянии понять заблуждение, то в состоянии понять и истину. Но как не все заблуждения, так равно и не все истины могут быть детьми понимаемы; следовательно, надобно начинать с самых простейших и дойти по степеням до самых сложнейших; иначе натвердят детям слова вместо понятий. Уста произносить будут истину, когда разум понимать будет заблуждение. Вот неудобство, которого наипаче должно избегать, когда занимаются наставлением детей.

Главный попечитель есть, без сомнения, тот человек, от которого все распоряжения должны зависеть; но как должности его многосложны и пространны в рассуждении всего относящегося к воспитанию, то и не можно его обременить никакими частными занятиями, и часть, которая предлежит нашему рассуждению, должна быть поверена, как мы уже сказали, нравственному надзирателю. Сие будет важнейшею и благороднейшею из его должностей. Достоинство, слава его должности, уважение, с коим она будет соединена, почтение, каковое прочие наставники или воспитатели внушать будут детям к сему начальнику, качества, коими одарен должен быть человек, на коего возложены таковые попечения,— все сии обстоятельства придадут большую силу его наставлениям и утвердят истину во всей силе мнения.

Время учения должно быть всегда поутру, ибо душа, не быв еще погружена в рассеянности дневные, лучшим образом может принимать нужные знания и предаться истине, сведению ее предлежащей. Наставление должно продолжаться не долее получаса, дабы не ослабить силы скукою и не требовать от детей должайшего внимания, нежели каковое прилагать они в силах.

Предмет сей части воспитания не есть учить науке, но должностям. Не должно здесь заниматься определениями, но предписаниями. В сем-то состоит великое искусство нравственного

надзирателя. Он должен скрывать все то, что производит впечатление, собственно, так названной науки. Он должен предполагать себе токмо истину, которая есть или, по крайней мере, долженствует быть только целию оной и единственным следствием. По счастию, правила, управляющие действиями человеческими, столь же ясны, столь же просты, колико заблуждение и педантство знания, стремящиеся помрачить ясность, мрачны, многосложны и бесконечным подлежат сомнениям. Итак, надзиратель нравственности всегда должен иметь пред очами своими возраст и назначение своих воспитанников, прибегать ко всем средствам, могущим возбуждать детское внимание, к коим он обращает речь свою, дабы соделать наставления свои гораздо яснейшими, прочнейшими и скуки не наводящими, употреблять, в пользу сколько возможно происшествия, коих они были причиною или свидетелями,— словом сказать, он должен употреблять все те средства, которые ум, здравое рассуждение, опыт и познание разума человеческого в детях, к коим он обращает речь, внушить могут, и тогда нечего ему будет опасаться, что наставления его будут безуспешны.

Я различаю наставления от нравственных разговоров. Первые должно преподавать один токмо год, другие же долженствуют продолжаться во все время воспитания. Первые чинимы будут сообразно предписанному законодателем порядку, а другие зависеть будут от воли нравственного надзирателя сообразно всегда с означенными законом предметами. Первые повторяемы будут каждый год тем же самым подростком, дабы дети, которые после будут приняты, могли ими пользоваться, другие же не будут подвержены тому ж самому закону, поелику они не должны быть располагаемы по одну и тому же порядку. Итак, рассмотрим, каким образом можно располагать наставления и какие должно назначить предметы для разговора.

Не творите другим того, чего не хотите, дабы вам творили. Вот первое правило нравственности, коего толкование и применение должны служить предметом первого порядка наставлений.

Творите для других добро, елико возможно вам сотворить для них. Вот второе правило, долженствующее быть распространено во втором последствии наставления.

Сии два правила, коих объяснение заключает в себе все понятия о правосудии и благотворительности, или добродетели, долженствуют быть последуемы двумя другими правилами, знаменующими правосудие и добродетель в отношении гражданина.

Храните законы... защищайте отечество от нападений неприятельских... Сие третье правило должно быть предметом третьего последствия наставлений.

Доставляйте отечеству все те выгоды, какие только состоят в возможности вашей; не остановитесь в пределах, законами только предписанных, но устремляйтесь делать для него всякое добро, какое только любовь ваша вдохнуть может; да польза оного учинится вашим верховным, единственным законом. Вот четвертое

правило, которое должно быть объяснено в четвертом последствии наставлений...

Все сии четыре рода наставлений должны заключаться в курсе нравственности, всякий год повторяться долженствуемом. Но дабы истины, которые в оном будут преподаваться, оставались наилучше впечатленными в памяти детей, то можно приказывать тем, кои весь курс кончили, начинать его с следующим годом снова купно с детьми, кои проходить будут оный в первый раз. Сим способом каждый воспитанник слушать будет два раза сряду полный курс нравоучительный наставлений. Во второй год потребуют от них нечто большее, нежели в первый. По окончании каждого дня наставления нравственный надзиратель делать будет то тем, то другим некоторые в рассуждении сего предмета вопросы. Вопросы сии заключать будут в себе сомнения для объяснения, события для рассуждения по предписанным правилам. Сие упражнение, которое продолжаться имеет полчаса, за коим следовать будет преподавание наставлений, принесет в одно и то же время троякую пользу. Первая состоять будет в обращении детей к вящему вниманию, заставляя их беспрестанно оказывать опыты оного. Вторая послужит к приобучению их применять общие правила к частным приключениям и разгонять всякое сомнение, могущее встретиться уму их. Наконец, третья польза послужит детям, в первый раз курс сих наставлений прошедшим, к утверждению вразумения преподаваемых в нем правил и истин пред теми детями, кои проходить будут курс в следующий год. Если нравственный надзиратель, сделавши вопрос, не получит приличного ответа, то он покажет оного погрешность, предложит его же другому и так далее, доколе не дано будет ему надлежащего ответа.

Ежели вопрос не будет еще решен до окончания наставления, то нравственный надзиратель сделает краткое изъяснение правила, от коего должно зависеть разрешение сомнения или предложенного события, и сам решит с большею ясностию. Дети, кои не будут внимательны, должны быть надзирателем наказаны по правилам, о которых говорено будет ниже.

Как скоро дети окончат второй курс нравственных наставлений, то должно начинать с ними нравственные разговоры, за оными следующие.

Оратором будет сам нравственный надзиратель. Все дети общества, окончившие второй курс наставлений, слушать будут, как я сказал, во все время их воспитания. Они будут иметь еще право приходить слушать оные по выходе своем из училища. Для сего упражнения имеет быть назначено полчаса, непосредственно за часом наставлений следующие. Вот предметы, каковые могут быть предписаны в рассуждении сего законом.

Им дадут познать все то, чему их учили; сердцу их внушат истины, прежде уже разуму их доказанные нравственными наставлениями; им дадут уразуметь, что такое есть добродетель и с какими она соединена приятными услаждениями; они узнают, что значит

отечество, какие предоставляет оно им блага, каковую должны они иметь к нему любовь и благодарность*...

Потом представят им истины, противные предрассудкам общего мнения, и приуготовят таким образом средства к исправлению и просвещению оного...

О ПРИМЕРЕ

Человек есть животное подражательное. И в самом деле, из всех родов животных люди по физическому своему расположению и большему совершенству чувствительности наиболее расположены ко взаимному друг другу подражанию. Сие подражание есть род нужды, обнаруживающейся с самого младенчества, которою воспитание должно воспользоваться для выполнения предмета, к коему природа, по-видимому, оное предназначила. Главный попечитель, нравственный надзиратель и наставники суть образцы, которые закон должен противопоставлять детям сего отделения в предлагаемом нами здесь начертании воспитания. Они должны споспешествовать сему предмету беспрестанными примерами правосудия, человеколюбия, кротости, снисхождения, трудолюбия, ревности ко благу, признательности к отечеству, почитания законов. Присутствие детей будет им напоминать о важности их звания и побуждать к оказанию во всякое время в поступках своих той благопристойности и кротости, каковые внушить может сила примера и подражания.

Почему необходимо нужно, чтоб сделано было особенное предписание наставникам, которое должно быть сообщено и объяснено им нравственным надзирателем, прежде нежели вверена им будет важная сия должность, и оное надлежит напомнить, по крайней мере, два раза в месяц согласно с предписанными законом правилами. Мы предполагаем, что нравственный надзиратель совершенно уже сведущ в своих должностях и в тех обязанностях, кои непосредственно от него зависят.

Он должен остерегаться делать когда-либо выговор в присутствии воспитанников наставнику. Если кто-либо из них окажется недостойным или неспособным к отправлению ввереной ему должности, то должен он уведомить о том главного попечителя воспитания и ожидать от него повелений.

Если потребно будет произвести каковую-либо перемену, то она должна быть учинена со всевозможною скоростию, какую токмо

* В сии-то лета нужно положить основание сих спасительных сильных и решительных страстей патриотизма и желания прославить себя великодушными делами. Здесь-то нужно нравственному надзирателю употребить всю свою деятельность в применение великих примеров древности к летам юношей, да восчувствуют младые воины всю силу оных и познают, как многие воинства и многие государства одолжены спасением своим великим умам, силою владычествующей страсти патриотизма обладающим. Мы не иному чему приписать должны все изобретенные редкости художеств, как сильным и решительным страстям... Чрез сильную страсть разумеется предмет столь для нас необходимый, что жизнь наша учиняется нам тягостною и несносною, если мы им не обладаем. Таковые страсти только в состоянии заставить презирать опасности, мучения, самую смерть и устремить нас к предприятиям самым отважнейшим.

обстоятельства допустить могут. Если худое поведение наставника будет известно воспитанникам его, то исключение его должно им быть объявлено; если ж не знают они проступка его, то также не должны знать и наказания за оный; надобно, чтоб они были в том мнении, что наставник добровольно отказался от должности, которую оставить имел он справедливую и лестную причину.

Попечитель воспитания должен тщательно смотреть за поведением наставников, примечать, исполняют ли по предписанию, и наставлять их в случае, когда примечена будет в том нужда.

Главнейший аспект наставлений относительно к наставникам состоит в том, чтобы научить их тому, каким образом должны они ответствовать на вопросы, каковые могут предложены быть от детей о различных предметах, могущих возбудить в них любопытство. Поелику величайшая польза сего начертания общественного воспитания есть та, чтоб избавить детей от влияния заблуждений, дабы истина могла с большею силою впечатлеться в душах их, а как мы не предполагаем, чтобы наставники были готовы совершенно ко всякому сделанному детьми вопросу, чтобы могли дать детям истинные и справедливые понятия обо всем том, что может возбудить в них любопытство, то мы почитаем, что лучше предпочесть молчание, нежели с отважностию делать необдуманные или непристойные летам их ответы.

Во всякое время, когда ученик предложит наставнику вопрос, разум его превосходящий, то сей должен советовать ему, чтоб он вопросил о сем нравственного надзирателя, а самому чистосердечно признаться, что он не в состоянии удовлетворить оному. Сей способ доставит вдруг две величайшие пользы: он предупредит принужденную заразу предрассудков и заблуждений и, дав детям полезный пример к уважению, каковое должно иметь к истине, приобучит их не столько стыдиться невежества, сколько заблуждения.

Но дабы произвести самую величайшую пользу от общественного воспитания, то главный попечитель должен обратить всех при оном училище находящихся, как-то: надзирателей, наставников и домашних служителей, к сему великому предмету равенства в юношестве, из различных состояний составленного. Они будут к тому способствовать примером своим, поведением и разговорами. Они оказывать будут презрение гораздо сильнейшее, нежели наказание, всегда, когда произойдет между воспитанниками какой-либо спор о знатности породы; они споспешествовать будут к тому совершенным равенством и одинаковостью попечений и стараний, предупреждая всякое впечатление, могущее возродиться о преимуществе и отличии, избегая всякого пристрастия,— словом, способствовать будут всеми возможными к тому средствами, дабы утвердить сие желаемое между различными состояниями соединение.

Другой предмет, о коем должно нам упомянуть, есть учтивство и честность поведения. Поелику учтивость есть по необходимости главнейший предмет воспитания детей, назначенных жить в обществе, то не должно упустить оного в начертании воспитания сего

отделения. Оное должно произойти больше от примера, нежели от правил; должно более возложить сие попечение на нравственного надзирателя* и наставников, как ближе к детям находящихся и, следственно, более способных к поправлению их погрешностей и к представлению им примеров, по коим они должны образовывать себя. По сей-то причине одно из главнейших качеств каждого наставника сего отделения будет сия учтивость и сия честность в поведении, которые должен он примером своим сообщать своим воспитанникам, удаляя их равномерно от грубости и притворства. Когда в воспитанниках возродится по примеру сих наставников сия простота, сия приятная откровенность в обхождении, которые предполагают или невинность сего возраста, или последнюю ступень совершенства в науке жить с людьми, то они вступят в общество с большею удобностию и внушат к себе в оном больше уважения и дружества.

Чтение книг, которые должно предложить для воспитанников сего отделения**

Мы предложим чтение романов для обоих детей, достигших таких лет, кои назначены для слушания нравственных разговоров. Но какого должны быть рода сии романы и какое должно употребить время на таковое чтение?

Каждое государство имеет свои чудесности, свои добродете-

* Дабы возродить сию необходимую в благородных людях учтивость, надобно, чтоб главный попечитель и нравственные надзиратели были в таком состоянии, чтоб могли иметь каждое воскресенье обоего пола собрания, на кои дети разных возрастов, бывши приглашаемы, приучались к обхождению, к учтивости, к той людскости (полагая, что воспитанники из училища во все продолжение воспитания к родственникам не отлучаются), каковых они не могут иметь между собою. Хорошо бы сделать для них чрез месяц такие публичные собрания, где бы они могли свободно видеть своих родителей, знакомых и пр., говорить с ними, со всяким танцевать и приучаться таким образом к образу светской жизни; надобно, чтоб смотрители были всегда между ними, внимали бы, что они говорят, что от других слушают, кои по возвращении должны исправлять их погрешности, доводя их всегда до признания, что они действительно во время собрания говорили; из сего произойдет та польза, что дети не будут связаны в мыслях своих, привыкнут к откровенности и не будут подлежать никакому принуждению, зная, что, о чем бы они ни разговаривали, что бы ни делали, воспитатели, не осуждая, их исправят, поставляя их всегда на путь истины. Следовательно, нет нужды делать наряд вопросам и ответам для воспитанников, когда готовят их показать публике.

** Что чтение книг полезно, сие известно всякому и доказывать, распространяет ли оно свет или препятствует к просвещению,— значит предавать себя посмеянию; значит то же, если бы кто стал доказывать о солнце, что оно светит или свету не производит. Немного надобно доводов, чтоб показать истину в своем виде. Оставляя новейших любомудров уверять подобных себе, что просвещение не может быть от книг получаемо, предложим чтение, для просвещения и возвышения души удобное, и в книгах потщимся находить к сему пособие. Но будем и в самой пользе, согласно с г. Руссо, умеренны, ибо, как говорит он, «излишнее употребление книг умерщвляет учение и ни к чему другому не служит, как к произведению дерзновенных невежд». И в самом деле, сколько от учения отнимали книги в тех училищах, где библиотека открыта всякому, где позволено читать все, что в руки попадается, и молодые люди, никем более, как несозрелым, слабым рассудком, будучи руководствуемы и блуждая, так сказать,

ли и злодейства. У всякого народа во всяком веке, во всяком правлении различные состояния общества представляют тому примеры. Рубище беднейшего гражданина и блестящее одеяние знатного прикрывают часто величайшие добродетели и гнуснейшие пороки. Око любомудра проницает сквозь сию завесу, между тем как зрение простолюдина ослепляется токмо блеском и видит одно рубище.

На таковых-то событиях, представленных нам историею всех веков, должны быть основаны романы, о коих мы упоминаем. Великий человек, который есть герой оных, должен быть всегда взят из состояния тех, для коих назначено чтение оных. Искусство писателя должно состоять в представлении с большею славою гражданских и воинских доблестей, добродетелей, к оказанию которых наиболее имеют случай люди сего состояния, в описании самыми худшими красками пороков, коим наиболее они подвержены, в распространении сих начал любви к отечеству и к славе, кои поселены уже разными образами в душе детей, во внушении им сего возвышения характера, который тем явит себя величественнее, если не занят будет богатством и знатностию.

Желательно, чтобы предмет романов был почти истинным событием или вымышленным...

Множество хороших сочинений... соделывает гораздо удобнейшим собрание предлагаемых нами романов касательно до воспитания. Польза, каковую б произвело сие чтение, известна всем тем, кои знают, колико сила нравственных чувствований должна иметь влияние на образование характера и на открытие страстей.

Но кроме романов надлежит каждый год собирать всякие происшествия, могущие произвести то же самое действие, и печатать оные в пользу воспитанников; сим способом они непрестанно пред глазами будут иметь полную историю добродетелей; и хотя летосчисления сего рода бывают иногда весьма кратки, однако они никогда не прервутся, если не станут их ограничивать одним каким городом или народом, но когда будут они обнимать отечество и даже род человеческий, к коему они принадлежат.

Для сего чтения должно определить вечер*. Самое лучшее сред-

в пространстве различного рода писателей, редко останавливаются на прочных и непоколебимых основаниях, ибо хотя бы в собрании книг были и лучшие сочинители, но находятся из них многие друг другу противоречащие, отстранившиеся от правил общих, которые возникающий ум, читая без разбору и без предводителя, развлекается между их понятиями или принимает неправую сторону. Если книги таковаго роду позволить читать, так это в то время, когда воспитанники приготовлены к выходу из училища, когда понятия совершенно раскрыты, и то с руководителем, человеком истинно просвещенным, честным к общему благу и спокойствию устремленным.

* Нужно здесь показать, что при вступлении дети не должны иметь времени для сна более десяти часов; потом, как лета их будут возрастать, надобно, чтоб время сие уменьшалось таким образом, чтоб в последнем году воспитания ограничивалось семью часами. Чтоб успеть в сем постепенном уменьшении, не пременяя часа вставания, который должен быть один и тот же для всех возрастов, надобно определить час, который ложиться надлежит спать при разных переменах.

ство дать детям приятное упражнение, удаляющее от них сон, не подвергая их скуке, которой должно тщательно избегать в каком бы то ни было начертании общественного воспитания, состоит в учреждении сего порядка чтения, всегда предоставляя детям переменять оное по своей воле*. Сие покажет новую пользу сего учреждения. Наконец, ко всем сим пользам присоединится еще другая: внушать детям охоту к чтению и ускорять сим образом успехи наставления.

К романам можно присовокупить трагедии, могущие произвести те же самые действия, каковые и нравственные разговоры. Таким же образом можно употребить жития славных мужей, описанные Плутархом[97], и предпочесть оные всем прочим по тем причинам, кои представил Монтень и которые славный сочинитель Эмиля столь красноречиво объяснил. От сего чтения произойдут две другие выгоды. Если бы начинали оное чтение, когда окончили воспитанники историческое наставление, то б оно было весьма полезно для лучшего сохранения в памяти и оно могло бы пособить общему недостатку всякой истории, какая бы она ни была. Поелику история, быв назначена представлять обширность великих происшествий, описывает нам больше деяний, нежели человеков. Она представляет их в отношении их с обществом и с должностями, от оного налагаемыми, никогда не описывая человека во внутренности его жилища, в недре его семейства, среди друзей. В описании же особенной жизни людей бывает совсем иное. В оной видят человека и героя. Будучи отцом, супругом, другом, судиею и полководцем, он представляется во всех сих видах и отношениях; его видеть можно тут и на театре и вне оного. Вот причина и выгоды сего чтения.

О НАГРАЖДЕНИЯХ

...Итак, рассмотрим, каким образом употребление наград, споспешествуя успехам детей, может приуготовить желание отличиться и произвести не тщеславие, но любовь к славе.

Если хотя мало рассуждать будут о сем важном предмете, то уразумеют, что он должен произойти от двух причин — от качества награждения и назначения.

Всякая отличность есть награда, но не всякая награда есть отличность. В частном воспитании награды не могут ни споспешествовать, ни управлять желанием отличиться, потому что частное воспитание имеет недостаток в уравнительных предметах, и дети, воспитывающиеся у родителей, вовсе почти не имеют средств, могущих возбуждать в них сие желание к отличию. Награды сии должны быть совершенно существенные, ибо награды мнения там токмо существовать могут, где мнение действительно имеет свою силу. Напротив того, в воспитании общественном награды, основаны будучи на едином токмо

* Не должно ни единого из детей принуждать лучше читать такую-то книгу, нежели другую. Каждый наставник должен иметь разные экземпляры сих собраний для удовлетворения различным вкусам воспитанников.

отличии и когда оные благоразумно будут направляемы, легко учиниться могут предметом желаний, поелику любовь к отличностям сильно возбуждается между множеством и близостию тех людей, от которых желаешь отличать себя.

Любовь к отличности определит качество наград в сем начертании; и поелику оные могут быть вещественные или награды мнения, мы употребим только последние да сим приучим детей ничего не желать более, как славы. Мы увенчаем главу, например, лавровым венком, но не дадим ему лучшей против прочих одежды; ибо таковой род отличности может возбудить в них чувство тщеславия; не определим также лучших яств, чтоб не произвести склонность к обжорству; не освободим от обыкновенных с прочими упражнений, ибо таковое исключение представит глазам его праздность и покой приятными.

Итак, сие начертание общественного воспитания не будет в себе заключать иных наград, кроме тех, кои заключаться должны в общественных мнениях. Законодатель возымеет попечение о вымышлении сих отличительных по заслугам наград и об определении относительной оных силы соответственно относительной силе заслуги, за которую они назначены. Венок победы есть венок мира; венок, украшавший чело борца, и венок, каковой отличал главу победоносного начальника, имели равную существенную силу, но неодинаковую, однако, силу во мнении. Род заслуги, за каковую оные были определяемы, придавал им одинаковую важность, и степень отличия, которую они показывали, была единою их ценою. Следовательно, должно указать разные роды заслуг, за кои надлежит давать различные награды. Да удостоят первою за деяния благородные, величие души возвещающие, и рассмотрев потом предметы касательно всех частей, на кои разделиться должна система воспитания, определят для каждой особо награды; и да определят награде и предмету степень, соответственную важность оных; да учредят оную для тех, которые отличили себя в разных упражнениях относительно физической части воспитания, для тех, кои оказали опыты смелости и мужества, для тех, которые избавили товарища от угрожавшей ему опасности, для тех, кои оказали наиболее внимания и остроты в разных родах наставлений, для тех, которые успевают в науке, к коей они прилепились, но с тем условием, чтобы они не лишились права на сию награду какою-нибудь особенною погрешностию. Два раза в год имеет быть раздача сих наград, дабы учащение не уменьшило оных силы и редкость не ослабила ожидания оных; что для верного их распределения нравственный надзиратель учинить должен список тем предметам, которые каждый из учащихся заслужил своею отличностию, и причины, лишающие его награды; наконец, при наступлении времени раздачи производить будет оную следующим порядком.

Да соберут всех детей в одно место. Те, кои кончили курс нравственных наставлений, могут допущены быть к раздаче. Для предупреждения зависти и пагубных оной следствий нет более действительнейшего средства, как заставлять награждать и чтить заслугу тех

самых, которые б могли показать к оной род зависти.

Тот, кто чтит или награждает заслуженного человека, приобщается некоторым образом славы его, и сего мнения довольно для погашения в душе его всякого чувствования зависти.

По проговорении нравственным надзирателем краткой речи о совершенном беспристрастии правосудия и по увещевании, сим юным судиям внушенном о наблюдении должностей оного, он начнет именованием детей, отличившихся в продолжение шести последних месяцев великодушными и благородными деяниями; он описывать им будет заслугу каждого из сих деяний и представит оные под тем видом, каковой почтет он наиспособнейшим, чтобы дать восчувствовать относительную оных силу. Дети подтвердят суд по сему предложению; они сами провозгласят деяние, заслуживающее быть увенчанным, и решат еще относительную заслугу других деяний. Голоса все подавать будут неисключительно, и большинство оных решит суд всякий раз, когда главный попечитель с нравственным надзирателем не будут находить оного несправедливым; в таковом случае они докажут им заблуждение их и исправят их суждение.

От сего первого суждения приступят к другому, касательно до награды, определенной за вторую заслугу, и таким образом поступать будут даже до награды предмета не столь важного. По окончании раздачи награждений объявление оной отсрочат до ближайшего праздника. Заслуживший первый венок идти будет первым среди сего торжественного хода, сопровождаемый всеми отличившимися в одном предмете, но неодинакие дарования имеющими. Каждый из них следовать будет за оным в порядке, каковой определит заслуга дел.

Получивший вторую награду пойдет в сопровождении своих совместников, наиболее отличившихся, и таким образом даже до последнего, получившего последнее награждение. Если один из сих отличившихся каким-либо великодушным делом заслужил еще награду за другой предмет, то он получит сию новую награду, но не оставляя места своего, назначенного ему степенем заслуги великодушного его деяния. Последнее место между отличившимися в сем роде деянии должно быть почтеннее, нежели первое между теми, кои отличилися иначе. Таким-то образом внушат детям неложные понятия о заслуге и различных ее степенях.

Дети, не заслужившие никакого отличия, заключат сие шествие.

...Нравственный надзиратель провозгласит имена победителей и назначенные им награждения; он, восхваляя справедливость младых судей, скажет краткую речь об уважении и славе, истинную заслугу сопровождающих.

Вместо того чтоб делать уничижительные укоризны не заслужившим никакого награждения, он поощрит их, да учинятся они достойными оных. Все, что может ослабить или истребить силу души и повредить нравы юношества, должно быть тщательно избегаемо в сем начертании общественного воспитания.

О НАКАЗАНИЯХ

Для юношества нет нужды делать наказательного уложения, но должно все сие доверить честности и просвещению главного попечителя и надзирателя нравственного; власть их не должна ограничиваться, ибо причины, могущие побудить к употреблению оной во зло, слабы и неважны, качества, требуемые от отправляющих наказание, противны расположениям души... лучшее в сем случае средство состоит в том, чтоб учредить некоторые общие правила, к предмету сему относящиеся, и оставить благоразумию главного попечителя и нравственного надзирателя попечения споспешествовать намерению законодателя, не входя в сии подробности, которые не только что могут привести в замешательство, но даже сделаться бесполезными и опасными.

Большая часть сих правил должна быть более отрицательная, нежели положительная. Должно говорить более о том, чего не должно делать, нежели объяснять с мелочною подробностию все то, что должно делать.

Надобно запретить всякого рода телесные наказания; никто не имеет права таким образом наказывать дитя за что бы то ни было. Законодатель не восхочет, чтобы средства, назначенные к возрождению чувствования личного достоинства, были мешаемы со средствами уничижающими: чтоб те, кои служат к подкреплению тела и духа, были совокуплены со средствами, тому и другому вредящими,— одним словом, чтобы средства, назначенные к образованию граждан, были смешиваемы со средствами, удобными производить токмо рабов. Опыт доказывает, что дети, приобыкшие к побоям, лишаются обыкновенно оной телесной силы и естественной чувствительности, обильного источника толиких общественных способностей; они соделываются подлыми, лицемерными, притворщиками, злыми, мстительными и жестокими; с самого младенчества приобучаются к ощущению внутреннего удовольствия, подвергая других бедствиям, коих жертвою учиняют.

Другое учреждение предупредит злоупотребление позорных наказаний. Как в обществе малолетних детей, так и во всяком другом частое употребление сего рода наказаний и великое число тех, на коих оно возлагается, уменьшают степень и силу оных. Как в сем, так и в других обществах наказания сии, основанные на едином мнении, должны быть употребляемы с осторожностию*; они долженствуют быть токмо назначаемы за преступления или проступки, кои по ка-

* Надобно, чтобы всякое наказание было редко, дабы учащением оных наказания не лишились важности своей. Всякого рода наказания тотчас теряют силу свою, когда они обыкновенны становятся. И в сем случае сила бесславия зависит много от умения и умеренности его употребления. Бесславие есть наказание общего мнения; однако ж частые его впечатления мнения немало его уменьшают. Пример подтвердит сию истину. Отечество находится в самой крайней опасности. Неустрашимый гражданин поспешает к оному на защищение, подвергается всем опасностям — успех вознаграждает его отважность. Он возвращается от славного своего предприя-

честву своему самим мнением обсуждаются к бесславию. Правила, долженствующие предупредить злоупотребление сих наказаний, общи как для сего, так и для других обществ.

Дабы с точностью наблюдать сии правила, должно запретить злоупотребления сего рода наказанием и предписать только умеренное действие оного; надобно представить имеющим право наказывать неудобство приобучать детей взирать с беспристрастием на уменьшение или потерю почтения их сотоварищей; законодатель покажет им, колико сие неудобство может погасить в них чувствование любочестия и собственного своего достоинства, которое с толиким тщанием внушать им стараются; он покажет, каким образом можно располагать различные сего рода наказания для соразмерения степеням преступлений, долженствующих быть наказанными сим родом наказания; он покажет, наконец, каким образом должно оное объявлять и предупреждать великое зло, произойти от того могущее. Если дитя учинит позорное преступление и если оно известно токмо детям, с ним живущим, в смотрении у одного наставника находящимся, то должно иметь почувствовать детям, сколь нужно в сем случае быть им молчаливыми и не открывать прочим преступления их товарища. Наказание его в сем случае будет строго, но оно не будет всем объявлено; оно будет известно токмо детям, в смотрении у одного наставника находящимся. Но если позорное преступление всем известно, то и наказание должно быть всем же известно, и нравственный надзиратель придаст весь вид наказания, каковой требуют качество преступления и необходимость внушить к оному омерзение; но в сем случае виновный, пред всеми обесславленный, не потеряется ли в отношении добродетели? Чувствование учиненной подлости и пренебрежение в общем мнении не истребят ли в нем действия всех причин, которые б могли его исправить и соделать лучшим?

Для предупреждения зла сего, кажется, следующее средство

тия, покрытый ранами. Народ благославляет героя, и общее мнение богам его уподобляет. Опасность сия в тысячу раз возобновляется. Тысяча граждан един за другим стремятся защищать отечество, и всяк из них возвращается увенчанным славою. Спасение отечества принадлежит равно последнему, как и первому из них; отважность у всех равная. Народ чувствует, что добродетель и храбрость с обеих сторон были равны, но геройство последнего гражданина будет ли иметь ту же степень впечатления в общем мнении, как и геройство первого? Какое будет следствие сего мужества, сих действий? Последний не получит той меры мнения, каковую имел первый, и сей лишится всего того, что имел тот в преимуществе пред прочими.

Применим сии правила к бесчестию, и мы увидим, что как весьма умножившееся число героев уменьшает во мнении людей достоинства геройства, так и число бесславившихся людей, весьма увеличившееся, уменьшит поношение; мы увидим, что в наказаниях, как и в наградах, мнения сила уменьшится, по мере как возрастает число людей наказанных или награжденных; мы увидим, наконец, что как для одних, так и для других оба вышепоказанных средства будут недостаточны, если общество не будет приготовлено принимать сильно в обоих случаях впечатлений, если дети или большая часть из них не знают цены мнения или понимают об оном весьма мало. И потому надобно, чтоб о чести и бесславии столько внушено было воспитывающимся, чтоб они честь предпочитали жизни, смерть бесчестию, и тогда можно будет увериться, что как награды, так и наказания мнения будут действительны.

может быть весьма действительно. Нравственный надзиратель по совершении позорного наказания проговорит сильную речь о следствиях преступления и бедствиях, за оным следующих; наконец, обратяся к виновному, он ему скажет: «Права, каковое имел ты на дружбу и почтение своих сотоварищей, ты лишился, однако возвращение оного в твоей еще находится власти. Благородство одного дела может истребить поносность другого; счастливая перемена может исправить зло позорного развращения. Когда ты вновь заслужишь наше почтение и дружество, то драгоценное сие право возвращено будет с таковым же всеобщим восхищением, и я, который по закону есть ваш общий отец,— я буду исполнителем обещания, которое произношу тебе именем моих детей и твоих собратий». Я представляю читателю попечение рассмотреть сугубую пользу, от наказания и прощения проистекающую.

Приступим к другим общим правилам относительно к сему предмету.

Наконец, дабы соделать звание нравственного надзирателя более почтительнейшим и должности его полезнейшими, надлежит ему предоставить еще право употреблять некоторые роды наказаний. Лишение, например, некоторых яств или некоторых увеселений, но таким образом, чтоб лишение сие продолжалось не долее одного дня. Главному попечителю принадлежит право определять строжайшие наказания как в рассуждении качества их, так и продолжения.

Нравственный надзиратель и наставники, когда нужно будет делать выговор или наказывать, сохранят все спокойствие и холодность духа и не предадутся тем движениям, тем стремлениям, кои означают страсть и от оной происходят. А чтобы внушить детям наибольшее уважение к истине и наибольшее омерзение ко лжи, надобно, чтобы оные никогда не оставались без наказания, и нужно также учредить, чтоб имеющие право наказывать уменьшали тяжесть наказания всегда, когда за проступком следовать будет искреннее признание.

Клевета да накажется строжайшим образом, как и всякое действие, обнаруживающее злобу сердца и подлость. Напротив того, оказывать должно всякое снисхождение к погрешностям, происходящим от остроты или живости, как таких достоинств, которые нужно более возбуждать в сих летах, нежели истреблять.

Со всевозможным рачением убегать должно всякого пристрастия и неправосудия. С точностию входящие в расположение разума человеческого ясно увидят в нравственном характере молодого человека опасные следствия, от чувствования неправосудия и обвинения, причиненных нравственным надзирателем, происходящие. В воспитании общественном с большим еще тщанием должно остерегаться сего порока, поелику случаи к соделанию оного бывают чаще и следствия, проистекающие из оных, пагубнее. Если нравственный надзиратель или наставники приметят, что они против желания учинили неправосудие воспитывающемуся, то должны немедленно оное загладить и не оказывать никакого противоборствия в рассуж-

дении признания своей ошибки. Нравственный надзиратель иметь будет попечение о наблюдении беспристрастия и правосудия наставниками и побуждать их поступать по предписанному уставу всякий раз, когда сии вольно или невольно сделают упущение по предназначенным им должностям.

Вот общие правила, по коим должно располагать употребление наказаний, отношение оных очевидно ко всеобщей системе нравственного воспитания...

ОБЩИЕ ПРАВИЛА, НА КОИХ ДОЛЖНО БЫТЬ ОСНОВАНО УЧЕНОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ СЕГО ОТДЕЛЕНИЯ

Множество понятий, мыслей и различных мнений; великое число предрассудков, от невежества происходящих и временем утвердившихся; непрестанное противоборствие между теми самыми, кои их испровергают; невозможность принять в общественное воспитание ту часть полезных мер, предложенных в рассуждении частного воспитания; препятствия, встречающиеся со всех сторон всякому предначертанию преобразования относительно к сему важному предмету,— вот причины, соделывающие предмет сей толь трудным и многосложным.

Нужно искать путеводителя в природе, и надобно соображать понятия свои непременному ее начертанию. Итак, потщимся наблюдать порядок, которому следует она в постепенном разверзании умственных человеческих способностей, и установить по оному постепенный порядок наших наставлений. Рассудим о времени, каковое оно употребляет, и разделим наше по сей мере. Применим наставления наши к слабостям детей; остережемся начать тем, чем должно кончить; не побежим, где должно идти тихо, и не подвергнем опасности опровергнуть здание тогда, когда бы оное нужно воздвигнуть и довершить в короткое время.

Понятие или впечатление, приемлемое в душе по случаю предмета, действующего на чувства, есть первое действие разума; без оного тщетно б предметы действовали на наши чувства и душа не получала б никакого об них познания. Способность понимать есть, следовательно, первая в человеке обнаруживающаяся (способность), она есть первое начало человеческих познаний. Итак, сия будет первая способность, которую мы употребим, чтоб следовать великому предначертанию природы в наставлении наших воспитанников.

Вторая способность*, в человеке оказывающаяся, есть (способность) сохранять, производить и вспоминать посредством приобретенных понятий — сия способность есть память; она обнаруживается с первою, но не разверзается в одно и то же самое время. Желать наиболее оную изострить в самом начале ее появления зна-

* Из сего явствует, что здесь говорится токмо о способностях человеческого разума.

чило б препятствовать ее открытию; надобно, чтоб она достигла своей силы, дабы ею воспользоваться. Сколько злоупотреблений, заблуждений и пороков в наставлении происходит от незнания сего правила!

Воображение есть третья способность, в человеке оказывающаяся; он составляет и соединяет понятия об окружающих его вещах или изображения и представления об оных посредством понятия, приобретенного и памятью сохраненного; он их сближает, смешивает, соединяет и делает из оных состав, коего части произведены памятью, приобретены будучи понятием. Сия третья способность обнаруживается весьма скоро; однако она требует многого времени для открытия, поелику имеет нужду в великом употреблении первой и открытии второй. Без многих понятий идеи, о коих мы говорим и которые оными приобретаются, были б не в столь великом числе и не столь часто возобновляемы, чтобы можно было избрать из них такие, которые могут вместе между собою соединиться; и без открытия способностей памяти разнообразность понятий была бы в рассуждении сего бесполезна, потому что не можно было бы возобновлять идеи, к приобретению которых они способствуют. Вот для чего греки назвали муз дверями памяти. Способность воображения направляема будет в нашем начертании по тому порядку, на коем природа основала открытие оной.

Четвертая способность человеческая есть (способность) рассуждать. Она показывается весьма рано, но последнею открывается. Не должно мешать появлению умственных способностей человеческих с их открытием. Первое бывает скоро, а последнее медленно и постепенно. Открытие способности рассуждать есть последнее, поелику действия оной гораздо труднее и многосложнее. Они состоят не в соединении и составлении понятий о вещественных бытиях, что суть дело воображения, но понятий, уже распространенных отвлечением, понятий о качествах, свойствах, отношениях и пр., о всех тех бытиях, которые ничего не имеют вещественного и которые суть токмо подобия того, что видим и мыслим, и чистые отвлечения, то есть отвлечения существенности. Одним словом, предметы понятий, кои суть следствия действий сей способности, отличные совершенно от существенных бытий, не иное что суть, как понятия метафизические, составленные нами, когда мы отъемлем, так сказать, от сих бытий все то, что в них есть существенного, и отделяем действия наших рассуждений о бытиях от самых бытий, оные возбудивших...

КРАТКИЕ НАЧЕРТАНИЯ УЧЕБНОГО ВОСПИТАНИЯ

Для достижения предполагаемого вообще воспитания довольно определить время четырнадцати лет. Сие время не покажется продолжительным, когда увидят, какое употребление нужно сделать в продолжение оного. Разделение его должно быть учинено ни тщеславием, ни предрассудком, но здравым разумом и непременным природы порядком.

Земля, которую мы должны обработать, плодоносна; она производит всякий год то, что ей свойственно. Жатва будет обильна и богата, если посев учинен будет по предписанному природою порядку. Но плодородие исчезнет, семена не возродятся, земля соделается неплодотворною, если станут противиться природе, если захотят посеять и собрать плоды не в настоящую пору. Итак, употребим все наши пособия, всю нашу деятельность, дабы споспешествовать природе и воспользоваться ее расположениями. Если способность понятия есть, как сказано, первая открывающаяся в человеке, то посмотрим, какое можно и должно с сею способностию делать употребление; воспользуемся оною, сколько возможно; и не упуская ни единого из тех наставлений, которые ей приличны и соответственны воспитанникам училища, о коем мы говорим, остережемся мешать с ними такие, кои предполагают открытия других способностей и которые, будучи полезны и нужны в другое время, были бы теперь излишны и вредны.

Наконец, дабы поступать соответственно сему начертанию, которое есть начертание природы и, к несчастию, совсем противно тому, которое употребляемо, мы пользоваться будем в системе наставления способностию понимать в четыре первых года, следующие за вступлением.

Первый год употреблен будет на чтение и писание и на изучение живого иностранного языка. Сие знание должно быть приобретено чрез правила, по которым можно учить больше в зрелых летах.

Во второй год продолжать будут наставления предыдущего года и присовокупят к тому познание той части арифметики, которая имеет предметом счисление. К сему присоединят рисование.

Учение рисования, если хорошо будет преподаваемо, может весьма удобно способствовать к вразумлению способности понятия, поелику сия сила способности есть приобретать понятия посредством впечатлений, производимых внешними предметами. Нужда подражать предметам, пред глазами находящимся, приобучит детей наблюдать малейшие оттенки, оные различающие, и она неприметным образом сделает навык составлять себе чистые и совершенные о вещах понятия. Рисование удалит детей от праздности и скуки, приохотит по естественной их наклонности к сему упражнению и послужит ко внушению в них сего великого вкуса к изящным художествам и к приуготовлению в них всего истинного и хорошего. Для сей причины нужно украсить комнаты сего училища лучшими эстампами, изящнейшими произведениями живописи и резьбы.

Распространим далее способность понятия и употреблением ее споспешествуем к предохранению детей от обильного источника всяких заблуждений и несовершенства чувств. Поелику чувства, кои суть орудия наших понятий, суть также орудия наших заблуждений; глаза наши, например, обманывают нас как в рассуждении величины, так и вида предметов. Одни и те же предметы, в разных местах поставленные и под разными углами видимые, до бесконечности переменяют наружную величину; отдаление оных дает им другой вид, скрывая настоящий. Большая часть черт их соделывается невидимыми

простому глазу. Зрение наше обманывает нас в движении, потому что оно представляет покоящимися тела, в движении находящиеся, и движущимся — покоящиеся. Оно обманывает нас также в рассуждении расстояния и пр. Большая часть сих заблуждений может открыта быть воспитанниками сего отделения с большею удобностию без рассуждений и правил самыми простыми опытами, схо́днейшими с летами сих детей и с употреблением, каковое делают они с сею способностию понимать.

Таким образом, предохраняя их от заблуждений, делая их способными принимать и понимать истины, сим заблуждениям противные, когда постепенный порядок последующих наставлений будет продолжаться, то мы меньше будем иметь труда, например, уверить их, что не Солнце обращается вокруг Земли, что сия планета несравненно больше той, на которой мы обитаем; что звезды, кажущиеся нам толь малыми и в равном расстоянии от нас находящиеся, суть чрезмерной величины и в чрезвычайной отдаленности и пр.

В третьем году сократят время, назначенное для предыдущих упражнений, и употребят оное к преподаванию детям новых наставлений, которые могут увеличить число их понятий и распространить их разум. Сии новые наставления, которые токмо преподавать будем мы в сем третьем году нашим воспитанникам, касаются до естественной истории. Сие учение должно почитаться яко орудие и главный предмет наставления, и мы воспользуемся светом, бессмертным Бюффоном[98] нам оставленным. Наилучшее средство, по мнению сего автора, состоять будет в начинании рассматривать и повторять часто рассматривание образцов, всех на Земле и во вселенной находящихся творений. Первый осмотр всех сих предметов не должен быть сопровождаем никаким чтением, не предшествующим никаким толкованием. Долгое время надобно смотреть бесполезно, чтоб приуготовиться видеть с некоторою пользою. Надобно обождать, чтобы зрение ознакомилось с сим хаосом и предметами, оный составляющими.

Повторяемые примечания о тех же самых предметах и привычка с ними обходиться нечувствительно возымеют сильные некоторые впечатления, кои, соединясь вскоре в разуме его с твердыми и непременными отношениями, возродят в нем гораздо общие познания, которые доведут его до того, что он сам будет делать некоторые разделения, познавать некоторые различия, общие подобия и соединять многие различные предметы с общими отношениями. Вот время, в которое нужно уже руководство, особливое управление. Итак, чтобы заставить их часто и со вниманием взирать на одни и те же предметы, надобно представлять их им под различными видами и при разных обстоятельствах. Надобно беспрестанно возбуждать в них любопытство. Им должно показывать все то, что человек зрелого ума может сам открывать и познавать — и т. д.

Сии же самые наставления продолжать будут в четвертый год с гораздо отличнейшими и подробнейшими примечаниями. Каждому воспитывающемуся должно дать по экземпляру каталога кабинета, который содержать будет в себе краткое, но точное описание о разных

естественных произведениях. Ежедневно водить будут в часы, назначенные для отдохновения, на близлежащие поля, удобнейшие к исследованию. Определить нужно награды, чрез каждые шесть месяцев раздаваться долженствуемые. Но никогда не надобно, чтоб дети чем-нибудь были принуждаемы к сим исследованиям и ни чем иным не должны быть преклоняемы, как токмо тем, что внушат им соревнование и забава. Сия свобода присовокупить к приятности воспитания и упражнение, соединенное с забавою, предупредит скуку оного и плачевные следствия. Преподавание науки сопряжено будет завсегда с употреблением теории с практикою. Понятия наши сами собою впечатлеются в памяти, не имея нужды преждевременно упражнять сию способность.

В сем четвертом году ученого воспитания будут показывать им химические опыты, которые продолжаться будут до того времени, когда можно будет употребить четвертую способность.

Чтоб упражнять, колико возможно, способность понимать, то в сей год преподавать будут воспитанникам первоначальные основания космологии; их учить должно... коловратному течению годовых времен, разности климатов, течению планет, различным затмениям и пятнам, в Луне находящимся. Навык, каковой воспитанники приобретут от толиких средств, и сведения, каковые подадут им о заблуждениях чувств, соделают гораздо полезнейшим сей способ учения и гораздо надежнейшими оного следствия. Они увидят себя при конце четвертого года снабденными предварительными познаниями, кои надлежит иметь, чтоб с успехом прилепиться к науке, которая, требуя употребления второй способности, то есть памяти, должна токмо входить в сие начертание в пятом году ученого воспитания.

Наставление пятого, шестого и седьмого годов. Способность помнить, довольно уже открытая, представляет нам множество наставлений, требующих самого употребления сей способности, за кою не можно было приняться, не отступая от предначертания природы и не подвергнувшись неизбежной опасности не токмо потерять столь драгоценное время, но еще всегда воспрепятствовать совершенному ее открытию. По сие время сия способность упражняема была непринужденно и сама собою. Теперь дела принимают иной вид; но мы предостережемся мешать сей способности со злоупотреблением, упражняя оную с большею силою; великое множество примеров показывают, что люди, обременяя память, не токмо не приобретали ни силы, ни остроты ее, но паче сим ее ослабляли. Мы ограничим себя в рассуждении приращения и сохранения силы сей способности тремя токмо правилами; 1-е — никогда не употреблять во зло сей способности, заставляя тщетные делать усилия; 2-е — облегчать связь между понятиями так, чтобы одно возбуждало непосредственно другое; 3-е — возобновлять часто следы понятий, которые без сего совершенно могут изгладиться. На сих трех правилах долженствует быть основано употребление, каковое надлежит делать с памятью. Правила сии воспринимут свое начало на пятом году, в который начнут употреблять вторую сию способность.

Установив сии правила, должно-таки приступить к нашим понятиям и взять в рассуждение из предыдущих наставлений такие, кои либо долженствуют быть продолжаемы, либо переменяемы, или иными заменяемы. Все учение естественной истории ограничено будет химическими опытами, кои чинимы будут два раза в неделю. Продолжать познание естественных произведений, посещать хранилища редкостей, где преподаваемые касательно до естественной истории наставления мешаемы будут с наставлениями относительно к естествословию. К сему присовокупить продолжение учения рисовать и учения землеописания, но чувствительно сократя время. А чтобы сообразоваться установленным правилам, чтоб облегчить связь понятий и, следовательно, изострить память, то в одно и то же время и одинаковым образом обучать будут истории и купно географии. Древняя география сопровождать будет древнюю историю, а новейшая география новейшую историю.

Рассмотрим теперь со всевозможною краткостию употребление, каковое должно делать с третьей способностию; посмотрим, как можно бы было употреблять воображение; каким образом можно бы было в воспитанниках училища, о коем мы говорим, обработать и направить сию способность, для коей приуготовили мы толико материалов. Наставления восьмого года есть тринадцатый год жизни, он должен совершенно посвящен быть на употребление третьей способности, которая в большей части людей возраста сего достигла, как кажется, до того нужной степени открытия, что может без всякой опасности быть употребляема. Пространные и многоразличные понятия о природе, ее произведениях, ее плодотворности, чудесах, силе, понятия, приобретенные как чрез преподавание естественной истории, так и чрез химические опыты и космологические наблюдения; познание о всем том, что случилось наиважнейшего на Земле в разные времена, у различных народов и в разных состояниях общества, сведение, приобретенное историею; сведение о героических подвигах, совершенных из любви к отечеству, любви к славе; и сообщенное детям во нравственной части воспитания чрез разговоры и чтение книг, для сего назначенных, понятие о добре, внушаемое как чрез беспрестанные разговоры о природе, чрез рисунки и чрез привычку видеть лучшие произведения сего искусства, так и чрез чтение лучших писателей,— все сие составляет удивительное число материалов, приуготовленных нами для воображения. Но прежде нежели начнем употреблять сию способность, надобно обождать, доколе не приобретет она нужной силы, так чтоб можно было ее употреблять, не истребив оные; надобно дать им понятия; надобно обождать прежде, нежели принудят их оные составлять, чтоб память была в состоянии их сохранять; надобно, одним словом, делать все то, что делали, и ожидать столько времени, сколько ожидали, чтоб воспользоваться сею способностию и направлять ее с пользою. Достигши единожды до сей цели, посмотрим, в чем долженствует состоять сие употребление и сие направление.

Есть эпоха в жизни, в которую разум человеческий, снабденный нарочитым числом понятий, начинает чувствовать нужду в открытии

оных. Эпоха сия есть та самая, в которую способность воображения приняла известную степень деятельности и силы, предполагающую совершенное ею открытие.

Наилучшее употребление, каковое можно сделать с сим периодом жизни, состоит в том, чтоб воспользоваться сею нуждою, сим расположением. Должно в сем случае споспешествовать только природе.

Сие бесконечное число правил, чрез кои связывают, стесняют, а наконец, истребляют воображение молодых людей под видом направления оного, должно быть исключено из нашего начертания не только как бесполезное, но яко и вредное. Природа, каковую представляли мы беспрестанно в самом существе и в прекрасных ее подражаниях, будет служить им вместо всяких правил. Писатели, коих они читали и читать продолжают, дадут им справедливое понятие о выборе слов и возродят в них вкус. Истинное, прекрасное, великое, высокое будут в душе их, а не в памяти.

Весьма полезно, чтоб они приобучались писать или стихами, или прозою все, что они ни воображают или представлять себе ни стараются, то есть составлять и соединять предметы удобосопрягаемые. Полезно, чтоб они подражали и украшали природу в сочинениях. Полезно, чтоб учились они подражать писателям, коих представляют им образцами, вместо того чтоб рабски учить их правилам, по сим образцам составленным, и чтоб они искали сей мужественной силы разума, которая совершенно открывает дорогу и заставляет человека идти кратчайшим путем для достижения предполагаемой цели и, поражая его живо величием и достоинством человеческой природы, заставляет его презирать все сии хитрости, своевольные и ребяческие умыслы ума, хотящего обмануть, воображения, желающего обольстить.

Одним словом, их единая, их величайшая польза состоит в открытии таинств искусства, а не в знании имен, определений и правил.

Вот все, что благоразумный наставник должен делать в летах, о коих мы говорим. Он достигнет сей цели, если знает избирать предметы, от коих воображение воспитанников может с вящею пользою изостриться; если умеет он показывать им места из лучших писателей, которые, соответствуя предложенному предмету, могут служить им образцами; если может он представить им красоту и погрешности произведений; если, сравнивая сии творения с самою природою, он показывает отношения оного к сходству и разности мест, коим подражали, превзошли или обезобразили; если, сравнивая оное с представленными им образцами, он показывает им, в чем состоит различие дарования; если, наконец, он знает поправить заблуждения и несовершенства их трудов и из худого и посредственного составить хорошее и совершенное.

Таким-то образом можно будет направлять третью сию способность. Весь девятый год ученого воспитания будет в рассуждении воспитанников сего училища, о коем мы упоминаем, на сей конец употреблен; прочих шести годов довольно будет для всех наставлений относительно к четвертой способности наставления...

НАСТАВЛЕНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ШЕСТЬ ЛЕТ

Для сей последней эпохи ученого воспитания предоставили мы наставления, служащие к раскрытию способности рассуждать. Следуя нашему начертанию, мы не могли приступить скорее к сим наставлениям; довольно, что мы не потеряли ни одной минуты времени толико драгоценного; что употребили сие время не напрасно; что упражнением первых способностей мы получили всю ту пользу, какой токмо желать можно; что воспитанников наших довели до сей точки, на которой мы их остановили, не причиняя им скуки и отвращения. Умственная способность, оставленная во всей свободе, каковой ее медлительнейшее раскрытие требовало, сделает нам такое вспоможение, которого бы мы никак не могли получить от преждевременного ее упражнения и которого нельзя ожидать, как токмо от сей степени силы и зрелости, до которой мы ей дали достигнуть. Направление, которое мы дадим ее силе, и способ, как ее употреблять, усугубят ее действие как в рассуждении числа, так и в рассуждении основательности наставлений. Свойство сих наставлений, порядок, как они должны быть расположены, и образ их преподавания — сии три предмета будут целию нашего рассмотрения.

Наука, коею мы начнем упражнять сию четвертую способность, есть та наука, которая в то же самое время, как приобучает человека правильно и основательно рассуждать, доставляет ему известное число способов, необходимых или полезных для приобретения других знаний. Сия наука есть геометрия. Мы воспитанникам нашим предложим первоначальную и высшую.

В первые два года, назначенные для сего обучения геометрии, будут преподавать также арифметику и алгебру, потом сию продолжать будут употреблением ее в выкладках геометрических, время, определенное для сего особливого наставления в первый год, во второй будет употреблено для обучения тактике. Учение и практика сей последней науки будут в течение других лет продолжаться до самого окончания воспитания.

Когда воспитанники сего отделения узнают теорию искусства баллистического, то они в некоторые из назначаемых дней будут упражнены в самой практике оного, также и в механике артиллерии.

В воинских подвигах упражнять токмо будут детей, кончивших два года курса нравственных наставлений. Упражнения сии продолжаться также будут до окончания воспитания; они располагаемы будут по правилам настоящей тактики. Некоторые простые и скорые эволюции, тихие, правильные и скорые марши будут главными предметами сих упражнений.

Основания наук физико-математических, сопровождаемых опытною физикою, займут третий и четвертый годы. Наставления в естественной истории, космологические познания, в последнем году первой эпохи преподанные нами посредством опыта, и химические действия, которые мы продолжали во все сие время, уже весьма много приуготовили к учению в сии два года.

Главные умозрения сельского домоводства и познания различных средств в практике, почитающихся поныне наилучшими для ускорения прозябания растений, для умножения плодородия земли, для употребления, смотря по свойству почвы, разных родов произрастаний, получаемых из трех царств природы. Лечение скота, предупреждение болезней, сохранение хлеба — все сии наставления могли бы быть также преподаны при сей эпохе.

Основания права природы и народов будут преподаны в пятый год. Мы оставим также для сего года обучение той прекрасной метафизике языков, которую мы справедливо назовем грамматикою философическою.

Наконец, в шестой год учение отечественным законам, сопровождаемое истинными основаниями всенародного благоустройства и общественного благоденствия, окончит курс сего ученого воспитания. Тут должно дать совершенное познание о действительном состоянии народа и всем том, что разумеется под сим именем, познание истинных его польз и его отношений, что было бы заключением сего наставления.

Комментарии

В настоящий том включены наиболее значительные педагогические сочинения прогрессивных деятелей XVIII в. Произведения каждого деятеля печатаются в основном в жанрово-хронологическом порядке по текстам наиболее авторитетных научных изданий или по прижизненным изданиям. Во многих педагогических сочинениях сохранялась дань существующим традициям — в текстах имели место обязательные общие рассуждения о назначении человека в жизни, о роли науки и т. д. и т. п. Поэтому, чтобы избежать повторов, большинство произведений дается в сокращении. При сокращении составитель стремился сохранить наиболее важный материал без ущерба для содержания и логики изложения. Сокращения текста обозначены тремя точками. Звездочками помечены сноски автора, цифрами — комментарий составителя. В квадратных скобках даны ссылки на литературу.

Тексты педагогических сочинений XVIII в. воспроизводятся по современным нормам орфографии и пунктуации, за исключением тех случаев, когда они передают фонетические особенности и смысловые оттенки, утрата которых нежелательна. В некоторых произведениях имеются формы, отразившие еще не установившуюся грамматическую норму. В этих случаях сохраняется авторское написание. Сохраняются также морфологические и лексические особенности языка эпохи, имевшие стилистическое значение. В ряде случаев в текстах дана транскрипция собственных имен и географических названий, принятая в настоящее время.

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В

[1] Печатается по изданию: *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса... СПб., 1852. Приложение № 1.

Школа математических и навигацких наук была создана в 1701 г. с целью подготовки специалистов для флота, артиллерии, гражданских служб (учителей, инженеров). Это была первая государственная школа в Европе, в которой на базе широкого общего образования строилась профессиональная подготовка. Помещалась она в здании Сухаревой башни, построенной в виде корабля. Это было одно из самых высоких зданий Москвы. На верху башни устанавливались астрономические приборы. Школа состояла из двух ступеней: первая — русская школа, где учили грамоте, письму, счету; вторая — собственно математическая, навигацкая школа, где был представлен широкий круг общеобразовательных предметов и цикл специальных дисциплин для получения воспитанниками профессионального образования. При обучении теория сочеталась с практикой.

В школе кроме приглашенных иностранных преподавателей, профессоров работали талантливые отечественные ученые. Среди них — автор знаменитого учебника «Арифметика сиречь наука числительная» Л. Ф. Магницкий. В школе первоначально училось 200, позднее 500 человек.

В 1715 г. высшие (мореходные, или навигаторские) классы школы были переведены в Петербург; на их основе была образована Морская академия.

[2] *Данилов, Андрей* — преподаватель в Школе математических и навигацких наук.

[3] *Фарварсон, Андрей Данилович* (? —1739) — англичанин, профессор. Преподаватель и первый директор Школы математических и навигацких наук.

[4] *Гвын, Степан* (? —1720), *Грейс, Ричард* (? —1709) — англичане, которые были приглашены Петром I преподавателями в Школу математических и навигацких наук.

[5] *Головин, Федор Алексеевич* (1650—1706) — граф, государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I.

[6] Старинная русская монета достоинством в 3 коп.

[7] *Головин, Гаврила Иванович* — постельничий Петра I (лицо, ведавшее спальней царя).

[8] Печатается по изданию: Полн. собр. законов Российской империи, т. V, № 2389. СПб., 1830, с. 706—707.

Для контактов с другими государствами необходимы были люди, знающие иностранные языки. По указанию Петра I открывались школы для изучения иностранных языков в Москве (1701) и Петербурге (1704). Первоначально «разноязычные» школы открывались по инициативе частных лиц, главным образом иностранного происхождения. Так, например, первая «разноязычная» школа появилась в Москве в Немецкой слободе. Петр I не только положительно относился к частным лицам, которые стремились создавать школы для изучения иностранных языков в России, но и всячески содействовал их деятельности. Так, в Указе от 25 февраля 1705 г. говорилось, что «разноязычные» школы открываются для «всенародной пользы». С 1711 г. в Москве «разноязычной» школой руководил Ф. Поликарпов. Перед ее закрытием (1715) в ней обучалось 238 человек, уже владевших иностранными языками. Школы к этому времени содержались в основном на государственный счет. Об этом и говорится, в частности, в данном Указе.

[9] Печатается по изданию: Полн. собр. законов Российской империи, т. IV, № 2467. СПб., 1830, с. 778—779.

В целях подготовки отечественных специалистов создавались инженерные школы. В 1701 г. была открыта Инженерная и артиллерийская школа в Москве для обучения «пушкарских и иных посторонних чинов людей для словесной письменной грамоте, цифири и иным инженерным наукам», в которой обучалось от 250 до 300 юношей. В 1703 г. открылась Московская инженерная школа; в 1721 г.— Петербургская. Школы готовили специалистов для армии.

[10] Отрасль военно-инженерного искусства, изучающая способ укрепления местности с целью обеспечения ведения боя. В прошлом — строительство крепостей.

[11] Печатается по изданию: Полн. собр. законов Российской империи, т. V, № 2736. СПб., 1830, с. 67.

Этот документ показывает стремление Петра I разнообразными путями готовить специалистов для развивающейся промышленности. Подготовка осуществлялась в государственном масштабе, за счет государственной казны, которая пополнялась деньгами от поборов, налогов с крестьян, мелкого городского люда, нещадно эксплуатируемых царским самодержавием.

[12] Форменная одежда из домотканого некрашеного сукна.

[13] Печатается по изданию: Полн. собр. законов Российской империи, т. V, СПб., 1830, с. 78.

На территории России по указанию Петра I была создана сеть государственных начальных общеобразовательных школ, которые назывались цифирными (арифметическими).

[14] В Российской империи категория государственных крестьян.

[15] Общее название высших православных священнослужителей.

[16] Свидетельство, которое выдавалось церковью жениху и невесте во время венчания.

[17] Печатается по изданию: Журнал Министерства народного просвещения, 1866, № 12. Приложение 1.

В первой половине XVIII в. в России возникают школы, в которых готовили квалифицированных рабочих, мастеров. Открывались они в разных местах: на Урале, на Тульском оружейном заводе, на Севере, где добывалась руда и работали горнорудные заводы. Первая такая школа была открыта в 1716 г. по инициативе В. И. Геннина на Петровском заводе в Карелии. В этой школе училось около 20 подростков из бедных дворянских семей. Учили горному делу, письму, чтению, арифметике.

[18] *Геннин, Виллим Иванович* (1676—1750) — начальник олонецких и уральских горных заводов, управляющий Главной артиллерийской канцелярией. По происхождению голландец, на русской службе с 1698 г.

[19] *Апраксин, Федор Матвеевич* (1661—1728) — граф, сподвижник Петра I, генерал-адмирал, командующий русским флотом.

[20] Младший офицерский чин в русской армии с XVII в.

[21] От лат. tractare — «рассуждение», «сочинение».

[22] Печатается по изданию: Полн. собр. законов Российской империи, т. V, № 3122. СПб., 1830, с. 521—522.

Петр I, создавая регулярную армию, значительное внимание уделял созданию государственных гарнизонных и адмиралтейских школ, в которых учили детей солдат и матросов. Цель организации таких школ — подготовка младшего командного состава для армии, флота, мастеров для строительства судов и других практических дел по обслуживанию армии и флота. В 1744 г. гарнизонные и адмиралтейские школы были объединены.

[23] Печатается по изданию: *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса... СПб., 1852. Приложение № 2.

Морская академия была создана на базе высших классов Московской школы математических и навигацких наук в 1715 г. Первоначальный проект Морской академии был разработан французом бароном Сент-Илером в 1713 г. Проект Сент-Илера был отвергнут Петром I из-за его чрезмерной дороговизны по содержанию воспитанников за счет государственной казны. Официальная инструкция Морской академии была утверждена 1 октября 1715 г.

[24] До XIX в. так назывались в России кремневые ружья.

[25] Колющее оружие с длинным и гибким четырехгранным клинком.

[26] Печатается по изданию: Полн. собр. законов Российской империи, т. VII, № 4443. СПб. 1830, с. 220—224.

Академия наук была открыта после смерти Петра I, в 1725 г., в Петербурге. Устав академии был разработан при жизни Петра; в разработке Устава Петр принимал активное участие. По его мнению, академия должна была не только стать центром российской науки, но и готовить национальные кадры.

[27] Издания.

[28] Здесь: размышлениях.

[29] Здесь: государственном.

[30] Покровитель, защитник.

[31] *Славяно-греко-латинская академия* — первое высшее общеобразовательное учебное заведение в Москве, основанное в 1687 г.

[32] Должностное лицо в дореволюционной России, занимавшееся надзором, наблюдением за кем-то, чем-то.

[33] Печаетсяı по изданию: *Ботвинник М. Б.* Откуда есть пошел букварь. Минск, 1983.

Федор Поликарпов пытался использовать столетиями накопленный опыт создания книг для первоначального обучения грамоте. Он обратился к подобным изданиям Симеона Полоцкого, Кариона Истомина и Лаврентия Зизания. Чтобы отобрать необходимый материал и решить вопрос, в каких случаях помещать его без переделок, а когда следует тщательно обработать, автор-составитель должен был иметь педагогические знания и практический опыт работы. По «Букварю» Федора Поликарпова можно было сразу обучать трем языкам: тексты были изложены на старославянском, греческом и латинском. Открывался «Букварь» оглавлением, чего ранее в таких пособиях не было. Далее следовало предисловие, в котором рассказывалось о правильном обучении чтению и письму. Кроме того, в «Букварь» был включен славяно-греко-латинский словарь имен существительных, сгруппированных по различным темам. В «трехъязычном букваре» впервые помещались слова «о училище и книгах», с пояснением и переводом их на греческий и латинский языки. Вводились новые слова: *академия, школа, учитель, книга, летописец, хроника.*

«Букварь» был прекрасно оформлен, красным цветом были выделены буквицы, слоги, слова, названия частей. Страницы украшены гравированными вставками, две из них изображали сцены из школьной жизни. Вышел из печати в 1701 г.

[34] Печатается по изданию: Русская литература XVIII в.: Хрестоматия / Сост. А. Алферов, А. Грузинский. М., 1918, с. 5—16.

Впервые опубликовано в 1717 г. Полное название: «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов повелением Его Императорского Величества Государя Петра Великого блаженная и вечнодостойная памяти». Книга была написана по указанию Петра I. Состоит из двух частей. В первой части букварь и краткое нравоучение из Священного писания. Букварь интересен тем, что его содержание изложено новым гражданским шрифтом, облегчавшим усвоение грамоты и письма; вместо римских введены арабские цифры. Поэтому букварь пользовался большой популярностью, выдержав несколько изданий. Во второй, основной части изложены правила внешней культуры и поведения дворянина в обществе. «Зерцало» написано в форме 63 рассуждений, правил. Кроме того, изложены правила

поведения девушек из дворянского сословия: «Девичья честь и добродетелей венец», «Девичье целомудрие», «Девичье смирение». Эти правила о поведении девушек проповедуют смирение, покорность будущему мужу, семье.

[35] Дворовые люди помещика.

[36] *Каков игумен — такова и братия* — образное выражение. *Игумен* — настоятель мужского монастыря, *братия* — монахи монастыря.

[37] Блюда делились на ушные (от «уха»), тельные (мясо, рыба) и хлебные (пироги).

[38] Палец руки.

[39] Дворянство.

[40] Обучение.

[41] *Тредиаковский, Василий Кириллович* (1703—1768) — русский поэт, филолог, академик Петербургской Академии наук.

[42] Печатается по изданию: Арифметика Магницкого. М., 1914.

Впервые опубликовано в 1703 г. Полное название: «Арифметика сиречь наука числительная». Лучший учебник того времени; написан в форме вопросов и ответов. Высоко оценен М. В. Ломоносовым. Наряду с вопросами нумерации, изложением техники вычисления с целыми числами и дробями (в том числе и десятичными) и соответствующими задачами в этом учебнике содержатся элементы алгебры, геометрии и тригонометрии, а также ряд практических сведений, относящихся к коммерческим расчетам и задачам навигации.

[43] Гражданская.

[44] Печатается по изданию: *Прокопович Ф.* Соч. М., Л., 1961, с. 335—339.

Впервые издано в 1705 г. В книге «О поэтическом искусстве» автор показывает методику работы с учениками по развитию поэтического творчества; подчеркивает роль учителя, его авторитет при обучении и воспитании.

[45] Малые литературные жанры.

[46] Печатается по изданию: Полн. собр. законов Российской империи, т. IV, № 3718. СПб., 1830, с. 314—346. Впервые издано в 1721 г. Автор «Духовного регламента» Феофан Прокопович — один из близких и верных помощников Петра I в проведении церковной реформы. В «Регламенте» 1721 г. изложены правила о новом отношении церкви к государству. Значительное внимание уделено плану устройства высшей духовной школы — академии. Ее назначение — дать общеобразовательную подготовку воспитанникам «к разным делам», не только к церковным, но и гражданским. Учиться в ней могут и дети духовенства, и дети других сословий — приказных, дворян. В «Регламенте» подробно говорится о подборе учителей, их долге перед учащимися, родителями, изложены вопросы организации «домов училищных», духовной семинарии, обучения и воспитания в них. В «Антологию» включены отрывки из «Духовного регламента», в которых речь идет о школе.

[47] Правила, законы.

[48] Имеется в виду *Мафусаил*, в библейской мифологии дед Ноя, проживший 969 лет. В переносном значении *«Мафусаилов век»* — долголетие.

[49] *Людовик XIV* (1638—1715) — французский король. Его правление — вершина французского абсолютизма. Легенда приписывает Людовику XIV изречение: «Государство — это я».

[50] Имеется в виду *Юстиниан I* (482 или 483—565) — византийский император.

[51] *Пуфендорф, Самуэль* (1632—1694) — немецкий юрист, представитель естественно-правового учения в Германии.

[52] Здесь: лицо, занимающее административную должность.

[53] Печатается по изданию: Памятники древней письменности, т. LXXXIII, прил. 5. СПб., 1891.

Впервые издано в 1891 г. Записки-проекты под названием «Пропозиции», в которых изложены планы преобразования России в области просвещения, написаны Ф. С. Салтыковым в 1712 г. во время пребывания за границей.

«Пропозиции» состоят из 15 глав, каждая глава посвящена определенному вопросу. В «Антологию» включены 2 главы: «О мастеровых людях и всяких промышленниках» и «О школах и мастерах». В них автор подчеркивает мысль о том, что развитие промышленности требует и развития школьного образования, открытия школ. Особенно они необходимы для детей дворян, купцов и «всяких разночинов». Ф. С. Салтыков призывал учредить во всех губерниях по 1—2 академии, по 2 тыс. студентов

в каждой. Он считал, что под учебные заведения следует приспособить монастыри. Образование должно носить светский характер. В «Пропозициях» поставлен вопрос о женском образовании. Изложены требования к учителям, надзирателям (воспитателям).

[54] Точнее, логика — учебный предмет, изучающий логические операции (суждения и т. д.).

[55] Учебный предмет, связанный с изобразительным искусством.

[56] Добавочный.

[57] Печатается по изданию: *Посошков И. Т.* Собр. соч. М., 1951.

Впервые опубликовано в 1842 г. Сторонник петровских реформ, И. Т. Посошков, представляя в 1724 г. Петру I свою «Книгу о скудости и богатстве», просил сохранить его имя в тайне. Однако этого не было сделано, и после смерти Петра I И. Т. Посошков погиб в застенках Петропавловской крепости как лицо, опасное государству. В книге И. Т. Посошков показал необходимость просвещения крестьян, что могло бы оказать, по его мнению, благотворное влияние на уровень развития экономической и социальной жизни России. В главах, опубликованных в «Антологии», изложены мысли об обучении народа грамоте.

[58] Священнослужитель.

[59] Корректор.

[60] Печатается по изданию: *Посошков И. Т.* Собр. соч. М., 1951.

Впервые опубликовано в Петербурге в 1893 г. «Завещание отеческое» написано не позднее 1705 г. В нем И. Т. Посошков, с одной стороны, излагает в духе «Домостроя», как воспитывать детей сегодня («в великой грозе», в духе религиозности и покорности), с другой стороны, в «Завещании» многие страницы посвящены светскому образованию, нравственности, элементам буржуазной идеологии.

[61] Печатается по изданию: *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. М., 1887.

Впервые опубликовано в Петербурге в 1787 г. Трактат написан в форме 119 вопросов и ответов. Заканчивается 120-м вопросом, в котором автор призывает всех, кто желает извлечь из сочинения пользу, внимательно «выслушать разговор». Трактат затрагивает почти все стороны общественной жизни России. Вначале с просветительских позиций В. Н. Татищев излагает свой взгляд на человека, роль науки в его познании, доказывает необходимость образования для детей дворян и простого народа («О пользе образования дворян и народа»). Затем автор говорит о пользе наук для человека с учетом отбора их при получении профессии; здесь же дана характеристика состояния школьного образования в России, указаны недостатки, которые, по мнению В. Н. Татищева, присущи Кадетскому корпусу, деятельности Академии наук, доказывается нецелесообразность посылки дворянских детей для обучения за границу, ибо это не способствует патриотическому воспитанию.

В конце трактата излагается план преобразования учебных заведений России. В трактате В. Н. Татищев хотел отразить те просветительские стремления дворянских кругов, которые осуществлялись при Петре I и должны были бы осуществляться и после его смерти. Особенно большое внимание в сочинении уделено образованию дворян.

«Разговор о пользе наук и училищ» не был опубликован при жизни В. Н. Татищева. Трактат был передан сыну перед смертью вместе с «Завещанием». Написан он был в 1733 г., но В. Н. Татищев дописывал и обрабатывал его и позднее.

[62] Имеется в виду *Макиавелли, Никколо* (1469—1527) — итальянский политический деятель, писатель. Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства. Отсюда термин «макиавеллизм» — для определения политики, пренебрегающей нормами морали.

[63] Пища.

[64] Печатается по изданию: *Татищев В. Н.* Духовная моему сыну.— Журнал Министерства народного просвещения, 1886, № 4.

Написано в начале 1734 г. В этой работе автор основное внимание уделяет нравственному воспитанию дворянина.

[65] Красота.

[66] Печатается по изданию: Исторический архив / Под ред. Б. Д. Грекова, т. 5. М.; Л., 1950, с. 167—178.

Инструкция «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заво-

дах» была составлена В. Н. Татищевым в 1736 г. как методическое руководство для учителей заводских школ и охватывала все стороны образования, отражая педагогические воззрения В. Н. Татищева. Документ дошел до нас в виде черновика с собственноручными поправками, дополнениями автора.

В 1720 г. В. Н. Татищев был назначен управляющим казенными заводами на Урале, в 1721 г. по его инициативе были открыты казенные школы при Кунгурском и Уктусском заводах, а позднее и при ряде других заводов. Первоначально, очевидно, их целью было подготовить русских специалистов для горного дела, геологических изысканий. Но вскоре школы получили более общий характер. Малое число грамотной молодежи заставило заводское управление преподавание в школе построить так,чтобы первоначально обучать грамоте, русскому языку, математике и на этой базе осуществлять профессиональную подготовку. Это вызвало рост количества учащихся в школах и потребовало создания специальных правил постановки преподавания в них. Инструкция обнаружена в одной из книг Главного правления сибирскими и казенными заводами за 1736 г.

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XVIII В.

[1] В дореволюционной России младшая ученая должность в некоторых научных учреждениях, а также лицо, занимающее эту должность.

[2] *Шувалов, Иван Иванович* (1727—1797) — русский государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, генерал-адъютант. Покровительствовал просвещению. Первый куратор Московского университета, президент Академии художеств.

[3] Печатается по изданию: *Ломоносов М. В.* Соч., т. VIII. М.; Л., 1948.

В письме М. В. Ломоносова И. И. Шувалову обосновывается открытие в Москве университета как научного и культурного центра. Проект М. В. Ломоносова предусматривал 3 факультета: юридический, медицинский, философский без богословского; 13 кафедр как научных и учебных единиц; гимназию с двумя отделениями (для детей дворян и других сословий). Управление университетом должно было осуществляться на выборных демократических началах. Состав студентов и профессоров, по мнению М. В. Ломоносова, должен комплектоваться из российских юношей. Университет рассчитан на «публичность», т. е. популярность научных знаний.

[4] Против первых двух пунктов справа рукою Шувалова поставлена скобка и приписано: «I».

[5] Против пунктов III и IV справа рукою Шувалова поставлена скобка и приписано: «I».

[6] Рукою Шувалова приписано: «и геральдику».

[7] Против пунктов V и VI справа рукою Шувалова поставлена скобка.

[8] Печатается по изданию: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. IX. М., 1955. Впервые опубликовано в 1955 г. «Проект Регламента московских гимназий» составлен М. В. Ломоносовым между 12 января и 26 апреля 1755 г. В Регламенте изложены правила школьной жизни гимназистов, организация обучения и воспитания, управление и руководство этим учебным заведением, предусматривается обучение детей не только дворян, но и разночинцев. М. В. Ломоносов был вынужден включить пункт о раздельном обучении детей дворян и разночинцев, поскольку ранее был утвержден проект И. И. Шувалова об учреждении Московского университета, где предусматривалось раздельное обучение.

М. В. Ломоносов написал вариант «Регламента» для академической гимназии и представил его на рассмотрение в марте — мае 1758 г., т. е. три года спустя после создания «Регламента» для московских гимназий. При сличении текстов обнаружены небольшие изменения. Так, в первом проекте отсутствует рекомендация, по каким книгам учиться, в академическом «Регламенте» введена глава о правилах поведения гимназистов. Автор, очевидно, учитывал опыт трехлетней работы московских гимназий.

[9] Каникулы.

[10] Имеются в виду картины, которые пишутся на холсте, пропитанном маслом.

[11] Печатается по изданию: *Ломоносов М. В.* Риторика. СПб., 1748.

Впервые опубликовано в 1748 г. Пособие предназначалось для студентов академической гимназии. Состоит из трех частей и предисловия. В предисловии автор объясняет, что такое красноречие, как овладеть этим искусством, он считает, что

риторика, оратория, поэзия доступны всем тем, кто будет постоянно упражняться. Темы частей книги: «О изображении», «О украшении», «О расположении».

[12] Имеется в виду *Аполлоний Пергский* (ок. 260-ок. 170 до н. э.) — древнегреческий математик и астроном, представитель александрийской школы, ученик Евклида.

[13] *Цицерон, Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — политический деятель, оратор, писатель Древнего Рима.

[14] Печатается по изданию: *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб., 1855.

Написана «Грамматика» в 1754—1755 гг. Впервые отдельной книгой издана в 1757 г. с обозначением на титульном листе: «Печатана в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук». Рукопись книги не сохранилась.

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова была первой грамматикой, написанной на русском языке. Научная достоверность, простота изложения сделали ее лучшим учебником на десятилетия. К «Грамматике» М. В. Ломоносова можно применить его же слова: «Хотя природное знание языка много может, однако грамматика показывает путь доброй натуре» (§ 131 «Грамматики»). «Грамматика» была издана на немецком языке, а для подношения именитым людям (знатным особам) было осуществлено парадное издание, с золотым обрезом, в количестве 20 экз.

Книга содержит оглавление, 6 наставлений. Каждое наставление имеет 5 глав. Наставления называются: «О человеческом слове вообще», «О чтении и правописании российском», «О имени», «О глаголе», «О служебных частях слова», «О сочинении частей слова».

[15] *Карл V* (1500—1558) — император так называемой Священной Римской империи.

[16] *Гольберг (Хольберг), Людвиг* (1684—1754) — крупнейший деятель скандинавского Просвещения. Датский писатель, драматург, философ.

[16а] Нумерация параграфов приводится в соответствии с оригиналом.

[17] Печатается по изданию: Собрание речей, говоренных в императорском Московском университете. М., 1788.

В речи, произнесенной при открытии Московского университета 26 апреля 1755 г. А. А. Барсов сформировал цель учения.

[18] Печатается по изданию: От азбуки Ивана Федорова до современного букваря. М., 1974, с. 50.

В «Азбуке» А. А. Барсовым сделана попытка облегчить усвоение русской грамоты за счет упрощения орфографии (замена буквы «и» буквой «і», уничтожение «ъ» на конце слов и замена его апострофом в середине слова и др.). Интересно и содержание «Азбуки». В ней помещены общеобразовательные сведения о временах года, количестве месяцев и дней в году, странах света и т. д. Нравоучительные наставления были подобраны так, чтобы воспитывать у детей трудолюбие, скромность, стремление учиться. «Азбука» А. А. Барсова знаменовала отход от традиционных принципов построения букваря и методов обучения.

[19] Печатается по изданию: Российская грамматика /Под ред. Б. А. Успенского. М., 1981.

Российская грамматика А. А. Барсова — одно из выдающихся явлений в педагогической мысли второй половины XVIII в. В ней автор создал курс русского языка и наиболее полно описал его. Поводом к написанию Российской грамматики явилось обращение членов Комиссии по реформе школьного образования в 80-е гг. XVIII в. к А. А. Барсову создать учебное пособие для народных училищ. Пособие было написано, но света не увидело. Очевидно, оно не было одобрено Комиссией, так как А. А. Барсов создал научную, а не учебную грамматику.

Рукопись не сохранилась. Остались лишь тетради автора. По ним советские ученые воссоздали курс и опубликовали этот ценный труд.

[20] Печатается по изданию: *Аничков Д. С.* Слово о... понятиях человеческих.— Сборник императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1779.

В речи, которую произнес Д. С. Аничков на торжественном собрании Московского университета 30 июня 1779 г., развита мысль, что в познании жизни, мира большую роль играют чувства и понятия, которые являются сутью любой вещи или явления. Подчеркнуто, что нередко имеется «излишнее упование на чувства свои», недооценивается роль разума, без чего понятия сформировать нельзя. Мысли Д. С. Аничкова перекликаются с идеями французских просветителей XVIII в.

[21] Имеется в виду *Бэкон, Фрэнсис* (барон Веруламский) (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма.

[22] Печатается по изданию: *Аничков Д. С.* Теоретическая и практическая арифметика. М.. 1764.

Впервые издано в Санкт-Петербурге в 1764 г. Особенность данного пособия состоит в том, что в нем автор стремится изложить учебный материал логически последовательно с учетом современных математических достижений, знаний и методических приемов изучения математики. Учебник состоит из глав: «О началах арифметики»; «О числах одного роду»; «О числах в разных родах»; «О содержании, пропорции и прогрессии арифметической и геометрической»; «О дробях или ломаных числах»; «О логарифмах»; «О десятичных дробях»; «О практической арифметике» (решение задач). В каждой главе формулируется определение, дается теорема, ее доказательство, решение примеров, задач, примечание. Большое внимание уделено связи теории с практикой. Учебник Д. С. Аничкова сыграл важную роль в разработке последующих пособий по арифметике, особенно при открытии народных училищ в последней трети XVIII в.

[23] Печатается по изданию: *Аничков Д. С.* Начальные основания алгебры. М., 1781.

Впервые опубликовано в Москве в 1781 г. В пособии, являющемся как бы продолжением пособия арифметики, изложены важнейшие алгебраические понятия. Состоит из 10 глав. Как и в первом учебном пособии, автор строго придерживается логики изложения материала. Материал дан в такой последовательности: название главы, параграфа, темы. Далее раскрывается содержание алгебраического понятия, формулируется определение, дается примечание. Заканчивается глава решением задач и примеров. В конце книги как приложение помещено 12 таблиц с геометрическими фигурами и показано, как их изготовить и использовать.

[24] *Ньютон, Исаак* (1643—1727) — английский физик, механик, астроном и математик, основатель классической физики.

[25] Имеется в виду *Виёт, Франсуа* (1540—1603) — французский математик. Разработал почти весь материал элементарной алгебры. Ввел буквенные обозначения для известных величин в уравнениях.

[26] Печатается по изданию: *Поповский Н. Н.* О пользе наук и воспитании в оных юношества. М., 1756.

Речь, произнесенная Н. Н. Поповским 26 апреля 1756 г. в публичном собрании Московского университета, посвящена важнейшей теме обучения и воспитания российского юношества.

[27] Печатается по изданию: *Поповский Н. Н.* К читателю.— В кн.: Локк Д. О воспитании детей: В 2-х т. Т. 1. М., 1759.

Книга Д. Локка «О воспитании детей» была переведена профессором Московского университета Н. Н. Поповским с французского языка на русский и издана в России в 1759 г. В предисловии к переводу показано глубокое знание просветительских идей Локка, их положительные стороны и недостатки, указано и то, как применять педагогику Локка при воспитании детей не только знатного рода, но и простолюдинов.

[28] *Ксенофонт* (ок. 430—355 до н. э.) — древнегреческий писатель и историк. Автор «Греческой истории» и других произведений. По политическим убеждениям — ярый противник афинской демократии, поклонник аристократической Спарты, спартанского воспитания.

[29] *Лафонтен Жан де* (1621—1695) — французский писатель. В своих баснях предстает как мыслитель и сатирик, опирающийся на народную мудрость и фольклор. Традиции Лафонтена использовал И. А. Крылов.

[30] Печатается по изданию: *Богданович И. Ф.* Соч., т. 1. СПб., 1848.

В данной работе И. Ф. Богданович изложил своего рода моральный кодекс поведения добропорядочного юноши, любящего труд, стремящегося к нравственному совершенствованию; показаны пути этого совершенствования.

[31] Печатается по изданию: *Богданович И. Ф.* Соч., т. 1. СПб., 1848.

Русские пословицы как бы непосредственно примыкают к предыдущей работе. Автор собрал большое количество пословиц, поговорок. Однако будучи по убеждениям монархистом И. Ф. Богданович нередко фальсифицировал фольклор в духе екатерининской концепции русского национального характера.

[32] Печатается по изданию: *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. Приложение.

Впервые издано в 1771 г. на 4 языках: русском, латинском, немецком, французском. Первый коллективный труд профессоров Московского университета по дидактике и методике преподавания. «Способ учения» широко использовался как дидактическое и методическое пособие учителями гимназий, частных пансионов, домашними учителями.

[33] Изречение нравоучительного характера.

[34] Свойственное только данному языку неразложимое словосочетание, значение которого не совпадает со значением составляющих его слов, взятых в отдельности, например: *попасть впросак, остаться с носом* и т. д.

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в.

[1] Печатается по изданию: *Бецкой И. И.* Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества... СПб. 1766.

Впервые опубликовано в марте 1764 г. Этот документ сыграл большую роль в осуществлении идей И. И. Бецкого о воспитании «новой породы людей» в России. «Генеральное учреждение...» являлось как бы теоретической основой, фундаментом, наставлением, призванным создать сеть учебно-воспитательных учреждений закрытого типа для дворянского, а позднее и других сословий. Цель их — воспитание человека, глубоко преданного самодержавию, церкви, императрице Екатерине II, по чьему указанию И. И. Бецкой открывал эти учебно-воспитательные заведения, писал уставы и наставления для руководства обучением и воспитанием в них «обоего пола юношества».

[2] Печатается по изданию: Планы и уставы генерального поручика Бецкого Шляхетного сухопутного кадетского корпуса. СПб., 1766.

План составлен при активном участии профессора Московского университета А. А. Барсова. Имеет характер инструкции о порядке приема детей в учреждение по призрению, организации их жизни и воспитания. План был представлен И. И. Бецким в июне 1763 г., императрице Екатерине II на утверждение, и в апреле 1764 г. в Москве в соответствии с этим планом был открыт прием детей в Московский воспитательный дом. 2 октября 1770 г. открылся филиал в Петербурге, позже ставший самостоятельным учреждением.

План разрабатывался по принципу таких домов в Западной Европе, в частности в Лондоне. Однако «Генеральный план императорского Воспитательного дома» имеет свои особенности. Его создание связано с идеей воспитания «новой породы людей», которую стремился осуществить И. И. Бецкой с целью сгладить классовые антагонизмы в интересах абсолютизма.

[3] Караул, вооруженный оружием в виде острого копья, насаженного на короткое древко.

[4] Печатается по изданию: Планы и уставы генерального поручика Бецкого Шляхетного сухопутного кадетского корпуса. СПб., 1766.

«Устав воспитания двухсот благородных девиц...» написан И. И. Бецким в связи с открытием в 1764 г. в Петербурге Смольного института благородных девиц — первого в России сословно-дворянского учебного заведения для женщин, в котором воспитанницы находились с 6 до 18 лет. Смольный институт положил начало открытию подобных закрытых учебных заведений для девочек и в других городах России, просуществовавших до Великой Октябрьской социалистической революции. В 1765 г. при Смольном институте было открыто отделение для девочек из других сословий.

Основное направление работы Смольного института — подготовка к жизни в высшем обществе. Преклонение перед церковью, дворянско-крепостническим строем, царским престолом суть всей организации жизни, деятельности, обучения и воспитания в этом учебном заведении. Лишь в 80-е гг., когда как методическое пособие в Смольном институте был рекомендован «Способ учения» (см. коммент. 32, с. 456), организация обучения девочек стала строиться на принципе наглядности, развития воли, внимания.

[5] Печатается по изданию: Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола: Т. I И II. СПб., 1774.

Впервые опубликовано в 1766 г. В нем, как и в других уставах, разрабатываемых по указанию И. И. Бецкого, отражались идеи воспитания «новой породы людей»,

узаконения воспитания дворян в закрытых привилегированных учебных заведениях. Это касалось и Шляхетного (дворянского) сухопутного кадетского корпуса, где дети дворян находились с пятилетнего возраста до совершеннолетия.

[6] Печатается по изданию: Планы и уставы генерального поручика Бецкого Шляхетного сухопутного кадетского корпуса. СПб., 1766.

«Краткое наставление...» составлено И. И. Бецким в 1762—1763 гг. и в 1766 г. разослано Сенатом во многие города России. Это по существу было первое руководство, предназначенное для родителей и воспитателей, в котором изложены вопросы, касающиеся здоровья детей, умственного воспитания (учения), роли игры при обучении и воспитании детей, учета индивидуальных психологических особенностей детей в процессе воспитания.

[7] Публикуется по изданию: *Теплов Г. Н.* Наставление сыну. СПб., 1760.

Впервые опубликовано в 1760 г. «Наставление сыну» — документ историко-педагогического значения, написан в виде поучений, характерных для XVII—XVIII вв. в России. Принцип изложения в форме правил о нравственном поведении юноши традиционен; и «Домострой», и «Юности честное зерцало», а позднее и «О должностях человека и гражданина» написаны так же.

«Наставления сыну» — кодекс поведения дворянина. Состоит из 21 правила. Их содержание — отражение педагогических взглядов видного царского сановника Г. Н. Теплова на воспитание подрастающего поколения дворянства в период наступающего господства «просвещенного абсолютизма». Быть сдержанным, умеренным во всем, уметь одолевать нищету трудом и прилежанием, не допускать «худых привычек», «здоровье свое почитать первым для себя сокровищем», думать, «каков ты будешь, промотавши имение», как обеспечить свое благополучие — смысл наставлений сыну.

Г. Н. Теплов подчеркивает, что в жизни надо быть порядочным человеком — таков лейтмотив «Наставления». Он приходит к выводу, что «ни честь высокая и богатство чрезмерное, ни похвала за твои таланты счастия тебе еще прямого не составляют»; предостерегает против аморального поведения (правило 13 — «Каков ты будешь, промотавши имение»).

[8] Публикуется по изданию: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX вв. /Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1910. Приложение.

Работа относится к началу 60-х гг. XVIII в. Усиливающиеся противоречия между новыми, буржуазными и старыми, феодальными отношениями способствовали подъему общественного движения. Назревали реформы и в области просвещения. Возникало много проектов, споров о том, какие школы нужны России, какая система просвещения должна быть. Екатерина II давала поручения своим ближайшим сановникам, профессорам университетов, ученым Академии наук разработать проекты новой системы обучения и воспитания. Один из них — документ статс-секретаря Академии наук Г. Н. Теплова под названием «Начальное рассуждение о плане для учреждения публичных училищ». В архивных материалах нет подписи на документе, но изучение этого периода дает основание полагать, что его написал Теплов, сторонник сословного воспитания, сословной системы просвещения в России. Эта сторона особенно подчеркнута в рассматриваемом плане.

[9] Создано по инициативе И. И. Бецкого.

[10] *Миллер, Иоганн* (1750—1814) — немецкий писатель и педагог.

[11] Публикуется по изданию: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX вв. /Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1910. Приложение.

«Генеральный план гимназий или государственных училищ» состоит из двух докладов императрице Екатерины II об учреждении Детских воспитательных академий или государственных гимназий на основе «Генерального учреждения...» от 12 марта 1764 г. (см. коммент. I), предисловия, объясняющего сущность нового просветительского предприятия и порядка его выполнения, текста самого «Генерального плана...» и дополнения к нему под названием «Каким образом во всех российских городах и местечках учредить школы для простого народа без всякого государственного расхода и народного отягощения». Все перечисленные документы, как отмечает С. В. Рождественский, сохранились лишь в копиях без подписи и обозначения времени их составления. Но на обложках папок архивных дел есть пометки Г. Н. Теплова, а также указаны имена деятелей, которые были связаны с Комиссией по реформе просвещения. Они, очевидно, и были авторами.

В первых двух документах (докладах) проводится мысль, что знания, школы нужны всем, но они принесут пользу при условии, если обучение будет связано с патриотическим и нравственными воспитанием. С целью осуществления указанных задач авторы считают, что в школах кроме учителей должны быть и надзиратели (воспитатели). В документах подчеркивается мысль о том, что школы должны содержаться за счет самого населения. План не был одобрен Екатериной II.

В «Антологию» включен только текст «Генерального плана гимназий или государственных училищ». Остальные документы по существу лишь комментируют план.

[12] Совокупность административных и хозяйственных знаний по ведению камерального (дворцового, в широком смысле — государственного) хозяйства.

[13] Имеется в виду *Хэдли Джон* (1682—1744) — английский оптик и астроном, сконструировавший секстант (угломерный инструмент, применявшийся в морском деле).

[14] Печатается по изданию: Сборник Русского исторического общества, т. XXXII. СПб., 1767.

В конце 60-х гг. по указанию Екатерины II была создана Комиссия по составлению нового уложения. Вопросы школьного образования обсуждались на 16 заседаниях, на которых столкнулись мнения представителей различных слоев населения России. Ни один из планов Комиссии Екатерина II не утвердила...

[15] Разыгрывать сцены на иностранных языках.

[16] Печатается по изданию: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII —XIX вв. /Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1910. Приложение.

Проекты о нижних училищах, деревенских и городских, об училищах для иноверцев разрабатывались в начале 70-х гг. членами Частной комиссии об училищах и призрении требующих. Следует отметить, что Екатерину II насторожило в проектах предложение о расширении школ для народа, хотя об этом было сказано весьма скупо. Но это послужило поводом к указанию императрицы о прекращении деятельности данной комиссии. Проекты были похоронены в архивах.

[17] Печатается по изданию: Полн. собр. законов Российской империи, т. XXI, № 15507. СПб., 1830, с. 663—664.

Комиссия была создана 7 сентября 1782 г., состояла из 3 членов: сенатора П. В. Завадовского (председателя Комиссии), академика Ф. Эпинуса и чиновника П. И. Пастухова. Ни один из членов Комиссии до этого не занимался вопросами народного образования, поэтому задач, поставленных перед ней, Комиссия выполнить не могла. Позднее были приглашены профессора и преподаватели Академии наук и Московского университета, принимавшие участие в создании учебных пособий для детей и руководств для учителей народных училищ. Видную роль в Комиссии сыграл приглашенный Екатериной II из Австрии известный педагог Ф. И. Янкович.

[18] Печатается по изданию: Полн. собр. законов Российской империи. № 16421, СПб., 1830.

Устав положил начало государственной системе городских светских школ. В его разработке принял участие Ф. И. Янкович де Мириево. Прототипом Устава являлся австрийский школьный Устав 1774 г., в котором предусматривались три типа школ: тривиальная, главная, нормальная, причем в практике Устава устанавливалось различие между тривиальными школами города и деревни по срокам обучения. Однако «Устав народным училищам...» 1786 г. не является механической копией австрийской системы школьного обучения. В нем отразились просветительские идеи отечественных деятелей, имевших отношение к разработке Устава, особенно к организации обучения в народных училищах. Так, курс главного народного училища в России предусматривал изучение общеобразовательных и реальных дисциплин. Организация обучения строилась на основе идей Я. И. Коменского. Серьезное внимание уделялось учителю, его подготовке, гуманному отношению к ученикам. Но в Уставе 1786 г. даже не упоминалось об открытии народных училищ в русских деревнях.

Отрицательно решался вопрос об установлении связи народных училищ с учебными заведениями среднего и высшего звена. Устав обходил молчанием и финансирование городских народных училищ за счет государства. Однако тем не менее его создание и утверждение были связаны с попыткой создать в России государственную систему народного просвещения.

[19] Имеется в виду книга Я. А. Коменского «Мир чувственных вещей в картинках».

[20] Печатается по изданию: Руководство учителям первого и второго классов народных училищ... СПб., 1783.

Впервые опубликовано в 1783 г. На этой книге нет фамилии Ф. И. Янковича, хотя издание было осуществлено при его жизни. Это лишний раз подтверждает то, что «Руководство...» написано Ф. И. Янковичем совместно с русскими учеными и педагогами.

Считалось, что «Руководство учителям первого и второго классов народных училищ...» написано лично Ф. И. Янковичем на основе его пособия под названием «Ручная книга», опубликованного в Вене в 1776 г. Однако сравнение этих книг показывает, что только первая часть «Руководства...» напоминает «Ручную книгу». Все остальное — плод коллективного труда русских ученых-педагогов, работавших вместе с Ф. И. Янковичем. В «Руководстве...» отражены идеи прогрессивных профессоров Московского университета, издавших «Способ учения» в 1771 г., т. е. значительно раньше, чем вышла в свет «Ручная книга» Ф. И. Янковича.

«Руководство...» состоит из 4 частей: о способе учения, об учебных предметах, о звании, качествах и поведении учителя, о школьном порядке. В конце имеются 3 приложения: образцы расписания учебных занятий для I и II классов училища, список прилежания учеников такого-то класса на определенный месяц, классный журнал. Части разделены на главы и параграфы. Первая часть излагает дидактику, вторая — методику обучения грамоте, счету, письму, третья — обязанности учителя, его личные качества, в четвертой говорится о часах учения, о школьной дисциплине, об экзаменах, о проверке знаний.

[21] Печатается по изданию: *Янкович де Мириево Ф. И.* Правила для учащихся в народных училищах. СПб., 1807.

Документ как бы дополняет «Устав народным училищам в Российской империи». В «Правилах...» дано четкое описание обязанностей учеников при обучении, но наряду с прогрессивными тенденциями имеет место религиозное воспитание.

[22] Печатается по изданию: *Янкович де Мириево Ф. И.* Российский букварь для обучения юношества чтению. СПб., 1788.

«Российский букварь...» Ф. И. Янковича включает азбуку церковную и гражданскую, рукописную с большими и малыми буквами, слоги, слова; в букваре даны краткие нравоучения в виде художественных рассказов, сказок «Медведь и пчелы» и т. п., краткие повести, таблица умножения, числа.

[23] Печатается по изданию: О должностях человека и гражданина. СПб., 1783.

Впервые издано в 1782 г. по указанию Екатерины II. Считалось, что автор книги — Ф. И. Янкович, однако в протоколах Комиссии такого указания нет.

«О должностях человека и гражданина» — официальное пособие (книга для чтения), предназначенное для народных городских училищ, имело целью с детских лет воспитывать у учащихся верноподданничество самодержавному строю. Екатерина II во время учреждения народных училищ делала вид, что она устранилась от непосредственного участия в их организации, на самом деле держала под контролем издание учебных книг, так как их авторы в большинстве случаев были прогрессивно настроенными профессорами университетов.

Книга состоит из вступления «О благополучии вообще» и 5 частей: 1. Об образовании души; 2. О попечении тела; 3. О должностях общественных, на которые мы от бога определены; 4. О домоводстве; 5. О науках, художествах, промыслах и рукоделиях. За период с 1783 по 1817 г. книга переиздавалась 11 раз и лишь в 1819 г. была заменена другим пособием, еще более консервативным. В «Антологии» помещены главы, в которых отражено воспитание общечеловеческих качеств, таких, как «О супружеском союзе», «О союзе родителей и детей» и т. д.

[24] Печатается по изданию: *Курганов Н. Г.* Новая арифметика, или Числовник. СПб., 1891.

Впервые издано в 1771 г. Полное название учебника: «Генеральная арифметика, то есть всеобщий или полный числовник, предлагающий порядочное и основательное знание, как легчайшим способом разные житейские, математике принадлежащие, арифметичные, геометричные и алгебраичные вычисления производить». Арифметика Н. Г. Курганова стоит в ряду лучших учебных пособий, написанных профессорами Москвы и Петербурга для российских школ.

[25] *Евклид* (III в. до н. э.) — древнегреческий математик. *Евклидовы элементы* —

имеется в виду сочинение Евклида «Начала», содержащее основы античной математики.

[26] *Эйлер, Леонард* (1707—1783) — математик, механик, физик, астроном. По происхождению швейцарец. Член Петербургской Академии, затем Берлинской академии. Долгое время жил и работал в России.

[27] Печатается по изданию: *Головин М. Е.* Краткое руководство к геометрии. СПб., 1789.

Впервые издано в 1786 г. для народных училищ. Книга состоит из предисловия, вступления, 3 частей, которые в свою очередь делятся на главы. Методика изложения построена на использовании наглядности, с учетом возраста ребят. В предисловии даны методические советы учащимся. Первая часть включает материал об измерении долгот (виды линий и углов, некоторые теоремы), о проведении линий (деление углов, измерение линий, углов и т. д.). Вторая часть посвящена измерению поверхностей, третья — измерению тел.

[27] Печатается по изданию: *Головин М. Е.* Краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара. СПб., 1790.

Впервые опубликовано в 1787 г. «Краткое руководство...» адресовано народным училищам. В предисловии даны методические советы учителю, как работать с этим учебником. В «Антологию» включены фрагменты, дающие представления об изложении учебного материала.

[29] *Коперник, Николай* (1473—1543) — польский астроном. Создатель нового учения о движении небесных светил (в их числе и Земли) вокруг Солнца. Его труд «Об обращениях небесных сфер» (1543) был запрещен католической церковью с 1616 по 1828 г.

[30] *Бугер, Пьер* (1698—1758) — французский ученый, один из основателей фотометрии. Разработал методы измерения силы света. В 1735—1743 гг. руководил градусными измерениями в Перу.

[31] Печатается по изданию: *Зуев В. Ф.* Педагогические труды. /Под ред. Б. Е. Райкова. М., 1956.

Впервые издано в 1786 г. «Начертание естественной истории» написано для народных училищ. Это был первый учебник по естествознанию. Он отличается научностью, оригинальностью изложения, использованием эволюционной теории. Книга неоднократно переиздавалась. Учебник состоит из 2 частей. Материалы первой части охватывают разделы «Ископаемое царство», «Прозябаемое царство». Вторая часть посвящена «Животному царству».

[32] Печатается по изданию: *Сырейщиков Е. Б.* Краткая Российская грамматика. СПб., 1787.

Учебник был издан для народных училищ. Состоит из 4 частей: 1) правописание, 2) произведение слов, 3) сочинение слов, 4) произношение слов. В каждом разделе материал излагается логически последовательно, правила подкрепляются упражнениями, примерами, взятыми из окружающей действительности, художественных произведений. В тексте, помещенном в «Антологии», изложены дидактические и методические советы по изучению краткого курса грамматики.

[33] Печатается по изданию: *Сырейщиков Е. Б.* О пользе нравоучения при воспитании юношества. М., 1783.

В советской историко-педагогической литературе публикуется впервые. В речи, произнесенной профессором Е. Б. Сырейщиковым на публичном собрании Московсклого университета 30 июня 1783 г., автор осветил одну из проблем, волновавших общественность,— нравственное воспитание, его роль при воспитании юношества.

[34] Имеется в виду *Марс* — первоначально бог полей и урожая, потом бог войны.

[35] *Воронцов Михаил Илларионович* (1714—1767) — граф, русский государственный деятель, дипломат.

[36] *Дидро Дени* (1713—1784) — французский философ-материалист, писатель, идеолог французской буржуазной революции XVIII в. Защищал идею просвещенной монархии.

[37] *Вольтер, Франсуа Мари* (наст. имя Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778) — французский писатель, философ, просветитель.

[38] *Княжнин Яков Борисович* (1742—1791) — русский поэт, драматург, представитель русского классицизма. В исторической трагедии «Вадим Новгородский» (1789)

прославлял восстание республиканца, представителя новгородского народного веча Вадима против самодержавной власти Рюрика. Трагедия была публично сожжена по приказанию правительства в 1793 г.

[39] Печатается по изданию: *Дашкова Е. Р.* О смысле слова «воспитание».— Собеседник любителей российского слова, ч. II. СПб., 1783, с. 12—28.

В советской историко-педагогической литературе публикуется впервые. В этом педагогическом сочинении автор показывает пороки воспитания того времени, связанные с чрезмерным увлечением всем иностранным и потерей национального. В статье говорится о необходимости создать свою национальную систему воспитания, так как Российская земля имеет богатые традиции. Осуждаются те, кто не дорожит богатством российского языка, своей Отчизной. Значительное место в статье отведено нравственному, физическому, умственному воспитанию подрастающего поколения. Раскрыты понятия «воспитание», «цель воспитания». Эта часть написана в духе русского просветительства, хотя сама Е. Р. Дашкова была сторонницей самодержавия.

[40] Печатается по изданию: *Новиков Н. И.* О воспитании и наставлении детей.— Прибавление к Московским ведомостям, 1783, № 2, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 28, 34, 82—94.

Журнал «Прибавление к Московским ведомостям», в котором впервые была опубликована статья, вместе с газетой «Московские ведомости» в течение 1783—1784 гг. являлись наиболее распространенными в России периодическими изданиями. Самым значительным отделом в этом журнале, который рассылался подписчикам газеты бесплатно, был педагогический, в котором Н. И. Новиков печатал свои педагогические статьи или произведения других авторов, созвучные с воззрениями самого издателя. В педагогическом отделе Н. И. Новиков публиковал свои статьи по различным вопросам. В данном сочинении Н. И. Новиков отразил особенности русского национального воспитания и его осуществления в условиях того времени. По мнению Н. И. Новикова, воспитание имеет 3 главных направления: воспитание физическое, касающееся одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца; и разумное воспитание, занимающееся просвещением, или образованием, разума, поэтому автор разделил статью на 3 части.

[41] Печатается по изданию: *Новиков Н. И.* Рассуждение о некоторых способах к возбуждению любопытства в юношестве.— Прибавление к Московским ведомостям, 1784, № 51, 52.

В статье говорится о развитии интереса детей к знаниям, учению. Эта работа является как бы продолжением развития идей, высказанных в трактате «О воспитании и наставлении детей». Публикуется полностью.

[42] *Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ. На занятиях с учениками использовал метод вопросов и ответов, который позднее получил название «сократическая беседа», «сократический метод».

[43] Печатается по изданию: *Новиков Н. И.* О раннем начале учения детей.— Прибавление к Московским ведомостям, 1784, № 54—56.

Статья, как и предыдущая, логически связана с сочинением «О воспитании и наставлении детей». Автор стремится доказать неразумным родителям, что необходимо «рано... начинать упражнение в науках», ибо «поле учености пространно», а «жизнь человеческая кратка». В статье более углубленно, чем в прежних, показано преимущество общественного воспитания перед частным.

[44] *Квинтилиан, Марк Фабий* (ок. 35 — ок. 96) — римский теоретик и практик ораторского искусства. В книге «Об образовании оратора» изложил мысли о воспитании.

[45] *Хрисипп* (ок. 280—208/205 до н. э.) — древнегреческий философ, систематизатор раннего стоицизма.

[46] Печатается по изданию: *Новиков Н. И.* О сократическом способе учения.— Прибавление к Московским ведомостям, 1784, № 56—59.

В статье излагается сократический способ учения: не столько описание метода древнегреческого философа Сократа, сколько пропаганда одного из активных путей обучения детей. Статья публикуется со значительными сокращениями, особенно в той части, где автор детально разбирает идеи Сократа (см. коммент. 42), его метод.

[47] *Базедов, Иоганн Бернхард* (1724—1790) — немецкий буржуазный педагог, основатель педагогического течения филантропизма. В своем учреждении (филантро-

пии — 1774 г.) стремился «вырабатывать «людей» из детей богатых» и «дешево готовить учителей из детей бедных».

[48] См. коммент. 10.

[49] *Розевиц, Фридрих* (1729—1806) — немецкий педагог.

[50] *Федер, Иоганн* (1740—1821) — немецкий писатель. Основное сочинение — «Новый Эмиль». Произведение направлено против системы воспитания Руссо.

[51] *Браун, Генрих* (1732—1792) — немецкий школьный реформатор.

[52] *Фельбигер, Иоанн Игнатий* (1724—1788) — немецкий педагог.

[53] *Рохов, Фридрих Эберхард* (1734—1805) — организатор школ в Германии, автор книги для чтения «Друг детей». Проповедовал идеи воспитания детей в духе безропотного послушания.

[54] Имеется в виду *Ян Амос Коменский* (1592—1670) — чешский мыслитель-гуманист и педагог.

[55] Печатается по изданию: *Новиков Н. И.* Об эстетическом воспитании.— Прибавление к Московским ведомостям, 1784, № 59—61.

Статья примыкает к циклу сочинений о воспитании, опубликованных ранее в «Прибавление к Московским ведомостям», особенно к трактату «О воспитании и наставлении детей». В статье даются полезные советы, указания по вопросу изучения изящных наук. Публикуется полностью.

[56] *Вергилий, Марон Публий* (70—19 до н. э.) — римский поэт. Основное произведение — эпическая поэма «Энеида».

[57] *Гораций* (полное имя *Квинт Гораций Флакк*) (65—8 до н. э.) — римский поэт. В лирических «Одах», сатирах — философские рассуждения, наставления житейско-философского характера, в духе эпикуреизма и стоицизма.

[58] Печатается по изданию: *Прокопович-Антонский А. А.* О воспитании. М., 1818.

В советской историко-педагогической литературе публикуется впервые. Основные идеи работы «О воспитании» А. А. Прокопович-Антонский изложил в речи на торжественном собрании Московского университета 30 июня 1798 г. В последующие годы мысли о воспитании юношества А. А. Прокопович-Антонский углублял, расширял. Это дало ему возможность в 1818 г. опубликовать обширный педагогический трактат «О воспитании», куда вошла и речь, произнесенная 30 июня 1798 г. Трактат адресован наставникам молодежи и родителям. Основываясь на идеях просветителей Франции, России, автор говорит о цели и содержании воспитания. Подчеркнуто значение физического, умственного, нравственного воспитания для формирования личности. В работе изложены проблемы соотношения общественного (в школе) и частного (в семье) воспитания, их положительные и теневые стороны, требования к наставникам. Поставлен вопрос, надо ли посылать учиться русских юношей в заграничные учебные заведения, каковы пути улучшения обучения и воспитания в России. Говоря о проблемах воспитания, автор опирался на свой опыт преподавательской и административной работы.

Трактат «О воспитании» — документ, показывающий уровень развития педагогической мысли в Московском университете — центре отечественной науки и культуры. Тем не менее необходимо отметить ограниченность автора в освещении такой проблемы, как обучение и воспитание в народных училищах, о которых даже не упоминается в трактате. Автор сосредоточил внимание на воспитании только дворянских детей.

[59] Праздный, живущий в роскоши человек (от названия древнегреческой колонии Сибарис).

[60] Очевидно, имеются в виду кельты (галлы) — древние индоевропейские племена, жившие во 2-й половине I тысячелетия до н. э. на территории современной Франции, Бельгии, Швейцарии и некоторых других стран.

[61] Имеется в виду *Агис* III — спартанский царь (399—358 до н. э.). Удачно воевал с персами, пытался вернуть величие Спарты. В 362 г. до н. э. был разбит Эпаминондом в битве при Мантинее.

[62] *Декарт, Рене* (1696—1750) — французский философ, физик, математик и физиолог.

[63] Надстрочный знак, указывающий на сокращенное написание слова или цифровое значение буквы в письменности средневековой Руси и Греции.

[64] *Руссо, Жан-Жак* (1712—1778) — французский философ, писатель, просвети-

тель. Педагогические взгляды выражены в романе — трактате «Эмиль, или О воспитании».

[65] Главный персонаж романа Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании».

[66] *Бэкон, Фрэнсис* (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма.

[67] Имеется в виду педагогическая система воспитания Ж.-Ж. Руссо, который считал, что умственное воспитание надо начинать с 12—15 лет, когда созреют органы чувств. Автор трактата не соглашается с Руссо. Он считает, что способности детей начинают проявляться рано, поэтому и начинать учить детей надо в раннем детстве.

[68] *Цицерон, Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель.

[69] *Суворов, Александр Васильевич* (1730—1800) — русский полководец, один из основоположников русского военного искусства.

[70] *Румянцев-Задунайский, Петр Александрович* (1725—1796) — русский полководец, генерал-фельдмаршал. Развивал взгляды Петра I на тактику и воспитание воинов, войск.

[71] Печатается по изданию: *Снегирев М. М.* Слово о пользе нравственного просвещения. М., 1797.

В советской историко-педагогической литературе публикуется впервые. В речи, произнесенной профессором М. М. Снегиревым на торжественном собрании Московского университета 30 июня 1797 г., автор придает большое значение нравственному воспитанию, считает, что учение, овладение науками должно идти параллельно с нравственным воспитанием. М. М. Снегирев считал, что нравственность сама по себе способна усовершенствовать человека и общество.

[72] Человек, изучивший несколько наук, владеющий несколькими языками.

[73] Печатается по изданию: *Чеботарев Х. А.* Слово о способах и путях, ведущих к просвещению. М., 1779.

В историко-педагогической литературе советского периода публикуется впервые. В речи, произнесенной в публичном собрании Московского университета 22 апреля 1799 г., Х. А. Чеботарев продолжает развивать тему обучения. Однако в отличие от взглядов других профессоров он показывал конкретные пути просвещения юношества. Его волновали вопросы создания определенного порядка при обучении, соотношения общественного воспитания с семейным, значения книги в развитии интереса к учению и многие другие вопросы. Х. А. Чеботарев, один из авторов «Способа учения», в своей речи продолжил теоретическую разработку дидактических проблем в русской педагогике конца XVIII в.

[74] Печатается по изданию: *Крестинин В. В.* Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей.— В сб.: Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1787, ч. XVIII, ноябрь, с. 5—12; ч. XVIII, декабрь, с. 20—49.

В советской историко-педагогической литературе публикуется впервые. Историко-педагогическое и социально-экономическое исследование, в котором автор показывает обычаи, быт жителей Севера в допетровские времена, их систему воспитания, а также анализирует современную ему жизнь, обычаи, воспитание детей двинских жителей.

[75] Печатается по изданию: *Крестинин В. В.* Об употреблении над детьми мужского пола власти родительской и власти учительской по старинному воспитанию двинского народа.— В сб.: Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, ч. XIX, июль, с. 27—43.

В советской историко-педагогической литературе публикуется впервые. Данная работа является как бы продолжением предыдущей. В ней также затрагиваются вопросы нравственного, умственного воспитания тогдашней окраины России, хотя в отличие от предыдущей она больше носит характер социологического исследования.

[76] Печатается по изданию: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1. М.; Л., 1938.

Статья завершена А. Н. Радищевым в 1789 г. и опубликована в журнале «Беседующий гражданин» (1789, декабрь). В этом сочинении А. Н. Радищев определил главную цель воспитания как подготовку истинного человека, подлинного сына Отечества — борца против насилия и деспотизма. Только люди, восставшие на борьбу с тиранами за свою свободу и человеческое достоинство, могут считаться истинными людьми и настоящими патриотами.

[77] Печатается по изданию: *Радищев А. Н.* Рассуждение о труде и праздности.— Беседующий гражданин, 1789, октябрь.

Данная статья непосредственно примыкает к сочинению «Беседа о том, что есть сын Отечества». Основной лейтмотив статьи — «праздность есть мать всех пороков», труд должен быть «предтечей благоденствия».

[78] Печатается по изданию: *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву.— В кн.: Русская проза XVIII в. М., 1971, с. 450—463.

«Крестьцы» — глава из книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Впервые книга была издана автором в своей маленькой домашней типографии с помощью собственных людей в 1790 г. Почти весь тираж был уничтожен по приказу Екатерины II. Прогрессивными деятелями было предпринято несколько попыток издания книги, но безуспешно. И только в 1858 г. «Путешествие...» было издано А. И. Герценом в Лондоне с его предисловием. В России до 1905 г. книга была под строгим запретом. Наиболее полное издание было осуществлено в 1905 г.

В главе «Крестьцы» автором представлен идеал воспитания дворянина.

[79] Имеется в виду эгида, в древнегреческой мифологии — щит Зевса. Эгида — символ защиты, покровительства.

[80] *Курций, Марк* — римский юноша, по преданию принес себя в жертву, чтобы спасти город от опасности.

[81] *Катон, Марк Порций Младший* (96—46 до н. э.) — политический деятель Древнего Рима. Не желая видеть гибель республики, пронзил себя мечом. Радищев, по-видимому, имеет в виду предсмертные слова Катона, приведенные историком Плутархом: «Теперь я принадлежу себе».

[82] Печатается по изданию: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 2. М.: Л., 1941.

Данная философская работа начата в 1792 г. и закончена в конце 1796 г. Состоит из 4 книг. Использована литература на немецком, французском, английском языках. В первой книге автор раскрывает общие вопросы затронутой проблемы, знакомит читателя с тем, какое место принадлежит человеку в природе, анализирует его умственные способности. Во второй книге делает вывод, что и физическая и духовная жизнь человека смертна. В третьей и четвертой книгах А. Н. Радищев подчеркивает главную мысль — душа бессмертна, т. е. он признавал телесную смерть и верил в бессмертие души. Однако нельзя понимать это буквально. В данном случае А. Н. Радищев (он в это время находился на каторге в Сибири), хорошо знавший идеи французских материалистов, хотел подчеркнуть, что есть две истины: одна логически доказуема и объективна (телесная смерть человека), другая до конца не доказанная, субъективная (о смертности и бессмертии души). Обе точки зрения могут сосуществовать. Философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» помогает читателю лучше понять произведения А. Н. Радищева, в которых излагаются вопросы воспитания.

[83] Печатается по изданию: *Кречетов Ф. В.* План юридический.— В кн.: Русские просветители (от Радищева до декабристов)/Под ред. И. Я. Щипанова, т. 2, М., 1966, с. 373—414.

Впервые текст «Плана юридического» был опубликован И. Я. Щипановым. Сочинение Ф. В. Кречетова было написано в 1782 г. и сохранилось в рукописи в его следственном деле в Тайной канцелярии. Автор считал, что государство должно иметь твердые и нерушимые законы, не зависящие от капризов и своеволия самодержца. Эти законы должны открыть широкий доступ российскому народу к образованию.

[84] Печатается по изданию: *Сохацкий П. А.* Слово о главной цели воспитания.— Сборник речей императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1793, с. 1—20.

В советской историко-педагогической литературе публикуется впервые. В речи, произнесенной на торжественном собрании Московского университета 30 июня 1793 г., профессор философии Московской учительской семинарии при Московском университете П. А. Сохацкий продолжает развивать передовые просветительские идеи профессоров Московского университета, последователей М. В. Ломоносова. Он считает, что воспитание должно начинаться с момента рождения. Большое внимание П. А. Сохацкий уделяет содержанию и формам воспитания.

[85] Печатается по изданию: *Бестужев А. Ф.* О воспитании.— Санкт-Петербургский журнал, 1798, январь, с. 55—80; февраль, с. 155—180; март, с. 246—255; апрель, с. 68—95; май, с. 150—161; июнь, с. 254—307; июль, с. 86—104; август,

с. 74—84; сентябрь, с. 68—85; октябрь, с. 82—109; ноябрь, с. 151—156; декабрь, с. 283—296.

В некоторых номерах журнала трактат называется «О воспитании военном относительно благородного юношества». Однако это суживает содержание трактата, ибо в нем представлен материал о воспитании вообще. Потому более точное название «О воспитании» дано по январскому номеру, где опубликовано начало этого педагогического сочинения.

В трактате А. Ф. Бестужев осветил многие вопросы, касающиеся учения и воспитания юношества. Среди них особое место занимают проблемы: цели и задачи воспитания, психологические основы воспитания, соотношение воспитания общественного и частного (семейного), умственного и нравственного, средства поощрения и наказания, роль педагога. Значительное место в сочинении отведено рассмотрению содержания и методов обучения. Все перечисленные проблемы автор раскрывает подробно, с большой эрудицией и применительно к военным учебным заведениям, которые создавались для благородного юношества. Однако в трактате прослеживаются и общие педагогические взгляды автора на воспитание подрастающего поколения, созвучные идеям французских просветителей и во многом совпадающие со взглядами А. Н. Радищева (выступление против сословных привилегий). Неравенство между людьми А. Ф. Бестужев объяснял не причиной природных различий, а результатом различных условий жизни и воспитания.

В переработанном виде трактат был издан в 1803—1807 гг. В нем отсутствовали главы «Краткие начертания ученого воспитания», «Наставления в последние шесть лет», «Об обрядах всеобщего выпуска» и др., а также глава «О благородстве», где автор непочтительно отзывался о господствующем сословии. Нет рассуждений о трех способах правления, в том числе и республиканском.

[86] *Платон* (428—348) — древнегреческий философ-идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии. В своей педагогической системе стремился объединить некоторые черты спартанского и афинского воспитания, внося те положения, которые соответствовали его взглядам философа — объективного идеалиста.

[87] Имеется в виду *Кир II Великий* (г. рожд. неизв.— 530 до н. э.) — первый царь государства Ахеменидов в древней Персии.

[88] *Менандр* (ок. 343 — ок. 291 до н. э.) — древнегреческий поэт, драматург, представитель так называемой новой аттической комедии. До нашего времени дошли отрывки комедий «Третейский суд», «Отрезанная коса» и др.

[89] *Монтескье, Шарль Луи* (1689—1755) — французский просветитель, правовед, философ, идеолог либеральной буржуазии.

[90] Здесь: отличительный знак.

[91] *Монтень, Мишель де* (1533—1592) — французский философ-гуманист эпохи Возрождения. В книге «Опыты» высказывал сомнение о правильности догматов религии.

[92] *Ювенал, Децим Юний* (ок. 60 — ок. 127) — римский поэт-сатирик.

[93] *Катилина* (108—62 до н. э.) — политический деятель Древнего Рима периода кризиса республики, руководитель заговора, направленного против сенаторской олигархии. Заговор был раскрыт Цицероном.

[94] См. коммент. 68.

[95] Имеются в виду *ирокезы* — группа индейских племен.

[96] Имеется в виду главный персонаж романа Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании».

[97] *Плутарх* (ок. 45 — ок. 127) — древнегреческий писатель и историк.

[98] *Бюффон, Жорж Луи Леклерк* (1707—1788) — французский естествоиспытатель. В основном труде «Естественная история» высказана идея об изменяемости в природе видов под влиянием условий среды.

Литература

Русская школа и педагогическая мысль в XVIII в.

1. *Белокуров С. А., Зерцалов А. Н.* О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII века. М., 1907.

2. *Буров А. А.* Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII века. Л., 1957.

3. *Владимирский-Буданов М.* Государство и народное образование в России с XVII в. до учреждения министерств. СПб., 1847.

4. *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 г. включительно. СПб., 1849.

5. *Довнар-Запольский М. В.* Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. М., 1906.

6. *Ертов И. Д.* Картина просвещения россиян перед началом девятнадцатого века. СПб., 1799.

7. *Знаменский П.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.

8. *Кулябко Е. С.* М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962.

9. *Нечаев Н. В.* Горнозаводские школы Урала. М., 1956.

10. *Нечаев Н. В.* К 250-летию первых указов Петра I о школах.— Сов. педагогика, 1951, № 7.

11. *Плимак Е. Г.* Основные этапы в развитии русского просвещения XVIII века. М.; Л., 1961.

12. *Рождественский С. В.* Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX вв. СПб., 1910.

13. *Толстой Д. А.* Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. СПб., 1883.

14. Школа и просвещение при Петре I.— В кн.: Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1909.

Ф. П. Поликарпов

1. *Браиловский С. Н.* Ф. П. Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии.— Журнал Министерства народного просвещения, 1894, № 9—11.

2. От азбуки Ивана Федорова до современного букваря. М., 1974.

3. Откуда есть пошел букварь. Минск, 1983.

4. *Поликарпов Ф. П.* Букварь славянскими, греческими, римскими письмены учитися хотящим...— В кн.: Покровский В. И. Историческая хрестоматия. Вып. X. М., 1894.

5. *Фурсенко В. В.* Поликарпов-Орлов.— В кн.: Русский биографический словарь, т. 14. СПб., 1905.

Л. Ф. Магницкий

1. Арифметика Магницкого. М., 1914.

2. *Галанин Д. Д.* История методических идей по арифметике в России. М., 1915.

3. *Голубев И.* Новые данные о Л. Ф. Магницком.— Математика в школе, 1948, № 6.

4. *Гнеденко Б. В.* Очерки по истории математики в России. М.; Л., 1946.

5. *Денисов А. П.* Леонтий Филиппович Магницкий. 1669—1739. М., 1967.

6. *Депман И. Я.* Л. Ф. Магницкий. Первый учитель математики и морских наук в России.— Наука и жизнь, 1940, № 5—6.

Ф. Прокопович

1. *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII в. М., 1960.
2. *Винтер Э. Ф.* Прокопович и начало русского Просвещения.— В кн.: Роль и значение литературы XVIII в. М.; Л., 1966.
3. *Гудзий Н. К.* Феофан Прокопович.— В кн.: История русской литературы, т. 3, ч. 1. М.; Л., 1941.
4. *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.
5. *Ничик В. М.* Феофан Прокопович. М., 1977.
6. *Прокопович Ф.* Духовный регламент.— В кн.: Хрестоматия по истории педагогики/Под ред. С. А. Каменева, т. IV, ч. 1. М., 1936.
7. *Прокопович Ф.* Первое учение отроком.— В кн.: Покровский В. И. Историческая хрестоматия. Вып. X. М., 1894.
8. *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время.— В кн.: Сб. статей, читаемых в отделении языка и словесности Академии наук. СПб., 1868.

Ф. С. Салтыков

1. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в./Под ред. М. Ф. Шабаевой. М., 1973, с. 38—39.
2. *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.
3. *Салтыков Ф. С.* Пропозиции. СПб., 1891.

И. Т. Посошков

1. *Беляев И. С.* Крестьянин-писатель начала XVIII в. И. Т. Посошков. М., 1902.
2. *Кафенгауз Б. Б.* И. Т. Посошков: Жизнь и деятельность. М., 1951.
3. *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. 2-е изд. М.; Л., 1925, т. 2, гл. 3, с. 79—106.
4. *Пашков А. И.* Экономические взгляды И. Т. Посошкова.— Изв. АН СССР. Отделение экономики и права, 1945, № 4.
5. *Посошков И. Т.* Соч. М., 1842.
6. *Посошков И. Т.* Завещание отеческое. СПб., 1893.
7. *Посошков И. Т.* «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. М., 1951.

В. Н. Татищев

1. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биография и характеристики. СПб., 1882.
2. *Буров А. А.* В. Н. Татищев — выдающийся деятель просвещения первой половины XVIII в.— Сов. педагогика, 1961, № 5.
3. *Кузьмин А. И.* Татищев. М., 1981.
4. *Попов Н. Л.* В. Н. Татищев и его время. М., 1861.
5. *Татищев В. Н.* История Российская: Т. 1—7. М.; Л., 1962—1968.
6. *Татищев В. Н.* Духовная моему сыну. СПб., 1896.
7. *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887.
8. *Шакинко И. М.* В. Н. Татищев как государственный деятель.— Вопросы истории, 1975, № 4.

М. В. Ломоносов

1. *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.
2. *Бобровникова В. К.* Влияние М. В. Ломоносова на развитие педагогической мысли в России во второй половине XVIII века.— Сов. педагогика, 1954, № 8.
3. *Бобровникова В. К.* Педагогические идеи и деятельность М. В. Ломоносова. М., 1961.
4. *Вавилов С. И.* Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961.
5. Краткий указатель произведений М. В. Ломоносова, профессоров Московского университета и их учеников в XVIII в., содержащих их педагогические выска-

зывания.— В кн.: Сычев-Михайлов М. В. Из истории русской школы и педагогики XVIII в. М., 1960.
6. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова: К 250-летию со дня рождения. М.; Л., 1961.
7. *Линков Я. И.* М. В. Ломоносов — великий деятель русского просвещения. М., 1940.
8. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: Т. I—X. М.; Л., 1950—1959.
9. *Ломоносов М. В.* Избр. филос. произв. М., 1950.
10. *Морозов А. А.* Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1956.
11. *Перевалова Л. А.* Педагогические взгляды М. В. Ломоносова. М., 1964.
12. *Радовский М. И.* М. В. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1961.
13. *Щеблыкин И. П.* М. В. Ломоносов: Очерк жизни и поэтического творчества. М., 1969.

А. А. Барсов

1. *Барсов А. А.* О цели учения. М., 1760.
2. *Барсов А. А.* Собрание речей, говоренных в императорском Московском университете. М., 1788.
3. *Барсов А. А.* Азбука церковная и гражданская, с краткими примечаниями о правописании. М., 1768.
4. *Барсов А. А.* Российская грамматика/Под ред. Б. А. Успенского. М., 1981.
5. *Барсов А. А.* Собрание 4291 российских пословиц. М., 1770.
6. Очерк жизни и трудов профессора Барсова.— В кн.: Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 4. СПб., 1878.
7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в. М., 1974, с. 100—101.

Д. С. Аничков

1. *Аничков Д. С.* О бессмертии души. Сон.— Полезное увеселение, 1761, ч. I, № 23; ч. II, № 1 и 4.
2. *Аничков Д. С.* Слово о... понятиях человеческих.— Сборник императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1779.
3. *Аничков Д. С.* Теоретическая и практическая арифметика... М., 1764.
4. *Аничков Д. С.* Начальные основания алгебры. М., 1781.
5. *Петровский А. В.* Атеистическая диссертация в XVIII в.— Вопросы философии, 1950, № 1.

Н. Н. Поповский

1. *Белявский М. Т.* Николай Поповский.— Вопросы философии, 1952, № 2.
2. *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.
3. Жизнеописание Поповского.— В кн.: Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета русскими профессорами оного, ч. 1. М., 1819.
4. *Поповский Н. Н.* О пользе наук и о воспитании в оных юношества. М., 1756.
5. *Поповский Н. Н.* К читателю.— В кн.: Локк Д. «О воспитании детей»: В 2-х т. Т. I. М., 1759.
6. *Поповский Н. Н.* Речь, говоренная в начатии философских лекций.— В кн.: Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета русскими профессорами оного, ч. 1. М., 1819.
7. *Якушкин В.* Из первых лет жизни Московского университета. М., б/г.

И. Ф. Богданович

1. *Богданович И. Ф.* Собр. соч. и пер.: Ч. 1—4. 2-е изд. М., 1818—1819.
2. *Богданович И. Ф.* Таблица для детей..., т. 1. СПб., 1848.

3 *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957.
4. *Кулакова Д. И.* И. Ф. Богданович.— В кн.: История русской литературы, т. IV, ч. II. М.; Л., 1947, с. 342—352.
5. Русские писатели: Библиографический словарь. М., 1974, с. 54—55.
6. *Серман И. З.* И. Ф. Богданович — журналист и критик.— В кн.: XVIII век. М.; Л., 1959.

И. И. Бецкой

1. *Бецкой И. И.* Генеральный план императорского Воспитательного дома и госпиталя. СПб., 1789.
2. *Бецкой И. И.* Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. СПб, 1764.
3. *Бецкой И. И.* Краткое наставление, выбранное из лучших писателей... СПб., 1766.
4. *Бецкой И. И.* Устав воспитания двухсот благородных девиц... СПб., 1768.
5. *Бецкой И. И.* Устав Шляхетного сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества.— В кн.: Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола: Т. I и II. СПб., 1774.
6. *И. И. Бецкой* — друг человечества: Краткий биографический очерк. СПб., 1904.
7. *Майков П. М.* Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904.
8. *Чувашев И. В.* И. И. Бецкой о первоначальном воспитании детей.— Дошкольное воспитание, 1944, № 2.
9. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в. М., 1973, с. 125—132.

Г. Н. Теплов

1. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX вв./Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1910.
2. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в. М., 1973.
3. *Теплов Г. Н.* Наставление сыну. СПб., 1760.

Ф. И. Янкович де Мириево

1. *Воронов А. С.* Ф. И. Янкович де Мириево или народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858.
2. *Киприанович И.* Ф. И. Янкович де Мириево.— Гимназия, 1891, № 1—3.
3. *Константинов Н. А.* Выдающийся русский педагог Ф. И. Янкович.— Сов. педагогика, 1954, № 9.
4. *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв. СПб., 1912.
5. *Соловьев И.* Памяти пионера русского народного образования Янковича де Мириево (к столетию со дня смерти).— Вестник воспитания, 1914, № 5.
6. *Эвальд В.* Материалы для истории просвещения в России в XVIII столетии. Федор Иванович Янкович де Мириево. СПб., 1858.
7. *Янкович де Мириево Ф. И.* План к установлению народных училищ. СПб., 1807.
8. *Янкович де Мириево Ф. И.* Правила для учащихся в народных училищах. 2-е изд. СПб., 1788.
9. *Янкович де Мириево Ф. И.* Прописи и для них руководство по чистописанию. СПб., 1782.
10. *Янкович де Мириево Ф. И.* Российский букварь для обучения юношества чтению. СПб., 1788.
11. *Янкович де Мириево Ф. И.* Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи (совместно с др. авторами). СПб., 1783.

Н. Г. Курганов

1. *Берх В. Н.* Жизнеописание Н. Г. Курганова. СПб., 1829.
2. *Денисов А. П.* Н. Г. Курганов — выдающийся русский ученый и просветитель XVIII века. Л., 1961.
3. *Кирпичников А.* Курганов и его «Письмовник».— Исторический вестник, 1887, т. 29.
4. *Курганов Н. Г.* Книга «Письмовник». М., 1788.
5. *Курганов Н. Г.* Новая арифметика, или Числовник. СПб., 1891.
6. *Озерская Ф. С.* Видный русский педагог и просветитель XVIII века Н. Г. Курганов.— Сов. педагогика, 1955, № 7.
7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в. М., 1973, с. 159—163.
8. Русские писатели/Под ред. Д. С. Лихачева и др. М., 1971, с. 79—81.

М. Е. Головин

1. *Головин М. Е.* Краткое руководство к геометрии. СПб., 1789.
2. *Головин М. Е.* Краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара. СПб., 1790.
3. *Головин М. Е.* Руководство к арифметике для употребления в народных училищах Российской империи: Ч. I—II. СПб., 1787—1794.
4. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в. М., 1973, с. 155—159.

В. Ф. Зуев

1. *Зуев В. Ф.* Начертание естественной истории. СПб., 1786; изд. 2-е, 1789; изд. 4-е, 1807.
2. *Зуев В. Ф.* Педагогические труды. М., 1956.
3. *Райков Б. Е.* Академик Василий Зуев, его жизнь и труды. М.; Л., 1955.
4. *Фрадкин Н. Г.* Путешествие И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева. М., 1948.

Е. Б. Сырейщиков

1. *Сырейщиков Е. Б.* Краткая Российская грамматика. СПб., 1787.
2. *Сырейщиков Е. Б.* О пользе нравоучения при воспитании юношества. М., 1783.

Е. Р. Дашкова

1. *Герцен А. И.* Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.— Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1957, т. 12.
2. *Гиллельсон М. И.* Пушкин и «Записки» Дашковой.— В кн.: Прометей. М., 1974, т. 10.
3. *Дашкова Е. Р.* Записки. СПб., 1907.
4. *Дашкова Е. Р.* О смысле слова «воспитание».— Собеседник любителей российского слова, ч. II. СПб., 1783, с. 12—28.
5. *Краснобаев Б. И.* Глава двух академий.— Вопросы истории, 1971, № 12, с. 84—98.
6. *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1983.

Н. И. Новиков

1. *Будзько А. С.* Педагогические идеи Н. И. Новикова. Автореф. канд. дис. Л., 1954.
2. *Добрусин Д. Л.* Педагогические взгляды Н. И. Новикова. Автореф. канд. дис. М., 1959.
3. *Западов А. В.* Новиков. М., 1968.

4. *Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1952.
5. *Новиков Н. И.* Избр. соч. М.; Л., 1951.
6. *Новиков Н. И.* Избр. пед. соч. М., 1959.
7. *Новиков Н. И.* О воспитании и наставлении детей.— Прибавление к Московским ведомостям, 1783, № 2, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 28, 34, 82—94.
8. *Новиков Н. И.* Рассуждение о .некоторых способах к возбуждению любопытства в юношестве.— Там же, 1784, № 51, 52.
9. *Новиков Н. И.* О раннем начале учения детей.— Там же, 1784, № 54—56.
10. *Новиков Н. И.* Об эстетическом воспитании.— Там же, 1784, № 59—61.
11. *Роткович Я. А.* О педагогических и методических взглядах Н. И. Новикова.— Сов. педагогика, 1953, № 10.
12. *Трифильев Е. П.* Николай Иванович Новиков, как педагог. Харьков, 1896.
13. *Трушин Н. А.* Общественно-педагогическая деятельность Н. И. Новикова.— Сов. педагогика, 1956, № 6.

А. А. Прокопович-Антонский

1. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в. М., 1973, с. 105—109.
2. *Прокопович-Антонский А. А.* О воспитании. М., 1818.
3. *Прокопович-Антонский А. А.* Слово о воспитании... М., 1798.
4. *Прокопович-Антонский А. А.* Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории. М., 1791.
5. *Сушков Н. В.* Антон Прокопович-Антонский.— В кн.: Московский университетский благородный пансион. М., 1848.

М. М. Снегирев

1. *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.
2. *Снегирев М. М.* Слово о пользе нравственного просвещения. М., 1797.

Х. А. Чеботарев

1. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в. М., 1973.
2. *Чеботарев Х. А.* Географическое методическое описание Российской империи. М., 1776.
3. *Чеботарев Х. А.* Слово о способах и путях, ведущих к просвещению... М., 1779.

В. В. Крестинин

1. *Иванов А. А.* В. В. Крестинин, основатель первого частного исторического общества.— Наша старина, 1916, № 11—12.
2. *Крестинин В. В.* Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей.— Новые ежемесячные сочинения, 1787, ч. XVII, ноябрь, с. 5—12; ч. XVIII, декабрь, с. 20—49.
3. *Крестинин В. В.* Об употреблении над детьми мужского пола власти родительской и власти учительской по старинному воспитанию двинского народа.— Новые ежемесячные сочинения, 1790, ч. XIX, июль, с. 27—44.
4. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в. М., 1973, с. 112—115.
5. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. XIII, т. 26. М., 1965.

А. Н. Радищев

1. *Бобровникова В. К.* Педагогические идеи А. Н. Радищева, выдающегося просветителя XVIII в. 1749—1802.— Изв. Академии педагогических наук РСФСР, 1946, вып. 5.
2. *Бобровникова В. К.* Педагогические идеи А. Н. Радищева. К 200-летию со дня рождения.— Сов. педагогика, 1949, № 8.
3. *Горбунов М. А.* Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. М., 1949.
4. *Деревцов И. А.* Педагогические идеи А. Н. Радищева. М., 1962.
5. *Макогоненко Г. П.* Александр Николаевич Радищев. М., 1952.
6. *Молчанова Г. П.* Педагогические идеи А. Н. Радищева — первого просветителя-революционера. Автореф. канд. дис. М., 1954.
7. *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч.: Т. 1—3. М.; Л., 1938—1952.
8. *Радищев А. Н.* О человеке и его способностях.— Беседующий гражданин, 1789, ч. III, сентябрь, с. 121—137.
9. *Радищев А. Н.* Рассуждение о труде и праздности.— Там же, 1789, октябрь, с. 202—211.
10. А. Н. Радищев в портретах, документах: Пособие для учителей/Под ред. Г. П. Макогоненко. М., 1961.
11. *Смирнов В. З.* Педагогические взгляды А. Н. Радищева.— Сов. педагогика, 1952, № 9.
12. *Чернышев В. И.* Педагогические взгляды А. Н. Радищева. СПб., 1907.

Ф. В. Кречетов

1. *Кречетов Ф. В.* Не всё и не ничего, 1786: Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете, 1899, кн. 1.
2. *Кречетов Ф. В.* План юридический.— В кн.: Русские просветители (От Радищева до декабристов)/Под ред. И. Я. Щипанова, т. 2. М., 1966, с. 373—414.
3. *Корольков М.* Поручик Федор Кречетов — шлиссельбургский узник XVIII столетия.— Былое, 1906, № 4.
4. *Сивков В. К., Папаригопуло С. В.* О взглядах Федора Кречетова.— Вопросы истории, 1956, № 3.
5. *Чулков Н.* Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII в.— В кн.: Литературное наследство, т. 9—10. М., 1933.

П. А. Сохацкий

1. *Сохацкий П. А.* Слово о главной цели воспитания.— Сборник речей императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1973, с. 1—20.

А. Ф. Бестужев

1. *Бестужев А. Ф.* О воспитании.— Санкт-Петербургский журнал, 1798, ч. 1, 2, 3.
2. *Бестужев А. Ф.* Учение, нравственность и правила честного человека, содержащие в себе: собрание рассуждений и разные наставления, взятые из древних и нынешних писателей. СПб., 1807.
3. *Бестужев А. Ф.* Правила воспитания относительно благородного юношества и наставления для офицеров военной службы... СПб., 1807.
4. Воспоминания братьев Бестужевых. Пг., 1917.
5. *Медынский Е. Н.* Трактат отца декабристов А. Ф. Бестужева «О воспитании» (1798).— Сов. педагогика, 1955, № 11.

Указатель имен

Содержание

Антология педагогической мысли России XVIII в.

Составитель Иван Алексеевич Соловков

Зав. редакцией
Ю. В. Василькова

Художник
Б. А. Валит

Редактор
Г. С. Громова

Художественный редактор
Е. В. Гаврилин

Технические редакторы
О. В. Журкина, Т. Е. Морозова

Корректоры
В. Е. Воронцова, В. Н. Рейбекель

НБ № 894

Сдано в набор 04.03.85. Подписано в печать 23.09.95. Формат $60\times90^1/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетн. Гарнитура таймс. Усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 35.41. Усл. кр.-отт. 60,75. Тираж 31 000 экз. Зак. № 32 Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 107847, Лефортовский пер., 8

Диапозитивы текста изготовлены полиграфкомбинатом МППО им. Я. Коласа

Минская фабрика цветной печати,
220115, Минск, ул. Корженевского, 20.

Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв.

Антология педагогической мысли Белорусской ССР

Антология педагогической мысли Узбекской ССР